ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 2 2026

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 2 2026

Главный редактор:
академик АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н., академик. РАН (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственные редакторы номера:
канд. ист. наук *С.В. Кузьминых,* канд. ист. наук *А.А. Чижевский*

Редакционная коллегия номера:

Васкул И.О., к.и.н. (Сыктывкар); **Дегтярева А.Д.**, к.и.н. (Тюмень); **Кирюшин Ю.Ф.**, д.и.н. (Барнаул); **Ковтун И.В.** д.и.н. (Кемерово); **Корякова Л.Н.**, д.и.н. (Екатеринбург); **Кузьминых С.В.**, к.и.н. (Москва); **Моргунова Н.Л.,** д.и.н. (Оренбург); **Очир-Горяева М.А.,** д.и.н. (Казань); **Смирнов Н.Ю.,** к.и.н. (Санкт-Петербург); **Усачук А.Н.,** к.и.н. (Донецк); **Черных Е.М.,** к.и.н. (Ижевск); **Чижевский А.А.,** к.и.н. (Казань); **Ю.А. Зеленеев** д.и.н. (Йошкар-Ола); **М.Ш. Галимова** к.и.н. (Казань); **Е.М. Пигарев** д.и.н. (Казань); **Г.М. Сайфутдинова** к.т.н. (Казань).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Адрес редакции, издателя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
Телефон: (843)236-55-42
Адрес учредителя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E–mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru
Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан
© Академия наук Республики Татарстан, 2026
© Журнал «Археология Евразийских степей», 2026

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 2 2026

Editor-in-Chief:
Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov,** Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin,** Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaick Samzun,** Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editors:
Candidate of Historical Sciences **Sergei V. Kuzminykh,**
Candidate of Historical Sciences **Andrei A.Chizhevsky**

Editorial board:

Vaskul Igor.O., Candidate of Historical Sciences, (Syktyvkar); **Degtyareva Anna D.,** Candidate of Historical Sciences (Tyumen); **Kiryushin Yuri F.** Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Kovtun Igor V.** Doctor of Historical Sciences (Kemerevo); **Koryakova Ludmila N.,** Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Kuzminykh Sergei V.,** Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Morgunova Nina L.,** Doctor of Historical Sciences (Orenburg); **Obydennov Michael F.,** Doctor of Historical Sciences (Ufa); **Ochir-Goryaeva Maria A.,** Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Smirnov Nikolai Yu.,** Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Usachuk Anatolii N.,** Candidate of Historical Sciences, **(**Donetsk); **Chernykh Elizaveta M**., Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Chizhevsky Andrei A.,** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Madina Sh. Galimova,** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Yurii A. Zeleneev,** Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Evgeni M. Pigarev**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Guzel M. Sayfutdinova,** Candidate of Technical Sciences (Kazan).

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Office Address:
Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People"

© Tatarstan Academy of Sciences, 2026
© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2026

СОДЕРЖАНИЕ*

История археологической науки (к 130-летию со дня рождения А.В. Шмидта)

Детлова Е.В. *(Красноярск, Россия),* **Кузьминых С.В.** *(Москва, Россия)*
Об археологии и не только: два письма А.В. Шмидта Геро фон Мергарту. 8

Медведева М.В., Застрожнова Е.Г. *(Санкт-Петербург, Россия)*
Неизвестные страницы биографии А.В. Шмидта: от МАЭ до ГАИМК 20

Яковлева В.А. *(Пермь, Россия),* **Зенков А.В.** *(Санкт-Петербург, Россия)*
А.В. Шмидт: путь из египтологии в археологию.
Пермский период работы в научной биографии (1918–1923 гг.) 31

Новикова О.В. *(Кострома, Россия)* Археологическое изучение Одоевского городища
в конце XIX – первой четверти XXI вв. 43

Древности неолита – бронзового века лесной полосы Восточной Европы

Шипилов А.В. *(Казань, Россия)* Базяковская X стоянка эпохи неолита
и палеметалла в Нижнем Прикамье 53

Сверчкова А.Э. *(Москва, Россия),* **Файзуллин А.А.** *(Оренбург, Россия)***, Хохлова О.С., Мякшина Т.Н**. *(Пущино, Россия)* Почвенно-археологические исследования
коротковременного педохроноряда курганной группы Каликино II в Южном Приуралье
(развитой этап в ямной культуры) 62

Азаров Е.С. *(Москва, Россия)* О сетчатой керамике в памятниках поздняковской культуры 76

Панина С.Н. *(Екатеринбург, Россия)* Бархатовское поселение эпохи поздней бронзы
в верховьях р. Исеть (Лесное Зауралье) 96

Голубева Е.Н., Лыганов А.В. *(Казань, Россия)*
Каменный инвентарь Курманаковской IV стоянки финала энеолита –
позднего бронзового века: морфолого-функциональный анализ 105

Газимзянов И.Р. *(Казань, Россия)***, Хохлов А.А**. *(Самара, Россия)*
Краниологические материалы Волго-Камья и Приуралья: к проблеме происхождения
и связей населения культур на рубеже эпох бронзы и раннего железа 122

Земледелие в Приуралье в раннем железном веке

Воробьева С.Л., Колонских А.Г., Курманов Р.Г. *(Уфа, Россия)*
Палинологические свидетельства наличия земледелия у населения
эпохи раннего железа Южного Предуралья 130

Орлова Е.М., Перескоков М.Л. *(Пермь, Россия)***, Баталова В.А., Шумиловских Л.С.** *(Гёттинген, Германия)*
Земледелие в Пермском Прикамье в раннем железном веке
и эпоху Великого переселения народов 147

К истории древних производств

Лопатина О.А. *(Москва, Россия)* К разработке подходов для морфологического
и трасологического анализа рогожных отпечатков на керамике
(городища Шишкинское и Ростиславль) 174

Черных Е.М. *(Ижевск, Россия)* Участки производственной деятельности
на Зуевоключевском I городище во второй половине I тыс. до н.э.
(к вопросу о функциональной планировке ананьинских городищ) 191

Чижевский А.А., Галимова М.Ш. *(Казань, Россия)* Кресальные кремни носителей
ананьинской культурно-исторической области (на примере материалов
Старшего Ахмыловского могильника) 208

---

* Материалы Всероссийской конференции «Ананьинский мир: археология бронзового и раннего железного веков Северной Евразии (к 130-летию со дня рождения А.В. Шмидта)»

Таиров А.Д., Яковлева Е.С. *(Челябинск, Россия)*, **Артемьев Д.А., Блинов И.А.** *(Миасс, Россия)* Продукты металлургии раннего железного века в пещерном комплексе С.М. Прокудина-Горского и Кроссуральские коммуникации 225

Ананьинская культурно-историческая область и памятники раннего железного века Евразии

Иванов В.А. *(Казань, Россия)* Археологическая география ананьинской культурно-исторической области (АКИО) 244

Иванов С.С. *(Бишкек, Кыргызская Республика)*, **Пиридинова М.К.** *(Бишкек, Кыргызская Республика; Казань, Россия)* Еще раз об уникальных удилах с псалиями с зооморфным декором из Чуйской долины 256

Жульников А.М. *(Петрозаводск, Россия)* Особенности изображений на керамике раннего железного века Восточной Европы 264

Зубов С.Э. *(Самара, Россия)*, **Саттаров Р.Р.** *(Казань, Россия)*, **Радюш О.Ф.** *(Москва, Россия)*, **Федорова Е.Ю.** *(Нижний Новгород)* Новый памятник скифской эпохи в Западном Поволжье 284

Иванов С.С. *(Бишкек, Кыргызская Республика)* Металлические костыльки из сакских погребальных памятников в верхнем течении реки Или (Синьцзян) 297

Иванищева М.В., Иванищева А.А. *(Вологда, Россия)* Поселение раннего железного века на Тудозере в контексте культурной ситуации на северной периферии ананьинского мира ..310

Шульга П.И. *(Новосибирск, Россия)* О сходстве и различиях погребальных комплексов каменской и прохоровской (раннесарматской) культур в IV-III вв. до н. э. 324

Яценко С.А. *(Москва, Россия)* Каменная подвеска с серией тамг с городища Зуевы Ключи I ...342

Список сокращений..... 350

Правила для авторов..... 351

CONTENT

History of archaeological science (dedicated to the 130th anniversary of the birth of A.V. Schmidt)

Detlova E.V. *(Krasnoyarsk, Russian Federation),* **Kuzminykh S.V.** *(Moscow, Russian Federation)*
On Archaeology and More: two letters by A.V. Schmidt to Gero Von Merhart. 8

Medvedeva M.V., Zastrozhnova E.G. *(Saint Petersburg, Russian Federation)*
Unknown Pages of A.V. Schmidt's Biography: from Museum of Anthropology and Ethnography to State Academy for the History of Material Culture 20

Yakovleva V.V. *(Perm, Russian Federation),* **Zenkov A.V.** *(Saint Petersburg, Russian Federation)*
A.V. Schmidt: a path from egyptology to the archaeology of the Kama Region. the Perm period of his academic biography (1918–1923) 31

Novikova O.V. *(Kostroma, Russian Federation)* Archaeological Studies at the Odoyevskoye Hillfort at the End of the XIX – the First Quarter of the XXI Centuries 43

The antiquities of the Neolithic – the Bronze Age of the forest belt of Eastern Europe

Shipilov A.V. *(Kazan, Russian Federation)* Bazyakovo X Campsite of the Neolithic and Paleometal Period in the Lower Kama Region 53

Sverchkova A.E. *(Moscow, Russian Federation),* **Fayzullin A.A.** *(Orenburg, Russian Federation)*, **Khokhlova O.S., Myakshina T.N.** *(Pushchino, Russian Federation)* Soil-Archaeological Studies of the Short - Term Pedochrone Sequence of the Kalikino II Barrow Group in the Southern Urals (advanced phase of the Yamnaya Culture) 62

Azarov E.S. *(Moscow, Russian Federation)* On Reticulated Ware in the Sites of the Pozdnyakovo Culture in the Middle Oka Region and Meschchera Lowlands 76

Panina S.N. *(Yekaterinburg, Russian Federation)* Barkhatovo Settlement of the Late Bronze Age in the Upper Reaches of the Iset River (Forest Trans-Urals) 96

Golubeva E.N., Lyganov A.V. *(Kazan, Russian Federation)*
Stone Inventory of the Kurmanakovo IV Campsite of the End of the Eneolithic – Late Bronze Age: morphological and functional analysis 105

Gazimzyanov I.R. *(Kazan, Russian Federation)*, **Khokhlov A.A.** *(Samara, Russian Federation)*
Craniological Materials from the Volga-Kama Region and the Fore-Urals on the Issue of the Genesis and Relationship of Different Culture Bearers at the Turn of the Bronze/Early Iron Ages 122

Agriculture in the Urals in the Early Iron Age

Vorobyeva S.L., Kolonskikh A.G., Kurmanov R.G. *(Ufa, Russian Federation)*
Palynological Evidence for the Presence of Agriculture Among the Early Iron Age Population in the Southern Fore-Urals 130

Orlova E.M., Pereskokov M.L. *(Perm, Russian Federation)*, **Batalova V.A., Shumilovskikh L.S.** *(Göttingen, Germany)*
Agriculture in the Perm Kama Region in the Early Iron Age and the Great Migration Period 147

Towards the history of ancient industries

Lopatina O.A. *(Moscow, Russian Federation)* To the Development of Approaches for Morphological and Use-Wear Analysis of Mat Prints on Ceramics (Shishkino and Rostislavl) 174

Chernykh E.M. *(Izhevsk, Russian Federation)* Areas of Manufacturing and Craft Activity at the Zuyevy Klyuchi I Hillfort in the Second Half of the I Millennium BC (on the issue of the functional layout of the Ananyino hillforts) 191

Chizhevsky A.A., Galimova M.Sh. *(Kazan, Russian Federation)*
Fire Striking Flints of the Ananyino Cultural and Historical Area Bearers (based on materials from the Senior Akhmyolovo burial ground) 208

Tairov A.D., Yakovleva E.S. *(Chelyabinsk, Russian Federation)*, **Artemyev D.A., Blinov I.A.** *(Miass, Russian Federation)* Early Iron Age Metallurgical Products from the S.M. Prokudin-Gorsky Cave Complex and Cross-Ural Communications 225

Ananyino cultural and historical area and monuments of the Early Iron Age of Eurasia

Ivanov V.A. *(Kazan, Russian Federation)* Archaeological Geography of the Ananyino Cultural and Historical Area (AKIO) 244

Ivanov S.S. *(Bishkek, Kyrgyz Republic)*, **Piridinova M.K.** *(Bishkek, Kyrgyz Republic; Kazan, Russian Federation)* Once Again on the Unique Bits with Zoomorphically Decorated Bit Shanks from the Chuy Valley 256

Zhul'nikov A.M. *(Petrozavodsk, Russian Federation)* Distinctive Features of Early Iron Age Ceramics Decoration in Eastern Europe 264

Zubov S.E. *(Samara, Russian Federation),* **Sattarov R.R.** *(Kazan, Russian Federation),* **Radyush O.A.** *(Moscow, Russian Federation),* **Fedorova E.Yu.** *(Nizhny Novgorod, Russian Federation)* A new Scythian period site in the Western Volga region 284

Ivanov S.S. *(Bishkek, Kyrgyz Republic)* Metal clasps (kostyl'ki) from the Saka burial sites in the upper reaches of the Ili River (Xinjiang) 297

Ivanishcheva M.V., Ivanishcheva A.A. *(Vologda, Russian Federation)* Early Iron Age Settlement at Tudozero in the Context of the Cultural Situation on the Northern Periphery of the Ananyino World 310

Shulga P.I. *(Novosibirsk, Russian Federation)* On the Similarities and Differences of Burial Complexes of the Kamenskaya and Prokhorovka (Early Sarmatian) Cultures in the IV–III Centuries BC 324

Yatsenko S.A. *(Moscow, Russian Federation)* Stone Pendant with the Series of Tamgas from Zuevy Klyuchi I Hillfort 342

List of Abbreviations 350

Instructions for Authors 351

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ (130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.В. ШМИДТА)

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.8.19

ОБ АРХЕОЛОГИИ И НЕ ТОЛЬКО: ДВА ПИСЬМА А.В. ШМИДТА ГЕРО ФОН МЕРГАРТУ[1]

© 2026 г. Е.В. Детлова, С.В. Кузьминых

В личном архиве известного западноевропейского археолога Геро фон Мергарта в Марбургском университете сохранилась его обширная переписка с русскими коллегами. Среди документов – черновик адресованного Алексею Викторовичу Шмидту письма Мергарта и два рукописных письма Шмидта на немецком языке. Первое послание датируется 19 июня 1925 г., второе отправлено двумя годами позднее, в ноябре 1927 г. В письмах затрагивается обширный круг вопросов: в первом из них диалог вращается главным образом вокруг могильника Малый Койтас в Западном Казахстане, речь идет об уточнении относящихся к памятнику находок. Внимание к этой теме со стороны Мергарта обусловлено его интересом к андроновской культуре, которая, по его мнению, занимает особое место среди культур Северной и Центральной Азии. Доминанта второго письма – выход в свет монографии Мергарта «Бронзовый век на Енисеее» (1926), отзывы о книге его российских коллег. Для обоих посланий характерно, во-первых, большое количество персоналий (упоминаются имена сотрудников Музея антропологии и этнографии (В. М. Лемешевский, Е.Ф. Карский), сибирских исследователей (Б.Э. Петри, Н.К. Ауэрбах, А.Я. Тугаринов, С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов), известных русских (А.А. Спицын, П.П. Ефименко, Г.И. Боровка и др.) и зарубежных (А.М. Тальгрен) специалистов, во-вторых, деловой тон и информативность.

Ключевые слова: археология, Геро фон Мергарт, А.В. Шмидт, российские корреспонденты, личный архив, переписка, сибирская археология, могильник Малый Койтас, «Бронзовый век на Енисее».

ON ARCHAEOLOGY AND MORE: TWO LETTERS BY A.V. SCHMIDT TO GERO VON MERHART[2]

E.V. Detlova, S.V. Kuzminykh

The personal archive of the well-known West European archaeologist Gero von Mergart, held at Marburg University, contains his voluminous correspondence with Russian colleagues. The documents include a draft letter from Mergart to Aleksey Viktorovich Schmidt, plus two of Schmidt's handwritten letters in German. The first message dates to 19 June 1925; the second was dispatched two years afterward, in November 1927. These letters address a broad array of issues: in the first, the discussion centers mainly on the Maly Koytas burial ground in western Kazakhstan, concerning the specification of finds from this monument. Mergart's focus on this subject arises from his interest in the Andronovo culture, which—in his view—occupies a distinctive position among the cultures of Northern and Central Asia. The main focus of the second letter is the release of Mergart's monograph “Bronze Age on the Yenisei” (1926), along with reviews from his Russian colleagues. Both messages are characterized, firstly, by a large number of personal names (the names of employees of the Museum of Anthropology and Ethnography (V. M. Lemeshevsky, E.F. Karsky), Siberian researchers (B.E. Petri, N.K. Auerbach, A.Ya. Tugarinov, S.A. Teploukhov, M.P. Gryaznov), famous Russians (A.A. Spitsyn, P.P. Jefimenko, G.I. Borovka, etc.) and foreign (A.M. Tallgren) specialists, secondly, businesslike tone and informativeness.Both feature, firstly, a significant number of personal names (referencing employees of the Museum of Anthropology and Ethnography—V.M. Lemeshevsky, E. F. Karsky), scientists

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 25–18–00790, https://rscf.ru/project/25–18–00790/, «Отечественная археология в системе международных научных коммуникаций между двумя мировыми войнами» в Институте археологии РАН.

[2] This study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (RSF) under project no. 25–18–00790, https://rscf.ru/project/25–18–00790/ titled “ Russian Archaeology in the System of International Scientific Communications between the Two World Wars”, at the Institute of Archaeology RAS.

from Siberia (B.E. Petri, N.K. Auerbah, A.Ya. Tugarinov, S. A. Teplukhov, M P. Gryaznov), notable Russians (A.A. Spitsyn, P.P. Efimenko, G.I. Borovka) and foreign (A.M. Tallgren) experts, and secondly, a professional tone with high informational value.

Keywords: archaeology, Gero von Mergart, A.V. Schmidt, Russian correspondents, personal archive, correspondence, Siberian archaeology, Maly Koytas burial ground, Bronze Age on the Yenisei.

Эпизод с перепиской А.В. Шмидта и Г. Мергарта сложно назвать чем-то из ряда вон выходящим или примечательным. Подобных историй и писем в жизни любого активного ученого было более чем достаточно. И наши корреспонденты не исключение: Шмидт и Мергарт находились в центре научных коммуникаций и межкультурного общения археологов разных стран. Культура эпистолярного общения в условиях отсутствия интернета, мессенджеров и электронной почты была развита столь высоко, что количество писем от разных корреспондентов могло исчисляться сотнями и тысячами. Письма не удалялись и не выбрасывались, а хранились долгие годы, и только исключительные обстоятельства (например, угроза ареста, эмиграция, природные катаклизмы) могли вынудить владельца расстаться с его кладом. Там, где обстановка была более благоприятной, личные архивы копились и сохранялись годами, достигая порой внушительных объемов. Таков, к примеру, архив одного из героев данного повествования, австрийского археолога Геро фон Мергарта. Из массива его личной переписки с зарубежными коллегами (сюда входят черновики или дубликаты его писем русским ученым в архиве Марбургского университета) за два последних десятилетия переведено на русский язык и опубликовано около 95–97% имеющегося в нашем распоряжении материала. Неопубликованными остаются несколько блоков, по 1–2 письма в каждом, например письма И.М. Мягкову, Ф.А. Фиельструпу, М.В. Новодворской, а также два письма Шмидту, речь о которых пойдет далее.

С Алексеем Викторовичем Шмидтом Мергарт вполне мог познакомиться летом 1921 года. Поезд, которым он следовал на родину, пересек огромную территорию Западной Сибири, Урала, Приуралья. Одним из городов, где он делал остановку, была Пермь. Мергарт мечтал увидеть древности местного музея и университета, осмотреть их коллекции, однако возможности такой не получил (Мергарт, 2023, с. 280). Не смог тогда познакомиться и с археологом музея и преподавателем университета, недавним выпускником Петроградского университета Алексеем Шмидтом. Только спустя четыре года ученые вступили в непродолжительный и крайне «немногословный» диалог.

Инициатором переписки выступил австрийский ученый. Письмо (дубликат или черновик) от 6 апреля 1925 г. послужило своего рода прологом к дальнейшему общению и очертило контуры содержания будущего ответа Шмидта. Первые же строки письма подтверждают то, о чем нетрудно было догадаться: обратиться к питерскому археологу, сотруднику Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого и близкому коллеге посоветовал А.М. Тальгрен, который к тому времени занял прочную нишу посредника между русскими и европейскими археологами.

Первое письмо А.В. Шмидта Г. Мергарту датируется 19 июня 1925 г. Несколькими месяцами ранее, 24 марта 1925 г., ученый был арестован и выслан из Петрограда, но благодаря хлопотам Академии наук, его родных и заступничеству супруги А.М. Горького Е.П. Пешковой был освобожден. Пробыв некоторое время в Перми (беглая фраза «*мое письмо запоздало, т. к. я несколько месяцев провел в Сибири*» подтверждает этот факт; Шмидт – Мергарту, 19.06.1925), Алексей Викторович вернулся в Ленинград, где 9 июня того же года вновь приступил к работе (Соболева, 2021, с. 23).

Письмо написано по-немецки, достаточно грамотно, хотя в преамбуле его автор, как это свойственно интеллигентному человеку, извиняется за плохое владение немецким языком. Первая (бóльшая) часть послания, в которой речь идет о записях Мергарта и указание на неточности в них, отсылает нас ко времени пребывания Геро Вальтеровича (как величали его коллеги в России) в Петрограде летом 1921 года. Здесь он прожил почти месяц и за этот довольно непродолжительный срок успел бегло ознакомиться с коллекциями

здешних музеев. В условиях жесткого цейтнота он старался зарисовать максимум археологических находок, записать информацию о них и о ключевых памятниках, откуда они происходили. Спешка порождала досадные искажения, ошибки, описки, которые вкрались в листы его «сибирского блокнота». На эти промахи ему указывает Шмидт.

Речь идет о некоторых находках из андроновского могильника Малый Койтас на притоке Иртыша, р. Кзыл-Су, близ г. Усть-Каменогорска, раскопанного в 1910 г. В.И. Каменским (Тихонов, 2014, с. 16). Пристальное внимание австрийского археолога к этому памятнику было обусловлено его интересом к андроновской культуре, которой он придавал большое значение и которую считал особым явлением в сибирской археологии. Памятники типа могильника Андроново смотрелись в то время на Среднем Енисее изолированно, они не имели очевидных параллелей непосредственно в сибирском ареале, однако аналогичная погребальная керамика была выявлена в Оренбургской и Пермской губерниях, на р. Ишим и в верховьях Иртыша, близ Усть-Каменогорска и Семипалатинска (Merhart, 1926, S. 26). Увы, в то время Мергарту не хватило информации и материалов, чтобы подтвердить свои предположения и сформулировать выводы относительно оригинальности и самостоятельности этого культурного явления в Минусинских котловинах. Тем не менее, наряду с А.Я. Тугариновым и С.А. Теплоуховым, Геро Вальтерович был в когорте пионеров изучения этой – впоследствии обширной и базовой в археологии позднего бронзового века Северной Евразии – культурно-исторической области. Его имя вошло в историю археологии современной России как первооткрывателя одной из культур АКИО – федоровской (Кузьминых, Молодин, 2025, с. 679).

Помимо уточнений относительно находок речь идет и о фотоснимках интересующих Мергарта предметов. Шмидт объясняет, как и каких условиях нужные снимки могут быть переданы для публикации (требуется разрешение директора, и с этой целью советует коллеге написать непосредственно Е.Ф. Карскому), а также указывает стоимость негативов. Плату за них советует перевести на свой ленинградский домашний адрес.

Примечателен пассаж о публикации упомянутых в письме находок для «мергартоведов». В первый момент напрашивается очевидный и естественный вывод: речь идет о продолжении работы над известным трудом Мергарта «Бронзовый век на Енисее» (Merhart, 1926). Труд уже завершен, готов к публикации, однако внесение каких-то новых правок и информации еще возможно. Но нет: указанный памятник на страницах этого труда не упоминается. Не появляется намеченная публикация и после выхода «Бронзового века» в свет – «сибирская библиография» австрийского ученого после 1926 г. ограничилась двумя статьями, в которых находки из Малого Койтаса также не фигурируют (Merhart, 1928; 1929). Ответ на этот вопрос следует искать в переписке Тальгрена и Мергарта. В 1924–1925 гг. они обсуждали идею совместной публикации на эту тему. Мергарт просил Тальгрена в связи с поездками того в Советскую Россию подробно зафиксировать и изучить в Кунсткамере погребальный инвентарь могильника Малый Койтас, чтобы уточнить, что, кроме характерной керамики, залегало в указанных захоронениях.

«*И потом Вы спрашиваете меня об андроновском сочинении. Человек, несчастный малый, ослепленный адепт галичского идола! Ведь я умолял Вас произвести в Питере розыски погребального инвентаря находок из погребального инвентаря Шайтанова (?). Ни Штернберг, ни его археолог (с диким именем, которого я не знаю) не могли сказать, какие предметы лежали вместе с андроновскими горшками. А это важнейшая находка такого рода. У меня есть ряд заметок об этой керамике, но ничего не пригодно для хронологии <…> Это должны были дать мне Питер и Тальгрен. А он этого не сделал и вопрошает невинно, как мой сынишка Ули, когда я переправлю ему сочинение. Черт побери!*[1]» (Мергарт–Тальгрену, из Цюриха, 31.12.1924). Тальгрен этого не сделал, вызвал тем самым некоторое неудовольствие будущего соавтора и, видимо, тогда и посоветовал обратиться напрямую к археологам Музея антропологии и этнографии. Несмотря на предпринятые усилия, замысел этой статьи, как и других планов Мергарта относительно дальнейшей работы над сибирскими древностями, так и остался еще одной прекрасной, но не реализованной «восточной мечтой».

Обращает на себя внимание довольно высокая концентрация имен в столь лаконич-

ном послании. Так, по ходу письма упоминаются люди, которые прямо или опосредованно были связаны с Мергартом. Среди них – Витольд Максимилианович Лемешевский, заведующий археологическим отделом, хранитель МАЭ, опытный и компетентный специалист; Евфимий Федорович Карский, директор МАЭ, без санкции которого невозможно было использование предметов или их изображений; Аарне Михаэль Тальгрен, уже упомянутый выше; Юрий Павлович Аргентовский, уральский археолог. Ремарка в письме относится, видимо, к его раскопкам близ г. Петропавловска в Северном Казахстане в 1911–1914 гг., включая материалы из погребений алакульской и федоровской культур АКИО[2]; Аркадий Яковлевич Тугаринов, директор музея Приенисейского края, под руководством которого Мергарт работал в г. Красноярске. Упомянутое «*интересное сочинение о Приенисейском крае*» – скорее всего, имеется в виду статья «Результаты археологических исследований в Приенисейском крае» (Мергарт, 1923). В 1926 г. Тугаринов переехал в Ленинград, работал в Зоологическом институте АН СССР.

Не меньше фамилий и имен перечислено в коротком, но емком и информативном постскриптуме письма. Среди них – Николай Константинович Ауэрбах, красноярский археолог, который в 1923–1925 гг. вел исследования в районе Афонтовой горы; Бернгард Эдуардович Петри, заведующий кафедрой археологии и этнографии Иркутского университета. Первый сибирский археолог, с которым Мергарт общался, еще будучи в статусе военнопленного Первой мировой войны. В 1920-х гг. ученые вели активную переписку; Петр Кузьмич Козлов, путешественник, географ, исследователь Центральной Азии, руководитель Монгольско-Тибетских экспедиций 1924–1925 гг.; Сергей Александрович Теплоухов, один из самых известных археологов-сибиреведов, создатель схемы древних культур на территории Южной Сибири, коллега и друг Мергарта. Проводил исследования в Минусинской котловине, на территории Тувы и Монголии. Поддерживал связь с Мергартом и после отъезда последнего из Сибири (Кузьминых, Детлова, 2021). Григорий Иосифович Боровка, археолог, скифолог, участник экспедиций в Северную Монголию и раскопок Ноин-улинских курганов. Работы, начатые в Монголии в 1924 г., продолженные в 1925–1926 гг., получили широкую известность в СССР и за рубежом. Публикация отчетов стала сенсацией в научном мире. Боровка, как один из руководителей экспедиции, публично презентовал результаты Монгольской экспедиции на выставках, симпозиумах, лекциях в европейских странах, прежде всего в Германии. Там в 1927 г. он лично встречался с Мергартом, который тогда занимал должность ассистента директора и заведующего археологическим отделом музея в Майнце. Их тогдашние беседы и дискуссии вращались вокруг вопросов происхождения скифского звериного стиля.

В одном абзаце уместилась практически вся информация о раскопках и памятниках на территории Северной и Центральной Азии, которые интересовали Мергарта и которые были на слуху у широкой общественности и ученых.

Следующее письмо Шмидта австрийскому коллеге последовало после довольно длительного перерыва в ноябре 1927 г. Доминанта его содержания – выход в свет главного труда Мергарта, его единственной монографии «Бронзовый век на Енисее», о которой говорилось выше. Публикация книги вызвала значительный резонанс в научных кругах Европы и России. Отзывы о ней советских археологов были в большинстве своем положительными, за исключением только мнения об этом труде «главного археолога» страны В.А. Городцова. На ура ее восприняли сибирские археологи: Петри и красноярцы, высоко оценили питерские коллеги Теплоухов, Грязнов и, в частности, автор письма («*будет полезна для моих штудий*»). Некоторые выводы, безусловно, не бесспорны и сопровождались вполне оправданной критикой некоторых положений (например, относительно хронологии могил с «*изогнутыми однолезвийными ножами (типа китайских монет)*». В целом же Шмидт реагирует в позитивном ключе: «*Но Ваше изображение Красноярской культуры, классификация сибирских и уральских топоров, Ваши мысли о зверином стиле очень важны и захватывающи. Чтение Вашей книги побудило меня к новому делению центрально-восточнорусского и сибирского бронзового века на 4 периода (вместо трех тальгреновских). Может быть, я напишу об этом сочинение*». Признавая достоинства труда, Алексей Викторович подчерки-

вает, что в СССР не появилось официальной рецензии или обзора книги, и высказывается о необходимости такой публикации. К сожалению, это намерение не осуществилось. Никто из советских археологов – исследователей южносибирских древностей II–I тыс. до н. э. (С.А. Теплоухов, Г.П. Сосновский, С.В. Киселев, М.П. Грязнов и др.) не взялся за обзор или критический разбор этого труда. Свою оценку, отношение к книге, замечания корреспонденты Мергарта высказывали в личной переписке. Единственная публичная рецензия на книгу принадлежит перу А.М. Тальгрена (Tallgren, 1927). Его обстоятельный анализ, кстати, высоко оценил Шмидт[3].

Это письмо также изобилует именами советских археологов, причем в разном контексте. Вновь упоминаются Боровка (благодарит за книгу), Тугаринов (к тому времени он окончательно покинул Красноярск и обосновался в Ленинграде, где и умер в 1948 г.), Теплоухов и Сосновский. Впервые возникают имена Павла Давидовича Рау (в связи с его изысканиями в Поволжье), а также глубоко уважаемого Мергартом Александра Андреевича Спицына (не случайно свою последнюю сибирскую публикацию 1929 г. он посвятил именно ему). Кроме того, Шмидт называет Петра Петровича Ефименко (Мергарт познакомился с ним в Москве и вел полемику относительно енисейского палеолита во время своих докладов в Московском археологическом обществе и Обществе друзей Исторического музея в 1921 г.). Речь здесь и далее (пассаж о коллекциях И.Т. Савенкова, С.Н. Замятнина и самого Шмидта) идет о возможности сделать и переслать в музей Майнца ряд слепков с палеолитических находок. Этот музей, в котором Мергарт трудился в 1927–1928 гг., славился своей коллекцией слепков артефактов со всех концов света. Не удивительно, что с приходом в штат специалиста по Южной Сибири и Центральной Азии встал вопрос о пополнении фондов из этой отдаленной части Северной Евразии. Шмидт ответно обращается с просьбой о слепках керамических изделий и подчеркивает, что «*немецкий палеолит и неолит для нас очень интересны*». Выполнены ли были обоюдные просьбы, сказать сложно, но что-то подсказывает, что это намерение не осуществилось прежде всего в силу трагических личных обстоятельств в судьбе российского археолога (арест, ссылка).

Пока было реально, Мергарт в силу своих возможностей пристально следил за новостями из мира советской археологии. В финале письма целый абзац посвящен изысканиям Михаила Петровича Грязнова, которого Шмидт представляет как ученика Теплоухова и считает его исследования в Восточном Казахстане и на Южном Урале, а также публикации заслуживающими внимания (Грязнов, 1927; 1930). Алексей Викторович, возможно, не был осведомлен о том, что в это же время Грязнов вступил в личную переписку с Мергартом и в письмах делился результатами своих работ (Детлова, Кузьминых, 2014). Тогда же было заложено зерно взаимного уважения и желания продолжать плодотворное сотрудничество. Этот импульс, к сожалению приглушенный на излете 1920-х гг., возродился в 1970–1980-е гг. и был подхвачен учениками Мергарта, которых тот всегда призывал держать глаза «*обращенными на восток*» и реализовать то, что в свое время ему не удалось.

Обращает на себя внимание деловой тон писем: без излишних формул вежливости и изъявлений симпатии, привычных вопросов о делах и здоровье, но это и понятно: Мергарта и Шмидта связывали сугубо профессиональные интересы, дружеские отношения не сложились в силу скоротечности этого эпистолярного диалога. Иных посланий – свидетельств дальнейшего общения обнаружено до поры не было. При этом важно отметить, что в своей более продолжительной и обстоятельной переписке с Тальгреном российский археолог не раз извещал финского коллегу о том, как идет его диалог с Мергартом – по поводу Малого Койтаса, выхода книги «Бронзовый век на Енисее», сравнения результатов исследований австрийского ученого и Теплоухова (выводы Сергея Александровича он считал более достоверными).

Эти письма – лишь пара небольших штрихов к научной биографии обоих ученых, мимолетный эпизод. Не исключено, что их было больше (и по упоминанию Шмидта в письме от 03.11.1927 мы можем судить о получении как минимум еще одного послания от Мергарта), однако сохранилось всего два. Удивляет и вызывает уважение «информационная емкость» и насыщенность этих писем фактами и зацепками, которые подготовили добротную почву для дальнейших исследований[4].

Примечания:

[1] В оригинале письма выражение приводится по-русски в искаженном виде: «Черт побири!»

[2] Эти материалы Аргентовским, видимо, из-за начала Первой мировой войны не были опубликованы.

[3] См. статью С.В. Кузьминых «И тем сильнее у меня желание обменяться с Вами мыслями по поводу науки»: А.В. Шмидт и А.М. Тальгрен в переписке (1922–1929 гг.)» в настоящем сборнике.

[4] В письмах сохранена целостность текста, авторские внедрения минимальны. В квадратные скобки заключены ссылки на литературу в очерке и в самом тексте писем, чтобы не перенасыщать их излишними комментариями. Сокращенные и недописанные слова также дополнены в квадратных скобках, кроме широко известных сокращений: «д-р» (доктор), «проф.» (профессор), «г-н» (господин) и др. В круглые скобки заключены все ссылки на литературу в очерке, комментариях и примечаниях к очерку и письмам.

ЧЕРНОВИК ПИСЬМА Г. МЕРГАРТА А.В. ШМИДТУ

(Рукопись, на немецком языке)

6.IV.1925

Инсбрук, Австрия, университет,
Приват-доцент д-р Геро Мергарт

Уважаемый г-н коллега!

Проф. Тальгрен позволил мне воспользоваться его рекомендацией к Вам и уверяет, что с Вашей помощью я доберусь до сведений, которые в 1921 г. безуспешно искал сам в Музее [антропологии и этнографии] Академии [наук] и не смог получить от Тальгрена во время его последней поездки [1924 г.]. Речь идет о могилах у Малого Койтаса Шайтанова[1].

В своем блокноте я отметил ряд относящихся к этому материалов, но, несмотря на все усилия, было невозможно получить точные сведения о каждом погребальном комплексе. А в моей работе для определения хронологии нужна точная опись.

Относящиеся к этому отчеты тогда не удалось найти и оказалось, что музейный реестр не может дать достаточных пояснений.

Позволю себе процитировать отдельные записи из моего блокнота и покорно прошу Вас определить, какие из них верны.

Из Койтаса я отметил номера 423-425, 439-431 как могилу № 8
413-417 как могилу № 3
446 и подвеску вида охотничьего рога (серьга) как могилу № 9

Из Шайтанова № 452–458. Но было невозможно установить, что из этого набора является единым комплексом с сосудами типа № 434. К 434 относятся, может быть, 435 и 436 (медные бусины и выпуклые конусовидные накладки). Но там еще и №№ 410, 420, 421, они также могут относиться к этому [комплексу].

Керамику, на которую нужно обратить внимание, можно было бы определить с 1726–410, 421, 438–445.

Многократно прошу Вас о коллегиальной помощи: указать, по возможности точно и достоверно, какие номера относятся соответственно как части инвентаря того или другого захоронения. Может быть, мои заметки не вполне достоверны. Тогда, пожалуйста, обратите мое внимание на ошибки.

Точно также Аргентовский открыл в Петропавловском округе очень интересные могилы, о которых у меня есть заметки. Они, вероятно, где-нибудь опубликованы?[2] Где? Можно ли приобрести работу? Через кого? Как выслать деньги?

Слишком много вопросов для одного раза, подумаете Вы. Само собой разумеется, я готов оказать Вам сейчас или позднее любую желаемую ответную услугу. Пожалуйста, располагайте мной полностью, даже если Вам удастся узнать лишь просимые мною данные, которые мне крайне нужны для моей работы и которые все четыре года я не смог получить.

Чтобы предупредить любое недопонимание, замечу еще следующее: я бы хотел иметь фотографии этих могил вместе с керамикой. Я предполагаю, что г-н директор Штернберг даст разрешение на мою переданную через Вас просьбу. Разумеется, я возместил бы все издержки. Однако принимаю во внимание, что проф. Теплоухов может иметь намерение опубликовать эти могилы. В этом случае я обязуюсь использовать фотографии лишь для собственных нужд, т.к., конечно, не могу отбирать у российского коллеги его материал, если тот в ближайшее время будет обнародован и т[аким] о[бразом] будет доступен для изучения. Но чтобы подстраховаться, не присылайте мне фотографии, лишь узнайте о просимых мной заметках о взаимосвязи могил. Мои наброски достаточны для моего суждения, но они, конечно же, не годны для публикации.

Моей целью является собственно лишь обнародование некоторых могил с Енисея, а все другое нужно лишь как вспомогательный материал для их оценки. Пожалуйста, порекомендуйте меня г-ну директору Штернбергу и господам, которые меня еще помнят.

Еще раз повторяю свою просьбу о коллегиальной помощи и о возможно более быстром рассмотрении моего ходатайства.

В совершенном почтении

М.

ПИСЬМА А.В. ШМИДТА Г. МЕРГАРТУ

(Рукопись, на немецком языке)

1.

Ленинград,
Российская Академия наук,
Музей Антропологии и Этнографии,
Ассистент 1 класса А. Шмидт

Уважаемый господин коллега!

(Прошу прощения за мой плохой немецкий язык. С отцовской стороны я немец, но моя практика в немецком языке слишком мала).

С большим удовольствием отвечаю Вам. Должен признать, что в Ваших записях есть некоторые ошибки.

Малый Койтас, могила № 8

Сюда относятся

№ 422-531 (по плите 422 – «клык волка» с отверстием

423 ----

424 – кост[яная] треугольная пластинка с отверстием

425 – резная рамка с отверстием

426–28 – раковинки типа Ostrea с отверстием[3]. Возможно (также по высказыванию г-на консерватора В.М. Лемешевского, который уже в 1910 г. работал в музее).

432-434 – 3 сосуда

Могила № 3

№ 411–418 (по плите)

№ 411 – золот[ая] пластинчатая оковка истлевшей медной пластинки

412 ----------

413 ---------- ромбовидной формы

414 золот[ая] треугольная оковка медной пластинки

415 ---- оковка медной спиральки

416 ----- (*нрзб.*)

417 – 4 медные пуговицы

418 – 8 ~~пуговиц~~ бляшек медных круглых (1,9–2,3 см в диаметре) (возможно, также по В. Лемешевскому)

419–421 – керамика

Могила № 1 (по плите)

407 серьга как 447

408 --------- Возможно (также по В. Лемешевскому)

409, 410 – керамика

Могила № 4 (по плите)

448 – серьга как 447

449 – кремень } вместе по описи

Возможно, керамика 450 (также по Лемеш[евскому]

По 435 и 436 – бусина м[едная] и бляшка медная относятся, вероятно,

7 – керамика

И все-таки я должен сказать, что сосуды, как №№ 410, 420, 421, 433, 450, относятся, быть может, к другим захоронениям (2, 5, 6, 7…), о которых мы ничего не знаем. Но нужно верить, что в последних находилась только керамика. Но определенно, что во многих случаях г-н В. Каменский выписывал инвентарную опись могил вместе.

О фотографиях я говорил с директором академиком Е.Ф. Карским, и он дал разрешение. Но все же направьте ему просьбу лично в письменной форме.

С С.А. Теплоуховым я не смог поговорить, т.к. он отбыл в Минусинск. Когда он вернется, где-то осенью, я поговорю с ним.

В.М. Лемешевский, консерватор археологического отдела, который раньше тоже хотел публиковать вещи, сказал мне, что он не имеет ничего против Вашей публикации (В. Лем[ешевский] сейчас очень болен).

Но Вы должны, по нашим правилам, написать директору о разрешении опубликовать вещи.

Стоимость фотографий:

Негатив (13×18) с 2–3 позитивами – около 2 руб. Негатив будет принадлежать Вам. Без позитива – 1 ½ рубля.

Как послать деньги? Лучше всего пошлите прямо мне, через государственный банк СССР. Адрес: Ленинград, Красная улица, д. 20, кв. 6. Можно также послать в Академию, Музей [антропологии и] этнографии, но это будет дольше.

О раскопках Аргентовского [Раскопки… 1914] я ничего не знаю. Вскоре напишу ему. Вещи не опубликованы.

Несколько месяцев назад я получил от г-на А. Тугаринова Ваше интересное сочинение о Приенисейском крае [Мергарт, 1923].

Мое письмо запоздало, т.к. я несколько месяцев провел в Сибири[4]. Прошу прощения!

В совершенном уважении А. Шмидт.

19/VI 25

В Красноярске сейчас раскапывает Ауэрбах [Археологические… 1962, с. 24], Б. Петри в Монголии (!)[5], неподалеку от Козлова[6], консерватор Эрмитажа Г. Боровка уехал в Монголию, он хотел копать севернее от Улан-Батора (=Урга), там, где С. Теплоухов и он в прошлом году сделали блестящие открытия [Там же, с. 29]. Могилы I века (примерно) после Р.Х.! С тканями, деревом, коврами!!

2.

(Рукопись, на немецком языке)

Ленинград 3/XI 27
Академия наук
Музей Антропологии и Этнографии

Уважаемый г-н коллега!

Я получил Ваше дружеское письмо. Очень благодарен за Ваше любезное послание. Ваша книга [Merhart, 1926], которую я в действительности в некоторой степени знал, будет очень полезна для моих штудий. Как Теплоухов и Сосновский, я не могу согласиться с хронологией могил с изогнутыми однолезвийными ножами (типа китайских монет). Но Ваше представление о красноярской культуре, классификация сибирских и уральских топоров-кельтов, Ваши мысли о зверином стиле очень важны и захватывающи. Чтение Вашей книги побудило меня к новому делению центрально-восточнорусского и сибирского медного и бронзового веков на 4 периода (вместо трех тальгреновских [Tallgren, 1916]). Может быть, я напишу об этом сочинение.

Г.И. Боровка получил Вашу книгу, за которую он очень благодарен и передает Вам привет.

Насколько я знаю, в России не возникло рецензирования или обсуждения Вашей ценной книги. Спицын хотел написать таковую, но позже попросил это сделать меня. Но до сих пор я не смог, к своему большому сожалению, найти времени, чтобы сделать это. Но я все же надеюсь выполнить эту просьбу в ближайшее время.

А.Я. Тугаринов сейчас зоолог Академии наук в Ленинграде.

С Ефименко я говорил о Вашей просьбе. Он передает Вам привет. Лучше всего было бы, если бы Вы написали ему о Вашем слепке ВенерыЕфименко, 1931]. Если я его правильно понял, он не имеет ничего принципиально против выполнения Вашей просьбы. Мезинские древности в Киеве (Укр[украинская] Академия Наук, Антрополог[ический] кабинет имени Ф.К. Волкова)[7].

В нашем музее из палеолитических коллекций, кроме коллекции Савенкова и поляковских Костенок, [есть] еще коллекции Роб. Шмидта (Кавказ), Замятнина (Гагарино на Тамбовщине; он раскопал одну или две (!) статуэтки Венеры; вещи еще прибыли не все, и самого его тоже пока нет)[8].

Если Римско-Германский Центральный музей желает иметь слепки первых трех коллекций, таковые можно сделать. Лучше всего было бы, если бы музей обратился официально к нашему музею. В

качестве эквивалента мы бы также хотели получить слепки; если возможно, еще несколько предметов типичной керамики (с орнаментом). Немецкий палеолит и неолит для нас очень интересны.

Вы спрашиваете о новостях? Только что появилось хорошее сочинение М. Грязнова (ученик Теплоухова) «Погребение бронзовой эпохи в Западном Казахстане» (об андроновских могилах на реке Урал, где-то между Оренбургом и Орском) [Грязнов, 1927]. Вам известны работы Рау о сарматских, хвалынских и т.д. могилах в области немецкого Поволжья [Rau, 1927]?

Грязнов на Алтае раскопал керексур с богатым золотом лошадиным захоронением на Алтае (примерно типа радловских могил) [Грязнов? 1928].

В совершенном уважении и с коллегиальным приветом А. Шмидт.

Примечания:

[1] Речь идет о раскопках В.И. Каминского в 1910 г. на участке Александра Дмитриевича Шайтанова (бывшего ссыльного) в долине Койтас Арчалинской волости близ г. Усть-Каменогорска (Тихонов, 2014, с.16).

[2] К сожалению, не опубликованы.

[3] Наименование находок приводится по-русски.

[4] Речь идет об аресте и ссылке А.В. Шмидта.

[5] Разведочные работы на оз. Хубсугул Б.Э. Петри провел в 1923 и 1924 гг. (Петри, 1926; Кичигин и др., 2024). Исследования планировалось продолжить в 1925 г., но этим планам не суждено было сбыться (Харинский, Портнягин, 2021, с. 265).

[6] Имеются в виду разведки и раскопки Монгольской экспедиции под руководством П.К. Козлова в 1925 г. (Археологические… 1962, с. 29).

[7] Речь идет о материалах стоянки верхнего палеолита Мезин в Черниговской области (Украина). Памятник известен произведениями искусства: скульптура, браслеты и пластины с орнаментом из бивня мамонта, фрагменты бивня с прорезным орнаментом, лопатки, тазовые и трубчатые кости мамонта с орнаментом, нанесенным красной охрой (Гаврилов, 2012).

[8] См. обзор палеолитических «Венер» в МАЭ (Верхний палеолит… 2016).

ЛИТЕРАТУРА

Ауэрбах Н.К. Доисторическое прошлое Приенисейского края. 1. Каменный период / Библиотека Приенисейского краеведа. №10. Красноярск: Средне-Сиб. гос. геогр. об-во, 1929. 19 с.

Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016. 384 с.

Гаврилов К.Н. Мезин // БРЭ. Т. 19. М.: БРЭ, 2012. С. 581.

Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки / Матер. Особого комитета по исслед. союз. и автоном. республик. Вып. 3. Серия казакстанская / Ред. С.И. Руденко. Л.: АН СССР, 1927. С. 179–221.

Грязнов М.П. Раскопка княжеской могилы на Алтае // Человек. 1928. № 2–4. С. 217–219.

Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры // Казаки: сборник статей антропологического отряда Казакстан. экспедиции АН СССР: Исследования 1927 г. / Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 15. Серия казакстанская / Ред. С.И. Руденко. Л.: АН СССР, 1930. С. 149–162.

Детлова Е.В., Кузьминых С.В. «Я очень интересуюсь Вашими работами»: к истории взаимоотношений М.П. Грязнова и Г. Мергарта // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2 (10). С. 112–121.

Ефименко П.П. Женские статуэтки «ориньякско-солютрейской» эпохи // СГАИМК. 1931. № 7. С. 4–5.

Кичигин Д.Э., Шергин Д.Л., Иванов Г.Л. Древности озера Хубсугул (Монголия): по материалам разведочных работ Б.Э. Петри в 1923 г. К 140-летию со дня рождения основателя иркутской школы археологии // Известия лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 8–32.

Кузьминых С.В. «Монтелиус» туркестанских степей: переписка М.П. Грязнова и А.М. Тальгрена (1926–1930 гг.) // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2 (10). С. 122–141.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В. «Ваше мнение и все замечания относительно моих соображений я приму с громадной благодарностью»: письма С.А. Теплоухова и Г. Мергарта // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб.

науч. статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова и 60-летию его труда на ниве отечественной науки / Труды ИИМК РАН. Т. LVII / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 137–162.

Кузьминых С.В., Молодин В.И. Ядро археологических культур Северной Евразии: Евразийская металлургическая провинция // История России: в 20 т. Т. 1: Древние культуры на территории современной России (до середины I тыс. н. э.). Кн. 1: Каменный век и эпоха раннего металла / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 2025. С. 592–747.

Соболева Е.С. Африка в Музее антропологии и этнографии (конец XIX в. — 1920-е годы): коллекции и сотрудники // Африканистика в МАЭ РАН: к юбилейным датам / Сборник МАЭ. Т. 68 / Отв. ред. А.Ю. Желтов. СПб.: МАЭ, 2021. С. 27–46.

Мергарт Г. *Результаты археологических исследований в Приенисейском крае (автореферат) // Известия Красноярского отдела Русского Географического общества. 1923. Т. III. Вып. 1. С. 29–36.*

Мергарт Г. Далёко: картины из сибирских будней / Сост., пер. с нем. Е.В. Детловой; комм., прим. Е.В. Детловой, С.В. Кузьминых. Красноярск: Поликор, 2023. 336 с.

Петри Б.Э. Древности озера Косогола (Монголия) // Бюллетень Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, Иркутский филиал. 1926. № 1. С. 92–100.

Раскопки Ю.П. Аргентовского в Акмолинской губ. [в 1911 г.] // Отчеты археологической комиссии за 1911 год. Пг.: Типография главного управления уделов, 1914. С. 70.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. 2. Л.: ГРМ, 1927. С. 57–112.

Тихонов И.Л. Археология в Этнографическом музее Академии наук в XIX – начале XX в. // История археологического собрания МАЭ. Верхний палеолит / Свод археологических источников в Кунсткамере. Вып. 4. / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: МАЭ, 2014. С. 5–75.

Харинский А.В., Портнягин М.А. К вопросу о расположении Тункинского могильника, исследованного Б.Э. Петрив 1920-х гг. // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: Материалы XI Международной научной конференции (8–11 сентября 2021 года, г. Абакан / Отв. ред. А.В. Поляков и др. Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 265–270.

Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: A. Schroll & Company, 1926. 189 p.

Merhart G. Sibirien, B: Neolithikum // Reallexikon der Vorgeschichte. Bd. 12 / Hrsg. von Max Ebert. Berlin: Walter de Gruyter, 1928. P. 57–70.

Merhart G. Ein Eisenschmelzofen am Jenissei // ESA. 1929. Vol. IV. P. 189–193.

Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926 / Zentralmuseum der ASSR der Wolgadeutschen. Mitteilungen. Jg. 2. Hft. 1. Pokrovsk: Nemgosisdat, 1927. 79 p.

Tallgren A.M. Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du. Helsingfors, 1916. 47 p., XVI pl.

Tallgren A.M. Рец.: Gero v. Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien: Anton Schroll, 1926. 192 p., XII Taf. // ESA. 1927. Vol. I. P. 189–192.

Информация об авторах:

Детлова Екатерина Владимировна, старший научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей (г. Красноярск, Россия); detlova2012@yandex.ru

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

REFERENCES

Auerbakh, N. K. 1929. *Doistoricheskoe proshloe Prieniseiskogo kraia. 1. Kamennyi period (Prehistoric past of the Yenisei region. 1. Stone Age).* Series: Biblioteka Prieniseiskogo kraeveda (Library of the Yenisei regional historian) 10. Krasnoyarsk: "Sredne-Sib. gos. geogr. ob-vo" Publ. (in Russian).

Khlopachev, G. A. (ed.). 2016. *Verkhnii paleolit: obrazy, simvoly, znaki. Katalog predmetov iskusstva malykh form i unikalnykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkheologicheskogo sobraniia MAE RAN (Upper Paleolithic: images, symbols, signs. A catalogue of small art objects and unique finds from the Upper*

Paleolithic archaeological collection of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS). Saint Petersburg: "Ekstraprint" Publ. (in Russian).

Gavrilov, M. P. 2012. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia*) Vol. 19. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 581 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1927. In Rudenko, S. I. (ed.). *Kazaki: antropologicheskie ocherki (The Cossacks: Anthropological Essays).* Series: Materialy Osobogo komiteta po issledovaniyu soyuznykh i avtonomnykh respublik. Ser. Kazakstanskaya (*Proceedings of the Special Committee for the Study of Union and Autonomous Republics. Series: Kazakstan*) 3. Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 179–221 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1928. In *Chelovek (Human)* 2–4, 217–219 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1930. In Rudenko, S. I. (ed.). *Kazaki: antropologicheskie ocherki (The Cossacks: Anthropological Essays).* Series: Materialy komissii ekspeditsionnykh issledovanii. Ser. Kazakstanskaya (Materials of the Expeditionary r*esearch commission. Series: Kazakstan) 15. Leningrad: the USSR Academ*y of Sciences, 149–162 (in Russian).

Detlova, E. V., Kuzminykh, S. V. 2014. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* (*Theory and Practice of Archaeological Research)* 10 (2), 112–121 (in Russian).

Efimenko, P. P. 1931. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the State Academy of the History of Material Culture*) 7, 4–5 (in Russian).

Kichigin, D. E., Shergin, D. L., Ivanov, G. L. 2024. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: (Journal of Ancient Technology Laboratory)* 20 (1), 8–32 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2014. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* (*Theory and Practice of Archaeological Research)* 10 (2), 122–141 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Detlova, E. V. 2021. In Smirnov, N. Yu. (ed.). *Tvorets kul'tury. Material'naya kul'tura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii: Sb. nauch. st., posv. 80-letiyu professora D.G. Savinova (The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography)*. Series: Trudy Instituta istorii materialnoi kultury Rossiiskoi akademii nauk (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences) Vol. LVII. St. Petersburg: IHMC RAS Publ., 137–162 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Molodin, V. I. 2025. In Makarov, N. A., Gaidukov, P. G. (eds.). *Istoriia Rossii: v 20 t. (History of Russia)* Vol. 1. Book 1. Moscow: "Nauka" Publ., 592–747 (in Russian).

Soboleva, E. S. 2021. In Zheltov, A. Yu. (ed.). *Afrikanistika v MAE RAN: k iubileinym datam (African studies at the MAE RAS: to celebrating anniversaries)*. Series: Sbornik Muzeia antropologii i etnografii RAN (Bulletin of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences) 68. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 27–46 (in Russian).

Merhart, G. 1923. In *Izvestiia Krasnoiarskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obshchestv (Bulletin of the Krasnoyarsk Branch of the Russian Geographical Society) 1 (III), 29–36 (in Russian).*

Merhart, G. 2023. *Daleko: kartiny iz sibirskikh budnei (Far away: scenes from Siberian daily life).* Krasnoyarsk: "Polikor" publ. (in Russain).

Petri, B. E. 1926. In *Byulleten' Vsesoyuznoy nauchnoy assotsiatsii vostokovedeniya Irkutskiy philial (Bulletin of the All-Union scientific association of oriental studies. Irkutsk branch)* 1, 92–100 (in Russian).

In 1914. *Otchety arkheologicheskoi komissii za 1911 god. (Archaeological Commission Reports for 1911).* Saint Petersburg: Printing House of the Main Department of Provinces (in Russian).

Teploukhov, S. A. 1927. In *Materialy po etnografii (Materials on Ethnography)* 2 (III). Leningrad, 57–112 (in Russian).

Tikhonov, I. L. 2014. In Khlopachev, G. A. (ed.). *Istoriia arkheologicheskogo sobraniia MAE. Verkhnii paleolit (History of the Museun of Archaeology and Ethnography Archaeological collection. Upper Paleolithic).* Series: Svod arkheologicheskikh istochnikov v Kunstkamere (Collection of archaeological sources in the Kunstkamera) 4. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 5–75 (in Russian).

Kharinsky, A. V, Portnyagin, M. A. 2021. In Polyakov, A. V., Kashuba, M. T., Cybiktarov, A. D. (eds.) *Drevnie kul'tury Mongolii, Yuzhnoy Sibiri i Severnogo Kitaya: Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (8–11 sentyabrya 2021 goda, g. Abakan (Ancient cultures of Mongolia, Southern Siberia and Northern China).* Abakan: Institute for the History of Material Culture RAS, 265–270 (in Russian).

Merhart, G. 1926. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: A. Schroll & Company (in German).

Merhart, G. 1928. In von Max Ebert (Hrsg.). *Reallexikon der Vorgeschichte*. Bd. 12. Berlin: Walter de Gruyter, 57–70 (in German).

Merhart, G. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua* Vol. IV, 189–193 (in German).

Rau, P. 1927. *Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926* Series: Zentralmuseum der ASSR der Wolgadeutschen. Mitteilungen. Jg. 2. Hft. 1. Pokrovsk: Nemgosisdat (in German).

Tallgren, A. M. 1916. *Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du*. Helsingfors (in German).

Tallgren, A. M. 1927. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua* Vol. I, 189–192 (in German).

About the Authors:

Detlova Ekaterina V. Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore. Dubrovinsky Str. 84, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; detlova2012@yandex.ru

Kuzminykh Sergei V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dm. Ulianova, str. 19, Moscow, 117292, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Статья поступила в журнал 27.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.20.30

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ А.В. ШМИДТА: ОТ МАЭ ДО ГАИМК[1]

© 2026 г. М.В. Медведева, Е.Г. Застрожнова

Археолог А.В. Шмидт прожил недолгую жизнь, но внес значительный вклад в изучение памятников археологии Кольского полуострова, Прикамья и Приуралья. С 1923 г. вплоть до самой смерти он работал в ведущих академических учреждениях Ленинграда (Музей антропологии и этнографии, Государственная академия истории материальной культуры); этот период его научной биографии до сих пор содержит подробности, неизвестные широкому кругу исследователей. Более детально охарактеризовать деятельность А.В. Шмидта в 1920-1930-е гг. помогли материалы Петербургских архивов. Путь молодого специалиста в науке складывался не просто: в 1925 г. его карьера едва не прервалась из-за несправедливого обвинения, ареста и высылки в Сибирь, а в 1929 г. А.В. Шмидта уволили из Академии наук в результате проверки печально известной правительственной комиссии Ю.П. Фигатнера. Ученый продолжил свои исследования в стенах Государственной академии истории материальной культуры, где его считали ценным специалистом и доверили руководство важными археологическими проектами. К сожалению, неизлечимая болезнь разрушила все планы А.В. Шмидта на будущее, в апреле 1935 г. после нескольких лет безуспешного лечения он скончался от туберкулеза горла.

Ключевые слова: археология, история науки, А.В. Шмидт, Государственная академия истории материальной культуры, Музей антропологии и этнографии, археологические экспедиции, архивные материалы, дело Серебрякова, комиссия Фигатнера.

UNKNOWN PAGES OF A.V. SCHMIDT'S BIOGRAPHY: FROM MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY TO STATE ACADEMY FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE [2]

M.V. Medvedeva, E.G. Zastrozhnova

Archaeologist A.V. Schmidt lived a short life but made a significant contribution to the study of archaeological sites in the Kola Peninsula, the Kama River region, and the Urals. From 1923 until his death, he worked at leading academic institutions in Leningrad (the Museum of Anthropology and Ethnography and the State Academy for the History of Material Culture); this period of his scholarly biography still contains details largely unknown to the broader research community. A more detailed account of A.V. Schmidt's activities in the 1920s–1930s has been made possible by materials from St. Petersburg archives. The young specialist's path into science was far from straightforward: in 1925, his career was nearly cut short by false charges, arrest, and exile to Siberia, and in 1929 he was dismissed from the Academy of Sciences following an inspection by the infamous Figatner Commission. Nevertheless, the researcher continued his work at the Academy for the History of Material Culture, where he was highly regarded and entrusted with leading major archaeological projects. Tragically, an untreatable disease destroyed his future prospects; following several years of unsuccessful medical care, he passed away from laryngeal tuberculosis in April 1935.

Keywords: archaeology, history of science, A.V. Schmidt, State Academy for the History of Material Culture, Museum of Anthropology and Ethnograpy, archaeological expeditions, archival materials, case of Serebryakov, Figatner Commission.

«26 апреля 1935 года на 41-м году жизни умер действительный член Института истории доклассового общества ГАИМК Алексей Викторович Шмидт», – такими словами начинается некролог молодого ученого, составленный директором ИИДО, известным

[1] Исследование проведено М. В. Медведевой в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № FMZF-2025–00011.

[2] The research was conducted by M.V. Medvedeva as a part of the Fundamental Scientific Research program of the State Academies of Sciences on the topic of state work No. FMZF-2025–00011.

археологом В.И. Равдоникасом (Равдоникас, 1935, с. 126). Несмотря на столь ранний уход из жизни, А.В. Шмидт (рис. 1) сумел оставить значительный след в российской археологии: он занимался раскопками на Кольском полуострове, в Приуралье и Прикамье; руководил комплексными экспедициями; впервые исследовал знаковые памятники, давшие названия целым археологическим культурам. Имя А.В. Шмидта хорошо знакомо современным археологам, однако при довольно большом интересе к его работам до сих не написана полноценная биография ученого[1], поэтому в некоторых публикациях встречаются ошибочные сведения о нем, на что обращал внимание еще А.А. Формозов (Формозов, 2006, с. 187, 209). Особенно малоизученным до последнего времени оставался ленинградский период его жизни, равно как и обстоятельства его смерти.

В 1920–1930-е гг. А.В. Шмидт работал в Музее антропологии и этнографии и в Академии истории материальной культуры – ведущих научных учреждениях Ленинграда, занимавшихся археологическими исследованиями на территории СССР. Охарактеризовать деятельность ученого более точно помогли материалы личных дел и трудовых списков Алексея Викторовича, делопроизводственная документация МАЭ и ГАИМК из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и Научного архива ИИМК РАН. Дополнительная важная информация содержится также в документах архивно-уголовных дел архива УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

А.В. Шмидт вырос в профессорской семье и получил отличное образование – сначала в гимназии, затем в Петербургском/Петроградском университете (Равдоникас, 1935, с. 126). Среди своих учителей он называл таких выдающихся антиковедов, историков искусства, востоковедов, этнографов и археологов, как Б.А. Тураев, М.И. Ростовцев, С.А. Жебелев, В.В. Струве, Б.В. Фармаковский, Л.Я. Штернберг (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 751. Л. 4). Друзья по Университету безоговорочно признавали незаурядные способности «мальчика Шмидта» – сдержанного и замкнутого, худого, высокого блондина, «сочетавшего немецкую основательность с русской широтой» (Анциферов, 1992, с. 207).

Рис. 1. Алексей Викторович Шмидт в экспедиции 1928 г. ФО НА ИИМК РАН. О.1226/15.
Fig. 1. Aleksey Viktorovich Schmidt in expedition, 1928. Photo. Manuscript division of the scientific archive of the Institute for the History of Material Culture RAS. O.1226/15.

Карьера молодого историка развивалась довольно успешно. Проработав некоторое время в Пермском университете, в августе 1923 г. он по рекомендации непременного секретаря АН С.Ф. Ольденбурга был зачислен в штат МАЭ на должность научного сотрудника I разряда Отдела Африки (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1211. Л. 5), а с 1924 г. числился уже его руководителем. В 1923 г. финансовое положение МАЭ было крайне сложным, экспедиции и командировки не проводились, отделы занимались в основном составлением карточных каталогов, регистрацией новых поступлений, пересмотром и исправлением старых списков (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1-1923. Д. 1. Л. 3). В 1924 г. А.В. Шмидт в качестве заведующего Отделом Африки вместе с научной сотрудницей Н.Г. Шпринцин и тремя студентами-волонтерами произвел на экспозиции полную «перевеску» предметов в шкафах с коллекциями по быту народа «банту», в других шкафах – частичную «перевеску» и перестановку экспонатов с целью достижения большей «наглядности выставки». Кроме

Рис. 2. Эрмитажный кружок. 1913. Нижний ряд: Ф.А. Фьельструп, Л.Е. Чикаленко, А.Э. Серебряков, Н.П. Анциферов. Второй ряд: М.А. Георгиевский, Г.Э. Петри, Е.О. Флеккель, В.В. Табунщикова, М.М. Левис, Л.Ф. Завалишина, Т.Н. Обручева. Стоят: В.П. Красовская, А.А. Гизетти, А.В. Шмидт, Е.А. Лютер, Т.С. Стахевич, А.В. Тищенко, В.Н. Николаева, А.П. Смирнов (по: Слепкова, 2013, с. 48, рис. 2)

Fig. 2. The Hermitage Club. 1913. Bottom row: F.A. Fjelstrup, L.E. Chikalenko, A.E. Serebryakov, P. Antsiferov. Second row: M.A. Georgievsky, G.E. Petri, E.O. Flekkel, V.V. Tabunshchikova, M.M. Levis, L.F. Zavalishina, T.N. Obrucheva. Standing: V.P. Krasovskaya, A.A. Gisetti, A.V. Schmidt, E.A. Luther, T.S. Stakhevich, A.V. Tishchenko, V.N. Nikolaeva, A.P. Smirnov (after Slepkova, 2013, p. 48, fig. 2)

того, они составили опись экспонатов по каждому из шкафов хранения, начали работы по подготовке к перемещению отдела в новые помещения, приняли на хранение две коллекции: модели земледельческих орудий афганцев от доктора М.Г. Вячеславова и подделки древнеегипетских древностей из Порт-Саида от А.Я. Смотрицкой и А.С. Эстрина, а также куски тканей из Абиссинии. Непосредственно сам А.В. Шмидт сдал в МАЭ археологические коллекции Прикаспия общим количеством 41 предмет. Научная работа также включала прочтение докладов по археологии Урала и Сибири в разряде доисторической археологии РАИМК и других учреждениях (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1-1924. Д. 2. Л. 5). Параллельно А.В. Шмидт совершал поездки с археолого-этнографическими целями в Коми-Пермяцкий и Пермский округа, по Уралу и в Прикамье, преимущественно на свои средства или в кооперации с местными учреждениями, а также вел преподавательскую деятельность в Педагогическом институте им. А.И. Герцена (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 751. Л. 4; Худяков, 1935, с. 130).

В 1925 г. научная работа А.В. Шмидта резко прервалась из-за ареста по делу А.Э. Серебрякова и высылки из Ленинграда. Вся эта история хорошо реконструируется по материалам архивно-уголовного дела, хранящегося в архиве УФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ по СПб и ЛО. № П-93190). Суть событий уже публиковалась применительно к судьбе Г.А. Бонч-Осмоловского (Платонова, 2002), можно добавить лишь некоторые детали. Всего по делу проходило восемь человек, главным обвиняемым был историк культуры и переводчик, сын народовольца А.Э. Серебряков (Слепкова, 2013). Подследственные дружили со студенческих лет. В 1910-е гг. их объединила идея содружества Эрмитажного кружка, главная задача которого состояла в изучении эрмитажных экспозиций с целью составления экскурсионных программ для рабочих. А.В. Шмидт был самым юным участником из них (рис. 2). Кружковцы осматривали какой-нибудь отдел Эрмитажа, намечали ряд трудных тем, после чего приглашали специалиста-профессора, который мог бы углубленно разъ-

яснить все сложности. Так, в залах Египта с ними «работал Б.А. Тураев, в южно-русских (скифских и эллинских) М.И. Ростовцев, в залах эллинских Ф.Ф. Зелинский». В итоге, один из членов кружка составлял расширенную программу экскурсии, которую принимали все вместе (Анциферов, 1992, с. 203).

Затем Первая мировая и революция разметали участников кружка в разные стороны. А.Э. Серебряков успел повоевать, демобилизовался, вернулся в Петроград в 1918 г. и поступил на службу в Эрмитаж, но во время командировки в Мурманск тайно присоединился к белому движению, к Северной армии Е.К. Миллера. В 1920 г. он попал в плен к красным, был осужден на принудительные работы; очень быстро освобожден и отправлен на командную должность в Красную армию, откуда А.Э. Серебряков сбежал в Финляндию, нелегально перейдя границу. Там он вращался в эмиграционных кругах, работал в газете, потом переводчиком. В феврале 1924 г. А.Э. Серебряков нелегально объявился в Ленинграде. Как следует из материалов следственного дела, ему обеспечила переход границы и снабдила оружием и документами английская разведка, и эти же люди должны были встретить его обратно со сведениями о жизни в России. Он посещал своих студенческих друзей на работе и дома, свою семью, рассказывал им о жизни за границей, расспрашивал их о работе, закупил некоторые справочники и книги («Весь Петербург», «Военный календарь за 1924 г.», «Тактика пехоты», «Пять лет Красной Армии», «Техника по снабжению Красной Армии», «План Ленинграда на 1924 г.»). 21 февраля 1924 г. А.Э. Серебряков отправился обратно переходить границу на лыжах, но его не встретили. Он заблудился и, будучи обнаруженным погранотрядом, довольно долго отстреливался, но все же был арестован. Началось следствие… (Архив УФСБ по СПб и ЛО. № П-93190. Л. 126–128, 131–133; Платонова, 2002, с. 122–124; Слепкова, 2012, с. 50–53).

А.В. Шмидта по этому делу вызвали на допрос в июле 1924 г. в Петроградский губернский отдел ГПУ. Там он сообщил, что А.Э. Серебряков действительно пару раз приходил к нему на работу, А.В. Шмидт показывал ему музей, они разговаривали о научной деятельности и жизни в России, и А.Э. Серебряков просил содействия в устройстве на службу в Университет (Прил. 1). А.В. Шмидта задерживать не стали и отпустили под подписку о невыезде, но допрашивающий его уполномоченный заключил, что «гр. Шмидт А.В. достаточно изобличается в недоносительстве о лице, нелегально прибывшем с заграницы и пребывавшем в гор. Ленинграде, причем Шмидт имел с указанным лицом дважды свидание и не донес об этом куда следует» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. № П-93190. Л. 110). Кроме А.В. Шмидта, с таким же результатом допрошены были брат главного обвиняемого П.Э. Серебряков, преподаватель Педагогического института Н.П. Анциферов и сотрудник Русского музея и РАИМК А.П. Смирнов. По результатам следствия Алексея Викторовича Шмидта, «30 лет, холост, сын профессора, беспартийный, с высшим образованием, научный сотрудник Академии наук, под судом и следствием не состоял», обвинили «в укрывательстве шпиона, т. е. преступлении, предусмотренном ст. 68 уголовного кодекса» (Обвинительное заключение от 30 июля 1924 г., Архив УФСБ по СПб и ЛО. № П-93190. Л. 127). Материалы еще несколько месяцев рассматривались и утверждались разными инстанциями, и только 2 января 1925 г. дело по обвинению П.Э. Серебрякова, Н.П. Анциферова, А.П. Смирнова, А.В. Шмидта по ст. 68 УК РСФСР было заслушано Особым совещанием при коллегии ОГПУ. Постановление гласило выслать всех обвиняемых в Сибирь сроком на три года «за недоносительство, укрывательство и пособничество прибывшему нелегально из-за границы со шпионскими целями А.Э. Серебрякову», хотя незадолго до этого рассматривался и более строгий вариант об их административной высылке из Ленинградской губернии как пограничной в Северо-Двинскую губернию сроком на пять лет каждого как социально вредных элементов (Архив УФСБ по СПб и ЛО. № П-93190. Л. 127). А.Э. Серебрякова приговорили к высшей мере наказания. Драматизм всей ситуации заключался в том, что еще три человека, проходившие по этому же делу и тоже общавшиеся с А.Э. Серебряковым во время его приезда в Ленинград (Г.А. Бонч-Осмоловский и Ф.А. Фиельструп, Т.С. Стахевич), никак не пострадали просто потому, что не явились по повестке на допрос вследствие своего отсутствия в Ленинграде летом 1924 г. Сначала их выделили из общего производства в розыск, а

затем они и вовсе исчезли из дела (Платонова, 2022, с. 126).

В марте 1925 г. осужденных на высылку отправили к месту отбывания наказания из Ленинграда, но благодаря многочисленным ходатайствам родных, близких и коллег дело очень быстро пересмотрели[2] и всех вернули обратно с разрешением «свободного проживания по СССР» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. № П-93190. Л. 287), главному же фигуранту расстрел заменили на 10 лет лагерей. Кроме активной помощи Е.П. Пешковой и Помполита[3], за А.В. Шмидта заступилась и Академия наук. Ходатайствовавший в 1923 г. о его приеме на работу в МАЭ непременный секретарь АН С.Ф. Ольденбург 8 апреля 1925 г. направил в Особое совещание по высылкам письмо следующего содержания: «Научный сотрудник музея Антропологии и Этнографии Российской академии наук А.В. Шмидт, по полученным Академией сведениям, высылается в Туруханский край. Принимая во внимание, что А.В. Шмидт является совершенно незаменимым работником для названного музея, в особенности в настоящее время, когда происходит переустройство Музея и в частности порученного Шмидту Отдела Африки, Российская Академия наук просит пересмотреть дело Шмидта и по возможности возвратить его к исполнению его научной работы в Музее; если бы это оказалось совершенно невозможным, то Академия ходатайствует о замене Шмидту места высылки / Туруханский край/ каким-либо культурным центром, в котором он мог бы работать по своей специальности и быть таким образом полезным государству» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. № П-93190. Л. 289).

Об отсутствии А.В. Шмидта на работе в МАЭ начали беспокоиться где-то через неделю после его ареста. 4 апреля 1925 г. в Правление АН направили сообщение: «МАЭ доводит до сведения Правления, что научный сотрудник 1 разряда Алексей Викторович Шмидт прекратил явку в музей с 24 марта с. г. Причина неявки, по дошедшим до Музея сведениям, служит его арест и высылка из Ленинграда» (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1211. Л. 10). Дело о высылке было пересмотрено 24 апреля 1925 г. постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ (Архив УФСБ по СПб и ЛО. № П-93190. Л. 287), и А.В. Шмидт мог бы вернуться обратно к своей любимой работе в МАЭ, но он не смог сразу приступить к своим обязанностям. Именно тогда он впервые сильно заболел туберкулезом – коварной болезнью, уносившей множество жизней, пока не появились эффективные лекарства. Отсутствие сотрудника на рабочем месте более чем два месяца привело к тому, что в конце мая – начале июня 1925 г. встал вопрос об увольнении А.В. Шмидта. Правление АН постановило исключить его из списков на зарплату с 1 июня и предложило МАЭ временно заместить должность, однако присланные врачебные справки о задержке из-за ухудшения здоровья способствовали отмене этого решения: «Настоящая справка выдана административно высланному Шмидту Алексею Викторовичу, 30 лет, в том, что он страдает катаром верхушки правого легкого при упадке питания и явлениях малокровия. Шмидт А.В. находится на излечении в больнице изолятора специального назначения г. Свердловска с 31 марта по 23 апреля 1925 г.» (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1211).

В итоге все закончилось хорошо, А.В. Шмидт вернулся на прежнее место работы, и вроде бы опять жизнь пошла своим чередом. В марте 1926 г. его зачислили сотрудником Отдела доисторической археологии МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1211. Л. 19), и он с еще большим рвением продолжил свои исследования. Важнейшими из них стали работы на Кольском полуострове (Шмидт, 1930; Шумкин, 2023, с. 193–196), в Башкирии и Уральской области (Худяков, 1935, с. 130–131; Шмидт, 1929). Его командируют на съезды краеведов и этнологов, в 1929 г. он даже выезжает на два месяца в Германию на празднование столетия Германского археологического института (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1211. Л. 28–43).

Вместе с переломом в истории академической науки на рубеже 1920–1930-х гг., в биографии А.В. Шмидта снова наступает сложный период. В результате проверки Академии наук печально известной правительственной комиссией Ю.П. Фигатнера, деятельность которой положила начало «Академическому делу», 8 декабря 1929 г. А.В. Шмидта уволили (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1211. Л. 44). Неподконтрольность, слишком большая независимость Академии наук и скандал на выборах в академики в 1928–1929 г. спровоцировали недовольство властей. 1 июля 1929

г. в Ленинграде начала работать правительственная комиссия во главе с членом коллегии Наркомата рабоче-крестьянской комиссии (Центральной контрольной комиссии) ВКП(б) Ю.П. Фигатнером, имевшая целью чистку государственного аппарата от «классово чуждых» элементов. Эта комиссия лишила работы многих сотрудников академических учреждений, обескровила научные институты. 15 июля 1929 г. была утверждена комиссия по «чистке Академии наук СССР». Сначала были уволены многие сотрудники Секретариата Академии наук. Далее очередь дошла до ее учреждений: комиссия Фигатнера «взялась за сотрудников БАН, Пушкинского Дома, Археографической комиссии. Всего в Академии было уволено с работы из 960 штатных сотрудников 128 человек, а из 830 сверхштатных — 520 человек» (Басаргина, 2024, с. 306).

За А.В. Шмидта снова ходатайствовали старшие коллеги, и 17 февраля 1930 г. на основании служебной записки и.о. непременного секретаря АН академика В.Л. Комарова его восстановили в должности согласно устному распоряжению председателя правительственной комиссии по проверке аппарата АН Ю.Н. Фигатнера (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1211. Л. 46). Сразу же после этого в Академию наук поступили возражения против такого указания от бдительных представителей неких общественных организаций, и 25 февраля 1930 г. оно было аннулировано до дальнейших разъяснений. В мае 1930 г. вопрос об увольнении А.В. Шмидта вновь рассмотрели в МАЭ: заслушали «отношение тов. Фигатнера об отсутствии возражений против оставления А.В. Шмидта в качестве научного сотрудника МАЭ» и постановили принять его мнение к сведению, отложив решение о представлении работы А.В. Шмидту до момента освобождения соответствующей должности в МАЭ, которого так никогда и не случилось. К счастью, его уволили без категории, и поэтому у него остались права на проживание в Ленинграде и на работу в научном учреждении по специальности в отличие от «вычищенных» по первой категории, которых согласно Инструкции наркомата рабоче-крестьянской инспекции лишали всех прав на социальные пособие, пенсию и работу (Киселева, 2008, с. 111).

Спасение А.В. Шмидт обрел в стенах Академии истории материальной культуры, которая

Рис. 3. А.В. Шмидт на раскопках Кара-Абызского городища в 1928 г. Фото А.П. Булгакова. ФО НА ИИМК РАН. О.94/34

Fig. 3. A.V. Schmidt at the excavation of the Kara-Abyz hillfort in 1928. Photo by A.P. Bulgakov. Manuscript division of the scientific archive of the Institute for the History of Material Culture RAS. O.94/34

в то время еще не входила в состав Академии наук и была самостоятельным научным учреждением. К своему заявлению он приложил подробное жизнеописание (Прил. 2). Алексей Викторович отлично знал сотрудников Академии, работал с ними в экспедициях, неоднократно делал в Академии научные доклады. В 1930 г. его приняли на должность научного сотрудника Института истории доклассового общества под руководство В.И. Равдоникаса, где А.В. Шмидт активно трудился, ездил в экспедиции, возглавляя Камскую экспедицию ГАИМК и занимаясь новостроечными обследованиями и раскопками (Шмидт, Прокошев, 1935) (рис. 3–4). Казалось, перспективного ученого ждало большое научное будущее, но неизлечимая болезнь быстро прогрессировала, и период активных экспедиционных исследований для А.В. Шмидта длился недолго. В ряде публикаций указано, что по непроверенным данным он был арестован в 1933 г. и скончался во время следствия (Анциферов, 1992, с. 509, Шумкин, 2023, с. 194). Архивные документы говорят о другом.

Рис. 4. А.В. Шмидт на раскопках Бахмутинского могильника в 1928 г. Фото А.П. Булгакова. ФО НА ИИМК РАН. О.95/27

Fig. 4. A.V. Schmidt at the excavation of the Bakhmutino burial ground in 1928. Photo by A.P. Bulgakov. Manuscript division of the scientific archive of the Institute for the History of Material Culture RAS. O.95/27

С конца 1933 г. Алексей Викторович основную часть времени проводил в туберкулезных больницах или специализированных санаториях. В личном деле исследователя содержатся многочисленные обращения администрации ГАИМК в медицинские учреждения с просьбой об оказании помощи своему работнику. В январе 1934 г. Академия ходатайствовала о внеочередном приеме старшего научного сотрудника А.В. Шмидта, тяжело заболевшего туберкулезом горла, в Туберкулезный научно-практический институт, и в том числе сообщала, что «Шмидт является одним из лучших производственников ученых, разрабатывающий актуальные проблемы, является ударником и премирован премией за высокое качество работы и за исключительную трудовую дисциплину» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 751. Л. 14). Практически весь 1934 г. А.В. Шмидт проводит в больнице для легочных больных им. Воскова и в туберкулезном санатории в Детском селе, но, видимо, уже ничего не помогало ему справиться с болезнью. 10 марта 1934 г. Академия написала в Ленинградское отделение Комитета содействия ученым о тяжелом состоянии Алексея Викторовича: «Государственная академия истории материальной культуры им. Н.Я. Марра просит оказать содействие в направлении на лечение в Научно-практический туберкулезный институт действительного члена института истории доклассового общества Академии А.В. Шмидта, страдающего туберкулезом горла. А.В. Шмидт является весьма ценным советским ученым, имеющим большой археологический научный стаж, и долголетним работником Академии <…>. Несмотря на свою тяжелую болезнь, начиная с конца 1933 г., А.В. Шмидт не оставляет и по сейчас работы в Академии, продолжая давать научную продукцию» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 751. Л. 28). 16 марта 1935 г. датируется последнее обращение в специализированную туберкулезную больницу, а 28 апреля выходит распоряжение по ГАИМК об исключении А.В. Шмидта из списка сотрудников с 26 апреля 1935 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 751. Л. 29–30).

Уже после похорон Алексея Викторовича его мать отправила председателю ГАИМК Ф.В. Кипарисову благодарственное письмо за постоянную помощь ее сыну в борьбе с болезнью и за устройство похорон (Прил. 3): «Глубокоуважаемый Федор Васильевич! Прошу принять мою глубокую благодарность за теплое и дружеское отношение к моему погибшему сыну А.В. Шмидту, за то, что Вы и ГАИМК отнеслись так благородно все время его длительной и тяжкой болезни и после смерти. Благодарю всех выступавших сотрудников за теплое и справедливое отношение

Рис. 5. Могила А.В. Шмидта на Смоленском кладбище. Фото М.В. Медведевой, 2025 г.

Fig. 5. The grave of A.V. Schmidt at the Smolensky Cemetery. Photo by M.V. Medvedeva, 2025.

к моему сыну и к его научной деятельности, он всегда с увлечением работал в новых условиях советской власти и мечтал осуществить еще много новых идей. Прошу также передать мою благодарность всем сотрудникам, проводивших сына моего в последний путь. Искренне уважающая Вас, П. Шмидт. 4.V.1935 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 751. Л. 31–31об.).

Скромный труженик науки А.В. Шмидт был похоронен на Смоленском кладбище, недалеко от часовни Ксении Петербургской (рис. 5). Коллеги высоко оценили результаты его научной работы, помнят о нем и сейчас. «Алексей Викторович Шмидт ушел от нас в полном расцвете своих творческих сил, когда он мог еще так много сделать для нашей науки!» (В.И. Равдоникас, 1935, с. 128).

Приложение 1
Выписка из протокола допроса А.В. Шмидта от 15 июля 1924 г.
Архив УФСБ по СПб и ЛО. № П-93190. Л. 101.

ПОКАЗАНИЯ ПО СУЩЕСТВУ

С какого времени Вы знаете гр-на Серебрякова Анатолия Эсперовича, как Вы с ним познакомились, какие у Вас были отношения, когда Вы видели его в последний раз и какие были между Вами разговоры?

Знаю Серебрякова Анатолия Эсперовича с 1911 или 1912 года, одним словом с Университетской скамьи. Был с ним связан знакомством по окончании Университета те. по 1916 год. Затем после окончания Университета видел его в 1917 году весной или летом, и до февраля-марта 1924 года не видел его совершенно. Как-то однажды он пришел ко мне в Академию наук в Музей Антропологии, где я [числюсь]. Меня несколько удивил его приход, стал у него расспрашивать, откуда они появился, он на это отвечал уклончиво, но у меня явились некоторые подозрения, что тут что-то неладно. Расспрашивал он у меня о научной работе, я ему рассказывал о своей работе в Академии наук и вообще о научной работе в России, чем ближе всего интересовался. Затем просил меня, не могу я оказать ему содействия на поступление в Первый Университет преподавателем английского языка. Я ему сказал, что <..снялся там с учета>, но могу снестись с Пермью по этому вопросу, чего я не сделал.

Он у меня был раза два-три в продолжение каких-нибудь часа или полутора часов каждый раз, причем я ему еще показывал Музей Антропологии. После этого я его не видел, куда он ушел, это мне неизвестно, а также не знаю, откуда он пришел и зачем.

Больше к своим показаниям добавить ничего не могу, настоящий протокол составлен с моих слов.

А. Шмидт

Приложение 2
Автобиография
РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 751. Л. 6–6об.

Жизнеописание

Родился 27/VII-1894 г. Окончил историко-филологический факультет Ленинградского университета в 1916 г. В том же году был оставлен при университете по кафедре всеобщей истории (специальность: история древнего Востока). В 1918-1919 гг. состоял ассистентом Отдела древностей Эрмитажа. С 1919 по 1923 гг. был преподавателем Пермского государственного университета, где читал лекции и вел занятия по истории первобытной культуры, доисторической археологии, доистории Камско-Уральского края и истории культуры Древнего Востока. В 1922-1923 гг. выполнил квалификационные работы при Историческом исследовательском институте при ЛГУ. Бывшие в числе них работы по доисторической археологии выполнены под руководством профессора Б.В. Фармаковского, по этнографии – под руководством Л.Я. Штернберга, по истории культуры древнего Востока – под руководством профессора В.В. Струве. С 1923 г. состою научным сотрудником I разряда Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, где заведую Отделом Африки и являюсь сотрудником Отдела доисторической археологии. Кроме того, в Академии наук принимаю участие в работах русско-финской КИПСа. С 1926 г. состою доцентом Ямфака ЛГУ (сверх штата), где читаю курс по истории материальной культуры Волго-Уральского края (при 2 часах). В 1929 г. избран доцентом Геофака ЛГУ, где читаю «Доисторическую археологию» и «Историю финно-угров-самоедов» по поручению Пермского университета и Пермского музея. Выполнил в 1921 и 1923 гг. две поездки с археолого-этнографическими

целями в Коми-пермяцкий и Пермский округ. По поручению Академии наук руководил в 1924-1928 гг. рядом экспедиционных работ по доисторической археологии в различных районах Урала и Прикамья, в Башкирии и на Кольском полуострове. Кроме того во время различных командировок изучая археологические собрания в музеях городов Свердловска, Перми, Уфы, Новосибирска, Вятки, Челябинска, Сталинграда, Златоуста, Тагила, Сарапула, Казани, Архангельска, Новороссийска, [Сам]ары и других городов, преимущественно северной полосы. По командировкам Музея антропологии и этнографии Академии наук принимал участие в работах III Уральской краеведческой конференции в Свердловск, Всесоюзной краеведческой конференции в Москве, III Палеоэтнологического совещания в Москве и в торжествах по случаю 50-летнего юбилея Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете имени В.И. Ленина. В 1929 г. избран членом Предварительного Комитета по созыву Археологического съезда.

Являюсь членом Радловского кружка при МАЭ АН, ЛОИК ФУНа, Уральского общества любителей естествознания, Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, почетным членом Общества изучения Башкирии.

В различные годы вплоть до 1928 г. выполнил ряд работ по инструктированию работников Экскурсионной базы Политпросвета. Во время экспедиции прочитал для местного населения ряд популярно-научных лекций в связи с изысканиями. В 1928 г. работал в Культкомиссии месткома АН СССР.

А.В. Шмидт

Примечания:

[1] См. о нем: Анциферов, 1992, с. 207–209, 509; Богословский, 1968; Кричевский, 1935; Равдоникас, 1935; Худяков, 1935; Шумкин, 2023, с. 193–195; Формозов, 2006, с. 208–209.

[2] Окончательная реабилитация по этому делу состоялась только в 2003–2004 гг. В заключении прокуратуры Санкт-Петербурга значится: «Постановления коллегии ОГПУ в отношении Серебрякова А.Э., Анциферова Н.П., Смирнова А.П. и Шмидта А.В. вынесены необоснованно, по политическим мотивам. Никаких объективных доказательств в укрывательстве шпиона и пособничестве ему в действиях осужденных не установлено. На Серебрякова П.Э., Анциферова Н.П., Смирнова А.П. и Шмидта А.В. распространяется действие пункта «б» статьи 3 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года». Обвинение А.Э. Серебрякова также признано несостоятельным (Архив УФСБ по СПб и Лен. обл. № П 93190. Л. 301–302).

[3] Переписка по этому вопросу сохранилась в ГА РФ (ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 82, Д. 87).

ЛИТЕРАТУРА

Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / вступительная статья, сост., прим. и аннотированный указатель имен А. И. Добкина. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. 512 с. ил.

Басаргина Е.Ю. // От академических дел до «Дела академиков» // Российская академия наук: 300 лет истории. Т. 1. Императорская академия наук – Академия наук СССР. 1724-1934 / Отв. ред. Г.Я. Красников. М.: Наука, 2024. С. 295–308.

Богословский Е.С. Материалы к изучению научной деятельности А.В. Шмидта в Пермском университете // Ученые записки ПГУ. № 191 / Труды КАЭ. Вып. 4 / Ред. Ф.С. Горовой, В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1968. С. 147–156.

Киселева Е.Л. Из истории чистки госаппарата 1929–1932 гг.: Чистка Наркомата труда СССР // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия История. 2008. № 4. С. 109–120.

Кричевский Е.Ю. Памяти А. В. Шмидта // СЭ. 1935. № 3. С. 125–127.

Платонова Н.И. К истории одного открытия в археологии // Культурное наследие Российского государства. Вып. III. Ученые, политики, журналисты, деятели церкви об историческом и культурном достоянии / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: Вести, 2002. С. 120–130.

Равдоникас В.И. Памяти А. В. Шмидта // ПИДО. 1935. № 9/10. С. 126–128.

Слепкова Н.В. Историк Зоологического музея Анатолий Эсперович Серебряков (1890–1938) // Историко-биологические исследования. 2013. Том 5. № 3. С. 43–71.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. М.: Знак, 2006. 344 с.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук. Предварительный отчет о работах 1928 г. // «Хозяйство Башкирии». 1929. Приложение к № 8–9. Отд. отт. 28 с.

Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник / Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23 / Ред. Д.А. Золотарев. Л.: АН СССР, 1930. С. 119–169.

Шмидт А.В., Прокошев А.Н. Работы на строительстве Пермской гидроэлектростанции (Средволгострой) // Археологические работы Академии на новостройках 1932–1933 гг. Вып. 1 / Известия ГАИМК. Вып. 109 / Отв. ред. И. Мещанинов. М.-Л.; Соцэкгиз, 1935. С. 166–187..

Шумкин В.Я. Погребальный обряд древнего населения арктического побережья Русской Лапландии (по данным раскопок Кольского Оленеостровского могильника) // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 192–211.

Худяков М.Г. Вклад А.В. Шмидта в археологию Прикамья и Приуралья // ПИДО. 1935. № 9/10. С. 129–143.

Архив УФСБ по СПб и ЛО. № П-93190

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 82.

ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 87.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 751

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1211

СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1-1923. Д. 1

СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1-1924. Д. 2

Информация об авторе:

Медведева Мария Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, зав. Научным архивом, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); marriyam@mail.ru

Застрожнова Евгения Григорьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, зав. Отделом обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); pankratova0484@yandex.ru

REFERENCES

Antsiferov, N. P. 1992. *Iz dum o bylom: Vospominaniia (From thoughts about the past: Memories).* Moscow: “ Feniks” Publ.; “Kulturnaia initsiativa” Publ. (in Russian).

Basargina, E. Yu. 2024. In Krasnikov, G. Ya. (ed.). *Rossiiskaia akademiia nauk: 300 let istorii (Russian Academy of Sciences: 300 years of history)* Vol. 1. Moscow: “Nauka” Publ., 295–308 (in Russian).

Bogoslovskiy, E. S. 1968. In Gorovoi, F. A., Oborin, V. A. (eds.). *Trudy Kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological Expedition)* 4. Series: *Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 191. Perm: Perm State University, 145–161 (in Russian).

Kiseleva, E. L. 2008. In *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Seriia Istoriia (Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. History Series)* (4), 109–120 (in Russian).

Krichevskiy, E. Yu. 1935. *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 125–127 (in Russian).

Platonova, N. I. 2002. In Kirpichnikov, A. N. (ed.). *Kulturnoe nasledie Rossiiskogo gosudarstva (Cultural heritage of the Russian state)* III. Saint Petersburg: “Vesti” Publ., 120–130 (in Russian).

Ravdonikas, V. I. 1935. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv (Issues of Pre-Capitalist Societies History)* (9/10), 126–128 (in Russian).

Slepkova N.V. 2013. In *Istoriko-biologicheskie issledovaniia (Historical and biological research)* 3 (5), 43–71 (in Russian).

Formozov A.A. 2006. *Russkie arkheologi v period totalitarizma: (Russian Archaeologists in the Totalitarianism Period)*. Moscow: “Znak” Publ. (in Russian).

Shmidt, A. V. 1929. In *Khoziaistvo Bashkirii (Economy of Bashkiria)* Appendix to No. 8–9. Separate edition. 28 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1930. In Zolotarev, D. A. (ed.). *Kol'skiy sbornik (The Kola collection of papers)*. Series: Materialy komissii ekspeditsionnykh issledovaniy (Materials of the expeditionary research commission) 23. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 119–169 (in Russian).

Shmidt, A. V., Prokoshev, A. N. 1935. In Meshchaninov, I. (ed.). *Arkheologicheskie raboty Akademii na novostroikakh 1932–1933 gg. (Archaeological Activities of the Academy at New Construction sites in 1932-1933)* 1. Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) 109. Moscow; Leningrad: "Sotsekgiz" Publ., 166–187 (in Russian).

Shumkin, V. Ya. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 192–211(in Russian).

Khudyakov, M. G. 1935. In *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv (Issues of Pre-Capitalist Societies History)* (9−10), 129–143 (in Russian).

Arkhiv Upravleniia FSB Sankt-Peterburga i Leningradskoi oblasti (Archive of the Federal Security Service for St. Petersburg and Leningrad Region) № P-93190

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (State archive of Russian Federation). F. 8409. Inv. 1. Dossier 82.

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (State archive of Russian Federation). F. 8409. Inv. 1. Dossier. 87.

Rukopisnyi otdel Nauchnogo arkhiva Instituta istorii materialnoi kultury RAN (Manuscript division of the scientific archive of the Institute for the history of material culture RAS). F. 2. Inv. 3, dossier 751 (in Russian).

Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN (St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences). F. 4. Inv. 4. Dossier 1211

Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN (St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences). F. 142. Inv. 1-1923. Dossier 1

Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN (St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences). F. 142. Inv. 1-1924. Dossier 2

About the Authors:

Medvedeva Maria V. Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, St.-Petersburg, 191186, Russian Federation; marriyam@mail.ru

Zastrozhnova Evgeniya G. Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Kievskaya str., 5, Saint Petersburg, 196084, Russian Federation; pankratova0484@yandex.ru

Статья поступила в журнал 24.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.31.42

А.В. ШМИДТ: ПУТЬ ИЗ ЕГИПТОЛОГИИ В АРХЕОЛОГИЮ ПРИКАМЬЯ. ПЕРМСКИЙ ПЕРИОД РАБОТЫ В НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ (1918–1923 ГГ.)

© 2026 г. В.В. Яковлева, А.В. Зенков

На основе документов личного происхождения, многие из которых публикуются впервые (включая уникальные письма А.В. Шмидта к Б.А. Тураеву), и документов делопроизводства Пермского университета и Государственного Эрмитажа (служебные записки, телеграммы, отчеты о деятельности и пр.) при помощи биографического метода реконструируются основные этапы трансформации научных интересов и занятий выдающегося советского археолога А.В. Шмидта. Акцент сделан на переходе от занятий А.В. Шмидтом египтологическими исследованиями к изучению археологии Прикамья. Значительное внимание уделяется также его работе в Музее древностей Пермского университета и его вкладу в формирование научных коллекций данного музея. Делается вывод о влиянии среды Пермского университета и обстоятельств сложного исторического периода на смену научных интересов А.В. Шмидта.

Ключевые слова: археология Прикамья, российская египтология, история археологии, А.В. Шмидт, Б.А. Тураев, Пермский университет, музей древностей, биографический метод, трансформация научных интересов.

A.V. SCHMIDT: A PATH FROM EGYPTOLOGY TO THE ARCHAEOLOGY OF THE KAMA REGION. THE PERM PERIOD OF HIS ACADEMIC BIOGRAPHY (1918–1923)

V.V. Yakovleva, A.V. Zenkov

This study employs a biographical approach to reconstruct the scholary interests and academic career of the eminent Soviet archaeologist A.V. Schmidt. Drawing on a broad corpus of personal documents – including unique correspondence with B.A. Turaev, much of which is published here for the first time –alongside official administrative records from Perm University and the State Hermitage Museum, the paper traces the pivotal stages in the transformation of Schmidt's academic career. Particular emphasis is placed on his transition from Egyptological research to the archaeology of the Kama region. The study also examines his work at the Museum of Antiquities of Perm University and his role in developing its collections. The study concludes that both the intellectual environment of Perm University and the circumstances of a severe historical period played a decisive role in the evolution of A.V. Schmidt's academic interests.

Keywords: archaeology of the Kama region, Russian Egyptology, history of archaeology, A.V. Schmidt, B.A. Turaev, Perm University, Museum of Antiquities, biographical method, transformation of research interests.

В начале 1918 года молодой египтолог Алексей Викторович Шмидт приступает к описанию коллекций Музея древностей Пермского университета. Спустя почти 50 лет Е.С. Богословский – в будущем прославленный советский египтолог, а пока только выпускник истфака Пермского университета – отметит, что во многом благодаря А.В. Шмидту «Урал превратился в одну из наиболее изученных в археологическом отношении областей Советского Союза» (Богословский, 1968).

Каким же образом из юного египтолога Алексей Викторович Шмидт превратился в одного из ключевых советских археологов, чье научное наследие до сих пор является основой для новых открытий и научных дискуссий? Попытка дать ответ на этот вопрос и станет основной задачей нашей статьи.

Хронологические рамки представляемого исследования охватывают период с 1918 по 1923 годы, когда жизнь и научная деятельность А.В. Шмидта была тесно связана с Пермским университетом. Именно в этот период от занятий египтологией он переходит к археологическим исследованиям древних культур Прикамского региона. Этот пери-

од становится этапом его формирования как самостоятельного ученого, преподавателя и зрелой личности.

В качестве методологии нами был выбран биографический метод в том виде, который он получил в работе У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (Thomas W., Znaniecki F., 1918–1920). В этом классическом социологическом труде исследовались стратегии адаптации семей польских крестьян после переселения в Северную Америку. Авторы опирались на источники личного происхождения (письма, глубинные интервью и т. п.) и на их основе описали и проанализировали различные стратегии адаптации к новым ситуациям, открыли значение мотивационных и поведенческих реакций на среду в процессе индивидуального приспособления к новому (подробнее о биографическом методе см. Рождественская, 2023; Рождественская, 2012). Сейчас этот метод активно используется не только в социологии, но и в широком спектре гуманитарных исследований.

Мы в своей работе несколько трансформировали применение этого метода, в первую очередь в области используемых источников. Анализ документов личного происхождения мы дополняем анализом делопроизводственных документов. К первому типу источников, которыми мы располагаем, относятся: письма А.В. Шмидта к Б.А. Тураеву из Перми, хранящиеся в Архиве Государственного Эрмитажа, несколько вариантов Curriculum Vitae разных периодов, которые хранятся в Государственном архиве Пермского края и Архиве Эрмитажа, различные служебные записки и прошения А.В. Шмидта. Второй тип – это документы делооборота Пермского университета и Государственного Эрмитажа за период 1918–1923 гг.

На основании этих источников мы попытаемся реконструировать биографию исследователя: поймем, какие мотивы лежали в принятии им тех или иных решений, как внешние обстоятельства и внутренние переживания повлияли на его научные исследования. В конечном итоге перед нами стоит задача проследить хронологию перехода Алексеем Викторовичем Шмидтом от занятий египтологией к занятиям археологией Прикамья.

А.В. Шмидт родился 27 июля 1894 года в Юрьеве в семье университетского преподавателя Виктора Карловича Шмидта. В 1899 году Виктор Карлович становится приват-доцентом кафедры гистологии Санкт-Петербургского университета, и семья переезжает. Гимназическое образование Алексей Викторович получает в 1902–1911 гг. в частной гимназии Видемана, где учились в основном немцы-лютеране. В 1911 году он поступает на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета, где обучается Древней истории у профессоров Б.А. Тураева (основателя отечественной научной школы о Древнем Востоке) и М.И. Ростовцева (одного из крупнейших антиковедов рубежа XIX–XX вв.) (См., напр., ГАПК. Ф. Р-180, Оп. 2. Д. 404. Л. 1). В этот период А.В. Шмидта больше всего интересует история Древнего Египта позднего периода (I тыс. до н. э.): свою дипломную работу он посвятил поздним дарственным стелам (АГЭ. Ф. 1, Оп. 13. Д. 953. Л. 2).

1916 год становится поворотным в жизни семьи Шмидтов. В этот год Алексей Викторович заканчивает курс обучения в университете и остается при кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию (ГАПК. Ф. Р-180 Оп. 2. Д. 404. Л. 5). Виктора Карловича Шмидта приглашают в только что открытое Пермское отделение Петроградского университета преподавать анатомию, где он останется до конца своей жизни, сделав весьма успешную карьеру (в частности, в 1923–1924 годах он был ректором университета).

Вероятно, переезд семьи привел А.В. Шмидта в Пермь. Точных данных и деталей его переезда в документах не сохранилось, но известно, что в Перми он находится с осени 1917 года, а до этого «зиму и весну 1917 года провел на северном фронте, где работал в учреждениях Всероссийского Союза Городов, вследствие чего подготовку к магистерским экзаменам мог начать только летом 1917 года» (АГЭ. Ф. 1 Оп. 13. Д. 953. Л. 2).

Опыт первых месяцев жизни в постреволюционной Перми нашел свое отражение в письмах Б.А. Тураеву, отправленных Шмидтом 20 декабря 1917 года (АГЭ. Ф. 10, Оп. 1. Д. 362. Л. 8–9): «У нас здесь в Перми относительный покой. После ноябрьского погрома эксцессов почти не было. Правда власть в городе номинально в руках Совета рабочих и солдатских депутатов, но на самом деле выра-

жается она лишь в обысках: местная красная гвардия разоружает «буржуев» и разыскивает у них вино. Попыток захватить какие-либо учреждения пока не было; ленинские декреты в жизнь не проводятся, что объясняется безлюдьем и отсутствием энергии среди здешних большевиков. Известия о событиях в стране доходят с большим опозданием и волнуют гораздо меньше, чем в Петрограде».

Описывает А.В. Шмидт и вновь образованный Пермский университет, в котором постепенно складывается привычная ему академическая среда: «Вследствие всего этого, в университете продолжаются интенсивная текущая работа. Много студентов: часто они очень старательно работают. Профессура устраивает свои институты. Наряду с этим учреждаются научные общества <...>».

Однако общее настроение момента и переживаемые Шмидтом эмоции скорее можно назвать подавленными и растерянными. Письмо, написанное Б.А. Тураеву весной-летом 1918 года (АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 362. Л. 14–15), свидетельствует об этом: «Как пойдут занятия в текущем году, ничего нельзя сказать».

Это письмо может также служить косвенным свидетельством еще одной причины, по которой Шмидт покинул бывшую столицу империи, – послереволюционный хаос, который в провинции во многом ощущался гораздо меньше и проживался легче: «Жизнь наша здесь в продовольственном отношении не в пример слаще Вашей, если судить о ней по тем ужасам, которые здесь рассказываются».

Еще во время обучения в университете Алексей Викторович проявлял интерес к различным видам музейной и библиотечной деятельности: «...Принимал участие в руководстве экскурсий рабочих и учащихся по собраниям древностей Эрмитажа» (АГЭ. Ф. 1 Оп. 13. Д. 953. Л. 1 об.). Речь идет о знаменитом «Кружке Гизетти» (см., например: Анциферов, 1992, с. 202). Кроме того, во время учебы он в течение двух лет был «библиотекарем Кабинета для чтения» при историко-филологическом факультете (АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 953. Л. 1 об.).

Опыт музейной работы, энциклопедические познания «вундеркинда Шмидта» (Анциферов, 1992, с. 207) в том числе стали основанием для привлечения его к работе в Музее древностей при Пермском университете.

Полноценно к работе в Музее древностей в качестве хранителя Алексей Викторович приступает в феврале 1918 года, однако официально в штат в этот период он не принят, так как в музее еще нет для этого ставки. 21 августа 1918 года Б.Л. Богаевский в письме к ректору обосновывает необходимость выделения ставки хранителя для Шмидта: «В феврале 1918 года с целью усилить работу по организации музея древностей я обратился к Алексею Викторовичу Шмидту с предложением взять на себя труд по приведению в порядок нумизматического музея, подготовить к печати каталог русских монет и составить карточный каталог фотографий и диапозитивов с памятников искусства… Означенная работа требует обширных специальных знаний, и она может быть доверена лишь лицу, знакомому с нумизматикой, историей и историей искусств. Таким лицом и является А.В. Шмидт, оставленный при Петроградском университете для подготовки к профессорскому званию» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 68. Л. 26).

В письме Б.А. Тураеву от 2 апреля 1918 года А.В. Шмидт так описывает свою работу в музее в первые месяцы: «Попутно занимаюсь приведением в порядок монетной коллекции Университета. Разбором и каталогизации довольно большой коллекции фотографий Музея Древностей того же Университета (<...> некий Кропачев[1] пожертвовал большую библиотеку по истории религии и соседним дисциплинам, есть труды и по Востоку) <...>» (АГЭ. Ф. 10, Оп. 1. Д. 362. Л. 12 об. – 13). Это письмо А.В. Шмидта интересно в первую очередь как свидетельство времени. Его меткая оценка мотивов первых дарителей интересна не столько как характеристика биографии, сколько как страница в истории Пермского университета.

Если нумизматическая коллекция, разбором которой и начал заниматься Шмидт, насчитывала более 1000 предметов, то остальное собрание подлинных древностей едва превышало сотню предметов (Инвентарная книга…). В том же письме Шмидт с энтузиазмом описывает небольшую коллекцию египетских древностей, подаренную уже упомянутым А.П. Кропачевым: «Между прочим, помимо ряда фотографии из Египта продолживших сделанные Вами пожертвования, Музей Древностей получил обломок

египетской стелы с женской головой из хорошего известняка. <...> Кроме того подарено несколько маленьких бронз (Осирис, Гор) и фальшивые ушебти» (АГЭ. Ф. 10, Оп. 1, Д. 362. Л. 13).

Работая в музее древностей, А.В. Шмидт продолжает заниматься и своей научной работой, которая по-прежнему связана с древней историей. В этот период он много работает над переводами подлинных древних текстов, а также читает комментарии ученых к ним. 20 декабря 1917 года он пишет: «Сейчас читаю Видемана (II к. Геродота)[2] и ужасаюсь: книга совершенно устарела! Одновременно читаю IV т. Urkunden[3]».

В письме от 2 апреля 1918 года Шмидт пишет: «В настоящее время читаю Диодора для проф. Жебелева. Одновременно работаю над вавилонской религией, читаю Эд. Майера. И собираюсь приняться за Ястрова (Jastrow, 1898). Затем пересматриваю грамматику Эрмана[4] и понемногу читаю Рехмара[5]. Здешний университет выписал для меня из академии наук Шпигельберга Rechtswesen (Spiegelberg, 1892), Надпись Меса в Untersuchungen (Gardiner, 1905) и по кат. другие издания, но пока я еще ничего не получил».

В данном письме содержится важное указание на то, как были организованы занятия «оставленного для подготовки к профессорскому званию» А.В. Шмидта. Вероятно, он получал задания от профессоров: например, по заданию профессора Жебелева Шмидт читал Диодора Сицилийского[6].

Завершая анализ писем А.В. Шмидта к Б.А. Тураеву, хотелось бы остановится на еще одном сюжете. Эти письма предоставляют новые сведения по истории комплектования коллекции Музея древностей. Основная часть египетской коллекции данного музея – это бывшее собрание генерал-майора А.А. Пальникова. До обнаружения писем Шмидта Тураеву было совершенно не ясно, кто был инициатором попадания данной коллекции в Пермь.

В письме от 18 мая 1918 года Алексей Викторович пишет Б.А. Тураеву:

«По поручению Бориса Леонидовича Богаевского спешу передать Вам его глубокую благодарность за Ваше столь ценное и столь любезное указание. Если приобретение коллекции осуществится, – мне кажется, в этом не может быть сомнения, – то удастся заложить прочный фундамент будущему египетскому отделу Пермского университетского Музея Древностей. Б.Л. пришёл в большую радость…» (АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 362. Л. 10–10 об.).

На основании переписки с Б.А. Тураевым периода 1917–1918 годов мы можем точно констатировать тот факт, что научные интересы А.В. Шмидта лежат в сфере египтологии. Он максимально старается сохранить связь со своим университетом и преподавателями: в двух из четырех писем он справляется о своих коллегах – В.В. Ершове, В.В. Струве, А.Л. Коциевском и В.К. Шилейко (АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 362. Л. 10; АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 362. Л. 14). Он сохраняет отстраненность от происходящего вокруг него и старается укрыться за привычными занятиями и исследованиями.

Однако пермские древности постепенно начинают входить в сферу его научных интересов, пусть пока только как новые поступления музея. В мае 1918 года в Пермский университет по распоряжению Отдела просвещения окружного Совдепа поступает коллекция чудских древностей «гражданина Заликмана, <…> каковую коллекцию просим обследовать и составить соответствующее пояснение для общенародного и научного пользования» (ГАПК. Ф. Р-180, Оп. 1. Д. 229. Л. 26). Осенью 1918 года, когда исполнительный комитет по какой-то причине потребовал передать коллекцию в Областной музей, Б.Л. Богаевский пишет следующее: «После принятия по описи предметов чудских древностей <...> от гр. М.Н. Зеликмана <...> часть ее была выставлена для обозрения в витринах музея <...>. В каникулярное время коллекция находилась в витринах и в определенные дни бывали и. о. хранителя музея Алексей Викторович Шмидт <...>» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 229. Л. 62). Мы не можем с точностью утверждать, что А.В. Шмидт детально занимался изучением этой коллекции, но совершенно очевидно, что его знакомство с артефактами Пермского звериного стиля начинается с 1918 года.

Осенью 1918 года в жизни А.В. Шмидта происходит новый виток. Спустя совсем непродолжительное время после его назначения на должность хранителя Музея древностей Пермский университет отправляет его в командировку в Петроград с целым списком задач. Эта командировка стала своеобразным «кредитом доверия» для молодого сотрудника. Во-первых, поручения требовали задейство-

вания большого количества связей в академических и музейных кругах Петрограда, а значит, в Перми знали и признавали, что они у Шмидта есть. Во-вторых, суммы, которыми он мог распоряжаться, говорят о том, что его честность и благонадежность также ни у кого не вызывали сомнения.

Первое отношение на имя ректора с просьбой командировать А.В. Шмидта в Петроград было написано директором музея Б.Л. Богаевским 16 октября 1918 года (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 68. Л. 34), спустя месяц после официального избрания Шмидта на должность хранителя[7]. В «Списке поручений командируемому и. об. хранителя А.В. Шмидту» от 16 октября 1918 года указано: «По собранию древностей и памятников искусства: «прием и отправка в Пермь уже приобретенных предметов», переговоры с музеями Петрограда о предоставлении подлинных предметов и слепков. А также «приобретение предметов для планомерного пополнения собрания древностей и памятников искусств Музея Древностей». Отдельно обозначены поручения по библиотеке музея (ГАПК. Р-180, Оп. 1. Д. 68. Л. 35–36 об.).

В ноябре 1918 года выделяется финансирование для командировки Шмидта в 12 000 рублей[8]. В Петроград он, вероятнее всего, прибывает в самом конце ноября – начале декабря 1918 года[9]. 1 декабря он пишет ходатайство в Совет Эрмитажа, где просит выделить Пермскому университету слепки с Эрмитажных предметов (АГЭ. Ф. 1, Оп. 5. Д. 113. Л. 31–32), а также сделать оттиски печатей из собрания отдела древностей. 5 декабря он посылает телеграмму в Пермь с сообщением о приобретении собрания книг А.А. Веселовского (ГАПК. Р-180. Оп. 1. Д. 68. Л. 49).

Но самым главным достижением Алексея Викторовича можно назвать покупку коллекции антиквара Аарона Фроловича Эльтермана (подробнее о нем и его коллекции: Малые коллекции античных..., 2019, с. 283–289 и 353–437). Изначально Эльтерман планировал продать коллекцию Эрмитажу, однако Совет Эрмитажа решил купить только «предметы, представляющие для Эрмитажа интерес», а остальные предложить провинциальному музею, «например, Пермского университета» (Малые коллекции античных..., 2019; АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1918 г. Д. 3. Л. 90 об.). В обсуждении этого вопроса участвовал заведующий отделом Древностей Эрмитажа О.Ф. Вальдгауер, он и порекомендовал Шмидту приобрести собрание Эльтермана, а Государственный Эрмитаж предоставил ящики и упаковочный материал для упаковки коллекции (ГАПК. Р-180. Оп. 1. Д. 66. Л. 7).

Изначально предполагалось, что «командировка продлится 3–4 недели» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 68. Л. 34), однако в Пермь А.В. Шмидт вернется только в октябре 1919 года, так как по официальным документам «не имел возможности возвратиться к месту службы, вследствие занятия города Перми белыми… прибыл в город Пермь лишь после обратного занятия его красными войсками 3 октября 1919 года» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 17). Именно такую причину своего почти годового отсутствия в Перми Шмидт и будет впоследствии указывать. Будучи в Петрограде в январе 1919 года, Алексей Викторович поступает на работу в Эрмитаж в должности «ассистента по отделению» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 110. Л. 15). Он занимается учетом предметов египетской коллекции, готовит описание бронзовых статуэток богов (Флиттнер, 1922), начинает подготовку к описанию египетских саркофагов (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 110. Л. 10) и водит экскурсии по экспозициям Древнего Востока (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 110. Л. 18 об.). В это же время он готовит и представляет в совещании Отдела древностей доклад «К вопросу о ляпис лазули в Древнем Египте» в июне 1919 года (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 113. Л. 51).

7 ноября 1919 года он пишет ходатайство на имя О.Ф. Вальдгауера с просьбой не увольнять его, а оставить в штате без содержания: «для того, чтобы по миновании тяжелых обстоятельств я мог вернуться в Эрмитаж, так как он является единственным местом в России, где я могу в полной мере посвятить себя работе в своей области» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 953. Л. 8 об.). В этом же ходатайстве он обосновывает причину отъезда «тяжелыми условиями петроградской жизни».

В Петроград А.В. Шмидт будет приезжать неоднократно. Он находился в Петрограде с июня (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 36) по декабрь 1922 года (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 44), готовясь к магистерским испытаниям. Но если в 1919 году свое научное будущее он связывает с египтологией, рассматривая вынужденный отъезд в Пермь

как временную меру, то 1920-е распорядятся по-другому. С вольного или невольного возвращения в Пермь начинается активное становление А.В. Шмидта как археолога – специалиста по древним культурам Урала.

Здесь необходимо несколько слов сказать о задачах, которые стояли перед Пермским университетом в целом. Он создавался прежде всего как центр научного изучения Уральского региона. Задачей специалистов из Петрограда было оказать максимальное содействие в этом. Перед Музеем древностей стояли схожие задачи. В смете на закупку оборудования 1918 года мы можем найти подтверждение этого факта. «Организация музея древностей имеет целью дать: <…> преподавателям научный фонд, благодаря которому оказывалось бы возможным освещение вопросов, связанных с местным краем…» Этот же документ анонсирует и планы относительно способов изучения местного края: «необходимо <…> приобретать наиболее важные предметы для показательных коллекций и приступить к оборудованию фотографический комнаты, важной при предполагаемых раскопках» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 6 Л. 82–82 об.). Работая в музее, А.В. Шмидт не мог не выполнять эти задачи, связанные с местными исследованиями.

Еще летом 1918 года Шмидт командируется в Чердынь и Соликамск Пермской губернии (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 68. Л. 21). Именно север края представлял в тот период наибольший интерес исследователей всех научных специализаций, в университете в 1917–1927 гг. существовал «Кружок по изучению Северного края», занимавшийся комплексными исследованиями, в том числе этнографическими.

После возвращения из Петрограда в 1919 году А.В. Шмидт приступает к своим обязанностям хранителя музея и становится преподавателем историко-филологического факультета (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 68. Л. 59).

В 1921 году ему было поручено преподавание курса первобытной культуры, в связи с чем он пишет ходатайство в Правление университета с просьбой командировать его в Усольский уезд сроком на один месяц: «Факультет общественных наук поручил мне чтение в ближайшем семестре курса по первобытной культуре, в котором я считаю необходимым возможно шире коснуться доисторических культур Прикамского края. Для этой цели мне важно непосредственно на месте познакомиться с остатками доисторических культур в виде могильников, городищ, <...> а также с пережитками первобытной культуры <…> в быте современного населения, особенно инородцев края» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 33).

Этот документ – одно из важнейших свидетельств постепенного «переключения» научного интереса Алексея Викторовича. Он же свидетельствует и об уровне ответственности при подготовке к преподаванию нового для него учебного курса. Вероятно, живой ум и стремление качественно выполнять свою работу не позволили ему не включиться в изучение того, что было в данный момент доступно. Этим же летом 1921 года он организует студенческую экскурсию для 20 человек на Гляденовское городище, в связи с чем просит Речвод предоставить им бесплатный проезд на пароходе (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 232. Л. 36).

В первом триместре 1922/23 учебного года впервые в Пермском университете он начал преподавание археологии и музееведения. Также ему поручили вести курс «История Древнего Востока» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 126. Л. 4 об.).

В 1923 году предметы, преподаваемые А.В. Шмидтом, стали еще разнообразнее. Ему поручили курсы: «История Приуралья», «Первобытная культура», «История западноевропейской культуры 19–20 вв.», «Археология», «История древней культуры», «Восток» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 126. Л. 50–50 об.). Правда, покинув Пермь, Шмидт не выполнил часть этой учебной нагрузки.

Исследовательские командировки по Прикамью 1918 и 1921 гг. были далеко не единственными выездами с научными целями. В июле 1920 года А.В. Шмидт был командирован «для осмотра и изучения древностей Приуральского края в города Чердынь, Усолье, Оханск, Осу и др. уезды Пермской губ., а также в г. Екатеринбург от 15 июля по 15 августа» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 19). В июле 1923 года он был командирован в «Левшинскую, Красослудскую и другие волости Пермского уезда для обследования этих местностей в археологическом отношении. Время командировки вторая половина июля месяца, продолжительность 5 дней» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 65).

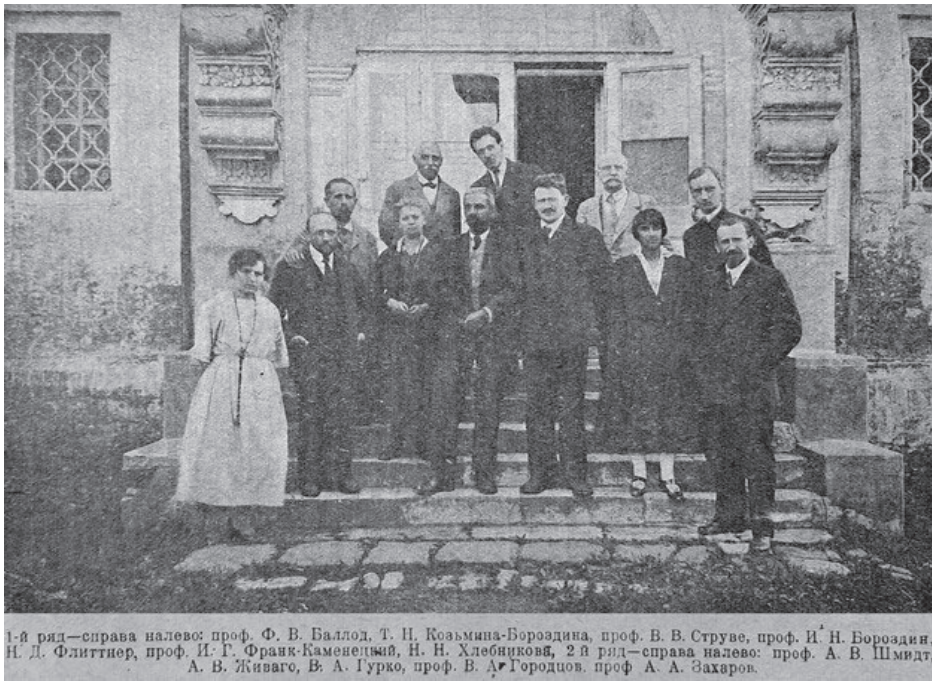


Рис. 1. Фотография участников Первого Всероссийского съезда Египтологов. Во втором ряду первый справа – А.В. Шмидт (по: Бороздин, 1922)
Fig. 1. Photo of participants at the First All-Russian Congress of Egyptologists. In the second row, first from the right is A.V. Shmidt (by Borozdin, 1922)

Будучи сотрудником Пермского университета, он состоит в двух научных сообществах университетских гуманитариев: «Обществе исторических, философских и социальных наук» (ОФИС) (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 207а. Л. 159 об.) и уже упомянутом «Кружке по изучению Северного края» (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 166. Л. 101–102). Документы «Кружка» плохо отложились в архивах, но представляется, что это сообщество также повлияло на становление А.В. Шмидта как археолога.

В 1920 году умирает его учитель Борис Александрович Тураев. В заседании ОФИСа 23 января 1921 года Шмидт читает доклад памяти Б.А. Тураева (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 207а. Л. 138; ГАПК. Р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 1). Постепенно египтология начинает исчезать из жизни Алексея Викторовича. Последнее его активное соприкосновение с ней состоялось 17–20 августа 1922 года, когда в Москве проходил Первый Всероссийский съезд египтологов (рис. 1). Шмидт был избран его ученым секретарем (Бороздин, 1922). В том же 1922 году выходит и его статья «Деятельность научных учреждений в Перми и Пермской области», где помимо общего описания музейных коллекций, связанных с археологией и Древним Востоком, впервые опубликованы описания саркофагов и картонажей, в настоящий момент хранящихся в Пермской художественной галерее (Шмидт, 1922). В 1926 году выходит статья «Древний Восток и Русский север», посвященная древнеегипетской статуэтке, найденной в Пермском крае (Шмидт, 1926). Эта статья стала своеобразным символическим переходом от египтологии к Уральской археологии.

Пермский этап жизни Алексея Викторовича заканчивается в марте 1923 года, когда он пишет прошение о командировке в Петроград для окончания магистерских испытаний (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 54). В течение оставшегося 1923 года он несколько раз просит продлить себе эту командировку. В октябре 1923 года Пермский университет ее продлевает до 12 января 1924 года с условием того, что жалованье выплачиваться не будет (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 67). В воспоминаниях студента В.В. Молодцова мы читаем о том, что Шмидт, уезжая в очередную командировку в Петроград, предполагал там остаться (Пермский университет в воспоминаниях…, 1991). Кроме того, еще во время командировки 1922 года он устраивается на работу в Первый Петроградский Пединститут (Научные работники…), фактически живя и работая на два города. Так или иначе, но больше Алексей Викторович на работу в Перм-

ский университет не вернется, хотя в Пермский край будет неоднократно приезжать для проведения археологических раскопок.

Переехав в Ленинград, к занятиям египтологией А.В. Шмидт также не вернется. Очевидно, что отъезд из Перми не был вынужденным, у него была учебная нагрузка, он заведовал музеем, ему предлагали и другие должности в университете, его отец был ректором. Научные устремления и интересы тем не менее влекли его в город юности – именно с ним он связал свою дальнейшую карьеру, не стремясь, однако, занять и там высокие должности.

Примечания:

[1] Н.П. Кропачев – мировой судья, сын известного пермского купца I гильдии, пожертвовал университету свою коллекцию восточных предметов. За этот дар университету Кропачеву была в письменном виде высказана благодарность ректора (Зенков, Яковлева, 2021).

[2] Историко-филологический комментарий ко II книге Геродота (Wiedemann, 1892).

[3] Данное многотомное издание представляет собой публикацию египетских текстов в оригинале (Sethe, 1909).[4] Главная грамматика египетского языка до середины XX века (Erman, 1894).

[5] Имеются ввиду надписи из гробницы визиря Рехмира (XVIII династия), так же, в частности, опубликованные в Urkunden IV (Sethe, 1909, 1155–1173).

[6] В письме от 16 мая 1918: «Продолжаю читать и комментировать Диодора».

[7] Шмидт был избран Советом историко-филологического факультета хранителем 10 сентября 1918 года (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 404. Л. 5).

[8] 10 тыс. из них должен был оплачивать уполномоченный представитель Пермского университета Бордье, а 2 тыс. были выданы наличными (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 1., Д. 68. Л. 37).

[9] Официально дата начала командировки: 6 ноября 1918 года (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 404. Л. 17).

ЛИТЕРАТУРА

Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс, 1992. 512 с.

Богословский Е.С. Материалы к изучению научной деятельности А.В. Шмидта в Пермском университете // Ученые записки ПГУ. Т. 191 / Труды КАЭ. Вып. 4 / Ред. Ф.С. Горовой, В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1968. С. 147–156.

Бороздин И.Н. Первый всероссийский съезд египтологов // Новый Восток. 1922. № 2. С. 543–551

Выписка из материалов заседания Историко-Филологического факультета ПГУ / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 1, Д. 66, Л. 7.

Журнал Заседаний Совета Эрмитажа / АГЭ. Ф. 1, Оп. 5, 1918 Г., Д. 3, Л. 90 Об.

Записка в Правление ПГУ / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 2, Д. 404, Л. 65.

Записка в правление Пермского университета / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 1, Д. 68, Л. 37.

Записка в правление Пермского университета / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 2, Д. 404, Л. 67.

Записка от и.о. декана педфака ПГУ / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 2, Д. 404, Л. 44.

Записка ректору от 4 августа 1921 года / ГАПК Ф.Р-180, Оп. 1, Д. 232, Л. 36.

Зенков А.В., Яковлева В.В. Новые аспекты истории формирования коллекции музея древностей Пермского университета // Пермский сборник. Т. 6 / сост. О.А. Минеева О.А., Шумилова В.Н. Пермь: Краевая универсальная библиотека им А.М. Горького, 2021. С. 119–124.

Инвентарная книга Музея Древностей Пермского университета. 1916 г.

Копия письма ректору Пермского университета / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 2, Д. 404, Л. 5.

Копия удостоверения А.В. Шмидта / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 2, Д. 404, Л. 17.

Малые коллекции античных ваз в музеях России. Каталог / Отв. ред. В.Н. Зинько. СПб.; Керчь: Дементра, 2019. 566 с.

Научные работники Петрограда. Данные к началу 1922 года / Наука в России. Вып. 3 /сост. С. Ф. Ольденбург. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 164 с.

Ответ Б.Л. Богаевского / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 1, Д. 229, Л. 62.

Отношение на имя ректора Пермского университета / ГАПК Ф.Р-180, Оп. 1, Д. 68, Л. 34

Отчет о работе ассистента А.В. Шмидта / АГЭ. Ф. 1, Оп. 5, Д. 110, Л. 10

Отчет Отдела Древностей за март 1919 г. / АГЭ. Ф. 1, Оп. 5, Д. 110, Л. 18об.

Отчет Отдела Древностей за январь 1919 г. / АГЭ. Ф. 1, Оп. 5, Д. 110, Л. 14–16

Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. I / сост. А.С. Стабровский. Пермь: ПГУ, 1991. 91 с.

Письмо А.В. Шмидта Б.А. Тураеву / АГЭ. Ф. 10, Оп. 1, Д. 362, Л. 12–13 Об.

Письмо А.В. Шмидта Б.А. Тураеву / АГЭ. Ф. 10, Оп. 1, Д. 362, Л. 8–9 Об.

Письмо А.В. Шмидта Б.А. Тураеву /АГЭ. Ф. 10, Оп. 1, Д. 362, Л. 14–15

Письмо от исполкома Пермского губсовета РКС депутатов / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 1, Д. 229, Л. 26.

Письмо Ректору ПГУ / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 2, Д. 404, Л. 19.

Письмо ректору Пермского университета / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 1, Д. 68, Л. 26

Повестка совещания Отдела Древностей / АГЭ. Ф. 1, Оп. 5, Д. 113, Л. 51.

Поручение А.В. Шмидта на 1 триместр 22-23 уч. года / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 1, Д. 126, Л. 4 Об.

Приложение к отношению Музея Древностей / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 1, Д. 68, Л. 35–36 Об.

Программа заседания / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 1, Д. 207а, Л. 138.

Прошение А.В. Шмидта от 12.08.1921 г. / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 2, Д. 404, Л. 33.

Прошение в совет Историко-словесного отделения Педфака / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 2, Д. 404, Л. 54.

Прошение на имя ректора Пермского университета / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 2, Д. 404, Л. 36.

Распоряжение и.о. ректора Н.П. Оттокара от 16.10.1919 / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 1, Д. 68, Л. 59 г.

Распределение поручений на 23/24 уч. год. / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 1, Д. 126, Л. 50–50 Об.

Рождественская Е., Семенова В. “Польский крестьянин в Европе и Америке”: социально-политические, биографические и научные контексты // Социологическое обозрение. 2023. №2 (22). С. 261–284.

Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: ВШЭ, 2012. 380 с.

Смета на оборудование Пермского университета / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 1, Д. 6, Л. 82–82 Об.

Список членов общества / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 1, Д. 166 Л. 101–102.

Список членов общества / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 1, Д. 207а, Л. 159 Об.

Удостоверение № 4616 от 16 июля 1918 г. / ГАПК Ф. Р-180. Оп. 1, Д. 68, Л. 21

Флиттнер Н.Д. Отдел классического Востока Государственного Эрмитажа // Новый Восток. 1922. № 2. С. 722–723.

Ходатайство А.В. Шмидта / АГЭ. Ф. 1, Оп. 13, Д. 953, Л. 8об.

Ходатайство А.В. Шмидта / АГЭ. Ф. 1, Оп. 5, Д. 113, Л. 31–32

Шмидт А.В. Деятельность научных учреждений Перми и Пермской области // Новый Восток. 1922. № 2. С. 725–727.

Шмидт А.В. Древний Восток и Русский Север // Новый Восток. 1926. № 13–14. С. 343–350.

Curriculum Vitae А.В. Шмидта / АГЭ. Ф. 1, Оп. 13, Д. 953, Л. 1–2 Об.

Curriculum Vitae А.В. Шмидта / ГАПК Ф. Р-180, Оп. 2, Д. 404, Л. 1.

Ermann A. Ägyptische Grammatik mit Schrifttafel, Litteratur, Lesestücken und Wörterverzeichnis. Berlin: Reuther & Reichard, 1894. 270 p.

Gardiner A.H. The inscription of Mes: a contribution to the study of Egyptian judicial procedure / Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Aegyptens 4 (3). Leipzig: J. C. Hinrichs. 1905. 54 p.

Jastrow M. The religion of Babylonia and Assyria. Boston: Athenæum Press, 1898. 780 p.

Sethe K. Urkunden Der 18. Dynastie. Vierter Band. Abteilung Band IV. Leipzig: J. C. Hinrichs. 1909. 195 p.

Spiegelberg W. Studien und Materialien zum Rechtswesen des Pharaonenreiches der Dynastien XVIII-XXI (c. 1500-1000 v. Chr.). Hannover: Hahn. 1892. 132 p.

Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America; monograph of an immigrant group. In 5 Volumes. Boston: R. G. Badgerthe. Gorham Press. 1918-1920.

Wiedemann A. Herodots zweites Buch mit sachlichen Erläuterungen. Leipzig: B.G. Teubner, 1890. 624 p.

Информация об авторе:

Яковлева Валерия Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); valeria.yakovleva@gmail.com

Зенков Аркадий Владимирович, член Международной ассоциации египтологов (IEA), студент, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия); arkady.zenkov@gmail.com

REFERENCES

Antsiferov, N. P. 1992. *Iz dum o bylom: Vospominaniia (From reflections on the past: Memories).* Moscow: "Feniks" Publ. (in Russian).

Bogoslovskiy, E. S. 1968. In Gorovoi, F. A., Oborin, V. A. (eds.). *Trudy Kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological Expedition)* 4. Series: *Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 191. Perm: Perm State University, 147–156 (in Russian).

Borozdin, I. N. 1922. In *Novyi Vostok (New East*) (2), 543–551 (in Russian).

Vypiska iz materialov zasedaniia Istoriko-Filologicheskogo fakulteta PGU (Extract from the materials of the meeting of the Faculty of History and Philology of PSU). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 66, 7 (in Russian).

Zhurnal Zasedanii Soveta Ermitazha (Journal of the Hermitage Council Meetings). Archive of the State Hermitage Museum. F. 5, 1918 Г., Inv. 5, dossier 3, 90 (in Russian).

Zapiska v pravlenie Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Note to the Board of Perm State University). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 2, dossier 404, 65 (in Russian).

Zapiska v pravlenie Permskogo universiteta (Note to the Board of Perm University). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 68, 37 (in Russian).

Zapiska v pravlenie Permskogo universiteta (Note to the Board of Perm University). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 2, dossier 404, 67 (in Russian).

Proshenie v sovet Istoriko-slovesnogo otdeleniia Pedfaka PGU (Note from the acting dean of the Pedagogical faculty PSU). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 2, dossier 404, 44 (in Russian).

Zapiska rektoru ot 4 avgusta 1921 goda (Note to the Rector dated August 4, 1921). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 232, 36 (in Russian).

Zenkov, A. V., Yakovleva, V. V. 2021. In Mineeva, O. A., Shumilova, O. A, (comp.). *Permskii sbornik (The Perm Collection)* 6. Perm: Regional Universal Library named after A.M. Gorky, 119–124 (in Russian).

1916. *Inventarnaia kniga Muzeia Drevnostei Permskogo universiteta (Inventory book of the Museum of Antiquities of Perm University)* (in Russian).

Kopiia pisma rektoru Permskogo universiteta (A copy of the letter to the Rector of the Perm University). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 2, dossier 404, 5 (in Russian).

Kopiia udostovereniia A.V. Shmidta (A copy of A.V. Schmidt's card). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 2, dossier 404, 17 (in Russian).

Zinko, V. N. (ed.). 2019. *Malye kollektsii antichnykh vaz v muzeiakh Rossii. Katalog (Small collections of antique vases in Russian museums. Catalogue).* Saint Patersburg; Kerch: "Demetra" Publ. (in Russian).

Oldenburg, S. F. (comp.). 1923. *Nauchnye rabotniki Petrograda. Dannye k nachalu 1922 goda (Scientific workers of Petrograd. Data from the beginning of 1922).* Series: Nauka v Rossii (Science in Russia) 3. Moscow; Petrograd: "Gos. izd-vo" Publ. (in Russian).

Otvet B.L. Bogaevskogo (B.L. Bogaevsky's answer). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 229, 62 (in Russian).

Otnoshenie na imia rektora Permskogo universiteta (Letter addressed to the Rector of Perm University). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 68, 34 (in Russian).

Otchet o rabote assistenta A.V. Shmidta (Report on the work of assistan A.V. Schmidt). Archive of the State Hermitage Museum. F. 1, Inv. 5, dossier 110, 10 (in Russian).

Otchet Otdela Drevnostei za mart 1919 g (Report of the Department of Antiquities for March 1919). Archive of the State Hermitage Museum. F. 1, Inv. 5, dossier 110, 18об (in Russian).

Otchet Otdela Drevnostei za ianvar 1919 g. (Report of the Department of Antiquities for January 1919). Archive of the State Hermitage Museum. F. 1, Inv. 5, dossier 110, 14–15 (in Russian).

Stabrovsky, A. S. 1991. (comp). *Permskii universitet v vospominaniiakh sovremennikov (Perm University in the memoirs of contemporaries).* Perm: Perm State University (in Russian).

Pismo A.V. Shmidta B.A. Turaevu (A.V. Schmidt's letter to B.A. Turaev). Archive of the State Hermitage Museum. F. 10, Inv. 1, dossier 362, 12–13 (in Russian).

Pismo A.V. Shmidta B.A. Turaevu (A.V. Schmidt's letter to B.A. Turaev). Archive of the State Hermitage Museum. F. 10, Inv. 1, dossier 362, 8–9 (in Russian).

Pismo A.V. Shmidta B.A. Turaevu (A.V. Schmidt's letter to B.A. Turaev). Archive of the State Hermitage Museum. F. 10, Inv. 1, dossier 362, 14–15 (in Russian).

Pismo ot ispolkoma Permskogo gubsoveta RKS deputatov (Letter from the Executive Committee of the Perm Gubernatorial Council of the WPS (*Worker, Peasant and Soldier deputies) deputies).* The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 229, 26 (in Russian).

Pismo Rektoru PGU (Letter to the Rector of PSU). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 2, dossier 404, 19 (in Russian).

Pismo rektoru Permskogo universiteta (Letter to the Rector of Perm University). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 68, 26 (in Russian).

Povestka soveshchaniia Otdela Drevnostei (The agenda of the meeting of the Department of Antiquities). Archive of the State Hermitage Museum. F. 10, Inv. 5, dossier 113, 51 (in Russian).

Poruchenie A.V. Shmidta na 1 trimestr 22-23 uch.goda (A.V. Schmidt's assignment for the 1st trimester of the 22-23 academic year). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 126, 4 Об (in Russian).

Prilozhenie k otnosheniiu Muzeia Drevnostei (Appendix to the relation of the Museum of Antiquities). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 68, 35-36 Об (in Russian).

Programma zasedaniia (The program of the meeting). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 2, dossier 207a , 138 (in Russian).

Proshenie na imia rektora Permskogo universiteta (Petition by A.V. Schmidt dated 12.08.1921). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 2, dossier 404, 33 (in Russian).

Proshenie v sovet Istoriko-slovesnogo otdeleniia Pedfaka (Petition to the Council of the History and Literature Division of the Pedagogical Faculty). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 2, dossier 404, 54 (in Russian).

Proshenie na imia rektora Permskogo universiteta (Petition addressed to the Rector of Perm University). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 2, dossier 404, 36 (in Russian).

Rasporiazhenie i.o. rektora N.P. Ottokara ot 16.10.1919 (Order of the acting rector N.P. Ottokar dated 16.10.1919). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 68, 59 (in Russian).

Raspredelenie poruchenii na 23/24 uch. God (Assignment allocation for the 23/24 academic year). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 126, 50-50 Об (in Russian).

Rozhdestvenskaya, E., Semenova, V. 2023. In *Sotsiologicheskoe obozrenie (Russian Sociological Review)* 22 (2), 261–284 (in Russian).

Rozhdestvenskaya, E. Yu. 2012. *Biograficheskii metod v sotsiologii (The biographical method in sociology).* Moscow: HSE (in Russian).

Smeta na oborudovanie Permskogo universiteta (Estimate for the equipment of Perm University). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 6 l, 82-82 Об. (in Russian).

Spisok chlenov obshchestva (List of members of the Society). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 166, 101-102 (in Russian).

Spisok chlenov obshchestva (List of members of the Society). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 207a, 159 Об. (in Russian).

Udostoverenie № 4616 ot 16 iiulia 1918 g (Certificate No. 4616 dated July 16, 1918). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 1, dossier 68 , 21 (in Russian).

Flittner, N. D. 1922. In *Novyi Vostok (New East*) (2), 722–723 (in Russian).

Khodataistvo A.V. Shmidta (A.V. Schmidt's petition). Archive of the State Hermitage Museum. F. 1, Inv. 13, dossier 953, 8об. (in Russian).

Khodataistvo A.V. Shmidta (A.V. Schmidt's petition). Archive of the State Hermitage Museum. F. 1, Inv. 5, dossier 113. P. 31–32 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1922. In *Novyi Vostok (New East*) (2), 725–727 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1926. In *Novyi Vostok (New East*) (13–14), 343–350 (in Russian).

Curriculum Vitae A.V. Shmidta (Curriculum Vitae by A.V. Schmidt). Archive of the State Hermitage Museum. F. 10, Inv. 13, dossier 953, 1-2 Об. (in Russian).

Curriculum Vitae A.V. Shmidta (Curriculum Vitae by A.V. Schmidt). The State Archive of the Perm Region. F. R-180, Inv. 2, dossier 404, 1 (in Russian).

Ermann, A. 1894. *Ägyptische Grammatik mit Schrifttafel, Litteratur, Lesestücken und Wörterverzeichnis*. Berlin: Reuther & Reichard.

Gardiner, A. H. 1905. *The inscription of Mes: a contribution to the study of Egyptian judicial procedure*. Series: Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Aegyptens 4 (3). Leipzig: J. C. Hinrichs. .

Jastrow, M. 1898. *The religion of Babylonia and Assyria*. Boston: Athenæum Press.

Sethe, K. 1909. U*rkunden Der 18. Dynastie. Vierter Band. Abteilung Band IV*. Leipzig: J. C. Hinrichs.

Spiegelberg, W. 1892. *Studien und Materialien zum Rechtswesen des Pharaonenreiches der Dynastien XVIII-XXI (c. 1500-1000 v. Chr.).* Hannover: Hahn.

Thomas, W., Znaniecki, F. 1918-1920. *The Polish peasant in Europe and America; monograph of an immigrant group. In 5 Volumes*. Boston: R. G. Badgerthe. Gorham Press.

Wiedemann, A. 1890. *Herodots zweites Buch mit sachlichen Erläuterungen*. Leipzig: B.G. Teubner.

About the Authors:

Yakovleva Valeria V., Candidate of Historical Sciences, docent, associate professor, Perm State National Research University. Bukireva str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; valeria.yakovleva@gmail.com

Zenkov Arkady V., Member of International Egyptological Association (IEA),Saint Petersburg State University. Decabristov lane 16, Saint Petersburg, 199155, Russian Federation; arkady.zenkov@gmail.com

Статья поступила в журнал 05.03.2026 г.
Статья принята к публикации 17.03.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.43.52

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОДОЕВСКОГО ГОРОДИЩА В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВВ.

© 2026 г. О.В. Новикова

Статья посвящена истории археологического изучения Одоевского городища с конца XIX в. до наших дней. Памятник открыл в 1883 г. Ф.Д. Нефёдов, в 1903 г. городище обследовал Н.М. Бекаревич. В 1925–1926 гг. раскопки провели Б.С. Жуков и О.Н. Бадер. В 1981 г. городище обследовал К.И. Комаров, а в 1999 г. – А.В. Новиков. Новый этап изучения памятника начался в 2022 г., когда к исследованию приступил совместный отряд Костромской археологической экспедиции и Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ под руководством А.В. Новикова и О.В. Новиковой. Исследования выполняются при содействии Русского географического общества. Результаты этих работ позволяют говорить о трёх крупных этапах заселения «Одоевского мыса» начиная с ананьинского времени и заканчивая эпохой Великого переселения народов.

Ключевые слова: археология, Ветлуга, Одоевское городище, ранний железный век, вятско-ветлужская культура ананьинской культурно-исторической области, эпоха Великого переселения народов.

ARCHAEOLOGICAL STUDIES AT THE ODOYEVSKOYE HILLFORT AT THE END OF THE XIX – THE FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURIES

O.V. Novikova

This paper deals with the history of archaeological investigations at the Odoyevskoye hillfort from the end of the XIX century to the present day. The site was first discovered by F.D. Nefyodov in 1883 and subsequently surveyed by N.M. Bekarevich in 1903. Excavations were carried out by B.S. Zhukov and O.N. Bader in 1925–1926. The hillfort was further examined by K.I. Komarov in 1981 and by A.V. Novikov in 1999. A new phase of research commenced in 2022, when a joint field team of the Kostroma Archaeological Expedition and the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences, under the direction of A.V. Novikov and O.V. Novikova, began systematic investigations at the site. This work is conducted with the support of the Russian Geographical Society. The results of these studies suggest three major stages of settlement at “Odoyevskoye Cape”, beginning with the Ananyino era and ending with the Great Migration Period.

Keywords: archaeology, Vetluga River, Odoyevskoye hillfort, Early Iron Age, Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino cultural and historical area, Great Migration period.

Одоевское городище располагается на коренной террасе правого берега реки Ветлуги, левого притока реки Волги, на длинном узком мысу, образованном высоким обрывистым берегом Ветлуги с северо-востока и оврагом с юго-запада. По дну оврага течёт ручей Городищенский (рис. 1). Городище находится в Шарьинском районе Костромской области. Его площадь с учётом верхней площадки и относительно крутых склонов составляет 1,08 га. Высота над уровнем реки 18–24 м. В длину до основания вала верхняя площадка достигает 52 м. Ширина верхней части мыса у вала приближается к 25 м, к стрелке мыса – сужается до 5 м. Длина площадки вместе с валом по оси ССЗ – ЮЮВ равна примерно 75 м. С напольной южной стороны городище ограничивает вал шишковидной формы, за которым прослеживается неглубокий, сильно заплывший ров шириной от 5 до 15 м, соединяющийся со склонами и расширяющийся в их направлении. Имеющиеся укрепления хорошо вписаны в рельеф поверхности мыса.

Одоевское городище по материалам исследований конца XIX – XX вв.

Изучение Одоевского городища началось более 140 лет назад. Городище мысового типа открыто и впервые исследовано Ф.Д. Нефёдовым в 1883 г.: «насыпь городища была снята на протяжении 110, а в глубину до 10

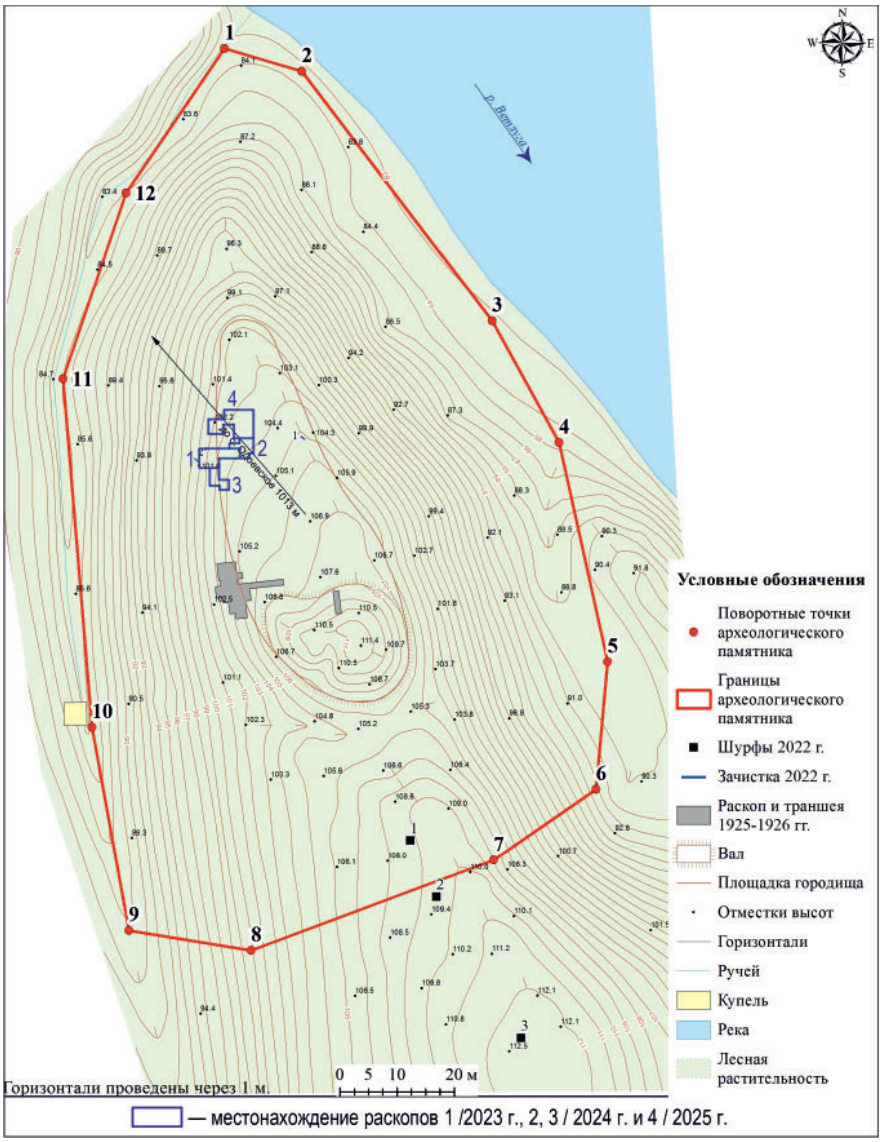


Рис. 1. План Одоевского городища с месторасположением раскопов 2023–2025 гг.
Fig. 1. The plan of the Odoyevskoye hillfort with the location of the 2023-2025 excavations.

футов». По наблюдению Ф.Д. Нефёдова, верхний пласт культурного слоя памятника (до 2 футов) состоял из чёрного перегноя, средний (от 4 до 5 футов) – из плотного песка, и нижний – из перегорелого песка и золы. В последних двух пластах были зафиксированы жилища – «землянки» и пять очагов от 8 до 22 футов в диаметре (Анучин, 1895, с. 284). Местонахождение коллекции вещей из раскопок 1883 г. неизвестно, да и в целом до наших дней сохранилось немного сведений об этих работах. В частности, Ф.Д. Нефёдов оставил краткое описание памятника и два рисунка, выполненных карандашом, с видом городища и места работ, а также обозначением обнаруженных, по его мнению, жилищ (рис. 2). Полученные на Одоевском городище материалы исследователь сопоставил с эпохой камня.

В 1895 г. Д.Н. Анучин, изучив материалы Ф.Д. Нефёдова, причислил городище к неолитическому времени. В обоснование своих выводов он привёл такие находки, найденные при раскопках городища в 1883 г., как каменные изделия, расколотые кости животных, черепки грубой посуды, привеску (амулет) из человеческого черепа, костяной «рыболовный крючок» и «шило» (Анучин, 1895).

В 1903 г. небольшие раскопки на памятнике провёл Н.М. Бекаревич, член Костромской губернской учёной архивной комиссии. Площадь этих исследований неизвестна. В краткой заметке о работах Н.М. Бекаревич ограничился перечислением обнаруженной

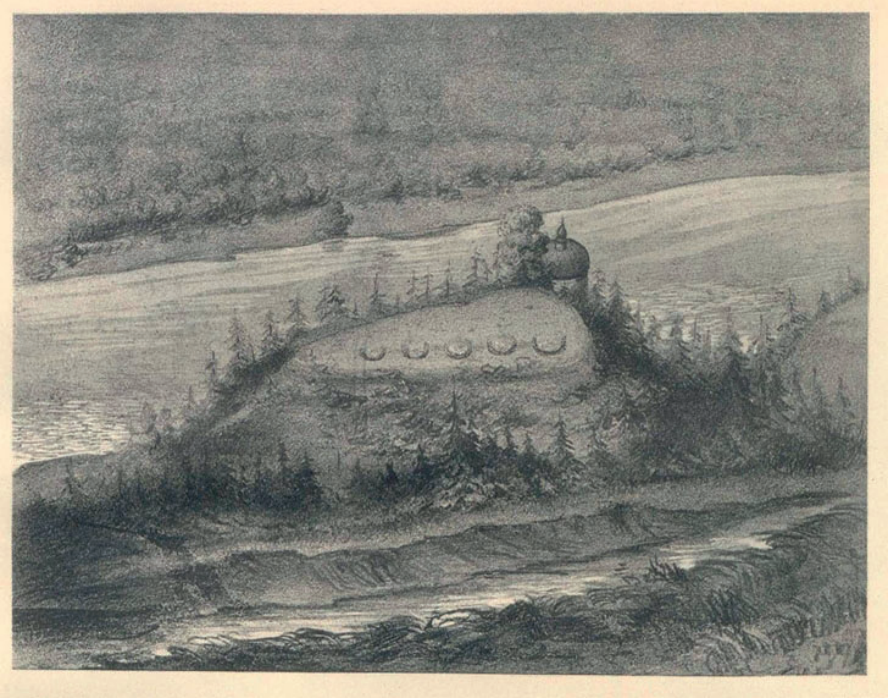


Рис. 2. Рисунок Одоевского городища с указанием места работ 1883 г. Составитель Ф.Д. Нефёдов (по: Анучин, 1895, табл. VIII: 1).
Fig. 2. Plan of the Odoyevskoye hillfort indicating the location of the 1883 excavations. Compiled by F.D. Nefedov (after: Anuchin, 1895, Table VIII: 1).

керамики и металлургических шлаков, не дав при этом хронологической интерпретации вещам и памятнику. Коллекция находок, полученных в ходе работ 1903 г., хранится в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике.

Эпохальные шаги в полевом изучении Одоевского городища связаны с именами Б.С. Жукова и О.Н. Бадера, которые в 1925–1926 гг. заложили раскоп и поставили ряд шурфов в разных частях памятника с целью уточнения характеристики культурных напластований (Бадер, 1951а).

В кратком отчёте за 1925 г. Б.С. Жуков описал поверхность площадки городища как довольно сильно «изуродованную», указав на вал, который «в средней части несколько срыт, и на этом месте стоит старая часовня» (Жуков, Бадер, 1925–1926). Б.С. Жуков и О.Н. Бадер впервые отобразили стратиграфическую колонку, выделив несколько культурных слоёв. Первый слой, согласно их интерпретации, состоял из тёмно-серой или чёрной супеси толщиной от 25 до 175 см и был отнесён к началу нашей эры. Второй слой – серый песок мощностью от 10 до 90 см – был датирован IV–I вв. до н. э. Третий, раннеананьинской горизонт толщиной всего 3–6 см, также имел серый окрас. Время формирования третьего горизонта О.Н. Бадер связывал с VII–V вв. до н. э. (Бадер, 1951а, с. 118–119; Бадер, 1951б, с. 28), отмечая при этом, что второй и третий слои культурно и стратиграфически связаны друг с другом (Бадер, 1951а, с. 121).

При раскопках памятника в 1925–1926 гг. была собрана представительная коллекция находок, включающая свыше 3 000 фрагментов только измельчённой керамики, а также костяные, металлические и каменные изделия (Бадер, 1951а; Воеводский, 1951; Новиков, 2021). Эта первая столь масштабная коллекция находок из Одоевского городища до сих пор не утратила актуальности и вызывает интерес у исследователей: многие предметы уникальны и не имеют аналогов в коллекциях, полученных при раскопках памятника позднее. Артефакты, хранящиеся в Нижегородском музее-заповеднике, рассмотрены А.В. Новиковым (Новиков, 2021).

В середине XX в. керамику, собранную при раскопках городищ Поветлужья, в том числе из раскопок Одоевского городища 1925–1926 гг., проанализировал М.В. Воеводский, выделив три хронологические группы, отражающие, на его взгляд, последовательное развитие культуры «костеносных» городищ (Воеводский, 1951, с. 159–169). Следует подчеркнуть, что в основе классификации М.В. Воеводского лежат материалы в первую очередь Одоевского городища.

Следующие 55 лет после исследований Б.С. Жукова и О.Н. Бадера Одоевское городище не посещалось археологами с целью

полевого изучения, однако его научная значимость не вызывала сомнений. В 1959 г. решением исполнительного комитета Костромского областного Совета депутатов трудящихся памятник был принят на государственную охрану, и только в 1981 г. при работе по теме «Свод памятников истории и культуры Костромской области» его обследовал К.И. Комаров, который снял план памятника, а также составил учетно-паспортную документацию (Комаров, 1999). Ещё через 18 лет, в 1999 г., в рамках мониторинга памятников археологии Шарьинского района городище посетил А.В. Новиков, зафиксировавший его современное техническое состояние.

Одоевское городище по материалам исследований первой четверти XXI в.

Исследования памятников раннего железного века Поветлужья возобновились лишь в 2022 г., когда Костромской археологической экспедицией совместно с Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ при содействии Костромского областного отделения Русского географического общества была проведена археологическая разведка в бассейне Верхней и Средней Ветлуги по программе «Структура, характер и динамика социокультурных взаимодействий археологических сообществ эпохи поздней бронзы – раннего железного века на территории лесного Заволжья и Поветлужья», утверждённой Учёным советом Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (руководитель темы А.А. Чижевский). Работы выполнялись с целью актуализации сведений об известных памятниках ананьинской культурно-исторической области (АКИО) в Поветлужье и поиска новых поселений раннего железного века.

В результате обследования было определено современное техническое состояние основных известных ананьинских городищ Поветлужья – Одоевского, Шилихинского, Богородского, Русенихинского – и обнаружено два новых объекта археологического наследия – поселение Никола II (конец I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э., XIII–XV вв.) в Вохомском районе Костромской области и городище Шилиха II (вторая половина I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) в Ветлужском муниципальном округе Нижегородской области (Новикова и др., 2024).

Непосредственно на Одоевском городище в 2022 г. было сделано две зачистки обнажений культурного слоя, поставлено три шурфа с напольной стороны памятника, снят инструментальный план. В ходе разведки выяснено, что мощность культурного слоя в западной части памятника (по склону) достигает 150 см, в восточной – около 40 см. Вещевой материал, полученный на городище, относился к периоду формирования археологических культур I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э. Керамическая коллекция состояла из фрагментов ананьинской посуды с гребенчато-шнуровым орнаментом и рамчатым декором, сетчатой, а также керамикой археологических культур конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. с заглаженной и подштрихованной поверхностью. Близкая посуда известна на Богородском городище. Среди индивидуальных предметов выделялись костяной черешковый четырехгранный наконечник стрелы (рис. 3: 1), обломок костяного втока со сквозным отверстием (рис. 3: 2), костяная остриепроколка односторонняя с заполированной рабочей частью (рис. 3: 3), точильный камень и железный нож с выраженным скошенным уступом со стороны лезвия при переходе черешка к клинку. Лезвие ножа в сечении клиновидное, окончание черешка скруглено (рис. 3: 4). Точильный камень и нож найдены в верхнем слое чёрной супеси. Костяные изделия обнаружены в горизонте позднеананьинского времени.

В 2023 г. работы на памятнике были продолжены Костромской археологической экспедицией при участии специалистов Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, под эгидой Русского географического общества. На западном склоне городища А.В. Новиковым заложен раскоп площадью 18,8 кв. м (раскоп 1). Мощность изученного культурного слоя составила 60–128 см. На краю верхней площадки памятника был зафиксирован и исследован объект II в. до н. э. – I в. н. э. (траншея-тропка). Коллекция находок насчитывала 7738 предметов: 85 индивидуальных находок из глины, кости и рога, камня, стекла, чёрных и цветных металлов, массовый материал в количестве 3155 экземпляров (фрагменты керамики, предметы из камня), а также сильно измельчённые «ногтевые» стенки сосудов – 4498 фрагментов. Основные хронологические рамки полученного материала соотносились с I тыс. до н. э. – третьей четвертью I тыс. н. э.

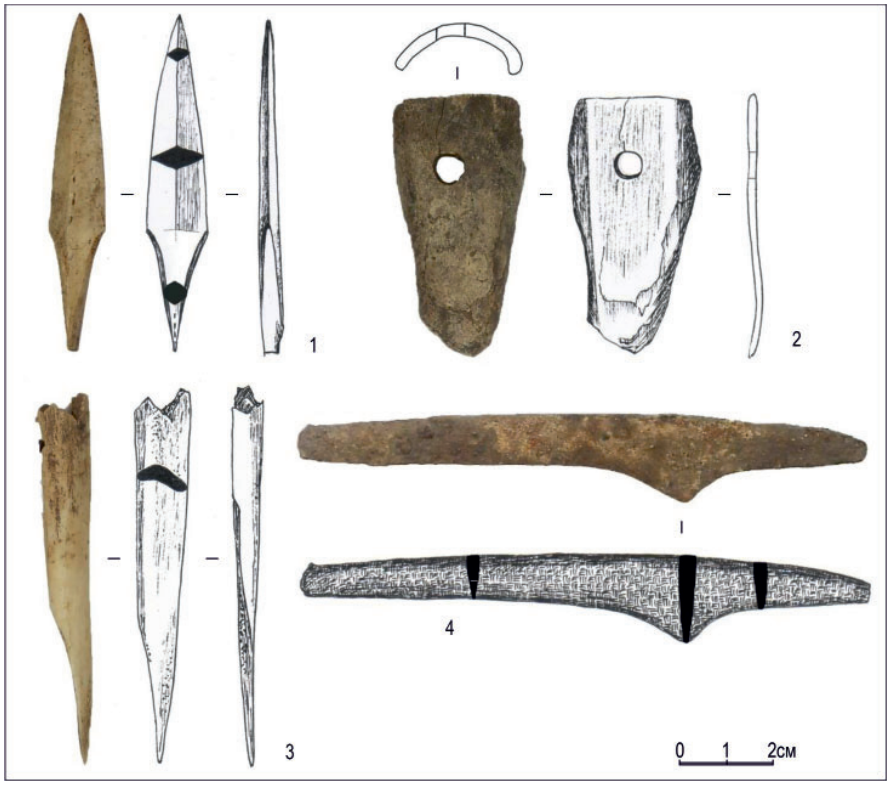


Рис. 3. Одоевское городище. Ряд индивидуальных находок 2022 г: 1 – костяной черешковый четырёхгранный наконечник стрелы, 2 – костяной вток со сквозным отверстием (обломок), 3 – костяная острие-проколка, 4 – железный нож.

Fig. 3. Odoyevskoye hillfort. Individual finds from the 2022 excavation season: 1 – tanged four-aged bone arrowhead; 2 – bone butt with through hole (fragment); 3 – bone borer-point; 4 – iron knife.

Работа с коллекцией находок из раскопа 2023 года позволила автору работ определить специфичные черты керамических комплексов ВВК АКИО (вятско-ветлужской культуры ананьинской культурно-исторической области) из Одоевского городища, выраженные в превалировании цилиндрошейных сосудов с высокой прямой шейкой, изготовленных из незапесоченной ожелезнённой глины с примесью термически обработанной и измельчённой раковины моллюсков; преобладании в орнаментации рамчатого декора, оттисков гребенчатого штампа, шнуровых оттисков и наколов. Частично материалы работ опубликованы (Чижевский, Новиков, 2024).

В 2024 г. на Одоевском городище А.В. Новиковым заложено два раскопа общей площадью 23,8 кв. м. Раскоп 2 (нумерация была продолжена с 2023 г.) располагался на верхней площадке, примыкающей к склону, раскоп 3 – на западном склоне. Мощность культурного слоя в раскопе 2 составила 37–129 см (рис. 4), в раскопе 3 – 102–140 см. В ходе раскопок изучено в общей сложности 26 объектов, расположенных на краю верхней площадки памятника: одна траншея, два очага в виде открытых кострищ и 23 столбовые ямы. Объекты были связаны с поздним этапом бытования памятника (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э. – траншея вдоль западного склона, середина I тыс. н. э. – остатки деревянной изгороди) и ананьинским периодом (VIII/VII–III вв. до н. э. – очажные и столбовые ямы). В двух раскопах было собрано 24 910 находок из камня, глины, кости, стекла, чёрного и цветного металла, в том числе 132 находки индивидуального облика.

Кроме того, с целью получения современных данных о стратиграфии памятника у основания вальной конструкции со стороны внутренней площадки городища была повторно вскрыта траншея (ряд I), выкопанная Б.С. Жуковым и О.Н. Бадером в 1925–1926 гг. Габариты траншеи составили 1,2×4,0 м, площадь – 4,8 кв. м. Совокупная площадь исследований 2024 г. равнялась, таким образом, 28,6 кв. м.

Детальное изучение стратиграфии в стенках повторно вскрытой траншеи и её сопо-

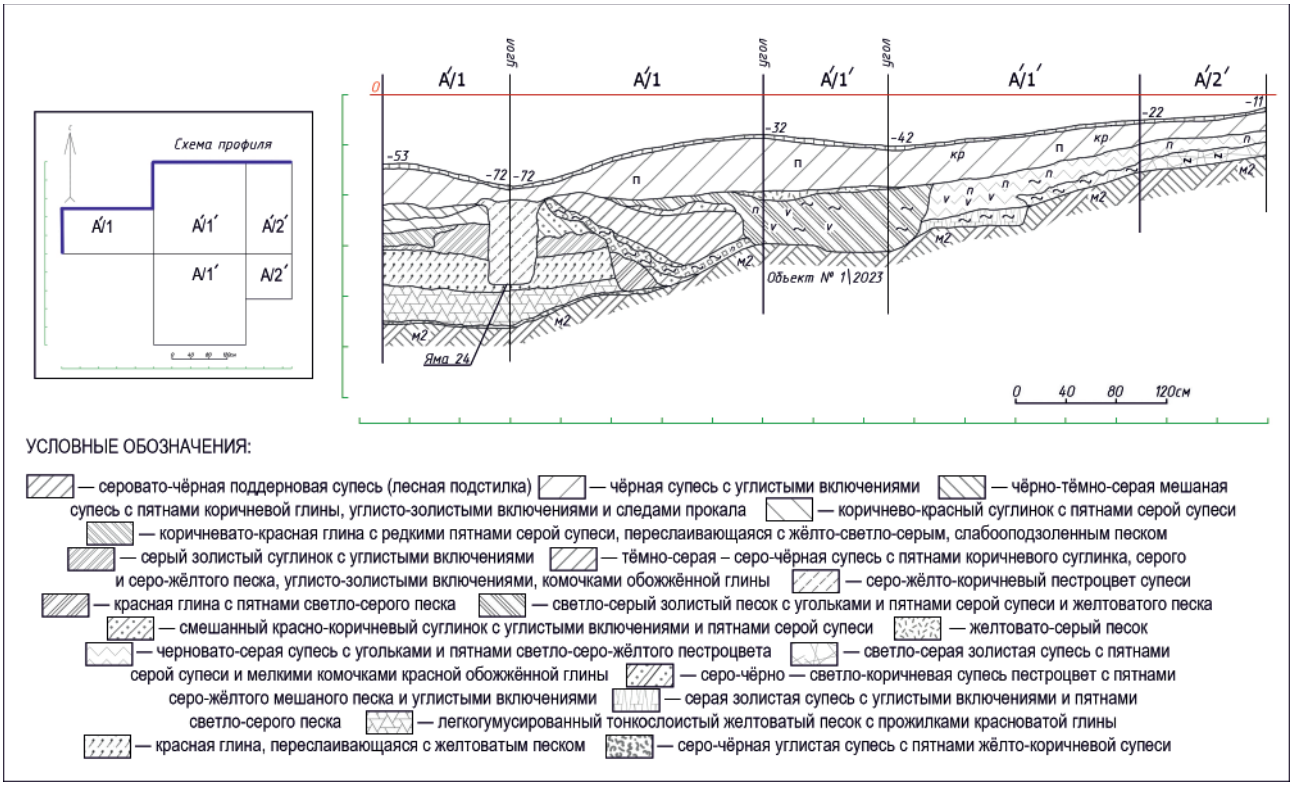


Рис. 4. Одоевское городище. Профиль северной стенки раскопа 2 (2024 г.).
Fig. 4. Odoyevskoye hillfort. Profile of the northern wall of excavation 2 (2024).

ставление с материалами, полученными в раскопах 1–3, позволили автору исследований сделать первые выводы о структуре вальной конструкции городища. Предварительно было определено три крупных этапа формирования вала, связанных с серединой I тыс. н. э., концом I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э. и третьей четвертью I тыс. до н. э. Первичная ананьинская толща отложений была несколько повреждена во время подновлений и ремонтов вала в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н.э. На месте археологической траншеи отсыпки ананьинского периода сохранились лишь фрагментарно. Исследователь пришёл к выводу, что строительство вала в середине I тыс. н. э. производилось без кардинальной перестройки или разрушения предыдущего вала (насыпь была сформирована поверх насыпных отложений конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. – зафиксировано увеличение её объёма в это время), при этом технология отсыпки осталась прежней.

В 2025 г. археологические раскопки на памятнике выполнены под руководством автора статьи благодаря гранту Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». Площадь исследований составила 39 кв. м. Раскопом 4 было изучено 44 объекта, расположенных на площадке городища и в верхней части склона: одна траншея, три очага в виде открытых кострищ, одна наземная постройка, одна производственная и две хозяйственные ямы, две канавки, одна ритуальная ямка с захоронением зубов животного (лося), 31 столбовая яма и три ямки от деревянных колов. Изученные объекты связаны со средним и поздним этапами бытования памятника (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э. – траншея вдоль западного склона, производственная яма, очаги; середина I тыс. н. э. – остатки деревянной изгороди) и поздним ананьинским периодом (V–III вв. до н. э. – наземная постройка, очаг и хозяйственная яма). Коллекция находок из раскопа 2025 года составила 12 832 предмета из камня, глины, кости, стекла, чёрного и цветного металла.

Таким образом, за 2023–2025 гг. на Одоевском городище раскопами было вскрыто и изучено 86,4 кв. м. Несмотря на определённую техническую сложность проведения исследований (территория городища сильно залесена, и действует запрет на вырубку деревьев, в связи с чем раскопы приходится располагать в

тесном пространстве между деревьями, из-за чего они приобретают сложную конфигурацию, а отдельные объекты могут оставаться под корневой системой), следует отметить высокий научный потенциал памятника – его изучение необходимо продолжить.

Одним из важнейших результатов исследований последних лет стало обнаружение на Одоевском городище находок, относящихся к периоду формирования археологических культур конца I тыс. до н. э. – середины (третьей четверти) I тыс. н. э. Поселения, следующие за ананьинскими, в Поветлужье немногочисленны и пока изучены недостаточно (Новиков, 2023, рис. 13). Среди памятников, содержащих материалы этого времени, можно выделить городища Троицкое, Спасское, Осетровское, Одоевское, Федоровское (Чортово), Богородское, Шилихинское, Шилихинское II, селища Подушкино 2, Никола (Красноборы IV), Никола II, «Паново городище» (Воеводский, 1951, с. 168–170; Николаенко, 2013, с. 174; Халиков, 1962, карта 2; Комаров, 1999, с. 138; Новиков, 2023).

По мнению А.В. Новикова, посуда с примесями грубого шамота в формовочной массе, найденная на Одоевском городище, могла изготавливаться в середине I тыс. н. э., такие сосуды бытовали и в третьей четверти I тыс. н. э. Ближайшие аналогии этой керамике известны на памятниках Марийского Поволжья, где памятники I тыс. н. э. были обследованы в 1956–1959 гг. и в большинстве относятся к середине – второй половине I тыс. н. э. Первоначально их специфику определил Г.А. Архипов (Архипов, 1962), в дальнейшем материальная культура населения Марийского Поволжья начиная с VI в. н. э. рассмотрена Т.Б. Никитиной (Никитина, 2002). Более узкое время появления тех или иных керамических форм на поселениях, расположенных на берегах Верхней и Средней Ветлуги, как и процесс развития таких поселений, ещё необходимо детализировать и уточнять.

Несколько слов скажем о сетчатой керамике из Одоевского городища. В конце I тыс. до н. э. и первых веках нашей эры сетчатая керамика сохраняется на памятниках от Молого-Шекснинского междуречья до бассейна рек Унжи и Ветлуги, но следует признать, традиция подобного декора постепенно изживает себя. Судя по глубине залегания (на Одоевском городище сетчатая керамика находится в верхнем слое вместе с подштрихованной и заглаженной), стилистическим особенностям, характеру обработки внешней поверхности, сетчатую керамику (*с разреженными отпечатками*) из Одоевского можно соотнести с позднеананьинским периодом, IV–III вв. до н. э. Вероятно, она изготавливалась обитателями городища и в постананьинское время (последнюю четверть I тыс. до н. э.). Возможно, такая посуда отражает культурные контакты населения Одоевского городища с представителями левобережных верхневолжских регионов (в первую очередь) и Волго-Окского междуречья. Сетчатая керамика конца I тыс. до н. э. с отпечатками, нанесёнными не так часто, оставленными на стенках заглаженными участками известна, например, на поселениях Глухое I (2116 ± 35 BP (2σ 346–43 calBP)) (Новиков, Косорукова, 2025) и Унорож (материалы исследований 2022 г.).

Выводы

Археологическое изучение Одоевского городища началось в 1883 г. Памятник открыл Ф.Д. Нефёдов, который провёл здесь первые раскопки. В 1903 г. раскопки на городище выполнил Н.М. Бекаревич. Точных данных о местах расположения раскопов этих лет, а также площадях исследований нет. В результате масштабных работ Б.С. Жукова и О.Н. Бадера, проведённых в 1925–1926 гг., впервые были получены ценные сведения о стратиграфии памятника, собрана представительная коллекция находок. Археологические исследования возобновлены в 2022 г. На современном этапе, в 2023–2025 гг., раскопами изучено 86,4 кв. м культурного слоя памятника археологии, уточнена его стратиграфическая шкала, получено более 45 000 находок.

Сегодня можно говорить о трёх крупных этапах заселения «Одоевского мыса». Первый соотносится с носителями ананьинских культурных традиций (ВВК АКИО). Начало функционирования городища в этот период – VIII/VII вв. до н. э., завершающая фаза приходится на III в. до н. э., что документируется данными радиоуглеродного анализа: 2311±30 BP (2σ 414–229 calBC). Специфика керамики ВВК АКИО в целом определена А.А. Чижевским (Чижевский, Хисяметдинова, 2020; Черных, Чижевский, 2021); для отдельных поселений, расположенных в бассейне р. Ветлуги, детализирована А.В. Новиковым (Новиков, 2021; Новиков, 2023). Очень важно подчеркнуть,

что, по мнению исследователей, ананьинское население (ВВК АКИО), в том числе проживающее на берегах Ветлуги, оказало значительное культурное влияние на носителей сетчатых керамических традиций верхневолжских регионов, включая Костромское Поволжье в целом (Новиков, 2014; Новиков, 2017а; Новиков, 2017б; Новиков, 2022; Черных, Чижевский, 2021, рис. 1).

Следующий этап развития памятника определяется концом I тыс. до н. э. (начиная со II в. до н. э.) – началом I тыс. н. э. (по III в. н. э. включительно). Надо отметить, что слои, относящиеся к пьяноборскому и позднеаньинскому времени, зафиксированные в раскопах 2023–2025 гг., сливаются, чёткой границы между ними не прослеживается, находки часто переотложены. Можно предположить, что после завершения ананьинского этапа довольно скоро, без большого временного промежутка, площадка городища была освоена новым населением. На смешанный и переходный характер слоя указывает и радиоуглеродное датирование – получены даты со следующими значениями: 2087 ± 45 BP (2σ 343 calBC – 20 calAD); 2085 ± 30 BP (2σ 194 calBC – 5 calAD); 2140 ± 35 BP (2σ 352–51 calBC). Сдвиг наблюдается в сторону начала формирования археологических культур на постананьинском пространстве.

Заключительный этап бытования памятника приходится на середину – третью четверть I тыс. н. э. Стратиграфически горизонт эпохи Великого переселения народов не выделяется, но можно отметить, что находки этого времени приурочены к верхним наслоениям чёрной супеси и по большей части сосредоточены на верхней городищенской площадке. Раскопами последних лет были изучены остатки деревянной стены, возведённой вдоль западного склона. Именно в середине – третьей четверти I тыс. н. э. приобрёл окончательную шишковидную форму, практически сохранившуюся до наших дней, вал.

Таким образом, новые материалы вместе с данными исследований прошлых лет в совокупности демонстрируют сложную хронологическую структуру и своеобразие Одоевского городища, являющегося важным индикатором генезиса археологических культур Поветлужья в I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э. и отражающего тесную связь региона с культурным миром Волго-Камья. Исследования памятника будут продолжены.

ЛИТЕРАТУРА

Анучин Д.Н. Амулет из человеческой кости и трепанация черепов в древние времена в России // Труды девятого археологического съезда в Вильне 1893. Т. I / Ред. гр. Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1895. С. 283–298.

Археологическая карта России. Костромская область / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. 368 с.

Архипов Г.А. Городища первой половины I тыс. н. э. в Марийской АССР // Железный век Марийского края / Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1962. С. 206–231.

Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951а. С. 110–158.

Бадер О.Н. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза Мари и ранней истории Поволжья // СЭ. 1951б. № 2. С. 15–41.

Воеводский М.В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 159–180.

Жуков Б.С., Бадер О.Н. О раскопках Одоевского городища около села Одоевского, Ветлужского уезда бывш. Нижегородской губернии в 1925–1926 гг. // Приложение к ГОМ 4008–4010. ГБУК Нижегородской области «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник».

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 3. М.: ИА РАН, 2013. 405 с.

Новиков А.В. Комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ поселения Ватажка // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 374–387.

Новиков А.В. Поселения РЖВ Костромского Поволжья: (к вопросу об ареале ананьинской культурно-исторической области) // Археология Евразийских степей. 2017а. № 4. С. 49–69.

Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья. Автореф. Дисс. … канд. истор. наук. Казань, 2017б. 22 с.

Новиков А.В. Одоевское городище. К вопросу о культурной специфике Поветлужья в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 108–169.

Новиков А.В. Культурная трансформация на Верхней Волге в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 382–405.

Новиков А.В. Керамические комплексы железного века поселения «Паново городище» // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 214–242.

Новиков А.В., Косорукова Н.В. Глухое I – новый памятник с сетчатой керамикой в бассейне р. Суды // Археология Евразийских степей. 2025. № 1. С. 268–279.

Новикова О.В., Новиков А.В., Кольчугин А.Н., Андрушкевич О.Ю. Шилихинское II городище – новый памятник археологии в бассейне р. Ветлуги // Археологические открытия. 2022 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2024. С. 309–312.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1962. С. 7–187.

Черных Е.М., Чижевский А.А. Ананьинская культурно-историческая область. Вятско-ветлужская культура (гребенчато-шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 217–241.

Чижевский А.А., Новиков А.В. Зооморфная фигурка из Одоевского городища // Поволжская археология. 2024. № 3 (49). С. 138–151.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. С. 6–277.

Информация об авторе:

Новикова Ольга Вячеславовна, генеральный директор, ООО «Костромская археологическая экспедиция» (г. Кострома, Россия); кае44@mail.ru; novikova-kostroma@mail.ru

REFERENCES

Anuchin, D. N. 1895. In Uvarova, S. S., Slutsky, S. S. (ed.). *Trudy IX arkheologicheskogo s"ezda v Vilne v 1893 g. (Proceedings of the 9th Archaeological Congress in Vilna, 1893)* 1. Moscow: "Tipografiia E. Lisnera i Yu. Romana" Publ., 125–168 (in Russian).

Krasnov, Yu. A. (ed.). 1999. *Arkheologicheskaia karta Rossii. Kostromskaia oblast' (Archaeological Map of Russia: Kostroma Oblast)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., Russian Academy of Sciences (in Russian).

Arkhipov, G. A. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Trudy Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition) II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 206–231 (in Russian).

Bader, O. N. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area).* Vol. III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 110–158 (in Russian).

Bader, O. N. 1951. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 15–41 (in Russian).

Voevodsky, M. V. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area).* Vol. III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 159–180 (in Russian).

Zhukov, B. S., Bader, O. N. 1925–1926. In *Prilozhenie k GOM 4008–4010. GBUK Nizhegorodskoi oblasti «Nizhegorodskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi muzei-zapovednik» (Appendix to GOM 4008-4010. State Budgetary Institution of Culture of Nizhny Novgorod Oblast "Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve")* (in Russian).

Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Nikolaenko, T. D. 2013. *Arkheologicheskaia karta Rossii. Nizhegorodskaia oblast' (Archaeological Map of Russia. Nizhny Novgorod Region).* Part 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Novikov, A. V. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 374–387 (in Russian).

Novikov, A. V. 2017. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 49–69 (in Russian).

Novikov, A. V. 2018. *Poseleniia s grebenchato-shnurovoi i shnurovoi keramikoi rannego zheleznogo veka Kostromskogo Povolzh'ia (Settlements with comb-corded and corded ceramics of the Early Iron Age from the Kostroma Volga Region).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Novikov, A. V. 2021. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 108–169 (in Russian).

Novikov, A. V. 2022. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 382–405 (in Russian).

Novikov, A. V. 2023. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 214–242 (in Russian).

Novikov, A. V., Kosorukova, N. V. 2025. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 268–279 (in Russian).

Novikova, O. V., Novikov, A. V., Kol'chugin, A. N., Andrushkevich, O. Yu. 2024. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya. 2022 (Archaeological Discoveries 2022)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 309–312 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Trudy Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition) II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).

Chernykh, E. M., Chizhevsky, A.A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 217–241 (in Russian).

Chizevsky, A. A., Novikov, A. V. 2024. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 49 (3), 138–151 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A. 2020. *Oboronitel'nye sooruzheniya mysovykh gorodishch Volgo-Kam'ya v rannem zheleznom veke i rannem srednevekov'e (Defensive Structures of the Forts on Promontories of the Volga-Kama Region in the Early Iron and Early Middle Ages)*. Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 2, 6–277 (Monograph in the journal) (in Russian).

About the Author:

Novikova Olga V. LLC "Kostroma Archaeological Expedition". Marshal Novikov str., 10 , Kostroma, 156013, Russian Federation; кае44@mail.ru; novikova-kostroma@mail.ru

Статья поступила в журнал 16.02.2026 г.
Статья принята к публикации 17.03.2026 г.

ДРЕВНОСТИ НЕОЛИТА – БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.53.61

БАЗЯКОВСКАЯ X СТОЯНКА ЭПОХИ НЕОЛИТА И ПАЛЕМЕТАЛЛА В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ

©2026 г. А.В. Шипилов

В статье анализируются материалы одного из многослойных поселенческих первобытных памятников Нижнего Прикамья – Базяковской X стоянки. В результате проведённого изучения коллекции прослеживается несколько этапов функционирования стоянки. Начальный этап относится к позднему неолиту. Об этом свидетельствует выразительный керамический комплекс камской культуры. Не менее выразителен и каменный инвентарь данного этапа. Функционирование стоянки на втором этапе – в эпоху поздней бронзы связано с носителями керамики срубной, луговской и маклашевской культур. На финальном этапе, в эпоху раннего железа стоянка, вероятно, была обжита населением ананьинской КИО. К раннему железному веку относятся фрагменты керамики постмаклашеевской культуры. Таким образом, функционирование стоянки, по всей вероятности, с некоторыми перерывами, происходило в период с V – до I тыс. до н.э.

Ключевые слова: археология, Нижнее Прикамье, Куйбышевское водохранилище, неолит, эпоха бронзы, луговская культура, ранний железный век., Ананьинская КИО, керамика, каменный инвентарь.

BAZYAKOVO X CAMPSITE OF THE NEOLITHIC AND PALEOMETAL PERIOD IN THE LOWER KAMA REGION

A.V. Shipilov

Materials from the Bazyakovo X campsite, a multi-layered primeval settlement site in the Lower Kama region are analyzed in the paper. Archaeological study of the artifact assemblage reveals several distinct phases of site occupation. The earliest phase dates to the Late Neolithic period, as evidenced by a diagnostic ceramics assemblage attributable to the Kama culture. The lithic assemblage from this phase is equally distinctive. The second occupational phase, corresponding to the Late Bronze Age, is associated with bearers of the Srubnaya, Lugovoye, and Maklashevka ceramic traditions. In the final phase, during the Early Iron Age, the campsite was likely reoccupied by populations belonging to the Ananyino cultural and historical area. Fragments of post-Maklashevka culture pottery also date to the Early Iron Age. Thus, the functioning of the campsite, in all probability, with some interruptions, took place in the period from the V to the I millennium BC.

Keywords: archaeology, Lower Kama region, Kuibyshev Reservoir, Neolithic, Bronze Age, Lugovoye culture, Early Iron Age, Ananyino cultural and historical area, ceramics, lithic inventory.

Памятник располагался в левобережье зоны затопления Куйбышевского водохранилища, в 1,8 км к северо-востоку от урочища Базяковский взвоз и в 6 км к северу-северо-западу от с. Базяково Алексеевского района Республики Татарстан (Свод памяников, 2007, с. 82). Стоянка находилась на останце надпойменной террасы левого берега Камы, затопленного водохранилищем.

Стоянка была открыта П.Н. Старостиным весной 1964 году во время разведок в прибрежной зоне в приустьевом Закамье. Затем памятник неоднократно был обследован казанскими археологами в ходе регулярных исследований берегов и отмелей во время сезонного спада воды, выполнявшихся в течение многих лет после заполнения Кубышевского водохранилища.

Коллекция находок, полученная в результате неоднократного обследования Базяковской X стоянки довольно представительна и позволяет проследить этапы жизнедеятельности на ней. На раннем этапе стоянка была заселена носителями камской неолитической культуры Фрагменты сосудов этой культуры составляют 30,5% от всей

Рис. 1. Расположение Базяковской X стоянке на карте Республики Татарстан.
Fig. 1. Location of the Bazyakovo X campsite on the map of the Republic of Tatarstan.

керамической коллекции рассматриваемой стоянки (рис. 2, 3). На внешней поверхности керамики камской культуры присутствует орнаментация. Посуда этой культуры обладала прикрытой профилировкой, в формовочной массе присутствует шамот и органический раствор. Внешняя и внутренняя поверхности этой керамика отличаются тщательной заглаженностью. Сосуды были украшены разными вариантами гребенчатого штампа.

Декор сосудов камской культуры состоит, главным образом, из сгруппированных в пояса наклонных оттисков гребенчатых штампов, (рис. 2: 2, 3, 7, 12, 14, 15; 3: 8, 10) либо подтреугольных оттисков, нанесенных, вероятно, углом гребенчатого штампа (рис. 2: 5, 8; 3: 9). Кроме того, встречены наклонные оттиски длинного гребенчатого штампа, разделителями между которыми выступают короткие зубчатые отпечатки (рис. 2: 9, 10). На одном из фрагментов присутствуют пояса из круглых вдавлений, выполненные вероятно полой трубочкой (рис. 2: 6). Возможно, в качестве орнаментира использовался тростник. В керамическом комплексе камской культуры Базяковской X стоянки весьма редко встречается мотив елки (рис. 2: 1).

Аналогии неолитической керамике камской культуры, обнаруженной на Базяковской X стоянке, прослеживаются на многих неолитических памятниках Волго-Уралья и Нижнего Прикамья, например на Усть-Шижминской, Дубовогривской II, Кузькинской XVII и Каентубинской островной стоянках (Выборнов и др., 2021, с. 282, рис. 3; Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 6: 2; Шипилов, 2019, рис. 1, 2; Чижевский, Шипилов, Капленко, 2017, рис. 5:13).

С неолитическим временем функционирования стоянки можно связать весьма выразительный массив каменного инвентаря (рис. 4, 5). Инструментарий изготовлялся жителями стоянки преимущественно из кремня белого и светло-серого цвета.

Среди каменных орудий в коллекции преобладают артефакты, связанные с охотой. Они представлены наконечниками стрел листовидной формы (рис. 4: 1-4, 7-9). Заслуживает внимания наконечник подтреугольно-черешковой формы (рис. 5: 1). Данные орудия выполнены в технике бифасиальной уплощающей обработки поверхностей, они изготовлялись преимущественно из светло серого кремня. Одно из них изготовлено из кварцита тёмно-серого цвета (рис. 4: 2). На четырёх наконечниках прослеживается намеченный черешок (рис. 4: 3-4, 8-9). Длина орудий варьирует, в основном, от 4 до 7,5 см при ширине пера 1–1,5 см. Вместе с тем, присутствующий в коллекции наконечник дротика листовидной формы

Рис. 2. Керамика камской неолитической культуры.
Fig. 2. Ceramics of the Kama Neolithic culture.

Рис. 3. Керамика камской неолитической культуры (продолжение).
Fig. 3. Ceramics of the Kama Neolithic culture (continuation).

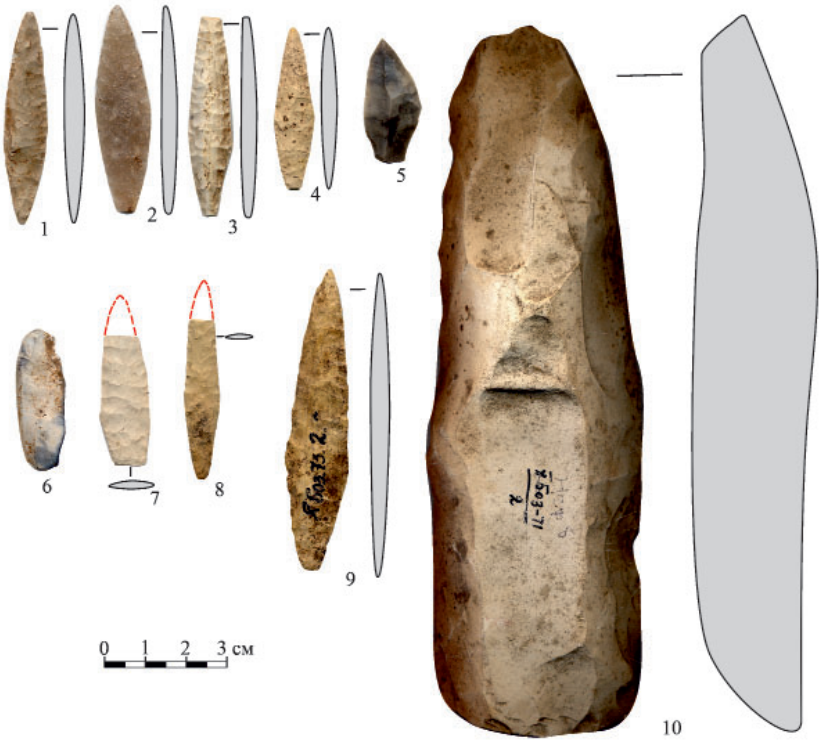


Рис. 4. Каменный инвентарь Базяковской X стоянки.
Fig. 4. Lithic inventory from the Bazyakovo X campsite.

отличается своими размерами от указанных выше параметров (рис. 5: 5).

Категория деревообрабатывающих орудий представлена долотами и одним теслом (рис. 4:18; 5: 3-5). Долота (рис. 4: 10; 5:3) от тёсел отличает более узкое лезвие. На одном из них присутствует шлифовка по всей поверхности внешней и тыльной стороне. Орудия изготовлялись на крупных кремневых бифасах сравнительно плохого качества. Другое орудие отличается внушительными параметрами. Оно изготовленного из белого опочного кремня сравнительно плохого качества, длина составляет 17 см, а ширина лезвия – 5 см (рис. 4:10). Сходство ему прослеживается в материалах Лебединской III стоянки (Габяшев и др. 1976, рис. 6:30). К деревообрабатывающим орудиям следует отнести одно тесло (рис. 5:3). Его длина составляет 8,3 см при ширине лезвия 4,3 см.

Для работы с мягкими материалами население Базяковской X стоянки использовало такие инструменты как резчики, скребки.

В коллекционном собрании каменного инвентаря присутствует единственный резчик. Он изготовлен на кремневом бифасе тёмно-серого цвета. Вероятнее, всего данное орудие применялось для работы с мягкими материалами, в том числе и в ходе обработки шкур. Его длина при ширине лезвия 1, 5 см составила 3 см (рис. 4: 5). В массиве кремневого инвентаря присутствует кремневая пластина

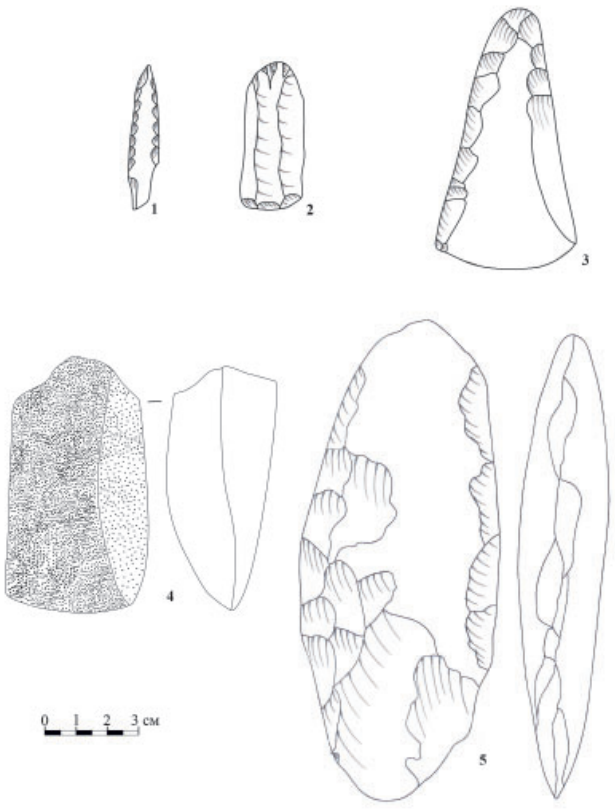


Рис. 5. Каменный инвентарь Базяковской X стоянки (по Габяшеву и др., 1976, рис. 8: 17-22).
Fig. 5. Lithic inventory from the Bazyakovo X campsite (after Gabyshev et al., 1976, fig. 8: 17–22).

Рис. 6. Керамика эпохи бронзы: 1 – срубной культуры; 2 – луговской культуры; 3-6 – атабаевского этапа маклашеевской культуры; 7 – маклашеевского этапа маклашеевской культуры.
Fig. 6. Bronze Age ceramics: 1 – Srubnaya culture; 2 – Lugovoye culture; 3–6 – Atabayevo phase of the Maklashevka culture; 7 – Maklashevka phase of the Maklashevka culture.

на внешней стороне, которой присутствует фрагментарная отжимная краевая ретушь (рис. 4: 6).

В собрании каменного инвентаря присутствует так же один концевой скребок подпрямоугольной формы изготовленный на отщепе. Его длина составила 4,7 см при ширине лезвия 2 см (рис. 5: 2).

Аналогии каменнным артефактам Базяковской X стоянки выявлены в комплексах артефактов камской неолитической культуре на всей территории расселения её носителей. Наиболее близкие черты сходства прослеживаются с каменным инвентарем памятников камской культуры Нижнего Прикамья: Лебединской III, Кузькинской XX, Балахчинской VI а, Каентубинской островной стоянками (Габяшев и др. 1976, рис. 6:30; Шипилов, 2013, рис. 8; Выборнов, Шипилов, 2019, рис. 7-8; Чижевский, Шипилов, Капленко, 2017, рис.5: 22; 7:7).

Хронологические рамки камского неолитического комплекса Базяковской X стоянки можно очертить в переделах V тыс. до н.э., учитывая датировку однокультурных памятников сопредельных территорий (Выборнов, 2008, с. 243).

Впоследствие Базяковская X стоянка была заселена в позднем бронзовом веке (рис. 6). Вероятно, стоянка функционировала на протяжении всей этой эпохи, так как в коллекции присутствуют находки срубной, луговской, а также маклашеевской культур.

Артефакты срубной культурно-исторической общности представлены единственным венчиком сосуда с неровной, небрежно заглаженной поверхностью, с примесью шамота в тесте (рис. 6: 1). Форма сосуда может быть реконструирована как банковидная, его внешняя поверхность была украшена ногтевидными вдавлениями.

Близкая типологически керамика ярко представлена в комплексах срубной культуры, исследованных в Среднем Поволжье. Так, сходными с рассмотренным выше фрагментом сосуда из Базяковской X стоянки являются керамические материалы Игимской стоянки и могильника Такталачук в Нижнем Прикамье (Шипилов, 2017, рис. 4:4; 5: 4; Казаков, 1978, рис. 15: 4; 23: 3).

По аналогии с датированными к настоящему времени комплексами срубной КИО керамику данной культурной принадлежности из Базяковской X стоянки следует относить к хронологическому интервалу XIX – XV вв. до н.э. (Купцова, Лыганов, 2021, с. 379).

Следующий этап позднего бронзового века в материалах рассматриваемой стоянки представлен фрагментами керамики луговской культуры (рис. 6: 2). Её доля в керамической

Рис. 7. Керамика постмаклашеевской культуры.
Fig. 7. Ceramics of the post-Maklashevka culture.

коллекции памятника составляет 1,5 %. Эта керамика характеризуется наличием органики в составе формовочной массы и орнаментом, выполненным гладким штампом. В декоре посуды луговской культуры Базяковской X стоянки чётко выражен мотив косой решётки (рис. 6: 2). Толщина стенок сосудов составляет 0,7 см.

Ближайшие аналогии луговской керамикой Базяковской X стоянки наблюдаются в керамических комплексах Нижней Камы: стоянок Дубовогривская II (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 7: 15, 16, 18, 19, 23), Луговская I и II (Збруева, 1960. С. 12-29), а также могильника Такталачук (Казаков, 1978, с. 67-108). Хронологическая позиция находок луговской культуры Базяковской X стоянки может быть определена в пределах XVII-XIV вв. до н.э на основании радиоуглеродных дат средневолжский памятников этой культуры (Лыганов, 2021, с. 545–547).

Территория стоянки, по всей вероятности, также использовалась носителями маклашеевской культуры. В пользу этого говорят находки здесь фрагментов посуды атабаевского этапа маклашеевской культуры (рис. 6: 3-6). Их содержание в коллекции составляет 3,5%. В формовочной массе керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры присутствует толчёная раковина и органика. Судя по фрагментам, посуда атабаевского этапа маклашеевской культуры имела горшковидную форму. Внешняя поверхность сосудов украшена оттисками гладкого штампа. Композиции орнамента состоят из горизонтальных линий, косой решётки, вертикального зигзага, а также горизонтальных поясов из оттисков короткого гладкого штампа, размещённого под наклоном (рис. 6: 4-6). Отличительной особенностью керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры является плоскодонность сосудов, а также присутствие на венчике валика или воротничка.

Керамика сходного облика была найдена на Нижней Каме: в результате раскопок Р.С. Габяшева и П.Н. Старостина на Дубовогривской II стоянке (раскопы I, II, V) а также при исследовании Каентубинской островной и Игимской стоянок и Кузькинского XVII поселения (Габяшев, Старостин, 1978, рис. 7-11; Чижевский, Шипилов, Капленко, 2017, рис. 8: 1, 2, 5, 6, 9 - 11, 17; Шипилов, 2017, рис. 9; Шипилов, 2019, рис. 7: 2-4).

Хронология атабаевского этапа маклашеевской культуры определяется рубежом XIV –XIII вв. до н.э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, с. 631). Данный этап приурочен к третьему периоду развития Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции (Кузьминых, Дегтярёва, 2006, с. 251-254). Вероятно, в этих же временных рамках бытовала керамика атабевского этапа маклашеевской культуры, обнаруженная на Базяковской X стоянке.

Помимо керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры в коллекционном собрании Базяковской X стоянки присутствует венчик сосуда маклашеевского этапа маклашеевской культуры (рис. 6: 7). Судя по профилировке керамики, сосуд обладал горшковидной формой. В формовочной масссе посуды присутствует раковина. В отличие от атабаевской керамики, на посуде маклашеевского этапа маклашеевской культуры, обнаруженной на Базяковской X стоянке, присутствует широкий валик. По всей внешней поверхности венчика наблюдается орнаментальная композиция в виде

ромба поле, которого заполнено круглыми ямочными вдавлениями (рис. 6:7).

Необходимо отметить, что аналогичная керамика маклашеевского этапа маклашеевской культуры присутствует на поселенческих памятниках финальной бронзы Нижнего Прикамья. Среди них следует назвать Дубовогривскую II, Ивановский Бор X, Берёзвогривскую островную стоянки (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, рис. 12:11).

Керамика маклашеевского этапа маклашеевской культуры, обнаруженная на Базяковской X стоянке, может быть датирована периодом XII – X до н.э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, с. 636).

Финал функционирования стоянки приходится, вероятно, на эпоху раннего железного века. В коллекции присутствует массив керамики, относящиеся к десяти сосудам постмаклашеевской культуры (рис.7), имеющая принадлежность к Ананьинской КИО. Содержание её в коллекции составляет 12,5 %. Это фрагменты лепных круглодонных сосудов с горшковидной профилировкой. В формовочной массе этих сосудов присутствует примесь толчёной раковины. Керамика постмаклашеевской культуры обнаруженная на Базяковской X стоянке, как правило, желтого и серого цвета. Орнаментация на ней присутствует на внешней стороне и, как правило, размещается по шейкам и плечикам сосудов. Она состоит из ямок, различных вдавлений, отпечатков гребенчатого штампа и шнура, причём, безусловно, преобладает ямочная орнаментация. Орнаментальные композиции на керамике постмаклашеевской культуры представлены в виде различных сочетаний ямок и вдавлений, отпечатков шнура в три ряда. Гребенчатый штамп наносился в виде ёлочки и горизонтальных линий. Единичны орнаментальные композиции в виде треугольников, ромбов, выполненных гребенчатым штампом (рис. 7: 2, 7).

Аналогии керамике постмаклашеевской культуры обнаруженной на Базяковской X стоянке прослеживаются в материалах Кузькинской XVII стоянки (Шипилов, 2019, рис. 8: 1, 3), селища Воронки а также Сорочьегорского и Маклашеевского II (Чижевский, Волкова, 2021, рис. 4: 3, 7, 12, 19) городищ.

В свете современных естественнонаучных данных, комплекс артефактов постмаклашеевской культуры датируется IX – III/II вв до н.э. (Чижевский, Волкова, 2021, с. 180-183).

Таким образом, в результате анализа артефактов, обнаруженных при исследованиях Базяковской X стоянки, выявлены шесть этапов жизнедеятельности разновременных первобытных культурных образований на данном месте. Ранний этап заселения стоянки носителями камской культуры произошел в неолите, а заключительный – в раннем железном веке носителями ананьинской культурно-исторической области.

Изучение материалов многослойных памятников, таких как Базяковская X стоянка, позволяет реконструировать специфику развития материальной культуры первобытных коллективов, особенности их жизнедеятельности и характер культурных контактов на территории Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья в эпохи камня – раннего металла.

ЛИТЕРАТУРА

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Жилища эпохи бронзы второй Дубовогривской стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв.ред. О.Н. Бадер. Казань: изд-во ИЯЛИ КФ АН СССР, 1978. С. 67–108.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Гусенцова Т.М., Никитин В.В., Ставицкий В.В., Березина Н.С., Карманов В.Н., Морозов В.В. Камская неолитическая культура // Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ИА АН РТ, 2021.С. 279–296.

Выборнов А.А., Шипилов А.В. Неолитический комплекс Балахчинской VI а стоянки в Приустьевом Прикамье // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 47–58.

Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции Т. III / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–95.

Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв.ред. О.Н. Бадер. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1978. С. 67 – 108.

Купцова Л.В., Лыганов А.В. Срубная культурно-историческая общность между Волгой и Уралом // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 368–394.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Поздний бронзовый век // Археология: Учебник / Под ред. В.Л. Янина. М.: МГУ, 2006. С. 219–270.

Лыганов А.В. Андроноидные культуры Волго-Камья (луговская и сусканская культуры) // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 522–547.

Свод памятников археологии Республики Татарстан в 3 т. Т. 3 / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 529 с.

Чижевский А.А., Волкова Е.В. Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашеевская культура. Памятники белогорского типа // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 162–185.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Маклашеевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 601–637.

Чижевский А.А., Лыганов А. В., Морозов В.В. Исследования памятников археологии на острове Дубовая Грива в 2009-2010 гг. // Поволжская археология. 2012. № 1 (1). С. 105–129.

Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М. Итоги исследования Каентубинской Островной стоянки в 2004 году // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 50–70.

Шипилов А.В. Хронологические комплексы XX Кузькинской стоянки // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 113–125.

Шипилов А.В. Материалы эпохи бронзы и раннего железа Игимской стоянки (Нижнее Прикамье) // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 111–118.

Шипилов А.В Кузькинская XVII стоянка(атрибуция и хронология) // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 165–178.

Информация об авторе:

Шипилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; доцент. кафедры СПиМ КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева (г. Казань, Россия); Shipilov_anton@mail.ru

REFERENCES

Gabyashev, R. S., Starostin, P. N. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 67–108 (in Russian).

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vybornov, A. A., Lychagina, E. L., Gusentsova, T. M., Nikitin, V. V., Stavitsky, V. V., Berezina, N. S.,Karmanov, V. N., Morozov, V. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Galimova, M. Sh. (eds.). *Kamennyi vek (Stone Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 279–296 (in Russian).

Vybornov, A. A., Shipilov, A. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 47–58 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 3. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 10–95 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 67–108 (in Russian).

Kuptsova, L.V., Lyganov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2.

Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 368–394 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Degtiareva, A. D. 2006. In Yanin, V. L. (ed.). *Arkheologiia: uchebnik (Archaeology: a tutorial).* Moscow: Moscow State University Publ., 219–270 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 522–547 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin F. Sh. (eds.). 2007. *Svod pamiatnikov arkheologii Respubliki Tatarstan (Corpus of Archaeological Sites in the Republic of Tatarstan)* 3. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Volkova, E. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 162–185 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Kuzminykh, S. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 601–637 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Morozov, V. V. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 105–129 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V., Kaplenko, N. M. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 50–70 (in Russian).

Shipilov, A. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (1), 113–125 (in Russian).

Shipilov, A. V. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 111–118 (in Russian).

Shipilov, A. V. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 165–178 (in Russian).

About the Author:

Shipilov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev - KAI. 10, K.Marx St., Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Shipilov_anton@mail.ru

Статья поступила в журнал 19.02.2026 г.
Статья принята к публикации 17.03.2026 г.

УДК 903.53(470.56-924.9)"637" https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.62.75

ПОЧВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОРОТКОВРЕМЕННОГО ПЕДОХРОНОРЯДА КУРГАННОЙ ГРУППЫ КАЛИКИНО II В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ (РАЗВИТОЙ ЭТАП В ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ)[1]

© 2026 г. А.Э. Сверчкова, А.А. Файзуллин, О.С. Хохлова, Т.Н. Мякшина

В статье представлены результаты комплексного междисциплинарного исследования курганной группы Каликино II (Оренбургская область). Изучены пять курганов раннего бронзового века и погребенные под ними почвы. На основе археологических данных (погребальный обряд, архитектура курганов с кольцевыми рвами, типология керамики, находки топора утевского типа и костяного кольца) все курганы отнесены к развитому этапу В ямной культуры (3000–2600 cal BC). Радиоуглеродные даты, полученные для четырех курганов, имеют разброс 2885–2570cal BC (300–500 лет). Сопоставление радиоуглеродного и археологического датирования позволяет ограничить время функционирования могильника интервалом 2800–2600 гг. до н.э. Для уточнения хронологической последовательности сооружения курганов и проведения палеоклиматической реконструкции привлечены палеопочвенные методы: макро- и микроморфологический, физико-химический и микробиоморфный анализы. На основе 14С-дат и анализа свойств погребенных под курганами почв установлена хронологическая последовательность погребения почв и сооружения курганов в изучаемом могильнике: от ранних (Ки-7п, Ки-6п, Ки-4п) к поздним (Ки-5п, Ки-1п). В почвах поздней группы выявлены более темная окраска гумусового горизонта, повышенное содержание органического углерода и магнитной восприимчивости, снижение содержания карбонатов. Микробиоморфный анализ при рассмотрении почв от ранних к позднее погребенным показал увеличение доли фитолитов луговых и лесных злаков при сокращении степных форм, что свидетельствует о повышении влагообеспеченности. Полученные данные свидетельствуют о плавном нарастании гумидизации климата в период сооружения курганов в изучаемом могильнике. Незначительная амплитуда изменений почвенных свойств позволяет предположить, что сооружение курганов происходило в короткий временной интервал (менее 100 лет), что согласуется с археологическими представлениями и корректирует разброс радиоуглеродных дат. Интеграция археологических и естественно-научных методов продемонстрировала высокую информативность для уточнения хронологии и восстановления природных условий в узких временных рамках. Установленная направленность климатических изменений вносит вклад в палеогеографические реконструкции для позднего этапа в ямной культуры Южного Приуралья.

Ключевые слова: археология, Южное Приуралье, ямная культура, развитой этап В, курганная группа Каликино II; палеочерноземы, палеоклиматическая реконструкция, гумидизация, микроморфология, микробиоморфный анализ

SOIL-ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE SHORT - TERM PEDOCHRONE SEQUENCE OF THE KALIKINO II BARROW GROUP IN THE SOUTHERN URALS (ADVANCED PHASE OF THE YAMNAYA CULTURE)[2]

A. E. Sverchkova, A. A. Fayzullin, O. S. Khokhlova, T. N. Myakshina

This paper presents the results of a comprehensive interdisciplinary study of the Kalikino II barrow group in the Orenburg region. Five Early Bronze Age barrows and the associated buried soils were examined. Based

[1] Полевые и аналитические работы проведены при финансовой поддержке гранта РНФ, № 23-68-10006 на тему «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке».Микроморфологические исследования выполнены на оборудовании ЦКП ИФХиБПП РАН, Пущино в рамках выполнения темы Госзадания126031118705-1 (Хохлова Ольга Сергеевна, Мякшина Татьяна Николаевна). Микробиоморфный анализ, визуализация и интерпретация полученных данных в рисунках и подготовка рукописи выполнены по теме Государственного задания ИГ РАН № FMWS-2024-0010 (Сверчкова Алёна Эдуардовна).

[2] Field and analytical work was finansially supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-68-10006 "Ethnocultural processes in the Bronze and Early Iron Ages". Micromorphological investigations were conducted using the facility at the Center for Collective Use of the Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science RAS (Pushchino) as a part of state task No. 126031118705-1 (Olga S. Khokhova, Tatyana N. Myakshina). Microbiomorph analysis, visualization and interpretation of the obtained data in images, as well as manuscript preparation, were carried out as a part of the state task of the Institute of Geography RAS, No. FMWS-2024-0010 (Alyona E. Sverchkova).

on archaeological data (burial rite, barrow architecture with ring-shaped moats, pottery typology and findings the Utevka-type axe and a bone ring) all mounds are attributed to the advanced phase B of the Yamnaya culture (3000–2600 cal BC). Radiocarbon dates obtained for four barrows range from 2885 to 2570 cal BC (spanning 300–500 years). Comparison of radiocarbon and archaeological dating makes it possible to limit the period of functioning of the burial ground to the interval 2800–2600 BC. To refine the construction sequence of the barrows and to perform a paleoclimatic reconstruction, the paleopedological methods were employed, including macro- and micromorphological, physicochemical and microbiomorph analyses. Integrating radiocarbon dates and analysis of soil properties established the chronological sequence of soil burying and barrow constructing at the burial ground under study: from early (Ki-7p, Ki-6p, Ki-4p) to late (Ki-5p, Ki-1p). Soils of the late group display a darker humus horizon, higher organic carbon content and magnetic susceptibility, and lower carbonate content. Microbiomorphic analysis, when examining soils from early to later buried ones, showed an increase in the proportion of meadow and forest grasses phytoliths with a reduction in steppe forms, which indicates an increase in moisture availability. The obtained data indicate a gradual increase in climate humidification during the period of kurgan construction in the studied burial ground. The minor amplitude of changes in soil properties suggests that the kurgans were built over a short time interval (less than 100 years), which is consistent with archaeological evidence and helps refine the scatter of radiocarbon dates. The integration of archaeological and natural science methods has proven highly effective for refining chronology and reconstructing environmental conditions over short time intervals. The identified trend in climate change contributes to paleogeographic reconstructions for the late stage B of the Yamnaya culture in the Southern Urals.

Keywords: archaeology, Southern cis-Urals, Yamnaya culture, advanced phase B, Kalikino II barrow group, paleochernozemic soils, paleoclimatic reconstruction, humidization, micromorphology, microbiomorphic analysis.

Курганная группа (КГ) Каликино II (Грачевский район Оренбургской области) открыта О.И. Пороховой в 1979 г., с 1998 г. является объектом культурного наследия федерального значения. В 2021–2022 годах на памятнике были проведены археологические раскопки под руководством Н.Л. Моргуновой. Работы носили охранно-спасательный и научно-исследовательский характер и выполнялись с участием специалистов в области палеопочвоведения. Многолетние исследования палеопочв, погребенных под курганами степной зоны России, в частности в Оренбургской области, заложили основы изучения эволюции почв и реконструкции палеоклимата, определили методический аппарат и ограничения при работе с погребенными почвами (Губин, 1984; Иванов, 1992; Демкин, Демкина, 2003; Чендев, 2004; Александровский, Александровская, 2005; Sverchkova, Khokhlova, 2025; Хохлова и др., 2025). Актуальность новых исследований обусловлена уникальностью каждого курганного комплекса как источника палеоэкологической информации, заключенной как в погребенной почве, так и в материалах курганных конструкций.

Большинство курганных памятников степной зоны расположены в ареале черноземов – основных объектов при изучении эволюции почв в голоцене. Установлено, что свойства степных почв изменяются за относительно короткие интервалы (100–200 лет), отражая климатические колебания (Хохлова, 2005; Хохлова и др., 2019). Высказано предположение, что при гумидизации черноземы эволюционируют в сторону более северных подтипов, но изменения почвенных свойств выражены слабее, чем при аридизации (Хохлова, 2006б).

Объект исследования – педохроноряд ямного времени КГ Каликино II. Курганы относятся к развитому этапу В ямной культуры (3000–2600 cal BC), для которого в степном Приуралье реконструируется усиление гумидизации (Morgunova, Khokhlova, 2020). Радиоуглеродные оценки длительности этапа В (до 400 лет) и культуры в целом (>2000 лет) противоречат археологическим представлениям, ограничивающим ямную культуру III тыс. до н. э. (Morgunova, Khokhlova, 2013). По палеопочвенным данным этап В был короче (100–200 лет) (Хохлова, 2006а; 2010). Для уточнения палеоклиматических реконструкций на коротких временных интервалах необходим комплексный подход к изучению почв, погребенных под курганами, объединяющий морфологические, физико-химические и микробиоморфные методы.

Цели исследования – реконструкция направленности и динамики изменений свойств палеопочв, погребенных под курганами развитого этапа В ямной культуры в

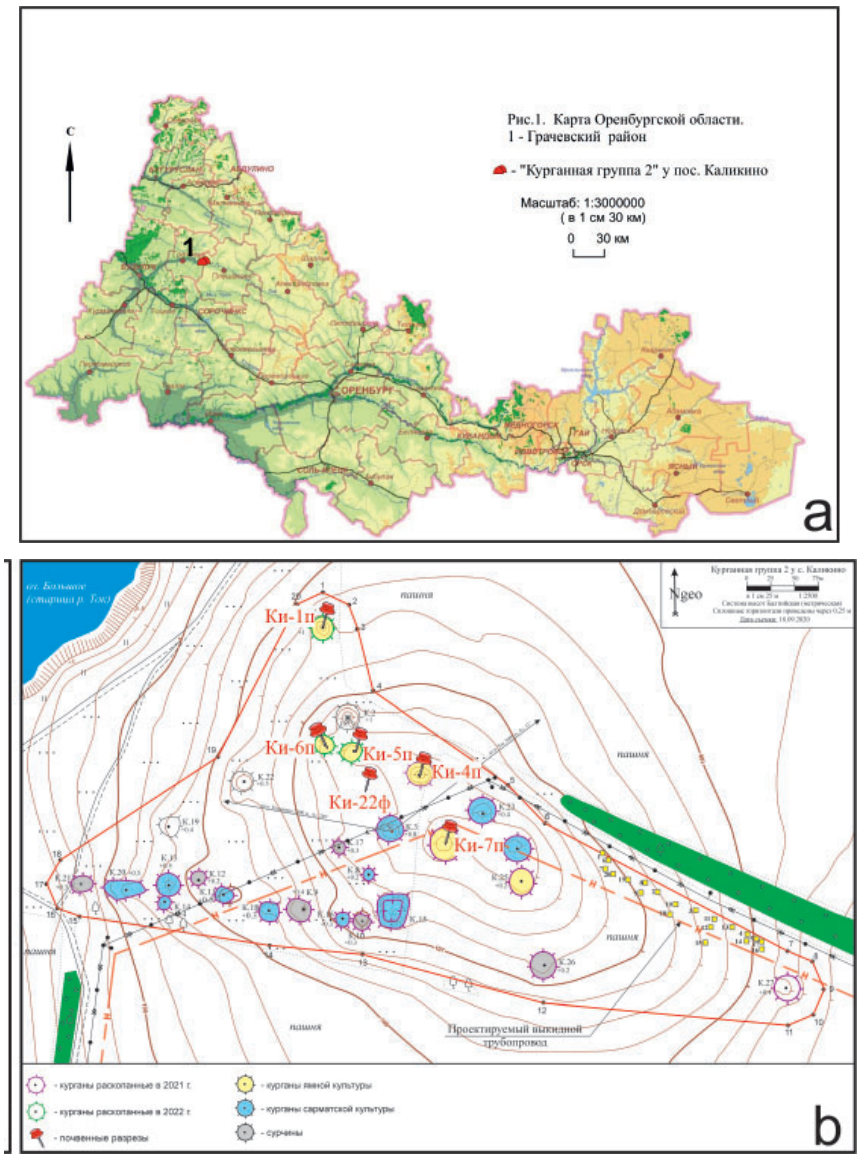


Рис. 1. Карта Оренбургской области (a) (1 – Грачевский район); план курганной группы Каликино II с изученными почвами (b).
Fig. 1. Map of the Orenburg region (a) (1 – Grachyovka district); plan of the Kalikino II barrow group with studied soils (b)

могильнике Каликино II, а также уточнение хронологических рамок функционирования памятника на основе сопоставления почвенно-климатических и археологических данных. Для достижения целей использовались радиоуглеродное и археологическое датирование, макро- и микроморфологические, физико-химические и микробиоморфные методы исследования.

Физико-географические особенности территории исследования

КГ Каликино II расположена в Грачевском районе Оренбургской области, на северо-западных отрогах возвышенности Общий Сырт (рис. 1: a). Рельеф представляет собой слабо всхолмленную равнину, расчлененную долинами рек волжской системы. Памятник находится на первой надпойменной террасе левого берега р. Ток (бассейн р. Самары), в 2 км к юго-востоку от пос. Каликино. В 300 м к западу расположено оз. Большое (Каликинское) (рис. 1: b). Абсолютные высоты составляют около 115 м. Территория находится на границе лесостепной и степной зон, в подзоне северных разнотравно-типчаково-ковыльных степей на черноземах обыкновенных. Среднегодовое количество осадков составляет 350–400 мм с максимумом осадков в июне (76–78 мм), минимумом в августе (26,5 мм), летние температуры достигают +27,5 °С.

Методы исследования

Исследования курганов проводились по стандартной для раскопок степных курганов методике, утвержденной Ученым советом Института археологии РАН. Почвоведы изучали почвы, погребенные под курганами, а также фоновую современную почву, разрез которой был заложен в 30 м к югу от края кургана 5 согласно методике хронорядов (Иванов, Александровский, 1987).

Полевое морфологическое описание почвенных профилей выполнено с определением цвета горизонтов по шкале Манселла. Индексы горизонтов приведены в соответствии с WRB-2022 (IUSS, 2022), диагностика почв проведена по Классификации и диагностике почв России (2004) и WRB (2022). В каждом разрезе до глубины 100 см образцы отбирались с шагом 10 см, глубже – 20 см. В лаборатории определялись: содержание общего углерода (Собщ) методом сухого сжигания на анализаторе МЕТАВАК CS-10; CO_2 карбонатов – манометрическим методом (Воробьева, 2006) с пересчетом на Скарб; содержание органического углерода (Сорг) – как разность Собщ и Скарб; потери при прокаливании (ППП) – нагревом до 900 °С (Аринушкина, 1970); гранулометрический состав – методом пипетки (Вадюнина, 1986); удельную магнитную восприимчивость – на приборе Kappabridge KLY-2 в ЦКП ИФХиБПП РАН (г. Пущино); pH водный – потенциометрически. Микробиоморфный анализ палеопочв (разрезы Ки-1п, Ки-4п, Ки-5п, Ки-6п, Ки-7п) выполнен А.А. Гольевой в Институте географии РАН. Обработка данных и построение графиков выполнены с использованием программ Microsoft Excel и CorelDraw.

Из выделенных горизонтов (Ahkb, AhBkb, B1kb, B2kb) погребенных и фоновой почв (разрезы Ки-1п, Ки-4п, Ки-5п, Ки-6п, Ки-7п, Ки-22ф) отобраны микромонолиты для изготовления шлифов. Микроморфологический анализ шлифов и фотографирование выполнены на микроскопе Axio Scope A1 Carl Zeiss (Германия) в ЦКП ИФХиБПП РАН.

Археологическая информация и радиоуглеродное датирование

В период с 2021 по 2022 гг. на памятнике КГ Каликино II было исследовано 27 курганных конструкций. Из них пять (№ 1, 4, 5, 6. 7) по погребальному обряду отнесены к раннему бронзовому веку. Все изученные курганы имели округлую в плане форму, данные о высоте и диаметре курганов приведены в таблице 1. По данным археологии можно уверенно датировать Каликинский комплекс развитым этапом ямной культуры. Об этом свидетельствует и погребальный обряд, архитектура курганов с кольцевыми рвами (Файзуллин, 2025). Кроме этого, в погребении 4 кургана 7 (рис. 2: 5–6) обнаружен керамический сосуд, который полностью соответствует морфологии и технологии сосудов ямной культуры развитого этапа (Салугина, Моргунова, 2024). В погребении 1 кургана 4 был обнаружен топор (рис. 2: 1–3) утевского типа (Моргунова и др., 2024). Аналогичные погребения с топорами утевского типа (Тамар-Уткуль, Утевка) также были сооружены на развитом этапе ямной культуры. Были получены радиоуглеродные даты для археологических материалов из погребений (табл. 1). Они были необходимы для того, чтобы установить хронологию всех комплексов ямной культуры в данном могильнике, а также проверить наше предположение. Радиоуглеродные даты были получены для четырех курганов, что позволяет отнести их к развитому этапу В ямной культуры, 3000–2600 cal BC. Для кургана 6 радиоуглеродная дата не определена, а курган отнесен к развитому этапу В ямной культуры на основе погребального обряда и находки в захоронении костяного кольца (рис. 2: 4). Аналогичное костяное кольцо в наборе с медным ножом, костяной булавкой и украшениями из меди было обнаружено в погребении женщины в КМ Тамар-Уткуль VII 1/1. Радиоуглеродная дата данного комплекса относит это погребение к развитому этапу В ямной культуры (Моргунова, 2014). Радиоуглеродные данные по курганам 1 и 5, полученные в лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геоэкология», имеют широкий диапазон, который однозначно не может указывать на то, что это курганы развитого этапа. Но данные археологии (архитектура курганов, замкнутые кольцевые рвы, погребальный обряд, не отличающийся от остальных курганов), близкие свойства палеопочв с другими курганами группы свидетельствуют о том, что курганы 1 и 5 были построены на развитом этапе В, как и остальные курганы Каликинской группы.

Микроморфологический анализ выявил, что строительный материал курганов представлял собой целенаправленно подготов-

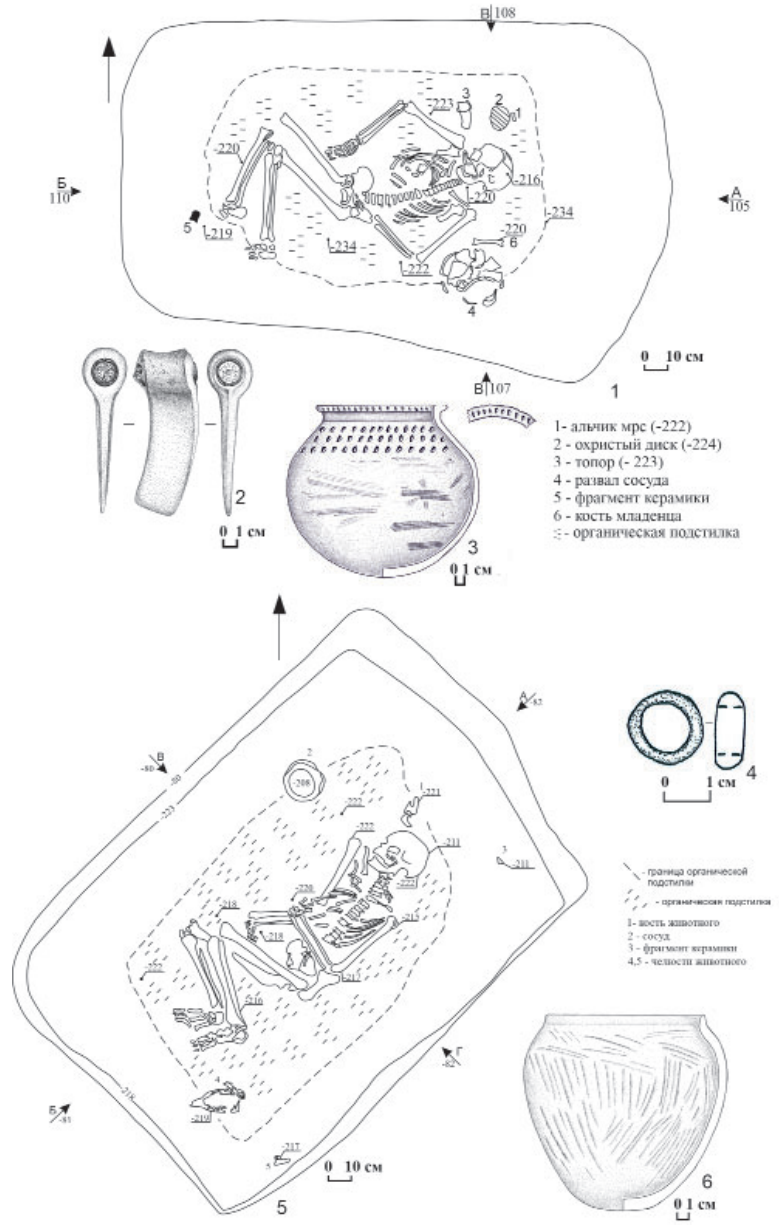


Рис. 2. Погребальный обряд и артефакты в курганах 4,7,6 курганной группы Каликино. 1-3 – погребение 1 кургана 4; 2 – топор; 3 – керамика; 4 – курган 6 костяное кольцо; 5-6 – погребение 4 кургана 7; 6 – керамика.
Fig. 2. Burial rite and artifacts in barrows 4, 7, 6 of the Kalikino barrow group. 1-3 – burial 1 of barrow 4; 2 – axe; 3 – pottery; 4 – barrow 6 bone ring; 5-6 – burial 4 of barrow 7; 6 – pottery.

ленную смесь из гумусированного (темного, обогащенного железом и органикой) и карбонатного (светлого) материала. В процессе замеса и уплотнения формировался гетерогенный материал («пестроцвет») с чередованием светлых и темных включений. В кургане 5 конструкция усложнена добавлением карбонатных блоков и гумусовой прослойки. Присутствие растительных остатков указывает на использование сырцовой технологии. Согласно публикациям (Хохлова и др., 2023; 2025), в развитом этапе В ямной культуры (курган 5) прослеживается тенденция к усложнению архитектуры курганов с формированием геометрически правильных конструктивных элементов.

В работе рассмотрен педохроноряд развитого этапа В ямной культуры. Согласно радиоуглеродному датированию костей в разных курганах КГ Каликино II (табл. 1) разница дат составляет от 300 до 500 лет. Такой широкий хронологический интервал корректируется

традиционным археологическим датированием, который позволяет рассматривать хронологию могильника в интервале примерно от 2800 до 2600 лет до н. э. Прежде всего, необходимо отметить наличие кольцевых рвов в архитектуре курганов 1, 4, 5, 7. Такого типа рвы известны исключительно на развитом этапе. Не противоречат нашему предположению данные изучения форм и технологии керамики из курганов 4 и 7 (Салугина, Моргунова, 2024). Аналогии топору утевского типа и костяному кольцу находят в погребениях развитого этапа В тамар-уткульских курганов, для которых была получена серия радиоуглеродных дат в Гронингенской лаборатории (Моргунова 2014). Наши предположения могут быть дополнены и информацией об изменчивости климата за время функционирования каликинского некрополя.

Результаты изучения почв хроноряда

Объектами исследования послужили пять погребенных почв и один фоновый разрез (таблица 1). При сооружении курганов 1, 5 и 6 зафиксирована срезка верхних горизонтов палеопочв 10 см, 20–25 см и 10 см соответственно. Мощность срезки определялась сопоставлением нижней границы горизонта AhBkb и глубин залегания карбонатных горизонтов в почвах с нарушенным и ненарушенным профилем. Для выявления эволюционных трендов палеопочвы сравнивали с разрезами фоновых почв, заложенными вблизи кургана (рис. 1: b). Курганы располагались на распахиваемом поле.

При диагностике почв и интерпретации данных учитывались следующие факторы: неоднородный состав почвообразующих пород (слоистые отложения с включениями красноцветных выветрелых пород пермского возраста); срезка верхних горизонтов в разрезах Ки-1п, Ки-5п, Ки-6п; сильная изрытость профилей, осложнявшая определение границ гумусовых горизонтов.

Все изученные погребенные почвы характеризуются относительным постоянством набора и мощностей основных генетических горизонтов. Палеопочвы имели следующее строение профиля: Ahkb (0–30 см), AhBkb (30–50 см), B1kb (50–90 см), B2kb (90–125 см), BCkb (125–160 см) – и классифицированы как черноземы обыкновенные или миграционно-сегрегационные среднесуглинистые (Haplic Chernozems (Arenic)). Фоновый разрез (Ки-22ф), заложенный в 70 м к югу от кургана 5, имел следующее строение профиля: Ah (0–5 см), Ah1(p) (5–50 см), AhBk (50–77 см), B1k (77–120 см), B2k (120–150 см) – и классифицирована как чернозем обыкновенный или миграционно-сегрегационный постагрогенный среднесуглинистый (Haplic Chernozem (Arenic, Aric)).

Согласно радиоуглеродным датам, наиболее ранние погребения – под курганами 7 и 4, поздние – под курганами 5 и 1. Для кургана 6 радиоуглеродная дата отсутствует; его хронологическая позиция определена сравнительным анализом морфологических, физико-химических и микробиоморфных свойств погребенной почвы.

Таблица 1. Индивидуальные данные и координаты в системе WGS – 84 курганов ямной культуры бронзового века КГ Каликино II
Table1. Individual data and coordinates in the WGS system – the Bronze Age Yamnaya culture 84 barrows of the Kalikino II barrow group

Курган	Высота, м	Диаметр, м	Координаты	^{14}C- даты (cal BC)	Почвенные разрезы	Срезка, см
Курган 1	1	25	N52°54′39.87″ E53°11′10.12″	2570 – 2240 (SPb_3894)	Ки-1п-22	10
Курган 5	0,4	25	N52°54′35.76″ E53°11′11.89″	2574 – 2298 (SPb_3896)	Ки-5п-22	20-25
Курган 6	0,5	20	N52°54′35.95″ E53°11′10.25″	-	Ки-6п-22	10
Курган 4	0,4	26	N52°54′34.97″ E53°11′15.50″	2882-2626 (GV-3872)	Ки-4п-21	-
Курган 7	0,5	35	N52°54′32.67″ E53°11′16.92″	2885 – 2630 (GV-3868)	Ки-7п-21	-

Морфологический анализ. В палеопочвах поздней группы (Ки-1п, Ки-5п) отмечены признаки усиления гумусонакопления, выра-

женные в более темной окраске гумусового горизонта по сравнению с палеопочвами, погребенными раньше. Различия зафиксированы в характере карбонатных новообразований: в разрезах Ки-4п и Ки-7п наблюдается карбонатная пропитка, в Ки-1п, Ки-5п и Ки-6п в горизонте Ahkb присутствует редкий карбонатный мицелий. Таким образом, в хронологической последовательности фиксируется снижение окарбоначенности гумусовых горизонтов.

Микроморфологический анализ. В палеопочвах поздней группы (Ки-1п и Ки-5п) в горизонте ABkb уменьшается степень окарбоначенности микромассы по сравнению с палеопочвами, погребенными раньше. В разрезе Ки-7п наблюдается уплотненная масса с вокругпоровыми карбонатными стяжениями, а в почвах поздней группы (Ки-1п, Ки-5п) выявлены признаки растворения карбонатов, снижающие уплотненность тонкодисперсного материала. В горизонте B1kb палеопочв Ки-1п и Ки-5п карбонатная пропитка изреживается и отмечаются признаки растворения карбонатов, в результате этого уменьшается консолидированность материала этого горизонта. В палеопочве Ки-7п в горизонтах B1kb и B2kb тонкодисперсная масса более уплотнена за счет карбонатной пропитки. Также на микроморфологическом уровне выявлены различия в степени проработки материала почвенной мезофауной. Наибольшая проработка материала почвенной мезофауной отмечена в горизонте ABkb разреза Ки-4п. Выявленные изменения свидетельствуют об увеличении атмосферного увлажнения в период от начала к концу строительства курганов, активизации гумусонакопления и выщелачивания карбонатов. Фоновая почва наиболее близка к палеопочве Ки-7п (рис. 3).

Физико-химические свойства. В палеопочвах поздней группы (Ки-1п и Ки-5п) наблю-

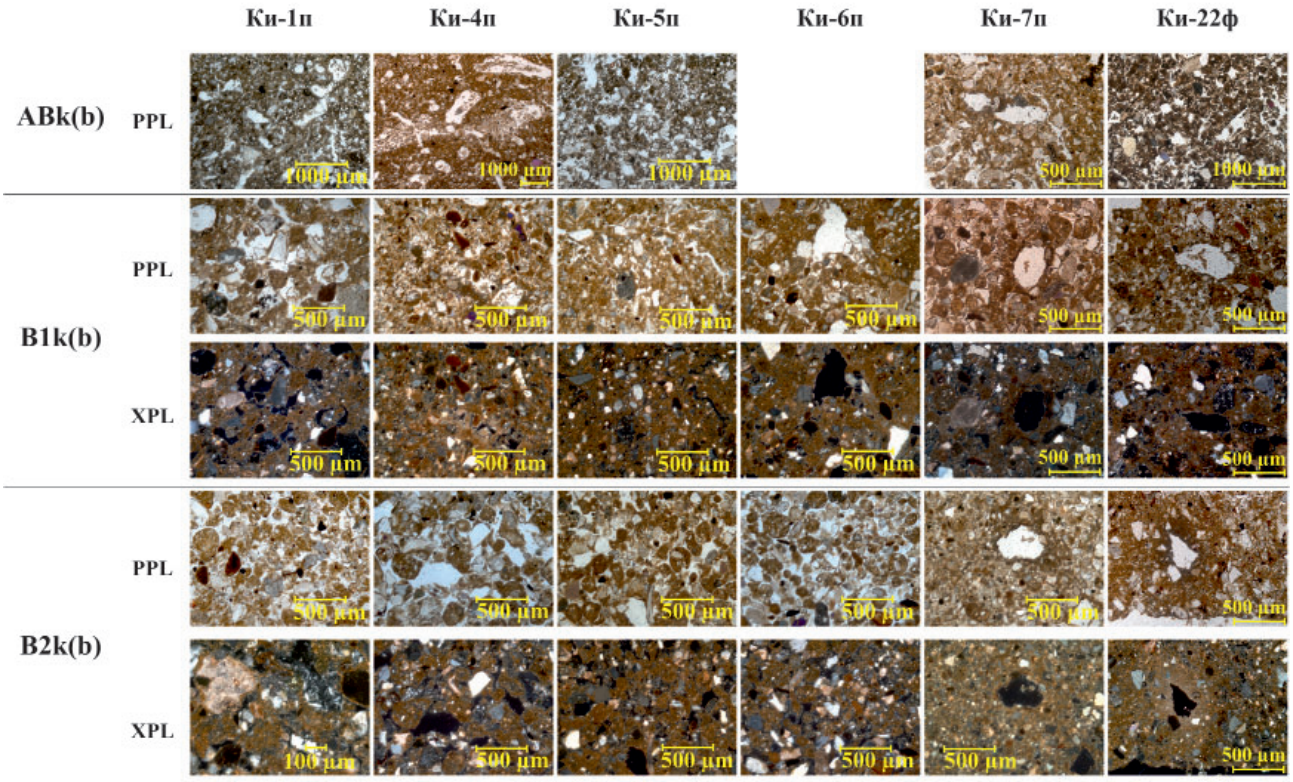


Рис. 3. Микроморфологическое строение генетических горизонтов ABk(b), B1k(b), B2k(b) погребенных и современной почв хроноряда КГ Каликино II. Индекс (b) приводится для погребенных почв. Вверху даны номера разрезов, слева – индексы горизонтов, наличие или отсутствие анализатора.

Fig. 3. Micromorphological structure of genetic horizons ABk(b), B1k(b), and B2k(b) of buried paleosoils and modern soils of the Kalikino II barrow group chronosequence. The index (b) is given for buried soils. Section numbers are given at the top, and horizon indices and the presence or absence of an analyzer are given on the left.

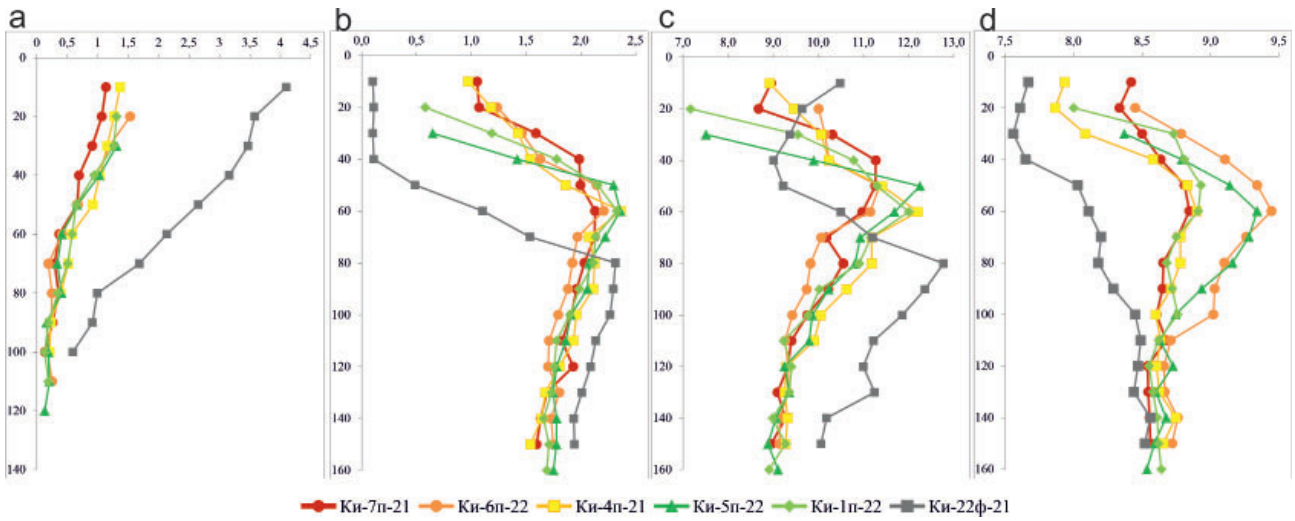


Рис. 4. Физико-химические свойства погребенных («п» в названии разреза) и современной фоновой («ф») почв хроноряда КГ Каликино II: a – Сорг, %; b - Скарб, %; c - ППП, %; d - pH H2O.

Fig. 4. Physicochemical properties of buried palesols (“п” in the section name) and modern background (“ф”) soils of the Kalikino II barrow group chronosequence: a – SOC, %; b – carbonate status of soils, %; c – LOI, %; d – pH H2O.

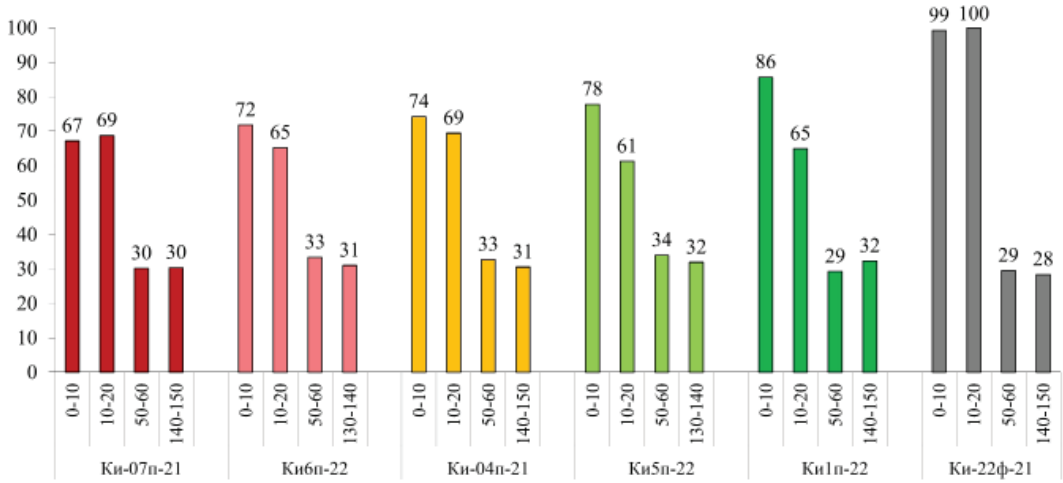


Рис. 5. Распределение величин удельной магнитной восприимчивости (МВ, χ (10–8 ед. СИ)) по профилям почв КГ Каликино II.

Fig. 5. Distribution of specific magnetic susceptibility values (MS, χ (10^{-8} SI units)) across soil profiles of the Kalikino II barrow group.

дается увеличение содержания Сорг (от 1,1 до 1,4%) и уменьшение содержания Скарб (от 1,1% до 0,5%) в верхней части профиля и увеличение значений магнитной восприимчивости (от 67 до 86×10^{-8} ед. СИ) по сравнению с ранними почвами, что указывает на усиление гумидизации климата. Значения pH_{H2O} колеблются от 7,9 до 8,7 единиц, что соответствует среднещелочной реакции (рис. 4, 5).

Микробиоморфный анализ. В дополнение к морфологическому и аналитическому исследованиям микробиоморфный анализ позволил оценить локальные изменения растительного покрова (табл. 2, 3). Только в палеопочвах ранней группы (Ки-4п, Ки-7п) в составе фитолитов были встречены и преобладают в процентном соотношении степные злаки. В палеопочве поздней группы (Ки-1п) отмечено увеличение доли луговых злаков и присутствие лесных форм, что указывает на бóльшую влагообеспеченность в период ее формирования. Таким образом, микробиоморфный анализ независимо подтвердил выводы о палеоклиматической обстановке, полученные почвенными методами. Незначительность изменений растительного покрова согласуется с коротким (несколько десятилетий) интервалом строительства курганов.

Фитолитные данные также подтвердили срезку верхних горизонтов: в палеопочвах Ки-1п, Ки-5п и Ки-6п, где она была диагностирована морфологически, фитолиты в большинстве случаев отсутствуют или встречаются в единичных количествах.

Палеоклиматические реконструкции, выполненные по данным педохроноряда КГ Каликино II, свидетельствуют, что курганы возводились в период плавного нарастания гумидизации климата. От начала к концу строительства фиксируются: возрастание содержания органического углерода и магнитной восприимчивости, потемнение гумусового горизонта, снижение карбонатности, уменьшение активности почвенной фауны. Выявленные изменения имеют незначительную амплитуду и проявляются преимущественно на уровне тенденций, что указывает на относительно короткий интервал погребения почв (менее 100 лет).

Полученные результаты согласуются с ранее выполненными исследованиями палеопочв ямной культуры в регионе, согласно которым ранний этап характеризовался аридизацией, а развитой – усилением гумидизации, нараставшей до финала культуры (Моргунова и др., 2003, 2005, 2010; Хохлова и др., 2019). В отличие от предшествующих работ, рассматривавших развитой этап в целом, настоящее

Таблица 2. Сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф
Table2. Comparative semi-quantitative assessment of microbiomorph abundance

№ разреза	Глубина, см	Детрит	Кутикул слепки	Спикулы губок	Диатомовые водоросли	Фитолиты	Пыльца
4п	0-2	++	-	Ед.	-	+++	++
	2-5	++	-	-	-	+++	+
7п	0-2	++	-	Ед.	-	+++	+
	2-5	++	++	Ед.	Ед.	+++	++
	2-5	++	+	-	Ед.	+++	-
1п	+2+5	+++	-	-	-	Ед.	-
	0+2	+++	-	-	-	Ед.	+
	0-2	+++	-	-	-	+	+
	2-5	+++	-	-	-	+	+
	5-7	+++	-	-	-	+	-
5п	0-2	+++	-	-	-	+	-
	2-5	++	-	-	-	+	+
6п	+5+7	++	-	-	-	-	-
	+2+5	+++	-	-	-	Ед.	-
	0+2	++	-	-	-	-	-
	0-2	+	-	-	-	-	-
	2-5	++	-	-	-	-	Ед.

Таблица 3. Распределение кремниевых микробиоморф (шт) и отдельных групп фитолитов (%)
Table3. Distribution of siliceous microbiomorphs (pcs) and individual phytolith groups (%)

№ разреза	Глубина, см	Спикулы (шт)	Диатомовые (шт)	Фитолиты (шт/%)	1	2	3	4	5	6	7	8	9
4п	0-2	2	-	160/100	45	13*	2	19	16	-	-	5*	-
	2-5	-	-	188/100	32	2	1*	15	32	-	-	11	7
7п	0-2	1	-	286/100	40	8*	2*	10	23	1	-	10	6
	2-5	2	3	228/100	48	4	2	13	16	-	-	12	5
1п	+2+5	-	-	3/100	67	-	33						
	0+2	-	-	3/100	34	33	33						
	0-2	-	-	33/100	31	12	3	21	12	5	2	12	-
	2-5	-	-	9/100	67	11	11						
	5-7	-	-	4/100	50	25	25						
5п	0-2	-	-	16/100	82	6	6	6					
	2-5	-	-	6/100	100								
6п	+5+7	-	-	-									
	+2+5	-	-	1/100	100								
	0+2	-	-	-									
	0-2	-	-	-									
	2-5	-	-	-									

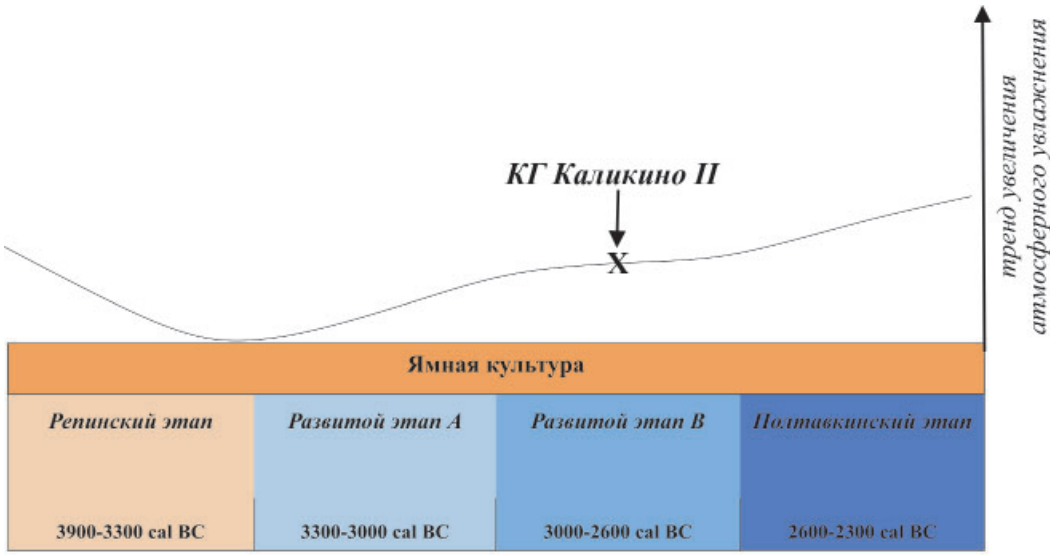


Рис. 6. Тренд изменения атмосферного увлажнения для этапов ямной культуры и расположение на нем КГ Каликино II. Интервалы для этапов ямной культуры по (Morgunova, Khokhlova, 2020)

Fig. 6. The trend of atmospheric humidity change for the phases of the Yamnaya culture and the location of the Kalikino II barrow group on it. Intervals for the phases of the Yamnaya culture (Morgunova, Khokhlova, 2020)

исследование детализирует палеоклиматическую обстановку для завершающей фазы этапа В. Выявленный тренд к гумидизации коррелирует с данными по степям Нижнего Поволжья, где усиление гумидности климата фиксируется со второй четверти II тыс. до н. э. (Демкин и др., 2004; Борисов и др., 2006).

Таким образом, комплексный анализ археологических и палеопочвенных данных позволяет с высокой степенью достоверности реконструировать как хронологию памятника, так и природно-климатические условия периода его функционирования. Установленный тренд к гумидизации на завершающей фазе этапа В ямной культуры дополняет существующие представления о динамике климата в регионе и уточняет хронологические рамки существования могильника.

Заключение

Комплексное междисциплинарное исследование КГ Каликино II позволило реконструировать природно-климатические условия периода сооружения курганов и уточнить хронологию функционирования памятника в рамках развитого этапа В ямной культуры.

На основе анализа погребального обряда, архитектурных особенностей, типологии керамики и аналогий топору утевского типа и костяному кольцу установлена принадлежность всех изученных курганов к развитому этапу В ямной культуры. Разброс радиоуглеродных дат (2885–2570cal BC, интервал 300–500 лет) скорректирован археологическими данными, ограничивающими время функционирования могильника периодом 2800–2600 гг. до н. э. Курган 6, не имеющий радиоуглеродной даты, на основе археологических признаков и сравнительного анализа почвенных свойств отнесен к ранней группе погребений (совместно с курганами 7 и 4).

Изучение пяти погребенных почв и фонового разреза показало, что все палеопочвы относятся к черноземам обыкновенным миграционно-сегрегационным (Haplic Chernozems (Arenic)) с устойчивым строением профиля. В хронологическом ряду от ранних (Ки-7п, Ки-4п) к поздним (Ки-5п, Ки-1п) почвам выявлены однонаправленные изменения свойств: потемнение гумусового горизонта, повышение содержания органического углерода и магнитной восприимчивости, снижение карбонатности, трансформация карбонатных новообразований от пропитки к редкому мицелию. Микробиоморфный анализ подтвердил увеличение доли луговых и появление лесных злаков при сокращении степных форм в поздних почвах.

Совокупность полученных данных свидетельствует о плавном нарастании гумидизации климата в течение периода сооружения курганов. Незначительная амплитуда изменений, фиксируемых преимущественно на

уровне тенденций, указывает на относительно короткий временной интервал погребения почв (менее 100 лет), что согласуется с археологической корректировкой радиоуглеродных дат.

Выявленный тренд к гумидизации на завершающей фазе этапа В ямной культуры дополняет существующие представления о палеоклиматической динамике в регионе, детализируя картину для заключительного этапа функционирования памятника, и согласуется с данными предшествующих исследований по Южному Приуралью и Нижнему Поволжью. Комплексный междисциплинарный подход продемонстрировал свою эффективность для уточнения хронологии и реконструкции природных условий коротких временных интервалов.

ЛИТЕРАТУРА

Александровский А.Л., Александровская Е.И. Эволюция почв и географическая среда. М.: Наука, 2005. 223 с.

Аринушкина Е.В. Руководство по химическому анализу почв. М.: Моск. ун-т, 1970. 488 с.

Борисов А.В., Демкина Т.С., Демкин В.А. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н. э.). М.: Наука, 2006. 210 с.

Вадюнина А.Ф., Корчагина З.А. Методы исследования физических свойств почв. М.: Агропромиздат, 1986. 416 с.

Воробьева Л.А. Теория и практика химического анализа почв. М.: ГЕОС, 2006. 400 с.

Губин С.В. Диагенез почв зоны сухих степей, погребенных под искусственными насыпями // Почвоведение. 1984. № 6. С. 5–13.

Демкин В.А., Демкина Т.С. Археологическое почвоведение на пороге третьего тысячелетия // Проблемы эволюции почв / Отв. ред. В.А. Демкин. Пущино: Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, 2003. С. 29–34.

Демкин В.А., Ельцов М.В., Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Демкина Т.С., Борисов А.В. Развитие почв Нижнего Поволжья за историческое время // Почвоведение. 2004. № 12. С. 1486–1497.

Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.: Наука, 1992. 144 с.

Иванов И.В., Александровский А.Л. Методы изучения эволюции почв // Почвоведение. 1987. № 1. С. 112–121.

Классификация и диагностика почв России / Отв. ред. Г.В. Добровольский. Смоленск: Ойкумена, 2004. 342 с.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. 391 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с.

Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Пархомчук Е.В., Салугина Н.П. Новый комплекс с топором утевского типа ямной культуры в Оренбуржье // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 106–118.

Моргунова Н.Л., Хохлова О.С., Гольева А.А., Зайцева Г.И., Чичагова О.А. Результаты радиоуглеродного датирования курганного могильника Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2005. С. 96–104.

Салугина Н.П., Моргунова Н.Л. Новый керамический комплекс ямной культуры из курганного могильника Каликино-2 в Южном Приуралье: морфология и технология изготовления // Древняя керамика Евразии: от сосуда к культуре / Отв. ред. А. А. Выборнов, Е. С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 54–56.

Файзуллин А.А. Ров как элемент архитектуры курганов ямной культуры // Археология Казахстана. 2025. № 2 (28). С. 100–103.

Хохлова О.С. Ямная культура по данным палеопочвенного изучения курганов в Оренбургском Предуралье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2006а. С. 104–109.

Хохлова О.С. Внутривековая (декадная) эволюция почв и скорости изменчивости свойств в степных почвах на разных породах // Экология и почвы. Лекции и доклады XIII Всероссийской школы. Т. V / Отв. ред. В.М. Алифанов. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2006б. С. 278–286.

Хохлова О.С. Эволюция почв Южного Приуралья в ямное и срубное время, сравнение результатов исследования коротких педохронорядов в разных курганных могильниках // Биосферные функции почвенного покрова: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летнему юбилею Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН. Пущино: SYNCHROBOOK, 2010. С. 330–332.

Хохлова О.С., Моргунова Н.Л., Гольева А.А. Природно-климатические условия в V–III тыс. до н.э. в Оренбуржье по данным междисциплинарных геоархеологических исследований // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 102–112.

Хохлова О.С., Сверчкова А.Э., Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Мякшина Т.Н. Основные приёмы строительства курганов ямной культуры в Южном Приуралье // Почвы и окружающая среда. 2023. Т. 6, № 2. С. e213.

Хохлова О.С., Сверчкова А.Э., Мякшина Т.Н. Решение археологических задач методами почвоведения: на примере земляных конструкций курганов ямной культуры Оренбуржья // Вестник Московского университета. Серия 17: Почвоведение. 2025. Т. 80, № 4. С. 61–79.

Чендев Ю.Г. Естественная эволюция почв Центральной лесостепи в голоцене. Белгород: Белгород. гос. ун-т, 2004. 201 с.

IUSS Working Group WRB. World Reference Base for Soil Resources. International soil classification system for naming soils and creating legends for soil maps. Vienna: International Union of Soil Sciences (IUSS), 2022.

Morgunova N.L., Khokhlova O.S. Chronology and periodization of the Pit-Grave culture in the region between the Volga and Ural rivers based on radiocarbon dating and paleopedological research // Radiocarbon. 2013. Vol. 55, No. 3. P. 1286–1296. https://doi.org/10.1017/S0033822200048190

Morgunova N.L., Khokhlova O.S. Development of ancient cultures and paleoenvironment during the Eneolithic Period and the Early Bronze Age in the Southern Cis-Urals steppe (Russia) // Archaeological and Anthropological Sciences. 2020. Vol. 12. P. 241. https://doi.org/10.1007/s12520-020-01197-w

Sverchkova A.E., Khokhlova O.S. Paleosoils under kurgans and kurgan constructions of the Bronze Age as indicators of paleoenvironmental conditions in steppe area of Russia // Catena. 2025. Vol. 256. P. 109122.

Информация об авторах:

Сверчкова Алёна Эдуардовна, кандидат биологических наук, научный сотрудник, Институт географии РАН (г. Москва, Россия); acha3107@gmail.com

Файзуллин Айрат Асхатович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник археологической лаборатории, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); faizullin.airat@yandex.ru.

Хохлова Ольга Сергеевна, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения им. В.А. Ковды РАН (Пущино, Россия); olga_004@rambler.ru

Мякшина Татьяна Николаевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения им. В.А. Ковды РАН (Пущино, Россия); mtn59@mail.ru

REFERENCES

Alexandrovskiy, A. L., Alexandrovskaya, E. I. 2005. *Evoliutsiia pochv i geograficheskaia sreda (Soil evolution and the geographical environment)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Arinushkina, E. V. 1970. *Rukovodstvo po khimicheskomu analizu pochv (Guidelines for chemical analysis of soils)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Borisov, A. V., Demkina, T. S., Demkin, V. A. 2006. *Paleopochvy i klimat Ergenei v epokhu bronzy (IV–II tys. do n. e.) (Paleosoils and climate of Ergeni in the Bronze Age (IV–II millennia BC))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vadyunina, A. F., Korchagina, Z. A. 1986. *Metody issledovaniia fizicheskikh svoistv pochv (*Methods for studying the physical properties of soils*)*. Moscow: "Agropromizdat" Publ. (in Russian).

Vorobyeva, L. A. 2006. *Teoriya i praktika khimicheskogo analiza pochv (Theory and Practice of the Chemical Analysis of Soils)*. Moscow: "GEOS" Publ. (in Russian).

Gubin, S.V. 1984. In *Pochvovedenie (Soil Studies)* (6), 5–13 (in Russian).

Demkin, V. A., Demkina, T. S. 2003. In Demkin, V. A. (ed.). *Problemy evoliutsii pochv (Issues of soil evolution)*. Pushchino: Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, 29–34 (in Russian).

Demkin, V. A., Eltsov, M. V., Alekseev, A. O., Alekseeva, T. V., Demkina, T. S., Borisov, A. V. 2004. In *Pochvovedenie (Soil Studies)* (12), 1486–1497 (in Russian).

Ivanov, I.V. 1992. *Evoliutsiia pochv stepnoi zony v golotsene (Evolution of steppe zone soils in the Holocene)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ivanov, I. V., Aleksandrovskiy, A. L. 1987. In *Pochvovedenie (Soil Studies)* (1), 112–121 (in Russian).

Dobrovolskiy, G. V. (ed.). 2004. *Klassifikatsiya i diagnostika pochv Rossii (Classification and Diagnostics of the Soils of Russia).* Smolensk: "Oykumena" Publ. (in Russian).

Morgunova, N. L. 2014. *Priuralskaia gruppa pamiatnikov v sisteme volzhsko-uralskogo varianta iamnoi kulturno-istoricheskoi oblasti (The Cis-Urals group of sites in the system of the Volga-Ural type of the Yamnaya cultural and historical area)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Morgunova, N. L., Golyeva, A. A., Kraeva, L. A., Meshcheryakov, D. V., Turetsky, M. A., Khalyapin, M. V., Khokhlova, O. S. 2003. *Shumaevskie kurgany (Shumaevo barrows).* Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Morgunova, N. L., Golyeva, A. A., Degtyareva, A. D., Evgeniev, A. A., Kuptsova, L. V., Salugina, N. P., Khokhlova, O. S., Khokhlov, A. A. 2010. *Skvortsovskiy kurgannyy mogil'nik (Skvortsy Barrow Burial Ground*). Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Morgunova, N. L., Faizullin, A. A., Parkhomchuk, E. V., Salugina, N. P. 2024. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* (6), 106–118 (in Russian).

Morgunova, N. L., Khokhlova, O. S., Golyeva, A. A., Zaitseva, G. I., Chichagova, O. A. 2005. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 7. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 96–104 (in Russian).

Salugina, N.P., Morgunova, N. L. 2024. In Vybornov, A. A., Tkach, E. S. (eds.). *Drevniaia keramika Evrazii: ot sosuda k kulture (Ancient Pottery of Eurasia: from vessel to culture).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 54–56 (in Russian).

Faizullin, A. A. 2025. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 28 (2), 100–103 (in Russian).

Khokhlova, O. S. 2006a. In Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy izucheniia iamnoi kul'turno-istoricheskoi oblasti (Issues of Studying the Pit Grave Cultural and Historical Area).* Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 104–109 (in Russian).

Khokhlova, O. S. 2006b. In Alifanov, V. M. (ed.). *Ekologiia i pochvy (Ecology and soils)* Vol. 5. Pushchino: RAS, 278–286 (in Russian).

Khokhlova, O. S. 2010. In *Biosfernye funktsii pochvennogo pokrova: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 40-letnemu iubileiu Instituta fiziko-khimicheskikh i biologicheskikh problem pochvovedeniia RAN (Biosphere functions of soil cover: Biospheric functions of the soil cover: proceedings of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 40th anniversary of the Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences).* Pushchino: "SYNCHRO-BOOK" Publ., 330–332 (in Russian).

Khokhlova, O. S., Morgunova, N. L., Golyeva, A.A . 2019. In Morgunova, N. L. (ed.). *Fenomeny kultur rannego bronzovogo veka stepnoi i lesostepnoi polosy Evrazii: puti kulturnogo vzaimodeistviia v V–III tys. do n.e (Phenomena of Early Bronze Age Cultures of the Steppe and Forest-Steppe Zones of Eurasia: Paths of Cultural Interaction in the V–III Millennium BC)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 102–112 (in Russian).

Khokhlova, O. S., Sverchkova, A. E., Morgunova, N. L., Faizullin, A. A., Myakshina, T. N. 2023. In *Pochvy i okruzhayushchaya sreda (The Journal Of Soils And Environment)* 6 (2), e213 (in Russian).

Khokhlova, O. S., Sverchkova, A. E., Myakshina, T. N. 2025. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 17. Pochvovedenie (Bulletin of the Moscow University. Series 17. Soil Studies*) 80 (4), 61–79 (in Russian).

Chendev, Yu. G. 2004. *Estestvennaia evoliutsiia pochv Tsentralnoi lesostepi v golotsene (Natural evolution of soils of the Central Forest Steppe in the Holocene)*. Belgorod: Belgorod State University (in Russian).

IUSS Working Group WRB. 2022. *World Reference Base for Soil Resources. International soil classification system for naming soils and creating legends for soil maps*. Vienna: International Union of Soil Sciences (IUSS).

Morgunova, N. L., Khokhlova, O. S. 2013. In *Radiocarbon* 55 (3), 1286–1296. https://doi.org/10.1017/S0033822200048190

Morgunova, N. L., Khokhlova, O. S. 2020. In *Archaeological and Anthropological Sciences* (12), 241. https://doi.org/10.1007/s12520-020-01197-w

Sverchkova, A. E., Khokhlova, O. S. 2025. In *Catena* (256), 109122.

About the Authors:

Sverchkova Alena E. Candidate of Biological Sciences, Researcher. Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Staromonetnyy pereulok, str., 29, build. 4, Moscow, 119017, Russian Federation; acha3107@gmail.com

FayzullinAirat A. Candidate of Historical Sciences. Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St., 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; faizullin.airat@yandex.ru

Khokhlova Olga S. Dr. Sci. in Geography, Leading Researcher, V.A. Kovda Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science, Russian Academy of Sciences. Institutskaya str. 2, Pushchino, 142290, Russian Federation; olga_004@rambler.ru

Myakshina Tatyana N. Candidate of Biological Sciences, Chief Researcher, V.A. Kovda Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science, Russian Academy of Sciences. Institutskaya str. 2, Pushchino, 142290, Russian Federation; mtn59@mail.ru

Статья поступила в журнал 23.03.2026 г.
Статья принята к публикации 06.04.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.76.95

О «СЕТЧАТОЙ» КЕРАМИКЕ В ПАМЯТНИКАХ ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПООЧЬЯ И МЕЩЕРЫ

© 2026 г. Е.С. Азаров

Статья посвящена керамике с «сетчатыми» («текстильными») отпечатками, обнаруженной в памятниках поздняковской культуры западного ареала. Рассматриваются комплексы, объединяющие предположительно синхронные погребальные и поселенческие памятники первой половины II тыс. до н.э. в обозначенном регионе: могильник Фёфелов Бор – поселение Логинов Хутор, Коренецкий могильник – поселение Коренец II, Шагарский II могильник – поселение Шагара I, а также поселение и могильник Щербинино. Приводятся контекст обнаружения, характеристика, систематизация и статистическое распределение «сетчатых» отпечатков по памятникам. Установлено, что керамика с «сетчатыми» отпечатками (преимущественно «рябчатыми», узких пропорций – подтип Р1) органично присутствует в памятниках поздняковской культуры с самого раннего этапа, составляя с ней культурную целостность. Выявлены территориальные закономерности: доля такой керамики в комплексах возрастает к северу (от 5% на Оке до 12% в Озёрной Мещере); на Средней Оке фиксируется ощутимая доля «ниточных» отпечатков (14%), а в наиболее северных памятниках (Щербинино) преобладает иной подтип «рябчатых» отпечатков (Р3), отражающий, вероятно, более сильное влияние культур с «сетчатой» керамикой Верхнего Поволжья.

Ключевые слова: археология, поздняковская культура; «сетчатая» керамика; «текстильная» керамика; поздний бронзовый век; Среднее Поочье; Мещерская низменность.

ON RETICULATED WARE IN THE SITES OF THE POZDNYAKOVO CULTURE IN THE MIDDLE OKA REGION AND MESCHCHERA LOWLANDS

E.S. Azarov

The article deals with ceramics bearing “reticulated” (“textile”) impressions discovered in the Pozdnyakovo culture sites of the western area. The paper examines complexes that combine presumably synchronous burial and settlement sites of the first half of the II millennium BC in mentioned region: the Fyofelov Bor burial ground - Loginov Khutor settlement; the Korenets burial ground - Korenets II settlement; the Shagara II burial ground - Shagara I settlement; as well as the Shcherbinino settlement and burial ground. The context of discovery, characteristics, systematization, and statistical distribution of "reticulated" impressions across the sites are presented. It has been established that ceramics with “retuculated” impressions (predominantly “speckled”, of narrow proportions — subtype P1) are organically present in the Pozdnyakovo culture sites from the earliest stage, forming a cultural unity with it. Territorial patterns have been identified: the proportion of such ceramics in the assemblages increases towards the north (from 5 % on the Oka River to 12 % in the Lake Meshchera region). In the Middle Oka region, a notable proportion of “thread” impressions is recorded (14 %), while in the northernmost sites (Shcherbinino), a different subtype of “speckled” impressions (P3) predominates, likely reflecting stronger impact from cultures with “reticulated” ware of the Upper Volga region.

Keywords: archaeology, Pozdnyakovo culture, “reticulated” ware, “textile” ceramics, Late Bronze Age, Middle Oka region, Meshchera Lowlands.

Поздний бронзовый век юга лесной полосы Волго-Окского междуречья в историографии традиционно связывается с двумя типами древностей – памятниками поздняковской культуры (ПК) и сетчатой (текстильной) керамики (КТК). Одним из проблемных вопросов в исследовании этого периода является разграничение и соотношение этих культурных явлений. Для территории Среднего Поочья и прилегающей Мещерской низменности в историографии общая парадигма сосуществования этих древностей обычно определяется тем, что последние постепенно сменили первые. Данный процесс отражал либо растворение особенностей ПК к концу бронзового века в складывающейся местной синкретиче-

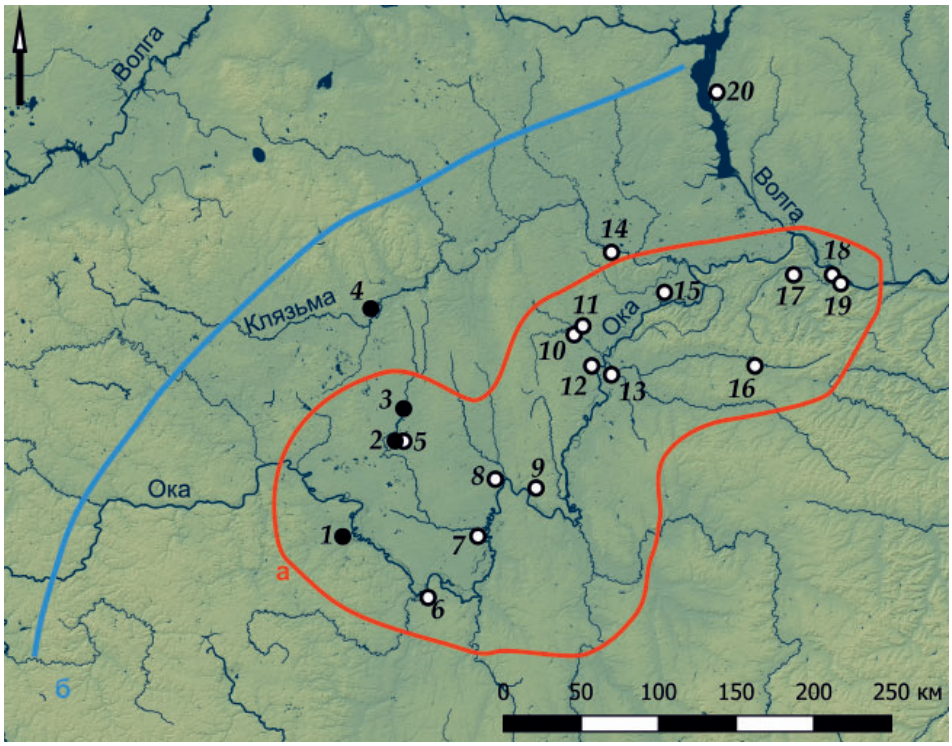


Рис. 1. Карта основного ареала поздняковской культуры с упомянутыми в статье археологическими памятниками: а – условная зона максимальной концентрации памятников ПК; б – условная граница, за которой памятники ПК почти неизвестны; 1 – «Канищевские дюны» (г.м. Фёфелов Бор, пос. Логинов Хутор); 2 – «Шагара» (г.м. Шагарский II, пос. Шагара I); «Коренец» - (к.м. Коренецкий, пос. Коренец II); 4 – пос. и г.м. Щербинино; 5 – пос. Нармус; 6 – пос. Засеченское III; 7 – г.м. Берёзовый рог; 8 – пос. Ибердус 2; 9 – пос. Подборновское; 10 – к.м. Битюковский; 11 – к.м. Борисоглебский; 12 – пос. Дмитровская Слобода II; 13 – к.м. Мало-Окуловский; 14 – пос. Липки; 15 – пос. Щёлково 1; 16 – пос. Наумовка 1; 17 – пос. Новая Деревня 1; 18 – пос. Безводное 1; 19 – пос. Шава 1; 20 – пос. Сокольское 2.

Fig. 1. Map of the main distribution area of the Pozdnyakovo culture, showing archaeological sites mentioned in the article: a – conventional zone of maximum concentration of the Pozdnyakovo culture sites; b – conventional boundary beyond which Pozdnyakovo culture sites are almost unknown; 1 – “Kanishchevskie Dyuny” (Fyofelov Bor burial ground without mounds, Loginov Khutor settlement); 2 – “Shagara” (Shagara II burial ground without mounds, Shagara I settlement); 3 –“Korenets” (Korenets barrow field, Korenets II settlement); 4 –Shcherbinino settlement and burial ground without mounds; 5 – Narmus settlement; 6 – Zasechenskoe III settlement; 7 – Beryozovy Rog burial ground without mounds; 8 – Iberdus 2 settlement; 9 – Podbornovskoye settlement; 10 – Bityukovsky barrow field; 11 – Borisoglebsky barrow field; 12 – Dmitrovskaya Sloboda II settlement; 13 – Malo-Okulovsky barrow field; 14 – Lipki settlement; 15 – Shchyolkovo 1 settlement; 16 – Naumovka 1 settlement; 17 – Novaya Derevnya 1 settlement; 18 – Bezvodnoye 1 settlement; 19 – Shava 1 settlement; 20 – Sokolskoye 2 settlement.

ской культуре поселений с текстильной керамикой (Бадер, 1970, с. 63), либо смену населения в регионе с частичной ассимиляцией носителями сетчатой керамики, пришедшими с севера (Третьяков, 1975, с. 28–30; Попова, 1985, с. 185). Вместе с тем отмечается, что сетчатая керамика в Среднем Поочье в незначительном количестве известна уже в самых ранних памятниках поздняковской культуры (Попова, 1985, с. 181) или, возможно, непосредственно предшествующих им (Фоломеев, 2017, с. 328). Сам факт обнаружения такой керамики в поселениях ПК интерпретировалась по-разному: как результат поздних стратиграфических нарушений культурного слоя; как свидетельство частичного проникновения с севера носителей сетчатой керамики; либо же как результат культурного воздействия, в результате которого носители ПК научились изготавливать сетчатую керамику (Третьяков, 1975, с. 28; Попова, 1985, с. 181).

Очевидно, что при рассмотрении вопроса о месте керамики с сетчатыми отпечатками в памятниках поздняковской культуры ключевой является проблема определения единовременности комплекса. Подавляющая часть

поселенческих археологических памятников позднего бронзового века Мещеры и Среднего Поочья характеризуется нечёткой стратиграфией, часто сопровождающейся «мешанным» разновременным культурным слоем. Случаи обнаружения сетчатой керамики в «открытых» комплексах поселений ПК (заполнений построек, хозяйственных объектов) известны. Погребальные памятники этого периода представлены главным образом грунтовыми и курганными могильниками поздняковской культуры. Могильники, непосредственно связанные с носителями сетчатой керамики, за исключением грунтового могильника Дикариха в Ярославском Поволжье, в чистом и однозначном виде практически неизвестны (Азаров, 2014). Последнее характерно для всей территории распространения сетчатой керамики в Восточной Европе, от Скандинавии до Средней Волги. Тем не менее случаи «закрытых» комплексов, в нашем случае погребений, где бы была встречена сетчатая керамика, на территории Среднего Поочья и Мещеры известны. Помимо погребального инвентаря к категории условно «закрытых» комплексов следует отнести случаи обнаружения сетчатой керамики в насыпи курганов ПК и под ними, а также непосредственно у грунтовых погребений, очевидно обусловленные погребальной практикой.

Для некоторого нивелирования указанных выше проблем в выявлении четкого контекста сетчатой керамики в памятниках поздняковской культуры Среднего Поочья и Мещеры материал рассматривается в связках-комплексах «могильник – поселение» условно первой половины II тыс. до н. э.: грунтовый могильник Фёфелов Бор и поселение Логинов Хутор, Коренецкий курганный могильник и поселение Коренец II, Шагарский II грунтовый могильник и поселение Шагара I, поселение и грунтовый могильник Щербинино (рис. 1). Очевидные случаи присутствия более поздней сетчатой керамики 2-й половины II тыс. до н. э. и начала I тыс. до н. э., известные по более или менее выраженным памятникам этого периода региона (Фоломеев, 1974; 1975; 1988; Сыроватко, 2013; Азаров, 2013; 2017), из выборки были исключены.

Памятники и контекст обнаружения

Грунтовый могильник Фёфелов Бор и поселение Логинов Хутор («Канищевские дюны»). Памятники расположены на двух одноименных песчаных всхолмлениях («дюнах»), иногда именуемых в литературе «Канищевские дюны», примерно в 1,5 км друг от друга, в пойме правого берега Оки, к северо-востоку от северной границы г. Рязани. Оба памятника были открыты В.А. Городцовым в начале XX века и исследовались археологическими экспедициями ГИМ под руководством Т.Б. Поповой (1968–1974 и 1979 гг.) при участии Б.А. Фоломеева (1967–1969 гг.).

Грунтовый могильник Фёфелов Бор (Канищево, Фёфелов бугор) был достаточно полно исследован на площади около 1500 кв. м, выявлены 74 могильные ямы, впущенные частично в культурный слой стоянки Фёфеловской-Придорожной (Канищево, поселение 2; стоянка Фёфелов Бор II) периода неолита (Попова, 1988). Хронологически могильник, вероятно, существовал продолжительное время. Часть погребений[1] относится к шагарской (примокшанской) культуре конца III тыс. до н. э. Остальная, б*о*льшая часть относится, вероятно, к раннему периоду сложения поздняковской культуры, включает погребальный инвентарь, преимущественно сосуды, которые имеют аналогии в ранней срубной (покровской) культуре и собственно поздняковской, часто довольно уникального «архаичного» облика (Попова, 1988, с. 136; Азаров, 2014, с. 362). В восточной группе погребений, по мнению Т.Б. Поповой, самой ранней среди поздняковских, в погребении № 65 были обнаружены два крупных вытянутых сосуда, один из которых имел многорядную сложную орнаментацию по раструбной шейке и плечикам. Ниже плечиков и орнаментальной зоны этого сосуда с реконструированным яйцевидным дном расположены сетчатые рябчатые отпечатки (рис. 5: 1)[2].

Поселение Л*о*гинов Хутор (Канищево, поселение 3; Логиновская-Приозерная стоянка) исследовано на площади в 356 кв. м, где были выявлены две углубленные прямоугольной формы постройки неустановленного назначения площадью 65,7 и 50 кв. м, а также одно погребение, предположительно кремация в могильной яме (Попова, 1974). По опубликованным данным, всего было обнаружено свыше 8 тысяч фрагментов керамики, но на хранение в музей поступило лишь около 2,5 тысячи фрагментов и отдельные полные формы сосудов[3]. Основной керамический комплекс был отнесен к раннему пери-

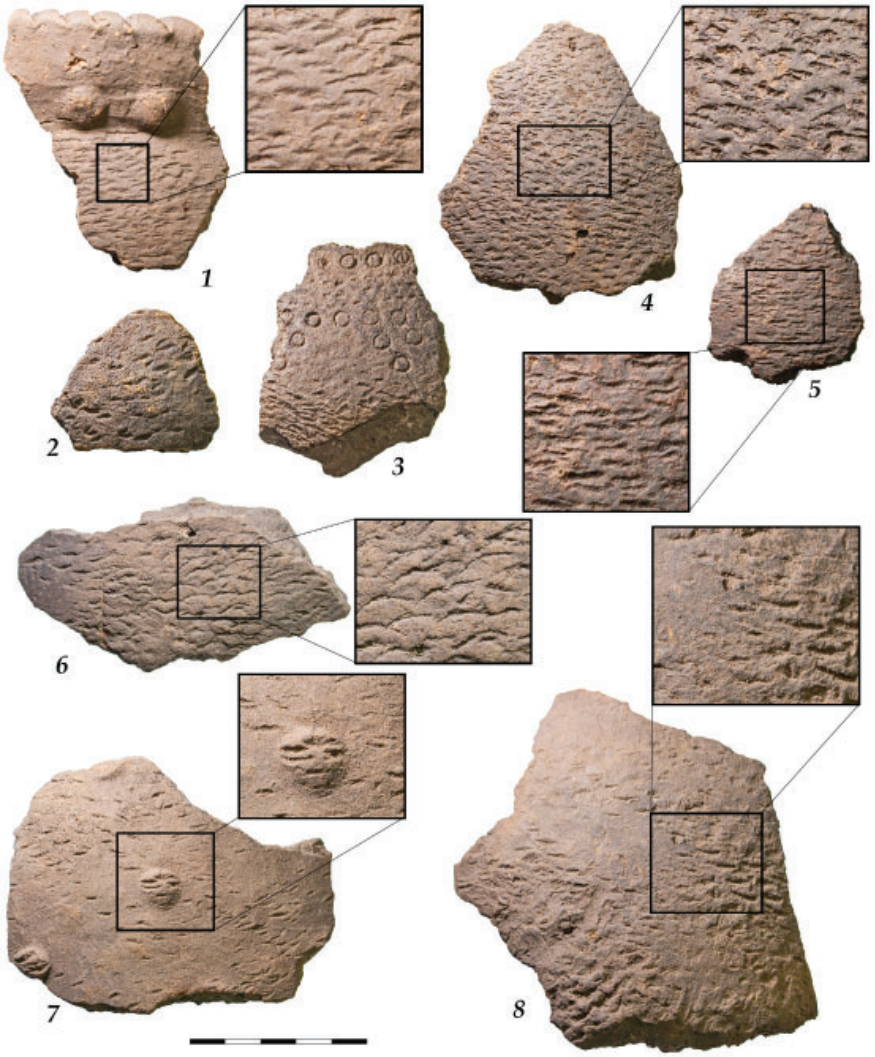


Рис. 2. Тип «рябчатый», подтип P1: 1-5 – керамика поселения Логинов Хутор; 6-8 – керамика поселения Коренец II.
Fig. 2. "Speckled" type, subtype P1: 1–5 – ceramics from the Loginov Khutor settlement; 6–8 – ceramics from the Korenets II settlement.

оду поздняковской культуры (Попова, 1974, с. 228–230), возможно к периоду её сложения (Фоломеев, 2017, с. 328). Проведенное позднее исследование основного комплекса керамики в рамках историко-культурного подхода выявило культурную неоднородность обитателей поселения и наличие трёх групп гончарных традиций: условно «местной», условно «пришлой» и результат смешения этих двух групп (Швецова, Азаров, 2022). Время существования поселения, с учётом довольно ранних черт, было определено первой четвертью II тыс. до н. э., что в целом близко и ко времени грунтового могильника Фёфелов Бор.

Сетчатая керамика представлена в количестве всего 3–5% (рис. 2: 1–5; 5: 2–5; 6: 1–2, 5)[4] от общего количества и относится главным образом к первой группе гончарных традиций. Встречены как отдельные фрагменты сосудов, преимущественно с рябчатыми отпечатками и редкими «ниточными», так и целый сосуд с округлым дном, орнаментированный по раструбной шейке и плечикам горизонтальными линиями зубчатого штампа, с «ниточными» отпечатками поверхности ниже орнаментальной зоны до дна (рис. 6: 5). Сосуд был обнаружен на дне постройки № 1, остальные фрагменты сетчатой керамики были обнаружены как в заполнении постройки, так и в культурном слое.

Коренецкий курганный могильник и поселение Коренец II («Коренец»). Памятники расположены на территории муниципального окру-

га Шатура Московской области на песчаном мысовом возвышении юго-западного берега проточного озера Святое, на правом берегу у выхода из озера русла р. Пры. Памятники были открыты О.Н. Бадером в 1927 г., дальнейшие археологические исследования также были произведены экспедициями Исторического музея. Курганный могильник раскапывался в 1951 г. И.К. Цветковой, в 1952 г. И.В. Яценко и в 1961 г. Т.Б. Поповой. Всего было исследовано 10 насыпей из 13 обнаруженных[5]. Поселение исследовалось двумя небольшими раскопами в 1951 г. И.К. Цветковой и в 1961 г. Т.Б. Поповой[6]. По мнению последней, памятники представляют собой связанный единовременный комплекс (Попова, 1965).

Курганный могильник представлял собой насыпи округлой или чаще овальной формы от 0,7–0,8 м до 1,3 м высотой и от 8 до 22 м в диаметре. В курганном могильнике керамика с сетчатыми отпечатками обнаружена в виде отдельных фрагментов в курганах № 7 и 10 только в насыпях, в курганах № 4 и № 6, в том числе и под насыпью, связанных с погребальными объектами. Практически вся имеющаяся сетчатая керамика происходит из раскопок в 1961 г. и составляет 21% от общего количества в коллекции этого года раскопок (всего 152 фрагмента из 733 фрагментов, включая сосуды) (рис. 3: 3–6; 5: 9)[7].

Объекты в курганном могильнике (погребения и иные возможные погребально-поминальные объекты), за исключением кургана № 4, очевидно, располагались на уровне дневной поверхности или же в песчаных подсыпках. Нередко они маркировались различными пятнами песка (чаще бурыми или золисто-углистыми) или же обозначались находками предметов из камня и сосудами из глины из возможного погребального инвентаря, характерно расположенных[8] (Попова, 1965, рис. 2). Костных останков не сохранилось, что свойственно для имеющихся топографических условий в лесной зоне. Очевидных нарушений в стратиграфии курганов выявлено не было, за исключением позднего «современного» перекопа в кургане № 6. Под насыпью этого кургана фрагменты от возможного развала сосуда с сетчатыми отпечатками (№ 15) располагались в одной структуре с сосудами № 13–14 и 16 в северо-западном секторе. Небольшое скопление керамики или возможный развал приурочены к золисто-углистому пятну (№ 10) в северо-восточном секторе и ещё один (рис. 3: 3–5) – к углистому пятну (№ 11) в том же секторе. Все указанные возможные развалы в большинстве случаев крайне плохой сохранности и какой-либо реконструкции поддаются трудно – по этой причине учтены по фрагментам. В кургане № 4 в золистом пятне был обнаружен небольшой баночный сосуд (№ 5) с сетчатыми отпечатками, орнаментированный полосой «жемчужин» (рис. 5: 9) (Попова, 1965, рис. 6). Следует также упомянуть ещё один сосуд в виде глубокой миски с отогнутой щекой и плоским дном, орнаментированный двумя линиями округлых ямок по плечикам, со специфическими крупными «отпечатками» на поверхности ниже орнаментальной зоны (рис. 3: 6), который, судя по инвентарной описи в музее, происходит из кургана № 9 раскопок И.В. Яценко в 1952 г.

Поселение Коренец II было изучено на площади в 88 кв. м, на нем были зафиксированы остатки от объекта, интерпретированного как очаг. Памятник расположен примерно в 150 м к юго-юго-востоку от курганного могильника. Песчаный культурный слой составлял мощность 50–60 см, но был интенсивно насыщен находками, главным образом позднего бронзового века, с крайне небольшим количеством материала неолита – энеолита и фатьяновской культуры (Попова, 1965, с. 165–166). Памятник не имел чёткой стратиграфии, тем не менее сам археологический материал позднего бронзового века довольно однородный. Всего коллекция керамики из поселения Коренец II составляет 1631 фрагмент, из которой 10–12% приходится на долю сетчатой керамики (рис. 2: 6–8; 3: 1–2; 5: 6–8)[9]. Керамика с сетчатыми отпечатками встречена как в верхней части культурного слоя, так и в нижней. Из раскопок И.К. Цветковой в 1951 г. происходят два развала крупных сосудов с сетчатыми отпечатками (рис. 3: 1–2).

Шагарский II грунтовый могильник и поселение Шагара I («Шагара»). Памятники расположены всего в 15 км к югу от предыдущих, но уже в Клепиковском муниципальном округе Рязанской области, на южном берегу одноименного проточного озера в месте протоки в озеро Великое. Впервые они были выявлены А.В. Трусовым в ходе разведок 1975–1976 гг. и представляют собой «многослойные» археологические памятники, содержащие остатки от стоянок, поселений и грунтовых могиль-

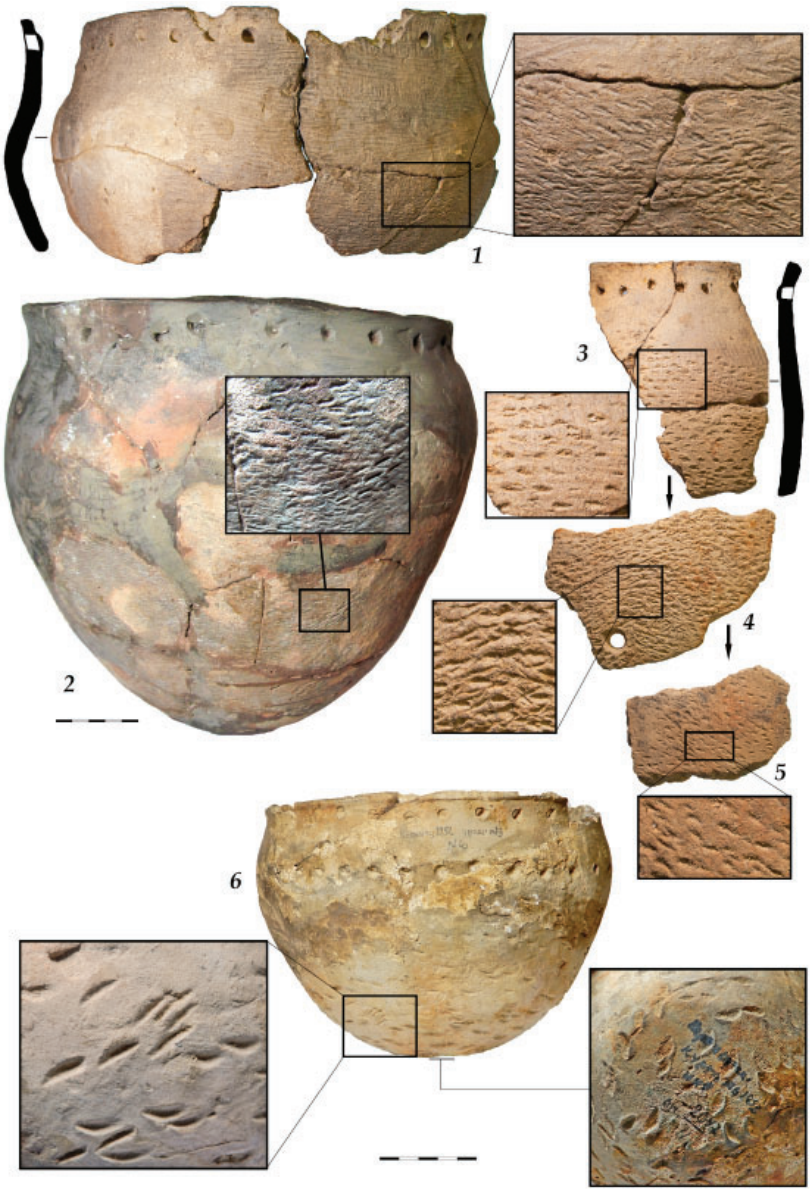


Рис. 3. Тип «рябчатый», подтип P1: 1-2 – сосуды из поселения Коренец II; 3-5 – фрагменты венчика, придонной части и дна от одного сосуда под насыпью кургана № 6 Коренецкого могильника; 6 – сосуд из кургана № 9 Коренецкого могильника.

Fig. 3. "Speckled" type, subtype P1: 1–2 – vessels from the Korenets II settlement; 3–5 – rim fragment, lower body fragment, and base from a single vessel beneath the mound of barrow No. 6 at the Korenets burial ground; 6 – vessel from barrow No. 9 at the Korenets burial ground.

ников начиная от периода позднего мезолита до конца бронзового века. С 1984 г. до 2023 г. оба памятника в разное время исследовались Мещёрской археологической экспедицией Исторического музея раскопками под руководством Е.Д. Каверзневой, А.В. Емельянова и Е.С. Азарова.

Шагарский II грунтовый могильник расположен на территории стоянки Шагара II, которая в ходе раскопок 1990-х гг. была исследована на площади 578 кв. м в «прибрежной» части. В 2022–2023 гг. ещё 104 кв. м были дообследованы в отдаленной «лесной» части стоянки. Основной объём найденных материалов, главным образом в «прибрежной» части, относился к культурам ямочно-гребенчатой керамики и волосовской, к которой были отнесены остатки от четырех котлованов. Помимо поселенческих объектов в ходе раскопок в 1990-е было выявлено 15 погребений, впущенных в «черный» насыщенный песчаный нестратифицированный культурный слой мощностью до

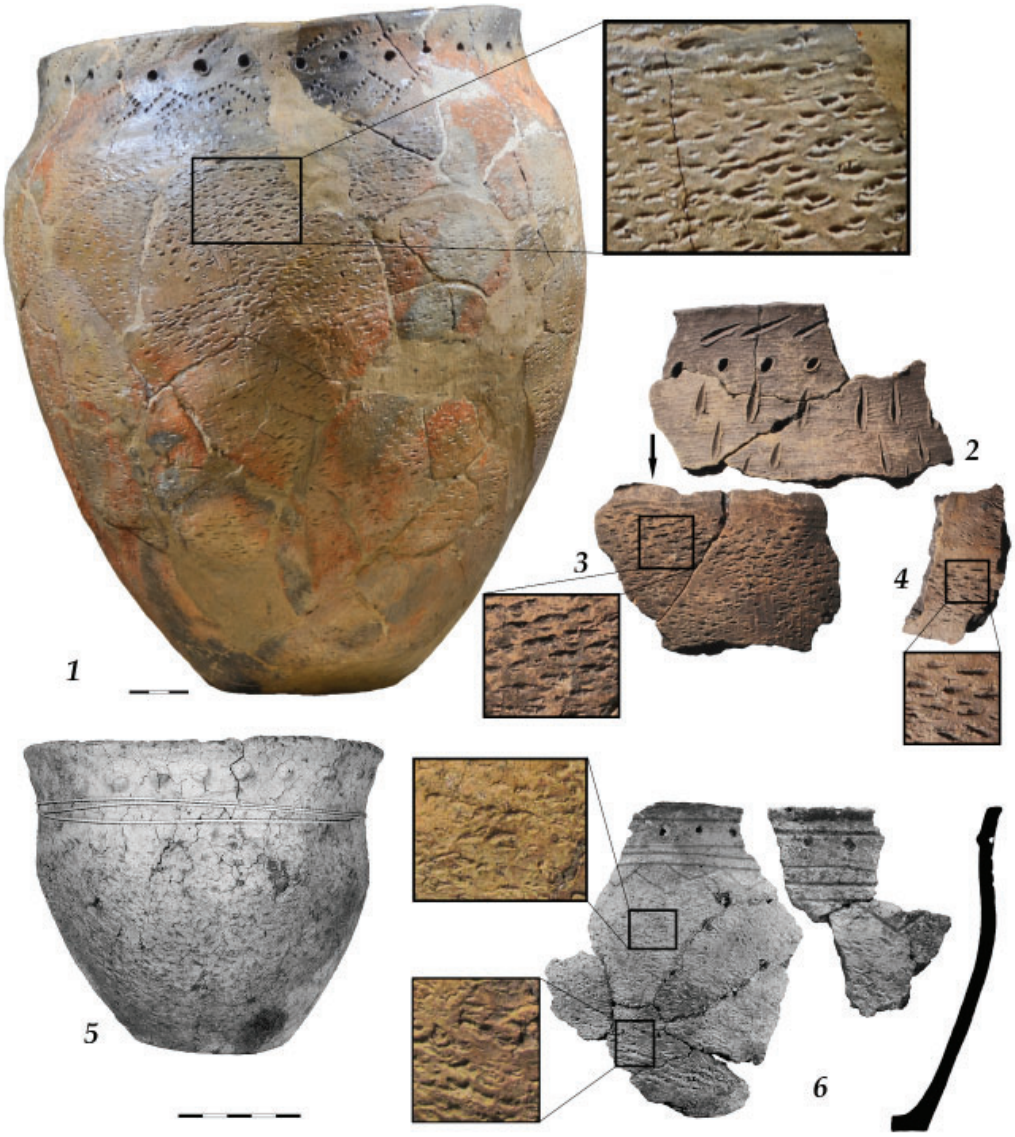


Рис. 4. Тип «рябчатый», подтип Р1: 1 – сосуд у п. № 17 Шагарского II могильника; 2-3 – фрагмент венчика и верха тулова от одного сосуда из поселения Шагара I; 4 – фрагмент стенки из поселения Шагара I; 5 – сосуд из погребения № 1 могильника Щербинино; 6 – сосуд из поселения и могильника Щербинино.
Fig. 4. "Speckled" type, subtype P1. 1 – a vessel nearby burial No. 17 at the Shagara II burial ground; 2-3 – fragments of the rim and upper body from a single vessel discovered at the Shagara I settlement; 4 – a wall fragment from the same settlement; 5 – a vessel from burial No. 1 at the Shcherbinino burial ground; 6 – a vessel from the Shcherbinino settlement and burial ground.

1,5 м. Из 15 погребений 13 относились к поздняковской культуре, два – предположительно, к волосовской культуре. При исследовании 2021–2023 гг. на участке с менее насыщенным культурным слоем было выявлено ещё как минимум три погребения (Азаров, 2025). У северо-восточного края погребения № 17 был выявлен развал орнаментированного по верху плоскодонного вытянутого сосуда с сетчатыми рябчатыми отпечатками, расположенными ниже орнаментальной зоны (рис. 4: 1). Среди визуально заметных примесей в сосуде можно отметить дресву. Также в заполнении могильной ямы был обнаружен фрагмент верхней части похожего сосуда с характерными сетчатыми отпечатками (Азаров, 2025, рис. 10: в, *4*). Также несколько схожих фрагментов были встречены в ходе раскопок 2022–2023 гг. в нижней части культурного слоя, на границе с «материковым» песком, на участках у погребений. Более поздняя сетчатая керамика финала бронзового века (Азаров, 2025, рис. 5:

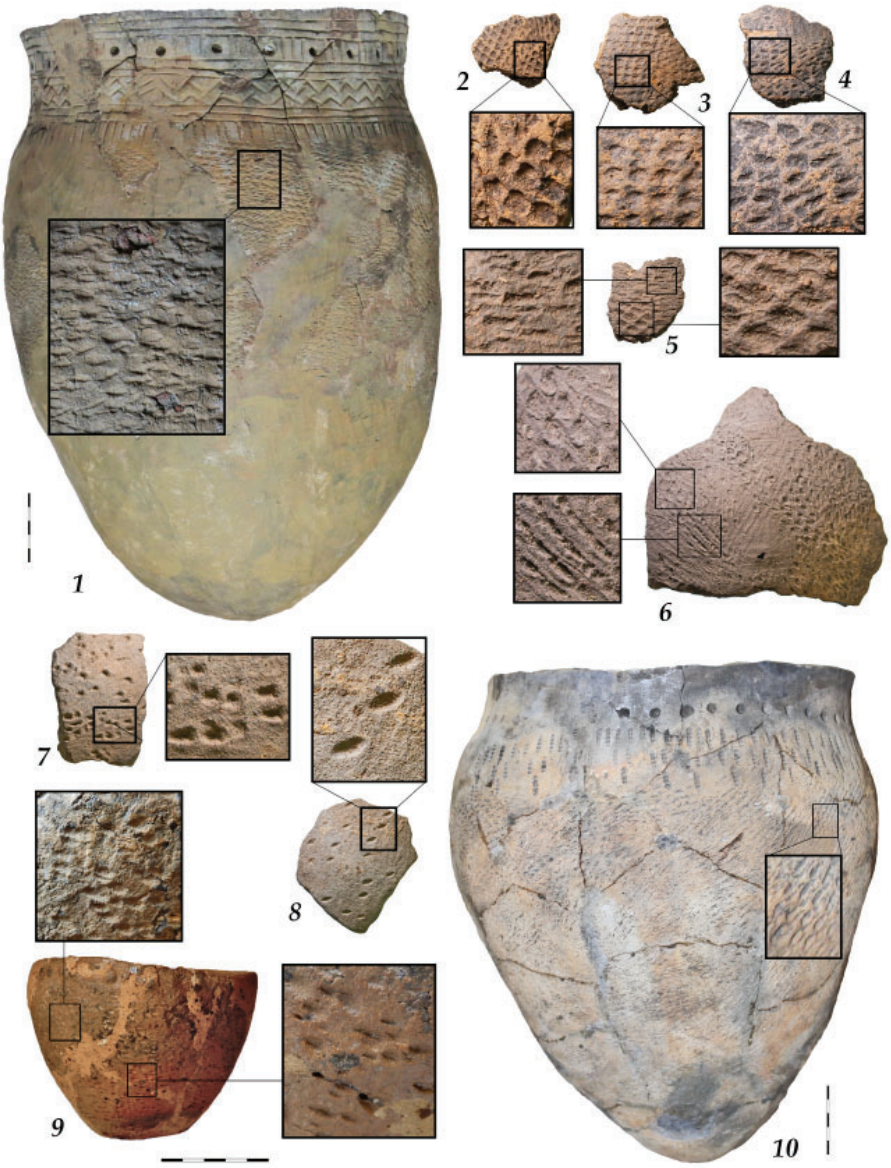


Рис. 5. Тип «рябчатый», подтип Р2: 1 – сосуд из погребения № 65 могильника Фёфелов Бор; 2-5 – керамика поселения Логинов Хутор; 6-8 – керамика поселения Коренец II; 9 – сосуд из кургана №4 Коренецкого могильника; 10 – сосуд из культурного слоя поселения Шагара I.
Fig. 5. "Speckled" type, subtype P2: 1 – a vessel from burial No. 65 at the Fyofelov Bor burial ground; 2–5 – ceramics from the Loginov Khutor settlement; 6–8 – ceramics from the Korenets II settlement; 9 – a vessel from barrow No. 4 at the Korenetsky burial ground; 10 – a vessel from the cultural layer of the Shagara I settlement.

1–6) была обнаружена преимущественно в верхней части нестратифицированного культурного слоя и к моменту выхода на пятна могильных ям в «материке» уже не фиксировалась. Погребения «лесной» части Шагарского II могильника по ряду аналогий можно условно датировать началом 2-й четверти II тыс. до н. э.

Поселение Шагара I расположено примерно в 200 м к северо-западу от могильника и также представляет собой сочетание разновременных погребальных и поселенческих памятников. Свыше 130 погребений Шагарского I могильника эпох энеолита и последней четверти III тысячелетия до н. э. были впущены в «черный» насыщенный нестратифицированный культурный слой, содержащий остатки от стоянок, в том числе углубленные постройки, культур различных эпох от раннего до позднего неолита (ямочно-гребенчатой керамики, волосовской, шагарского типа). За период исследований с 1984

по 2021 гг., с перерывами на исследование других памятников, было вскрыто около 1600 кв. м (Каверзнева, 1992; Каверзнева, Азаров, 2020; Азаров, Каверзнева, 2022). Преимущественно в верхней половине культурного слоя, частично уничтоженной активной распашкой в XIX–XX вв., были обнаружены в большом количестве материалы поселения позднего бронзового века поздняковской культуры. Всего, только за 2011–2020 гг. исследований, было обнаружено свыше 11 тыс. фрагментов керамики позднего бронзового века, из которых около 7% имели сетчатые отпечатки на поверхности, включая целые и неполные формы (рис. 4: 3–4; 5: 10; рис. 6: 3–4)[10]. Время существования поселения поздняковской культуры по имеющимся материалам также можно датировать началом 2-й четверти II тыс. до н. э.

Поселение и могильник Щербинино («Щербинино»). Археологический комплекс расположен к югу от окраины микрорайона Карболит г. Орехово-Зуево Московской области, на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Клязьмы. Впервые был выявлен как отдельные стоянки мезолита и неолита Щербинино 1, 2 и 6, а также производственного комплекса позднего Средневековья Щербинино 3 при разведках проектировавшегося строительства Д.В. Крутько в 2005–2006 гг. В 2012 г. в ходе спасательных археологических исследований отрядом Подмосковной археологической экспедиции Отдела охранных раскопок ИА РАН под руководством А.Е. Кравцова были уточнены границы и характер единого археологического комплекса памятника, включающего материалы финала позднего палеолита и раннего мезолита (иеневская культура), мезолита (бутовская культура), среднего неолита (льяловская культура), позднего неолита – энеолита (деснинская культура), раннего бронзового века (фатьяновская культура), позднего бронзового века (поздняковская культура), а также сельского поселения XII–XIII вв. В том же году был заложен раскоп в полосе землеотвода общей площадью 1532 кв. м (Кравцов и др., 2015а; 2015б). Культурный слой практически не был выражен внешне в стратиграфии, а его мощность, которая составляла до 40 см, определялась фактически по глубине залегания мешанного археологического материала вне заполнения объектов.

На исследованной раскопками площади «многослойного» памятника численно преобладал археологический материал, определенный как поздняковская культура с признаками влияния культуры текстильной керамики (Кравцов и др., 2015а, с. 55). В контексте поселения поздняковской культуры было выявлено наземное или слабо углубленное подпрямоугольное жилище площадью 54 кв. м с приподнятым тамбуром-входом и округлое сооружение к западу диаметром до 2,75 м и глубиной 1 м, вероятно связанное с обработкой кремня. Выявлены также иные «хозяйственные» объекты, из которых часть расположена близко к погребениям и может быть интерпретирована как погребально-поминальные объекты (Кравцов и др., 2015б, с. 84–86). Всего было обнаружено 1596 фрагментов керамики ПК, что составляет 94,2% всей обнаруженной керамики, из них 7,3% (116 фр.) имели на поверхности сетчатые рябчатые отпечатки (рис. 6: 6–7)[11]. В заполнении жилища обнаружено всего 837 фрагментов керамики ПК, из которых 7,6% имели сетчатые отпечатки (Кравцов и др., 2015а, с. 59).

В 11–21 м в юго-западном направлении от жилища было выявлено три погребения в ямах (Кравцов и др., 2015б). Инвентарь погребения № 1, кроме двух наконечников стрел из черно-серого и черного кремня, был представлен плоскодонным горшковидным сосудом с сетчатыми отпечатками, орнаментированным по бортику насечками и полосой жемчужин по отогнутой наружу шее-щеке (рис. 4: 5) (Кравцов и др., 2015б, рис. 2: 1–3). Рябчатые отпечатки были расположены ниже орнаментальной зоны и начинались от верха тулова до дна. Неполный развал ещё одного сосуда с сетчатыми отпечатками (рис. 4: 6) был обнаружен в 4,6–6,1 м южнее погребения № 1 в виде отдельных фрагментов в радиусе 1,6 м и на разных глубинах с максимальной разницей в 48 см – возможно, сосуд происходит из разрушенного погребения или является «переотложенным» приставным сосудом к тому же погребению. Сосуд по форме был близок предыдущему и представлял собой слабопрофилированный плоскодонный горшок с отогнутой шеей-щекой. Орнаментация из ямок и вдавлений гладкого штампа представлена в верхней части сосуда, и, как и в случае с предыдущими сосудами, сетчатые отпечатки начинались ниже, начиная от

Таблица 1. Количество и соотношение типов и подтипов отпечатков
Table 1. The number and ratio of types and subtypes of impressions

Комплекс	Памятник	Всего[1]	«Рябчатые»			«Ниточные»	
			Р1	Р2	Р3	Н1	Н2
«Канищевские дюны»	Фёфелов Бор, г.м.	(1)	100%			-	
			-	(1)	-		
	Логинов хутор, пос.	3-5%	86%			14%	
			61%	25%	-	ок. 70%	ок. 30%
«Коренец»	Коренецкий к.м.	21%/(2)	100%			-	
			88%	12%	-		
	Коренец II, пос.	10-12%	100%			-	
			85%	15%	-		
«Шагара»	Шагарский II г.м.	(1)	100%			-	
			(1)	-	-		
	Шагара I, пос. (пбв)	ок. 7%	>>			<	
			>>	<	-		
«Щербинино»	Щербинино г.м.	(2)	100%			-	
			(2)	-	-		
	Щербинино, пос.	7,3%	99%			<1%	
			40%	-	60%	<1%	-

[1] В столбце «Всего» в скобках указаны отдельные сосуды, в процентах — доля от общего количества керамики поздняковской культуры.

верха тулова. Оба сосуда заметных визуально примесей не имели.

Сетчатые отпечатки

За основу взят подход к систематизации сетчатых (текстильных) отпечатков, разработанный О.А. Лопатиной для керамики дьяковской культуры (Лопатина, 2020). Базовым в нем является определение формы элементов отпечатков, которые оставлены рабочей поверхностью инструмента за один трудовой акт (движение, удар, прикладывание). В целом он близок к уже известному и рабочему подходу Б.А. Фоломеева в определении фактуры отпечатков (Фоломеев, 1998; 2017) на уровне определения формы элементов по материалам бронзового и раннего железного веков и с ним сопоставим. Тем не менее новый подход представляется более удобным в форме записи, а также сравнительно более удачным в определении подтипов, которые обобщают многообразие элементов по пропорциям для рябчатых отпечатков и особенностям скручивания нитей для «ниточных». Часть выделенных О.А. Лопатиной подтипов непосредственно для дьяковской керамики вполне удачно подходит и для поздняковской, что говорит в пользу схожести в разные эпохи инструментов для их нанесения, возможно естественного природного и подручного происхождения. Детальная классификация на уровне видов не проводилась. Данные по соотношениям типов и подтипов в рамках типа отпечатков для приведенных памятников обобщены в Таблице 1.

Тип Рябчатые (Р). К этому типу отнесены элементы отпечатков в виде ячеек различных форм, размеров и пропорций. Данный тип сетчатых отпечатков является наиболее распространенным среди всех обозначенных памятников (рис. 2–5; 6: 6–7).

Подтип Р1 – элементы узких пропорций, длина отпечатков существенно превышает ширину (рис. 2–4). Представлены как «скобковидными» («полулунчатыми», «ногтевыми», «эсовидными») отпечатками (рис. 2: 1, 6), так и прямыми, подпрямоугольной или немного «линзовидной» формы (рис. 2: 2–4, 5, 7–8). Длина «скобковидных» отпечатков составляет около 7–8 мм, длина прямых (или «линзовидных») – около 4–5 мм. На сосудах элементы расположены чаще всего вытянуто горизонтально. Также внутри отпечатка элементов иногда отдельный рельеф от «инструмента» в виде перегородок. Данный подтип является доминирующим для поселений Логинов Хутор (61%), Коренец II (85%), в материалах Коренецкого могильника (88%) и

по общим наблюдениям среди сетчатой керамики поселения Шагара I. Встречен на сосуде из погребения Шагарского II могильника. В поселении Щербинино отпечатков P1 зафиксировано меньше половины (40%), однако они представлены на сосудах, связанных с могильником (рис. 4: 5–6).

Отпечатки P1 имеют свои особенности в плотности и расположении на отдельных фрагментах и сосудах. Плотность чаще всего определяется как высокая, при которой расстояние между элементами составляет до одного интервала, равное ширине или длине самого элемента. Распространена и средняя плотность – до трех интервалов (Фоломеев, 1998, с. 86–87). В то же время на одних и тех же сосудах плотность может увеличиваться от верха тулова к придонной части, переходя от средней до высокой и очень высокой плотности, когда элементы расположены уже внахлёст (рис. 3: 3–4). В ряде случаев на некоторых фрагментах сосудов присутствуют участки, чаще всего в виде диагональных полос-отрезков шириной до 2,5 см, в которых сетчатые отпечатки либо отсутствуют, либо имеют низкую и очень низкую плотность (рис. 2: 7–8). На одном из неполных развалов поселения Коренец II «сетчатые» отпечатки нанесены локально только с одной стороны сосуда, чуть ниже тулова, в то время как на остальных сохранившихся частях сосуда отпечатков нет (рис. 3: 1).

К специфическим случаям следует отнести сосуд из кургана № 9 Коренецкого могильника с сильно разреженными, крупными, вытянутыми, глубокими вдавлениями на тулове длиной 10 мм и более, расположенными в придонной части и на дне и напоминающими элементы подтипа P1 сетчатых отпечатков (рис. 3: 6). Возможно, в данном случае это стилистическая имитация сетчатых отпечатков – их расположение в зоне ниже орнаментальной зоны в целом повторяет общие закономерности.

Подтип P2 – элементы широких пропорций, длина отпечатков незначительно превышает ширину (рис. 5). Данный подтип сетчатых отпечатков встречается сравнительно реже и крайне неоднороден. Обычно элементы отпечатков представляют собой овал, часто с неровными краями, длина в среднем 4–5 мм или 6–7 мм. Больше всего их выявлено на поселении Логинов Хутор (25%), встречены на сосуде в погребении № 65 могильника Фёфелов Бор (рис. 5: 1). В поселении Коренец II среди всего типа рябчатых отпечатков подтипа P2 выявлено около 15%. В поселении Шагара I также выявлены отпечатки P2, в том числе на одном из развалов сосуда полной формы (рис. 5: 10), но в целом по наблюдениям количество таких отпечатков незначительно. Стоит отметить, что в некоторых единичных случаях в памятниках Логинов Хутор и Коренец II подтипы отпечатков P1 и P2 сочетались на одном и том же сосуде (рис. 5: 5–6).

Плотность отпечатков подтипа P2 на имеющихся образцах чаще всего можно определить как высокую, на сосуде из поселения Шагара I (рис. 5: 10) как крайне высокую: отпечатки наползают друг на друга, образуя специфическую фактуру. Также обособлено в рамках подтипа P2 выделяются немного нестандартные отпечатки (?) с низкой плотностью в виде глубоких вдавлений длиной 4–6 мм в поселении Коренец II (7%) (рис. 5: 7–8). Схожие хаотичные и глубокие вдавления, наряду с поверхностными, зафиксированы и на небольшом баночном сосуде из кургана № 4 Коренецкого могильника (рис. 5: 9).

Подтип P3 – ячейки в виде уголков, скругленных очертаний; длина и ширина примерно равны (рис. 6: 6–7). Также эти отпечатки можно описать как «мелкие и подквадратные», нанесенные под углом и др. Данный подтип сетчатых отпечатков из приведённого перечня памятников выявлен только в поселении Щербинино и доминирует среди рябчатых элементов (60%). Плотность отпечатков чаще всего можно определить как высокую, длина элементов в среднем до 1,5–2 мм.

Тип Ниточные (H). К этому типу отнесены элементы в виде отпечатков нитей (результат сучения волокна) или веревочек (свитые из нескольких нитей) (рис. 6: 1–5). Данный тип отпечатков слабо представлен в указанных памятниках 1-й половины II тыс. до н. э. Его значительное распространение на территории Средней Оки характерно уже для памятников 3-й четверти II тыс. до н. э. и в особенности финала бронзового века. Наиболее обстоятельно в имеющихся памятниках представлен в поселении Логинов Хутор (14%). В систематизации отпечатков Б.А. Фоломеева (1998) этот тип соотносится с ниточно-шнуровой и ниточно-жгутовой видами фактуры отпечатков.

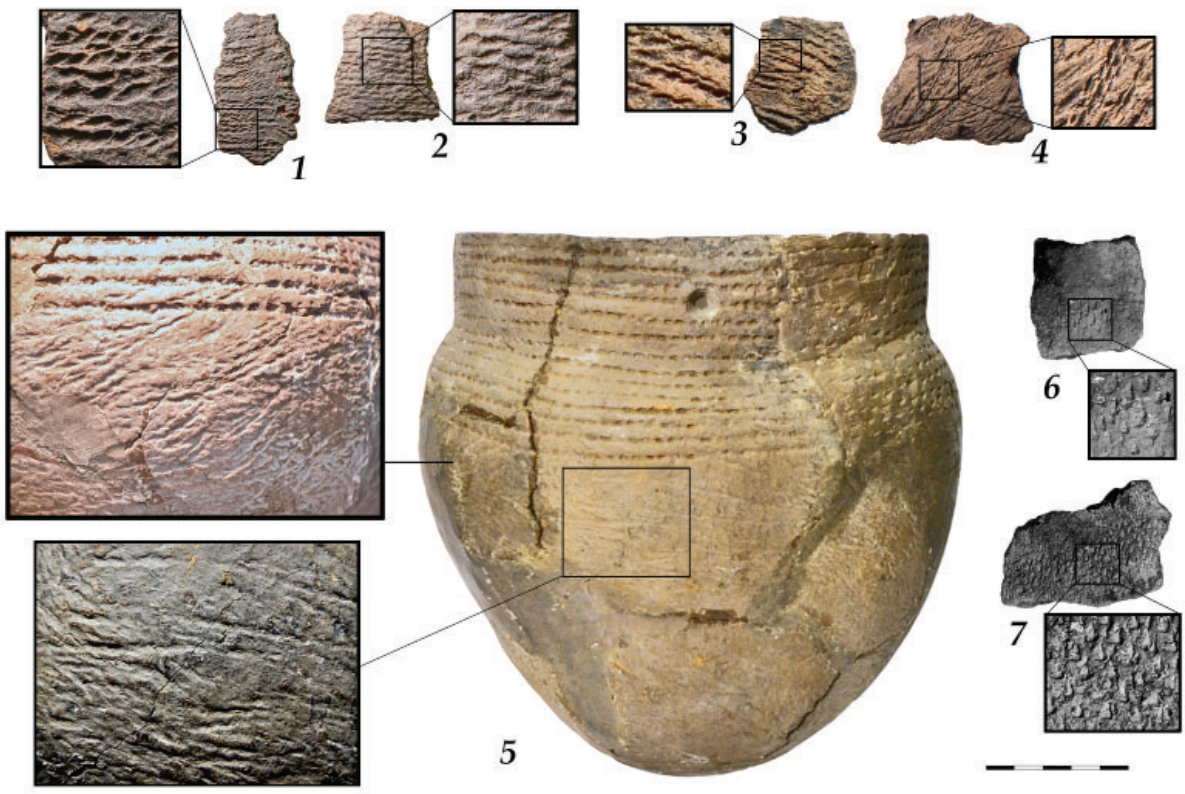


Рис. 6. Типы «ниточный» (подтипы H1 и H2) и «рябчатый», подтип P3: 1-2 – керамика поселения Логинов Хутор с отпечатками подтипа H1; 3-4 – керамика поселения Шагара I с отпечатками подтипа H1; 5 – сосуд из постройки № 1 поселения Логинов Хутор с отпечатками подтипа H2; 6-7 – керамика из заполнения жилища поселения Щебинино подтипа P3.

Fig. 6. Types “thread” (subtypes H1 and H2) and “speckled”, subtype P3. 1–2 – ceramics from the Loginov Khutor settlement with subtype H1 impressions; 3–4 – ceramics from the Shagara I settlement with subtype H1 impressions; 5 – a vessel from structure No. 1 at the Loginov Khutor settlement with subtype H2 impressions; 6–7 – ceramics from the fill of a dwelling at the Shcherbinino settlement, subtype P3.

Подтип H1 – отпечатки веревочек, состоящих из хорошо различимых витков; направление скручивания S (рис. 6: 1–4). Данный подтип отпечатков встречен в поселении Логинов Хутор (около 70%) (рис. 6: 1–2). В небольших количествах, как факт, он также известен на керамике в поселении Шагара I (рис. 6: 3–4) и буквально на одном-двух фрагментах в поселении Щербинино. Нужно отметить, что иногда, в силу особенностей сохранности поверхности керамики, величины фрагмента или же чисто субъективных факторов, данный подтип ниточных отпечатков может быть спутан с плотно расположенными в ряды рябчатыми отпечатками подтипа P2.

Подтип H2 – отпечатки нитей, у которых четко выраженные витки отсутствуют, однако имеются следы свивания нити, направление скручивания Z. Данный подтип отпечатков в небольшом количестве известен только в поселении Логинов Хутор. На дне постройки № 1 был обнаружен сосуд с отпечатками этого подтипа (рис. 6: 5), имеющий несколько даже «архаичный» облик для поздняковской культуры. Имеющиеся отпечатки разнонаправленные и хаотичные, на сосуде расположены также ниже орнаментальной зоны.

Обсуждение

Общим для всех приведенных памятников является почти абсолютное преобладание рябчатого типа, а также расположение отпечатков на сосуде вне орнаментальной зоны в верхней части (шея, щека и плечо) – на тулове, в придонной части и на дне. Такая зональность создаёт известные трудности при статистической обработке, так как, по общим наблюдениям, фрагментация сосудов в слое происходит чаще всего именно по местам перехода плеча в тулово. Это также влияет на возможности «реконструкции» условных сосудов и ведения статистики по ним, особенно с учётом

случаев частичного расположения отпечатков на тулове и часто плохой сохранности самой керамики. Также определенные сложности создает фиксируемая иногда разная плотность отпечатков на частях одного сосуда и возможное сочетание отпечатков подтипов Р1 и Р2. В условиях сильно «мешанных» и «нестратифицированных» поселенческих памятников позднего бронзового века лесной зоны, где степень фрагментации керамики может быть крайне высока, это уверенно приводит к тому, что фрагменты венчика с орнаментом, стенок без орнамента с сетчатыми отпечатками и гладкостенные фрагменты гипотетически от одного и того же сосуда будут отнесены к разным сосудам.

Выявлены определённые территориальные закономерности в количестве и соотношении подтипов сетчатых отпечатков. Комплексы памятников находятся на берегу р. Оки на южной границе Мещерской низменности («Канищевские дюны»), в её центре («Коренец» и «Шагара»), а также на её северо-западной границе на берегу р. Клязьмы («Щербинино»). На юге региона доля сетчатых отпечатков для памятников 1-й половины II тыс. до н. э. не превышает 5%, доминируют отпечатки Р1, значительна доля подтипа Р2 (25%), а также ниточных отпечатков (14%). Здесь уместно также упомянуть материалы поселения Засеченское III (Челяпов и др., 1999), расположенного ниже по течению Оки от Логинова Хутора, которое вместе с Засеченским курганным могильником (Челяпов, 1992а) образует связанный комплекс поздняковской культуры раннего этапа условно конца 1-й четверти II тыс. до н. э. Судя по имеющимся в публикации изображениям сетчатой керамики (Челяпов и др., 1999, с. 10) и обзору керамической коллекции[12], в поселении встречается более поздняя сетчатая керамика т. н. «климентовского» типа финала бронзового века с наклонными вдавлениями и ниточными отпечатками (Челяпов и др., 1999, рис. 10: 6, 11). Однако большая её часть, судя по формам сосудов (Челяпов и др., 1999, рис. 10: 1) и уже имеющимся аналогиям, хорошо соотносится с сетчатой керамикой из поселений 1-й половины II тыс. до н. э. Общее её количество, очевидно, также незначительно (до 5%), и, по наблюдениям, аналогично преобладают отпечатки подтипа Р1 при единичном наличии ниточного типа отпечатков.

Для памятников центра Мещёрской низменности или Озёрной Мещеры 1-й половины II тыс. до н. э. характерно практически полное отсутствие ниточных отпечатков, более значительное преобладание отпечатков подтипа Р1 (85–88%) и соответственно меньшее значение Р2 (12–15%) (по материалам комплекса «Коренец»). В поселениях незначительно, но увеличивается количество самой сетчатой керамики 1-й половины II тыс. до н. э. до 12%. Эта же закономерность отражается и в погребальных памятниках.

Наконец, для региона севера Мещеры по материалам «Щербинино» характерно также определённое количество сетчатой керамики (7,3%), сопоставимое с центром. Данные по могильнику мало сопоставимы, но, так или иначе, при малой выборке также показательны. Обращает на себя внимание большая доля подтипа Р3 среди рябчатых отпечатков (60%) – в ранее упоминаемых комплексах она не была выявлена вовсе. Широкое распространение рябчатых отпечатков этого подтипа больше характерно для памятников Верхней Волги в сходное и более позднее время (варианты 4–5 рябчатых отпечатков, по Б.А. Фоломееву (Фоломеев, 2017, с. 326–327) – возможно, значительное количество керамики с такими отпечатками следует связывать с географическим расположением поселения и могильника Щербинино на северо-западном краю ареала поздняковской культуры и, соответственно, более сильным влиянием населения памятников с сетчатой керамикой Верхнего Поволжья. Кроме того, из приведённого перечня памятников 1-й половины II тысячелетия поселение и могильник Щербинино, вероятно, самый поздний, датируется XVI в. до н. э. (1610–1500 кал. л. до н. э.) (Марьенкина и др., 2023, с. 39).

Радиоуглеродные даты для других указанных памятников ПК, к сожалению, отсутствуют. Тем не менее для памятников «Канищевских дюн» и «Коренца» мы можем предполагать довольно раннее время в рамках общей хронологии ПК. С учётом имеющейся на сегодня сводки данных радиоуглеродной хронологии (1750–1250 кал. л. до н. э.) (Марьенкина и др., 2023), в которой памятники раннего этапа представлены лишь одной датой, можно предполагать их время существования как минимум в конце 1-й четверти II тыс. до н. э. С учётом дефицита радиоуглеродных данных следует упомянуть одну

дату AMS ^{14}C по нагару с неизвестного нам, к сожалению, фрагмента керамики с сетчатыми отпечатками из поселения поздняковской культуры Нармус в Центральной Мещере – 1890–1622 кал. л. до н. э. (Hela-934, 3450 ± 50 BP, IntCal20, 2σ (95,4%)) (Лавento, 2011, с. 268; Лавento, Патрушев, 2015, с. 170)[13]. Памятник был открыт О.Н. Бадером в 1926 г., и им же в 1972 и 1974–1975 гг. производились шурфовки и раскопки (вскрыто около 247 кв. м) (Бадер, 1972; 1974; 1975), позднее, в 1983 г., небольшие обследования производил Б.А. Фоломеев (Фоломеев, 1983) – был получен разновременный материал (от неолита до Нового времени) с преобладанием материалов ПК и небольшим количеством сетчатой керамики. Памятник расположен всего в 3,7 км к востоку от поселения Шагара I, на противоположном восточном берегу озера Великое, и по общему описанию и обзору материала довольно близок ему в материалах ПК, как и к комплексу «Коренец».

Рассмотренные выше памятники ПК географически находятся в западной части ареала, преимущественно в границах Мещерской низменности (рис. 1). В более восточных и относительно ранних памятниках ниже по течению Оки, в частности в материалах поселений Ибердус 2 (стоянка Ибердус III) (Попова, 1985, с. 142; Швецова, 2023а) и Подборновском (Челяпов, 1992б), сетчатая керамика практически не встречена. В материалах грунтового могильника Берёзовый рог сетчатая керамика известна лишь единично, без чёткого контекста в слое, возможно в качестве остатков тризны у погребений поздней «северной» группы (Азаров, 2014, с. 361). В известных памятниках ПК раннего и развитого периода Нижнего Поочья керамика с сетчатыми отпечатками встречена в ряде поселений в виде отдельных фрагментов стенок в количестве не более 5%, однако контекст её находок, как правило, не обсуждается (Наумовка, Новая Деревня-1, Щелково 1) (Швецова, 2022, с. 99; 2023б, с. 38); в некоторых случаях (Дмитровская слобода II), очевидно, они отсутствуют (Воронин, 2013, с. 330–334). Неизвестна она в понятном контексте для погребальных памятников (Борисоглебовский, Мало-Окуловском, Битюковский курганные могильники) (Попова, 1985)[14].

Для памятников финала ПК Нижнего Поочья (Шава-1, Безводное-1), вероятно уже в 3-й четверти II тыс. до н. э., отмечается, наоборот, резкое увеличение сетчатой керамики в изученных комплексах (Швецова, 2022, с. 99). Очевидно, это следует связывать с более активным влиянием населения с сетчатой керамикой извне, что привело в итоге к формированию уже нового типа древностей в Поочье. Схожие культурные процессы, вероятно, нашли своё отражение и на территории Среднего Поочья в это более позднее время (Азаров, 2013). Северные памятники восточной части ареала ПК, расположенные выше по течению рек Клязьмы и Волги, очевидно, имеют свои локальные особенности и специфику, требующие своего отдельного рассмотрения. В известных случаях – поселения Сокольское 2 (Гурина, 1963, с. 182–195) и Липки (Zbrujeva, 1929) – не совсем ясна единовременность археологического материала[15]. Однако, возможно, речь идёт уже о хронологически поздних памятниках в рамках ПК и соответствующих культурных процессах, по аналогии с памятниками Нижнего Поочья, которые здесь в силу географических причин должны были начаться раньше и, очевидно, проходили активнее, чем в западной части ареала.

Выводы

Рассмотренные в нашем небольшом исследовании случаи обнаружения сетчатой керамики в западных памятниках ПК 1-й половины II тыс. до н. э. позволяют сделать ряд общих выводов. Сетчатая керамика органично присутствует в погребальных и поселенческих комплексах вместе с остальной керамикой ПК с самого раннего этапа и составляет с ней культурную целостность. Доля сетчатой керамики в памятниках Средней Оки невелика (до 5%), но увеличивается к северу на территории Озёрной Мещеры (до 12%). Для ранних и развитых памятников ПК Нижней Оки сетчатая керамика встречается значительно реже. На сосудах сетчатые отпечатки почти всегда расположены ниже орнаментальной зоны на шее/щеке/плече – на тулове, в придонной части и на дне. Встречаются случаи более редкого зонального расположения. Среди подтипов отпечатков преобладают рябчатые P1, в виде элементов узких пропорций, расположенных горизонтально, высокой и средней плотности. Такая сетчатая керамика с относительно разреженными отпечатками P1 представляется характерной именно для

ПК. В комплексах на территории Средней Оки чуть более выраженно представлены ниточные и рябчатые отпечатки подтипа Р2 в виде овальных ячеек. В наиболее северных памятниках ПК на р. Клязьме широкое распространение получают отпечатки подтипа Р3, в виде мелких равносторонних угловатых элементов, в значительной степени характерных уже для памятников с сетчатой керамикой 1-й половины II тыс. до н. э. к северу и к западу, а также более поздних.

Указанное выше определяет в какой-то мере локальные особенности «западных» памятников ПК 1-й половины II тыс. до н. э. или же особенности памятников периферийной зоны ПК в целом, граничащей с запада, северо-запада и севера с памятниками иных культурных типов КТК, в материальной культуре которых сетчатая керамика представлена более выраженно. Культурное влияние последних, очевидно, проявлялось в материальной культуре местного населения с самого раннего времени существования ПК, возможно ещё в период сложения. Безусловно, эти культурные процессы проявлялись не только распространением отпечатков на керамике, а также не были односторонними – степень и глубина проникновения и влияния ПК или, вернее сказать, культурного импульса из лесостепи и степи, приведшего к образованию ПК, в культурную среду памятников с сетчатой керамикой (КТК) за пределами периферийной зоны ПК в 1-й половине II тыс. до н. э. требует более подробной оценки. Дискуссионными остаются и многие вопросы о природе, источниках и распространении сетчатой керамики как типа древностей эпохи раннего металла в лесной зоне Восточной Европы.

Примечания:

[1] Ранее упоминались только три, но их, очевидно, всего пять – № 1, 33, 35, 44, 47.

[2] В публикации (Попова, 1988) сосуд не представлен, отсутствует его изображение и в полевом отчёте. Дно сосуда не сохранилось и было реконструировано в 1970-х годах реставратором, по-видимому весьма приблизительно. При его публикации ранее (Азаров, 2014, рис. 10: 1) была допущена ошибка в определении отпечатков как ниточно-шнуровых.

[3] Раскопки 1968 г. – ГИМ 100935; раскопки 1969 г. – ГИМ 101357. В музей был отобран самый информативный массовый материал. К сожалению, практика каких-либо статистических описательных таблиц массового материала в полевых отчётах на тот момент отсутствовала.

[4] Подсчёты проводились по количеству фрагментов керамики в имеющихся музейных коллекциях, при этом учёт частично склеенных и целых сосудов имеет определённую погрешность, что отражено в указанном диапазоне.

[5] Коллекции ГИМ 97621, ГИМ 105272. К сожалению, упоминаемые в статье Т.Б. Поповой раскопки могильника в 1951–1952 гг. И.К. Цветковой и И.В. Яценко, очевидно, никак не были задокументированы.

[6] Раскопки 1951 г. – ГИМ 83688; 1961 г. – ГИМ 97620.

[7] В более поздней статье Т.Б. Поповой для Коренецкого могильника количество сетчатой керамики указано как 11% (Попова, 1985, с. 170), что, вероятно, отражает возможное общее соотношение с учётом той части керамики, которая могла не войти в музейную коллекцию (особенно раскопки 1951–1952 гг.).

[8] Такая специфика погребальных памятников, при несохранившихся костных останках, для курганных могильников поздняковской культуры не уникальна и известна по материалам Мало-Окуловского, Битюковского, Засеченского могильников (Збруева, 1947; Попова, 1969; Челяпов, 1992а).

[9] В публикации Т.Б. Поповой 1965 г. и в полевом отчёте (Попова, 1961) её количество указано в 21%, что говорит либо о неполноте взятой в музей коллекции, либо также о том, что оно вычислялось на основе выборки, включавшей преимущественно «типично поздняковскую керамику» в понимании автора раскопок. Не исключено также, что опубликованные статистические данные по могильнику и по поселению могли быть перепутаны в публикации и полевом отчёте, так как наши современные подсчёты дают прямо противоположную картину при тех же значениях.

[10] Приведены статистические данные из полевых отчётов за 2011–2020 гг. В настоящей статье материалы позднего бронзового века поселения Шагара I использованы преимущественно для аналогии, для увязки с материалами могильника и отражения общей ситуации и пропорции на памятнике. Коллекции хранятся в ГИМ, требуют более тщательной проработки и отдельной публикации.

[11] Коллекция находок хранится в Орехово-Зуевском историко-краеведческом городском музее в основном фонде (ОЗМ КП 2818) и в научно-вспомогательном фонде (НВФ-12/А-709, НВФ-12/А-710).

[12] Коллекции из раскопок В.П. Челяпова обоих памятников хранятся в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике и доступны для поиска и просмотра на сайте Госкаталога (указанные коллекции имеют шифры

основного фонда). Раскопки 1977-1979 гг.: РМЗ КП-9684 (только поселение), РМЗ КП-10137, РМЗ КП-11072.

[13] В указанной статье (Лавенто, Патрушев, 2015) памятник ошибочно отнесён к Владимирской области и упомянут только в контексте радиоуглеродной даты появления сетчатой керамики в Верхнем и Среднем Поволжье. Исследовательская программа авторов, по-видимому, практически не включала анализ керамических комплексов, из которых происходили образцы. Очевидно, что имеется в виду поселение поздняковской культуры на полуострове Нармус (Нармусоло) у д. Зимницы на восточном берегу оз. Великое в нынешнем Клепиковском городском округе Рязанской области. Других памятников с таким названием в Волго-Окском междуречье обнаружить не удалось. Коллекция хранится во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике. Материал раскопок 1974 г.: В-18984.

[14] Т.Б. Поповой, правда, упоминается один сосуд в Борисоглебском могильнике с «сеткой» (Попова, 1985, с. 165), но выявить его в коллекции не удалось. Аналогичная ситуация и для указанной в статье сетчатой керамики в Мало-Окуловском могильнике.

[15] Так, в материалах самого северного и удалённого памятника ПК Сокольское 2 (Гурина, 1963, с. 182–195) керамика с сетчатыми отпечатками значительно преобладает в поселенческом комплексе, определённом Н.Н. Гуриной как однородный. Для поселения Липки (Zbrujeva, 1929) А.В. Збруева отмечала две различные группы по гончарным традициям, одна из которых близка срубно-хвалынской и более поздней хвалынской культурам. Под «хвалынской» имелась в виду культура позднего бронзового века, по времени сопоставимая ныне с поздними памятниками срубной культуры, сусканской культурой и ивановской культурой валиковой керамики – см. (Малов, 2013, с. 102–103). Другая более многочисленная группа керамики в Липках соответствует керамике с сетчатыми отпечатками, часть из которой, судя по публикации (Zbrujeva, 1929, abb. 10), очевидно, близка более северной сетчатой керамике поселения Сахтыш II на юге Ивановской области, датирующейся не ранее 3-й четверти II тыс. до н. э. (Сыроватко, 2007).

ЛИТЕРАТУРА

Азаров Е.С. Поселение и грунтовый могильник эпохи бронзы Кораблино // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 182–195.

Азаров Е.С. Погребальные памятники культуры текстильной керамики Окского бассейна // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 352–373.

Азаров Е.С. К планиграфии поселений культуры "текстильной" керамики позднего бронзового века Поочья. Жилые постройки // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 63–79.

Азаров Е.С. Исследование Шагарского II могильника в 2022-2023 гг. // Археологическое наследие. 2025. № 1 (8). С. 188-217.

Азаров Е.С., Каверзнева Е.Д. Работы Мещёрской археологической экспедиции // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2021 / Отв. ред. М.В. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2022. С. 134–136.

Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с.

Бадер О.Н. Отчёт об археологических разведках, произведенных в Рязанской Мещере в 1972 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4944.

Бадер О.Н. Отчёт о полевых исследованиях в 1974 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №№ 5633-5633а.

Бадер О.Н. Отчёт о работах Северной палеолитической и Окской экспедиций 1975 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №№ 5452-5452а.

Воронин К.В. Комплекс бронзового века поселений Песочное-1 и Дмитриевская слобода II // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 329–344.

Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // Труды Горьковской археологической экспедиции / МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.; Л.: Наука, 1963. С. 85–203.

Збруева А.В. Мало-Окуловские курганы // СА. Т. IX / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 199–212.

Каверзнева Е.Д. Шагарский могильник конца III - начала II тысячелетия до н.э. в Центральной Мещере // РА. 1992. № 3. С. 147–159.

Каверзнева Е.Д. Азаров Е.С. Работы Мещёрской археологической экспедиции // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019 / Отв. ред. М.В. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2020. С. 235–236.

Кравцов А.Е., Азаров Е.С., Бабкина Е.В., Марьенкина Т.А., Модин Р.Н. «Поселение и могильник Щербинино» – археологический памятник мезолита – бронзового века и средневековья в Подмосковной Мещере (некоторые результаты исследования культурного слоя) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2015а. С. 20–76.

Кравцов А.Е., Азаров Е.С., Бабкина Е.В., Марьенкина Т.А., Модин Р.Н. Могильник позднего бронзового века на археологическом памятнике «Поселение и могильник Щербинино» в Подмосковной Мещере // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2015б. С. 77–88.

Лавенто М. Новые АМС-датировки текстильной керамики Среднего и Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 263–272.

Лавенто М., Патрушев В.С. Развитие и хронология текстильной керамики на Средней и Верхней Волге: критический взгляд возможностей хронологии по ^{14}C-, АМС и типологическому методам // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 160–188.

Лопатина О.А. «Текстильные» отпечатки на керамике дьяковской культуры – подходы к систематизации // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 77–79.

Малов Н.М. Хронология и периодизация позднего бронзового века Поволжья: хвалынская культура валиковой керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 102–117.

Марьенкина Т.А., Мимоход Р.А., Зеленцова О.В. Радиоуглеродная хронология поздняковской культуры: предварительные итоги // РА. 2023. № 3. С. 38–48.

Попова Т.Б. Отчёт о работе археологической экспедиции Гос. Исторического музея в Шатурском р-не Московской области в июле 1961 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2279.

Попова Т.Б. Коренецкие стоянка и могильник // СА. 1965. № 1. С. 154–167.

Попова Т.Б. Битюковские курганы под городом Муромом // Древности Восточной Европы. К семидесятилетию Алексея Петровича Смирнова / МИА. № 169 / Ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 167–172.

Попова Т.Б. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 222–235.

Попова Т.Б. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки поздняковской культуры на Средней Оке // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы / Труды ГИМ. Вып. 60 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: ГИМ, 1985. С. 133–187.

Попова Т.Б. Грунтовый могильник поздняковской культуры под Рязанью // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Труды ГИМ. Вып. 68 / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1988. С. 101–137.

Сыроватко А.С. Сетчатая керамика стоянки Сахтыш II (по материалам раскопок Д.А. Крайнова) // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2007. С. 75–80.

Сыроватко А.С. Период финальной бронзы в Москворечье: состояние источников и проблема их интерпретации // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 360–373.

Третьяков В.П. Соотношение поздняковских памятников и культуры сетчатой керамики // КСИА. Вып. 142 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 25–30.

Фоломеев Б.А. Жилища стоянки Фефелов Бор I // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 236–252.

Фоломеев Б.А. Тюков городок // СА. 1975. № 1. С. 154–170.

Фоломеев Б.А. Отчёт Окско-Донской археологической экспедиции за 1983 год // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №№ 9663-9663б.

Фоломеев Б.А. Фактура текстильной керамики бассейна Средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1998. С. 79–105.

Фоломеев Б.А. Типология текстильных отпечатков и хронологическое распространение отдельных видов сетчатых фактур. Дополнения из черновиков // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 319–335.

Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П., Гуман А.Ю. Климентовская стоянка (к вопросу о хозяйственной деятельности человека и развитии природной обстановки в долине Средней Оки) // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии / Труды ГИМ. Вып. 68 / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1988. С. 168–191.

Челяпов В.П. Засеченский курганный могильник. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1992а. 69 с.

Челяпов В.П. Керамика Подборновского поселения // Археологические памятники среднего Поочья / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1992б. С. 29–34.

Челяпов В.П., Барышев И.Б., Иванов Д.А. Засеченское III поселение эпохи бронзы на Нижней Прони // Труды Рязанского исторического общества. Вып. III / Отв. ред. П.В. Акульшин. Рязань: Узорочье, 1999. С. 5–29.

Швецова А.А. Система орнаментации керамических сосудов поздняковской культуры позднего бронзового века на территории Волго-Окского правобережья // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 87–103.

Швецова А.А. Предварительные результаты изучения керамического комплекса поселения Ибердус 2 – раннего памятника поздняковской культуры // Новые материалы и методы археологического исследования: история VS источниковедение. Материалы VII конференции молодых ученых / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2023а. С. 61–62.

Швецова А.А. Поселение поздняковской культуры Щелково 1 в нижнем течении р. Оки: характеристика керамического комплекса // КСИА. 2023б. Вып. 272. С. 24–41.

Швецова А.А., Азаров Е.С. Гончарные традиции населения Среднего Поочья в эпоху бронзы (по материалам поселения подняковской культуры Логинов Хутор) // РА. 2022. № 1. С. 39–52.

Zbrujeva A.V. Der Wohnplatz von Lipki Gouv. Vladimir // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. IV. P. 102–115.

Информация об авторе:

Азаров Евгений Сергеевич, заместитель заведующего отделом археологических памятников, Государственный Исторический музей (г. Москва, Россия); hazari4@yandex.ru

REFERENCES

Azarov, E. S. 2013. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (230), 182–195 (in Russian).

Azarov, E. S. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 352–373 (in Russian).

Azarov, E. S. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 63–79 (in Russian).

Azarov, E. S. 2025. In *Arkheologicheskoe nasledie (The Archaeological Heritage)* 8 (1), 188–217 (in Russian)

Azarov, E. S., Kaverzneva, E. D. 2022. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e 2021 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2021).* Lipetsk; Voronezh: "Novyi vzglyad" Publ., 134–136 (in Russian).

Bader, O. N. 1970. *Bassein Oki v epokhu bronzy (Oka River Basin in the Bronze Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Bader, O. N. 1972. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh, proizvedennykh v Riazanskoi Meshchere v 1972 g. (Report of archaeological reconnaissances conducted in the Ryazan Meshchera region in 1972).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, R-1, no. 4944 (in Russian).

Bader, O. N. 1974. *Otchet o polevykh issledovaniiakh v 1974 g.*

(Report on field research conducted in 1974.). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, R-1, no. 5633-5633a (in Russian).

Bader, O. N. 1975. *Otchet o rabotakh Severnoi paleoliticheskoi i Okskoi ekspeditsii 1975 g. (Report on the Northern Palaeolithic and Oka expeditions in 1975).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, R-1, no. 5452-5452a (in Russian).

Voronin, K. V. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 9. Tver: "Triada" Publ., 329–344 (in Russian).

Gurina, N. N. 1963. In Tretyakov, P. N. (ed.). *Trudy Gorkovskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Gorky Archaeological Expedition)* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 110. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 85–203 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1947. In Grekov, B. D. (ed.). *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* IX. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 199–212 (in Russian).

Kaverzneva, E. D. 1992. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* (3), 147–159 (in Russian).

Kaverzneva, E. D., Azarov, E. S. 2020. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e 2019 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2019)* Lipetsk; Voronezh: "Novyi vzglyad" Publ., 235–236 (in Russian).

Kravtsov, A. E., Azarov, E. S., Babkina, E. V., Mar'enkina, T. A., Modin, R. N. 2015. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 11. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 20–76 (in Russian).

Kravtsov, A. E., Azarov, E. S., Babkina, E. V., Mar'enkina, T. A., Modin, R. N. 2015. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 11. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 77–88 (in Russian).

Lavento, M. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 8 (I). Tver: "Triada" Publ., 263–272 (in Russian).

Lavento, M., Patrushev, V. S. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 160–188 (in Russian).

Lopatina, O. A. 2020. In Derevianko, A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress at Samara)* Vol. II. Samara: Samara State Pedagogical University, 77–79 (in Russian).

Malov, N. M. 2013. In Cherlenok, E. A. (ed.). *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy: Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii (Issues of Periodization and Chronology in the Archaeology of the Early Metal Period of Eastern Europe: Proceedings of the Thematic Scientific Conference)*. Saint Petersburg: "Skifiya-print" Publ., 102–117 (in Russian).

Mar'enkina, T. A., Mimokhod, R. A., Zelentsova, O. V. 2023. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* (3), 38–48 (in Russian).

Popova, T. B. 1961. *Otchet o rabote arkheologicheskoi ekspeditsii Gos. Istoricheskogo muzeia v Shaturskom r-ne Moskovskoi oblasti v iiule 1961 g. (Report on the work of the archaeological expedition of the State Historical Museum in the Shatura district, Moscow region, in July 1961).* Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, R-1, no. 2279 (in Russian).

Popova, T. B. 1965. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 154–167 (in Russian).

Popova, T. B. 1969. In Evtyukhova, L. A. (ed.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy (K 70-letiiu A. P. Smirnova) (Antiquities of Eastern Europe (to the Anniversary of 70 Years from the Birth of A.P. Smirnov))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 169. Moscow: "Nauka" Publ., 167–172 (in Russian).

Popova, T. B. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologiia Riazanskoi zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 222–235 (in Russian).

Popova, T. B. 1985. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Novye materialy po istorii plemen Vostochnoy Evropy v epokhu kamnya i bronzy (New Materials on the History of East-European Tribes in the Stone and Bronze Age).* Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 60. Moscow: State Historical Museum Publ., 133–187 (in Russian).

Popova, T. B. 1988. In Studzitckaia, S. V. (ed.). *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoi arkheologii (Heritage of V.A. Gorodtsov and the Issues of Modern Archaeology)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo

istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 68. Moscow: State Historical Museum, 101–137 (in Russian).

Syrovatko, A. S. 2007. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 6 (II). Tver: "Triada" Publ., 75–80 (in Russian).

Syrovatko, A. S. 2013. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 9. Tver: "Triada" Publ., 360–373 (in Russian).

Tret'yakov, V. P. 1975. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 142. Moscow: "Nauka" Publ., 25–30 (in Russian).

Folomeev, B. A. 1974. In Mongait, A. L. (ed.). *Arkheologiia Riazanskoi zemli (Archaeology of the Ryazan Land)*. Moscow: "Nauka" Publ., 236–252 (in Russian).

Folomeev, B. A. 1975. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 154–170 (in Russian).

Folomeev, B. A. 1983. *Otchet Oksko-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii za 1983 god (1983 report of the Oka-Don archaeological expedition)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, R-1, no. 9663-9663б (in Russian).

Folomeev, B. A. 1998. In Chelyapov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological Sites of Middle Oka Area)* 7. Ryazan: Science and Production Center for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 79–105 (in Russian).

Folomeev, B. A. 2017. *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 319–335 (in Russian).

Folomeev, B. A., Aleksandrovskiy, A. L., Glasko, M. P., Guman, A.Yu. 1988. In Studzitckaia, S. V. (ed.). *Nasledie V.A. Gorodtsova i problemy sovremennoi arkheologii (Heritage of V.A. Gorodtsov and the Issues of Modern Archaeology)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 68. Moscow: State Historical Museum, 168–191 (in Russian).

Chelyapov, V. P. 1992. *Zasechenskii kurgannyi mogilnik (Zasechensky barrow field)*. Ryazan: SPC for the Protection and Use of Historical and Cultural Monuments of the Ryazan Region (in Russian).

Chelyapov, V. P. 1992. In Chelyapov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological Sites of Middle Oka Area)*. Ryazan: Science and Production Center for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 29–34 (in Russian).

Chelyapov, V. P., Baryshev, I. B., Ivanov, D. A. 1999. In Akulshin, P. V. (ed.). *Trudy Ryazanskogo istoricheskogo obshchestva (Proceedings of the Ryazan Historical Society)* 3. Ryazan: "Uzoroch'e" Publ., 5–29 (in Russian).

Shvetsova, A. A. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 87–103 (in Russian).

Shvetsova, A. A. 2023a. In Rodinkova, V. E. (ed.). *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia: istoriia VS istochnikovedenie (Recent materials and methods of archaeological research)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 61–62 (in Russian).

Shvetsova, A. A. 2023б. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (272), 24–41 (in Russian).

Shvetsova, A. A., Azarov, E. S. 2022. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* (1), 39–52 (in Russian).

Zbrujeva, A. V. 1929. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. IV, 102–115.

About the Author:

Azarov Evgenii S. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; hazari4@yandex.ru

Статья поступила в журнал 24.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.96.104

БАРХАТОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ВЕРХОВЬЯХ Р. ИСЕТЬ (ЛЕСНОЕ ЗАУРАЛЬЕ)

© 2026 С.Н. Панина

В статье публикуются материалы полевых исследований поселения бархатовской культуры эпохи позднего бронзового века Палатки II в верховьях реки Исеть, в лесном Зауралье, расположенном на западной границе ареала распространения бархатовской культуры. Дана краткая история изучения и особенности бархатовской культуры. Впервые, публикуются описания жилищ поселка, рассматривается интерьер жилищ, декор и формы сосудов, описание культовых предметов, найденных в жилищах и межжилищном пространстве. Для бархатовской культуры характерны крупные глиняные бусины, глиняные антропоморфные скульптурки, горшки с плоским дном, вкопанные вокруг очага. На поселении найден глиняный светильник, единственный на территории лесного Зауралья. В жилище, рядом с очагом, обнаружен орнаментированный каменный диск-навершие на жезл.

Ключевые слова: археология, бархатовская культура, эпоха поздней бронзы, глинобитный очаг, глиняные скульптуры женщин, глиняный светильник, каменный диск-навершие.

BARKHATOVO SETTLEMENT OF THE LATE BRONZE AGE IN THE UPPER REACHES OF THE ISET RIVER (FOREST TRANS-URALS)

S.N. Panina

This paper deals with the materials of field research at the Late Bronze Age Palatki II settlement attributed to the Barkhatovo culture in the upper reaches of the Iset River, in the forest zone of the Urals, located on the western frontier of the Barkhatov culture distribution area. A brief history of the study and features of the Barkhatovo culture are given. For the first time, description of the dwellings of the settlement are published, the dwelling interior, the decor and shapes of the vessels, the description of the cultic objects found in the dwellings and the inter-residential space are considered. The Barkhatovo culture is characterized by large clay beads, clay anthropomorphic figurines, and flat-bottomed pots dug in around the fireplace. A clay lamp was found in the settlement, the only one in the Trans-Ural forest zone. In the dwelling, next to the fireplace an ornamented stone disc-shaped poletop was found.

Keywords: archaeology, Barkhatovo culture, Late Bronze Age, fireplace of hardened clay, female clay figurines, clay lamp, stone disc-shaped poletop.

Введение

В результате многолетних раскопок (1977–2002 гг.) широкими площадями многослойного памятника Палатки II на острове Каменные Палатки, среди болот, были выявлены следующие объекты: аятский поселок эпохи энеолита (2,5 жилища и хозяйственная постройка), ранние литейные ямы, погребение по способу кремации и наземные постройки иткульской культуры, раннего железного века, бархатовское поселение (два жилища и хозяйственная постройка типа погреб) позднего бронзового века. Аятский поселок и комплексы иткульской культуры опубликованы (Панина, 1988; Бельтикова и др., 1993).

В статье рассматриваются материалы раскопок бархатовского поселка на памятнике Палатки II. Он исследовался экспедицией Свердловского областного краеведческого музея в 1983, 1986–1987, 1989–1990 гг. автором статьи.

Памятник находится в Железнодорожном районе г. Екатеринбурга (рис. 1) на левом берегу р. Исети в 1,5 км вверх по течению от пос. Палкино, на нижней наклонной площадке западной оконечности Каменного острова, среди болот. Высота нижней площадки над уровнем поймы от 1,5 м на юге и юго-востоке до 3–4 м на западе и северо-западе.

В древности остров со всех сторон был окружен водой палеоозера Романовского, которое находилось на месте современной реки Исети и ее широкой поймы (рис. 2).

Рис. 1 Карта местонахождения памятника
Fig. 1 Site location map

Бархатовская культура

Особый тип керамики финальной бронзы впервые выделил К.В. Сальников на материалах разведок и раскопок на Южном Урале (1967, с. 389–391). Он назвал ее флажково-жемчужной.

На IV Уральском археологическом совещании, проходившем в Перми в 1964 году, В.Ф. Генинг предложил термин «бархатовская» керамика по названию поселения Бархатовское-Заречное. Через 20 лет современные исследователи бархатовских памятников В.И. Стефанов и О.Н. Корочкова обосновали необходимость выделения самостоятельной бархатовской культуры (Стефанов, Корочкова, 1984). Исследователи датируют ее XI–VIII вв. до н. э.

Сегодня раскопано уже более полутора десятка памятников бархатовского типа (Стефанов В.И., Корочкова О.Н., 1984, 1991; Матвеев А.В., Бурлина Т.В., 1990; Матвеев, Аношко и др., 2001; Матвеева и др., 2002). Среди памятников – городища Миасское I, Красногорское, Коловское, поселения Ново-Шадрино II, VII, Щетково-2, Заводоуковское X (материалы не опубликованы). Представительные коллекции керамики собраны в процессе раскопок получены с памятников Бархатово-Заречное, Поспелово I и др.

Памятники бархатовской культуры локализуются в пограничной зоне южной тайги и северной лесостепи Притоболья, в нижнем течении рр. Исети, Пышмы и Туры. Основные поселения находятся в Ингальской долине и её окрестностях, в междуречье Тобола и Исети. Западная и юго-западная граница ареала распространения бархатовских древностей проходит по восточному склону Урала (Палатки II, Миасское городище), восточная простирается до Приишимья (смешанные сузгунско-бархатовские комплексы Чупино и Кучум Гора). На юге они встречаются вдоль долины Тобола, ограничиваясь поселением Язево 1. В большинстве случаев памятники связаны с лесостепной зоной Западной Сибири. Однако несколько поселений с бархатовской посудой исследованы и в подтаежной зоне Притоболья – Черемуховый Куст, Мостовое 1, Чечкино 4, Чеганово 3.

Бархатовский поселок на реке Исети

Памятник Палатки II на Каменном острове полихронный со смешанной стратиграфией. Мощность культурного слоя от 0,4 до 0,8 метров. Материк – глина и скальные породы. В культурном слое представлены находки от неолита до петрогромской культуры (VI–IX вв. н. э.). Находки аятской культуры (IV – сер. III тыс. до н. э.) локализованы в северо-западной части раскопа, там, где был найден аятский поселок (Панина, 1988, с. 18–28); наземные сооружения, литейные ямы, погребение иткульской культуры (VII–III вв. до н. э.) частично совпадают с локализацией аятских древностей и распространены по всей территории раскопа (Бельтикова и др., 1993, с. 134–157). Отдельные комплексы керамики коптяковской культуры (I треть II тыс. до н. э.) также фиксируются на всей площади раскопа. Бархатовский поселок расположен компактно в центральной части раскопа (рис. 2: 2; 3) на относительно ровной площадке с легким уклоном с севера к югу. Сложная картина бытования древнего населения на Каменном острове и памятнике Палатки II диктовала особую методику ведения раскопок. Слой снимался горизонтами по 5 см с последующей зачисткой, в местах обнаружения древних объектов расчищался вручную

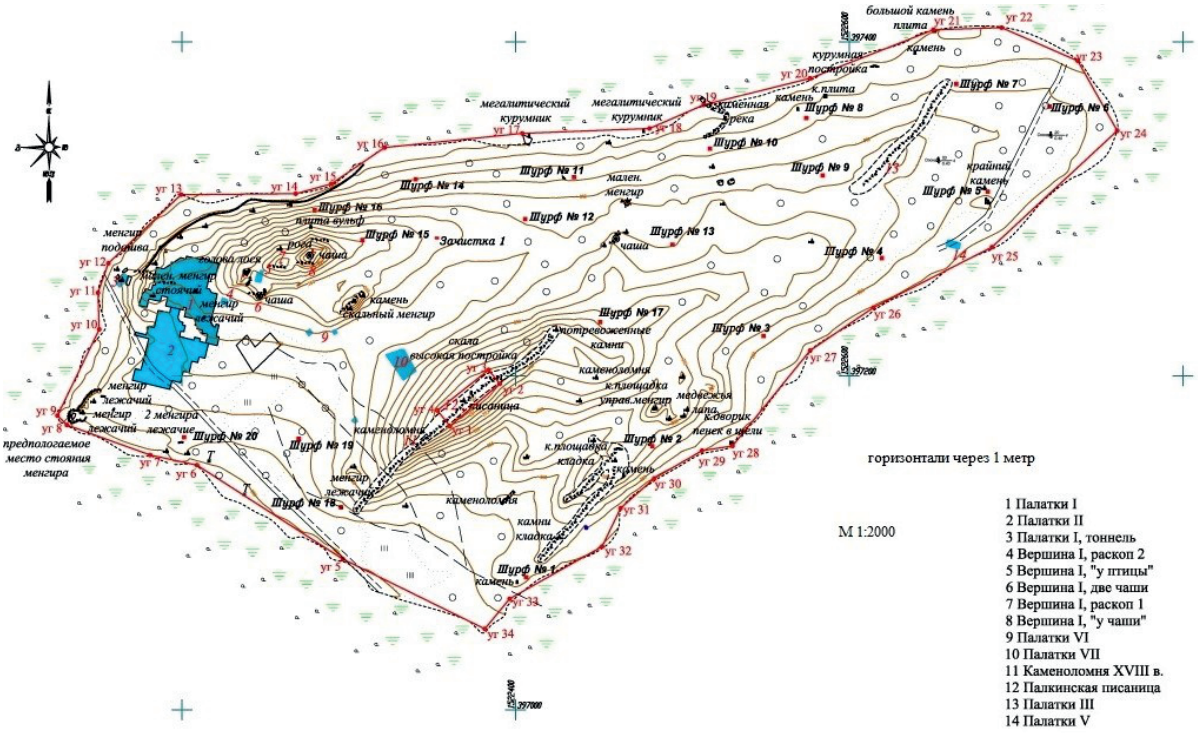


Рис. 2. Топографический план острова Каменные палатки
Fig. 2. Topographic plan of the island of Kamennye Palatki

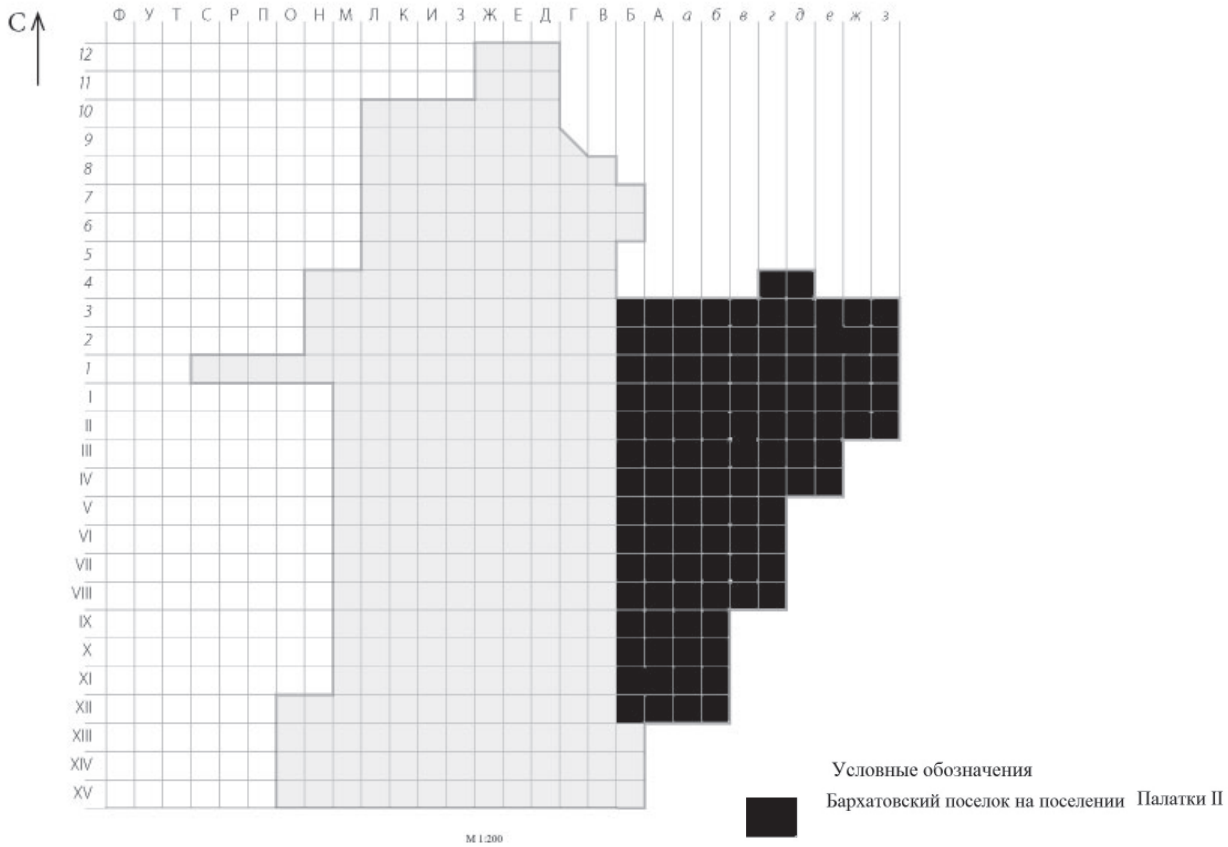


Рис. 3 Сетка раскопа на памятнике Палатки II 1978-1993 гг.
Fig. 3. Excavation grid at the Palatki II site, 1978-1993

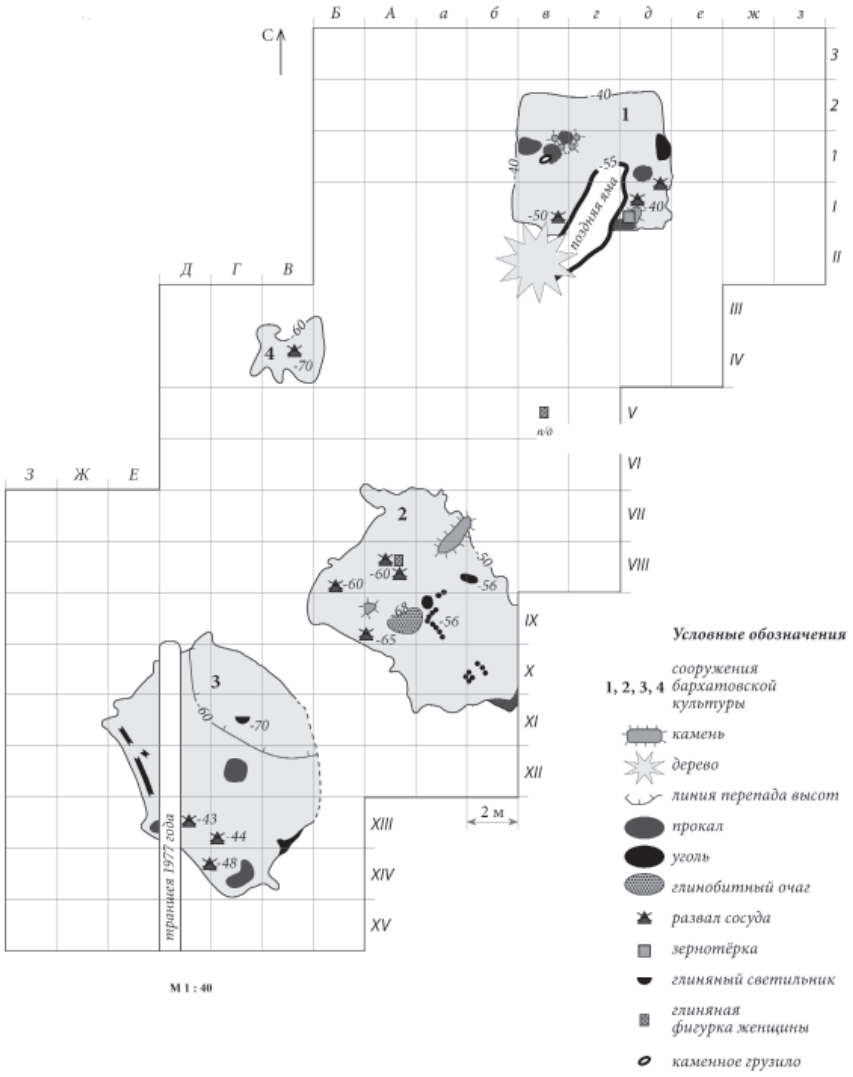


Рис. 4. План бархатовского поселка на памятнике Палатки II
Fig. 4. Plan of the Barkhatovo settlement at the Palatki II site

раскопными ножами и шпателями. Для разделения культурных слоев в каждом квадрате по горизонтам велась планиграфия с нанесением всех находок. Это позволило зафиксировать контуры двух жилищ и хозяйственной постройки бархатовского поселка. Большой удачей в полевых исследованиях поселка явилось то, что он сгорел внезапно и интерьер жилищ был погребен рухнувшей крышей. Вся утварь осталась на своих местах.

Раскопаны две полуземлянки и хозяйственная постройка.

Жилище 1 реконструируется как полуземлянка почти подквадратной формы размерами 5,8×6,0 м. Постройка ориентирована С–Ю (рис. 4). Заполнение котлована – темно-серая супесь с углистыми включениями и следами сильного прокала, поэтому очертания котлована в слое прослеживаются четко. Центральная и южная части жилища нарушены современной ямой, которая могла разрушить главный очаг и вход в жилище. В северной части зафиксирован небольшой очажок, обложенный камнями. Почти полное отсутствие находок рядом с ним позволяет предположить, что это, по-видимому, спальное место и очаг использовался для его обогрева. В жилище найдены три развала бархатовских сосудов. Характер разрушения сосудов и компактность залегания обломков позволяет предположить, что они были помещены в ямы в полу жилища или вкопаны в него (рис. 5). В юго-восточной части жилища, рядом с небольшим прокалом, найдена массивная каменная плита с зашлифованной углубленной поверхностью, положенная рабочей стороной вниз. Развалы

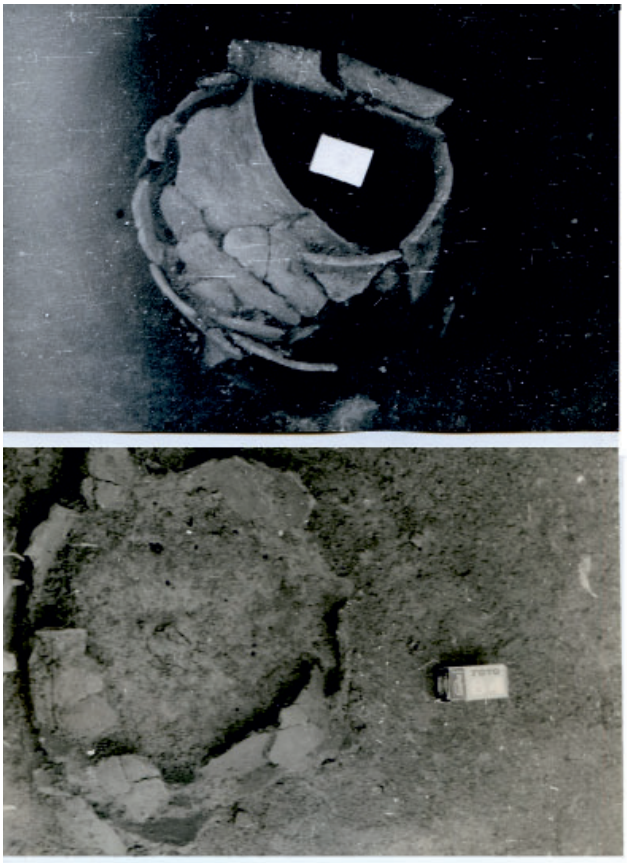


Рис. 5 Расчистка развалов сосудов из 2 жилища
Fig. 5. Clearing the heap of pottery shreds from dwelling 2

сосудов и плита локализуются в центральной части жилища вокруг современной ямы, что косвенно подтверждает версию о местонахождении основного очага там. В западной части жилища, в прокале, был найден каменный диск-навершие на жезл подпрямоугольной формы со сглаженными углами и отверстием, просверленным в центре, размерами 12×9,5×1,8 см (в ранней публикации Панина, 1998, навершие ошибочно названо грузилом).

Жилище 2 также реконструируется как полуземлянка, размерами 10×6 м, аморфной формы, вытянутая СЗ – ЮВ (рис. 4). Оно имело коридорообразный выход у СЗ угла. Западная часть бархатовского жилища прорезает аятское сооружение, которое им было частично разрушено. Очаг бархатовского жилища находился в центре, имел аморфную форму и был обмазан глиной.

Вокруг очага, как и в первом жилище, было зафиксировано четыре развала довольно крупных сосудов бархатовского типа, часть из которых, так же как и в первом жилище, была вкопана в пол сооружения (рис. 5).

Рядом с очагом на полу жилища была найдена фигурка женщины в длинной одежде. Статуэтка представляла собой глиняный подпрямоугольный брусок со скругленными углами, с четко обозначенной в верхней части тулова грудью, без головы, рук и ног. Также в жилище на дне у очага были найдены крупные фрагменты эмали зубов лошади, сильно обугленные, и глиняные бусины диаметром 1,0–1,5 см и заготовки к ним без отверстия.

Третье сооружение размерами 8,0×10 м, овальной формы, было ориентировано СЗ – ЮВ. С юга на север его прорезала разведочная траншея 1977 года (рис. 4). Постройка имела хозяйственное назначение. Западная часть, возможно, была наземной или слабоуглубленной. В ее юго-западном углу, рядом с небольшим прокалом, были найдены развалы бархатовских сосудов, в центре сооружения слабый прокал, в северо-восточной части яма, в которой был расчищен глиняный светильник (рис. 4; 8).

Керамика бархатовского типа, найденная на поселении, серовато-оранжевого цвета с короткой отогнутой шейкой, округлым венчиком, раздутым в верхней части туловом и маленьким плоским дном, часто эти сосуды кривобоки. Большая часть сосудов внушительных размеров, высотой до 40 см, но встречаются и маленькие, высотой до 10 см (рис. 6; 6а). Орнамент наносился в верхней части сосуда по шейке, перегибу и плечикам. Обязательным элементом орнамента служит редкий поясок или два пояска с жемчужинами наружу или внутрь сосуда, ряды наклонных линий, зигзаг одинарный или двойной, елочка. Орнамент наносился небрежно, тонкими резными линиями. Почти на всех сосудах прослеживается вертикальный поясок, разрывающий круг узора. Это «пустая зона», лесенка, смещение верхней зоны орнамента в нижнюю, или наоборот (рис. 6а).

Две глиняные фигурки женщин в одежде без головы, рук и ног, с четко обозначенной грудью найдены в раскопе. Одна – на дне жилища № 2, рядом с глинобитным очагом (рис. 7: 1), другая, аналогичная, но меньших размеров, разбитая на части, была найдена в межжилищном пространстве на поселении Палатки II в верхних слоях памятника на территории сосновых лесопосадок (рис. 7: 2). Возможно, когда в середине 50-х гг. плугом поднимали целину под лесопосадки, еще одно сооруже-

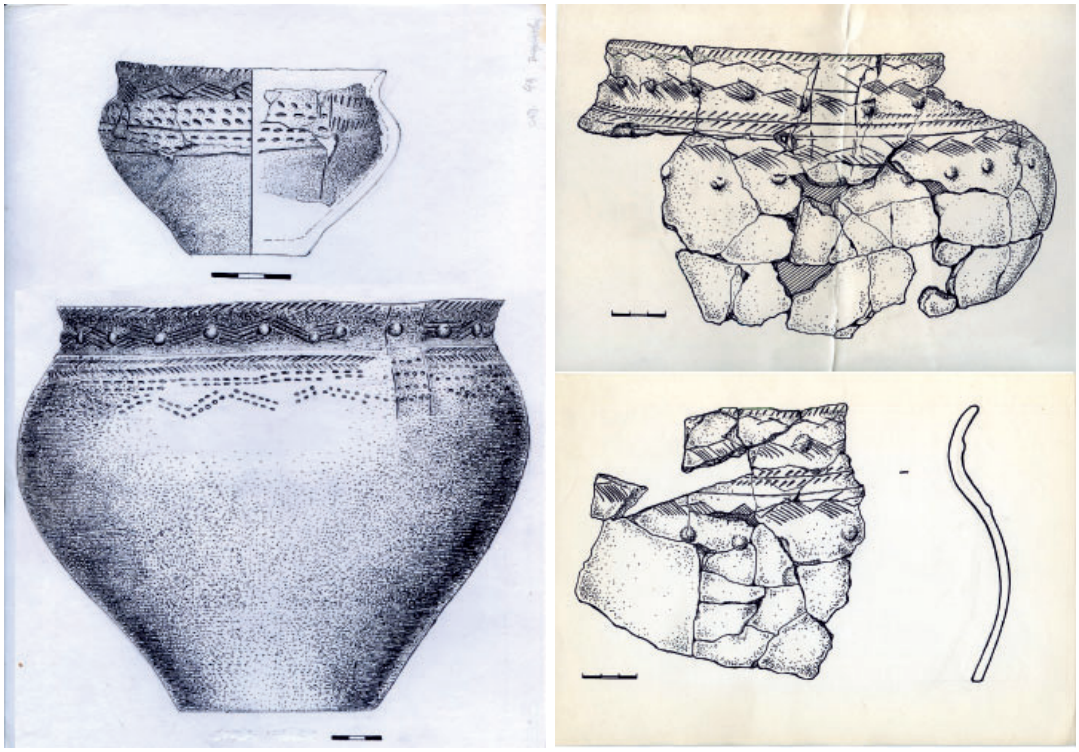


Рис. 6. Бархатовская керамика поселка
Fig. 6. Barkhatovo ceramics of the settlement

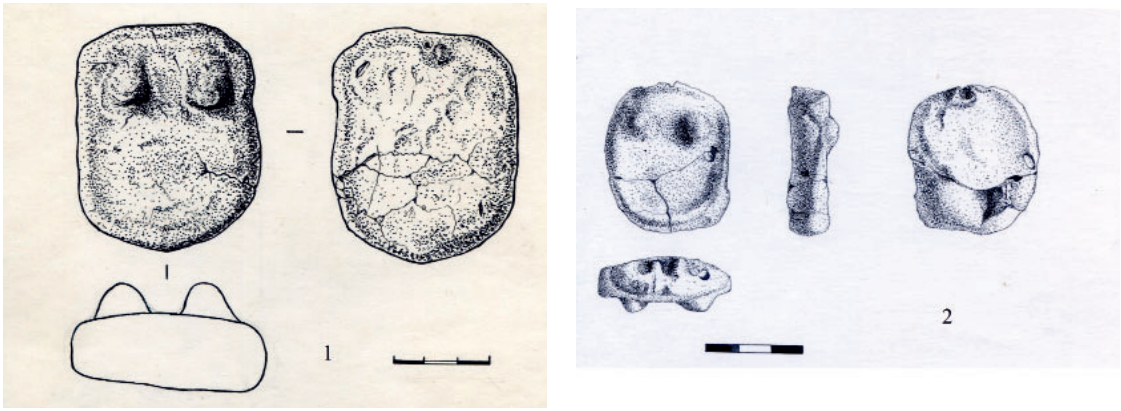


Рис. 7. Глиняные фигурки женщин: 1 – из жилища № 1; 2 – из межжилищного пространства
Fig. 7. Female clay figurines: 1 – from dwelling No. 1; 2 – from the inter-residential space

ние бархатовской культуры было уничтожено, фигурка оказалась в переотложенном слое. Обе находки имеют сходство с глиняной фигуркой без головы, найденной В.М. Раушенбах на Березовом мысу, но в отличие от последней бархатовские статуэтки неорнаментированы (Раушенбах, 1965, с. 65–68).

В хозяйственной постройке № 3 на дне ямы был найден глиняный светильник (рис. 8). Это небольшая полусферическая чашечка с круглым отверстием в верхней ее части. Конструкция светильника позволяет заливать в него через отверстие горючее вещество (жир животных?) и вставлять фитиль.

Каменное навершие на жезл было найдено в прокале жилища № 1, оно с обеих сторон покрыто орнаментом, который наносился при помощи глубоких и мелких, длинных и коротких насечек. Каждая сторона грузила разбита на четыре сектора длинными и глубокими линиями (рис. 9). Характер насечек, несимметричное расположение их внутри секторов позволяют предположить, что навершие могло использоваться для астрономических наблюдений, то есть, возможно, являлось древним промысловым календарем.

На Урале известна серия подобных каменных дисков с орнаментом. Все они датируют-

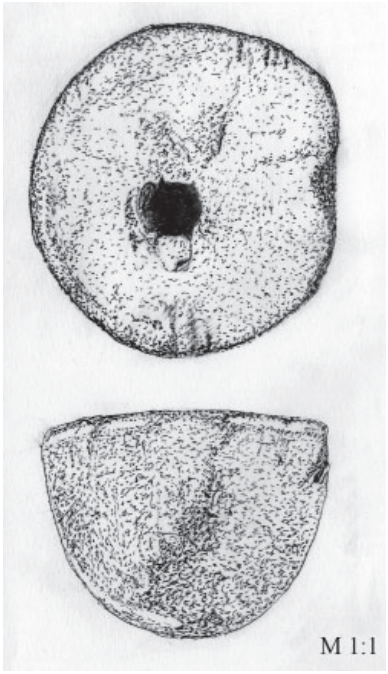


Рис. 8. Глиняный светильник из сооружения № 3
Fig. 8. Clay lamp from structure No. 3

ся временем от мезолита (Савченко, Жилин, 2016; 2020) до энеолита (Герасименко, 2004). Можно предположить вторичное использование навершия в период позднебронзового века.

Заключение

Поселение бархатовской культуры, раскопанное в верховьях Исети, по-видимому, было долговременным, рассчитанным на зимний период. Об этом свидетельствует очаг, обложенный камнями, рядом со спальным местом в жилище № 1 и сосуды для припасов, расположенные в хозяйственных ямах вокруг очагов в жилищах.

Население занималось охотой, рыболовством, использовало в хозяйстве лошадь (на дне второго жилища были найдены фрагменты эмали зубов лошади).

Глиняные фигурки женщин и их локализация у очага (в первом случае) доказывают существование культа хранительницы домашнего очага в XI–VIII вв. до н. э. у населения бархатовской культуры в горно-лесном Зауралье.

Диск-навершие – статусная вещь (Сериков, 2015), возможно, промысловый календарь демонстрирует социальную стратификацию и астрономические знания носителей бархатовской культуры.

Поселок был уничтожен пожаром внезапно, большая часть инвентаря осталась в жилищах. Палатки II – не единственное поселение бархатовской культуры в верховьях Исети Палатки II – не единственное поселение бархатовской культуры в верховьях Исети. Бархатовская керамика и глиняные грузила в форме песочных часов или нитяных катушек найдены также на поселении Нижняя Макуша, памятниках Исетского озера.

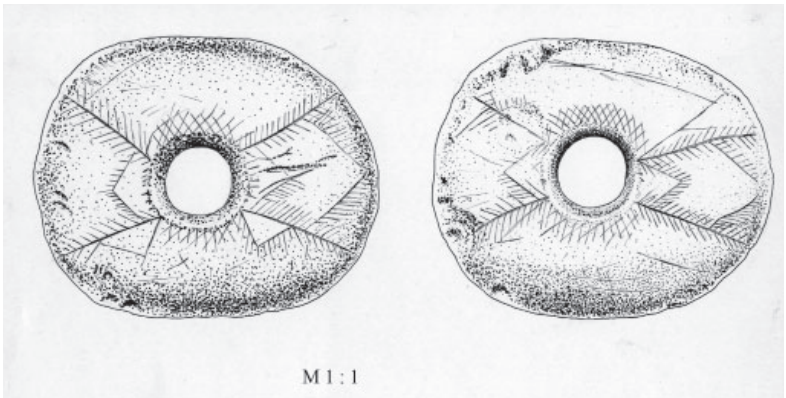


Рис. 9. Каменный диск-навершие из жилища № 1
Fig. 9. Stone disc-shaped poletop from dwelling No. 1

ЛИТЕРАТУРА

Бельтикова Г.В., Викторова В.Д., Панина С.Н. Металлургические комплексы на острове Каменные палатки. // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири / Отв. ред. Л.Н. Корякова. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 134–157.

Герасименко А.А. Древний календарь и календарная мифология населения Среднего Зауралья (опыт интерпретации одной находки) // Четвертые Берсовские чтения / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Квадрат, 2004. С. 83–91.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Заключительный этап бронзового века в Тюменском Притоболье (краткая характеристика комплексов бархатовской культуры) // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях / Ред. Н.А. Мажитов. Уфа: БГУ, 1991. С. 59–62.

Матвеев А.В., Бурлина Т.В. Бархатовская керамика Красногорского городища // Древняя керамика Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин, Е. Ламина. Новосибирск: Наука, 1990. С. 99–114.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Предварительные итоги работ 1999 2000 гг. на поселении Щетково-2 в Ингальской долине // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып 3 / Отв. ред. А.В. Матвеев. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 213–216.

Матвеева Н.П., Аношко О.М. Бархатовский комплекс Коловского городища // Вестник Тюменского государственного университета. 2002. Вып. 2. С. 11–23.

Панина С.Н. Палатки II – поселение аятской культуры на р. Исеть // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири / ВАУ. Вып. 19 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: Уральский гос. ун-тет, 1988. С. 18–28.

Панина С.Н. Культовые предметы на поселении и в интерьере жилищ бархатовской культуры в горно-степном Зауралье (эпоха поздней бронзы) // Международная конференция по первобытному искусству / Отв.ред. Я.А. Шер. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 1998. С. 111–112.

Раушенбах В.М. Женская статуэтка со стоянки Березовый мыс // Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселёва. К 60-летию со дня рождения / МИА. № 130 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 65–68.

Савченко С.Н., Жилин М.Г. Новая находка каменного диска-навершия (к вопросу о перфорированных каменных дисках в Среднем Зауралье) // РА. 2016. № 3. С. 136–151.

Савченко С.Н., Жилин М.Г. Каменный диск-навершие из позднемезолитического слоя стоянки Береговая II в Среднем Зауралье // КСИА. 2020. Вып. 259. С. 86–99.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М: Наука 1967. 408 с.

Сериков Ю.Б. Об одном из признаков статусных изделий // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. 1. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2015. С. 492–504.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Поселения заключительного этапа бронзового века на р.Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: Уральский гос. ун-тет, 1984. С. 79–90.

Информация об авторе:

Панина Светлана Николаевна, главный научный сотрудник, Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера (г. Екатеринбург, Россия); snpanina@yandex.ru

REFERENCES

Beltikova, G. V.,Viktorova, V. D., Panina, S. N. 1993. In Koryakova, L.N. (ed.). *Pamyatniki drevney kul'tury Urala i Zapadnoy Sibiri (Sites of ancient culture in the Urals and Western Siberia)*. Ekaterinburg: “Nauka” Publ., 134–157 (in Russian).

Gerasimenko, A. A. 2004. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Chetvertye Bersovskie chteniya (The Fourth Bers' readings).* Ekaterinburg: “Akva-Press” Publ., 83–91 (in Russian).

Korochkova, O. N., Stefanov, V. I. 1991. In Mazhitov, N. A. (ed.). *Problemy pozdnei bronzy i perekhoda k epokhe zheleza na Urale i sopredelnykh territoriiakh (Issues of the Late Bronze Age and the transition to the Iron Age in the Urals and neighbouring areas).* Ufa: Bashkir State University, 59–62 (in Russian).

Matveev, A. V., Burlina, T. V. 1990. In Molodin, V. I., Lamina, E. (eds.). *Drevniaia keramika Sibiri (Ancient ceramics of Siberia).* Novosibirsk: “Nauka” publ., 99–114 (in Russian).

Matveev, A. V., Anoshko, O. M., Izmer, T. S. 2001. In Matveev, A. V. (ed.). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* (3). Tyumen: Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 78–85 (in Russian).

Matveeva, N. P., Anoshko, O. M. 2002. In *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Tyumen State University)* 2, 11–23 (in Russian).

Panina, S. N. 1988. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Materialnaia kultura drevnego naseleniia Urala i Zapadnoi Sibiri (The material culture of the ancient population of the Urals and Western Siberia)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 19. Sverdlovsk: Ural State University, 18–28 (in Russian).

Panina, S. N. 1998. In Sher, Ya. A. (ed.). *Mezhdunarodnaia konferentsiia po pervobytnomu iskusstvu (International conference on primeval art).* Kemerovo: Kemerovo State University, 111–112 (in Russian).

Raushenbakh, V. V. 1965. In Krupnov, E. I. (ed.). *Novoe v sovetskoi arkheologii (Recent Trends in Soviet Archaeology*). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 130. Moscow: "Nauka" Publ., . 65–68 (in Russian).

Savchenko, S. N., Zhilin, M. G.2016. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 170–179 (in Russian).

Savchenko, S. N., Zhilin, M. G. 2020. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 259, 86–99 (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1967. *Ocherki drevnei istorii Iuzhnogo Urala (Essays on the Ancient History of the Southern Urals*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 10 (1). Tver: "Triada", 492–504 (in Russian).

Stefanov, V. I., Korochkova, O. N. 1984. In Stoianov, V. E. (ed.). *Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri (Ancient Settlements of the Urals and Western Siberia).* Sverdlovsk: Ural State University, 79–90 (in Russian).

About the Author:

Panina Svetlana N. O.E. Kler Sverdlovsk Regional Museum of Local History. Malyshev, str., 46, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; snpanina@yandex.ru

Статья поступила в журнал 03.03.2026 г.
Статья принята к публикации 17.03.2026 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.105.121

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ КУРМАНАКОВСКОЙ IV СТОЯНКИ ФИНАЛА ЭНЕОЛИТА – ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА: МОРФОЛОГО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

©2026 г. Е.Н. Голубева, А.В. Лыганов

Статья посвящена культурно-хронологическому распределению каменного инвентаря Курманаковской IV стоянки финала энеолита – позднего бронзового века, а также его морфолого-функциональному анализу. На территории стоянки в 2014 и 2017 гг. были вскрыты два соединённых тамбуром переходом жилища, характерных для атабаевского этапа маклашеевской культуры и культуры текстильной керамики – XIV–XIII вв. до н.э. Помимо этого, преимущественно в межжилищном пространстве была зафиксирована керамика финала энеолита и керамика, изготовленная в традициях срубной КИО. По керамике, изготовленной в срубных традициях, получена дата –2 σ (91,7%) 1695–1445 кал. л. до н.э. (SPb_3417). Вероятно, жилища после перестройки существовали и на маклашеевском этапе маклашеевской культуры, а также во время функционирования поселения культуры текстильной керамики. По остаткам сгоревшей конструкции получена радиоуглеродная дата – 2 σ (96%) 1274–1055 кал. л. до н.э. (UOC-13395), которая соответствует времени ухода людей с этой территории. Каменный инвентарь Курманаковской IV стоянки насчитывает 558 единиц. По сырьевому признаку данный комплекс делится на изделия из кремня (405 ед.), кварцита (114 ед.), песчаника (23 ед.), галечника (6 ед.), окремнелого известняка (3 ед.), опоки (2 ед.), гранита (2 ед.) и медесодержащих песчаниковых пород (2 ед.), а также диабаза (1 ед.). В ходе работы при морфолого-функциональном исследовании был изучен весь комплекс каменного инвентаря. Орудия охоты и обработки охотничьей добычи (обработка шкур и мяса) представлены наконечниками, многочисленными скребками и микроскребками, резчиками, ножами, проколками. Деревообрабатывающие орудия включают скребки, ложкари, пилку, ножи, строгальные ножи, стамески и резцы. Орудия камнеобработки представлены нуклеусами и отбойником. Орудия металлообработки включают молоточек, молоты, плиты для разбивания и растирания, терочники. Наличие специализированных орудий металлообработки в сочетании с находками медесодержащих песчаников свидетельствует о наличии местного металлообрабатывающего производства в рамках хозяйственной деятельности населения поселения эпохи бронзы.

Ключевые слова: археология, поздний бронзовый век, культура текстильной керамики, атабаевский этап маклашеевской культуры, жилище, скребки, ножи, металлообработка, морфология, трасология.

STONE INVENTORY OF THE KURMANAKOVO IV CAMPSITE OF THE END OF THE ENEOLITHIC – LATE BRONZE AGE: MORPHOLOGICAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS

E.N. Golubeva, A.V. Lyganov

The article deals with the cultural and chronological distribution of the stone inventory of the Kurmanakovo IV site of the end of the Eneolithic – Late Bronze Age, as well as its morphological and functional analysis. In 2014 and 2017, two dwellings connected by a vestibule passage were discovered on the territory of the campsite, which are characteristic of the Atabaevo stage of the Maklasheevka culture and the culture of Textile ceramics – XIV–XIII centuries BC. In addition, ceramics of the end of the Eneolithic and ceramics made in the traditions of the Srubnaya historical cultural and historical community were recorded mainly in the inter-dwelling space. For ceramics made in the Srubnaya traditions, the date – 2 σ (91.7%) 1695–1445 cal. BC (SPb_3417) was obtained. Probably, the dwellings after reconstruction existed at the Maklasheevka stage of the Maklasheevka culture, as well as during the functioning of the settlement of the culture of textile ceramics. According to the remains of the burnt–out structure, a radiocarbon date was obtained – 2 σ (96%) 1274–1055 cal. BC (UOC-13395), which corresponds to the time when people left this territory. The stone inventory of the Kurmanakovo IV camp site totals 558 units. According to the raw material basis, this complex is divided into products made of flint (405 units), quartzite (114 units), sandstone (23 units), pebbles (6 units),

silicified limestone (3 units), flask (2 units), granite (2 units) and copper-bearing sandstone rocks (2 units), as well as diabase (1 unit). In the course of the morphological and functional study, the entire complex of stone tools was studied. Hunting tools and hunting prey processing (processing of hides and meat) are represented by arrowheads, numerous scrapers and micro-scrapers, burins, knives, and punctures. Woodworking tools include scrapers, "lozhkar'' tools, saws, knives, planing knives, chisels, and burins. Stone-working tools are represented by nuclei and a chipper. Metalworking tools include small hammers, hammers, smashing and grinding plates, and graters. The presence of specialized metalworking tools in combination with finds of copper-bearing sandstones indicates the presence of local metalworking within the economic activity of the population of the settlement of the Bronze Age.

Keywords: archaeology, Late Bronze Age, culture of Textile ceramics, Atabaevo stage of the Maklasheevka culture, dwelling, scrapers, knives, metalworking, morphology, traceology.

Курманаковская IV стоянка расположена в Лаишевском районе Республики Татарстан на пойменной дюне левого берега р. Меша. В ходе раскопок, выполненных в 2014 и 2017 гг., на площади 112 кв. м., были исследованы котлованы двух землянок, которые были соединены тамбурным переходом. В результате абразионной деятельности Куйбышевского водохранилища эти объекты и культурные напластования стоянки были разрушены.

Котлованы, объединенные в общее пятно темно-серого цвета (с углистыми включениями), проявились на глубине 55-60 см от поверхности. Размеры пятна составили 6,5х16 м, оно заняло почти всю площадь раскопов. Глубже котлованы сооружений разделились: между ними был обнаружен переход – обугленная бревенчатая конструкция, залегавшая на глубине 80-90 см от поверхности. Более крупное из этих сооружений (сооружение № 1) имело размеры 11х8 м, его восточная стенка длиной 11 м, которая сохранилась полностью, была ориентирована в направлении север–юг. У этой стенки глубина дна котлована от уровня выявления составила 1 м. Западная часть котлована данной землянки оказалась размыта.

Вдоль южной стенки глубина землянки уменьшается к западу и составляет 30-40 см. Уклон дна котлована от стенок к центральной части составляет 25–30 см. Вероятно при сооружении жилища население в эпоху бронзы выбрало естественный склон дюны, который и сейчас прослеживается в западном направлении – к реке.

Другой котлован размером 2х5 м (сооружение № 2), соединенный с первым сооружением тамбуром-переходом длиной около 2 м (глубина дна тамбура – 20-30 см), сохранился частично в виде южной и западной стенок.

Материалы памятника – особенности его стратиграфии, планиграфии, керамического комплекса, были неоднократно опубликованы (Лыганов, 2019, 2019а, 2021). В данной статье рассматривается комплекс каменных изделий с территории стоянки и его соотношение с культурно-хронологическими комплексами, выделенными на основании керамического материала.

Стратиграфия. В раскопах Курманаковской IV стоянки были зафиксированы следующие напластования: вверху – дерн мощностью 5-7 см, ниже залегал слоистый светло-желтый-серый песок аллювиального происхождения, мощность его варьировала от 12 до 30 см, находки отсутствовали. Под аллювием залегал собственно культурный слой мощностью до 40-45 см, представленный серой гумусированной супесью с артефактами энеолита и позднего бронзового века. Котлован жилой постройки был выкопан в данном слое. Кроме того, в верхней части этой супеси отмечены единичные фрагменты керамики Нового времени. Вне границ сооружения под серой супесью фиксировался слой светло-серой супеси неравномерной мощности (от 5 до 20 см), содержавший крупные фрагменты энеолитической керамики, а также посуды, принадлежащей так называемым «срубным» традициям.

Заполнение сооружения №1 было неоднородным: в верхней части залегала прослойка серой супеси с пятнами желтого песка, мощность которой в центре котлована составила 5-8 см., а ближе к краям – достигала 25 см. Множество кусков колотого кварцита, зафиксированных в данной прослойке, в камеральных условиях было собрано в крупную плиту, служившую для дробления и растирания рудосодержащего минерального сырья,

Рис. 1. Каменные орудия Курманаковской IV стоянки. 1-26 – скребки, кремень; 27 – скобель, кремень; 28-29 – ложкари, кремень; 30-31 – резцы, кремень; 32 – пилка, кремень.
Fig. 1. Stone tools from the Kurmanakovo IV campsite. 1-26 – scrapers, flint; 27 – push-plane, flint; 28-29 – lozhkars (a stone tool for scraping wood), flint; 30-31 – burins, flint; 32 – saw, flint.

что будет подробнее охарактеризовано ниже (рис. 5: 1).

По всей вероятности, вначале конструкция землянки была сооружена носителями маклашеевской культуры на ее атабаевском этапе, а после пожара этот котлован был засыпан песком и вновь использован на маклашеевском этапе культуры. Об этом свидетельствуют находки в этой прослойке фрагментов керамики финала эпохи бронзы и куски и осколки кварцита, так как находки кварцитовых изделий встречаются в комплексах позднего этапа маклашеевской культуры (Лыганов, 2019, 2021).

Ниже этой прослойки заполнение сооружения №1 было представлено слоем темно-серой

Рис. 2. Каменные орудия Курманаковской IV стоянки. 1-12 – резчики, кремень; 13-25 – ножи, кремень; 26-27 – строгальные ножи, кремень.
Fig. 2. Stone tools from the Kurmanakovo IV campsite. 1-12 – cutting tools, flint; 13-25 – knives, flint; 26-27 – planing knives, flint.

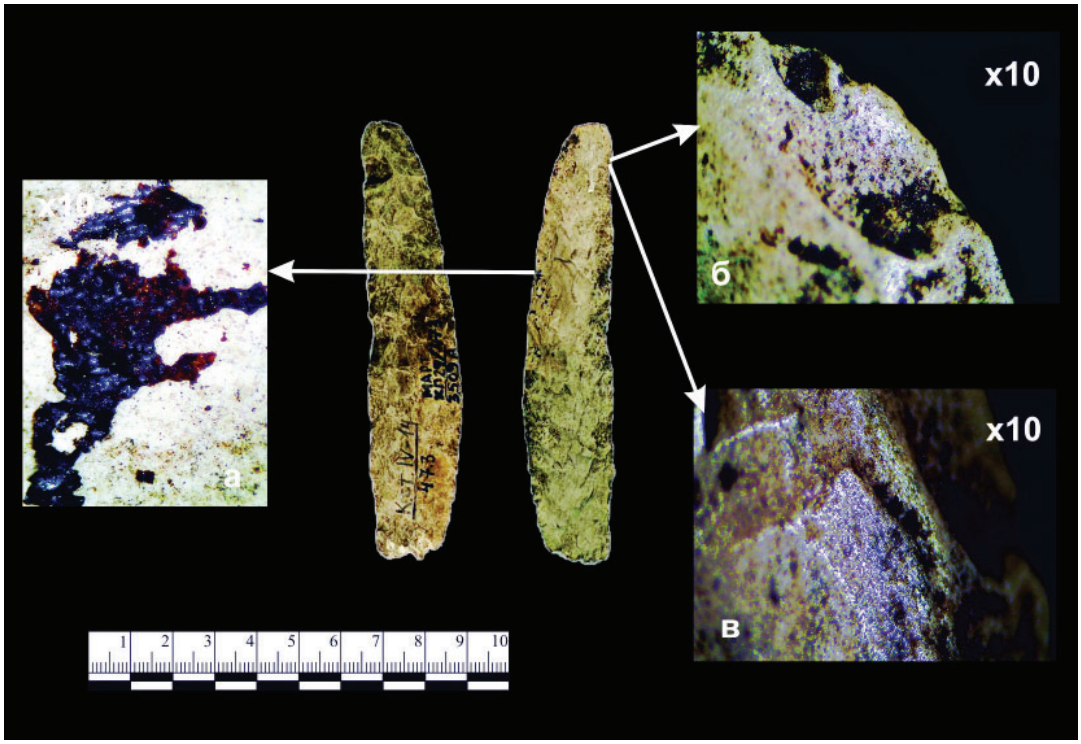


Рис. 3. Бифасиальный нож для срезания травы, кремень.
Микрофото: а – остатки смолы (х10); б – заполировка (х10).
Fig. 3. Bifacial knife for cutting grass, flint. Micrograph: a – resin residues (x10); б – polish (x10).

углистой супеси неравномерной мощности – от 30 см в центре до 1 м у его краев. Данная углистая супесь присутствовала также в заполнении ям, выявленных на уровне дна котлована. Примечательно, что в этой супеси ни в нижней части заполнения котлована, ни в ямах не были зафиксированы фрагменты энеолитической и маклашеевской керамики.

В ходе выборки заполнения землянок на всех уровнях наблюдались полосы углей, указывавшие на расположение сожженных бревен. В сооружении 1 вдоль его южного и восточного краев находились ямы от опорных столбов, причем вдоль восточного края они располагались в два ряда, расстоянии между которыми составило около 2 м. Кроме того, не менее десяти ям хозяйственного назначения, различавшихся размерами, зафиксированы у южной стенки. Остатки наземного очага, представляющего собой маломощный слой прокала, находились в центральной части землянки.

Ближайшие аналогии конструкции жилищ Курманаковской стоянки можно найти среди остатков построек атабаевского этапа маклашеевской культуры (Халиков, 1980; Соловьев, 2000, рис. 64; Чижевский, 2007, табл. 2, 3). В пользу этого определения времени сооружения котлованов землянок свидетельствуют также находки в ямах и придонной части жилищ скоплений фрагментов керамики и развалов сосудов атабаевского этапа и культуры текстильной керамики без поздних маклашеевских признаков в орнаментации и форме сосудов. Атабаевский этап маклашеевской культуры датируется XIV–XIII вв. до н.э.

Керамические культурно-хронологические комплексы. В культурных напластованиях памятника и в заполнении сооружений и землянки разнокультурные фрагменты керамики залегают смешанным образом. Общее количество керамических находок – более четырех тысяч фрагментов, они относятся к четырем различным культурно-хронологическим горизонтам.

Первый культурно-хронологический горизонт относится к финалу энеолиту и может быть датирован концом III тыс. до н.э. Этот керамический комплекс включает 27 определимых фрагментов пористой легкой керамики с гребенчатым орнаментом (4% от всей определенной керамики). Фрагменты этой посуды были зафиксированы преимущественно в основании культурного слоя вне

Рис. 4. Каменные орудия Курманаковской IV стоянки. 1-2 – стамески, кремень; 3-4 – нуклеусы, кремень; 5-6 – сверла, кремень; 6-7 – долотца, кремень; 8-10 – проколки, кремень; 11 – наконечник дротика, кремень; 12-13 – наконечники стрелы, кремень.
Fig. 4. Stone tools from the Kurmanakovo IV campsite 1-2 – chisels, flint; 3-4 – cores, flint; 5-6 – drills, flint; 6-7 – adzes, flint; 8-10 – borers, flint; 11 – punctures, flint; 12-13 – arrowheads, flint.

пределов котлована сооружения и в южной части землянки, куда, вероятно, переместился культурный слой в процессе археологизации заброшенного жилища. Аналогии этой энеолитической посуде можно найти в комплексах финала средневолжского варианта позднего этапа волосовской культурно-исторической общности (Соловьев, 2000, с. 36-39; Никитин, 2017).

Второй культурно-хронологический горизонт стоянки (около XVIII–XV вв. до н.э.) может быть синхронизирован с процессом культурного влияния срубной КИО на население Предкамья, что подтверждается появлением на Курманаковской IV стоянке носителей керамики, изготовленной в т.н. «срубных» традициях (155 фрагментов или 20% от всей определенной керамики) (Лыганов, 2019, 2019а, 2021). Наряду с находками посуды «срубной» традиции, в раскопе было отмечено небольшое число фрагментов поздняковской керамики с характерными рядами шнуровых отпечатков по тулову или вдавлениями, которая насчитывает 24 фрагмента, что составляет 3,3% от всей определенной керамики. Эта посуда, вероятно, бытовала одновременно или несколько позже керамики, изготовленной в «срубных» традициях (Лыганов, 2021). Хронологические рамки этих типов керамики являются дискуссионными, в связи со слабой разработанностью хронологии и периодизации поздняковской культуры и единичных памятников со «срубоидной» керамикой. Нижней датой их бытования весьма условно можно считать XVIII в. до н.э., когда в Предкамье происходил процесс влияния срубной культуры на ее развитом этапе.

Судя по деталям стратиграфии раскопа Курманаковской стоянки, эти керамические комплексы предшествуют появлению здесь носителей атабаевского этапа маклашеевской культуры и культуры текстильной керамики и времени сооружения жилищ. Это подтверж-

Рис. 5. 1 – плита для дробления и растирания руды и минеральных веществ, кварцит; 2 – плита из Мало-Кокузинского поселения (по А.Х. Халикову, 1961).
Fig. 5. 1 – slab for crushing and grinding ore and minerals, quartzite; 2 – slab from the Malye Kokuzy settlement (according to A.Kh. Khalikov, 1961).

дается нахождением развалов сосудов, выполненных в «срубных» традициях в основании культурного слоя за пределами жилищного котлована. Отдельные фрагменты в придонной части сооружения №1 вероятно попали сюда в процессе разрушения краев построек и сползания культурного слоя в котлованы жилищ уже после оставления людьми этой территории в финале бронзового века.

Для решения вопроса времени бытования подобной керамики на территории стоянки, был проведен радиоуглеродный анализ. По крупному плоскому дну керамики, изготовленной в «срубных» традициях, получена радиоуглеродная дата: некалиброванные значения – 3300 ± 60 14С л. н. Калиброванные значения составляют 1 σ (68,3%) 1631-1501; 2 σ (91,7%) 1695-1445 кал.л. до н.э. (SPb_3417). Дата подтверждает нашу точку зрения о проживании носителей данного типа керамики до появления здесь на атабаевском этапе населения маклашеевской культуры, а также культуры текстильной керамики, и что эти процессы были одновременны с финалом срубной культуры в степной зоне (Кузнецов, 2014; Чижевский и др., 2021).

Третий горизонт культурных напластований Курманаковской IV стоянки, отнесенный к XIV–XIII вв. до н.э., представлен остатками жилищной постройки № 2, оставленной населением маклашеевской культуры на атабаевском этапе и носителями культуры текстильной керамики (Лавенто, Патрушев, 2015; Чижевский и др., 2021). Фрагменты посуды этих культур преобладают среди находок из раскопок и составляют свыше 60% всех определимых фрагментов. При этом фрагменты посуды атабаевского этапа (251 шт.) составляют 33%, а культуры текстильной керамики (214 шт.) – 28%. Эти керамические комплексы встречается на уровне всех пластов раскопов и во всех материковых хозяйственных и столбовых ямах. На уровне дня котлованов залегали развалы текстильных и атабаевских сосудов.

В меньшем количестве – 82 фрагмента или 11% от всей определенной керамики, найдены фрагменты керамики маклашеевского (позднего) этапа маклашеевской культуры и культуры текстильной керамики финала поздней бронзы (XII–X вв. до н.э.). Эта посуда представлена как классической маклашеевской (с примесью в тесте раковины, со сгруппированными ямками, идущими ниже воротничка), так и гибридной керамикой (с примесью песка в тесте, с текстильными отпечатками по тулову сосуда, с ямками, идущими по венчику и по тулову сосудов). Появление этой гибридной керамики свидетельствует о взаимодействии населения культур текстильной керамики и маклашеевской.

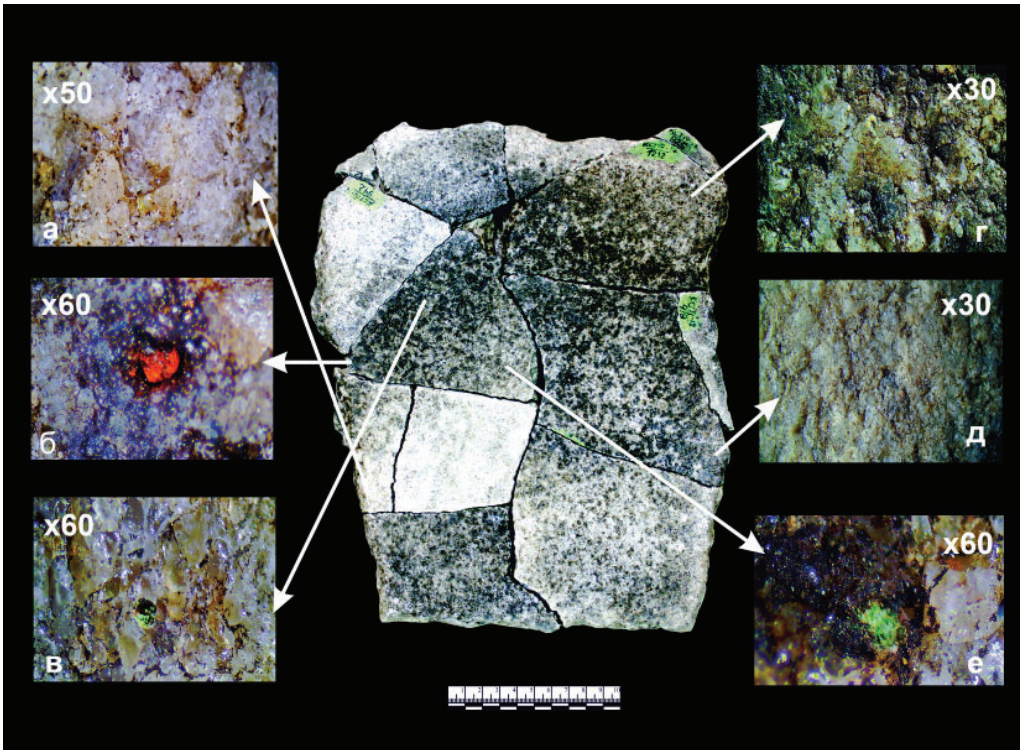


Рис. 6. Плита для дробления и растирания руды и минеральных веществ.
Микрофото: а, г, д – следов утилизации (х50, х30, х30); б, в, е – остатков минеральных веществ (х60).
Fig. 6. Slab for crushing and grinding ore and minerals.
Micrograph: a, г, д – traces of utilization (x50, x30, x30); б, в, е – remains of mineral substances (x60).

Фрагменты маклашеевской и текстильной керамики приурочены к верхней части заполнения котлована, между тем, как в нижней части и в заполнении материковых ям таких находок не отмечено. Опираясь на данные стратиграфии, можно заключить, что носители маклашеевской культуры продолжали использовать котлован землянки более раннего периода. С этой стадией функционирования сооружения могут быть синхронизированы бревна дуба, которые лежали в переходе между землянками и сохранились довольно хорошо. По ним получена AMS 14C дата: 2966 ± 29 14C л. н., в некалиброванных значениях и 1 σ (68%) 1224–1125; 2 σ (96%) 1274–1055 кал.л. до н.э. – в калиброванных (UOC-13395, INTCAL20). Эти данные совпадают с хронологией маклашеевского этапа маклашеевской культуры (Чижевский и др., 2021).

В дальнейшем, жизнедеятельность на Курманаковской стоянке замирает, о чем говорит отсутствие среди находок артефактов эпохи раннего железа. По всей вероятности, зафиксированные в раскопе обугленные в пожарище бревна, которые сохранившись достаточно хорошо, отражают момент запустения поселения.

Морфолого-функциональный анализ каменного инвентаря и его соотношение с культурно-хронологическими комплексами. Весь вещевой комплекс, полученный в ходе работ 2014 и 2017 гг., насчитывает 2697 предмета. Каменный инвентарь Курманаковской IV стоянки насчитывает 558 единиц. По сырьевому признаку данный комплекс делится на изделия из кремня (405 ед.), кварцита (114 ед.), песчаника (23 ед.), галечника (6 ед.), окремнелого известняка (3 ед.), опоки (2 ед.), гранита (2 ед.) и медесодержащих песчаниковых пород (возможно, содержащие азурит – 2 ед.), а также диабаза (1 ед.). В ходе морфолого-функционального исследования был изучен весь комплекс каменного инвентаря.

Изучение проводилось с использованием стереоскопических микроскопов Микромед МС-1 с увеличением до х80 раз, МБС-10 с увеличение до х98 раз и панкратического микроскопа Crystallite ST-7045 с увеличением до х45 раз. Фотофиксация следов микроизноса проходила с помощью цифровых камер Levenhuk C510 NG и Crystallite HDMI.

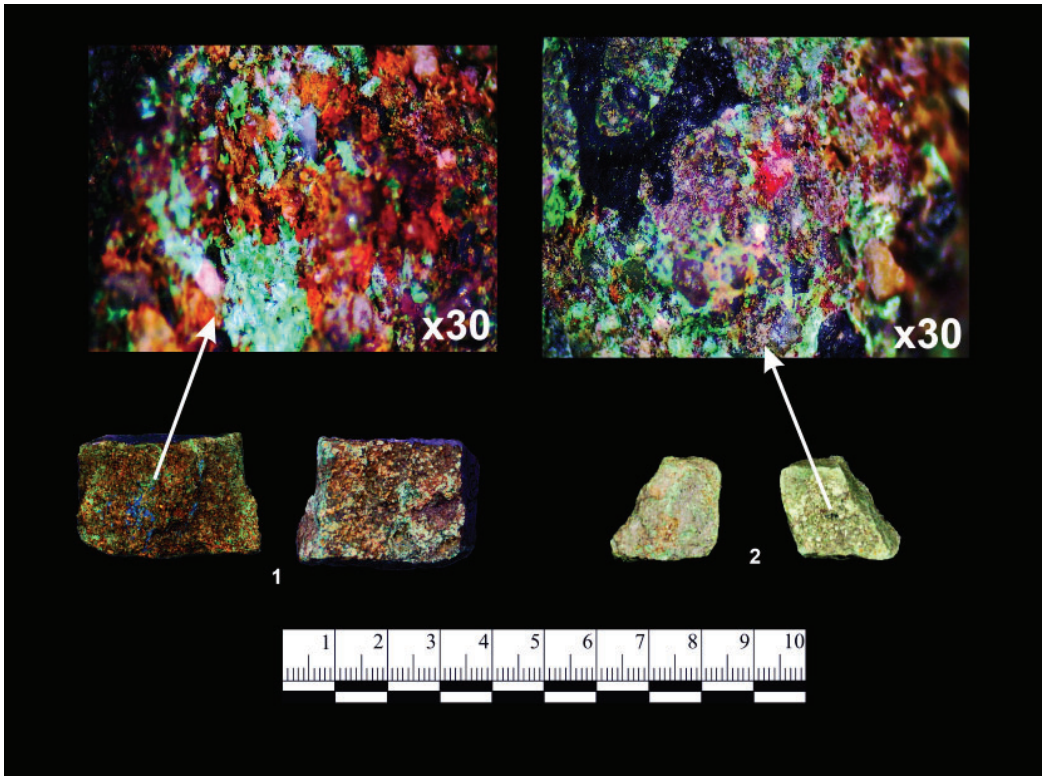


Рис. 7. Медесодержащие песчаники. Общий вид и микрофото (х30).
Fig. 7. Copper-bearing sandstones. General view and micrograph (x30).

Из общего массива каменного инвентаря было выделено 71 морфологически выраженное орудие – это различные типы скребковых орудий: концевые скребки на отщепе с округлым рабочим лезвием; концевой и боковой скребок на отщепе подчетырехугольной формы; округлые скребки; концевой и боковой скребок на отщепе подовальной формы, а также скребки аморфной формы, а также ножи, наконечники стрел, проколки, конкреции, нуклеусы, точильный камень, комбинированные орудия, пластины с ретушью, отщепы с ретушью, а также отходы производства – отщепы без ретуши, сколы, осколки, фрагменты.

Трасологический анализ позволил существенно увеличить количество орудий. С учетом изделий с двумя и тремя рабочими лезвиями, было выделено 171 орудие. По функциональному назначению они разделились на: скребковые орудия – скребки, скобель и ложкари; режущие – резец, резчики, ножи, строгальные ножи, стамески, пилки, а также наконечники, проколки, сверла, долотца, нуклеусы, плиты для разбивания и растирания, молоточки, молоты, абразивы, отбойники.

В качестве скребков (84 ед.; рис. 1: 1-26) были использованы не только морфологически выраженные скребки (37 ед.), но и морфологически выраженный нож (1 ед.), нуклеус (1 ед.), орудия (4 ед.), отщепы с ретушью (12 ед.), пластины с ретушью (5 ед.), а также отщепы без ретуши (11 ед.), сколы (8 ед.) и осколки (5 ед.). На основании характера обрабатываемых этими скребками материалов они разделились на скребки по мягкому материалу (шкуре) и по твердым материалам (предположительно дереву). Подробная характеристика основной части скребковых орудий представлена в отдельной публикации (Голубева, Лыганов, 2023). По аналогиям и стратиграфическому расположению их можно отнести как культуре текстильной керамики так к маклашеевской культуре (XIV–X вв. до н.э.)

Заготовкой для единственного в коллекции выявленного функционального скобеля стал концевой и боковой скребок на отщепе подчетырехугольной формы (рис. 1, 27). Он совмещал функции скобеля и скребка по дереву.

В качестве ложкарей (2 ед.) использованы два морфологически выраженные орудия, являющихся полифункциональными и сочетающих функции ножа, скребка, ложкаря (рис. 1: 28-29).

Режущие орудия представлены несколькими категориями. Резцами (2 ед.) выступи-

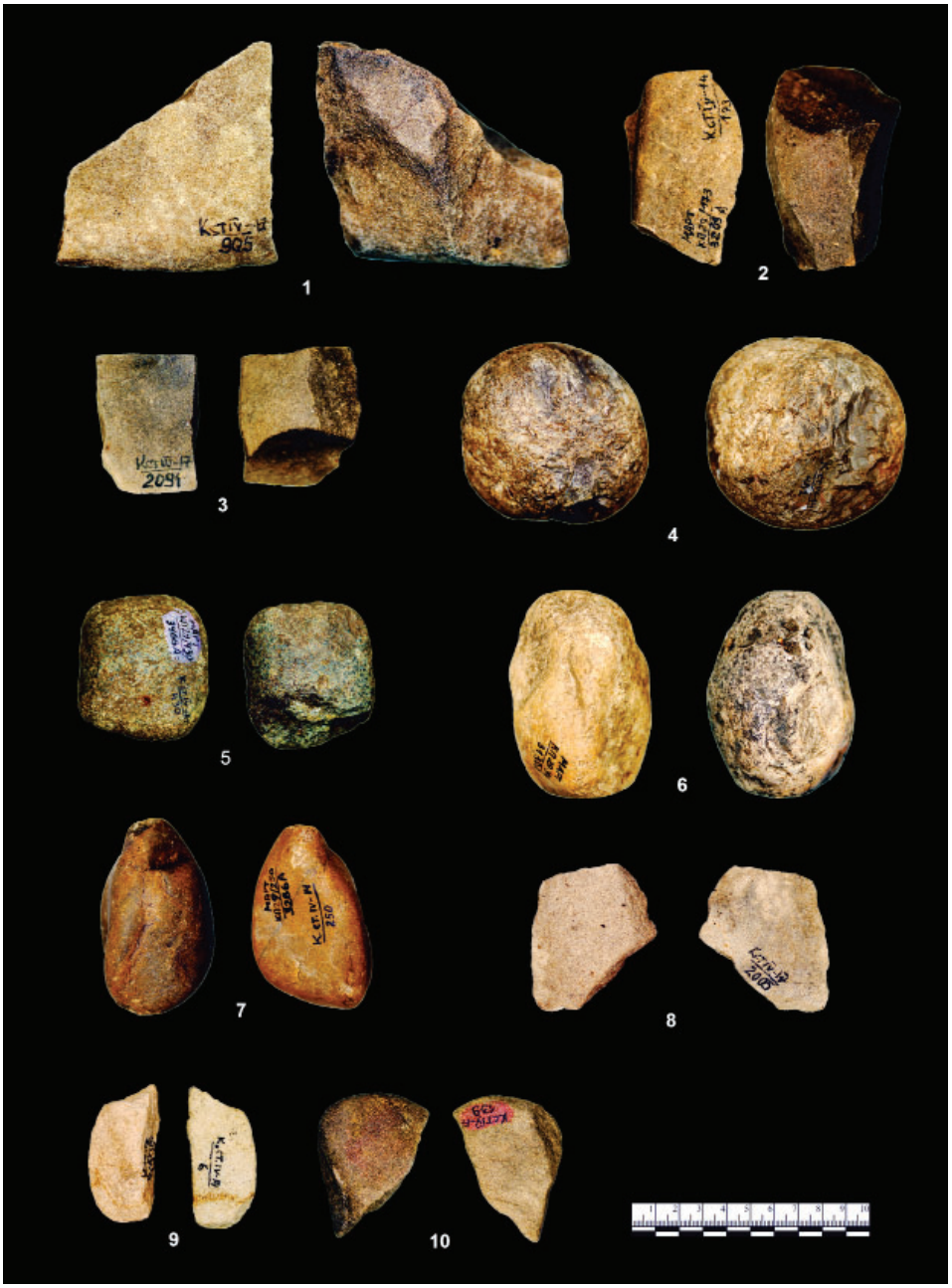


Рис. 8. Каменные орудия Курманаковской IV стоянки. 1-3 – терочники, песчаник; 4 – молот, кварцит; 5 – молот, диабаз; 6 – молоточек для обработки металла, галечник; 7 – отбойник, галечник; 8-10 – абразивы, песчаник.
Fig. 8. Stone tools from the Kurmanakovo IV campsite. 1-3 – grinding stone, sandstone; 4 – hammer, quartzite; 5 – hammer, diabase; 6 – hammer for metalworking, pebble; 7 – hammerstone, pebble; 8-10 – abrasives, sandstone.

ли морфологически выраженные скребок и орудие (рис. 1: 30-31). Они были полуфункциональными – совмещали такие функции как нож, скребок, резчик и резец.

Резчики (18 ед.) были представлены скребком (1 ед.), орудием (1 ед.), отщепами без ретуши (7 ед.), сколами (7 ед.) и осколком (1 ед.) (рис. 2: 1-12).

В качестве ножей использовано 24 предмета (рис. 2: 13-25). В данной функции были использованы морфологически выраженный скребок (1 ед.), ножи (3 ед.), орудия (2 ед.), отщепы с ретушью (4 ед.), пластины с ретушью (7 ед.), отщепы без ретуши (4 ед.), пластина без ретуши (1 ед.). Особый интерес представляют два бифасиальных двулезвийных ножа. Первый нож имеет слегка выпуклую сторону, на которой зафиксированы темно-коричневые пятна различной площади, заходящие от края на поверхность на ширину до 0,5 см. Данные пятна интерпретируются как остатки смолы, использовавшейся для

крепления орудия. Противоположное лезвие имеет следы зеркальной заполировки и линейные следы, параллельные рабочему лезвию (рис. 3). Совокупность признаков позволяет отнести это орудие к ножам по срезанию травы. Второй нож также на одной из сторон имеет следы от смолы темно-коричневого цвета. Однако здесь они в основном сосредоточиваются на кромке и не распространяются глубоко на поверхность.

Схожие кремневые ножи-бифасы известны в древностях позднякoвской культуры и КТК (Бадер, Попова, 1987, рис. 67: 23, 24). Халиков А.Х. отмечал такие ножи и среди маклашеевской культуры (Халиков, 1980, табл. 36-37). Здесь также стоить отметить отсутствие подобных бифасов в древностях волосовской культуры Среднего Поволжья, в том числе на ее финальном этапе (Никитин, 2017; Лыганов и др., 2018). Сам В.В. Никитин отмечал, что в финале средневолжского варианта волосовской общности наблюдается небрежность в обработке кремня, исчезают выдержанные геометрические формы, которые так характерны для предыдущих этапов развития культуры. (Никитин, 2017, с. 117). С точки зрения стратиграфии ножи были выявлены в придонной части жилища № 1, вблизи от хозяйственных ям и развалов сосудов КТК и атабаевского этапа маклашеевской культуры.

Строгальными ножами (3 ед.; рис. 2: 26-28) выступили: орудие, отщеп с ретушью листовидной формы, скол подтреугольной формы. Полифункциональное орудие подтрапецевидной формы, выполненное на отщепе, совмещало функции строгального ножа и скребка (рис. 2: 28).

В качестве стамесок использованы два предмета: плоский отщеп с ретушью подпрямоугольной формы и скол подовальной формы, причем первое орудие интерпретируется как стамеска для работы по мягкому материалу (рис. 4: 1-2).

В качестве пилки (рис. 1: 32) было использовано морфологически выраженное орудие. Оно было комбинированным – совмещало функции скребка и пилки (два рабочих лезвия).

Типологические наконечники стрел и дротика (3 ед.) имели следы использования в соответствующей функции (рис. 4: 11-13). Первый наконечник стрелы имел подтреугольную форму с выделенным черешком. Аналогичные наконечники стрел характерны для некрополей сейминско–турбинского транскультурного феномена с влиянием в культуре покровских обычаев металлообработки. Это могильники Решное и Юринский (Усть–Ветлужский) (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 104: 8–11; Шалахов, 2014, рис. 1: 10–11). Схожие, но не идентичные, черешковые наконечники есть и среди древностей позднякoвской культуры (Бадер, Попова, 1987, рис. 67). Второй наконечник, предположительно иволистной или листовидной формы, сохранился фрагментарно (отсутствовали концы). Такие наконечники стрел характерны для как для энеолита, так и культур финала бронзы (Никитин, 2017, 317: 2; 340, 351: 4; Халиков, 1980, табл. 36-37). Третий экземпляр интерпретируется как фрагмент дротика, предположительно являющегося насадом. Все три изделия были выполнены в технике бифасиальной обработки.

Проколки (5 ед.) (рис. 4: 8-10) представлены морфологически выраженными орудиями: проколкой и отщепом с ретушью, а также отщепом без ретуши и осколками (2 ед.). У одной из проколок острие имеет следы слома. Остальные предметы имеют либо ретушированные рабочие концы, либо естественное острие.

Сверлами (рис. 4: 5-6) служили морфологически выраженные орудия в виде подтреугольного острия, а также острия, выполненного на отщепе с ретушированным и сходящимися краями и подтесанными противоположными прямыми концами – выемки на краях для зажима орудия. Второе сверло совмещало в себе также функцию долотца.

Второе выявленное функциональное долотце было сколом полу-округлой формы, имело слабовыпуклое лезвие (рис. 4: 7).

Нуклеусы (2 ед.) представлены мелким полностью сработанным морфологическим нуклеусом и фрагментом конкреции кремня со следами снятий (рис. 4: 3-4).

Особое внимание хотелось бы уделить многочисленным кварцитовым изделиям, сколам, осколкам и фрагментам. В прослойке из серой супеси с включением пятен желтого песка, которая заполняла верхнюю часть котлована №1, было обнаружено большое количество фрагментов колотого кварцита разных размеров. В ходе изучения было отмечено, что на многих из них присутствуют

следы использования. На больших фрагментах ломанного кварцита они включают линейные следы, участки пришлифовки, выбоинки различной глубины, а также смятость зерен породы. Характер микрорельефа отличается от естественного состояния материала и свидетельствует об антропогенном воздействии. Размеры выбоинок и линейных следов указывают на обработку достаточно твердого вещества, предположительно минерального происхождения.

Пространственное расположение находок – концентрация крупных и мелких обломков на ограниченной площади – позволило предположить их принадлежность к одному или нескольким исходным орудиям. Для проверки данной гипотезы была проведена работа по визуальной подборке разрозненных фрагментов. Из 114 единиц кварцитовых обломков 76, предположительно, относятся к одному орудию. В процессе ремонтажа удалось 24 фрагмента из них сложить в кварцитовую плиту подпрямоугольной формы (рис. 5: 1), со слегка изогнутым бортиком, с углублением в центральной части. Рабочую поверхность удалось собрать почти полностью. Обратная сторона собралась частично. Стоит отметить, что нижняя часть подверглась разрушению сильнее, чем верхняя (рабочая), разбившись на мелкие фрагменты, что усложнило процесс подборки.

Реконструируемые размеры плиты составляют 30х24 см, максимальная толщина – до 10 см (измерено по фрагменту, сохранившему как рабочую поверхность, так и обратную сторону). Сохранившиеся фрагменты нижней части позволяют предположить, что она была плоской. Форма плиты, скорее всего, обусловлена естественной формой исходного сырья с незначительной подработкой боковых сторон оббивкой. Следы оббивки фиксируются на всех боковых сторонах, однако их характер указывает на корректировку формы, а не первичное формообразование. При исследовании под микроскопом рабочей поверхности были выявлены смятость и стертость зерен, выбоинки различных форм и глубины, линейные следы, участки пришлифовки (рис. 6: а, г, д). На изогнутой части плиты линейные следы ориентированы параллельно продольной оси, на остальной поверхности фиксируются как параллельные, так и наклонные направления – от центра к краю. Также на поверхности присутствуют порошкообразные остатки веществ коричневого, бурого, песочного и бежевого цвета. Часть из них втерта в поверхность, часть располагаются поверхностно. На одном из фрагментов плиты были обнаружены остатки вещества зеленого цвета в двух местах (рис. 6: в, е). В коллекции присутствуют два предмета из медесодержащих песчаников (возможно, с включением азурита). Под микроскопом на них выявлены аналогичные зеленые остатки (рис. 7). Данное обстоятельство позволяет интерпретировать плиту как орудие для дробления и растирания рудосодержащего сырья. В углублении на одном из фрагментов было обнаружены остатки вещества красно-коричневого цвета, также, вероятно, минерального происхождения (рис. 6: б). На боковых кромках по периметру присутствуют участки пришлифовки, наиболее интенсивные на кромке изогнутого бортика, что может свидетельствовать о фиксации плиты.

Судя по условиям залегания обломков плиты и кусочков руды в верхней части заполнения землянки № 1, они относятся к маклашеевскому этапу. Однако находки подобных плит для растирания известны также на атабаевских поселениях (Мало-Кокузинская стоянка, поселение «Гремячий Ключ», Кузькинская XVII стоянка) (Халиков, 1980, табл. 35). При этом подобные плиты чаще всего интерпретировались исследователями как зернотерки (Халиков, 1980, табл. 35). В связи с отсутствием земледелия в это время, наиболее корректно их идентифицировать как орудия, используемые в металлоброботке, что конечно может быть прояснено только в результате трасологического анализа

Ближайшая аналогия плите из заполнения землянки № 1 Курманаковской IV стоянки известна на Мало-Кокузинской стоянке. Здесь на дне, у стенки жилища, вблизи от очагов зафиксирована целая плита. Плита изготовлена из крупного куска светлого сливного песчаника толщиной 8-9 см. В плоскости она имеет подтреугольную форму длиной 50 см и шириной в узкой части 13 см, в широкой части 25 см. В узкой части располагается плоская площадка длиной 14 см, которая переходит в выемчатое углубление (рис. 5: 2). Неподалеку от плиты были найдены кварцитовый цилиндрический пест с отшлифованными концами и обломки гранитной терочной

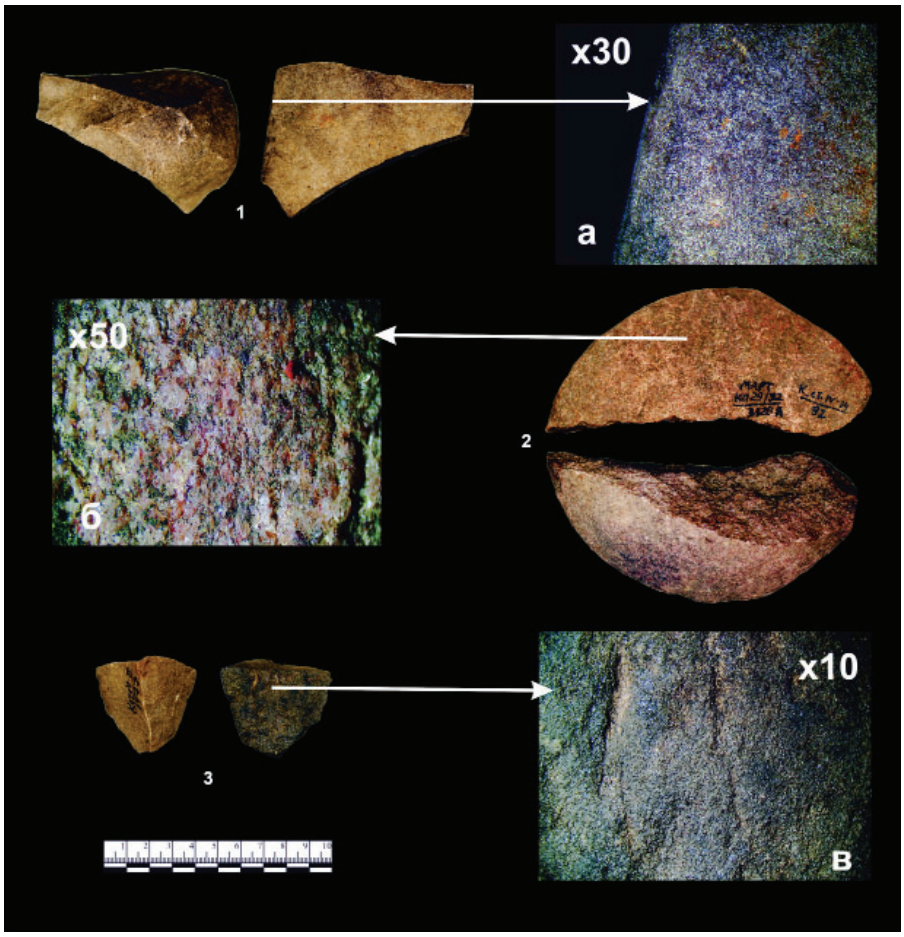


Рис. 9. Каменные орудия Курманаковской IV стоянки. 1 – терочник, песчаник; 2 – терочник, гранит; 3 – терочник, песчаник. Микрофото следов утилизации (x30, x50, x10).
Fig. 9. Stone tools from the Kurmanakovo IV campsite. 1 – grinding stone, sandstone; 2 – grinding stone, granite; 3 – grinding stone, sandstone. Micrograph of utilization traces (x30, x50, x10).

плиты (Халиков, 1961, с. 53-56). В этой связи стоит отметить схожую конструкцию жилищ на Курманаковской IV и Мало-Кокузинской стоянок и схожий керамический комплекс атабаевского этапа маклашеевской культуры с примесью культуры текстильной керамики этого же времени.

В коллекции Курманаковской IV стоянки присутствует 13 фрагментов изделий из песчаника темно-коричневого цвета со следами работы. На поверхности девяти экземпляров фиксируются выбоинки, четко выраженные линейные следы, а также пришлифовка по краю и на боковых, слегка скругленных сторонах (рис. 9: 1, 3). В отличие от кварцитовых плит, выбоинки на песчаниковых орудиях менее глубоки, их поверхность более сглажена. Попытка ремонтажа фрагментов в единую рабочую поверхность не увенчалась успехом. Поэтому каждый фрагмент учитывается как самостоятельное орудие. Совокупность следов позволяет интерпретировать данные изделия как терочники (рис. 8: 1-3; рис. 9). На других четырех экземплярах наблюдались смятость зерен, заглаженность поверхности, линейные параллельные следы в виде длинных царапин. Данные орудия были отнесены к абразивам (рис. 8: 8-10).

В составе коллекции выделены орудия, функционально связанные с ударными операциями. Конкреция кварцита округлой формы, весом 415 г., и молот, выполненный из зеленого, предположительно, диабаза, с намеченным желобком-перехватом, весом 172 г., использовались в качестве молотов (рис. 8: 4-5). Следы использования на обоих орудиях представлены выщербинами, сколами, смятостью зерен, забитостью и растрескиванием рабочей поверхности. Галька коричневого цвета овальной формы, весом 285 г., имеет один уплощенный конец, на котором зафиксирован металлический блеск, имеющий линей-

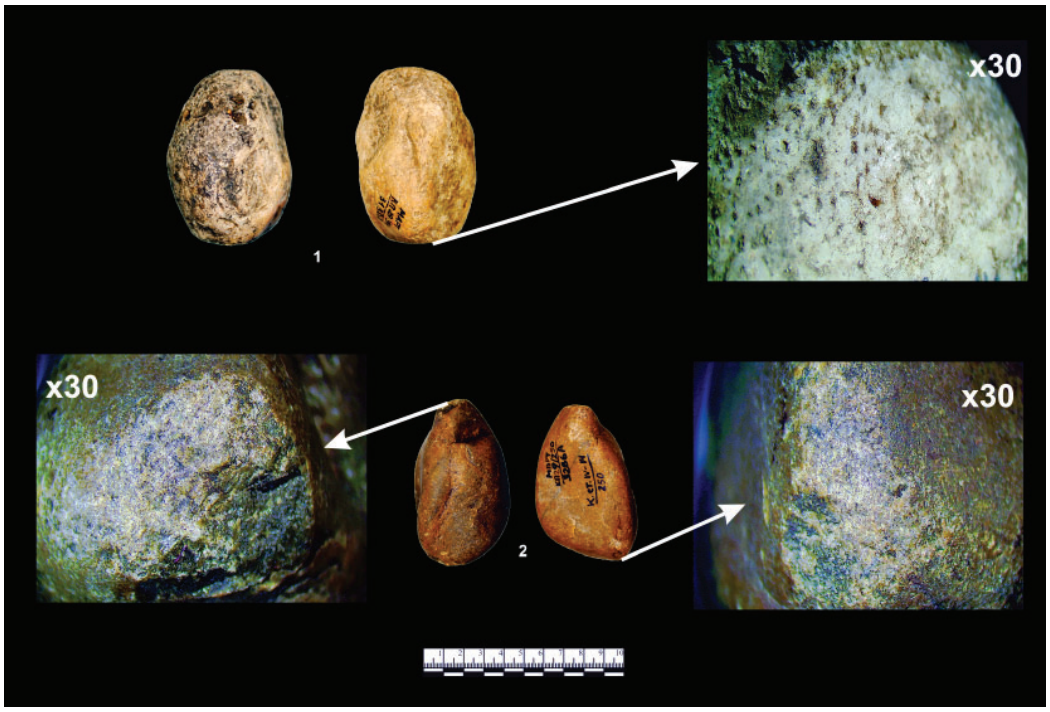


Рис. 10. Ударные орудия Курманаковской IV стоянки с микрофото (x30), 1- молоточек, 2 - отбойник.
Fig. 10. Striking tools from the Kurmanakovo IV campsite with a micrograph (x30), 1 – hammer; 2 – hammerstone.

ное направление. Данное орудие интерпретируется как молоточек для обработки металла (рис. 8: 6; рис. 10: 1). У другой под-овальной гальки коричневого цвета, весом 171 г., присутствуют сколы на вершинах, выщербины и небольшая забитость. Характер распространения следов и их невысокая интенсивность позволяют рассматривать данное орудие в качестве отбойника (рис. 8: 7; рис. 10: 2).

Также обращает на себя внимание фрагмент орудия серпообразной формы, с округлой боковой стороной, изготовленное из красного гранита (рис. 9: 2). Одна поверхность плоская, вторая выпуклая. Следы использования фиксируются на плоской стороне и представлены неглубокими выбоинками, смятостью зерен и размытостью рельефа. На поверхности присутствуют порошкообразные остатки красно-коричневого и песочно-бежевого цвета. Данное орудие интерпретируется как терочник.

Ввиду отсутствия эталонов орудий металлообработки верификация следов использования на них производилась по публикациям результатов экспериментальных работ (Селецкий и др., 2024; Голубева, 2016; Костомарова и др., 2024; Кунгурова, 2013) и трасологического исследования археологических предметов (Зданович, Сёмин, 2022; Бахшиев и др., 2025; Кунгурова, 2013).

Каменный инвентарь исследуемого памятника характеризуется морфологической невыразительностью. Преобладающее большинство составляют сколы, осколки, фрагменты, обломки. При этом даже они функционально в сумме дают большее число орудий, чем морфологически выраженные изделия. И это осложняет и без того нелегкую задачу соотнесения каменного и керамического инвентаря для дальнейшего его разделения по хронологии. Сколы эпохи энеолита, если они не изготовлены из двуцветного полосчатого кремня, не отличаются от сколов эпохи бронзы. Даже морфологически выраженные орудия, присутствующие на данном памятнике, характеризуются широкой хронологией бытования на всем протяжении эпохи бронзы. Что касается энеолитического кремня, то судя по ряду наблюдений на близлежащий памятниках финала энеолита, в нем присутствует небрежность в оформлении орудий, а также не найдены геометрические изделия, которые характерны для кременевых комплексов предыдущих этапов волосовской культуры (Никитин, 2017, с. 117; Лыганов и др., 2018). Таким образом морфологически выраженные орудия скребки, ножи, наконечники стрел относятся к эпохе бронзы – маклашеевской культуре и КТК. Яркими орудиями являются небольшие округлые скребки с рабочим

лезвием, занимающим ¾ периметра изделий. Они, по нашему мнению, характерны для атабаевского и маклашеевского времени (Голубева, Лыганов, 2023).

Также, несомненно, что к маклашеевской культуре следует отнести большое количество орудий металлообработки, вероятно, начиная с атабаевского этапа. Это подтверждается как их стратиграфическим положением, так и приведенными аналогиями.

Проведенный морфологический и трасологический анализ позволяет выделить основные функциональные группы каменного инвентаря Курманаковской IV стоянки. Орудия охоты и обработки охотничьей добычи (обработка шкур и мяса) представлены наконечниками, многочисленными скребками и микроскребками, резчиками, ножами, проколками. Деревообрабатывающие орудия включают скребки, ложкари, пилку, ножи, строгальные ножи, стамески и резцы. Орудия камнеобработки представлены нуклеусами и отбойником. Орудия металлообработки включают молоточек, молоты, плиты для разбивания и растирания, терочники. Отдельно стоит упомянуть нож для срезания травы, представленный в единственном экземпляре и морфологически являющийся двулезвийным, слегка изогнутым бифасиальным ножом. Наличие специализированных орудий металлообработки в сочетании с находками медесодержащих песчаников свидетельствует о наличии местного металлообрабатывающего производства в рамках хозяйственной деятельности населения поселения эпохи бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука. 1987. С. 131–135.

Бахшиев И.И., Румянцев М.М., Берсенёв Е.В. Каменные орудия круглопланового поселения эпохи бронзы Улак-I (Южный Урал) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37. № 4. С. 47–63. doi.org/10.14528/tpai(2025)37(4).-03

Голубева Е.В. Теория и практика экспериментально-трасологических исследований неметаллического инструментария раннего железного века – средневековья (на материалах южно-таежной зоны Средней Сибири). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 144 с.

Голубева Е.Н., Лыганов А.В. Каменные скребки Курманаковской IV стоянки позднего бронзового века в Нижнем Прикамье: морфолого-функциональный анализ // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 121–135. doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.121.135

Зданович С.Я., Сёмин Д.В. Каменные орудия поселения Аркаим // Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г. Аркаим. Археология укрепленных поселений. Кн. 2. Фортификации и общественное пространство. Челяб. гос. ун-т; Челяб. гос. ист.-культур. заповедник «Аркаим»; Благотворит.фонд «Аркаим». Челябинск: Челяб. Гос. ун-т, 2022. С. 300–321.

Костомарова Ю.В., Букачева А.О., Молчанов И.В. Следы износа на орудиях переработки медной руды с поселений эпохи поздней бронзы Зауралья (экспериментально-трасологический анализ) // Поволжская археология. 2024. № 4 (50). С. 120–137. doi.org/10.24852/pa2024.4.50.120.137

Кузнецов П.Ф. Время культур позднего бронзового века Поволжья (анализ радиоуглеродных датировок) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 582–584.

Кунгурова Н.Ю. Трасологическое изучение каменных предметов из раскопок укрепленного поселения Устье-I // Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. С. 285–330.

Лыганов А.В. Археологические исследования Курманаковской IV стоянки // Археологические открытия. 2017 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 339–340.

Лыганов А.В. Курманаковская IV стоянка финала энеолита и позднего бронзового века в нижнем течении реки Меша (предварительные результаты исследований) // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 34–50. DOI: 10.24852/pa2019.3.29.34.50

Лыганов А.В. Культурно-хронологические комплексы Курманаковской IV стоянки в нижнем течении реки Меша // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 29–46.

Лыганов А.В., Хамзин Р.Н., Галимова М.Ш. Материалы эпохи раннего металла Исаковского городища на реке Свияга // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 242–257. DOI 10.24852/2018.3.25.242.257.

Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности / Материалы и исследования по археологии Поволжья и Урала. Вып. 10. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. 765 с.

Лавенто М.Т., Патрушев В.С. Развитие и хронология текстильной керамики на Средней и Верхней Волге: критический взгляд возможностей хронологии по 14С-, АМС и типологическому методам // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 160–188.

Селецкий М.В., Левина Е.В., Федорченко А.Ю. Экспериментальное моделирование перетирания зерна каменными ударно-абразивными орудиями // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXX/ Гл. ред. А.П. Деревянко.. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2024. С. 284–288.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

Халиков А.Х. Археологические исследования в западных районах по правобережью р. Волга в 1960 году // Отчет о полевых работах I отряда Археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР в 1960 году. Казань, 1961 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д.2084.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1–24. М.: Наука, 1980. 129 с.

Черных Е.Н. Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М: Наука, 1989. 320 с.

Чижевский А.А. Жилища и поселения лесной и лесостепной части Волго-Камья второй половины II – начала I тыс. до н.э. в контексте развития природной среды и культурных традиций // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит, 2007. С. 93–112.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Маклашеевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 601–637.

Шалахов Е.Г. Кремневый комплекс Усть-Ветлужского могильника сейминско-турбинского типа // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX / Отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: Алт. ун-т, 2014. С. 194–198.

Информация об авторах:

Голубева Екатерина Николаевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); kategol@mail.ru

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); liganov.anton@yandex.ru

REFERENCES

Bader, O. N., Popova, T. B. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: “Nauka” Publ., 131–135 (in Russian).

Bakhshiev, I. I., Rumyantseva, M. M., Bersenev, E. V. 2025. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 37 (4), 47–63 (in Russian).

Golubeva, E. V. 2016. *Teoriia i praktika eksperimental'no-trasologicheskikh issledovanii nemetallicheskogo instrumentariia rannego zheleznogo veka – srednevekov'ia (na materialakh iuzhno-taezhnoi zony Srednei Sibiri (Theory and Practice of Experimental Traceological Studies of Non-Metal Tools of the Early Iron Age – the Middle Ages (Based on Materials from the Southern Taiga Area of Central Siberia))*. Krasnoiarsk: Siberian Federal University (in Russian).

Golubeva, E. N., Lyganov, A. V. 2023. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 121–135 (in Russian).

Zdanovich, G. B., Semin, D. V. 2022. In Zdanovich, G. B., Malyutina, T. S., Zdanovich, D. G. *Arkheologiya ukreplennykh poseleniy. (Arkaim. Archaeology of fortified settlements). Book*. 2 Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 300–321 (in Russian).

Kostomarov, Yu. V., Bukacheva, A. O., Molchanov, I. V. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 50 (4), 120–137 (in Russian).

Kuznetsov, P. F. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: “Otechestvo” Publ., 582–584 (in Russian).

Kungurova, N. Yu. 2013. In Vinogradov, N. B. (ed.). *Drevnee Ust'e: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e (Ancient Ustye: Fortified Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals).* Chelyabinsk: "Abris" Publ., 285–330 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2019. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2017 g. (Archaeological Discoveries in 2017)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 339–340 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 29 (3), 34–50 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2021. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 29–46 (in Russian).

Lyganov, A. V., Khamzin, R. N., Galimova, M. Sh. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 242–257 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2017. *Na grani epokhi kamnya i metalla. Srednevolzhskiy variant volosovskoy kul'turno-istoricheskoy obshhnosti (Between the Stone and Metal Periods. Middle Volga Variation of the Volosovo Cultural and Historical Community).* Series: Arkheologiia Povolzhia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 10. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Lavento, M., Patrushev, V. S. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 160–188 (in Russian).

Seletskiy, M. V., Levina, E. V., Fedorchenko, A. Yu. 2024. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* Vol. 30. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 284–288 (in Russian).

Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition) VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1961. *Otchet o polevykh rabotakh I otryada Arkheologicheskoy ekspeditsii IYaLI KFAN SSSR v 1960 godu.* (*Report on the Fieldworks of the 1st Group of the Archaeological Expedition of G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences in 1960).* Kazan. Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 2084 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) B 1-24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgiia Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seyma-Turbino Phenomenon))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2007. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Arkheologiia i estestvennye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 3. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 93–112 (in Russian).

Chizhevsky, A.A., Lyganov, A. V., Kuzminykh, S. V. 2021 In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 601–637 (in Russian).

Shalakhov, E. G. 2014. In Tishkin, A. A., Semibratov, V. P. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 20. Barnaul: Altai State University Publ., 194–198 (in Russian).

About the Authors:

Golubeva Ekaterina N. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; kategol@mail.ru

Lyganov Anton V. Candidate og Historical Sciences, associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; liganov.anton@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.03.2026 г.
Статья принята к публикации 26.04.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 572.08 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.122.129

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ВОЛГО-КАМЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ КУЛЬТУР НА РУБЕЖЕ ЭПОХ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

© 2026 г. И.Р. Газимзянов, А.А. Хохлов

Работа посвящена вопросам антропологической преемственности между носителями последовательно сменяющих друг друга маклашеевской и ананьинской культур в ареале лесостепного Урало-Поволжья. В связи с уточнением археологической позиции ряда погребений рубежа эпох бронзы и раннего железа, антропологические материалы распределены по трем группам. Проведено их морфологическое описание, и анализ каноническим методом многомерной статистики с привлечением синхронных и более ранних краниологических серий Евразии. Уточнена для маклашеевского населения Волго-Камья местная физическая основа, в данном случае, подобная облику носителям черкаскульской археологической культуры. Представлена отчетливая морфологическая преемственность между постмаклашеевской группой и ее непосредственными предшественниками, но при некотором усилении связей с более восточными по происхождению коллективами. В населении классической ананьинской культуры отчетливо проявляется монголоидный компонент в целом сибирского происхождения. Видимо, именно с его влиянием связано зарождение раннеананьинских черт в Волго-Камье, и затем общая тенденция изменения физического типа местного населения к началу эпохи раннего железа в сторону усиления монголоидности.

Ключевые слова: археология, краниология, Урало-Поволжье, Маклашеевская и ананьинская культуры, граница между бронзовым и ранним железным веками, канонический анализ, происхождение и преемственность.

CRANIOLOGICAL MATERIALS FROM THE VOLGA-KAMA REGION AND THE FORE-URALS ON THE ISSUE OF THE GENESIS AND RELATIONSHIP OF DIFFERENT CULTURE BEARERS AT THE TURN OF THE BRONZE/EARLY IRON AGES

I.R. Gazimzyanov, A.A. Khokhlov

This paper dedicated to the issues of anthropological continuity between the Maklashevka and Ananyino cultures bearers in the forest-steppe zone of the Ural-Volga region. Following a refinement of the archaeological context of several burials dating to the turn of the Bronze Age – Early Iron Ages, the anthropological materials were divided into three groups. A morphological description has been provided, along with a canonical multivariate statistical analysis with incorporation synchronous and earlier cranial series from across Eurasia. The local physical substrate of the Maklashevka population of the Volga-Kama region is specified; in this case, it resembles the physical appearance of the Cherkaskul archaeological culture. A clear morphological continuity is demonstrated between the post-Maklashevka group and its immediate predecessors, albeit with some strengthening of ties with more eastern-originating groups. In the population of the classical Ananyino culture, a Mongoloid component of generally Siberian origin is distinctly manifested. It is likely that its influence was associated with the emergence of the Early Ananyino features in the Volga-Kama region, and subsequently with the overall trend of change in the physical type of the local population toward increased Mongoloid characteristics at the beginning of the Early Iron Age.

Keywords: archaeology, craniology, Ural-Volga region, Maklashevka and Ananyino cultures, Bronze/Early Iron Ages boundary, canonical analysis, genesis and continuity.

Со временем рубежа эпох бронзы и раннего железа в лесостепном Урало-Поволжье (XII/XI – первая половина IX в. до н. э.) тесно связываются маклашеевская культура и ранние ананьинские памятники. Истоки первой возводили к местным племенам (Збруева, 1952; Халиков, 1977; и др.), на современном этапе – луговской и черкаскульской культур (Чижев-

ский и др., 2021). Вторая, ананьинская культура, для которой ряд исследователей подчеркивали ее миграционное происхождение, а именно из районов Зауралья (Ефименко, 1948; Трофимова, 1941/68, Алексеев, 1980; Ефимова, 1991; Марков 2007; и т. д.), отмечали также формирование ее основы в связи с автохтонным Урало-Камским (Акимова, 1968), в том числе маклашеевским, населением (Чижевский, 2008; Чижевский и др., 2021).

Вследствие уточнения культурно-хронологической позиции ряда погребений из синкретичных маклашеевско-ананьинских могильников, накопления антропологических материалов, появления более совершенных методов их анализа возникает необходимость вновь обратиться к этим материалам и рассмотреть их с современных научных позиций.

Были сформированы три краниологические группы (табл. 1, 2): собственно маклашеевская (31 мужских и 23 женских черепа); постмаклашеевская / раннеананьинская (41 и соответственно 21 череп); ананьинская, со сложношнуровой керамикой (22 и соответственно 19 черепов).

Мужские маклашеевские черепа в среднем имеют большой продольный, средние поперечный и высотный диаметры, среднеширокий и средненаклоннный лоб. Черепной указатель мезокранный. Лицевой отдел широкий и средневысокий, по указателю мезен. Горизонтальная профилировка в целом средняя, по вертикали ортогнатная. Орбиты низкие абсолютно и относительно. Грушевидное отверстие среднеширокое. Носовые косточки большие по симотической высоте и указателю, в профиль выступают средне. Также умеренно в профиль выступает альвеолярная часть. Клыковая ямка малая.

Черепа второй хронологической подборки, постмаклашеевской, по большинству показателей практически идентичны первой. Наиболее очевидно они отличаются меньшей длиной продольного диаметра мозговой коробки и средней глубиной клыковой ямки.

Выборка третьей мужской группы, ананьинской, крупнее первых двух по всем основным признакам. Из наиболее характерных отличительных черт отметим большой по тотальным размерам лицевой скелет, уплощенный на верхнем уровне, менее широкий и наклонный в профиль лоб. Орбиты более высокие, мезоконхные. Симотическая высота и указатель более низкие, Клыковая ямка очень малая. В профиль альвеолярная часть прогнатна, а нос выступает очень слабо. Все перечисленные признаки указывают на проявление в ананьинской группе именно монголоидности. Это было прослежено по материалам Луговского могильника (Газимзянов, 2003, 2009).

О женских сериях следует сказать, что общие тенденции при сопоставлении их хронологических групп между собой примерно те же, что и для мужской доли. Две более ранние сравнительно близки, за исключением брахикрании у второй и чуть более крупных размеров лица. У первой группы лицевой отдел уплощен на обоих горизонтальных уровнях и имеет несколько менее выступающий нос. Третья ананьинская группа больше обеих ранних по размерам мозговой коробки, характеризуется мезоконхными орбитами, альвеолярным прогнатизмом, слабо выступающим носом с меньшим симотическим указателем. То есть она так же, как и мужская, проявляет монголоидные черты.

Для наиболее числено представительной мужской подборки был проведен межгрупповой анализ с использованием канонического метода. В силу решения задач, а именно определения круга связей, были привлечены синхронные и более ранние серии Восточной Европы, Западной Сибири и Центральной Азии (табл. 3). К сожалению, серий, относящихся к финалу поздней бронзы и началу раннего железа, особенно из лесных и лесостепных районов европейской части России, мало. Неизвестны антропологические материалы луговской культуры, как и многих других Среднего Поволжья и Прикамья. Из имеющихся более многочисленных краниологических серий Сибири привлечены только те, которые хронологически близки к рассматриваемому нами времени. При этом игнорировались выборки, к примеру каменской и саргатской культур, история развития которых довольно хорошо описана в археологической литературе и к нашей проблеме никакого отношения не имеет. Вместе с тем дополнительно мы задействовали более глубокие хронологические выборки, в том числе из районов Зауралья, гипотетически подразумевая возможность сохранения свойственных им морфологических комплексов ко времени рассматриваемой нами эпохи.

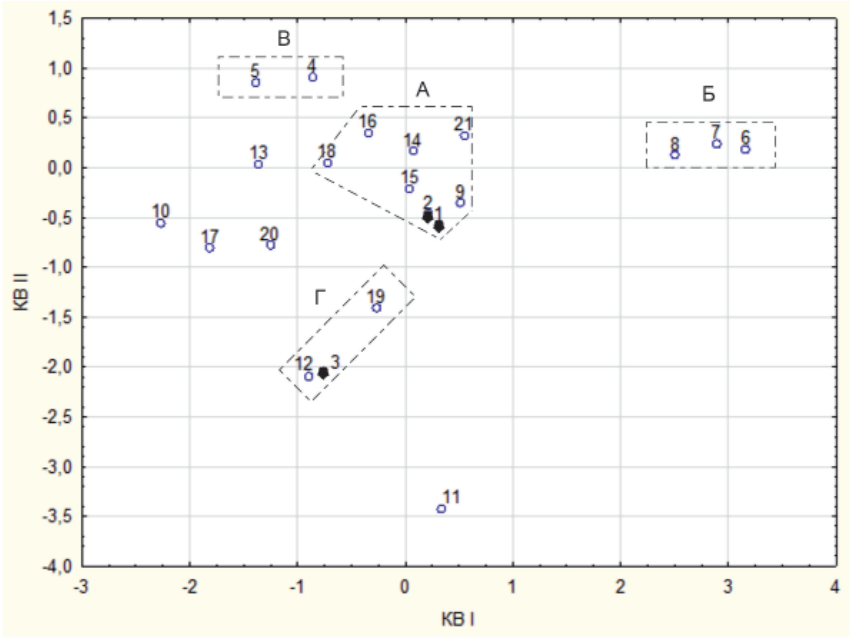


Рис. 1. Положение мужских краниологических серий в графическом пространстве КВ-I и КВ-II
Fig 1. Position of male craniological series in the graphical space of KB-I and KB-II

Сравнение производилось по 14 основным краниометрическим признакам, нагрузки на которые отражены в таблице № 4 (программы Multican и Statistica 12). Здесь для первого канонического вектора (КВ-I) наибольшая изменчивость признаков приходится на поперечный диаметр мозговой коробки и угол выступания носа. Для второго (КВ-II) – на скуловой диаметр и верхнюю высоту лица, для третьего (КВ-III) – на симотический указатель. Путем вычисления квадратов расстояния Махаланобиса с поправкой на численность произведена также статистическая оценка сходства между группами. В тексте даны числовые значения о сходстве между ними (приведены в скобках).

Результаты канонического анализа показаны на двумерном графике, построенном по координатам КВ-I и КВ-II (рис. 1). В центральной части (область «А») со смещением кверху группа серий, в составе которой прежде всего маклашеевская и посмаклашеевская / раннеананьинская. Они демонстрируют максимальную близость между собой, что вполне логично исходя из их краниологических характеристик (табл. 1). Близки им ирменские Барабинской лесостепи и Верхнего Приобья, еловская и суммарная неолитическая Зауралья. Из более близких географически – серии Приуралья могильника Булановo (начало поздней бронзы) и черкаскульской культуры (поздняя бронза). Последние дают понять, что появление в Приуралье, видимо и в Прикамье, комплексов, в основе близких к суммарной маклашеевской серии, произошло намного раньше. Собственно, это наблюдение не ново (Трофимова, 1968; Акимова, 1968). На этом же графике отдельные позиции занимают серии срубной и сусканской культур (область «Б»), степных кочевников (савроматы и тасмолинцы / область «В») – все европеоидные по своему облику, а также шагарская поздней бронзы Средней Оки (№ 10 на графике), морфологически представляющая сублапоноидный морфологический тип (по Л.Т. Яблонскому, 1994). Подборка ананьинской культуры ближе всех к энеолитической Восточной Европы (Сахтыш / волосовская культура) и неолитической Новосибирского Приобья (область «Г»).

По расстояниям Махаланобиуса (табл. 5), где учитывается весь набор сравниваемых признаков, результаты близкие, но с отдельными перестановками. По-прежнему максимально сходство между маклашеевской и постмаклашеевской сериями (0,2). Первая из них, согласно возрастанию расстояний, демонстрирует сходство с черкаскульской (1,4), ирменской Барабы (1,9), еловской и неолитической зауральской (2,3), ирменской Приобья (4,1). Булановская несколько дальше (4,6). То есть здесь для маклашеевцев Прикамья подчеркивается именно местная антропо-

Таблица 1. Средние показатели по мужским черепам суммарных серий финала поздней бронзы и начала раннего железа с территории Волго-Камья
Table 1. Average values for male skulls from the final stages of the Late Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in the Volga-Kama region

Признак		Маклашеевская		Постмаклашеевская / Раннеананьинская		Ананьинская / со сложношнуровой керамикой	
		n	Â	n	Â	n	Â
1.	Продольный диаметр	32	185.1	33	182.6	17	187.9
8.	Поперечный диаметр	32	142.3	31	143.5	18	146.7
8/1.	Черепной указатель	31	77.1	30	78.9	16	77.7
17.	Высотный диаметр	21	134.0	24	134.9	7	135.6
5.	Длина основания черепа	19	102.1	23	102.6	7	101.3
9.	Наименьшая ширина лба	30	97.3	35	97.8	17	94.9
45.	Скуловой диаметр	26	137.2	29	137.6	13	141.2
48.	Верхняя высота лица	30	70.0	26	68.9	15	73.0
48/45.	Верхнелицевой указатель	25	51.2	22	49.9	11	51.6
55.	Высота носа	28	51.5	26	50.8	15	55.0
54.	Ширина носа	28	25.1	29	25.3	14	27.2
54/55.	Носовой указатель	26	49.0	25	50.9	14	49.6
51.	Ширина орбиты	28	42.9	27	42.9	13	43.6
52.	Высота орбиты	30	32.5	25	32.0	13	33.9
52/51.	Орбитный указатель	28	75.3	24	74.4	13	77.9
SS.	Симотическая высота	19	4.3	24	4.4	15	3.3
SS/SC.	Симотический указатель	19	48.7	24	50.8	16	42.4
DS.	Дакриальная высота	15	11.8	18	12.2	9	10.5
DS/DC.	Дакриальный указатель	15	54.7	18	54.1	9	51.6
32.	Угол выступания лба	25	81.1°	22	82.9°	11	78.0°
FC.	Глубина клыковой ямки	21	3.9	24	4.6	12	2.6
77.	Назомалярный угол	23	141.1°	30	141.6°	15	145.0°
Zm.	Зигомаксиллярный угол	20	130.4°	19	130.6°	10	129.9
72.	Среднелицевой угол	22	85.5°	21	86.1°	12	84.5°
74.	Альвеолярный угол лица	17	73.9°	16	75.9°	8	71.9°
75(1).	Угол носа	23	27.1°	21	28.1°	11	23.9°
Надпереносье (1-6 баллов)		32	3.1	41	3.3	22	3.6
Нижний край носового отверстия (Antr. - %)		31	77.4	28	67.9	22	45.4

логическая подоснова в лице черкаскульского населения – мнение, которое высказывалось в археологической литературе (Чижевский, 2021; и др.).

Вторая, постмаклашеевская / раннеананьинская группа по расстояниям сближается, помимо более ранней маклашеевской (0,2), с сериями преимущественно зауральского происхождения: еловской (1,0), неолитической зауральской и черкаскульской (1,9), ирменскими Барабы (2,1) и Приобья (2,4). Здесь результаты близки тем, что показаны на графике (рис. 1). В частности, помимо местного антропологического субстрата подчеркивается вероятность влияния носителей ирменской и еловской культур Приобья, что было показано и ранее (Газимзянов, Хохлов, 2012).

Ананьинская группа (из погребений со сложношуровой керамикой) минимальные расстояния демонстрирует с неолитической группой Верхнего Приобья (4,5), местными маклашеевской (5,5) и постмаклашеевской (6,7), затем Сибирскими Чернозерье 1 и новосибирского Приобья (обе 7,1).

На основе проведенного исследования, морфологического и с применением методов многомерной статистики, можно обозначить некоторые выводы:

1. Отчетливее определилось сходство маклашеевского населения с проживавшими

Таблица 2. Средние показатели по женским черепам суммарных серий финала поздней бронзы и начала раннего железа с территории Волго-Камья
Table 2. Average values for female skulls from the final stages of the Late Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in the Volga-Kama region

Признак		Маклашеевская		Постмаклашеевская / РаннеАнаньинская		Ананьинская / со сложношнуровой керамикой	
		n	Â	n	Â	n	Â
1.	Продольный диаметр	21	177.2	21	172.3	19	176.7
8.	Поперечный диаметр	23	139.3	21	140.1	19	142.4
8/1.	Черепной указатель	21	78.7	20	81.7	19	80.5
17.	Высотный диаметр	15	128.3	12	128.4	13	131.0
5.	Длина основания черепа	14	99.8	10	98.5	12	97.3
9.	Наименьшая ширина лба	21	94.3	20	94.6	19	93.4
45.	Скуловой диаметр	20	128.6	15	129.4	14	132.1
48.	Верхняя высота лица	20	64.5	14	66.5	14	67.8
48/45.	Верхнелицевой указатель	19	50.1	14	51.3	12	51.2
55.	Высота носа	20	48.6	14	48.6	13	50.6
54.	Ширина носа	20	24.1	16	24.4	13	25.3
54/55.	Носовой указатель	20	49.8	14	50.7	13	50.2
51.	Ширина орбиты	19	41.0	17	42.1	12	42.0
52.	Высота орбиты	20	32.2	17	32.7	14	33.3
52/51.	Орбитный указатель	19	79.1	17	77.8	13	79.9
SS.	Симотическая высота	15	3.7	15	3.7	14	3.1
SS/SC.	Симотический указатель	15	46.1	14	44.1	14	34.4
DS.	Дакриальная высота	6	10.6	12	10.8	11	10.3
DS/ DC.	Дакриальный указатель	6	48.0	12	52.6	11	51.3
32.	Угол выступания лба	16	85.0°	13	83.2°	11	82.2°
FC.	Глубина клыковой ямки	12	3.9	15	3.5	15	3.9
77.	Назомалярный угол	15	143.5°	17	143.5°	16	143.5°
Zm.	Зигомаксиллярный угол	11	133.3°	13	130.8°	11	133.2°
72.	Среднелицевой угол	15	84.9°	13	83.9°	11	83.3°
74.	Альвеолярный угол лица	11	76.6°	12	74.6°	11	71.4°
75(1).	Угол носа	14	22.5°	12	23.3°	12	18.3°
Надпереносье (1-6 баллов)		22	1.8	21	1.9	15	1.9
Нижний край носового отверстия (Antr. - %)		19	78.9	17	82.4	13	61.5

до них в регионе племенами, морфологически подобными носителям черкаскульской культуры. Следует учитывать, что этот субстрат, согласно данным археологии, культурно андроноидного облика, изначально зауральского происхождения. В этой связи нужно отметить краниологическое сходство суммарной маклашеевской группы с синхронными сериями ирменской и еловской культурами Западной Сибири.

2. Постмаклашеевское население с культурными репликами ананьино, судя по краниологическим характеристикам, несомненно, является преемником своих территориальных предшественников. При этом, видимо, расширяется круг брачных связей, в который вовлекались представители соседних, более восточных культур, представители которых и привнесли элементы раннеананьинских традиций.

3. Носители классической ананьинской культуры имеют в своем облике отчетливое проявление монголоидности, по всей видимости сибирского происхождения. Это отчетливо показывает проникновение из Зауралья нового антропологического компонента или

Таблица 3. Мужские краниологические серии для канонического анализа
Table 3. Male craniological data series for canonical analysis.

№	Серии	Эпоха / период эпохи	Регион	Источник
1	Маклашеевская / к-ра	Финальная бронза	Волго - Камье	Новые данные
2	Постмаклашеевская / Раннеананьинская	Переход Ф.Бронза -РЖВ	Волго - Камье	Новые данные
3	Ананьинская / к-ра	РЖВ	Волго – Камье и Приуралье	Новые данные
4	Савроматская / к-ра	РЖВ	Волго-Уралье и Западный Казахстан	Китов, 2026 (в печати)
5	Тасмолинская/ к-ра	РЖВ	Центральный Казахстан	Бейсенов, Китов, 2014
6	Сусканская / к-ра	Финальная бронза	Самарское Заволжье	Хохлов, 2011
7	Срубная / к-ра, развитый этап	Поздняя бронза	Поволжская лесостепь	Хохлов, 2017
8	Срубная / к-ра, развитый этап	Поздняя бронза	Приуральская лесостепь	Хохлов, 2017
9	Буланово / абашево-синташтинский мог.	Средняя бронза	Приуральская лесостепь	Хохлов, Китов, 2009
10	Шагарский / могильник	Поздняя бронза	Средняя Ока	Яблонский, 1994
11	Сахтыш II / льяловская к-ра	Неолит	Верхнее Поволжье	Алексеева и др., 1997
12	Сахтыш II / волосовская к-ра	Энеолит	Верхнее Поволжье	Алексеева и др., 1997
13	Ирменская / к-ра	Переход Ф. Бронза -РЖВ	Верхнее Приобье	Багашёв, 2017
14	Ирменская / к-ра	Переход Ф. Бронза -РЖВ	Томское Приобье	Багашёв, 2017
15	Ирменская / к-ра	Переход Ф. Бронза -РЖВ	Барабинская лесостепь	Багашёв, 2017
16	Еловская / к-ра	Переход Ф. Бронза -РЖВ	Западная Сибирь	Багашёв, 2017
17	Чернозерье 1 / могильник	Финальная бронза	Западная Сибирь	Багашёв, 2017
18	Черкаскульская / к-ра	Поздняя бронза	Прикамье и Приуралье	Багашёв, 2017
19	Новосиб. Приобье / суммарно	Неолит	Новосибирское Приобье	Багашёв, 2017
20	Верхнее Приобье / суммарно	Неолит	Верхнее Приобье	Багашёв, 2017
21	Неолит Зауралья / суммарно	Неолит	Зауралье	Багашёв, 2017

Таблица 4. Нагрузки на признаки по трем каноническим векторам
Table 4. Feature loads for three canonical vectors

Признак	КВ-I	КВ-II	КВ-III
1	0,386	-0,239	0,278
8	-0,560	0,256	0,021
17	0,439	-0,255	-0,189
9	0,395	0,495	-0,170
45	-0,197	**-0,509**	-0,309
48	-0,300	**0,663**	0,422
55	0,188	-0,448	0,303
54	-0,048	-0,144	0,128
51	-0,173	0,128	-0,070
52	0,092	0,014	0,483
77	-0,206	-0,374	0,026
zm	-0,253	0,175	0,131
SS:SC	-0,294	0,299	**-0,609**
75 (1)	**0,702**	0,247	0,230

компонентов, которые обусловили тренд в изменении физического облика населения Волго-Камья.

4. Процесс изменения антропологического состава населения лесостепного Урало-Поволжья в переходный период конца финала эпохи бронзы – начала раннего железа был сложным. Прямолинейной тотальной экспансии западносибирских групп в районы Прикамья не было, как не было событий исключительно автохтонного развития местных популяций. Эти процессы чередовались и были взаимосвязаны через сеть взаимных ассимиляционных связей. Вместе с тем могли существовать группы, не подвергавшиеся влиянию инородных компонентов, историю развития которых следует рассматривать отдельно.

Таблица 5. Матрица расстояний Махаланобиуса по анализируемым сериям Волго-Камья
Table 5. Mahalanobis distance matrix for the analyzed series of the Volga-Kama region

Серии	№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Маклашеевская к-ра	**1**	**-0,9**	**-0,2**	5,5	4,2	6,1	13	7,2	5,7	4,6	12	14	10	5,2	**4,1**	**1,9**	**2,3**	6,7	**1,4**	10	4,5	**2,3**
Постмаклашеевская / Раннеананьинская	**2**	**-0,2**	**-0,8**	6,7	3,6	6,8	13	8,0	6,3	**2,2**	9,7	14	9,0	4,1	**2,4**	**2,1**	**1,0**	6,4	**1,9**	12	7,2	**1,9**
Ананьинская	**3**	**5,5**	**6,7**	**-1,6**	10	8,9	26	20	17	12	16	12	8,6	12	11	11	9,3	**7,1**	**6,7**	**7,1**	**4,5**	16

Примечание: Номера серий согласно табл. 3. Выделены минимальные значения расстояний (независимо от знака «+», «-»).

ЛИТЕРАТУРА

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.

Алексеев В.П. К палеоантропологии ананьинской культуры // СЭ. 1980. № 3. С. 53–62.

Газимзянов И.Р. Новые антропологические материалы из Луговского могильника ананьинского времени // Горизонты антропологии: Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. Москва, Салтыковка, 20–22 сентября 1994 г. / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Наука, 2003. С. 230–237.

Газимзянов И.Р. Реконструкция этногенетических процессов на Средней Волге в конце эпохи поздней бронзы и раннего железа по данным антропологии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский, Г.Р. Руденко. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 185–195.

Газимзянов И.Р., Хохлов А.А. Антропологический состав населения Среднего Поволжья переходного периода от поздней бронзы к раннежелезному веку // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 204–216.

Ефименко П.П. К вопросу об истоках культуры поздней бронзы на территории Волго-Камья // Археологія. 1948. Вып. II. С. 3–43.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991. 95 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.

Трофимова Т.А. Еще раз о черепах из Луговского могильника (в связи с вопросом о низколицем монголоидном типе в Сибири) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии / Отв. ред. В.П. Алексеев, И.С. Гурвич. Москва: Наука, 1968. С. 51–91.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (прееананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Маклашеевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 601–637.

Яблонский Л.Т. Краниология Шагарского могильника // Древности Оки / Труды ГИМ. Вып. 85 / Отв. ред. Г. Ф. Полякова. М.: ГИМ, 1994. С. 158–172.

Информация об авторах:

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, смотритель, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); G-Ilgizar@yandex.ru

Хохлов Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); khokhlov_aa@mail.ru

REFERENCES

Akimova, M. S. 1968. *Antropologiya drevnego naseleniya Priural'ya (Anthropology of the Ancient Population of the Cis-Urals)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P. 1980. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 53–62 (in Russian).

Gazimzianov, I. R. 2003. Alekseeva, T. I. (ed.). *Gorizonty antropologii: Trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati akademika V.P. Alekseeva (Horizons of Anthropology: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Academician V.P. Alekseev. Moscow, Saltykovka, September 20-22, 1994).* Moscow: "Nauka" Publ., 230–237 (in Russian).

Gazimzianov, I. R. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 8. Yelabuga: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 185–195 (in Russian).

Gazimzianov, I. R., Khokhlov, A. A. 2012. In *Filologiia i kul'tura (Philology and Culture)* 28 (2), 204–216 (in Russian).

Efimenko, P. P. 1948. *Arkheologiia (Arkhaeology)* (2), 3–43 (in Russian).

Efimova, S. G. 1991. *Paleoantropologiia Povolzh'ia i Priural'ia (Paleoanthropology of the Volga Region and the Urals).* Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) vol. V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskuiu epokhu (The Lower Kama Region durnig the Ananyino Epoch).* Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Trofimova, T. A. 1968. In Alekseev, V. P. Gurvich, I. S. (eds.). *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii (Issues of Asian Anthropology and Historical Ethnography).* Moscow: "Nauka" Publ., 51–91 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh (predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti) Burial sites of the population of Volga-Kama in the Final Bronze – Early Iron Ages (pre- Ananyino and Ananyino cultural and historical areals).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 5. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A.A., Lyganov, A. V., Kuzminykh, S. V. 2021 In Sitdikov, A.G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 601–637 (in Russian).

Yablonsky, L.T. 1994. In Polyakova, G. F. (ed.). Drevnosti Oki (*Antiquities of the Oka River).* Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 85. Moscow: State Historical Museum, 158–172 (in Russian).

About the Authors:

Gazimzyanov Ilgizar R. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; G-Ilgizar@yandex.ru

Khokhlov Aleksander A., Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State Social and Pedagogical University. M. Gorky, 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; khokhlov_aa@mail.ru

Статья поступила в журнал 15.03.2026 г.
Статья принята к публикации 20.03.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ПРИУРАЛЬЕ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

УДК 930.5 (470.57), 902.21/904.59 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.130.146

ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА НАЛИЧИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ЮЖНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ[1]

©2026 г. С.Л. Воробьева, А.Г. Колонских, Р.Г. Курманов

В статье приведены результаты спорово-пыльцевого анализа отложений памятника эпохи раннего железа – Ново-Александровского селища, на котором впервые были обнаружены палинологические индикаторы ведения земледелия. Материалы проведенной палеореконструкции указывают на то, что в пределах Ново-Александровского селища, бытовавшего в период IV–II вв. до н.э., возделывались культурные злаки, а их посевы были засорены разнообразными сегетальными сорняками (василек синий, вьюнок полевой, донник). Археологический материал селища относится к кара-абызской культуре, где встречены единичные фрагменты керамики АКИО. В начальный период территория селища, выгодно отличалась от других памятников кара-абызской культуры, меньшей залесенностью, что, безусловно способствовало развитию здесь земледелия. На более поздних этапах северные окраины селища стали зарастать лесом. Антропогенное влияние на территорию в это время ограничивалось нарушением растительного покрова и активным вытаптыванием, земледелие исчезло.

Ключевые слова: археология, Ново-Александровское селище, спорово-пыльцевой анализ, кара-абызская культура, постмаклашеевская культура, культурные злаки, сегетальные растения, Южное Предуралье.

PALYNOLOGICAL EVIDENCE FOR THE PRESENCE OF AGRICULTURE AMONG THE EARLY IRON AGE POPULATION IN THE SOUTHERN FORE-URALS[2]

S.L. Vorobyeva, A.G. Kolonskikh, R.G. Kurmanov

The papers presents the results of spore-pollen (palynological) analysis of the deposits of the Early Iron Age site of Novo-Aleksandrovka settlement, where palynological indicators of farming were discovered for the first time. The materials of the conducted paleo-reconstruction indicate that cultivated cereals were grown within the Novo-Aleksandrovka settlement, which existed in the 4th–2nd centuries BC, and their crops were infested with various segmental weeds (blue cornflower, field bindweed, and sweet clover). The archaeological material from the settlement belongs to the Kara-Abyz culture, where single fragments of Ananyino cultural and historical area pottery have been found. In the initial period, the settlement's territory differed favorably from the Kara-Abyz culture other sites due to its lower forest cover, which undoubtedly contributed to the development of agriculture in this location. In later phases, the northern periphery of the settlement began to grow over with forest. At this time, anthropogenic influence on the territory was limited due to the destruction of vegetation cover and active trampling, and agricultural activity ceased.

Keywords: archaeology, Novo-Aleksandrovka settlement, spore-pollen analysis, Kara-Abyz culture, Post-Maklasheevka culture, cultivated cereals, segetal plants, Southern Fore-Urals.

В эпоху раннего железа территория Южного Предуралья стала центром развития кара-абызской культуры (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Она сложилась на основе местного, ананьинского населения и пришлого кочевнического компонента, так называемого «гафурийского комплекса». Стоит отметить, что кара-абызские памятники имеют узкую локализацию

[1] Исследование выполнено частично при поддержке государственных бюджетных тем № FMRS-2025–0013 (лабораторные исследования) и № FMRS-2025-0051.

[2] The study was partially supported by government budget topics FMRS-2025–0013 (laboratory research) and FMRS-2025-0051.

в лесостепных районах правобережья среднего течения р. Белой и отличаются большими размерами и мощностями культурного слоя (Пшеничнюк, 1993; Овсянников, 2014). На части поселенческих памятников кара-абызской культуры в нижних слоях встречаются единичные фрагменты керамики постмаклашеевской культуры АКИО[1].

Наличие земледелия у кара-абызского населения до настоящего момента ничем не подтверждалось: не было найдено определенных орудий труда, отсутствовали результаты палеоботанических и палинологических анализов, подтверждающих выращивание тех или иных культур (Воробьева, 2019). В целом существование пашенного земледелия в пределах Предуралья в раннем железном веке зафиксировано на небольшом количестве памятников пьяноборско-гляденовского круга. Так, находки зерновок и пыльцы пшеницы были отмечены на Осинском городище (I–III вв. н. э.) (Краснов, 1971), зерна пшеницы и ячменя обнаружены на городищах Кала-Урын (V–III вв. до н. э. и III–V вв. н. э.) и Гляденовское (V–IV вв. до н. э), зерновки пшеницы также встречены на Мокинском поселении-могильнике (V–IV вв. до н. э. и I–III вв.) (Пермский край) (Орлова и др., 2023) и Новокабановском городище (V в. до н. э. – III в. н. э.) (Краснокамский район Республики Башкортостан) (Иванов, 1982). Недавно в осадках Уинского болота (Пермский край), отлагавшихся 2,5–2,1 тыс. л. н., тоже были диагностированы пыльцевые зерна культурных злаков (*Cerealia-type*) и полевых сорняков (*Convolvulus arvensis-type*) Эти палинологические особенности были синхронизированы с распространением ананьинского населения вдоль р. Камы, оставившего такие памятники, как поселение Усть-Телес I (V–III вв. до н. э.) (Hiebenga et al., 2024). По последним данным, анализа ячменя на Макарьевском городище в Волго-Камье, развитое земледелие существовало у населения постмаклашеевской культуры АКИО в VIII–V вв. до н. э. (Чижвский, Пономаренко, Оруджов, 2025).

Таким образом, выявление очагов земледелия в Предуралье основано на материалах двух видов анализов: карпологического и спорово-пыльцевого. Стоит отметить, что принципиальным отличием палинологических данных от карпологических материалов является возможность обнаружения культурных растений на территории их непосредственного произрастания, что характеризует именно факт земледелия, а не только случаи использования зерна в хозяйстве. Благодаря специфике спорово-пыльцевого анализа признаки земледелия могут быть обнаружены там, где не сохранились соответствующие орудия труда, и даже в археологически «стерильных» слоях – например, в торфяниках, озерных или пойменных отложениях (Рябогина, 2006). Наиболее явным критерием диагностики наличия земледелия считается присутствие в отложениях пыльцы культурных злаков и повышенное содержание сопутствующих ей пыльцевых зерен сегетальных сорняков (Алешинская, Спиридонова, 2001). Отличать пыльцу культурных злаков от дикорастущих можно благодаря их размерам – у культурных представителей пыльцевые зерна заметно крупнее (Федорова, 1959). Также только для культурных злаков характерна яйцевидная, реже эллиптическая, форма пыльцы и крупная проростковая пора, расположенная на широком конце пыльцевого зерна или немного сдвинутая (Куприянова, 1948). В Южном Предуралье на сегодняшний день детальную спорово-пыльцевую характеристику имеют культурные слои 13 кара-абызских памятников: городища Биктимировское (Данукалова и др., 2004), Кара-Абызское (Проценко, Курманов, 2019), Акбердино-II (Савельев и др., 2017), Шиповское (Савельев и др., 2018), Охлебининское I (Обыденнова и др., 2022) и II, Мончазы I и Курмантаевское, Касьяновская стоянка, поселения Акбердино I (Курманов и др., 2019), Бирское (Овсянников, Курманов, 2018), селища Дудкинское I, Воронки (Курманов и др., 2024) и Ново-Александровское, и лишь на одном из них были зафиксированы свидетельства ведения земледелия. Палинологическая характеристика отложений Ново-Александровского селища впервые приводится в данной работе.

Ново-Александровское селище было открыто А.П. Шокуровым в 1958 году (Шокуров, 1959, с. 93; Шокуров, 1970, с. 150, № 204). Памятник расположен на краю коренной террасы правого берега р. Белой, в 1,5 км южнее покинутого п. Новоалександровка и в 0,5 км юго-восточнее п. Александровка (Старая Александровка) в Орджоникидзевском районе города Уфы. Площадка селища представлена мысовидным выступом террасы, с юго-запада

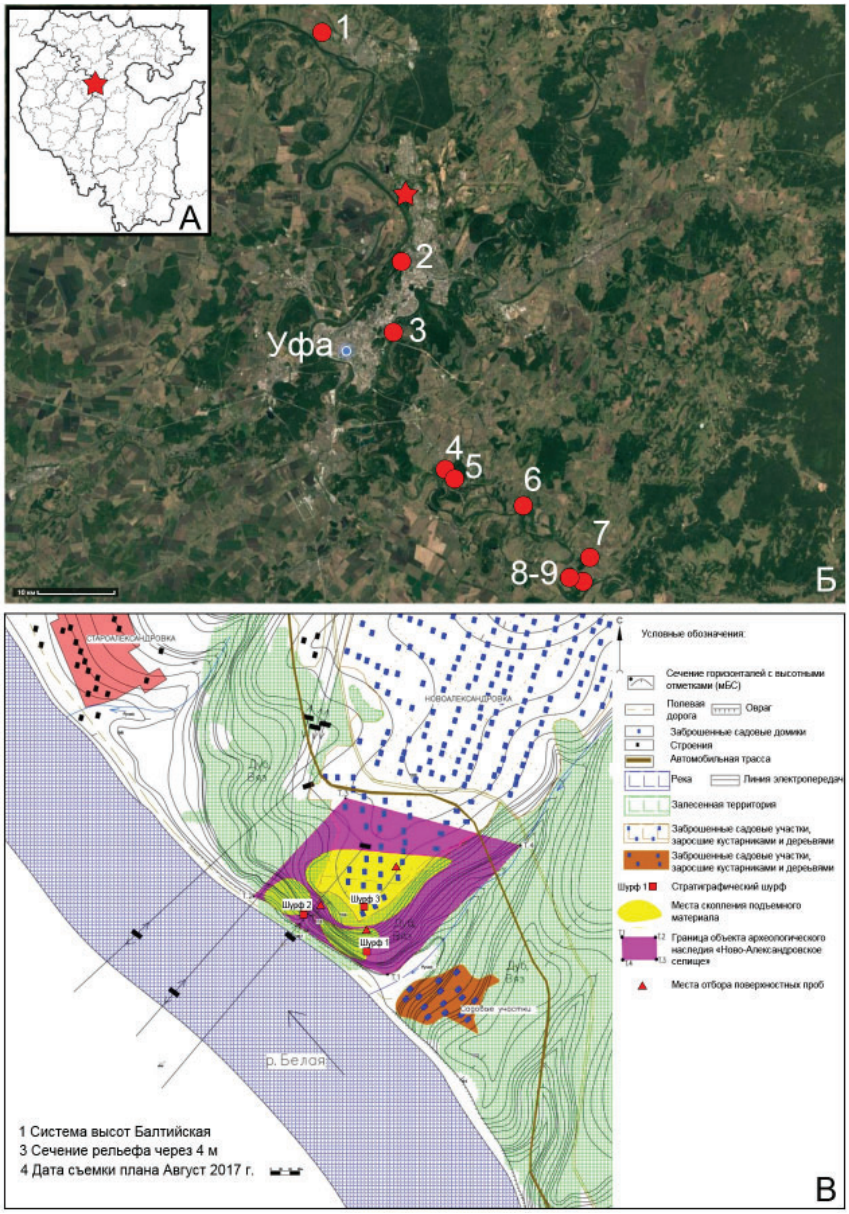


Рис. 1. Местонахождение Ново-Александровского селища (обозначено звездочкой).
А: карта Республики Башкортостан, Б: местонахождение палинологически изученных памятников рядом с селищем: 1 – Кара-Абызское городище; 2 – Воронки селище; 3 – Дудкинское I селище; 4 – Акбердино-II городище; 5 — Акбердино I поселение; 6 – Шиповское городище; 7 – Мончазы I городище; 8-9 – Охлебининское I и II городища, В: топографический план памятника.

Fig. 1. Location of the Novo-Aleksandrovka settlement (indicated by an asterisk).
A: map of the Republic of Bashkortostan, Б: archaeological sites subjected to palynological analysis in the vicinity of the settlement: 1 – Kara-Abyz hillfort; 2 – Voronki settlement; 3 – Dudkino I settlement; 4 – Akberdino-II hillfort; 5 – Akberdino I settlement; 6 – Shipovo hillfort; 7 – Monchazy I hillfort; 8-9 – Oklebinino I and II hillforts, B: topographic plan of the site.

ограниченным руслом р. Белой, а с юго-востока и северо-запада – двумя глубокими оврагами, образованными небольшими водотоками (ручьями). Большая часть площадки памятника занята заброшенными садово-огородными участками. Наиболее сохранившимися являются небольшие участки, расположенные непосредственно у краев террасы (рис. 1).

Материалы и методы

В сентябре 2017 г. исследования на селище проводились А.Г. Колонских (Колонских, 2018, с. 66–71). Во время осмотра памятника на поверхности обнаружено большое количество фрагментов лепных сосудов, а также остеологического материала. Орнамент большинства сосудов представлен ямочными вдавлениями

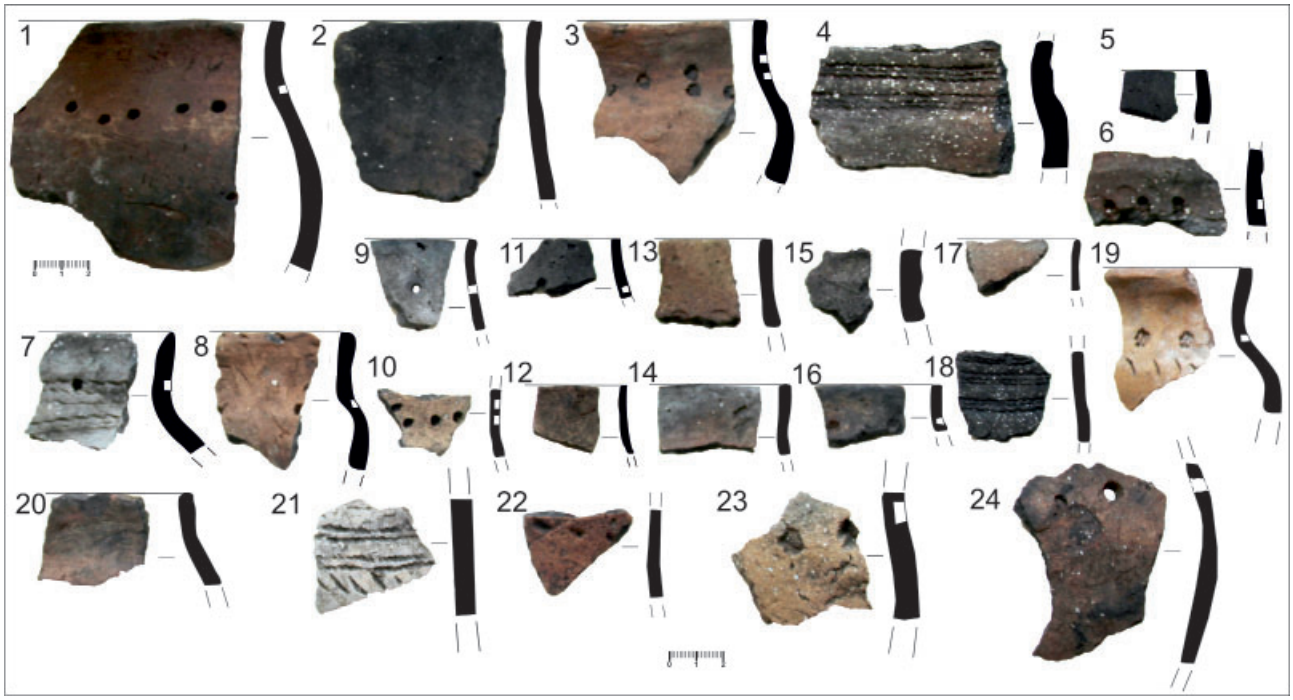


Рис. 2. Археологический подъемный материал на площадке Ново-Александровского селища
Fig. 2. Archaeological surface finds at the Novo-Aleksandrovka settlement site

и оттисками шнура. Цвет от светло-желтого и светло-серого до коричневого и темно-серого. Примесь в глиняном тесте представлена в большинстве случаев фрагментами толченой раковины. Данная керамика имеет аналогии в гончарной традиции населения постмаклашеевской АКИО (рис. 2: 4, 7, 21) и кара-абызской археологических культур раннего железного века (IV–II вв. до н. э.) (рис. 2: 1–3, 5–6, 8–18, 20, 22–24).

Для установления мощности культурного слоя, а также более точной культурной атрибуции памятника было заложено три рекогносцировочных шурфа (1×1 м). Их описание и опробование проведено С.Л. Воробьевой. В шурфе 2 (в западной части площадки селища) находки отсутствовали. Археологический материал, обнаруженный в двух других шурфах, был аналогичен подъемному – керамика с примесью толченой раковины, песка и шамота. Наличие культурного слоя в этих шурфах установлено на глубине от 0,05 до 0,40 м. Согласно полученным данным, памятник отнесен к постмаклашеевской АКИО и кара-абызской культурам эпохи раннего железа (IV–II вв. до н. э.).

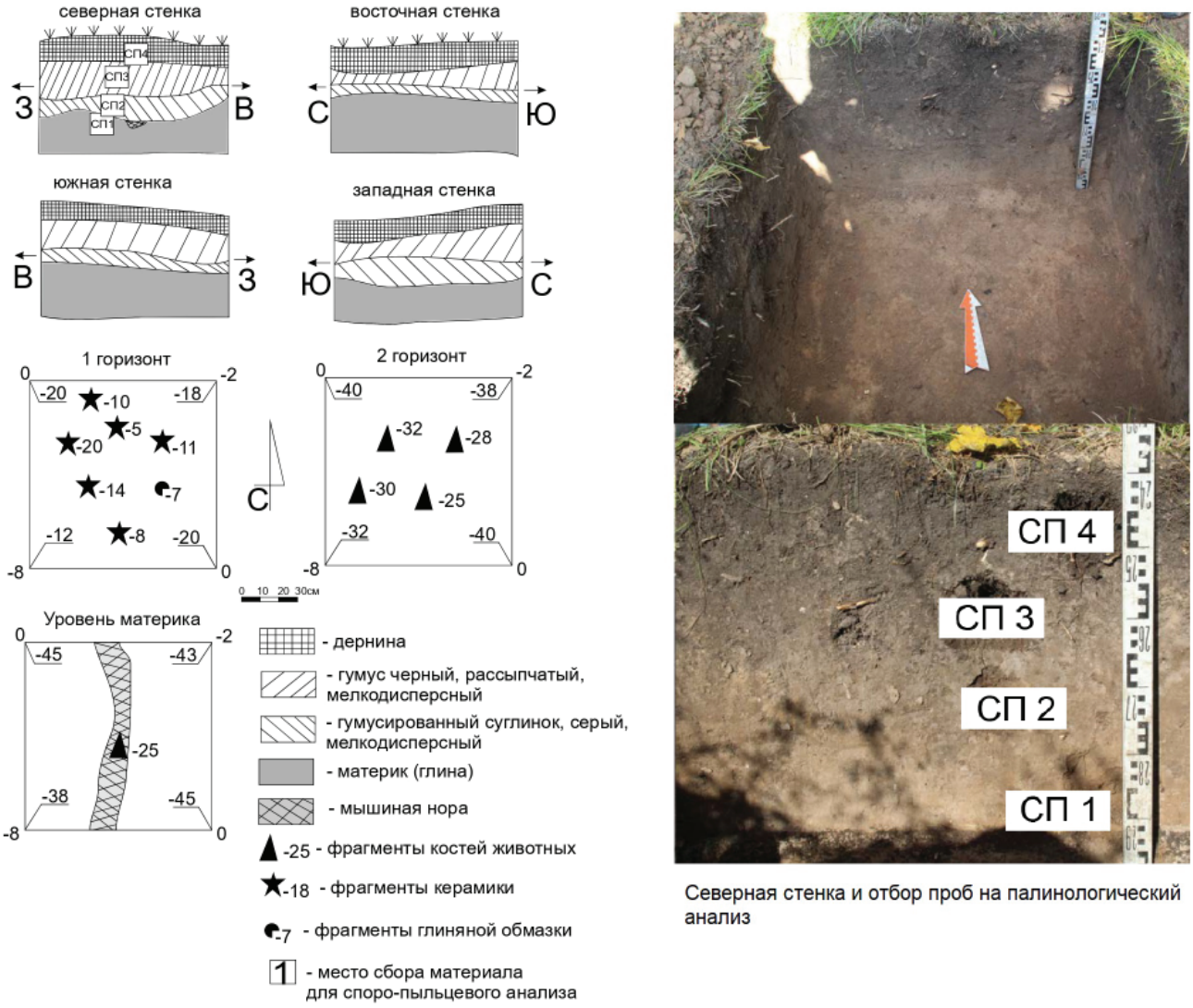
Образцы на палинологический анализ были отобраны из шурфов 1 и 3. Дополнительно в апреле 2025 г. Р.Г. Курмановым были отобраны три поверхностные пробы (СП 1пп – 3пп). Первые две были получены за южной (СП 1пп) и юго-западной границей (СП 2пп) заброшенных садов, на территории заросшей широколиственным лесом. Третий образец (СП 3пп) был отобран непосредственно в пределах заброшенных садовых участков. При исследовании рыхлых пород использован метод мацерации (Гричук, Заклинская, 1948).

Шурф 1 заложен на краю обрывистого 20-метрового правого берега р. Белой, на относительно ровной открытой площадке, рядом с лесным массивом. Общая глубина разреза составила 0,65 м. Описание отложений проведено сверху вниз. Всего из северной стенки шурфа на палинологический анализ получено четыре пробы (СП 1–4), образцы отбирались послойно, по стратиграфическим отложениям (рис. 3).

Стратиграфия шурфа 1 (сверху вниз):

1.	Дернина, СП 4	0,10–0,12 м
2.	Черный рассыпчатый, мелкодисперсный гумус, СП 3	0,15–0,22 м
3.	Гумусированный серый мелкодисперсный суглинок, СП 2	0,10–0,15 м
4.	Светло-коричневая глина (материковый грунт), СП 1	0,20 м

На глубине 0,05–0,20 м (горизонт 1, который характеризуют палиноспектры СП 3 и 4) в слоях



Северная стенка и отбор проб на палинологический анализ

Рис. 3. Шурф 1, стратиграфия и планиграфия, место отбора проб на палинологический анализ
Fig. 3. Test pit 1, stratigraphy and planigraphy, sampling site for palynological analysis

почвы и дерна были найдены 11 фрагментов лепных сосудов (два неорнаментированных венчика кара-абызской культуры (рис. 4: 1, 3) и одна орнаментированная стенка (ямочные вдавления) постмаклашеевской АКИО (рис. 4: 2), остальные – стенки без орнамента) и четыре фрагмента глиняной обмазки. В венчиках и орнаментированной стенке выявлена примесь раковины (рис. 4), в остальных фрагментах – раковины, шамота и дресвы.

Шурф 3 заложен в 150 м от края обрывистого 20-метрового правого берега р. Белой, в месте скопления подъемного материала, рядом с заброшенными постройками садовых участков п. Новоалександровка, на относительно ровной площадке. Его общая глубина составила 0,90 м. Описание отложений проводилось сверху вниз. Всего на спорово-пыльцевой анализ отобрано восемь образцов. Четыре пробы взяты из восточной стенки шурфа (СП 1–4), и четыре других образца – из нижней и средней части южной стенки (СП 1–4).

Восточная стенка шурфа 3 имела следующую стратиграфию (рис. 5А):

1.	Темно-серый гумус с корнями растений, СП 4	0,25 м
2.	Черный крупнодисперсный, рассыпчатый гумус (нераспаханный слой)	0,05 м
3.	Смешанный слой черного крупнодисперсного, рассыпчатого гумуса и темно-коричневого суглинка, СП 3	0,20 м
4.	Темно-коричневый гумусированный суглинок, верхняя граница слоя нечеткая, СП 2	0,10 м
5.	Коричневая глина (материковый грунт), СП 1	0,30 м

Стратиграфия шурфа 1 (сверху вниз):

Описание южной стенки шурфа 3 (сверху вниз) (рис. 5Б):

1.	Темно-серый гумус с корнями растений	0,24 м
2.	Черный крупнодисперсный, рассыпчатый гумус (нераспаханный слой)	0,05 м
3.	Смешанный слой черного крупнодисперсного, рассыпчатого гумуса и коричневого суглинка, СП 4	0,17 м
4.	Коричневый суглинок, СП 3	0,05 м
5.	Белый гипс, СП 2	0,10 м
6.	Черный крупнодисперсный, рассыпчатый гумус, СП 1	0,20–0,49 м
7.	Коричневая глина (материковый грунт)	0,39 м

Установлено наличие культурного слоя (рис. 5): на горизонте 1 на глубине 5–20 см в слое гумуса, подвергавшегося ранее распашке, найдено 33 фрагмента лепных сосудов (из них шесть венчиков без орнамента и одна стенка с орнаментом), пять фрагментов глиняной обмазки, 16 фрагментов костей животных. На горизонте 2 на глубине 20–40 см в слое гумуса и гумуса и суглинка найдено 32 фрагмента лепных сосудов (стенки без орнамента), четыре фрагмента глиняной обмазки, 17 фрагментов костей животных.

В южной и западной стенках зафиксирован яма, уходящая в материковый грунт. Над ямой, заполненной гумусом, имеется три стерильных слоя: серый гумусированный суглинок, коричневый суглинок и белый гипс с вкраплениями камней. В яме после зачистки материка найдены пять фрагментов лепных сосудов (стенки без орнамента). Яма не вскрывалась, была законсервирована. В венчиках и орнаментированной стенке примесь раковины (рис. 6), в остальных фрагментах – раковины, шамота, дресвы. Весь материал относится к кара-абызской культуре.

Результаты исследования

Итоги палинологического анализа отложений шурфа 1 (северная стенка). В нижней части шурфа, в составе образца глины (сл. 4, СП 1, гл. 0,55 м), выявлены единичные пыльцевые зерна *Pinus sylvestris*. В вышележащей пробе суглинка (сл. 3, СП 2, гл. 0,37 м) палиноморфы не обнаружены (рис. 7). На глубине 0,20–0,40 м (горизонт 2, в пределах которого был отобран образец СП 2), найдены четыре фрагмента костей животных.

В средней части шурфа в образце из слоя черной гумусированной почвы (сл. 2, СП 3, гл. 0,23 м) выделен палиноспектр, свидетельствующий о распространении открытых пространств и опушек хвойно-широколиственных лесов. Группа трав и кустарничков, пыльца которых доминировала в спектре (56%), оказалась крайне разнообразной (24 таксона). В ее составе была выявлена очень высокая доля пыльцевых зерен синантропных растений (36%). При этом отмечена пыльца как рудеральных (*Chenopodiaceae, Urtica sp., Cannabis sp., Cichorioideae, Artemisia sp., Carduus sp., Cirsium sp., Rumex sp., Chamerion angustifolium*) и пасквальных таксонов (*Polygonum aviculare, Amoria repens*), так и сегетальных видов (*Centaurea cyanus, Convolvulus arvensis, Melilotus sp.*).

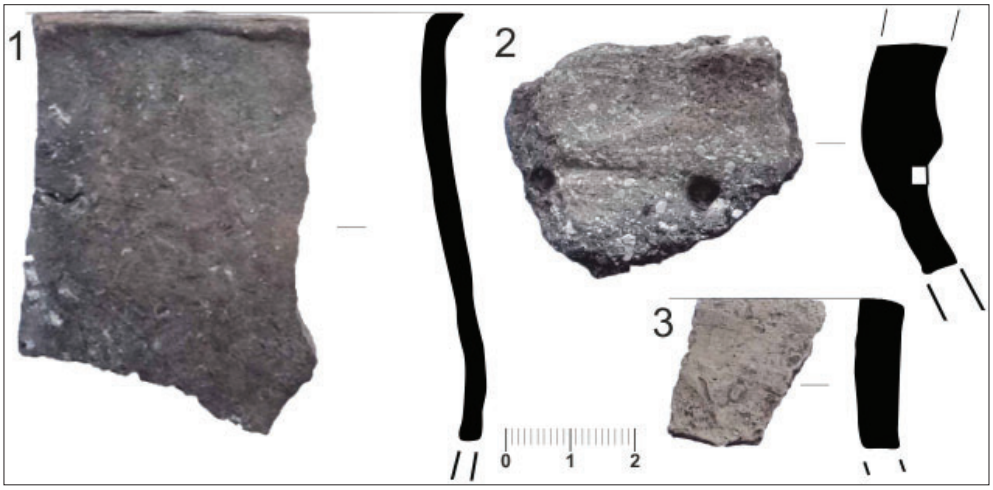
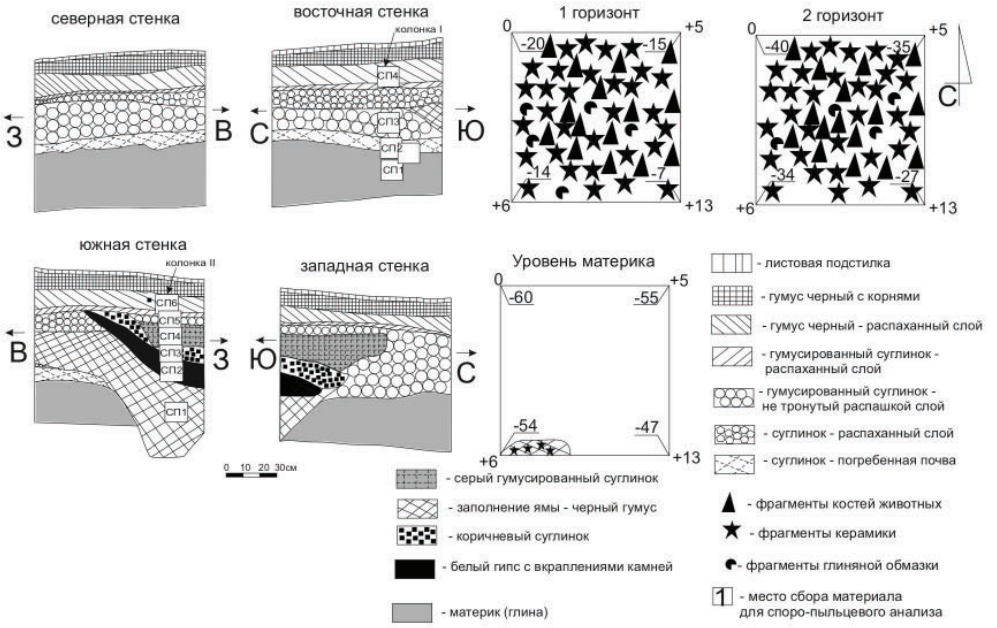


Рис. 4. Археологический материал из шурфа 1 (горизонт 1, СП 3 и 4)
Fig. 4. Archaeological material from test pit 1 (horizon 1, СП 3 and 4)



А – восточная стенка, Б – южная и западная стенка, места отбора проб на палинологический анализ

Рис. 5. Шурф 3, Стратиграфия и планиграфия, место отбора проб на палинологический анализ
Fig. 5. Test pit 3, stratigraphy and planigraphy, location of sampling for palynological analysis

Не менее высоким разнообразием отличалось и луговое разнотравье (17%): *Filipendula sp., Asteroideae, Centaurea scabiosa, C. jacea, Aconogonon alaskanum, Heracleum sibiricum и Angelica sylvestris*. В спектре также отмечены немногочисленные пыльцевые зерна водных растений (*Nymphaeaceae*). Доля пыльцы дикорастущих злаков составила 7%. Культурные

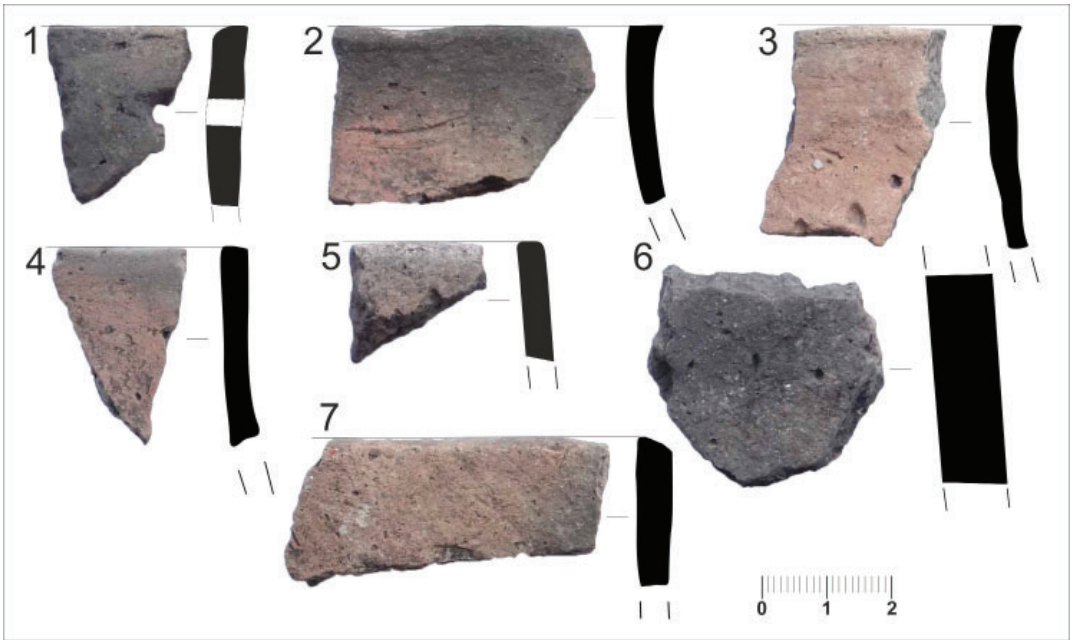


Рис. 6. Археологический материал из шурфа 3 (горизонт 1, СП3)
Fig. 6. Archaeological material from test pit 3 (horizon 1, СП 3)

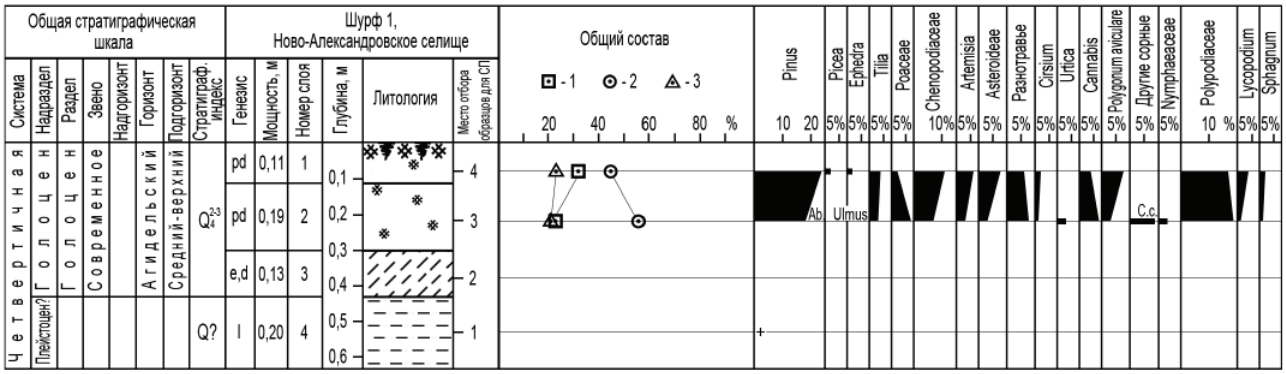


Рис. 7. Разрез плейстоценовых и голоценовых отложений Ново-Александровского селища (шурф 1) и спорово-пыльцевая диаграмма. Условные обозначения для рис. 4-7: 1 – группа древесно-кустарниковых растений; 2 – группа травянисто-кустарничковых растений; 3 – группа споровых растений. Знаком + показаны места единичных находок пыльцы и спор. Генетические символы фаций: pd – почва; e, d – элювиально-делювиальный; l – озерный. Сокращенные названия растений: Ab., Abies – *Abies sp.*; Acer – *Acer sp.*; Ulmus – *Ulmus sp.*; Aln. – *Alnus sp.*; Ros. – Rosacea; Carduus – *Carduus sp.*; C.c. – *Centaurea cyanus*; Cerealia – *Poaceae (Cerealia-type)*; Nymeph. – *Nymphaeaceae*; Z. mays – *Zea mays*; Sph. – *Sphagnum sp.*; Lyc. – *Lycopodium sp.*

Fig. 7. Section of the Pleistocene and Holocene sediments of the Novo-Aleksandrovka settlement (teat pit 1) and spore-pollen diagram. Legends for Fig. 4-7: 1 – arboreal-shrub vegetation group; 2 – herbaceous-subshrub vegetation group; 3 – cryptogamic (spore-producing) plant group. Single occurrences of pollen grains and spores are indicated by the "+" sign. Genetic facies designations: pd – pedogenic/soil deposits; e, d – eluvial and deluvial sediments; l – lacustrine (lake) deposits. Abbreviated names: Ab., Abies – *Abies sp.*; Acer – *Acer sp.*; Ulmus – *Ulmus sp.*; Aln. – *Alnus sp.*; Ros. – Rosacea; Carduus – *Carduus sp.*; C.c. – *Centaurea cyanus*; Cerealia – *Poaceae (Cerealia-type)*; Nymeph. – *Nymphaeaceae*; Z. mays – *Zea mays*; Sph. – *Sphagnum sp.*; Lyc. – *Lycopodium sp.*

злаки (*Cerealia-type*) были представлены единичными находками крупных пыльцевых зерен плохой сохранности. Они отличались от пыльцы дикорастущих злаков более крупными размерами (> 45 мкм), яйцевидной формой пыльцевого зерна и наличием хорошо видимой, крупной поры. Группа древесно-кустарниковых растений (23%) включала хвойные (*Pinus sylvestris* (17%), *Pinus s/g Haploxylon* и *Abies sp.* (единично)) и широколиственные деревья (*Tilia cordata* (3%) и *Ulmus sp.* (единично)), группа споровых

(21%) – папоротники (*Polypodiaceae* (19%)), плауны (*Lycopodium sp.)* и мхи (*Sphagnum sp.* (единично)). Климат в это время был умеренно теплым и влажным.

В вышележащей пробе почвы из самого верхнего слоя 1 (СП 4, гл. 0,05 м) также был выделен палиноспектр, характеризующий распространение открытых пространств. В группе трав и кустарничков (45%) продолжала преобладать пыльца синантропных растений (30%). При этом разнообразие рудеральных и пасквальных таксонов существенно сократилось (*Chenopodiaceae, Artemisia sp., Cirsium sp., Cannabis sp. и Polygonum aviculare*), а пыльцевые зерна сегетальных сорняков и культурных злаков и вовсе исчезли из спектра. Вклад лугового разнотравья сохранялся практически неизменным (15%), однако разнообразие состава также снизилось: *Filipendula sp., Asteroideae* и *Fabaceae*. Пыльца дикорастущих злаков была встречена единично. С другой стороны, в палиноспектре возросло содержание пыльцевых зерен деревьев и кустарников (32%) за счет увеличения процента пыльцы *Pinus sylvestris* (25%), доля широколиственных пород, представленных Tilia cordata (4%), не изменилась. Группа споровых растений (23%) по-прежнему включала *Polypodiaceae* (17%), *Lycopodium sp.* (4%) и *Sphagnum sp.* (единично).

Таким образом, на начальном этапе существования Ново-Александровского селища (СП 3) на его южной окраине были распространены сильно синантропизированные открытые пространства. На изучаемой территории шло активное нарушение растительного покрова (в обилии встречались однолетние и многолетние сорные травы) и интенсивное вытаптывание (росли горец птичий и клевер ползучий). В пределах открытой площадки селища возделывались культурные злаки. В посевах встречались типичные полевые сорняки: василек синий, вьюнок полевой, а также донник. На ненарушенных безлесных участках, представленных лесными полянами, росло богатое луговое разнотравье. Собственно хвойно-широколиственные леса занимали небольшие территории, скорее всего, были залесены близлежащие склоны. Также в окрестностях селища встречались водоемы и переувлажненные участки (кувшинковые и сфагновые мхи).

Антропогенное влияние на территорию продолжало оставаться интенсивным и в последующее время (СП 4). Однако оно ограничивалось нарушением растительного покрова и вытаптыванием. Индикаторов ведения земледелия в этот период не обнаружено. В целом возрастание массивов сосновых лесов свидетельствует о похолодании климата, а сокращение разнообразия луговой растительности и появление эфедры указывает на аридизацию, которая, вероятно, была вызвана продолжительной непрерывной деятельностью человека.

Итоги палинологического анализа отложений шурфа 3 (восточная стенка, колонка I). В образце глины из нижней части шурфа (сл. 5, СП 1, гл. 0,70 м) пыльца и споры не обнаружены (рис. 8).

В пробе суглинка, отобранной из самой верхней части слоя 2 (СП 2, гл. 0,50 м), выделен спорово-пыльцевой спектр, характеризующий распространение синантропизи-

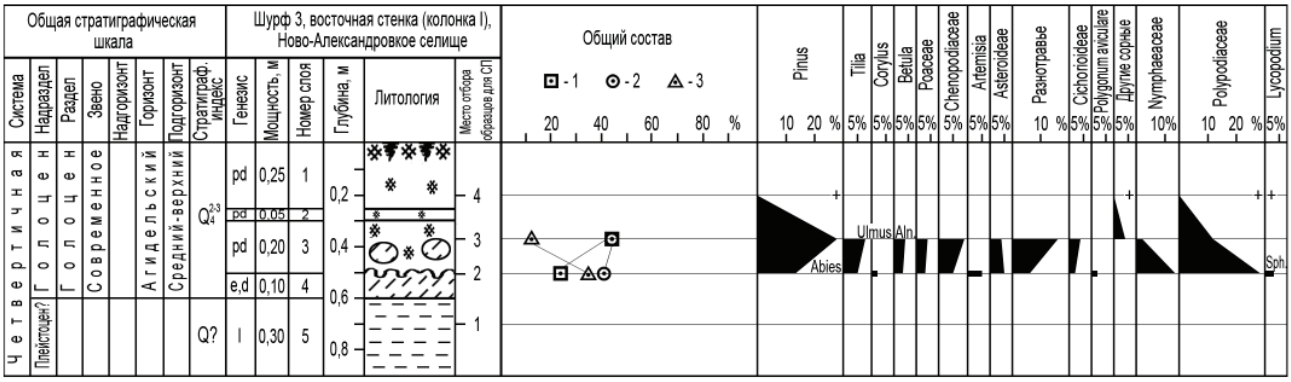


Рис. 8. Разрез плейстоценовых и голоценовых отложений Ново-Александровского селища (шурф 3, восточная стенка, колонка I) и спорово-пыльцевая диаграмма

Fig. 8. Section of the Pleistocene and Holocene sediments at the Novo-Aleksandrovka settlement (test pit 3, eastern wall, columnar section I) and pollen diagram

рованных открытых пространств и опушек хвойно-широколиственных лесов. В группе травянисто-кустарничковых растений (41%) выявлено равное содержание пыльцы синантропных, луговых и водных растений. Сорняки (13%) в спектре представлены рудеральными (*Chenopodiaceae, Cichorioideae, Artemisia sp.),* и пасквальными таксонами (*Polygonum aviculare)*. Луговое разнотравье небогатое (11%) – *Asteroideae* и *Filipendula sp.* Содержание пыльцевых зерен *Poaceae* низкое (3%). Водные растения представлены *Nymphaeaceae* (14%). Среди споровых (35%) встречены папоротники: *Polypodiaceae* (30%), плауны (*Lycopodium sp.* (3 %)) и мхи (*Sphagnum sp.* (единично)). В составе группы деревьев и кустарников (24%) диагностирована пыльца хвойных (*Pinus sylvestris* (13%) и *Abies sp.* (единично)), широколиственных (*Tilia cordata* (5%) и *Corylus avellana* (единично)) и мелколиственных пород (*Betula sp.* (3%)). Климатическая обстановка этого периода реконструируется как умеренно теплая и влажная.

На глубине 0,40–0,70 м артефактов не обнаружено.

В образце из вышележащего слоя, представленного смесью черного гумуса и темно-коричневого суглинка (сл. 3, СП 3, гл. 0,37 м), выделен «лесостепной» палиноспектр. Он характеризует увеличение площадей хвойно-широколиственных лесов с небольшой примесью мелколиственных пород (*Betula sp., Alnus sp.*). В составе древостоя (44%) возрастает роль *Pinus sylvestris* (28%), а также *Tilia cordata* (8%) и *Ulmus sp.* (единично). Площади открытых пространств, занятых луговыми и синантропными растениями (44%), остаются прежними. При этом существенно возрастает содержание пыльцевых зерен небогатого лугового разнотравья (20%): *Filipendula sp., Asteroideae, Scrophulariaceae* – и увеличивается процент пыльцы рудеральных сорняков (*Chenopodiaceae, Cichorioideae, Urtica sp., Rumex sp.*) (18%). Доля пыльцевых зерен *Poaceae* практически не меняется (4%). Зато сильно сокращается содержание пыльцы водных растений (*Nymphaeaceae*) (единично) и процент споровых (12%), представленных исключительно *Polypodiaceae*. Климат в это время становится немного более прохладным и менее влажным.

В пробе темно-серого гумуса из самой верхней части шурфа (сл. 1, СП 4, гл. 0,22 м) обнаружены лишь единичные зерна *Pinus sylvestris*, *Cannabis sp., Polypodiaceae и Lycopodium sp.* Вероятно, начавшееся ранее похолодание продолжилось и в этот период.

На глубине 0,20–0,40 м (горизонт 2) в слоях гумуса, гумуса и суглинка, где исследованы образца СП 3 и 4, найдено 32 фрагмента лепных сосудов (стенки без орнамента), четыре фрагмента глиняной обмазки, 17 фрагментов костей животных. На глубине 0,05–0,20 см (горизонт 1) в слое гумуса, подвергавшегося ранее распашке, не охарактеризованного палинологически, найдены 33 фрагмента лепных сосудов (из них шесть венчиков без орнамента и одна стенка с орнаментом), пять фрагментов глиняной обмазки, 16 фрагментов костей животных.

Выделенные спорово-пыльцевые спектры указывают на увеличение облесенности территории в период существования селища. Если на начальных этапах (СП 2) в пределах изучаемой площадки еще были распространены лесные опушки, обильно заросшие папоротниками, а также представителями лугового разнотравья, то позже (СП 3) лесной массив стал приближаться к границам селища. Открытые пространства постоянно испытывали антропогенную нагрузку: в начале (СП 2) шло нарушение растительного покрова и вытаптывание, в более поздний период (СП 3) вытаптывание прекратилось. По берегам водоемов и переувлажненным участкам росли ольха, кувшинковые и сфагновые мхи (СП 2 и 3). Таким образом, в пределах изучаемого участка нами отмечены те же тенденции изменения климата, связанные с похолоданием, которые были зафиксированы по материалам спорово-пыльцевого анализа из шурфа 1.

Итоги палинологического анализа отложений шурфа 3 (южная стенка, колонка II). В пробе черной почвы (сл. 6, СП 1, гл. 0,78 м) из заполнения ямы палиноморфы не отмечены (рис. 9). В образце гипса (сл. 5, СП 2, гл. 0,58 м) обнаружены единичные пыльцевые зерна *Betula sp.*; а в пробе суглинка (сл. 4, СП 3, гл. 0,48 м) – единичная пыльца *Pinus sylvestris, Salix sp., Nympaeaceae* и споры *Polypodiaceae.*

В пробе из вышележащего слоя, представляющего собой смесь черной почвы и суглинка (сл. 3, СП 4, гл. 0,35 м), был выявлен палиноспектр с доминированием пыльцевых зерен трав и кустарничков (53%). Большая часть идентифицированной пыль-

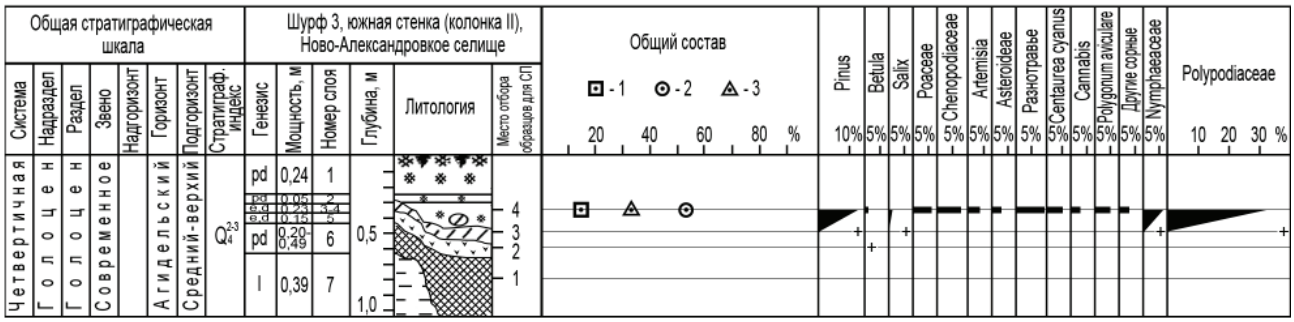


Рис. 9. Разрез плейстоценовых и голоценовых отложений Ново-Александровского селища (шурф 3, южная стенка, колонка II) и спорово-пыльцевая диаграмма
Fig. 9. Section of the Pleistocene and Holocene sediments of the Novo-Aleksandrovka settlement (test pit 3, southern wall, columnar section II) and pollen diagram

цы (28%) принадлежала сорнякам: в группе были диагностированы пыльцевые зерна рудеральных (*Chenopodiaceae, Artemisia sp., Carduus sp., Urtica sp., Cannabis sp. и Chamerion angustifolium*), пасквальных (*Polygonum aviculare*) и сегетальных растений (*Centaurea cyanus*). Довольно разнообразным оказалось и луговое разнотравье (19%): *Filipendula sp., Asteroideae, Apiaceae и Caryophyllaceae*. Процент пыльцы *Poaceae* не превышал 6% (пыльцевые зерна культурных злаков не обнаружены). Доля пыльцы водных растений (*Nymphaeaceae*) была также невысокой (6%). Группа споровых (33%) была представлена исключительно папоротниками *Polypodiaceae.* Среди древесно-кустарниковых растений (15%) доминировали пыльцевые зерна хвойных – *Pinus sylvestris* (13%). Также единично отмечена пыльца мелколиственных пород (*Betula sp. и Salix sp.*).

В яме после зачистки материка были найдены пять фрагментов лепных сосудов (стенки без орнамента), в которых обнаружена примесь раковины, шамота и дресвы. Три слоя над ямой оказались стерильными: белый гипс (СП 2), коричневый суглинок (СП 3) и смешанный слой почвы и суглинка (СП 4).

Полученный спорово-пыльцевой спектр (СП 4) характеризует распространение синантропизированных открытых пространств. Участок селища в это время испытывал сильную антропогенную нагрузку: шло нарушение почвенных покровов и вытаптывание. Наличие пыльцы сегетальных сорняков (василек синий) указывает на близость поля. В окрестностях селища росли хвойные леса. Широколиственные породы вырубались, и их место занимали вторичные березняки. Освободившиеся территории также обильно зарастали папоротниками. По берегам водоемов встречались кувшинковые и ивы. Климат был умеренно теплым и влажным. Выделенный спектр, несмотря на его переотложенность, практически идентичен палиноспектру СП 3 из шурфа 1 и характеризует начальный этап существования Ново-Александровского селища.

Итоги палинологического анализа поверхностных проб. Для исключения возможности засорения древних спектров современной пыльцой и спорами нами дополнительно исследованы субрецентные образцы. Составы проб (СП 1пп и 2пп), которые были отобраны за южной и юго-западной границей садовых участков, оказались практически идентичными. В полученных палиноспектрах доминировала пыльца деревьев и кустарников (65–71%). В группе преобладали пыльцевые зерна хвойных пород (*Pinus sylvestris* (33–44%), *Picea sp.* (3–4%)) и широколиственных деревьев (*Corylus avellana* (9–14%), *Tilia cordata* (7–9%), *Ulmus sp.* и *Acer sp.* (единично)). Мелколиственные породы были представлены *Betula sp.* (1–4%), *Alnus sp.* и *Salix sp.* (единично). Единично встречена пыльца *Ephedra sp.* В группе травянисто-кустарничковых растений (21–23%) отмечены пыльцевые зерна синантропных видов (13–15%) и представителей лугового разнотравья (4–8%), дикорастущих *Poaceae* (единично) и водных растений (*Nymphaeaceae* (единично)). Сорняки представлены различными рудеральными (*Artemisia sp., Cichorioideae, Ambrosia sp., Cannabis sp. и Urtica sp.*) и пасквальными таксонами (*Plantago sp.*). Состав луговых растений был также доволь-

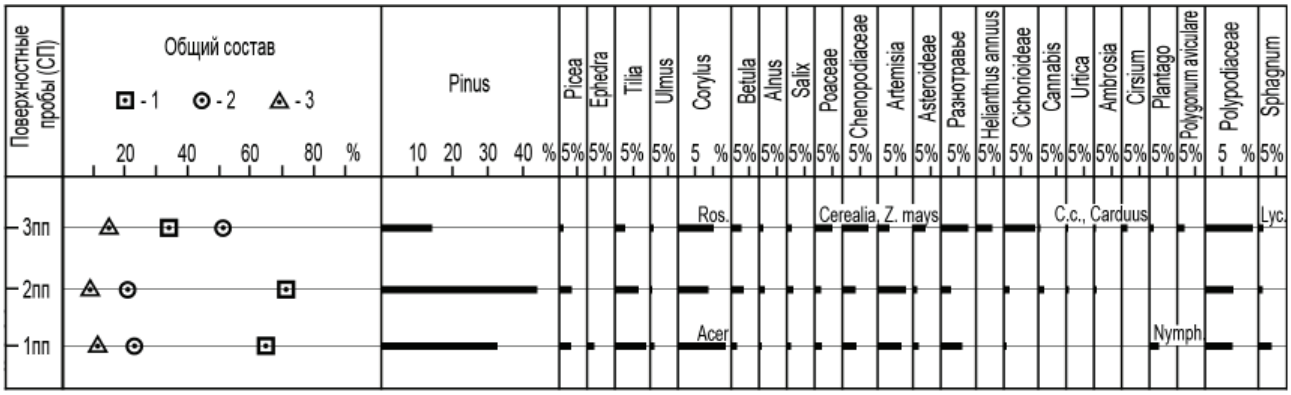


Рис. 10. Палиноспектры поверхностных проб (СП 1пп-3пп)
Fig. 10. Palynospectra of surface samples (СП 1пп-3пп)

но разнообразным: *Asteroideae, Centaurea jacea, Polygonum sp., Filipendula sp., Allium sp. и Scrophulariaceae*. Группа споровых (9–11%) включала папоротники (*Polypodiaceae* (8%)) и мхи (*Sphagnum sp.* (1–4 %)).

В образце (СП 3пп), взятом на территории садовых участков, был обнаружен палиноспектр с доминированием пыльцы трав и кустарничков (51%). Как и следовало ожидать, в группе отмечено очень высокое содержание пыльцевых зерен представителей синантропной флоры (27%), в основном рудеральных растений (24%): *Cichorioideae, Chenopodiaceae, Artemisia sp., Cirsium sp., Carduus sp., Ambrosia sp., Cannabis sp. и Urtica sp*. Единично встречена пыльца пасквальных (*Polygonum aviculare и Plantago sp.*) и сегетальных трав (*Centaurea cyanus*). Также в небольших количествах выявлены пыльцевые зерна с.-х. культур (*Helianthus annuus* (5%), Zea mays (единично)) и других культурных злаков (*Cerealia-type* (единично)). Разнообразное луговое разнотравье (11%) включало *Asteroideae, Centaurea scabiosa, Achillea sp., Polygonum sp., Filipendula sp., Veronica sp., Trifolium medium, Fabaceae, Apiaceae, Caryophyllaceae, Dipsacaceae и Brassicaceae*. В группе деревьев и кустарников (34%) преобладала пыльца широколиственных (*Corylus avellana* (10%), *Tilia cordata* (3%), *Ulmus sp.* (единично)) и хвойных пород (*Pinus sylvestris* (14%), *Picea sp.* (единично)). Единично обнаружены пыльцевые зерна мелколиственных деревьев (*Betula sp., Alnus sp. и Salix sp.*) и кустарников (*Rosaceae*). Споровые растения (15%) были представлены папоротниками (*Polypodiaceae),* плаунами (*Lycopodium sp.)* и мхами (*Sphagnum sp.)* (рис. 10).

В целом полученные спорово-пыльцевые спектры адекватно характеризуют существующие ландшафты: синантропизированный широколиственный лес в южной части селища (СП 1пп и 2пп) и сильно нарушенные открытые пространства, на которых возделывались с.-х. культуры (подсолнечник однолетний, кукуруза обыкновенная и другие культурные злаки) (СП 3пп) в северной части памятника. Пыльца сосны, имеющая довольно высокий процент в первых двух палиноспектрах (СП 1пп и 2пп), вероятно, попала туда в результате дальнего заноса. Отсутствие в этих спектрах пыльцевых зерен культурных злаков и полевых сорняков и их наличие в СП 3пп указывает на локальное отложение пыльцы данных растений и на отсутствие антропогенных вмешательств (посадка с.-х. культур, активная распашка и т. д.) на участках за пределами садов.

Таким образом, особенностью выделенных спектров является повышенная доля пыльцевых зерен лещины обыкновенной, свидетельствующая о непосредственной близости к изучаемым участкам опушек широколиственных лесов. Практически полное ее отсутствие в образцах из культурного слоя (исключение – СП 2, шурф 3, колонка I) еще раз подтверждает факт преобладания здесь в эпоху раннего железного века открытых пространств.

В целом полученные из субрецентных проб спектры отличаются от палиноспектров из культурного слоя по нескольким критериям: 1) повышенной доле пыльцы широколиственных пород, особенно лещины и липы, 2) более высокому проценту пыльцевых зерен сосны (на территории за пределами садовых участков); 3) наличию пыльцы иных культурных

(подсолнечник однолетний, кукуруза обыкновенная) и сорных растений (амброзия).

Обсуждение результатов

Анализ палинологических составов культурных слоев всех изученных ранее памятников кара-абызской культуры – поселения Бирское и Романовское II, городища Биктимировское, Кара-Абызское Акбердинское II, Шиповское, Охлебининское I и II, Мончазы I и Курмантаевское; селища Воронки, Дудкинское I и Поступалово III, металлургическая площадка Курмантау-8/9 и Касьяновская стоянка – показал полное отсутствие здесь пыльцы каких-либо культур и сегетальных сорняков. Таким образом, культурные отложения Ново-Александровского селища в этом плане являются уникальными. Сам памятник относится к кара-абызской культуре, где встречены единичные фрагменты керамики АКИО. На памятниках постмаклашеевской АКИО встречаются следы земледелия (Чижевский, Пономаренко, Оруджов, 2025), но на памятниках кара-абызской культуры такие данные встречены впервые. Стоит отметить, что до этого момента на территории Южного Предуралья, Южного Урала и Южного Зауралья пыльцевые зерна, характеризующие наличие земледелия, встречались в основном на раннесредневековых памятниках, таких как городище Уфа-II (*Centaurea cyanus*) (Курманов, 2020) и Чертово (Кушнаренковское) городище (*Fagopyrum esculentum/tataricum*) (Курманов, 2025), что связано с приходом кушнаренковско-караякуповского населения.

Сравнение полученных для селища ландшафтно-климатических характеристик с палинологическими данными с других памятников кара-абызской культуры позволяет выделить как схожие моменты, так и различия. К примеру, похожие тенденции, связанные с увеличением массивов сосновых лесов в более поздний период, были отмечены нами ранее на ближайшем к Ново-Александровскому селищу памятнике – селище Воронки (г. Уфа) (Курманов и др., 2024). С другой стороны, ландшафты, существовавшие на начальных этапах в окрестностях селища и на большинстве других кара-абызских памятников, довольно сильно отличались. Территория очень многих из них в начальный период была сильно залесена. Открытыми были лишь участки Ново-Александровского селища и трех городищ, одно из которых было расположено севернее – Кара-Абызское (Благовещенский район), и два южнее – Охлебининское II (Иглинский район) и Курмантаевское (Гафурийский район). Стоит отметить, что травянистая растительность, встречающаяся на Ново-Александровском селище, а также Кара-Абызском городище, отличалась богатым составом разнотравья, что свидетельствует о существовании здесь более благоприятных (более влажных) условий. На южных памятниках состав травостоя был гораздо беднее.

Таким образом, спорово-пыльцевой анализ культурного слоя Ново-Александровского селища позволил реконструировать ландшафты и климат в период существования данного памятника. В составе изученных палиноспектров были выделены пыльцевые зерна культурных злаков и сопутствующая им пыльца полевых сорняков (василек синий, вьюнок полевой, донник). Данные находки являются свидетельствами ведения земледелия у населения, оставившего памятники кара-абызской культуры, в эпоху раннего железа. Существовавшие на памятнике условия были наиболее благоприятными для земледелия: здесь были распространены обширные безлесные пространства, которые были достаточно хорошо увлажнены. Дальнейшие работы по поиску подобных территорий, существовавших в эпоху раннего железа в пределах Южного Предуралья, должны учитывать выделенные нами особенности.

Примечание:

[1] Смотрите статью в № 3 Овсянникова В.В., Воробьевой С.Л. и Проценко А.С. (Овсянников и др., 2026 (в печати)).

ЛИТЕРАТУРА

Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Особенности природной среды Волго-Окского междуречья в железном веке и средневековье // Отчет лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, 2001 // Архив ИА РАН.

Воробьева С.Л. Лесостепная часть Южного Приуралья в эпоху раннего железа: история изучения вопроса и перспективы исследований // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 268–291.

Гричук В.П., Заклинская Е.Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М.: Географгиз, 1948. 224 с.

Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Алимбекова Л.И., Морозова (Осипова) Е.М. Биктимировское городище: характеристика природной среды времени формирования культурного слоя // УАВ. Вып. 5 / Ред. В.Г. Котов, Н.С. Савельев. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: Гилем, 2004. С. 11–15.

Иванов В.А. У подножья Рифейских гор. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1982. 128 с.

Грибов Н.Н. Отчёт об археологической разведке в Приокском, Советском, Нижегородском районах г. Нижнего Новгорода, в Кстовском, Богородском, Лысковском и Пильнинском районах Нижегородской области в 2009 году / Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 31268.

Колонских А.Г. Отчет об итогах археологической разведки на территории Бураевского, Татышлинского, Калтасинского, Янаульского, Краснокамского, Благовещенского ГО, г. Уфа Республики Башкортостан в 2017 г. Уфа, 2017, 333 с. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 57299-57300.

Краснов Ю.А. Ранее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.: Наука, 1971. 168 с.

Куприянова Л.А. Морфология пыльцы однодольных // Флора и систематика высших растений. Вып. 7 / Ред. Б.К. Шишкин. М., Л.: АН СССР, 1948. С. 163–262.

Курманов Р.Г. Палинологическое исследование отложений городища Уфа-II // Русланова Р.Р., Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Проценко А.С. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2012 года. Том V. Часть II. Уфа: Башк. энцикл., 2020. С. 146–150.

Курманов Р.Г., Овсянников В.В., Савельев Н.С., Галеев Р.И. Реконструкция растительности и климата Южного Предуралья в суббореале и субатлантике (по материалам памятников кара-абызской культуры) // Геологический вестник. 2019. № 1 (4). С. 35–44.

Курманов Р.Г., Проценко А.С., Русланова Р.Р., Овсянников В.В., Данукалова Г.А., Лаптева Е.Г., Воробьева С.Л. Динамика позднеголоценовой растительности и климата на территории города Уфа // Геология, полезные ископаемые и проблемы геоэкологии Башкортостана, Урала и сопредельных территорий: Материалы и доклады. 15-я Межрегиональная научно-практическая конференция (Уфа, 14-17 мая 2024 г.). Уфа: Перо, 2024. С. 129–133.

Курманов Р.Г., Русланов Е.В., Проценко А.С., Русланова Р.Р., Савельев Н.С., Овсянников В.В., Кадыров И.Ф. Отражение средневекового климатического оптимума в спорово-пыльцевых спектрах отложений археологических памятников Южного Предуралья // Археология Евразийских степей. 2025. № 3. С. 121–133.

Обыденнова Г.Т., Проценко А.С., Курманов Р.Г. Археолого-палинологическое исследование культурного слоя Охлебининского I городища // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 2 (52). С. 113–124.

Овсянников В.В. Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 376–377.

Овсянников В.В., Воробьева С.Л., Проценко А.С. Материалы археологических раскопок городища Кара-Абыз А.В. Шмидта в 1928 г. из фондов Национального музея Республики Башкортостан // Археология Евразийских степей. 2026. № 3 (в печати).

Овсянников В.В., Курманов Р.Г. Палинологическое исследование культурного слоя Бирского поселения // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 88–102.

Орлова Е.М., Шумиловских Л.С., Перескоков М.Л. Земледелие у населения Мулянской племенной территории в эпоху раннего железного века // XVI Бадеровские чтения: сборник научных статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. М.Л. Перескоков, Е.В. Чуйкина. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. С. 187–191.

Проценко А.С., Курманов Р.Г. Археолого-палинологические исследования культурного слоя городища Кара-Абыз // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2019. № 4. С. 62–71.

Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б. Б. Агеев. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.

Рябогина Н.Е. Очаги культивирования злаков в древности на территории Западной Сибири по палеоботаническим данным // Информационный вестник ВОГиС. 2006. Т. 10. № 3. С. 572–579.

Савельев Н.С., Курманов Р.Г., Сулейманов Р.Р. Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 8-11 октября 2018 г. / Отв. ред.А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 242–244.

Савельев Н.С., Овсянников В.В., Курманов Р.Г. Природные и этнокультурные трансформации на рубеже эр в лесостепи Приуралья (по данным городища Акбердино-II) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 900–901.

Федорова Р.В. Некоторые особенности морфологии пыльцы культурных злаков // Материалы по геоморфологии и палеогеографии СССР. Вып. 21. Работы по спорово-пыльцевому анализу / Труды института географии АН СССР. Вып. 77 / Отв. ред. В. П. Гричук. М.: АН СССР, 1959. С. 166–186.

Шокуров А.П. Отчет об археологической работе летом 1959 г. третьего разведывательного отряда Башкирской археологической экспедиции ИИМК АН СССР // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1875. 176 с.

Шокуров А.П. Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик // Древности Башкирии / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 131–160.

Чижевский А.А., Пономарено Е.В., Оруджов Э.И. К вопросу о земледелии ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2025. № 1 (51). С. 35–42.

Hiebenga M., Orlova E., Pereskokov M.L., Abdulmanova I.F., Sannikov P., Batalova V., Novikova E., Mekhonoshina E., Giesecke T., Shumilovskikh L.S. Holocene history of the Kungur forest-steppe (cis-Urals, European Russia): case study Uinskoe mire // Quaternary Science Reviews. 2024. Vol. 337. 108792. P. 1–15.

Информация об авторах:

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); sveta_legion@mail.ru.

Колонских Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия); kontrobazzz@mail.ru

Курманов Равиль Гадельевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт геологии УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия); ravil_kurmanov@mail.ru

REFERENCES

Aleshinskaya, A. S., Spiridonova, E. A. 2001. In *Otchet laboratorii estestvennonauchnykh metodov Instituta arkheologii RAN (Report of the laboratory of natural science methods, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Vorobyeva, S. L. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 268–291 (in Russian).

Grichuk, V. P., Zaklinskaya, E. D. 1948. *Analiz iskopaemykh pyl'tsy i spor i ego primenenie v paleogeografii (Analysis of Fossil Pollen and Spores and its Application in Paleogeography).* Moscow: “Geografgiz” Publ. (in Russian).

Danukalova, G. A., Yakovlev, A. G., Alimbekova, L. I., Morozova (Osipova), E. M. 2004. In Kotov, V. G., Savelyev, N. S., Pshenichyuk, A. Kh. (eds.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 5. Ufa: “Gilem” Publ., 11–15 (in Russian).

Ivanov, V. A. 1982. *U podnozhia Rifeiskikh gor (At the foot of the Riphean Mountains).* Ufa: “Bashkir. kn. izd-vo” Publ. (in Russian).

Gribov, N. N. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Priokskom, Sovetskom, Nizhegorodskom raionakh g. Nizhnego Novgoroda, v Kstovskom, Bogorodskom, Lyskovskom i Pil'ninskom raionakh Nizhegorodskoi oblasti v 2009 godu (Report on Archaeological Exploration in Prioksky, Sovetsky and Nizhegorodsky Districts of Nizhny Novgorod, in Kstovsky, Bogorodsky, Lyskovsky and Pilninsky Districts of Nizhny Novgorod Oblast in 2009).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1. R. 1. no. 31628 (in Russian).

Kolonskikh, A. G. 2017. *Otchet ob itogah arheologicheskoj razvedki na territorii Buraevskogo, Tatyshlinskogo, Kaltasinskogo, Yanaul'skogo, Krasnokamskogo, Blagoveshchenskogo GO, g. Ufa Respubliki Bashkortostan v 2017 g. (Report on the results of archaeological survey in the territory of Burayevsky, Tatyshlinsky, Kaltasinsky, Yanaulsky, Krasnokamsky, Blagoveshchensky urban district and Ufa of the Republic of Bashkortostan in 2017).* Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1. R. 1. no. 57299-57300 (in Russian).

Krasnov, Yu. A. 1971. *Ranee zemledelie i zhivotnovodstvo v lesnoi polose Vostochnoi Evropy (Early agriculture and livestock farming in the forest belt of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kupriyanova, L. A. 1948. In *Flora i sistematika vysshikh rastenii* (*Flora and systematics of vascular plants)* 7. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Kurmanov, R. G. 2020. In Ruslanova, R. R., Ruslanov, E. V., Shamsutdinov, M. R., Protsenko, A. S. *Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2012 goda (Hillfort Ufa-II. Materials from the 2012 excavations).* Vol. 5. Part 2. Ufa: "Bashkirskaya entsiklopediya" Publ., 146-150 (in Russian).

Kurmanov, R. G., Ovsyannikov, V. V., Savelyev, N. S., Galeev, R. I. 2019. In *Geologicheskii vestnik (Geological Bulletin)* 4 (1), 35–44 (in Russian).

Kurmanov, R. G., Protsenko, A. S., Ruslanova, R. R., Ovsyannikov, V. V., Danukalova, G. A., Lapteva, E. G., Vorobyeva, S. L. 2024. In *Geologiia, poleznye iskopaemye i problemy geoekologii Bashkortostana, Urala i sopredelnykh territorii: Materialy i doklady. 15-ia Mezhregionalnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia (Ufa, 14-17 maia 2024 g.). (Geology, mineral resources, and geoecological issues of Bashkortostan, the Urals, and adjacent areas: proceedings and papers. 15th Interregional Scientific-Practical Conference, Ufa, May 14-17, 2024).* Ufa: "Pero" Publ., 129–133 (in Russian).

Kurmanov, R. G., Ruslanov, E. V., Protsenko, A. S., Ruslanova, R. R., Savelyev, N. S., Ovsyannikov, V. V., Kadyrov, I. F. 2025. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 121–133 (in Russian).

Obydennova, G. T., Protsenko, A. S., Kurmanov, R. G. 2022. In *Vestnik Bryanskogo universiteta (The Bryansk State University Herald)* 52 (2), 113–124 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevyanko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress at Kazan)* Vol. II. Kazan: "Otechestvo" Publ., 376–377 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Vorobyeva, S. L., Protsenko, A. S. 2026. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3 (in print) (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Kurmanov, R. G. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 88–102 (in Russian).

Orlova, E. M., Shumilovskikh, L. S., Pereskokov, M. L. 2023. In Pereskokov, M. L., Chuikina, E. V. (eds.) *XIV-e Baderovskie chteniia): Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (14th Bader's readings: The proceedings of all-Russia scientific and practical conference)).* Perm: Perm State National Research University, 187–191 (in Russian).

Protsenko, A. S., Kurmanov, R. G. 2019. In *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan (*Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*)* (4), 62–71 (in Russian).

Pshenichnyuk, A. Kh. 1993. In Ageev, B. B. (ed.). *Khronologiia pamiatnikov Iuzhnogo Urala (Chronology of the Southern Urals Sites)*. Ufa: Ural Research Center of the Russian Academy of Sciences, 32–61 (in Russian).

Ryabogina, N. E. 2006. In *Informatsionnyi vestnik VOGiS (The Herald of Vavilov Society for Genetics and Breeding Scientists)* 10 (3), 572–579 (in Russian).

Savelyev, N. S., Kurmanov, R. G., Sulejmanov, R. R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)).* Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 242–244 (in Russian).

Savelyev, N. S., Ovsyannikov, V. V., Kurmanov, R. G. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.) *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda ((Proceedings of the 2nd (21st) All-Russia Archaeological Congress).* Barnaul: Altai State University, 900–901 (in Russian).

Fedorova, R. V. 1959. In Grichuk, V. P. (ed.) *Materialy po geomorfologii i paleogeografii SSSR. Vyp. 21. Raboty po sporovo-pyltsevomu analizu (Materials on Geomorphology and Paleogeography of the USSR. Issue 21. Proceedings on spore-pollen analysis).* Series: Trudy Instituta geografii AN SSSR (Transactions of

the Institute of Geography USSR Academy of Sciences) 77. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 166–186 (in Russian).

Shokurov, A. P. 1959. *Otchet ob arheologicheskoj rabote letom 1959 g. tret'ego razvedyvatel'nogo otryada Bashkirskoj arheologicheskoj ekspedicii IIMK AN SSSR (Report on the archaeological work in the 1959 summer of the third reconnaissance team of the Bashkir archaeological expedition of the Institute of Material Culture of the USSR Academy of Sciences)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences Fund 1. R. 1, no. 1875 (in Russian).

Shokurov, A. P. 1970. In Smirnov, A. P. (ed.). *Drevnosti Bashkirii (Antiquities of the Bashkiria*). Moscow: "Nauka" Publ., 131–160 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Ponomarenko, E. V., Orudzov, E. I. 2025. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 51 (1), 35–42 (in Russian).

Hiebenga, M., Orlova, E., Pereskokov, M. L., Abdulmanova, I. F., Sannikov, P., Batalova, V., Novikova, E., Mekhonoshina, E., Giesecke, T., Shumilovskikh, L. S. 2024. In *Quaternary Science Reviews*, 337, 108792, 1–15.

About the Authors:

Vorobyeva Svetlana L. Candidate of Historical Sciences. Bashkortostan National Museum, Sovetskayast. 14, Ufa, 45008, Russian Federation; sveta_legion@mail.ru

Kolonskikh Alexander G. Candidate of Historical Sciences. Department of the Archaeological Heritage of Southern Urals, R. G. Kuzeev Institute of Ethnological Research UFRC RAS. Karl Marx st. 6, Ufa, 450077, Russian Federation; kontrobazzz@mail.ru

Kurmanov Ravil G. Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Institute of Geology UFRC RAS; 16/2, Karl Marx st., Ufa, 450077, Russian Federation; ravil_kurmanov@mail.ru

Статья поступила в журнал 09.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903; 902.672, 631.4 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.147.173

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ[1]

© 2026 г. Е.М. Орлова, М.Л. Перескоков, В.А. Баталова, Л.С. Шумиловских

Представлено первое комплексное археоботаническое исследование археологических памятников Пермского Приуралья, относящихся большей частью к раннему железному веку и средневековью. Пермская территория находится в зоне средней и южной тайги, что затрудняет ведение земледельческих практик. Результаты свидетельствуют возникновении земледелия в позднеананьинский период раннего железного века, самое позднее в IV веке до н.э. В то время 58° северной широты представляла собой северную границу земледелия в Вятско-Камском регионе. Основными видами культивируемых зерновых были полба и ячмень, в III–V веках н.э. появляется хлебная пшеница, сорго и конопля. Дикорастущие растения способствовали разнообразию рациона питания и указывают на сильно измененные ландшафты вокруг исследуемых участков. Преобладание полбы в раннем железном веке связывает происхождение земледелия в центрально-камском регионе с Понтийской степью и Кавказским регионом. В целом, земледелие могло способствовать увеличению населения Гляденово и освоению новых территорий на севере и юге.

Ключевые слова: археология, земледелие, ранний железный век, эпоха Великого переселения народов, ананьинская культура, гляденовская культура, полба, ячмень, пшеница

AGRICULTURE IN THE PERM KAMA REGION IN THE EARLY IRON AGE AND THE GREAT MIGRATION PERIOD[2]

E.M. Orlova, M.L. Pereskokov, V.A. Batalova, L.S. Shumilovskikh

This paper presents the first comprehensive archaeobotanical study of archaeological sites in the Perm Urals, primarily dating to the Early Iron and Middle Ages. The Perm region is located in the middle and southern taiga, which makes agricultural practices difficult. The results indicate the emergence of agriculture in the late Ananyino period of the Early Iron Age, no later than the IV century BC. At that time, 58° north latitude represented the northern limit of agriculture in the Vyatka-Kama region. The main types of cultivated grains were spelt and barley, and wheat, sorghum and hemp were added to them in the III–V centuries AD. Wild plants contributed to dietary diversity and indicate highly altered landscapes around the study sites. The prevalence of spelt in the Early Iron Age links the origins of agriculture in the Central Kama region with the Pontic Steppe and the Caucasus region. Overall, agriculture could have contributed to the population growth of Glyadenovo and the development of new areas in the north and south.

Keywords: archaeology, agriculture, Early Iron Age, Great Migration Period, Ananyino culture, Glyadenovo culture, spelt, barley, wheat

Введение

Пермское Приуралье занимает переходную территорию: оно расположено на восточной окраине Восточно-Европейской равнины и на западных склонах Уральских гор, в зоне Среднего и Северного Урала. Рельеф равнинной части преимущественно холмисто-увалистый, со средними высотами 200–400 м над уровнем моря. Речная сеть представлена рекой Камой, в бассейн которой входят доли-

[1] Часть исследоваий, посвященная памятникам Северного Прикамья выполняется за счёт средств субсидии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», полученной в результате победы в конкурсе научных, образовательных, инновационных, внедренческих и просветительских проектов по направлению «Политика в области развития современного социально-гуманитарного знания» (№ 2025-306/2-1).

[2] Part of the research at the sites of the Northern Kama region was financially sopported by the Perm State National Research University as a result of winning a competition for scientific, educational, innovative, innovative and educational projects in the field of "Policy for the development of modern socio-humanitarian knowledge" (No. 2025-306/2-1).

ны рек Чусовой, Сылвы, Колвы, Вишеры, Тулвы, Обвы. Водосбор осуществляется через Волгу в Каспийское море. Климат региона умеренно-континентальный, с тёплым летом и продолжительной холодной зимой. На его формирование влияют западный перенос воздушных масс, горный рельеф на востоке, снежный покров, водные ресурсы, почвенный покров. Температурный режим варьируется со снижением с юго-запада на северо-восток: зимой от −14°С (юго-запад) до −18°С (северо-восток), летом от +18°С (юго-запад) до +13°С (северо-восток). Годовое количество осадков варьируется от 410–450 мм на юго-западе до 1 000 мм на крайнем северо-востоке (Атлас Пермского края…, 2012).

Распределение почв связано с зональностью и рельефом. В северной части преобладают подзолистые почвы. Большая часть территории покрыта лесами, относящимися к зонам средней и южной тайги, а также подтайги: в верхнем течении Камы преобладают темнохвойные леса, где в древесном ярусе доминирует ель сибирская (*Picea obovata*), значительна доля пихты сибирской (*Abies sibirica*), присутствует кедр сибирский (*Pinus sibirica*) и лиственница сибирская (*Larix sibirica*). Неморальные виды представлены *Asarum europaeum*, *Stellaria holostea*, *Ajuga reptans* и папоротниками. Болотистые леса речных долин представлены ивой (*Salix viminalis*, *S. dasyclados* и др.), ольхой серой (*Alnus incana*), таволгой (*Filipendula ulmaria*), чиной болотной (*Lathyrus palustris*), осокой острой (*Carex acuta*).

Почвы на юге представлены дерново-подзолистыми с разной степенью оподзоленности. К югу увеличивается доля лиственных пород. Растительность южной тайги по мимо хвойных растений включает в себя берёзу повислую (*Betula pendula*), осину (*Populus tremula*), липу мелколистную (*Tilia cordata*), вяз гладкий (*Ulmus glabra*), клён остролистный (*Acer platanoides*), дуб черешчатый (*Quercus robur*), а среди кустарников доминируют жимолость татарская (*Lonicera xylosteum*), черёмуха обыкновенная (*Padus avium*), рябина обыкновенная (*Sorbus aucuparia*). На юго-западе лесистость снижается из-за антропогенного воздействия. Из-за интенсивной вырубки распространены вторичные леса. На юго-востоке расположена Кунгурская лесостепь, характеризующаяся берёзово-осиновыми лесами с примесью липы и вяза, сосновыми лесами с лиственницей сибирской и липой. Подвержена интенсивному сельскохозяйственному освоению (более 50 % площади — угодья). Среди почв преобладают серые лесные почвы (особенно в Кунгурской лесостепи) (Иллюстрированный определитель растений …, 2007).

Археологический контекст

Ранний железный век в исследуемом регионе представлен двумя последовательно развивающимися археологическими культурами: ананьинской (конец X – III/II вв. до н.э.) и гляденовской (III/II вв. до н.э. – V/VI вв. н.э.) (Коренюк, 2009; Коренюк, Перескоков, 2021; Перескоков, 2018; 2022). Ананьинская культура сформировалась на основе ерзовской культуры, существовавшей в Среднем Прикамье в эпоху финальной бронзы. Основной ареал расселения носителей ананьинской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье – зона южнотаежных и таежных лесов вдоль р. Камы и её притоков. Хозяйственно-культурный тип ананьинского населения основывался на животноводстве с преобладанием лошади и крупного рогатого скота, при меньшем значении свиней и мелкого рогатого скота (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2018; Чижевский и др., 2021). На позднем этапе ананьинской культуры (VI–IV вв. до н.э.), проходит существенная милитаризация, что проявляется в появлении значительного числа укрепленных поселений (городищ). Начинают формироваться микрорайоны, включающие укрепленные и не укрепленные поселения, что, вероятно, было вызвано борьбой за сокращающиеся ресурсы в виде пойменных пространств, необходимых для выпаса скота. Одним из ключевых центров в этот период становиться Гляденовское городище, которое было разрушено не позднее IV в. до н.э. и стало использоваться как святилище (костище) (Васильева, Коренюк, Перескоков, 2021, с. 14–18).

Гляденовская культура сформировалась на основе ананьинской культуры Среднего Прикамья (Коренюк, Перескоков, 2021). На раннем этапе гляденовской культуры (III/II–I вв. до н.э.) ареал расселения, как и в ананьинское время, это долина реки Камы и притоков. На среднем этапе гляденовской культуры (I – середина III в. н.э.) развитие скотоводства переживало значительный подъем, что привело к появлению прибавочного

продукта, в виде массово приносимых в жертву животных на костищах. Также это привело к увеличению численности населения, что отразилось в резком увеличении количества поселений в начале I тыс. н.э. Вероятно, это привело к переизбытку населения в широкой пойме р. Кама, дефициту ресурсов и, как следствие, локальные миграции гляденовцев. Эти миграции, в сущности, являлись «колонизацией» сопредельных территорий, отвечающих заданным критериям – широкопойменные речные долины – и к IV в. н.э. были сформированы все локальные варианты гляденовской культуры (Перескоков, 2018, с. 110–113).

На позднем этапе гляденовской культуры формируется иерархическая модель расселения для отдельных микрорайонов (Перескоков, Козьякова, 2024). В центре располагалось большое, хорошо защищенное многовальное городище, игравшее роль административного, хозяйственного и культурного центра. Вокруг этого центра существовали менее защищенные городища и не укрепленные поселения. Последние были расположены либо на речных террасах и использовались для круглогодичного проживания, либо располагались в пойме и использовались только летом, для выпаса скота в летний период. Хозяйственно-культурный тип характеризуется преобладанием скотоводства с небольшим количеством земледелия, в то время как охота и собирательство играли второстепенную роль (Перескоков, 2018; 2020).

В IV в. гляденовское население более плотно осваивает бассейн р. Сылва (где становится основой для формирования неволинской культуры), а также бассейны р. Обва, р. Чусовая и территорию Верхней Камы (где становиться основой для формирования ломоватовской культуры) (Перескоков, 2018). К началу VI в. вся территория Среднего Прикамья вдоль р. Кама, забрасывается гляденовским населением и ядро гляденовской культуры перестает существовать. Еще раньше, в V в. полностью исчезают памятники на территории Тулвинско-Частинского локального варианта (Перескоков, 2020).

В результате локальных миграции, в IV–VII вв. происходит процесса адаптации к новым условиям окружающей среды уже в ареалах формирующихся раннесредневековых культур – неволинской и ломоватовской.

Появление же в XI–XII вв. пашенного земледелия (Сарапулов, 2019), повышает производительность и системно меняет хозяйственно-культурный тип в сторону преобладания земледелия, что, в частности, показывают археоботанические исследования на Рождественском городище (Трофимова и др., 2016). Развитие земледелия фиксируется в раннем Средневековье и в ареале неволинской культуры (Туганаев и Туганаева 2003).

Иная ситуация фиксируется на крайнем севере Пермского края. Археологический микрорайон Чусовского озера включает как многослойные памятники (неолит – бронза – ананьино – гляденово), такие как Васюковские I-II поселения, Чирва I-III, Поздеевское озеро I-II, так и чистые комплексы отдельных эпох и культур (поселение Кременной Носок, селище Лисья Курья и др.). На данной территории в плоть до эпохи раннего железного века и Средневековья, на археологических материалах, реконструируется хозяйственно-культурный тип присваивающей экономики (охота, рыболовство, собирательство) (Денисов, 1969, с. 325).

Материалы и методы

Пробы для анализа растительных макроостатков отбирались в период с 2019 по 2024 гг.[1] на памятниках разных типов для получения как можно большего количества и разнообразия археоботанических образцов. Пробы отбирались из культурных слоев городищ, селищ, стоянок, поселений, а также из различных объектов (хозяйственных ям, жилищ, курганов) (рис. 1). Всего образцы были собраны с 19 археологических памятников, расположенных в различных микрорайонах и локальных вариантах археологических культур. Большинство памятников, за исключением поселений Ораловское озеро II, стоянок Ораловское озеро I и Кременной носок, Черновское I, Кудашевское, Бардымское городища, Чашинское III селище, содержат находки разных эпох.

В общей сложности было собрано 126 почвенных образцов (табл. 1). Объем варьировался от 2 до 10 л в зависимости от контекста, всего было отобрано 625,5 л. Образцы обрабатывались флотационной машиной в полевых условиях или в лаборатории с использованием сит с размерами ячеек 0,5, 1 и 2 мм. Различные фракции высушивались, изучались отдельно, и данные объединялись в итого-

Таблица 1. Результаты археоботанического анализа.
Тафономия: обугленные остатки без буквы, минерализованные - M, необугленные - NC.
Table 1. Results of the archaeobotanical analysis.
Taphonomy: carbonized remains without a letter, mineralized - M, non-charred - NC.

Археологический памятник	Контекст	Культура	Возраст	Таксоны
Верхняя Кама				
Кременной носок (неолит)	Культурный слой, глубина 0,1-0,17 м	Неолит	V-IV тыс. до н.э.	*Lathyrus pratensis c.f. (2), Trifolium hybridum c.f. (2), Vicia tetrasperma (3), Cenococcum (10)*
Кременной носок	Культурный слой	Неолит	V-IV тыс. до н.э.	*Chenopodium album (1), Sinapis arvensis (2), Picea needle (2), Pinus needle (2), Cenococcum (11)*
Кременной носок	Культурный слой	Неолит	V-IV тыс. до н.э.	*Chenopodium album (8), Fallopia convolvulus (1), Galium verum (4), Lathyrus pratensis c.f. (1), Polygonum aviculare (7), Sinapis arvensis (5), Picea needle (7), Pinus needle (4), Vicia tetrasperma (6), Cenococcum (18)*
Кременной носок	Культурный слой, глубина 0,13-0,23 м	Неолит	V-IV тыс. до н.э.	*Chenopodium album (1), Fallopia convolvulus (3), Sinapis arvensis (1), Picea needle (1)*
Кременной носок	Материк, глубина 0,5-0,65 м	Неолит	V-IV тыс. до н.э.	*Cenococcum (2)*
Кременной носок	Культурный слой, глубина 0,18-0,24 м	Неолит	V-IV тыс. до н.э.	*Chenopodium album (1), Sinapis arvensis (1), Cenococcum (3)*
Кременной носок	Материк, глубина 0,53-0,6 м	Неолит	V-IV тыс. до н.э.	*Chenopodium album (1), Fallopia convolvulus (2), Galium verum (1), Sinapis arvensis (2), Picea needle (1), Vicia tetrasperma (2), Cenococcum (5)*
Поздеевское озеро II	Культурный слой, глубина 0,12-0,56 м	Неолит, энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век	V-IV тыс. до н.э., III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э. – пер. пол I тыс. н.э.	*Pinus needle (1), Fabaceae (2), Cenococcum (5)*
Поздеевское озеро II	Материк, глубина 0,44-0,56 м	Неолит, энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век	V-IV тыс. до н.э., III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э. – пер. пол I тыс. н.э.	*отсутствуют*
Поздеевское озеро I	Культурный слой, глубина 0,28-0,74 м	Неолит, энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век	V-IV тыс. до н.э., III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э. – пер. пол I тыс. н.э.	*Galium cf. boreale (1), Sinapis arvensis (4), c.f. Vicia tetrasperma (3), Abies needle (2), Picea needle (2), Cenococcum (26)*
Поздеевское озеро I	Культурный слой, глубин 0,12-0,28 м	Неолит, энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век	V-IV тыс. до н.э., III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э. – пер. пол I тыс. н.э.	*Sinapis arvensis (2), Cenococcum (8)*
Васюково II	Культурный слой, канавка	Раннее ананьино	IX-VII вв. до н.э.	*Cenococcum (1)*
Васюково II	Культурный слой, канавка	Раннее ананьино	IX-VII вв. до н.э.	*c.f. Vicia tetrasperma (2), Pinus (1), Cenococcum (5)*

Васюково II	Уголь, канавка	Раннее ананьино	IX-VII вв. до н.э.	*Abies (1), c.f. Vicia tetrasperma (1), Cenococcum (4)*
Васюково II	Материк, глубина			*Vaccinium oxycoccum/V. vitis-ideae (1), Cenococcum (1)*
Васюково II	Культурный слой, глубина 0,25-0,42 м	Раннее ананьино	IX-VII вв. до н.э.	*Chenopodium album (2), Fallopia convolvulus (5), Galium boreale (3), Rhynchospora alba c.f. (2), Sinapis arvensis (2), Trifolium hybridum c.f. (6), c.f. Vicia tetrasperma (9), Picea (5), Pinus (4), Juniperus communis (1), Cenococcum (47)*
Васюково II	Культурный слой, глубина 0,42-0,65 м	Неолит	V-IV тыс. до н.э.	*Galium verum c.f. (2), c.f. Vicia tetrasperma (1) Picea (3), Pinus (1), Cenococcum (6)*
Васюково II	Материк, глубина 0,65-0,84 м			*Galium verum (2), Cenococcum (8)*
Ораловское озеро II	Окраина поселения	Раннее ананьино	IX-VIII вв до н.э.	*Ranunculus repens (3), Vaccinium oxycoccum/V. vitis-ideae (1), indeterminata (2), indeterminata fragment (1); Cenococcum (35)*
Ораловское озеро II	Окраина поселения	Раннее ананьино	IX-VIII вв до н.э.	*Brassicaceae (2), Galium cf. boreale (1), Sinapis arvensis (3); Cenococcum (4)*
Чирва I	Культурный слой	Энеолит, бронзовый век, ранний железный век	III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э.	*Fallopia convolvulus (1), Sinapis arvensis (1), c.f. Vicia tetrasperma (1), Cenococcum (4)*
Подбобыка	Очаг	Позднее ананьино	V-V вв до н.э.	*Alchemilla (1M), Brassicaceae (6), Chenopodium album (1), Sambucus racemosa (1), Sinapis arvensis (8); Abies needle (2), Picea needle (5)*
Подбобыка	Очаг	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Ajuga reptans (7M), Alchemilla (1M), Brassicaceae (8), Rumex acetosella (1NC), Sinapis arvensis (8); Abies needle (4), Picea needle (40)*
Подбобыка	Культурный слой	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Ajuga reptans (2M), Brassicaceae (5); Abies needle (1), Picea needle (5)*
Подбобыка	Культурный слой	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Ajuga reptans (1M); Brassicaceae (1), indeterminata (1)*
Подбобыка	Культурный слой	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*отсутствуют*
Подбобыка	Культурный слой	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*отсутствуют*
Подбобыка	Культурный слой	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*отсутствуют*
Ораловское озеро I	Культурный слой	Позднее гляденово	III-V вв н.э.	*Sinapis arvensis (5), indeterminata (12); Cenococcum (3)*
Чирва III	Гумусовый слой, глубина 0,11-0,21 м	Энеолит, бронзовый век, ранний железный век, раннее средневековье	III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э., I тыс. н.э.	*Althyllis c.f. Valneraria (1), Chenopodium album (1), Fallopia convolvulus (1), Sinapis arvensis (1), Picea needle (1), Rhynchospora alba c.f. (1), Vicia tetrasperma (3), Cenococcum (24)*
Чирва III	Культурный слой, глубина 0,23-0,33 м	Энеолит, бронзовый век, ранний железный век раннее средневековье	III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э., I тыс. н.э.	*Galium verum (2), Sinapis arvensis (1), Picea needle (2), Trifolium hybridum c.f. (1), Vicia tetrasperma c.f. (1), Cenococcum (5)*
Чирва III	Культурный слой, глубина 0,37-0,5 м	Энеолит, бронзовый век, ранний железный век, раннее средневековье	III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э., I тыс. н.э.	*Galium boreale (1), Pinus needle (1), Cenococcum (7)*
Чирва III	Гумусовый слой, глубина 0,12-0,2 м	Энеолит, бронзовый век, ранний железный век, раннее средневековье	III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э., I тыс. н.э.	*Sinapis arvensis (2), Vicia tetrasperma (3), Cenococcum (7)*

Чирва III	Зачистка обнажений, глубина 0,3-0,4 м	Энеолит, бронзовый век, ранний железный век, раннее средневековье	III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э., I тыс. н.э.	*отсутствует*
Чирва III	Зачистка обнажений, глубина 0,7-0,8 м	Энеолит, бронзовый век,ранний железный век, раннее средневековье	III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э., I тыс. н.э.	*Sinapis arvensis (1)*
Чирва II	Культурный слой	Энеолит, бронзовый век, ранний железный век, раннее средневековье	III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э., I тыс. н.э.	*Chenopodium album (4), Picea needle (2), Sinapis arvensis (1), Vicia tetrasperma (3)*
Чирва II	Культурный слой	Энеолит, бронзовый век, ранний железный век, раннее средневековье	III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э., I тыс. н.э.	*Brassicaceae (4), Cenococcum (4)*
Чирва II	Культурный слой	Энеолит, бронзовый век, ранний железный век раннее средневековье	III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э., I тыс. н.э.	*Fabaceae (3), Cenococcum (7)*
Чирва II	Культурный слой	Энеолит, бронзовый век, ранний железный век, раннее средневековье	III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э., I тыс. н.э.	*Lathyrus pratensis c.f. (1), c.f. Setaria italica (1), Picea needle (2), Cenococcum (5)*
Чирва II	Культурный слой	Энеолит, бронзовый век, ранний железный век, раннее средневековье	III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э., I тыс. н.э.	*Sinapis arvensis (1), Cenococcum (1)*
Чирва II	Культурный слой	Энеолит, бронзовый век, ранний железный век, раннее средневековье	III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э., I тыс. н.э.	*Chenopodium album (1), Picea needle (2), Abies needle (1), Cenococcum (2)*
Чирва II	Культурный слой	Энеолит, бронзовый век, ранний железный век, раннее средневековье	III тыс. до н.э., II тыс. до н.э., I тыс. до н.э., I тыс. н.э.	*Chenopodium album (47), Pinus needle (4), Galium verum (2), Polygonum aviculare (5), Sinapis arvensis (2), Vicia tetrasperma c.f. (7), Cenococcum (33)*
Пермский локальный вариант				
Черновское I городище	Площадка городища	Позднее гляденово	III-VI вв н.э.	*Hordeum vulgare (2), Triticum aestivum (6), Triticum dicoccum (7), Triticum spelta (2), spikelet Triticum dicoccum (4), Fragaria vesca (1), Lathyrus pratensis c.f. (1),Rubus idaeus (2), Alchemilla (1), Carex bicarpillata (1), Chenopodium album (11), Galium spurium (1), Ranunculus repens (1), Sinapis arvensis (3), Picea needle (1)*

Черновское I городище	Площадка городища	Позднее гляденово	III-VI вв н.э.	*Hordeum vulgare (1), Triticum aestivum (3), Triticum dicoccum (1), Triticum spelta (1), spikelet Triticum dicoccum (4), cf. Cerealia (2), Rubus idaeus (4), Alchemilla (2), Chenopodium album (11), Fallopia convolvulus (3), Sinapis arvensis (2), Trifolium cf. incarnatum (7), Abies needle (1), Pinus needle (1), Cenococcum (8)*
Черновское I городище	Площадка городища	Позднее гляденово	III-VI вв н.э.	*Hordeum vulgare (1), Triticum aestivum (3), Triticum dicoccum (1), Triticum spelta (1), cf. Cerealia (1), spikelet Triticum dicoccum (4), Setaria italica (3); Chenopodium album (10), Carex bicarpillata (1), Astragalus glycyphyllos (1), Fallopia convolvulus (1), Silene dioica (1), Picea needle (1), Pinus needle (1), Cenococcum (8)*
Черновское I городище	Площадка городища	Позднее гляденово	III-VI вв н.э.	*Hordeum vulgare (2), Triticum aestivum (2), Triticum dicoccum (4), Triticum spelta (1), spikelet Triticum dicoccum (4), cf. Cerealia (29), spikelet Triticum dicoccum (7), Setaria italica (1); Bromus (3), Rubus idaeus (68), Sambucus racemosa (2M), Chelidonium majus (2), Chenopodium album (288), Carum (1) , Galium aparine (1), Galium spurium (3), Polygonum aviculare (2), Ranunculus repens (1), Sanguisorba officinalis (12M), Trifolium cf. incarnatum (15), Picea needle (5)*
Черновское I городище	Площадка городища	Позднее гляденово	III-VI вв н.э.	*Triticum dicoccum (3), spikelet Triticum dicoccum (1), Alchemilla (1), Carex bicarpillata (1), Chenopodium album (1), Galium verum (1), Picea needle (33)*
Черновское I городище	Яма	Позднее гляденово	III-VI вв н.э.	*Hordeum vulgare (2), Triticum dicoccum (1), Cerealia fragment (4); Rumex acetosa (1), indeterminata (1)*
Черновское I городище	Вал	Позднее гляденово	III-VI вв н.э.	*Hordeum vulgare (2), Setaria italica (1); Chenopodium album (7), Linaria cf. vulgaris (1), Polygonum aviculare (2)*
Черновское I городище	Вал	Позднее гляденово	III-VI вв н.э.	*Fragaria vesca (1), Rubus idaeus (1M)*
Черновское I городище	Вал	Позднее гляденово	III-VI вв н.э.	*Hordeum vulgare (1), Setaria italica (2)*
Черновское I городище	Яма	Позднее гляденово	III-VI вв н.э.	*Triticum dicoccum (1), Triticum spelta (1); Galium spurium (1)*
Черновское I городище	Металлургический комплекс	Позднее гляденово	III-VI вв н.э.; C14: 433 – 592 н.э. (95.4%)	*Hordeum vulgare (5), Setaria italica (1), Triticum aestivum (3), Triticum dicoccum (2), Triticum spelta (2), Cerealia fragment (4); Chenopodium album (5), Fallopia convolvulus (2NC), Rubus idaeus (1M), cf. Sanguisorba officinalis (1M)*
Черновское I городище	Металлургический комплекс	Позднее гляденово	III-VI вв н.э.	*Setaria italica (1), Triticum aestivum (7), spikelet Triticum spelta (1); Carex bicarpillata (1), Chenopodium album (57), Galium boreale (1), Rumex acetosella (1), Sambucus racemosa (2M), Stellaria graminea (6), indeterminata (2, 3NC); Cenococcum (2)*
Черновское I городище	Металлургический комплекс	Позднее гляденово	III-VI вв н.э.; C14: 429 – 579 н.э. (95.4%)	*Hordeum vulgare (6), Triticum aestivum (4), Triticum diccocum (17), Triticum cf. diccocum (14), Cerealia fragment (34), cf. Cerealia (1), spikelet Triticum dicoccum (4), spikelet Triticum spelta (1), cf. Canabis sativa (1); Alchemilla (6M), Chenopodium album (48), Galium aparine (1), Galium spurium (1), Poaceae (1), Polygonum aviculare (3), Ranunculus repens (1), Rubus ideaus (3, 5M), Rumex acetosella (1NC), Silene cf. dichotoma (1), Silene dioica (1); Cenococcum (12)*
Гляденовское городище	Жилая/хозяйственная постройка	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Fragaria vesca (2); Cenococcum (15)*
Гляденовское городище	Хозяйственная постройка	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Hordeum vulgare (1); Chenopodium album (38), Galium sp. (1), Mentha aquatica (1NC); Polygonum sp. (1), Rubus idaeus (2M), Sambucus racemosa (1M), Vicia (3); Picea needle (3); Cenococcum (60)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Chelidonium majus (1), Chenopodium album (6), Galium spurium (2), Ranunculus repens (3), Rubus idaeus (4M), Sambucus racemosa (1M); Cenococcum (40)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Chelidonium majus (1), Chenopodium album (24), Galium verum (2), Polygonum (3), Rubus idaeus (11M), Sambucus racemosa (2M), Silene dioica (1); Abies needle (6), Picea needle (4); Cenococcum (40)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Rubus idaeus (1M), Sambucus racemosa (8); Cenococcum (3)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Triticum dicoccum (1); Chenopodium album (9), Ranunculus repens (3), Rubus idaeus (2M), Sambucus racemosa (1M); Picea needle (1)*

Гляденовское городище	Хозяйственная постройка	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Chenopodium album (21), Linaria cf. vulgaris (3), Mentha aquatica (3NC), Polygonum (1), Ranunculus repens (2), Rubus idaeus (6M); Abies needle (2), Picea needle (38); Cenococcum (40)*
Гляденовское городище	Окраина городища	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Chelidonium majus (1), Chenopodium album (1), Persicaria maculosa (1NC), Rubus idaeus (5M); Cenococcum (2)*
Гляденовское городище	Окраина городища	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Picea needle (1), Abies needle (1)*
Гляденовское городище	Ров	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Hordeum vulgare (1); Chenopodium album (1), Galium spurium (3), Rubus idaeus (2M), Sambucus racemosa (1M); Abies needle (1), Picea needle (1); Cenococcum (6)*
Гляденовское городище	Ров	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Clinopodium acinos (1NC), Galium verum (1), Rubus idaeus (2M); Cenococcum (1)*
Гляденовское городище	Ров	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*spikelet Triticum dicoccum (1); Rubus idaeus (1M)*
Гляденовское городище	Ров	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Rubus idaeus (3M), Utrica (2); Cenococcum (3)*
Гляденовское городище	Хозяйственная постройка	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Bromus (1), Chenopodium album (38), Galium spurium (2), Galium verum (1), Lamiaceae (1NC), Mentha aquatica (1NC), Polygonum (2); Abies needle (1), Picea needle (1); Cenococcum (90)*
Гляденовское городище	Хозяйственная постройка	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Chelidonium majus (5), Chenopodium album (3), Rubus idaeus (1M); Picea needle (1); Cenococcum (28)*
Гляденовское городище	Хозяйственная постройка	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Chenopodium album (4), Sambucus racemosa (1); Cenococcum (8)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Triticum dicoccum (1); Linaria cf. vulgaris (1), Sambucus racemosa (1M); Cenococcum (4)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*spikelet Triticum dicoccum (1), Chelidonium majus (1), Chenopodium album (8), Galium spurium (1), Polygonum (3), Sambucus racemosa (1M); Abies needle (1), Picea needle (2); Cenococcum (70)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Hordeum vulgare (1), Triticum dicoccum (2), cf. Cerealia (1); Galium (1); Cenococcum (8)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Hordeum vulgare (1), Triticum dicoccum (1), spikelet Triticum dicoccum (14), Carum (1) , Chenopodium album (2), Fallopia convolvulus (1), Linaria cf. vulgaris (1), Sambucus racemosa (1M)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Hordeum vulgare (1), Triticum dicoccum (1), spikelet Triticum dicoccum (2), Chenopodium album (4), Mentha aquatica (1NC), Rubus idaeus (3M)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*spikelet Triticum dicoccum (4); Brassicaceae (1), Chenopodium album (1), Fallopia convolvulus (4), Ranunculus repens (4), Rubus idaeus (12M); Cenococcum (11)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.; C14: 351 – 293 до н.э. (19.0%), 209 – 52 до н.э. (76.5%)	*Triticum dicoccum (3), spikelet Triticum dicoccum (31), Chenopodium album (3), Elymus repens (1), cf. Fumaria officinalis (1), Galium verum (3), Mercurialis perennis (1), Ranunculus repens (1), Rubus idaeus (2M), Sambucus racemosa (1M); Abies needle (1), Picea needle (1); Cenococcum (4)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Hordeum vulgare (1), Triticum dicoccum (4), Triticum spelta (1), spikelet Triticum dicoccum (3); Bromus (1), Fallopia convolvulus (1), Fragaria vesca (1), Sambucus racemosa (1M), cf. Sanguisorba officinalis (1M); Cenococcum (3)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Triticum dicoccum (2), spikelet Triticum dicoccum (3), Bromus (2), Galium verum (1), Glechoma (1NC), Polygonum aviculare (1); Cenococcum (3)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Triticum dicoccum (1), spikelet Triticum dicoccum (2); Rubus idaeus (1M)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Hordeum vulgare (2), spikelet Triticum dicoccum (2); Chenopodium album (1)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Chenopodium album (2), Rubus idaeus (1M), Sambucus racemosa (1M)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Hordeum vulgare (1), spikelet Triticum dicoccum (1), Chenopodium album (2), Galium rotundifolium (1), Cenococcum (1)*
Гляденовское городище	Придомовая территория	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Hordeum vulgare (2), spikelet Triticum dicoccum (5), Chenopodium album (4), Galium rotundifolium (1), Galium verum (3), Polygonum aviculare (1), Sambucus racemosa (1M), Sinapis alba (1); Picea needle (3)*

Гляденовское городище	Зернохранилище	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Hordeum vulgare (1), Triticum dicoccum (3), spikelet Triticum dicoccum (1), Chenopodium album (1), Fallopia convolvulus (1NC), Fragaria vesca (1), Rubus idaeus (1, 18M), Sambucus racemosa (5M), Sinapis alba (1), Stellaria (2), Abies needle (8), Picea needle (14), Cenococcum (12)*
Гляденовское городище	Зернохранилище	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.; C14: 337 – 329 до н.э. (1.5%), 198 – 44 до н.э. (94.0%)	*Hordeum vulgare (1), Triticum dicoccum (10), cf. Cerealia (3); Apiaceae (1), Chelidonium majus (1), Chenopodium album (6), Rubus idaeus (5M), Sambucus racemosa (1M), Sinapis alba (3); Abies needle (3), Picea needle (3)*
Гляденовское городище	Зернохранилище	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.; C14: 175 – 26 до н.э. (89.4%), 19 до н.э. – 8 н.э. (6.1%); 351–293 до н.э. (14.3%), 209 – 46 до н.э. (81.2%); 175 – 26 до н.э. (89.4%), 19 до н.э. – 8 н.э. (6.1%)	*Hordeum vulgare (1), Triticum dicoccum (9), Triticum spelta (3), spikelet Triticum dicoccum (22), cf. Cerealia (15); Polygonum (2), Sambucus racemosa (1M), Stellaria (1)*
Гляденовское городище	Зернохранилище	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.; C14: 353 – 285 до н.э. (27.8%), 229 – 92 до н.э. (63.1%), 77 – 54 до н.э. (4.6%); 234 – 381 н.э. (95.4%)	*Hordeum vulgare (3), Triticum dicoccum (8), Triticum spelta (3), cf. Cerealia (8), spikelet Triticum dicoccum (15); Bromus (3), Galium verum (3), Ranunculus aquatilis agg. (1M), Rubus idaeus (1M), Sambucus racemosa (1M), cf. Sanguisorba officinalis (1M), Sinapis arvensis (2), indeterminata (1)*
Гляденовское городище	Зернохранилище	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Hordeum vulgare (1), Triticum dicoccum (9), cf. Cerealia (2), spikelet Triticum dicoccum (59); Chenopodium album (2), Fragaria vesca (2), Galium boreale (1), Galium spurium (2), Galium verum (2), Rubus idaeus (3M), Sambucus racemosa (2M); Cenococcum (7)*
Гляденовское городище	Зернохранилище	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Hordeum vulgare (2), Triticum dicoccum (13), cf. Cerealia (1), spikelet Triticum dicoccum (8); Chenopodium album (1), Galium verum (2), Rubus idaeus (1M), Sambucus racemosa (6M), Sinapis arvensis (1)*
Гляденовское городище	Хозяйственная постройка	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Hordeum vulgare (1); Chenopodium album (13), Lamiaceae (2NC); Cenococcum (20)*
Гляденовское костище	Костеносный слой	Среднее гляденово	I-III вв. н.э.	*Alchemilla (1M), Chelidonium majus (9), Chenopodium album (27), Fallopia convolvulus (19NC), Galium spurium (7), Lamiaceae (6NC), Persicaria maculosa (3NC), Polygonum (1), Rubus idaeus (9, 6M), Sambucus racemosa (2, 9M), indeterminata (1), indeterminata fragment (30); Abies needle (3), Picea needle (4); Cenococcum (100)*
Гляденовское костище	Костеносный слой	Среднее гляденово	I-III вв. н.э.	*Cerealia fragment (1); Alchemilla (8), Chelidonium majus (3), Chenopodium album (13), Fragaria vesca (1), Lamiaceae (3NC), Mentha aquatica (1NC), Persicaria maculosa (2NC), Poaceae (2), Polygonum aviculare (3), Ranunculus repens (2), Rosaceae (1NC), Rubus idaeus (6, 12M), Sambucus racemosa (8, 21M), Stellaria graminea (1); Abies needle (6), Picea needle (9); Cenococcum (120)*
Гляденовское костище	Костеносный слой	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Alchemilla (2M), Astragalus glycyphyllos (1), Chelidonium majus (2), Chenopodium album (1), Elymus repens (1), Galium spurium (7), Polygonum (1), Sambucus racemosa (1M), Vicia angustifolia (8); Picea needle (2), Abies needle (2); Cenococcum (17)*
Гляденовское костище	Костеносный слой	Среднее гляденово	I-III вв. н.э.	*Hordeum vulgare (1), Triticum diccocum (1); Alchemilla (2M), Astragalus glycyphyllos (2), Chelidonium majus (4), Chenopodium album (5), Elymus repens (1), Galium aparine (2), Galium spurium (2), Mentha aquatica (1NC), Persicaria maculosa (2NC), Rubus ideaus (4M), Sambucus racemosa (2M), Vicia angustifolia (3); Abies needle (1); Cenococcum (30)*

Гляденовское костище	Костеносный слой	Среднее гляденово	I-III вв. н.э.	*Triticum diccocum (5); Alchemilla (10M), Chelidonium majus (10), Chenopodium album (8), Fallopia convolvulus (10NC), Galium aparine (1), Galium verum (7), Mentha aquatica (4NC), Rubus ideaus (3M), Sambucus racemosa (10M), Vicia angustifolia (3); Abies needle (4), Picea needle (7); Cenococcum (25)*
Гляденовское костище	Костеносный слой	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*cf. Cerealia (1), spikelet Triticum dicoccum (1); Chelidonium majus (1), Chenopodium album (1), Rubus ideaus (1M), Sambucus racemosa (3M), Trifolium sp.(1), Abies needle (1), Cenococcum (12)*
Гляденовское костище	Костеносный слой	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Alchemilla (1M), Chelidonium majus (2), Chenopodium album (5), Fallopia convolvulus (1NC), Galium spurium (4), Mentha aquatica (1NC), Ranunculus repens (1), Rubus ideaus (2M), Sambucus racemosa (2M); Abies needle (2); Cenococcum (20)*
Гляденовское костище	Костеносный слой	Позднее ананьино	V-IV вв до н.э.	*Alchemilla (1M), Chelidonium majus (2), Chenopodium album (1), Fallopia convolvulus (3), Persicaria maculosa (2NC), Rubus ideaus (2M); Picea needle (1); Cenococcum (10)*
Кала-Урын I могильник	Курганная насыпь	Позднее гляденово	III-V вв н.э.	*Chenopodium album (1), Polygonum aviculare (1), Sinapis arvensis (1), indeterminata (2)*
Кала-Урын I могильник	Курганная насыпь	Позднее гляденово	III-V вв н.э.	*Betula (2NC), Galium spurium (2), Potentilla (1M), Ranunculus repens (1), Rubus idaeus (3M), Viola tricolor (1), indeterminata (1NC); Abies needle (1NC), Picea needle (1NC), bud (2), charred wood (1), floret (1); Cenococcum (6)*
Кала-Урын I могильник	Канавка	Позднее ананьино / позднее гляденово	V-III до н.э./ III-V вв н.э.	*Galium spurium (5), Persicaria maculosa (1NC), Rubus idaeus (1, 1M), Stachis arvensis (2NC); bud (7); Cenococcum (5)*
Кала-Урын I могильник	Курганная насыпь	Позднее гляденово	III-V вв н.э.; C14: 774 – 785 н.э. (1.8%), 833 – 846 н.э. (1.4%), 876 – 995 н.э. (92.3%)	*Triticum dicoccum (1), Cerealia (1); Galium spurium (1), Mentha aquatica (1NC), Potentilla cf. rupestris (1NC), Rubus idaeus (6M, 2NC), indeterminata (1); Picea needle (4), bud (3); Cenococcum (10)*
Кала-Урын I могильник	Канавка	Позднее гляденово	III-V вв н.э.	*Hordeum vulgare (1), Triticum dicoccum (1), Asperula sp. (2), Chenopodium album (1), Galium spurium (6), Potentilla (1), Rubus idaeus (8NC), Sinapis arvensis (6), Stellaria holostea (1), Trifolium sp. (1), indeterminata (7)*
Кала-Урын I могильник	Канавка	Позднее гляденово	III-V вв н.э.	*Rubus idaeus (2NC)*
Кала-Урын I могильник	Канавка	Позднее гляденово	III-V вв н.э.	*Asperula sp. (1), Galium aparine (1), Galium spurium (1), Lathyrus pratensis (1), Poaceae (1), Ranunculus repens (1), Rubus idaeus (6NC), Sambucus racemosa (1), Sinapis arvensis (2); bud (12); Cenococcum (5)*
Кала-Урын I могильник	Курганная насыпь	Позднее гляденово	III-V вв н.э.	*Triticum dicoccum (1); Rubus idaeus (1), indeterminata (1)*
Кала-Урын I могильник	Канавка	Позднее гляденово	III-V вв н.э.	*Brassicaceae (1), Chenopodium album (1), Galium spurium (1); Rubus idaeus (1); Cenococcum (7)*
Кала-Урын I городище	Яма 1	Позднее ананьино / позднее гляденово	V-III до н.э./ III-V вв н.э.	*Hordeum vulgare (1), Triticum cf. dicoccum (1), Cerealia fragment (3), spikelet Triticum dicoccum (2); Ajuga reptans (2M), Alchemilla (2M), cf. Alchemilla (1M), Boraginaceae (1NC), Cirsium arvense (1NC), Carex bicarpillata (1, 1NC), Chelidonium majus (1), Chenopodium album (2), Chenopodium (1, 1M), Cirsium arvense (1NC), Poaceae (2), Polygonaceae/Fabaceae (1), Potentilla (1M), Sinapis arvensis (1), Stellaria media (1); Juniperus needle (1), charred wood (2); Cenococcum (6)*
Кала-Урын I городище	Яма 2	Позднее ананьино / позднее гляденово	V-III до н.э./ III-V вв н.э.	*Cerealia (1); cf. Alchemilla (1), Chenopodium album (1), Cirsium arvense (1NC), Potentilla (2NC), Silene dioica (2), Vicia angustifolia (1); Cenococcum (5)*
Кала-Урын I городище	Яма 3	Позднее ананьино / позднее гляденово	V-III до н.э./ III-V вв н.э.	*Hordeum vulgare (1), Triticum dicoccum (2), Cerealia (1); Ajuga reptans (1M), Alchemilla (6M), cf. Alchemilla (4M) Potentilla erecta (2M), Potentilla sp. (6M), Ranunculus cf. acris (1NC), Rumex perianth (1), Silene cf. dichotoma (1), indeterminata (1); Cenococcum (1)*
Кала-Урын I городище	Яма 4	Позднее ананьино / позднее гляденово	V-III до н.э./ III-V вв н.э.	*Triticum dicoccum (2), Cerealia (3), Cerealia fragment (1); Ajuga reptans (1M), Alchemilla (31), cf. Alchemilla (5), Fallopia convolvulus (1NC), Galium cf. boreale (1), Potentilla sp. (5M), Rumex acetosa (1), Sinapis arvensis (1), Taraxacum officinale (1NC), indeterminata (2NC)*
Мокинское поселение-могильник	Жилище	Среднее гляденово	I-III вв. н.э.	*Cerealia (1); Fallopia convolvulus (1), Galium spurium (2), Pimpinella saxifraga (4NC)*

Мокинское поселение-могильник	Жилище	Среднее гляденово	I-III вв. н.э.	*Bromus (1), indeterminata (9)*
Мокинское поселение-могильник	Жилище	Среднее гляденово	I-III вв. н.э.	*Triticum dicoccum (1), Cerealia (1), spikelet Triticum dicoccum (1), Chenopodium album (2), Rumex crispus (1), Sinapis arvensis (1), Stellaria aquatica/uliginosa (1), indeterminata (13); indetermined vegetative remains (10)*
Междуречье Сылвы и Ирени				
Калашниковское поселение-могильник	Курган 2	Позднее гляденово	IV-V вв н.э.	*cf. Cerealia (1); cf. Caryophyllaceae (1), Poaceae embrio (2), Rubus idaeus (3M), Rumex acetosella (1), indeterminata (6), charred wood (1); Cenococcum (1)*
Калашниковское поселение-могильник	Курган 2	Позднее гляденово	IV-V вв н.э.	*cf. Corydalis sp. (1), Epilodium palustre (1), Poaceae floret (2), bud (1), indetermined vegetative remains (1); Cenococcum (35)*
Калашниковское поселение-могильник	Курган 2	Позднее гляденово	IV-V вв н.э.	*Rubus idaeus (2M), Sambucus racemosa (1M), indetermined vegetative remains (3); Cenococcum (56)*
Калашниковское поселение-могильник	Курган 1	Позднее гляденово	IV-V вв н.э.	*Sambucus racemosa (1M), charred wood (3), indetermined vegetative remains (1); Cenococcum (6)*
Калашниковское поселение-могильник	Курган 1	Позднее гляденово	IV-V вв н.э.	*Rubus idaeus (1), Sinapis arvensis (2), charred wood (1)*
Калашниковское поселение-могильник	Курган 2	Позднее гляденово	IV-V вв н.э.	*Galium spurium (2), charred wood (3); Cenococcum (50)*
Калашниковское поселение-могильник	Курган 2	Позднее гляденово	IV-V вв н.э.	*charred fruit/bread/porridge ? (1); Cenococcum (6)*
Берег р. Сылвы	Обнажения			*cf. Cerealia fragment (1); cf. Solanum nigrum fragment (1), indeterminata (1NC), Cenococcum (6)*
Берег р. Сылвы	Обнажения			*cf. Saponaria officinalis (1), Sinapis arvensis (1), indeterminata (1); Cenococcum (6)*
Берег р. Сылвы	Обнажения			*Epilobium angustifolium (1), Galium rotundifolium (1); Cenococcum (9)*
Чашинское озеро III селище	Культурный слой	Неволино	VIII-IX вв. н.э.; C14: 702 – 741 н.э. (9.7%), 771 – 892 (85.7%)	*Triticum aestivum (2), Triticum aestivum/Triticum spelta (2), spikelet Triticum dicoccum (3); Chenopodium album (2), Galium verum (1); Cenococcum (16)*
Тулвинский микрорегион				
Кудашевское I городище	яма 2	позднее гляденово	IV-V вв н.э.	*Triticum dicoccum (3), Triticum spelta (2), Panicum miliaceum (1), cf. Cerealia (3); Galium spurium (1), Galium verum (1), indeterminata (11); charred wood (4)*
Кудашевское I городище	Яма 1	позднее гляденово	IV-V вв н.э.; C14: 255 – 286 н.э. (13.8%), 326 – 433 н.э. (81.7%)	*Hordeum vulgare (2), Triticum dicoccum (2), cf. Cerealia (1), spikelet Triticum dicoccum (1); Chenopodium album (1), Galium (11), Sambucus racemosa (1M), indeterminata (15); bud (1)*
Кудашевское I городище	вал	позднее гляденово	IV-V вв н.э.	*Hordeum vulgare (1); Ajuga reptans (1NC), Alchemilla (3M), Betula (1NC), Chenopodium album (2), Fallopia convolvulus (1NC), Rubus idaeus (1), Sambucus racemosa (1NC), indeterminata (7, 5NC); Abies needle (1NC), charred wood (2), indetermined vegetative remains (8); Cenococcum (54)*
Кудашевское I городище	вал	позднее гляденово	IV-V вв н.э.	*Hordeum vulgare (3); Chenopodium album (3), Ranunculus aquatilis agg. (1M), Rubus idaeus (1, 2M), Sambucus racemosa (2M), indeterminata (1, 1NC); Picea needle (1), charred wood (1), indetermined vegetative remains (6); Cenococcum (22)*
Бардымское V городище	Культурный слой	позднее гляденово	III-V вв н.э.	*cf. Cerealia fragment (1), cf. Apiaceae (1), Lathyrus pratensis (1), Rubus idaeus (1M), Stellaria aquatica/uliginosa (1), indeterminata (2)*

Рис. 1. Расположение опорных палинологических колонок и археологических памятников: а) опорные палинологические колонки; b) археологические памятники представленные в исследовании:
1 – Кудашевское I городище; 2 – Бардымское V городище; 3 – Чашинское III селище;
4 – Калашниковский могильник; 5 – Мокино I поселение-могильник; 6. Кала-Урын городище;
7 – Кала-Урын могильник; 8 – Гляденовское городище-костище; 9 – Черновское I городище; 10 – Ораловское озеро I поселение; 11 – Ораловское озеро II поселение;
12 – Камень Подбобыка (Светик) святилище;
13 – Кременной носок стоянка; 14 – Поздеевское озеро I стоянка; 15 – Поздеевское озеро II стоянка;
16 – Васюково II поселение; 17 – Чирва I поселение;
18 – Чирва II поселение; 19 – Чирва III поселение.

Fig. 1. Location of key palynological columnar sections and archaeological sites: a) key palynological columnar sections b) archaeological sites presented in the study:
1 – Kudash I hillfort; 2 – Bardym V hillfort; 3 – Chashinsky III settlement; 4 – Kalashnikovsky burial ground;
5 – Mokino I settlement-burial ground; 6 – Kala-Uryn hillfort; 7 – Kala-Uryn burial ground; 8. Glyadenovo hillfort-sanctuary; 9 – Chernovskoye I settlement; 10 – Oralovskoye Ozero I settlement; 11 – Oralovskoye Ozero II settlement; 12 – Kamen Podbobyka (Svetik) sanctuary;
13 – Kremennoy Nosok campsite; 14 – Pozdeevskoe Ozero I campsite; 15 – Pozdeevskoe Ozero II campsite;
16 – Vasyukovo II settlement; 17 – Chirva I settlement;
18 – Chirva II settlement; 19 – Chirva III settlement.

вые таблицы. Идентификация проводилась с помощью стереомикроскопа с использованием эталонных коллекций Гёттингенского университета и специализированных атласов идентификации (Bertsch, 1941; Cappers et al. 2006; Jacomet, 2006). Некоторые зерна злаков измерялись с помощью фотомикроскопа.

Результаты исследований

В общей сложности удалось определить 3317 растительных остатков и 1463 склероций ценококкума. Описанные плоды и семена растений относятся к 21 семействам и 64 родам, до вида удалось определить 62. 897 находок относятся к культурным растениям (зерна злаков, колоски, плоды конопли), 1973 к плодам и семенам дикорастущих растений, 462 находок к вегетативным частям (хвоя, древесина) (таблица 1). Большинство растительных остатков представлены в обугленном виде. Минерализованные остатки, особенно малины (*Rubus ideaus)*, бузины (*Sambucus racemosa*) и кровохлёбки (cf. *Sanguisorba officinalis)*, встречаются довольно часто в образцах между объектами. Не обугленные и неминерализованные остатки не включались в исследование.

Из-за большого разрыва временного (с неолита до раннего Средневековья) и территориального (протяжённость с 61° параллелью до 56° северной широты), отобранного количества проб, происходило сильное дифференцирование количества идентифицированных семян/плодов. Максимальное количество находок зафиксировано на Гляденовском городище — 1158, несколько меньше на Гляденовском костище (425), Черновском I городище (914). Концентрация растительных находок на литр более равномерная. Максимумы выше 6 экз/л наблюдаются в позднегляденовских городищах Черновское I (7,1 экз/л) и Кудаш I (6,5) и на селище неволинской культуры Чашинское озеро III (6,7), а минимумы 2 экз/л и менее — в курганных могильниках Кала-Урын (0,7), Калашниково (1,5) и Мокино (2,1). Концентрация в памятниках северного микрорегиона высокая только на поселении Васюково II, стоянке Чирва II и святилище Подбобыка (0,8). С общим числом находок

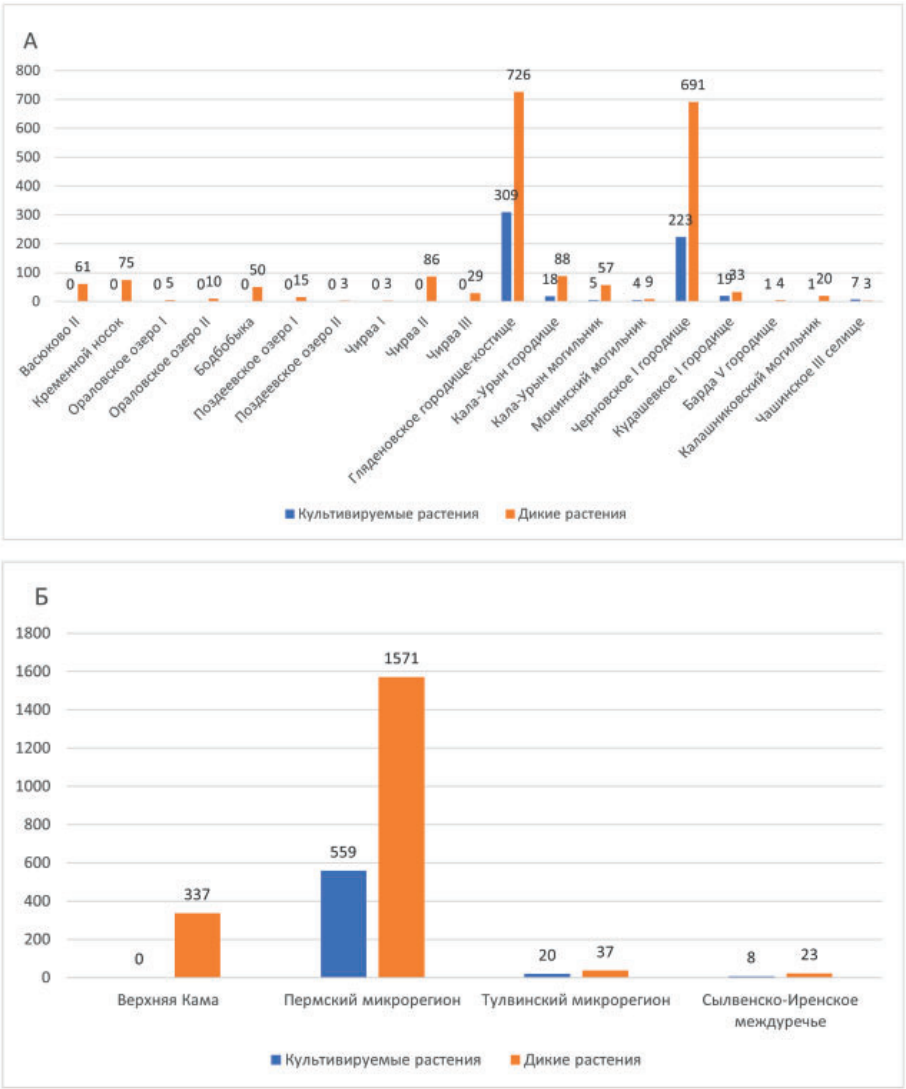


Рис. 2 Распределение остатков культурных и дикорастущих растений на изученных участках; А) общее количество находок по памятникам; Б) общее количество находок для по локальным вариантам культур.
Fig. 2 Distribution of the remains of cultivated and wild plants in the studied sites;
A) total number of finds by monuments; Б) total number of finds for local crop variants.

культурных и дикорастущих растений в более 1500 единиц хорошо представлена мулянская территория пермского локального варианта, а из других районов получили менее 100 находок. Наиболее представленными периодами являются позднеананьинский, где найдено более 1200 образцов, и позднегляденовский, представленный более чем 1000 находок (рис. 2).

Северный микрорегион в данном исследовании представлен многослойными, плохо стратифицированными памятниками, что усложняет интерпретацию растительных находок. И тем не менее, на всех поселениях микрорегиона ель, сосна, белая горчица, горошек четырёхсемянной, подмаренник настоящий, бореальный встречаются повсеместно. Концентрация и разнообразие семян выше в образцах из культурных слоёв, нежели чем из естественных отложений. Сорные виды выявлены только в культурных слоях, при этом они в малом количестве встречены на памятниках эпохи энеолита и бронзы, отсутствуют в слоях стоянок Поздеевское озеро I и II, Ораловское озеро I, поселения Ораловское озеро II. Самым распространённым сорным растением является марь белая, которая не встречается только на стоянке Чирва I, где найдены семена горца вьюнкового. Единичными находками представлены семена брусники в культурных слоях поселений Васюково II и Ораловское озеро II, очеретника белого на стоянке Чирва III, живучки ползучей на стоянке Подбобыка (Орлова и др., 2025а).

На территории пермского локального варианта (позднее ананьино – позднее гляденово) большинство видов как культурных, так и сорных, а также дикорастущих растений присутствуют на Гляденовском городище–костище, памятниках комплекса Кала-Урын, а также Черновском I городище. Образцы из Гляденовского городища (VI – IV вв. до н.э.) были получены из различных контекстов, таких как хозяйственные постройки, территории вблизи построек, с окраины поселения и из одного из рвов. Образцы одной из хозяйственных построек содержали сравнительно большое количество зерен злаков и вилочек колосков, что указывает на возможное использование ее в качестве зернохранилища. В зерновом комплексе преобладают полба (*Triticum dicoccum)* (74 экз.) и ячмень (*Hordeum vulgare*) (21 экз.) с некоторым количеством спельты (*Triticum spelta*) (7 экз) (рис. 3). Вилочки колосков полбы многочисленны – 175 экз. При этом на Гляденовском костище злаковые культуры практически не встречаются. В слоях Черновского городища, где значительную площадь занимает металлургический комплекс, культурные злаки выявлены практически повсеместно. Спектр культивируемых растений исключительно богат и включает зерна *H. vulgare*, пшеницы мягкой (*Triticum aestivum*), *T. dicoccum*, *T. spelta*, могара (*Setaria italica)*, конопли (cf. *Cannabis sativa*) и развилки колосков *T. dicoccum* и *T. spelta*. На всех поселениях фиксируются съедобные растения, такие как земляника лесная, малина обыкновенная. Среди остатков древесных представителей можно выделить иглы ели и пихты. Часто встречающимися травянистыми растениями являются подмаренник настоящий, щавель воробьиный, льнянка обыкновенная, горчица белая, звездчатка ланцетовидная. Виды сорной группы являются одной из многочисленных по концентрации семян, самой распространённой является марь белая, указывающая на наличие нарушенных местообитаний или зерновых полей в окрестностях. Также часто встречаются подмаренник цепкий, ложный, горец вьюнковый, звездчатка злаковая.

В тулвинском микрорегионе (на памятниках позднегляденовского времени) также встречаются представители всех групп. На городище Барда V зафиксированы фрагменты зерна и семена распространённых видов растительности. Спектр растительных видов на Кудашевском I городище выше, здесь встречаются зерновки *H. vulgare*, *T. dicoccum* (зерна – 5 и колосовидные вилки – 1), *T. spelta* (2 шт.) и проса (*Panicum miliaceum*) (1 шт.). Ель и пихта, а также сорные в основном были выявлены на Кудашевском I городище. Растения лугового сообщества встречены в Барде V – чина луговая. Хвоя древесных представителей, вероятно, указывает на леса в окрестностях поселений.

На Калашниковском могильнике образцы были получены под насыпями курганов, относящихся к культурно-хронологическому горизонту Тураево-Кудаш (4 четверть IV в.). Комплексы не содержат идентифицируемых остатков злаковых, но были выявлены представители луговой растительности – горчица белая, щавель воробьиный, кипрей узколистный и болотный, среди сорных – подмаренник ложный и паслён чёрный. При этом кипрей узколистый появляется первый на гарях и вырубках. Единственный образец, представляющий памятники неволинской культуры, был получен из Чашинского озера III (VII-VIII вв.). Он содержит зерна *T. aestivum* (рис. 3), *T. aestivum/T. spelta*, развилки колосков *T. dicoccum*, также были выявлены марь белая и подмаренник настоящий.

Были произведены замеры 110 зерновок по ширине и длине. Размер зерен *T. dicoccum* (72 зерна) варьируется от 1,71 до 6,29 × 0,99–3,08 мм (в среднем 3,93 ± 1,09 × 2,07 ± 0,5 мм). Зерна *H. vulgare* (15 зерен) крупнее: 2,94–6,73 × 1,96–3,03 мм (в среднем 4,7 ± 1,09 × 2,88 ± 0,45 мм). Схожие размеры у *T. aestivum* и *T. aestivum/spelta* (5 зерен вместе): 3,26–5,07 × 2,04–3,03 мм (4,5 ± 0,65 × 2,78 ± 0,37 мм) и *T. spelta* (8 зерен): 3,49–5,81 × 1,86–2,87 мм (в среднем 4,88 ± 0,82 × 2,5 ± 0,38 мм). У неопределенных злаков (9 зерен) размер варьируется от 2,58 до 3,93 × 1,22–2,63 мм (в среднем 3,1 ± 0,46 × 1,62 ± 0,48 мм). По распространённости культурных злаков полба имела доминирующие положение во всех поселениях. Всего выявлено 123 зерна полбы, что составляет 41% от общего количества зерен злаков, или вместе со 186 вилочками колосков 63% от общего количества находок остатков злаков. Полба встречается вместе с ячменем, что составляет 15% от общего количества находок зерен злаков.

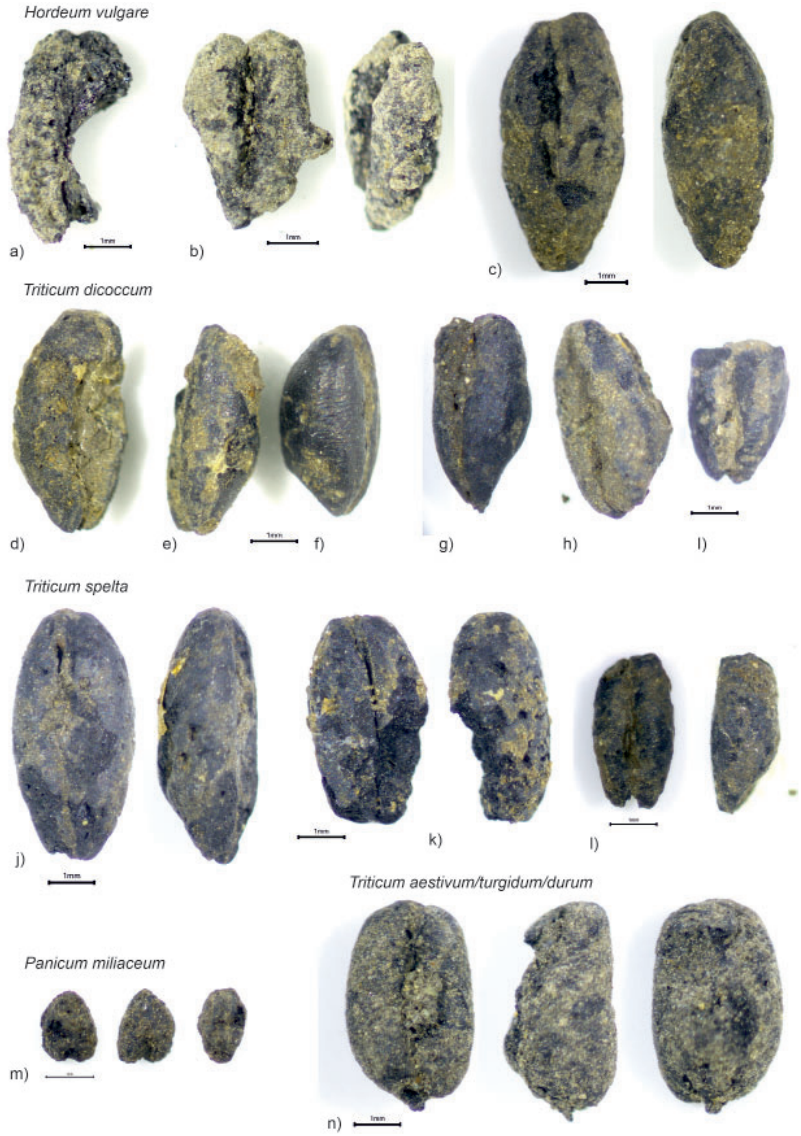


Рис. 3. Обугленные зерна злаков с археологических памятников раннего железного века в Пермском Приуралье. a)–c) Ячмень (Hordeum vulgare): a) , b) Черновское I городище; c) Гляденовское городище; d)–i) Полба (Triticum dicoccum); d)–f) Гляденовское городище; g)–i) Гляденовское городище; j)–l) Спельта (Triticum spelta): j), k) Гляденовское городище; l) Гляденовское городище; m) Просо (*Panicum miliaceum*): Городище Кудаш I; n) Пшеница мягкая (Triticum aestivum/turgidum/durum): поселение Чашинское озеро III.

Fig. 3. Carbonized cereal grains from archaeological sites of the Early Iron Age in the Perm Urals. a)–c) Barley (Hordeum vulgare): a) , b) Chernovskoye I settlement; c) Glyadenovo settlement; d)–i) Emmer (Triticum dicoccum); d)–f) Glyadenovo hillfort; g)–i) Glyadenovo hillfort; j)–l) Spelt (Triticum spelta): j), k) Glyadenovo settlement; l) Glyadenovo settlement; m) Millet (Panicum miliaceum): Kudash I hillfort; n) Common wheat (Triticum aestivum/turgidum/durum): Chashinskoye Ozero III settlement.

Также ранее были получены радиоуглеродные датировки (AMS) зерновок (Orlova et al., 2025). В большинстве случаев они согласуются с археологическими данными: даты из городищ Черновское I, Кудаш I и поселения Чашинское озеро III соответствуют археологической хронологии; самые ранние зёрна происходят из позднеаньинских слоев Гляденовского городища-костища (VI–IV вв. до н. э.), но не уходят дальше IV в. до н. э., концентрируясь в диапазоне III–I вв. до н. э.; одно зерно *T. dicoccum* датируется III в. н. э. — это указывает на непрерывное использование площадки памятника (Васильева, Коренюк, Перескоков, 2021).

В целом, объём и количество образцов различаются между памятниками, что затрудняет количественный анализ. Поэтому данные оцениваются преимущественно качественно. Наименьшая концентрация

растительных остатков — в захоронениях, наибольшая концентрация и разнообразие — в слоях поселений на городищах. Все образцы были получены из открытых контекстов, что означает непреднамеренное формирование комплексов. Исследование выявило большое разнообразие остатков культивируемых и дикорастущих растений. Это подтверждает перспективность археоботанических работ в регионе. В будущем стоит сосредоточиться на отборе проб из слоёв поселений и ям на городищах — они дают наиболее информативные данные, применять систематическую стратегию отбора с объёмом проб не менее 10 л.

Земледелие в Пермском Приуралье

В отличие от таёжных районов Прибалтики и Скандинавии (Grabowsky 2011; Sjögren and Arntzen, 2013), где данные по земледелию представлены убедительными находками зерна в неолите и бронзовом веке, появление земледелия в Пермском Приуралье произошло относительно поздно. По данным историографических источников первые сведения об земледелии появляются в бронзовом веке (Збруева, 1954; Оборин, 1956; Краснов, 1971), что согласуется с данными палинологических колонок с Пальтинского болота и озёр Кунгурской лесостепи (Shumilovskikh et al. 2020; 2021; Hiebenga et al. 2024; Batalova et al. 2025), где выявлены пыльцевые зёрна культурных злаков в гаринскую эпоху.

В раннем железном веке самые ранние свидетельства были выявлены ещё в раннеананьинский период в виде железных и костяных мотыг на Средней Каме, но находок зерна не известно (рис. 4). В северной части Ананьинской культурно-исторической общности и Гляденовской не было найдено злаков, что связано с малым объёмом отобранного (по 2 л) материала. При этом орудий обработки земли в Верхнем Прикамье также найдено не было, что может говорить и об отсутствии земледелия в северной микрорегионе (рис. 1). Климат и почва в данной местности были не пригодны для ведения земледелия, а технологии недостаточными для выращивания злаков в зоне средней тайги в раннем железном веке.

Самые ранние находки культурных злаков датируются IV в. до н. э., соответствующие позднеананьинскому периоду, найденные в слоях Гляденовского городища. Доминирующими зёрнами являются *T. dicoccum* (дата AMS IV – III вв. до н.э.). *H. vulgare* второй по популярности (дата AMS III – II вв. до н.э.), на последнем месте идёт *T. spelta* (дата AMS IV – III вв. до н.э.) (Orlova et al., 2025). Одно зерно полбы с того же памятника датируется III в., что указывает на непрерывное использование населением площадки памятника. Наличие колосовидных вилочек в хозяйственных постройках и на приусадебных территориях указывает на местное выращивание полбы, как и присутствие пыльцевых зёрен Cerealia в отложениях рва между нижней и средней площадкой городища (Орлова и др., 2025б). Орудиями обработки земли являлись металлические и костяные мотыги (Новокрещеных, 1914; Збруева, 1952; Завьялов и Терехова, 2021) (рис. 4).

В среднегляденовский период спектр возделываемых растений не менялся, полба оставалась доминирующей культурой, хотя образцов изучено мало, так что для проверки этого наблюдения требуются дальнейшие исследования. Тем не менее, развитие земледелия могло способствовать увеличению численности населения, что отразилось в росте числа поселений на среднем этапе гляденовской культуры (с I по начало III в. н.э.) и активному их появлению на притоках Камы – реках Сылва, Качка, Юг и Чусовая (Перескоков, 2018).

В позднегляденовский период на разных племенных территориях продолжала доминировать полба (наличие зерна и колосовидных вилок) и ячмень. В образцах этого периода увеличивается спельта (зерно и колосовидные вилки). Появляется мягкая пшеница (*T. aestivum*), обе культуры встречены на Черновском I городище. При этом просо обыкновенное (*P. miliaceum*) зафиксировано в яме на Кудашевском I городище, а могар и, возможно, конопля на Черновском I городище в разных контекстах. В образцах из ямы металлургического комплекса и слоях Черновского I городища фиксируется непрерывное участие пыльцевых зёрен культурных злаков в спорово-пыльцевых спектрах (Орлова, Шумиловских, Новоселова, 2025). Даты AMS зерна с позднегляденовских поселений согласуются с общими археологическими (IV–V вв.) (Orlova et al., 2025). Аналогичные находки зерна были выявлены в скоплении зерна в жилище на Осинском городище. Оно содержало 72,5% полбы, 27,5% ячменя и примесь мягкой пшеницы (*T. aestivum*) и овса (*Avena sativa*)

Рис. 4. Сельскохозяйственные орудия населения ананьинской и гляденовской культур: a) железная мотыга, Гремячанское поселение-святилище (VI–IV вв. до н.э.); b) бронзовая мотыга, поселение Машковская Дача I (VII–VI вв. до н.э.); c) железная мотыга, селище Коновалята (IV–V вв. н.э.); d) железная мотыга, селище Скородум (IV в. до н.э. – IV в. н.э.); e) костяная мотыга, Горюхалихинское городище (IV в. до н.э. – V в. н.э.); f, k) костяные мотыги, Пещерское городище (I–III в. н.э.); g) костяная мотыга, Черновское I городище (II–VI в. н.э.); h) железный серп, Кудашевский могильник (III–IV в. н.э.). i) костяная мотыга, Черновское I городище (II–VI вв. н.э.); j) костяная мотыга, Гляденовское костище. По С.Н. Коренюку, Ю.А. Полякову, О.А. Казанцевой, В.А. Оборину, Н.Н. Новокрещенных.

Fig. 4. Farming tools of the Ananyino and Glyadenovo cultures: a) iron hoe, Gremyachanskoe settlement-sanctuary (VI-IV centuries BC); b) bronze hoe, Mashkovskaya Dacha I settlement (VII–VI centuries BC); c) iron hoe, Konovalyata settlement (IV–V century AD); d) iron hoe, Skorodum settlement (IV century BC – IV century AD); e) bone hoe, Goryukhalikhinskoe hillfort (IV century BC – V century AD); f, k) bone hoes, Pechsherskoye hillfort (I–III century A.D.); g) bone hoe, Chernovskoye I hillfort (II–VI century A.D.); h) iron sickle, Kudashevsky burial ground (III–IV century AD). i) bone hoe, Chernovskoye I hillfort (II–VI centuries AD); j) bone hoe, Glyadenovo hillfort-sanctuary. As per: S.N. Korenyuk, Yu.A. Polyakov, O.A. Kazantseva, V.A. Oborin, N.N. Novokrestennykh.

(Генинг, 1959). Орудиями обработки земли также выступали мотыги из костей животных (несколько штук из рога лося) (Оборин, 1961), мотыги с железными наконечниками, крепившимися к деревянному стержню (Поляков, 1960; Бадер, 1960), серпы также могли использоваться для сбора урожая (Перескоков, 2018). Появление новых культур можно связать с культурно-экономическими связями местного населения с населением степи, а также появлением пришлых групп в эпоху Великого переселения (культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш) (Перескоков, 2018; 2020).

Памятники раннего Средневековья представлены лишь одним поселением неволинской культуры, Чашинское озеро III в Сылвенско-Иренском поречье. Зерна пшеницы мягкой, спельты и вилки колосков *T. dicoccum* были обнаружены в образцах с поселения, датируемого VII-IX вв. н. э. Даты AMS зерновки мягкой пшеницы подтвердили общеархеологическую периодизацию (Orlova et al., 2025). Несмотря на то, что были найдены другие виды рода *Triticum*, полба продолжала выращиваться, о чем говорят колосовидные вилочки пшеницы. Исследования Верх-Саинского I городища неволинской культуры подтверждают доминирование полбы и ячменя в сопровождении *Triticum aestivum/compactum*, ржи (*Secale cereale*) и *Avena sativa* - выявлено в общей сложности 12783 зерна полбы и 8656 зерен ячменя, что составляет 56% и 38% от общего количества злаковых зерен соответственно (Туганаев, Туганаев, 2003). Традиция выращивания преимущественно полбы и ячменя, по-видимому, продолжалась и в раннем Средневековье. Проанализировав археоботанические данные с памятников Восточной Европы, можно прийти к выводу, что регион Среднего Прикамья является уникальной территорией в Европе, где полба была доминирующей культурой, возделываемой в раннем железном веке и в раннем Средневековье. Подтверждением данного тезиса выступают археоботанические исследования на городище Иднакар чепецкой культуры, где выявлено доминирование полбы и ячменя в Вятском регионе. Кроме того, подчеркивается важность полбы для Волж-

ской Булгарии, существовавшей в IX-XIII вв. н. э. (Туганаев, Туганаев, 2007). Единственным памятником, где не была зафиксирована полба, является поселение Лобач, где обнаружены только ячмень и рожь (Голдина, 1985). К северу от Пермско-Мулянской территории население Ломоватовской культуры (VIII–X вв. н.э.) занимались земледелием, используя, например, *H. vulgare* в Лавряцком городище, а также *T. dicoccum* и горох (*Pisum sativum*) в Шудьякаре (Голдина, 1985). Исследователи данной эпохи высказывают мнение о продолжении бытования мотыжного земледелия. Но уже в родановскую эпоху полба уходит на второе место, а первостепенной культурой становится ячмень с разнообразной примесью *S. cereale*, *Avena* и *Triticum*. Вероятно, появление пашенного земледелия в родановское время (Сарапулов, 2014; 2015; 2019), привело к более высоким урожаям *H. vulgare* по сравнению с *T. dicoccum*, что изменило структуру посевов. *Cannabis sativa* и лён (*Linum usitatissimum*) также начинают активно возделываться в развитом Средневековье.

Наши находки свидетельствуют о длительной культурной традиции возделывания *T. dicoccum* и *H. vulgare* в Камско-Вятском регионе — предположительно, эта практика была привнесена сюда и сохранялась до позднего Средневековья и даже позднее. Этнографические данные подтверждают, что выращивание полбы оставалось частью хозяйственной культуры финно-угорских народов (коми-пермяков, коми-зырян, удмуртов), генетически и культурно связанных с ананьинскими обществами (Збруева, 1952; Краснов, 1971; Туганаев, Туганаев, 2007).

Исходя из найденных орудий труда и присутствия пыльцевых зёрен культурных злаков из региональных колонок (Shumilovskikh et al. 2020, Batalova et al. 2025; 2026), можно сделать вывод, что крайней северной точкой распространения земледелие в АКИО и ГКИО ограничивалось Средней Камой, к северу от 58° с. ш. возделывание злаковых культур не происходило до XI-XII вв. (Трофимова и др., 2016). Доминирование полбы в Пермском Приуралье со времен раннего железного века контрастирует с общей картиной земледелия в Западной Европе, где полба фиксируется только в неолите и бронзовом век, а в раннем железном веке уходит на вторые позиции после ячменя. На территории Восточно-Европейской равнины доминируют просо и ячмень (Salova et al., 2024), что сильно отличается от данных в Прикамье. Выращивание именно полбы и ячменя может быть связано с культурными и хозяйственными контактами ананьинцев с представителями кобанской культуры Кавказа на раннем этапе, а в позднем со скифским и ранним сарматским населением, и иранскими племенами (Збруева, 1954; Чижевский и др., 2021). Приверженность выращиванию этих видов является по всему традицией, так как она существовала с раннего железа до Средневековья, а по этнографическим данным сохраняла своё значение и в начале XX в.

Ранее были проведены изотопные исследования 12 зерен полбы и 5 зерен ячменя из Гляденовского городища (Orlova et al., 2025). В сочетании изотопов и размеров зерновок получились следующие данные: зерна полбы со средним размером 3,93±1,09 x 2,07±0,5 мм относительно малы по сравнению с зернами полбы из Верх-Саинского I городища (5,93×2,82×2,22 мм) или городища Иднакар развитого Средневековья (5,8×2,73×2,22 мм). Ячмень также имеет довольно мелкие зерна со средним размером 4,7±1,09 x 2,88±0,45 мм по сравнению с теми же средневековыми поселениями (6,36×3,22×2,54 мм) и (6,33×3,21×2,59 мм). Значения изотопов указывают на то, что ячмень выращивался в условиях, возможно, относительно более высокой доступности воды и явно более высокого снабжения питательными веществами, чем полба. Сравнительно низкие значения δ 13C ячменя могут быть вызваны как способом выращивания ячменя, например, в тени деревьев или в более влажных условиях, так и засухоустойчивостью ячменя по сравнению с другими злаками. Оба вида характеризуются устойчивостью к суровым условиям. Полба (*Triticum dicoccum*) в настоящее время не возделывается, однако она известна своей устойчивостью к засушливым периодам, обеспечивая высокие урожаи в засушливые годы. Ячмень обыкновенный (*Hordeum vulgare*) характеризуется коротким вегетационным периодом до 45 дней от всходов до колошения в лесной зоне. Поэтому его возделывают в суровых климатических условиях. Однако ячмень требует богатых питательными веществами почв, то есть его нужно удобрять (Вавилов, 1986).

Вопрос о способе ведения земледелия остаётся открытым (Збруева, 1952). Но мы можем предполагать, что оно было подсечно-огневым. На это указывают следующие данные: изотопы в злаках, растущие на лесных почвах, демонстрируют δ 15N, близкий или даже ниже ноля (Schlütz F. et al., 2023), высокие положительные значения δ 15N гляденовских злаков указывают на довольно интенсивное удобрение навозом и в позднеананьинский период.

Археозоологические данные показывают устоявшееся разведение лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2018), но остается под вопросом, были ли в домах конюшни и навозные кучи или навоз для удобрения собирали от пасущихся животных, как это практиковалось в этом районе еще в прошлом веке и даже сегодня. Стойловое содержание подтверждается наличием копротрофных грибов в палинологических спектрах из комплекса построек раскопа II на нижней площадке Гляденовского городища (Орлова и др., 2025б) и в спектрах культурных слоёв из Черновского I городища (Орлова, Шумиловских, Новоселова, 2025). Косвенным свидетельством присутствия животных в поселениях являются многочисленные находки минерализованных плодов *Alchemilla* sp. Они были найдены на городищах Кала-Урын, Черновское I, Кудаш I, Гляденовском городище, Гляденовском костище и стоянке Подбобыка. Манжеткой могут зарастать хорошо унавоженные луга, и она идеально подходит для сенокоса. Тот факт, что плоды манжетки найдены исключительно минерализованными, указывает на богатые фосфором условия хранения. Вероятнее всего, манжетка была съедена животными, а мелкие семена были выделены и минерализованы в богатом фосфатом навозном помете (Schlütz, Bittmann, 2015).

В пользу гипотезы о подсечно-огневой форме земледелия свидетельствуют и ранее приведённые находки орудий для рубки деревьев – топоры. Наличие локальных пожаров вблизи поселений подтверждается анализом макроугля, где происходит резкое увеличение его концентрации, начиная с 2,4 тыс. л.н. (Batalova, et al., 2025). Аналогичная тенденция прослеживается в микроугольных записях из разреза Пальтинского болота (Пермский регион) (Shumilovskikh et al., 2020). Такое увеличение пожарной активности можно объяснить подсечно-огневым земледелием, а также общим увеличением плотности населения в этом районе (Перескоков, 2018). По данным изотопных исследований лесные пожары могут приводить к потере нитрата в почве, при этом увеличивают δ15N на короткое время сразу после сжигания. Это предполагает увеличенное значение N зерновых культур, которые сеялись сразу после выжигания леса. Карбонизированные остатки растений могли усиливать эффект последующего удобрения, способствуя удержанию питательных веществ из навоза в почве (Szpak, 2014). Для этого требуются проведение эксперимента по посадке зерновых культур данным способом, так как высаженный материал в открытый грунт летом 2023 г. на Гляденовском и Черновском I городищах не дал всходов.

Говоря о месте земледелия в хозяйственно-культурном типе у населения раннего железного века и раннего Средневековья в Пермском Приуралье, то оно не могло являться преобладающим, так как выявленно довольно низкое количество находок зерна в целом. К сожалению, небольшое количество выявленного материала и его неоднородность по археологическим объектам в количестве собранным (разное соотношение отобранных образцов по поселениям) не позволяет нам определить точную роль земледелия – скорей всего оно было второстепенным. Конечные продукты земледелия употреблялись в пищу, предположительно, из злаков могли варить кашу и пиво. Возможно увеличение роли земледелия, вплоть до ведущей в некоторых микрорайонах неволинской культуры, стало возможным в процессе переселения из широких камских пойм (гляденовского ареала) местного населения в ареал формирующихся неволинской и ломоватовской культур и поиска новых механизмов адаптации к территории непригодной к привычным формам хозяйства с основой на скотоводство. Развитию земледелия способствовало включение региона в активную меховую торговлю, что способствовало появлению новых сельскохозяйственных культур в этот период.

Дикорастущие растения

Большинство обнаруженных дикорастущих растений распространены в южной и средней тайге. В комплексах также представлены неморальные виды, указывающие на подтаёжные леса: живучка ползучая (*Ajuga reptans)*, чисто-

тел большой (*Chelidonium majus)*, пролесник многолетний (*Mercurialis perennis)*, бузина красная (*Sambucus racemose*), мыльнянка лекарственная (*Saponaria officinalis*), звездчатка ланцетовидная (*Stellaria holostea*). Два вида, характерные для Кунгурской лесостепи астрагал солодколистный (*Astragalus lycyphyllos*) и подмаренник настоящий (*Galium verum*), могли распространиться в период сильного раскрытия ландшафта — это подтверждают палинологические записи (Shumilovskikh et al., 2020; Batalova, et al., 2025).

Основные находки связаны с антропогенной активностью, т.к. большая часть образцов происходит из Гляденовского и Черновского I городищ. Среди находок выделяются синантропные и сорные виды, свидетельствующие о нарушенных местообитаниях и земледелии. Марь белая (*Chenopodium album*) была выявлена практически в слоях всех исследуемых поселений, кроме Бардымского V городища, Калашниковского могильника, стоянок Ораловское озеро I, II, Поздеевское озеро I, II и Чирва I. Марь произрастает на сухих лугах, вдоль дорог, свалок, на пахотных и залежных землях (Иллюстрированный определитель растений …, 2007) и могла использоваться в пищу в доисторические времена (Губанов, Крылова, Тихонова, 1976). Горец вьюнковый (*Fallopia convolvulus)*, второй сорный вид, встречающийся в слоях большинства поселений, растёт на нарушенных почвах вдоль дорог, берегов рек и свалок. Семена часто встречаются вместе с зерновыми культурами, могли употребляться в пищу в древности. Подмаренник ложный (*Galium spurium*) и цепкий (*G. aparine*) распространены от средней тайги до подтаёжных лесов на зерновых полях, пойменных лугах, берегах рек и свалках. Горчица полевая (*Sinapis arvensis*) синантропный вид, растёт на полях, залежных землях, вдоль дорог и на лугах. Горошек узколистный (*Vicia angustifolia*) (15 семян) найдена в пробах с Гляденовского костища и на городище Кала-Урын, произрастает на полях, залежных землях, лесных полянах и пойменных лугах. Горец птичий (*Polygonum aviculare*) устойчив к вытаптыванию, часто встречается в деревнях между домами и вдоль тропинок. Обнаружен на Гляденовском и Черновском I городищах и курганном могильнике Кала-Урын. Другие виды, произрастающие на полях и залежных землях: тмин, пырей ползучий, дымянка, чина луговая, льнянка обыкновенная, щавель воробьиный, смолёвка, горчица белая, звездчатка злаковая, фиалка трёхцветная (Баранова и Пузырев, 2012).

Выявленные травянистые растения выступают как индикаторы условий среды. Крапива (*Urtica* sp.) — указывает на эвтрофные местообитания вокруг поселений. Щавель (*Rumex*) (небольшое количество видов) — может свидетельствовать о чрезмерном выпасе скота или нарушении местообитаний. Кипрей узколистный (*Epilobium angustifolium*) — пионерный вид на выгоревших и вырубленных лесах в бореальной зоне. Хвоя пихты (*Abies*) и ели (*Picea*) — признак лесов в окрестностях поселений. Также выявленная хвоя пихты и ели в слоях Очагов (стоянка Подбобыка, Чирва II, Гляденовское и Черновское I городище), очевидно использовалась как топливо для обогрева (Орлова и др., 2025а). Редкие находки болотных и пойменных видов (кипрей болотный, лютик водный, кровохлёбка лекарственная, клюква болотная и брусника) — указывают на местообитание в прибрежных зонах.

Плодовые и другие растения могли использоваться как потенциальные источники пищи. Хотя для подтверждения пищевого использования необходимы анализы остатков пищи или кишечника, некоторые виды можно рассматривать как пищевые ресурсы: земляника (*Fragaria vesca*), клюква (*V. oxycoccum*), брусника (*V. vitis-idaea*) — собирают и употребляют в сыром, варёном или сушёном виде. Малина (*Rubus idaeus*) — пионерный вид в выгоревшем лесу (Batalova et al., 2025). Тмин (*Carum carvi*) — масличное растение и пряность, могло использоваться в кулинарии. *C. album*, *F. convolvulus*, *R. acetosella* — потенциально съедобные виды. Горчица полевая (*Sinapis arvensis*) — сегодня широко используется в салатах.

Найденные растительные остатки позволяют реконструировать природные условия (наличие лесов, болот, пойменных лугов, лесостепных участков), антропогенное воздействие (земледелие, выпас скота, нарушение местообитаний), а также оценить хозяйственное использование растений (пища, пряности) и уточнить ландшафтные изменения (вырубки, пожары, раскрытие ландшафта).

Выводы

Данное археоботаническое исследование проливает свет на ранее спорные момен-

ты, например, существование земледелия в Пермском Приуралье, которое носило дискуссионный характер, в первую очередь из-за неподходящих условий для ведения сельского хозяйства. Полученные нами данные являются первыми свидетельствами земледелия в лесной зоне Прикамья. Оно точно фиксируется в позднеананьиское время, не позднее IV веке до н. э. Выявленные орудия труда на поселениях эпохи бронзы и раннеананьинского времени лишь косвенно может указывать на более ранние даты земледельческих практик. Северная граница возделывания сельскохозяйственных культур находилась на 58° с.ш., где были распространены южнотаёжные леса в раннем железном веке и расширилась на север в эпоху средневековья.

Ведущей земледельческой культурой, начиная с эпохи позднего ананьино и вплоть до неволино, была полба, вместе с ней выращивались ячмень и спельта. Все три культуры могут вызревать на бедных почвах и при прохладном климате. Доминирование полбы является самобытной особенностью Пермского Приуралья. На позднем этапе гляденовской культуры к полбе, ячменю и спельте добавляется пшеница мягкая. Наличие проса в пробах с Кудашевского I городища и могара с коноплёй в Черновском I городище, вероятно, связано с появлением групп степного населения в Среднее Прикамье, соотносящееся с культурно-хронологическим горизонтом Тураево-Кудаш (Перескоков, 2022). В неволинское время доминирующая роль полбы и ячменя продолжает сохраняться, также возделывались спельта и мягкая пшеница. Вероятно, у населения неволинской культуры повышается роль земледелия в структуре хозяйственно-культурного типа. Эти культуры имели важное значение для Камско-Вятского региона в раннем средне-вековье.

В технологическом плане земледелие с раннего железного века до раннего Средневековья (X в до н. э. – X в.) оставалось преимущественно мотыжным. Возможно, использовались удобрения навозом с IV в. до н. э., о чем свидетельствуют изотопные исследования и наличие в палинологических спектрах копротрофных грибов (Орлова и др., 2025б). Изотопы указывают на различные условия выращивания полбы и ячменя. Ячмень выращивался в условиях более высокой доступности воды и явно более высокого содержания питательных веществ, чем полба (Orlova et al., 2025). Форма ведения земледелия, вероятно была подсечно-огневой, что подтверждается увеличением фона древесного угля и пожарами по палинологическим данным (Batalova et al., 2025). Злаковые культуры, по-видимому, являлись яровыми, на что указывают сорные виды, произрастающие в посевах яровых культур – марь белая, подмаренник цепкий, подмаренник ложный. Конечные продукты земледелия употреблялись в пищу. Земледелие медленными темпами развивалось, но оставалось на втором месте в производящей экономике местного населения после скотоводства вплоть до родановского времени (Сарапулов, 2014).

Широкий спектр рудеральных растений, представленный в археоботанических и палинологических образцах, фиксируют высокое антропогенное влияние на растительный покров вблизи поселений (вырубка лесов, оголённые почвы, выпас скота). Найденная хвоя ели и пихты в Очагах разных территориальных и временных поселений говорит об использовании этих древесных видов для топлива. Выявленные находки сорных растений в слоях поселений Верхней Камы предполагают антропогенную нагрузку на близлежащий ландшафт, который, по нашим данным, фиксируется с неолита (стоянка Кременной носок, V тыс. до н.э.). Плодовые растения (марь белая, горец вьюнковый, малина обыкновенная, земляника лесная, брусника), представляющие 1/10 от всех выявленных макроостатков, произрастали вблизи поселений и могли собираться местным населением для употребления в пищу.

Результаты нашей работы становятся ещё одной ступенькой к реконструкции взаимодействия древних сообществ и природной среды в позднем голоцене на территории Пермского Приуралья. Дальнейшие исследования в регионе с применением систематического отбора проб разных эпох, начиная с эпохи энеолитаи бронзы, крайне необходимы для проверки предложенной гипотезы о земледелии и методах его ведения в регионе рискованного сельского хозяйства, а также предоставления более подробной информации об использования растительных ресурсов древним человеком и влиянии его деятельности на природный ландшафт.

Примечание:

[1]Пробы для анализа были отобраны в ходе раскопок и разведочных работ сотрудников НИЦ КАЭ ПГНИУ Д.А. Майстренко (Камень Подбобыка (Светик) святилище (2021-2022); Чирва II, стоянка (2022); Ораловские I и II поселения (2022); М.Л. Перескокова (Кала-урын, могильник (2020); Гляденовское городище-костище (2020); Черновское I городище (2020); Калашниковский могильник (2020); Кременной носок стоянка (2024); Чирва I стоянка (2024); Чирва III стоянка (2024) Васюковское II поселение (2024); Поздеевское озеро I и II стоянки (2024); А.В. Васильевой (Гляденовское городище-костище (2019; 2021); Черновское I городище (2019, 2021); Д.А. Якимовой (Кудашевское I городище (2020); Бардымское V городище (2020); Чашинское III селище (2020); Кала-Урын городище (2022); Кала-Урын могильник (2022), за что авторы выражают исследователям благодарность.

ЛИТЕРАТУРА

Атлас Пермского края / Отв. ред. С.В. Пьянков. Пермь: ПГНИУ, 2012. 124 с.

Бадер О.Н. Очерк шестилетней работы Камской археологической экспедиции (1947–1952) // Ученые записки Молотовского государственного университета имени А. М. Горького. Т. 9. Харьков: ХГУ, 1953, С. 3–88.

Бадер О.Н. Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры // Ученые записки ПГУ. Т. 12. Вып. 1 / Труды КАЭ. Вып. 3 / Отв. ред. В.Ф. Тиунов. Пермь: ПГУ, 1960. С. 132–150.

Баранова О.Г., Пузырев А.Н. Конспект флоры Удмуртской республики (сосудистые растения). Ижевск: Ижевский институт компьютерных исследований, 2012. 211 с.

Вавилов П.П. Растениеводство. М.: Агропромиздат, 1986. 512 с.

Васильева, А.В. Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Основные итоги более чем 120-летнего изучения Гляденовского костища // Гляденовское городище-костище в контексте культур раннего железного века и эпохи великого переселения народов лесной полосы Евразии / Отв. ред. С.Н. Коренюк, М.Л. Перескоков. Пермь: ПГНИУ, 2021. С. 8–57.

Генинг В.Ф. Осинское городище // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. С.В. Киселёв. М.: ИА АН СССР, 1959. С. 164–195.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Губанов И.А. Крылова И.Л., Тихонова В.Л. Дикорастущие полезные растения СССР. М.: Мысль, 1976. 360 с.

Денисов В.П. Свидетели древности – камень, бронза, железо // На Западном Урале. Вып. 5 / Сост. Л.Г. Дворсон. Пермь: Пермский областной краеведческий музей 1969. С. 312–327.

Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Черная металлургия в лесной и лесостпной зоне Волго-Уралии в IX–II вв. до н.э. // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 365–372.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Збруева А.В. Население берегов Камы в далеком прошлом // По следам древних культур От Волги до Тихого океана / Ред. Б.Г. Федоров. М.: Государственное издательство культурно-просветительской литературы, 1954. С. 97–130.

Иллюстрированный определитель растений Пермского края / под ред. С.А. Овеснова. Пермь: Перм. гос. ун-т.; Кн. мир, 2007. 743 с.

Коренюк С.Н. К вопросу о датировке начального этапа ананьинской культуры Волго-Камья // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11, № 2. С. 265–270.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Возникновение и развитие производящей экономики в таежной зоне Среднего Приуралья (поздний энеолит – начало раннего средневековья) // Тверской археологический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2018. С. 18–30.

Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Памятники гляденовской культурно-исторической общности Среднего Прикамья // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 539–561.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.: Наука, 1971. 168 с.

Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костище // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Т. XI. Пермь, 1914. С. 19–97.

Оборин В.А. К истории земледелия у древних коми-пермяков // СЭ. 1956. № 2. С. 66–75.

Оборин В.А. Отчет о работах Черновского отряда Воткинской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в июле 1960 г. Пермь, 1961 // Архив КАЭ ПГНИУ. Д. 57.

Орлова, Е.М., Шумиловских Л.С., Новоселова Л.В. Влияние антропогенного фактора на формирование растительного покрова в раннем железном веке в Пермском регионе // Экологическая безопасность в условиях антропогенной трансформации природной среды: Сборник материалов всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием, посвященной памяти Г.А. Воронова, Н.Ф. Реймерса и Ф.Р. Штильмарка (Пермь, 23–26 апреля 2025 года). Пермь: ПГНИУ, 2025. С. 89–93.

Орлова Е.М., Шумиловских Л.С., Перескоков М.Л., Майстренко Д.А. Первые результаты палеоботанических исследований на памятниках Северного Приуралья // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда в Красноярске. Т. III / Отв.ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.В. Поляков, П.В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2025а. С. 313–314.

Орлова Е.М., Шумиловских Л.С., Перескоков М.Л., Новоселова Л.В. Палинологические исследования культурных слоёв фортификационного объекта Гляденовского городища (костища) // Палинология в XXI веке: Материалы XVI Всероссийской палинологической конференции, посвященной 145-летию со дня рождения В.Н. Сукачева (Москва, 22–26 сентября 2025 года) / Отв. ред. Е.Ю. Новенко, Н.С. Болиховская. М.: ИГ РАН, 2025б. С. 255–258.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГНИУ, 2018. 320 с.

Перескоков М.Л. К вопросу о верхней дате существования гляденовской культуры: динамика культурной трансформации // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 1 (48). С. 34–49.

Перескоков М.Л. Комплексы III века гляденовской культуры Пермского Прикамья (к вопросу об интеграции в систему связей Восточной Европы) // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 1 (56). С. 48–71.

Перескоков М.Л., Козьякова П.С. Модели поселенческих структур населения Пермского Прикамья в раннем железном веке // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1 (64). С. 26–38.

Поляков Ю.А. Коновалятское селище // Ученые записки ПГУ. Т. 12. Вып. 1 / Труды КАЭ. Вып. 3 / Отв. ред. В.Ф. Тиунов. Пермь: ПГУ, 1960. С. 207–218.

Сарапулов А.Н. Системы земледелия на территории Пермского Предуралья в VII-XV вв. // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 1. С. 6–15.

Сарапулов А.Н. Средневековое земледелие пермского Предуралья по археологическим данным. Пермь: ПГГПУ, 2015. 170 с.

Сарапулов А.Н. О южнорусском следе в возникновении пашенной формы обработки земли на территории Пермского Предуралья (по археологическим данным) // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 184–188.

Трофимова, С.С., Крыласова Н.Б., Сарапулов А.Н. Археоботанические исследования средневекового Рождественского городища (Пермский край) // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2016. № 3. С. 23–29.

Туганаев А.В., Туганаев В.В. Состав и структура агроценозов Кунгурской лесостепи в раннее и среднее Средневековье (VI–IX вв. н.э.) // Вестник Удмуртского университета. 2003. № 1. С. 69–80.

Туганаев А.В., Туганаев В.В. Состав, структура и эволюция агроэкосистем европейской России (лесная и лесостепная зоны) в Средневековье (VI–XVI вв. н.э.). Ижевск: Удмуртский университет, 2007. 197 с.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Коренюк С.М. Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 186–216.

Batalova V., Sannikov P., Pereskokov M., Mingalev V., Vyazov L., Salova J., Novikova E., Mekhonoshina E., Orlova E., Shumilovskikh L. Natural conditions and sociocultural development in the Mid-Kama region (Cis-Ural, Russia) over the last ten millennia: insights from the Shabunichi-1 peat core // Vegetation History and Archaeobotany. 2025. Vol. 34. P. 439–458. DOI 10.1007/s00334-024-01025-4

Batalova V., Sannikov P., Kopytov S., Novikova E., Orlova E., Pereskokov M., Mingalev V., Vyazov L., Shumilovskikh L. Palaeoecological signals from floodplain and terrace peatlands decipher ancient land use in the Mid-Kama Valley (cis-Ural, Russia) // Anthropocene. 2026. Vol. 53. P. 100524, doi.org/10.1016/j.ancene.2025.100524

Bertsch K. Früchte und Samen: ein bestimmungsbuch zur pflanzenlcunde der vorgeschichtlichen zeit. Ravensburg. Stuttgart: Verlag von Ferdinand Enke. 1941. 298 p.

Cappers R.T.J., Bekker R.M., Jans J.E.A. Digitale Zadenatlas van Nederland: Digital Seed Atlas of the Netherlands / Groningen Archaeological Studies. Vol. 4. Groningen: Barkhuis Publishing, 2006. 528 p.

Grabowski R. Changes in cereal cultivation during the Iron Age in southern Sweden: a compilation and interpretation of the archaeobotanical material // Vegetation History and Archaeobotany. 2011. Vol. 20. P. 479–494.

Hiebenga M., Orlova E., Pereskokov M., Abdulmanova I., Sannikov P., Batalova V., Novikova E., Mekhonoshina E., Giesecke T., Shumilovskikh L. Holocene vegetation of the Kungur forest-steppe (cis-Urals, European Russia): case study Uinskoe mire // Quaternary Science Reviews. 2024. Vol. 337. P. 108792. DOI 10.1016/j.quascirev.2024.108792.

Jacomet S. Identification of cereal remains from archaeological sites. Basel: IPAS, 2006. 61 p.

Orlova E., Batalova V., Schlütz F., Pereskokov M., Shumilovskikh L. Archaeobotanical and isotope studies evidence crop cultivation already during the Early Iron Age in the boreal forests of the cis-Urals (Kama river basin) // Vegetation History and Archaeobotany. 2026. Vol. 35. P. 287–312 – DOI 10.1007/s00334-025-01053-8

Salova, Ju., Vyazov L., Beneš Ja. When Barley and Wheat Meet Millet: Cereal Cultivation Patterns in the Forest and Forest-Steppe of Eastern Europe from the Early Iron Age to the Early Middle Ages // Interdisciplinaria Archaeologica: Natural Sciences in Archaeology. 2024. Vol. XV, No. 2. P. 167–181.

Schlütz F., Bittmann F. Archäobotanische und pollenanalytische Untersuchungen zu Subsistenz und Umwelteinfluss der bronzezeitlichen Siedlung Fidvár bei Vráble (Slowakei) // Siedlungs- und Küstenforschung im südlichen Nordseegebiet. 2015. Vol. 38. P. 271–285

Schlütz F., Hofmann R., Dal Corso M. et al. Isotopes prove advanced, integral crop production, and stock-breeding strategies nourished Trypillia mega-populations // Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 2023. No 120(52): e2312962120. doi: 10.1073/pnas.2312962120.

Shumilovskikh L.S, Shmidt M.,Pereskokov M.L., Sannikov P.U. Postglacial history of East European boreal forests in the mid-Kama region, pre-Urals, Russia // Boreas. 2020. No 3 (49). P. 526–543.

Shumilovskikh L., Sannikov P., Efimik E., Shestakov I., Mingalev V. Long-term ecology and conservation of the Kungur forest-steppe (pre-Urals, Russia): case study Spasskaya Gora // Biodiversity and Conservation. 2021. No 30. P. 4061–4087.

Sjögren P, Arntzen J.E. Agricultural practices in Arctic Norway during the first millennium B.C. // Veget Hist Archaeobot. 2013. Vol. 22. P. 1–15.

Szpak P. Complexities of nitrogen isotope biogeochemistry in plant-soil systems: implications for the study of ancient agricultural and animal management practices // Frontiers in Plant Science 5, 288. 2014. 1–19 DOI: 10.3389/fpls.2014.00288

Информация об авторах:

Орлова Елизавета Михайловна, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); orlihaliza@gmail.com

Перескоков Михаил Львович, кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет; директор НИЦ "Камская археологическая экспедиция" (г. Пермь, Россия); Pereskokoff@yandex.ru

Баталова Влада Алексеевна, Гёттингенский университет им. Георга Августа (г. Гёттинген, Германия); vlada1996batalova@mail.ru

Шумиловских Людмила Сергеевна Гёттингенский университет им. Георга Августа (г. Гёттинген, Германия)

REFERENCES

Piankov, S. V. (ed.). 2012. *Atlas Permskogo kraya (Atlas of the Perm Region)*. Perm: Perm State Scientific Research University (in Russian).

Bader, O. N. 1953. *Uchenye zapiski Molotovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. M. Gorkogo (Scientific Bulletin of the Molotov State University named after A. M. Gorky)* 9. Kharkov: Kharkov State University, 3–88(in Russian).

Bader, O. N. 1960. In Tiunov, V. F. (ed.). *Trudy Kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological Expedition)* 3. Series: Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University) 12 (1). Perm: Perm State University, 132–150 (in Russian).

Baranova, O. G., Puzyrev, A. N. 2012. *Konspekt flory Udmurtskoi respubliki (sosudistye rasteniia) (Synopsis of the flora of the Udmurt Republic (vascular plants)).* Izhevsk: Izhevsk Institute of Computer Research (in Russian).

Vavilov, P. P. 1986. *Rastenievodstvo (Horticulture).* Moscow: "Agropromizdat" Publ. (in Russian).

Vasil'eva, A. V. Korenyuk, S. N., Pereskokov, M. L. 2021. In Korenyuk, S. N., Pereskokov, M. L. (eds.). *Gliadenovskoe gorodishche-kostishche v kontekste kultur rannego zheleznogo veka i epokhi velikogo pereseleniia narodov lesnoi polosy Evrazii (Glyadenovo hillfort-sanctuary in the context of the cultures of the Early Iron Age and the Migration Period in the forest belt of Eurasia).* Perm: Perm State Scientific Research University, 8–57 (in Russian).

Gening, V. F. 1959. In Kiselev, S. V. (ed.). *Otchety Kamskoy (votkinskoy) Arkheologicheskoy ekspeditsii (Reports of the Kama (Votkinsk) Archaeological Expedition)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 164–195 (in Russian).

Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatka Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

Gubanov, I. A. Krylova, I. L., Tikhonova, V. L. 1976. *Dikorastushchie poleznye rasteniia SSSR (Wild useful plants of the USSR).* Moscow: "Myl" Publ. (in Russian).

Denisov, V. P. 1969. In Dvorson, L. G. (comp.). *Na Zapadnom Urale (In the Western Urals)* 5. Perm: Perm Regional Museum of Local Lore, 312–327 (in Russian).

Zav'yalov, V. I., Terekhova, N. N. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 365–372 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1954. In Fedorov, B. G. (ed.). *Po sledam drevnikh kultur ot Volgi do Tikhogo okeana (On the trail of ancient cultures: from the Volga to the Pacific Ocean).* Moscow: "Gosudarstvennoe izdatelstvo kulturno-prosvetitelskoi literatury" Publ., 97–130 (in Russian).

Ovesnov, S. A. (ed.). 2007. *Illiustrirovannyi opredelitel rastenii Permskogo kraia (Illustrated determinant of Perm region plants).* Perm: Perm State University; "Knizhnyi mir' Publ. (in Russian).

Korenyuk, S. N. 2009. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 11, no. 2, 265–270 (in Russian).

Korenyuk, S. N., Mel'nichuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2018. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 11. Tver: "Triada" Publ., 18–30 (in Russian).

Korenyuk, S. N., Pereskokov, M. L. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 539–561 (in Russian).

Krasnov, Yu. A. 1971. *Rannee zemledelie i zhivotnovodstvo v lesnoi polose Vostochnoi Evropy (Early agriculture and livestock farming in the forest belt of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Novokreshchennykh, N. N. 1914. In *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Perm Academic Archival Commission)* XI, Perm, 19−97 (in Russian).

Oborin, V. A. 1956. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 66–75 (in Russian).

Oborin, V. A. 1961. *Otchet o rabotakh Chernovskogo otriada Votkinskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR v iiule 1960 g. (Report on the work of the Chernovsky team of the Votkinsk archaeological expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences in July 1960).* Perm. Archive of the Kama Archaeological Expedition of Perm State Scientific Research University. Dossier 57 (in Russian).

Orlova, E. M., Shumilovskikh, L. S., Novoselova, L. V. 2025. In *Ekologicheskaia bezopasnost v usloviiakh antropogennoi transformatsii prirodnoi sredy: Sbornik materialov vserossiiskoi nauchnoi konferentsii molo-*

dykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi pamiati G.A. Voronova, N.F. Reimersa i F.R. Shtilmarka (Perm, 23–26 aprelia 2025 goda) (Environmantal Safety in Conditions of Anthropogenic transformation of the Natural Environment. Collection of materials of the All-Russian Scientific conference of young scientists with international participation delecated to the memory of G.A. Voronov, N.F. Reimrs and F.R. Shtilmark (April, 23–26, 2025, Perm). Perm: Perm State Scientific Research University, 89–93 (in Russian).

Orlova, E. M., Shumilovskikh, L. S., Pereskokov, M. L., Maistrenko, D. A. 2025a. In Derevyanko A. P., Makarov N. A., Polyakov, P. V. (eds.). *Trudy* VII (XXIII)*Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Krasnoyarske (Proceedings of the 7th (23rd) All-Russia Archaeological Congress in Krasnoyarsk)* III. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 313–314 (in Russian).

Orlova, E. M., Shumilovskikh, L. S., Pereskokov, M. L., Novoselova, L. V. 2025б. In Novenko, E. Yu., Bolikhovskaya, N. S. (eds.). *Palinologiia v XXI veke (Palynology in the XXI century).* Moscow: Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, 255–258 (in Russian).

Pereskokov, M. L. 2018. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka (Perm Cis-Urals in the Final Early Iron Age).* Perm: Perm State Scientific Research University (in Russian).

Pereskokov, M. L. 2020. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 48 (1), 34–49 (in Russian).

Pereskokov, M. L. 2022. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 56 (1), 48–71 (in Russian).

Pereskokov, M. L., Koz'yakova, P. S. 2024. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 64 (1), 26–38 (in Russian).

Polyakov, Yu. A. 1960. In Tiunov, V. F. (ed.). *Trudy Kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological Expedition)* 3. Series: *Uchenye zapiski Permskogo gosuniversiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 12 (1). Perm: Perm State University, 207–218 (in Russian).

Sarapulov, A. N. 2014. In *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriia № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki (Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series No. 3. Humanities and Social Sciences)* (1), 6–15 (in Russian).

Sarapulov, A. N. 2015. *Srednevekovoe zemledelie permskogo Predural'ia po arkheologicheskim dannym (Medieval Agriculture of the Perm Cis-Urals Region by Archaeological Data)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Sarapulov, A. N. 2019. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 8, 3 (28), 184–188 (in Russian).

Trofimova, S. S., Krylasova, N. B., Sarapulov, A. N. 2016. In *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra UrO RAN (Federal Research Centre Journal (Perm Scientific Centre Journal))* (3), 63–76 (in Russian).

Tuganaev, A. V., Tuganaev, V. V. 2003. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. (Bulletin of Udmurt University)* (1), 69–80 (in Russian).

Tuganaev, A. V., Tuganaev, V. V. 2007. *Sostav, struktura i evoliutsiia agroekosistem evropeiskoi Rossii (lesnaia i lesostepnaia zony) v Srednevekove (VI–XVI vv. n.e.) (Composition, structure and evolution of agroecosystems of European Russia (forest and forest-steppe zones) in the Middle Ages (VI–XVI centuries)).* Izhevsk: Udmurt State University, (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Chernykh, E. M., Korenyuk, S. M. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 186–216 (in Russian).

Batalova, V., Sannikov, P., Pereskokov, M., Mingalev, V., Vyazov, L., Salova, J., Novikova, E., Mekhonoshina, E., Orlova, E., Shumilovskikh, L. 2025. In *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 34, 439–458. DOI 10.1007/s00334-024-01025-4

Batalova, V., Sannikov, P., Kopytov, S., Novikova, E., Orlova, E., Pereskokov, M., Mingalev, V., Vyazov, L., Shumilovskikh, L. 2026. In *Anthropocene*. Vol. 53, 100524, doi.org/10.1016/j.ancene.2025.100524

Bertsch, K. 1941. *Früchte und Samen: ein bestimmungsbuch zur pflanzenlcunde der vorgeschichtlichen zeit*. Ravensburg. Stuttgart: Verlag von Ferdinand Enke.

Cappers, R. T. J., Bekker, R. M., Jans, J. E. A. 2006. *Digitale Zadenatlas van Nederland: Digital Seed Atlas of the Netherlands*. Series: Groningen Archaeological Studies. Vol. 4. Groningen: Barkhuis Publishing.

Grabowski R. 2011. In *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 20, 479–494.

Hiebenga, M., Orlova, E., Pereskokov, M., Abdulmanova, I., Sannikov, P., Batalova, V., Novikova, E., Mekhonoshina, E., Giesecke, T., Shumilovskikh, L. 2024. In *Quaternary Science Reviews*. Vol. 337, 108792. DOI 10.1016/j.quascirev.2024.108792.

Jacomet, S. 2006. *Identification of cereal remains from archaeological sites*. Basel: IPAS.

Orlova, E., Batalova, V., Schlütz, F., Pereskokov, M., Shumilovskikh, L. 2026. In Vegetation History and Archaeobotany. Vol. 35, 287–312. DOI 10.1007/s00334-025-01053-8

Salova, Ju., Vyazov, L., Beneš, Ja. 2024. In *Interdisciplinaria Archaeologica: Natural Sciences in Archaeology*. Vol. XV, No. 2, 167–181.

Schlütz, F., Bittmann, F. 2015. In *Siedlungs- und Küstenforschung im südlichen Nordseegebiet* (38), 271–285.

Schlütz, F., Hofmann, R., Dal Corso, M. et al. 2023. In *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.* 120(52): e2312962120. doi: 10.1073/pnas.2312962120. 2023

Shumilovskikh, L. S, Shmidt, M., Pereskokov, M. L., Sannikov, P. U. 2020. In *Boreas* 49 (3), 526–543.

Shumilovskikh, L., Sannikov, P., Efimik, E., Shestakov, I., Mingalev, V. 2021. In Biodiversity and Conservation (30), 4061–4087.

Sjögren, P, Arntzen, J. E. 2013. In *Veget Hist Archaeobot* (22), 1–15.

Szpak, P. 2014. In *Frontiers in Plant Science* (5), 1–19.

About the Authors:

Orlova Elizaveta M. Perm State National Research University. Bukireva str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; orlihaliza@gmail.com

Pereskokov Mikhail L., Candidate of Historical Sciences. Perm State National Research University. Bukireva str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; Pereskokoff@yandex.ru

Batalova Vlada A. Georg-August-University Göttingen, Göttingen, Germany, vlada1996batalova@mail.ru

Shumilovskikh Lyudmila S. Georg-August-University Göttingen, Göttingen, Germany

Статья поступила в журнал 06.04.2026 г.
Статья принята к публикации 15.04.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

К ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ПРОИЗВОДСТВ

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.174.190

К РАЗРАБОТКЕ ПОДХОДОВ ДЛЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО И ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РОГОЖНЫХ ОТПЕЧАТКОВ НА КЕРАМИКЕ (ГОРОДИЩА ШИШКИНСКОЕ И РОСТИСЛАВЛЬ)[1]

© 2026 г. О.А. Лопатина

В статье предложена система описания рогожных отпечатков, представлена их систематизация на материалах городищ Ростиславль и Шишкинское. Основными параметрами описания являются форма элементов оттисков и особенности их взаимного расположения. Выделено 9 морфологических групп и подгрупп оттисков. Разработана программа эксперимента, в котором были смоделированы разные виды инструментов и разные особенности работы ими. Утверждается, что фиксируемые морфологические различия рогожных отпечатков являются следствием использования разных инструментов (широкие валики, узкие колесики, колотушки с разными видами выступов) и разных способов создания оттисков, что в свою очередь является отражением разных гончарных традиций декорирования и обработки поверхности, существовавших у населения памятников.

Ключевые слова: археология, рогожные отпечатки, трасология, морфологические группы отпечатков, городецкая культура, дьяковская культура

TO THE DEVELOPMENT OF APPROACHES FOR MORPHOLOGICAL AND USE-WEAR ANALYSIS OF MAT PRINTS ON CERAMICS (SHISHKINO AND ROSTISLAVL)[2]

O.A. Lopatina

The paper proposes a system for describing mat prints, presenting their classification based on materials from the Rostislavl and Shishkinskoye hillforts. The primary descriptive parameters are the shape of the print elements and their mutual arrangement features. Nine morphological groups and subgroups of impressions have been identified. An experimental program was developed, modeling various tool types and their usage methods. It is argued that the observed morphological differences in mat prints result from the use of different tools (wide rollers, narrow wheels, beaters with various projections) and distinct impression techniques, which in turn reflect diverse pottery traditions of surface decoration and treatment among the populations of these sites.

Keywords: archaeology, mat prints, use-wear studies, morphological groups of prints, Gorodets culture, Dyakovo culture.

Термин «рогожная керамика», или «рогожные отпечатки», который в настоящее время активно используется в исследовательской литературе, прочно ассоциируется с городецкой археологической культурой благодаря В.А. Городцову и его исследованиям Городецкого городища. С точки зрения морфологии рогожные отпечатки, как правило, рассматриваются как одна группа без выделения внутри нее других единиц систематизации. Вместе с тем наблюдения исследователей показывают морфологическую неоднородность рогожных отпечатков. Так, Т.В. Сарапулкина отмечает разные группы признаков, выделяет упорядоченные и беспорядочные отпечатки, крупные и мелкие, квадратные и прямоугольные,

[1] Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме Междисциплинарные основы современных археологических исследований: теория и практика (№ НИОКТР 126011315527-2)

[2] The research was carried out within the framework of the state assignment of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences on the Interdisciplinary foundations of modern Archaeological Research: Theory and Practice (R&D no. 126011315527-2)

четкие и нечеткие (Сарапулкина, 2008, с. 232, 233). Технологические же особенности оттисков, способы их создания становились предметом изучения крайне редко.

Данная статья нацелена на выяснение морфологических и технологических особенностей отпечатков на рогожной керамике двух городищ – Ростиславль и Шишкинское. Обращение к материалам этих двух памятников вызвано следующим. Проблематика, связанная с морфологическим и технологическим изучением рогожных отпечатков, разработана явно недостаточно, и данная работа является лишь началом ее изучения. В связи с этим представлялось необходимым обратиться к материалам хорошо изученных памятников с ясной стратиграфией и хронологией. Привлеченная для исследования керамика с рогожными отпечатками этих двух городищ происходит из стратифицированных разрезов валов с радиоуглеродными датами.

Городище Ростиславль[1] (раскопки В.Ю. Коваля) представляет собой памятник дьяковской культуры в крайней юго-восточной части ареала на границе с городецкой культурой. Городище расположено на правом берегу Оки в Озёрском районе Московской области. Исследованию вала Ростиславля было посвящено несколько публикаций (Коваль, 2011, с. 35–57; Гольева, 2011, с. 58–71; Коваль, 2012, с. 53–69). Вал был насыпан в период от III в. до н. э. до рубежа эр или первых веков н. э., выделяется 10 этапов возведения насыпи. В материалах девятого этапа, который датируется рубежом эр, было зафиксировано выпадение относительно большой серии рогожной керамики, включая несколько развалов. В это время ров прекращают обновлять и засыпают, заметные изменения происходят в керамическом комплексе. Все это указывает на определенные изменения в жизни населения памятника. Публикации комплекса рогожной керамики Ростиславля посвящены две специальные статьи (Лопатина, Тавлинцева, 2025; Тавлинцева, Лопатина, 2025). В керамическом комплексе девятого этапа возведения вала городища Ростиславль рогожная керамика составляет 4,3% (237 фрагментов), что заметно выше по сравнению с другими городищами дьяковской культуры, где доля рогожной керамики обычно не превышает 1%.

Второй памятник – Шишкинское городище[2] – находится уже непосредственно на территории городецкой культуры (правый берег р. Итьи, левый приток р. Прони). Раскапывалось Б.А. Фоломеевым в 1987 г. небольшими раскопами на площадке (раскоп 2) и на валу (раскоп 1) (Фоломеев, 1987). Разрез вала выявил три периода его сооружения (нижняя, средняя и верхняя насыпи). Радиоуглеродные даты получены для средней и верхней насыпи, из древнейшего рва, а также из четвертого слоя раскопа на площадке (Фоломеев, 1994, с. 139–141). Поскольку нумерация слоев насыпи вала в отчете и в публикации 1994 г. различается, здесь представлена таблица, в которой номера слоев приведены в соответствие (табл. 1). Здесь же даются радиоуглеродные даты по публикации Л.Д. Сулержицкого и Б.А. Фоломеева (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 52, 53).

Таблица 1. Радиоуглеродные даты разных периодов сооружения вала Шишкинского городища.
Table 1. Radiocarbon dates for different construction phases of the rampart at the Shishkino hillfort

Лаб №	Стратиграфическое положение, в скобках нумерация по отчету	С14 возраст от н.д.	Условный календарный возраст до н.э.	Калиброванный возраст до н.э.
ИГАН 1109	Вал, слой 5 (слой 3б), верхняя насыпь	2129+-77 л.н.	179 до н.э.	356-92 до н.э.
ГИН 5769	Вал, слой 7 (слой 4а), средняя насыпь	2440+-80 л.н.	490 до н.э.	770-402 до н.э.
ГИН 5767	Древний ров	2920+-60 л.н.	970 до н.э.	1258-1020 до н.э.

В материалах Шишкинского городища в комплексе керамики третьей хронологической группы, относящейся к железному веку, рогожная керамика составляет большую часть: это 625 фрагментов (65%). Для трасологического анализа рогожных отпечатков было отобрано 174 фрагмента, которые наиболее

Рис. 1. Отпечатки, не являющиеся «рогожными»: 1, 2 – оттиски плетений на днищах небольших сосудов, Мутёнковское городище. 2-5 – «рябчатые» отпечатки широких пропорций: Борисоглебское (1), Настасьино (2), Шишкинское (3) городища.

Fig. 1. Non-mat prints: 1, 2 – weaving imprints on the bottoms of small vessels, Mutyonkovskoye hillfort. 2–5 – "rippled" impressions of broad proportions: Borisoglebskoye (1), Nastasino (2), Shishkino (3) hillforts.

ясно передавали морфологические и технологические особенности. Фрагменты представляли собой стенки и венчики, предположительно от разных сосудов. По такому же принципу отбирались фрагменты для исследования с городища Ростиславль. Выборка составила 35 фрагментов от разных сосудов.

В ходе работы решались следующие задачи:

1) Разработка системы описания рогожных отпечатков для более четкого их отделения от сетчатых. В настоящее время это морфологическое различие не всегда учитывается исследователями.

2) Выделение морфологических групп рогожных отпечатков.

3) Реконструкция рабочей поверхности и конструкции инструментов, которые использовались для нанесения отпечатков.

4) Экспериментальное моделирование инструментов и оттисков.

В ходе работы были использованы методы историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским (Бобринский, 1978), включая экспериментальное моделирование, трасологическое изучение следов инструментов и их рабочей поверхности и особенностей работы ими. Наблюдения производились с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10.

Система описания рогожных отпечатков и выделение морфологических групп

Основным критерием для описания рогожных отпечатков, так же как и для текстильных, является форма элементов оттисков. *Элементом рогожных отпечатков можно считать одну ячейку, но чаще группу ячеек четырехугольной формы, разделенных перегородками в виде прямых линий и отрезков*. Небольшое сходство с рогожными отпечатками могут иметь некоторые группы рябчатых оттисков. Действительно, есть примеры, когда форма и пропорции ячеек отдаленно напоминают рогожные (рис. 1: 3, 4, 5), однако при этом ячейки не имеют ни четкой формы четырехугольника, ни перегородок в виде прямых линий и отрезков. Не исключено, что такие примеры сходства объясняются подражаниями в использовании разных инструментов.

Также исследователями отмечалось сходство между рогожными и бороздчатыми отпечатками. Б.А. Фоломеев рассматривал бороздчатые как подгруппу рогожных (Фоломеев, 1994, с. 151). Т.В. Сарапулкина отмечала сложность разделения в некоторых случаях рогожных и бороздчатых оттисков (Сарапулкина, 2008, с. 233).

Как было установлено ранее, облик мелкорельефных отпечатков на поверхности сосудов, в частности текстильных, напрямую зависит от технологических особенностей, связанных не только с разными видами инструментов, но и со способами работы ими (выбивание, прокатывание, штампование) (Лопатина, 2015а; 2015б). Данное положение относится также и к рогожным разновидностям. Задача, связанная с различени-

ем разных способов создания отпечатков, в данной статье не ставилась, но ее решение в дальнейшем представляется необходимым[3].

Основные морфологические особенности, на которые обращалось внимание при выделении групп отпечатков, – это формы и пропорции ячеек, особенности системы перегородок между ячейками. Также обращалось внимание на форму дна ячеек. Все эти признаки связаны с очертаниями рабочей поверхности инструмента. Обязательным условием при выделении морфологических групп было наблюдение за оттисками, которые по возможности не нарушены деформациями из-за повторного перекрывания одних другими в процессе работы инструментом.

В ходе исследования была отмечена важность наблюдений за особенностями глубины и рельефа ячеек, хотя надо признать, что степень их рельефности часто сложно оценить для отнесения оттисков к той или иной морфологической группе. Вместе с тем можно предположить, что в совокупности с другими особенностями, связанными со способами создания оттисков, значимость этого признака будет более явной.

Размер ячеек сильно варьирует – от 1,5 до 6,0 мм (для квадратных), подгруппы по величине ячеек не выделялись.

Таким образом, были выделены следующие морфологические группы отпечатков. Подгруппы, там, где они обозначены, выделялись по степени упорядоченности ячеек. Представленную систематизацию иллюстрируют наиболее характерные фрагменты (рис. 2). В качестве дополнительного иллюстративного материала приводятся рисунки наиболее крупных венчиков из коллекции Шишкинского городища (рис. 3; 4), распределенных по стратиграфическим горизонтам с радиоуглеродными датами[4].

Группа 1. Квадратные плоские. Форма ячеек в пределах одного фрагмента близка к квадрату или сочетает подквадратные и подпрямоугольные ячейки при преобладании первых. При этом подпрямоугольные ячейки имеют лишь небольшое отклонение от квадрата. В разрезе ячейки представляют собой уплощенный прямоугольник или трапецию (рис. 2: а, б). Глубина относительно небольшая, при этом размер нижней (донной) и верхней части ячеек отличается незначительно. Дно ячеек преимущественно плоское, но может быть и слегка пологим (рис. 2: в).

Подгруппа 1а. Квадратные плоские, структурированные. В расположении ячеек и перегородок наблюдается определенная системность, прослеживается группировка ячеек рядами, а также группировка рядов. Ячейки в рядах находятся на прямой линии, без смещений. Наблюдается относительно одинаковая высота ячеек в рядах. Перегородки между ячейками и рядами расположены под прямым углом, при этом могут различаться по ширине (рис. 2: 1; 3: 7; 4: 1, 3, 8).

Подгруппа 1б. Квадратные плоские, слабо структурированные. В расположении ячеек и перегородок системность нарушена. Группировка рядами может прослеживаться, но не явно. Группировка рядов неразличима (рис. 2: 2, 3; 3: 2; 4: 4, 5).

Группа 2. В виде усеченной пирамиды. Решающим доводом в пользу отнесения к данной группе являются объемные очертания ячеек, которые напоминают усеченную пирамиду. Относительно глубокие ячейки. Так же как и в группе 1, их форма по верхнему краю в пределах одного фрагмента преимущественно подквадратная, хотя может быть и подпрямоугольной с небольшим отклонением от квадрата. К нижней части, ко дну, идет сужение, соответственно, размер верхней части ячеек и их дна заметно различается. В разрезе ячейки представляют собой трапецию относительно высоких пропорций (рис. 2: г). Углы ячеек могут быть слегка оттянутыми, а их боковые линии – немного вогнутыми. Очертания дна разнообразны (плоское, неровное, вогнутое)

Подгруппа 2а. В виде усеченной пирамиды, структурированные. В расположении ячеек и перегородок наблюдается определенная системность, прослеживается группировка ячеек рядами. Ячейки в рядах находятся на прямой линии, без смещений. Перегородки между ячейками и рядами относительно широкие, расположены под прямым углом (рис. 2: 4, 4: 6).

Подгруппа 2б. В виде усеченной пирамиды, слабо структурированные. В расположении ячеек и перегородок системность сильно нарушена. Система в расположении ячеек и перегородок плохо различима. Группировка рядами практически не прослеживается, хотя иногда немного заметна. Группировка рядов не наблюдается. Глубина и размер

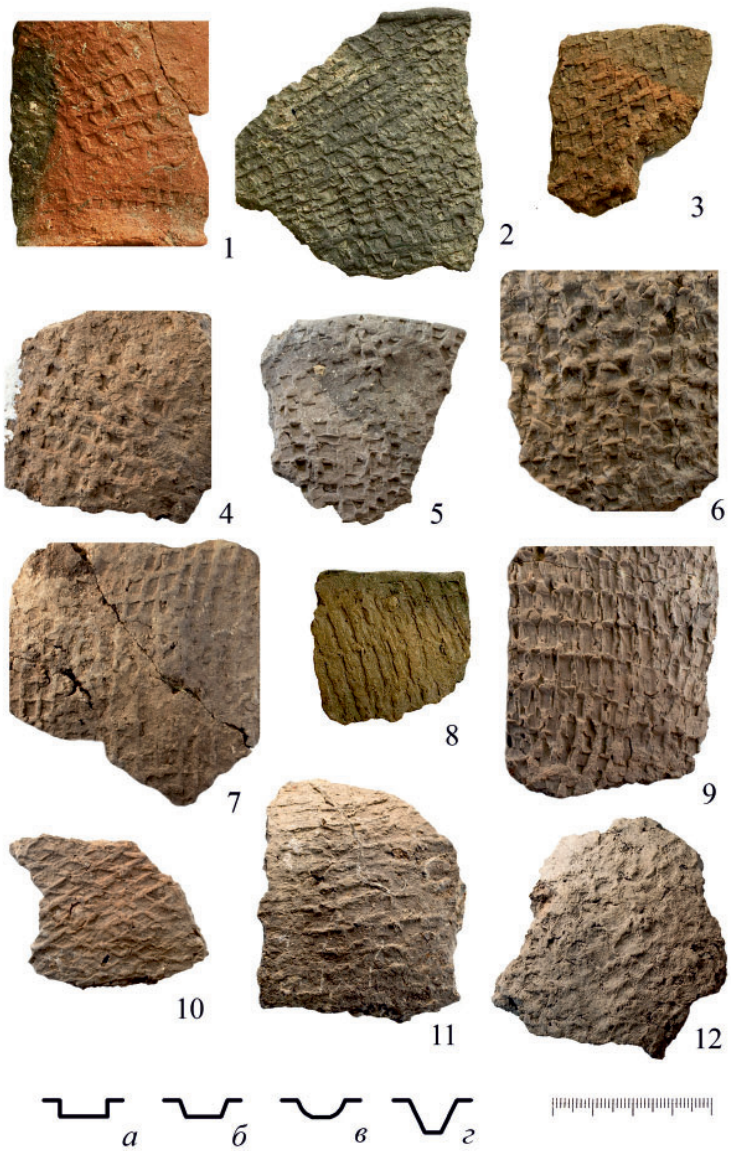


Рис. 2. Морфологические группы «рогожных» отпечатков: 1 – квадратные плоские, структурированные; 2, 3 – квадратные плоские, слабо структурированные; 4 – в виде усеченной пирамиды, структурированные; 5, 6 – в виде усеченной пирамиды, слабо структурированные; 7 – прямоугольные структурированные; 8, 9 – прямоугольные слабо структурированные; 10 – наклонные; 11 – бороздчато-«рогожные»; 12 – условно-«рогожные»; а-г –разрезы ячеек.

Fig. 2. Morphological groups of «mat» prints: 1 – square flat, structured; 2, 3 – square flat, poorly structured; 4 – in the shape of a truncated pyramid, structured; 5, 6 – in the shape of a truncated pyramid, poorly structured; 7 – rectangular structured; 8, 9 – rectangular poorly structured; 10 – oblique; 11 – grooved-«mat»; 12 – conditional «mat»; а-г – mesh section.

ячеек на одном фрагменте может варьировать. Часто геометрическая четкость очертаний ячеек по верхнему краю нарушена и не явна; фиксируются ячейки разного размера (рис. 2: 5, 6).

Группа 3. Прямоугольные. Длина ячеек заметно превышает ширину. Глубина ячеек может быть различной. Размер ячеек достигает 2,0×7,0 мм. В некоторых образцах ширина перегородок между ячейками заметно превышает ширину самих ячеек. Дно чаще плоское, реже полого-вогнутое (рис. 2: а, б, в).

Подгруппа 3а. Прямоугольные, структурированные. Прослеживается группировка ячеек рядами, а также группировка рядов. Ячейки в рядах находятся на прямой линии, без смещений. Перегородки между ячейками расположены под прямым углом (рис. 2: 7).

Подгруппа 3б. Прямоугольные, слабо структурированные. В расположении ячеек

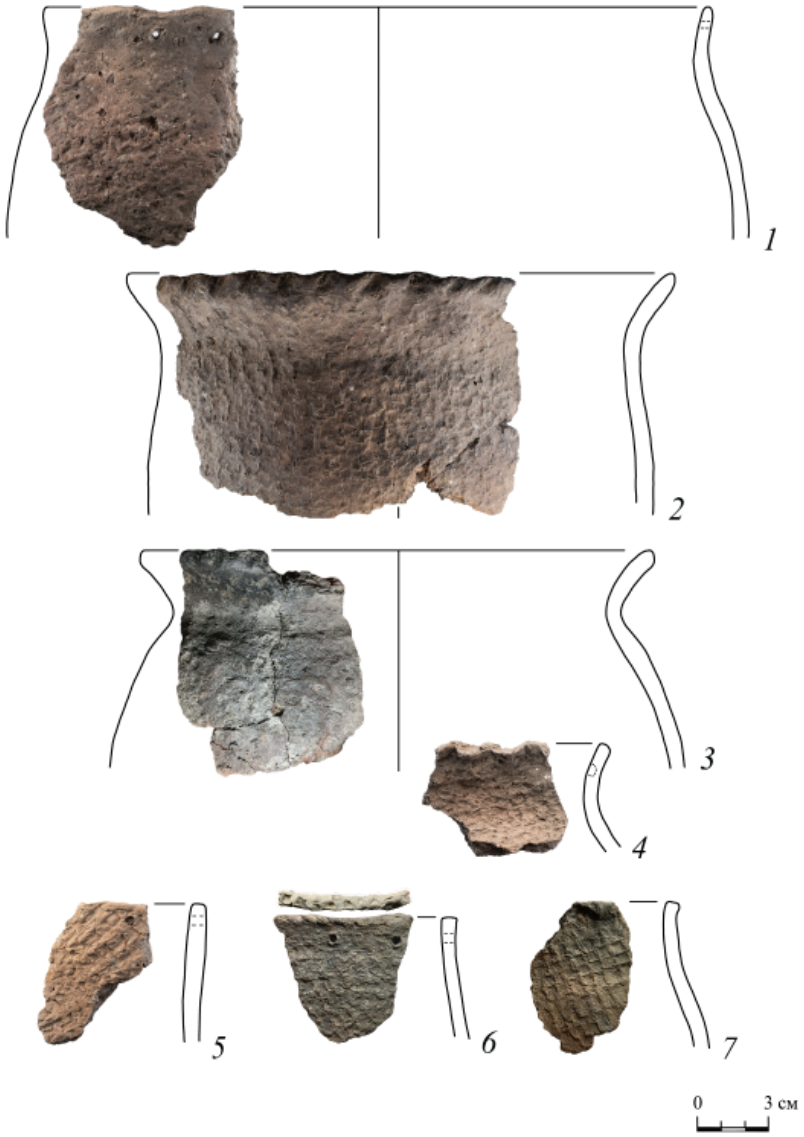


Рис. 3. «Рогожная» керамика из верхних стратиграфических уровней Шишкинского городища: 1, 2, 6, 7 – верхняя насыпь вала; 3, 4, 5 – слои 1 и 2 раскопа 2.
Fig. 3. Pottery with «mat» prints from the upper stratigraphic levels of the Shishkino hillfort: 1, 2, 6, 7 – the upper level of the rampart; 3, 4, 5 – layers 1 and 2 of the excavation area 2.

и перегородок системность нарушена. Может сохраняться группировка рядами, группировка рядов неразличима. Форма ячеек нарушена из-за повторных наложений штампа (рис. 2: 8, 9; 4: 7).

Группа 4. Бороздчато-рогожные. Относительно протяженные борозды с неровными краями, внутри которых прослеживаются четырехугольные оттиски, сходные по облику с рогожными отпечатками. Оттиски внутри борозд могут быть более или менее рельефными, вплоть до очень поверхностных. Рогожные отпечатки чаще всего за пределы борозд не выходят, но иногда нарушают продольные перемычки (рис. 2: 11; 3: 5).

Группа 5. Наклонные. Ячейки в форме параллелограмма. Сгруппированы в ряды, иногда прослеживается группировка рядов. Ячейки в рядах находятся на прямой линии, без смещений. Перегородки между ячейками и рядами расположены под углом, при этом могут различаться по ширине. Дно ячеек плоское. Глубина ячеек относительно небольшая, размер нижней (донной) и верхней части ячеек отличается незначительно (рис. 2: 10; 4: 2).

Группа 6. Условно рогожные. Ячейки редкие или нечеткие, какой-либо структуры в их расположении не наблюдается. Форма ячеек плохо различима, может лишь

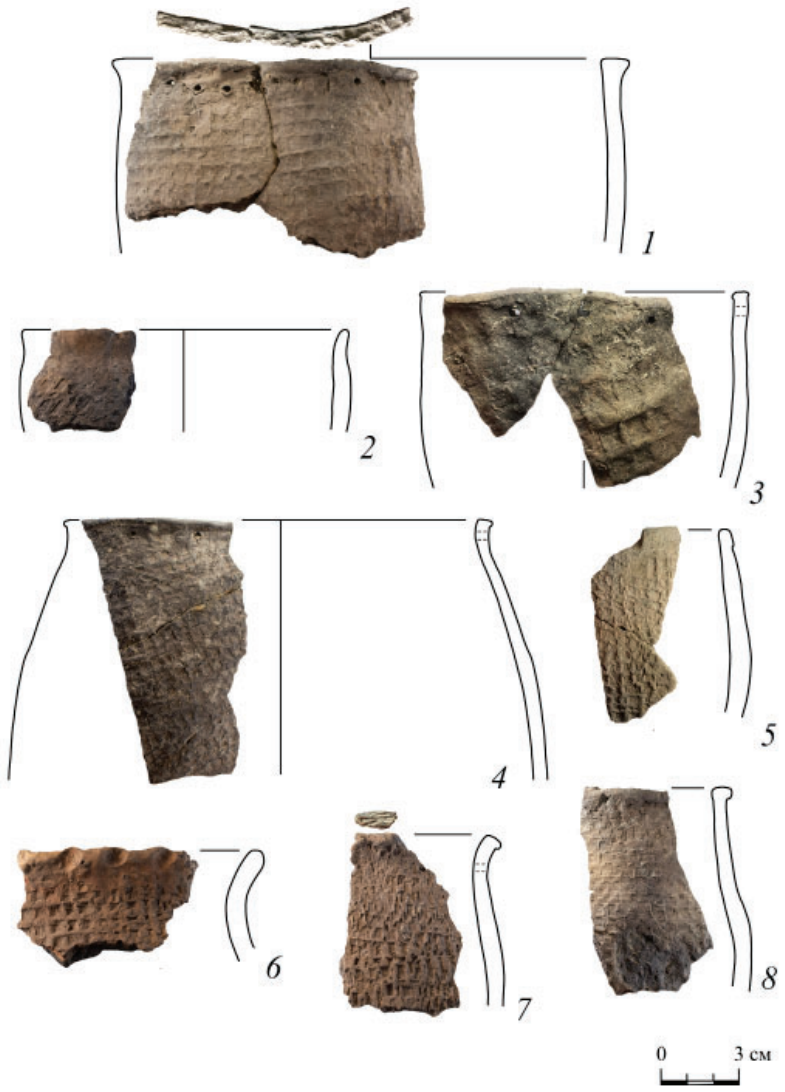


Рис. 4. «Рогожная» керамика из средних стратиграфических уровней Шишкинского городища: 2, 3, 5-8 – средняя насыпь вала; 1, 4 – слой 4 раскопа на площадке.
Fig. 4. Pottery with «mat» prints from the middle stratigraphic levels of the Shishkinskoye hillfort: 2, 3, 5-8 – the middle level of the rampart; 1, 4 – layer 4 of the excavation area 2.

отдаленно напоминать четырехугольник. Иногда четырехугольные ячейки сочетаются на одном фрагменте с ячейками других форм, например округлых (рис. 2: 12; 3: 1, 3, 4, 6).

Т. о., было выделено девять групп и подгрупп, которые распределились следующим образом. Среди рогожных отпечатков на керамике городища Ростиславль примерно половину составили отпечатки подгруппы 1а с квадратными плоскими, структурированными ячейками (табл. 2).

На Шишкинском городище ситуация иная. Здесь наиболее массовыми являются подгруппы 1б и 2б соответственно со слабо структурированными квадратными плоскими ячейками (1б) и со слабо структурированными ячейками в виде усеченной пирамиды (2б). Для Шишкинского городища фрагменты с рогожными отпечатками были распределены по уровням залегания в рамках раскопа на валу (нижняя, средняя и верхняя насыпи) и в рамках раскопа на площадке (слои 1–5) (табл. 3, 4). Однако о каких-либо явных закономерностях в распределении наиболее массовых групп отпечатков пока говорить не приходится.

Организация наблюдений для трасологического анализа

Трасологическое изучение мелкорельефных отпечатков на поверхности керамики базируется на двух положениях, одно из которых связано с реконструкцией инструмен-

Таблица 2. Распределение групп и подгрупп рогожных отпечатков на керамике городища Ростиславль.
Table 2. Distribution of mat print groups and subgroups on pottery from the Rostislavl hillfort

Группы и подгруппы рогожных отпечатков	Всего, экз.
1а. Подквадратные плоские структурированные	**17**
1б. Подквадратные плоские слабо структурированные	4
2а. Подквадратные углубленные структурированные	1
2б. Подквадратные углубленные слабо структурированные	3
3а. Подпрямоугольные структурированные	**5**
3б Подпрямоугольные слабо структурированные	1
4. Бороздчато-рогожные	1
5. Наклонные	1
6. Условно-рогожные	1
Всего	35

Таблица 3. Распределение групп и подгрупп рогожных отпечатков по уровням насыпи вала Шишкинского городища (раскоп 1).
Table 3. Distribution of mat print groups and subgroups by rampart fill levels at the Shishkino hillfort (excavation area 1)

Группы и подгруппы рогожных отпечатков	Вал, нижняя насыпь	Вал, средняя насыпь	Вал, верхняя насыпь	Всего, экз.
1а. Квадратные плоские структурированные	1	7	7	15
1б. Квадратные плоские слабо структурированные	1	4	16	21
2а. В виде усеченной пирамиды, структурированные	0	4	5	9
2б. В виде усеченной пирамиды, слабо структурированные	0	**16**	9	**25**
3а. Прямоугольные структурированные	0	2	5	7
3б Прямоугольные слабо структурированные	0	3	3	6
4. Бороздчато-рогожные	0	0	3	3
5. Наклонные	0	2	0	2
6. Условно рогожные	0	0	3	3
Неопределимые	1	5	5	11
Всего	3	43	56	102

Таблица 4. Распределение групп и подгрупп рогожных отпечатков по слоям, раскоп 2, площадка Шишкинского городища.
Table 4. Distribution of mat print groups and subgroups by layers, excavation area 2, Shishkino hillfort area.

Группы и подгруппы рогожных отпечатков	Слой 5	Слой 4	Слой 3	Слой 2	Слой 1	Всего, экз.
1а. Подквадратные плоские структурированные	0	4	3	1	0	8
1б. Подквадратные плоские слабо структурированные	4	6	1	6	0	**17**
2а. Подквадратные углубленные структурированные	0	1	5	0	0	6
2б. Подквадратные углубленные слабо структурированные	2	2	4	1	2	**11**
3а. Подпрямоугольные структурированные	0	3	4	0	1	8

3б Подпрямоугольные слабо структурированные	2	1	1	0	0	4
4. Бороздчато-рогожные	0	0	0	3	1	4
5. Наклонные	0	0	0	0	0	0
6. Условно-рогожные	0	0	1	2	2	5
Неопределимые	1	2	4	1	1	9
Всего	9	19	23	14	7	72

тов, использовавшихся при создании оттисков, другое – технологических операций, с помощью которых эти оттиски создавались. В исследовательской литературе часто встречаются рассуждения об использовании либо тканей/плетений, либо штампов для создания оттисков. Однако они непродуктивны, т. к. не содержат потенциальной возможности ни для реконструкции особенностей инструмента, ни тем более для приемов нанесения отпечатков. В рамках этой статьи не рассматриваются отпечатки тканей/плетений, а также гипотеза А.В. Городцова о конструировании сосудов в мешках из рогожи (Городцов, 1922, с. 182, 183), легшая в основу представлений о создании рогожных отпечатков. Некоторые отпечатки плетений действительно имеют отдаленное сходство с рогожными оттисками, но никакой связи с ними не имеют. Отпечаток плетения (рис. 1: 1) из плоских полос материала передает характерную структуру с шахматным порядком стежков. Оттиск другого плетения (рис. 1: 2) имеет свои характерные признаки: ячейки заметно отличаются по размерам, что отражает разное натяжение и ширину полос материала. Аналогичные выводы о том, что рогожные отпечатки не тождественны отпечаткам плетений, ранее приводились Н.В. Трубниковой (Трубникова, 1952, с. 126). Редкие случаи оттисков текстильной продукции на керамике железного века могут быть предметом специального изучения, но к задачам этой работы отношения не имеют.

На сегодняшний день единственной гипотезой, которая обоснована посредством научного эксперимента, является гипотеза А.А. Бобринского о прокатывании «ячеистым штампом» (Бобринский, 1978, с. 231, 234, 235). Однако приведенные им данные не объясняют всего имеющегося морфологического разнообразия рогожных отпечатков. А.А. Бобринским также были обобщены данные о выбивании и прокатывании как способах механической обработки поверхности сосудов.

Рассматривая технологические особенности создания мелкорельефных отпечатков (как рогожных, так и текстильных) в рамках историко-культурно подхода, необходимо пояснить, какие гончарные традиции при этом мы можем фиксировать.

1. Традиции использования разных видов инструментов, которые могут отличаться своей конструкцией и оформлением рабочей поверхности.

2. Традиции использования разных способов нанесения отпечатков. Ими могут являться прокатывание, выбивание и штампование поверхности.

3. Традиции, связанные с конкретными приемами создания оттисков: плотность нанесения оттисков, траектория движения инструмента и др.

При выяснении всех этих особенностей ведущую роль играет эксперимент. В рамках одной этой работы невозможно было реализовать в эксперименте все потенциальные возможности, связанные как с оформлением рабочей поверхности инструмента, так и со способами нанесения оттисков. Поэтому здесь приводятся лишь некоторые наблюдения, которые удалось получить. Основное внимание было уделено выяснению особенностей рабочей поверхности инструмента.

При проведении эксперимента был выдвинут ряд предположений, связанных с конструкцией инструментов и обликом выступов на них. Они следующие:

1) Допускается, что четырехугольные выступы на инструменте получались в результате вырезания продольных и поперечных борозд под прямым углом или под наклоном. В первом случае ячейки приобретали вид квадратов или прямоугольников, во втором – параллелограмма. При этом четырехугольные выступы оказываются расположенными по прямой линии в виде горизонтальных и/или вертикальных рядов.

2) Также можно полагать, что на облик отпечатков влияет площадь рабочей поверхности

инструмента. Так, рабочая поверхность колотушки всегда будет иметь относительно большую площадь, а рабочая поверхность инструмента для прокатывания может отличаться по размерам в зависимости от конструкции. Если инструмент представляет собой валик, на котором прорезаны выступы в несколько рядов, то площадь рабочей поверхности будет сравнительно большой. Если это колесико с выступами – незначительной.

3) Предполагается, что морфология ячеек зависит от способа оформления выступов. В случае если борозды сравнительно узкие и неглубокие, то выступы будут иметь форму слабо выступающего четырехугольника (плоский квадрат/прямоугольник). Если борозды широкие и глубокие, а выступы вырезаны под наклоном, то они будут иметь форму усеченной пирамиды.

Материалом для изготовления экспериментальных инструментов послужило дерево. Следы древесной структуры на рогожных отпечатках иногда прослеживаются, их редкость можно объяснить тем, что глина забивает мелкий рельеф древесных волокон. Штампы из других материалов единичны, их культурная принадлежность и назначение не вполне очевидны. Наиболее известен фрагмент штампа из гранита с нарезкой в виде четырехугольников, предположительно для нанесения рогожных отпечатков. Изделие происходит из раскопок М.А. Радищева хвалынских городищ (Трубникова, 1952). Такой же вид нарезок встречен, например, на астрагале, который происходит с поселения эпохи бронзы Подзорово, Тамбовская обл., раскопки М.Е. Фосс (Фосс, 1959, с. 19, рис. 7: 13; с. 22).

Экспериментальное моделирование

Выдвинутые предположения о конструкции инструментов и облике рабочей поверхности реализовывались в ходе эксперимента. Рогожные отпечатки наносились способами прокатывания и выбивания. Как было отмечены выше, особенности этих приемов будут рассмотрены отдельно и здесь не обсуждаются.

В ходе эксперимента учитывался важный принцип, что при перекрывании одних отпечатков другими, которое неизбежно происходит в ходе прокатывания или выбивания, морфология оттисков может сильно меняться. Проверялась гипотеза о том, что рогожные слабоструктурированные или «беспорядочные» оттиски являются результатом таких перекрываний. Таким образом, экспериментально были проверены следующие приемы:

1) Прокатывание без перекрывания широким штампом и узким штампом.

2) Прокатывание с перекрыванием широким и узким штампами в одном направлении и под углом.

3) Выбивание без перекрывания.

4) Выбивание с перекрыванием в одном направлении и под углом[5].

Набор инструментов при этом был ограничен, поскольку оказалось проблематичным в рамках одного эксперимента изготовить множество гипотетически возможных их вариантов. Помимо инструментов, сделанных вручную с помощью ножа, в эксперименте были задействованы современные предметы, выточенные машинным способом. Это представляется допустимым на первых порах для использования их в качестве модели. Для проведения эксперимента были использованы следующие инструменты.

1. Валик диаметром 1,4 см, длиной 3,8 см из обрезка ветки дерева с корой (рис. 5: А). Было вырезано пять рядов четырехугольников, глубина прорезей сопоставима с толщиной коры или чуть более. В экспериментальных образцах заметна структура подсохшей коры. В процессе вырезания стало понятно, что достичь идеально квадратной формы всех выступов невозможно, часть из них получилась в виде квадратов, часть – прямоугольников, единично – трапеций.

2. Колесико из ветки дерева без коры диаметром 2,5 см и шириной 0,7 см. Вырезан один ряд четырехугольников (квадраты и прямоугольники) относительно небольшой глубины (рис. 5: Б).

3. Колотушка с неглубокой нарезкой квадратами; предварительно была сделана разметка (ручное вытачивание на плоской лопатке) (рис. 6: Г).

4. Колотушка с относительно глубокими прорезями под углом к поверхности, формирующими зубцы в виде усеченной пирамиды (покупное изделие, машинное вытачивание) (рис. 6: Д). При создании зубцов такой формы перегородки между ячейками остаются относительно широкими. В качестве варианта такого инструмента использовалась колотушка, которая долго использовалась для разнообразный целей, в связи с чем ее зубцы

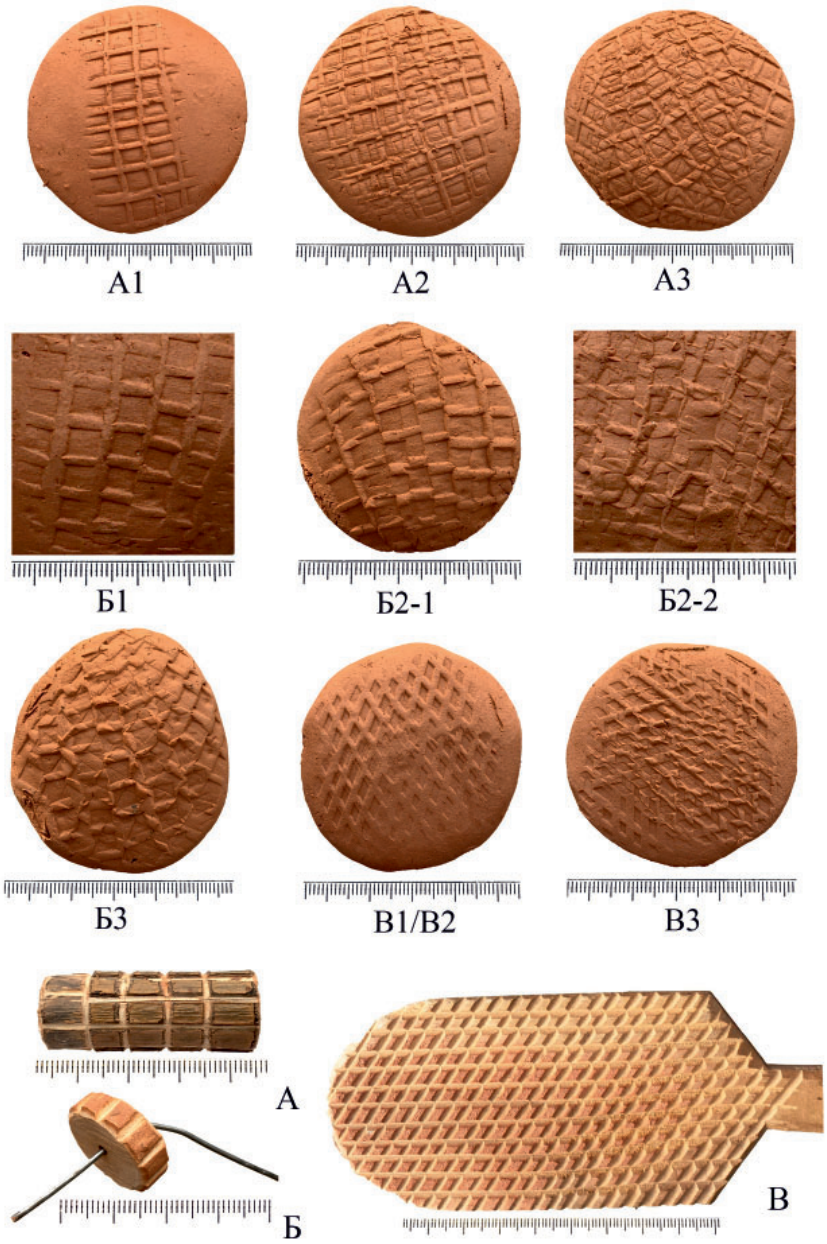


Рис. 5. Экспериментальное моделирование. Прокатывание широким валиком (А): без наложения (А1), с наложением в одном направлении (А2), с наложением под углом (А3). Прокатывание однорядным колесиком (Б): без наложения (Б1), с однократным наложением в одном направлении (Б2-1), с многократным наложением в одном направлении (Б2-2), с наложением под углом (Б3). Выбивание колотушкой В: с частичным наложением (В1/В2), с наложением под углом (В3).

Fig. 5. Experimental modeling. Rolling with a wide roller (A): without overlap (A1), with overlap in one direction (A2), with overlap at an angle (A3). Rolling with a single row wheel (Б): without overlap (Б1), with a single overlap in one direction (Б2-1), with multiple overlap in one direction (Б2-2), with an overlap at an angle (B3). Beating with paddle B: with partial overlap (B1/B2), with angled overlap (B3)

деформировались и потеряли первоначальную четкость форм (рис. 6: Е).

5. Колотушка с диагональной нарезкой (покупное изделие, машинное вытачивание) (рис. 5: В).

В качестве шаблона для отпечатывания изготавливались небольшие пластины из глины округлой формы со слегка выпуклой поверхностью.

Результаты экспериментального моделирования

Прокатывание без перекрывания. При прокатывании широким штампом (валиком) сохраняется форма ячеек, перегородки между

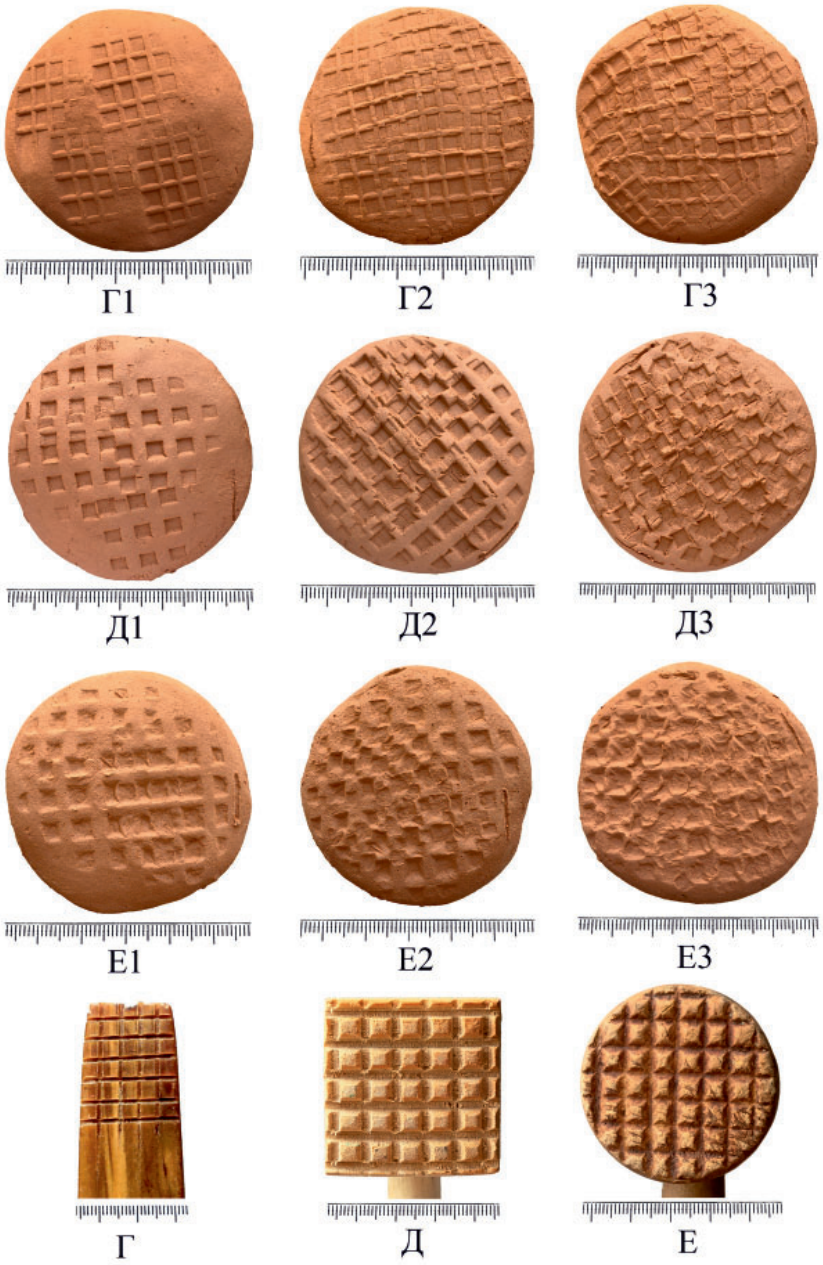


Рис. 6. Экспериментальное моделирование. Выбивание колотушками Г, Д и Е: без наложения (Г1, Д1, Е1), с наложением в одном направлении (Г2, Д2, Е2), с наложением под углом (Г3, Д3, Е3).
Fig. 5. Experimental modeling. Beating with paddles Г, Д and Е: without overlap (Г1, Д1, Е1), with overlap in one direction (Г2, Д2, Е2), with overlap at an angle (Г3, Д3, Е3).

рядами и ячейками не нарушены, сохраняется рядность (группировка ячеек рядами) и группировка рядов. Описанный выше пятирядный штамп на экспериментальной пластине отпечатывается не на всю свою ширину, т. е. ширину штампа оценить невозможно (рис. 5: А1).

При прокатывании узким штампом (колесиком) признаки в основном те же. Хотя однорядный штамп отпечатывается целиком по ширине, оценить его ширину также проблематично, если оттиск не единичный. Так, например, если отпечатки нанесены близко и параллельно друг к другу, реконструировать количество рядов на инструменте не представляется возможным (рис. 5: Б1).

Прокатывание с перекрыванием. При прокатывании широким штампом в одном направлении форма ячеек в основном сохраняется, перегородки между рядами и ячейками частично нарушаются. Рядность также частично нарушается, но в основном может быть реконструирована, группировка рядов не определяется (рис. 5: А2). При прокатывании под углом признаки в основном те же, но

деформация может быть выражена чуть больше (рис. 5: А3). Интенсивность прокатывания в основном не влияет на указанные особенности. Т. о., при работе широким штампом происходит деформация ячеек, но она заметным образом не меняет ни форму ячеек, ни структуру их расположения. Это объясняется, скорее всего, во-первых, слабой рельефностью ячеек, во-вторых, относительно большой площадью участков с отпечатками, оставленных за один раз. При этих условиях каждое последующее наложение практически устраняет следы предыдущих.

При работе узким штампом, напротив, отмечается связь между интенсивностью прокатывания и степенью деформирования отпечатков: при многократном прокатывании нарушается и форма ячеек, деформируются перегородки между ячейками, следы перегородок между рядами уничтожаются (рис. 5: Б2-2). Рядность иногда может незначительно сохраняться. При менее интенсивном прокатывании деформации меньше выражены (рис. 5: Б2-1). Перечисленные особенности при прокатывании в одном направлении и под углом в основном одинаковые, в последнем случае деформация выражена чуть больше (рис. 5: Б3). Т. о., более выраженные следы деформаций при прокатывании колесиком объясняются конструкцией инструмента: чем меньше рядов четырехугольников на инструменте и он уже, тем больше деформаций при наложениях отпечатков.

В целом следы инструментов для прокатывания, главным образом широких валиков, имеют определенное сходство с отпечатками на археологической керамике. В отношении следов узких колесиков (в особенности варианты перекрывания следов) такое сходство не столь явно. Предварительно можно утверждать, что с приемом прокатывания, скорее всего, связано происхождение морфологической группы 4 (бороздчато-рогожные).

Выбивание без перекрывания. При одиночных оттисках колотушки сохраняется форма ячеек, перегородки между рядами и ячейками не нарушены, сохраняется рядность и группировка рядов. Это правомерно для всех четырех использованных видов колотушек. Несмотря на то что отпечатки хорошо структурированы, размер рабочей поверхности колотушек не поддается реконструкции (рис. 6: Г1, Д1, Е1).

Выбивание с перекрыванием в одном направлении и под углом

При выбивании колотушкой Г в одном направлении с наложением форма ячеек в основном сохраняется, перегородки между рядами и ячейками частично нарушаются (рис. 6: Г2). Рядность также частично нарушается, но в основном может быть реконструирована, группировка рядов не определяется. При выбивании под углом признаки те же, но деформации чуть более выражены (рис. 6: Г3). Аналогичные особенности характерны для колотушки с нарезкой под углом (рис. 5: В1/В2, В3).

Колотушка с зубцами в виде усеченной пирамиды. Даже при малоинтенсивном выбивании в одном направлении сразу происходит деформация оттисков. Нарушается форма ячеек, размер ячеек может быть различным за счет разной силы воздействия колотушкой. Нарушаются перегородки между ячейками, рядность прослеживается слабо, она остается различимой лишь в местах, не затронутых перекрыванием (рис. 6: Д2, Е2). При выбивании под углом структура в расположении ячеек полностью разрушается и перестает просматриваться (рис. 6: Д3, Е3). Сходные особенности наблюдаются при работе колотушкой, побывавшей в использовании. При этом деформации здесь выражены еще сильнее за счет того, что зубцы в процессе использования частично стерлись и сгладились, приобрели разную форму (рис. 6: Е2, Е3). Экспериментальное моделирование дает возможность полагать, что такая часто фиксируемая морфологическая особенность ячеек, как «оттянутость» их углов, связана как раз с инструментами, имеющими зубцы в виде усеченной пирамиды. «Оттянутость» углов и небольшая вогнутость боковых линий ячеек также может быть следствием, как показывает эксперимент, замятости перегородок, происходящей при нанесении оттисков, в меньшей степени при поддерживании сосуда рукой во время работы.

Т. о., следы, оставленные колотушками с разным оформлением рабочей части, довольно сильно различаются. Если колотушки с неглубоким рельефом и сравнительно узкими перегородками между ячейками и рядами ячеек кардинально не меняют форму и структуру расположения ячеек, то колотушки с глубоким рельефом, зубцами в виде усеченной

пирамиды и широкими перегородками между ячейками сильно меняют первоначальный облик оттисков. В целом все экспериментально полученные отпечатки колотушек находят общее морфологическое соответствие с археологической керамикой.

Выводы

В результате изучения коллекций рогожной керамики городищ Ростиславль и Шишкинское выработана система описания рогожных отпечатков, выделены морфологические группы на основании формы ячеек, всего девять групп и подгрупп. На Шишкинском городище наиболее массовыми оказались группы 1б и 2б, т. е. отпечатки слабоструктурированных разновидностей, а на Ростиславле – 1а, более упорядоченные. Возможно, такая ситуация связана с разными способами нанесения оттисков, что планируется выяснить в дальнейшем. Материалы Шишкинского городища дали возможность распределить керамику по стратиграфическим уровням залегания, которые были датированы радиоуглеродным методом. Однако какой-либо закономерности в распределении по слоям не выявлено как в раскопе на валу, так и в раскопе на площадке. Не исключено, что в распределении различных по морфологии оттисков большую роль играет не хронологический, а географический фактор, принадлежность к области распространения дьяковской или городецкой культуры. Но это предположение нуждается в дополнительной проверке на других материалах.

Основные вопросы, которые решались в ходе экспериментального моделирования, были связаны с установлением специфики рабочей поверхности инструментов и с выяснением того, как проявляют себя особенности перекрывания рогожных оттисков. Установлено, что инструменты, отличающиеся по своей конструкции (валики, колесики и колотушки), а также по оформлению рабочей поверхности (глубина прорезей и их ширина, форма выступов), оставляют разные по своей морфологии следы.

Было выявлено, что т. н. «бессистемность» или слабая структурированность оттисков не является следствием использования каких-то особенных инструментов, а связана с перекрываниями одних отпечатков другими, вследствие чего деформируется форма ячеек, а в особенности система перемычек между ними, в конечном счете поверхность приобретает иной облик. Т. о., в результате работы одним и тем же инструментом облик отпечатков может существенно меняться. Когда происходит наложение одних оттисков на другие, остаются участки как незатронутые наложениями, так и с деформациями разной степени выраженности. Поэтому выделение морфологических групп структурированных и слабоструктурированных отпечатков в определенной степени условно.

Наиболее сильные деформации оттисков возникают, как было установлено, во-первых, при многократных прекрываниях, во-вторых, при наложении отпечатков под углом. На степень деформации также влияет и специфика рабочей поверхности инструмента. Менее всего деформируются отпечатки, нанесенные инструментом с широкой рабочей поверхностью и неглубокими нарезками, в большей степени – инструментом с узкой рабочей поверхностью, максимально – с широкой рабочей поверхностью и сильно рельефными выступами в виде усеченной пирамиды.

Отмеченное морфологическое разнообразие «рогожных» отпечатков объясняется как использованием различных видов инструментов, так и разными приемами работы этими инструментами. Трасологический анализ оттисков, предпринятый в данной работе, дал возможность реконструировать пока лишь некоторые гончарные традиции, связанные с использованием различных инструментов и особенностями работы ими. Скорее всего, использовались инструменты как для прокатывания, так и для выбивания. При этом последние показали определенное видовое разнообразие. В целом исследованные материалы дают основание предполагать наличие разных гончарных традиций в области обработки поверхности и декорирования, следовательно, отсутствие однородности населения городецкой культуры в рамках рассмотренных памятников.

Примечания:

[1] Место хранения коллекции – Музейное объединение «Музей Москвы».

[2] Место хранения коллекции – Государственный исторический музей.

[3] Предполагается в качестве отдельной статьи опубликовать результаты исследования способов нанесения

рогожных отпечатков в очередном сборнике Вестника «История керамики».

[4] Формы венчиков в данной статье не рассматриваются, но необходимо отметить следующее. 1) По предварительным наблюдениям количество фрагментов с высоким плавно отогнутым венчиком увеличивается от уровня средней к верхней насыпи. 2) Т. н. поздняя профилированная текстильная керамика (ППТК) (Лопатина, Тавлинцева, 2017) в коллекции не отмечена.

[5] Здесь имеется в виду направление движения, а не расположение плоскости инструмента.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Гольева А.А. Состав и генезис насыпей вала городища раннего железного века на Ростиславле по данным естественных наук // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. С. 58–71.

Городцов В.А. К выяснению древнейших технических приемов гончарного дела // Казанский музейный вестник. 1922. № 2. С. 178–187.

Коваль В.Ю. «Ростиславльский курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

Коваль В.Ю. Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дьяковской культуры // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 8 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2012. С. 53–69.

Лопатина О.А. О происхождении одного вида отпечатков на поверхности «текстильной» керамики // КСИА. 2015а. Вып. 240. С. 163–172.

Лопатина О.А. К различению приемов прокатывания и выбивания на дьяковской «текстильной» керамике (экспериментальное изучение) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2015б. С.43–53.

Лопатина О.А. Керамика москворецких и окских памятников дьяковской культуры как исторический источник. Дисс… канд. ист. наук. М., 2019. 246 с.

Лопатина О.А., Тавлинцева Е.Ю. Поздняя профилированная керамика городища Ростиславль // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке / Отв. ред. Л.А. Беляев, М.И. Гоняный. Смоленск: Свиток, 2017. С. 345–361.

Лопатина О.А., Тавлинцева Е.Ю. Рогожная керамика городища Ростиславль. К вопросу о культурных контактах населения Средней Оки на рубеже эр // Культурно-исторические процессы в I тысячелетии н.э.: от Эльбы и Балкан до Кавказа и Урала. Памяти Андрея Михайловича Обломского / Раннеславянский мир. Вып. 23 / Отв. ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. М.: ИА РАН, 2025. С. 333–342.

Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н. э. // Раннеславянский мир. Вып. 7 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2005. 150 с.

Сарапулкина Т.В. Керамический комплекс городецкой культуры на Дону // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. 1 / Отв. ред. В.В. Ставицкий. Пенза: Пензенский государственный краеведческий музей, 2008. С. 227–236.

Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна средней Оки // Древние памятники Окского бассейна / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1993. С. 43–55.

Тавлинцева Е.Ю., Лопатина О.А. Рогожный сосуд со знаками с городища Ростиславль и его культурно-хронологический аспект // Археология Ростиславля Рязанского (30 лет исследований на городище) / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2025. С. 125–148.

Трубникова Н.В. О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковских городищ // КСИИМК. Вып. 47 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М: АН СССР, 1952. С. 125–129.

Фоломеев Б.А. Отчет о работах Окской археологической экспедиции Государственного исторического музея в Рязанской, Тульской и Липецкой областях в 1987 г. // Архив ИА РАН. № 12004.

Фоломеев Б.А. Шишкинское городище // Труды ГИМ. Вып. 85 / Отв. ред. Г.Ф. Полякова. М.: ГИМ, 1994. С. 138–157.

Фоломеев Б.А. Типология текстильных отпечатков и хронологическое распространение отдельных видов сетчатых фактур. дополнения из черновиков // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 319–335.

Фосс М.В. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 г. // КСИА. Вып. 75 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1959. С. 17–25.

Информация об авторе:

Лопатина Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); lopatina.olga@gmail.com

REFERENCES

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gol'eva, A. A. 2011. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 58–71 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1922. In *Kazanskii museinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* (2), 178–187 (in Russian).

Koval', V. Yu. 2011. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 35–57 (in Russian).

Koval', V. Yu. 2012. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 8. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 53–69 (in Russian).

Lopatina, O. A. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 240, 163–172 (in Russian).

Lopatina, O. A. 2015. In Tsetlin, Yu. B. (ed.). *Sovremennye podkhody k izucheniiu drevnei keramiki v arkheologii (Present-Day Approaches to the Studying of Ancient Ceramics in Archaeology)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 43–53 (in Russian).

Lopatina, O. A. 2019. *Keramika moskvoretskikh i okskikh pamiatnikov diakovskoi kultury kak istoricheskii istochnik (Pottery from the Moskva and Oka rivers basin sites of the Dyakovo culture as a historical source).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Lopatina, O. A., Tavlintseva, E. Yu. 2017. In Belyaev, L. A., Gonyanyi, M. I. (eds.). *De mare ad mare. Arkheologiia i istoriia: sbornik statei k 60-letiiu N. A. Krenke (DE MARE AD MARE Studies in archaeology and history in honour of Nikolay Krenke).* Smolensk: "Svitok" Publ., 345–361 (in Russian).

Lopatina, O. A., Tavlintseva, E. Yu. 2025. In Vorontsov, A. M., Gavritukhin, I. O. (eds.). *Kulturno-istoricheskie protsessy v I tysiacheletii n.e.: ot Elby i Balkan do Kavkaza i Urala. Pamiati Andreia Mikhailovicha Oblomskogo (Cultural-historical processes in the 1st millennium AD: from the Elbe and the Balkans to the Caucasus and the Urals. In memory of Andrey Mikhailovich Oblomsky).* Series: Ranneslavianskii mir (Early Slavic World) 23. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 333–342 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2005. In Oblomsky, A. M. (ed.). *Osedloe naselenie Samarskogo lesostepnogo Povolzhia v I–V vv. n.e.* (*Settled Population of the Samara Forest-Steppe Volga Region in the 1st –5th centuries A.D.*).

Sarapulkina, T. V. 2008. In Stavitsky, V. V. (ed.). *Arkheologiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)* 2 (1). Penza: Penza State Museum of Local Lore, 227–236 (in Russian).

Sulerzhitsky, L. D., Folomeev, B. A. 1993. In Chelyapov, V. P. (ed.). *Drevnie pamyatniki Okskogo basseyna (Ancient Sites of the Oka Basin)*. Ryazan: Science and Production Center for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 43–55 (in Russian).

Tavlintseva, E. Yu., Lopatina, O. A. 2025. In Koval, V. Yu. (ed.). *Arkheologiia Rostislavlia Riazanskogo (30 let issledovanii na gorodishche) (Archaeology of Rostislavl Ryazansky (30 years of archaeological researches at the fortified settlement)).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 125–148 (in Russian).

Trubnikova, N. V. 1952. In Udaltsov, A. D. (eds.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 47. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 125–129 (in Russian).

Folomeev, B. A. 1987. *Otchet o rabotakh Okskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia v Riazanskoi, Tulskoi i Lipetskoi oblastiakh v 1987 g. (Report on the Works of the Oka*

Archaeological Expedition of the State Historical Museum in Ryazan, Tula, and Lipetsk oblasts in 1987). Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. no 12004 (in Russian).

Folomeev, B. A. 1994. In Polyakova, G. F. (ed.). *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum)* 85. Moscow: State Historical Museum, 138–157 (in Russian).

Folomeev, B. A. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 319–335 (in Russian).

Foss, M. V. 1959. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 75. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 17–25 (in Russian).

About the Author:

Lopatina Olga A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dm. Ulianova, str. 19, Moscow, 117292, Russian Federation; lopatina.olga@gmail.com

Статья поступила в журнал 24.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.

УДК 903(470.51)”0”:6(045) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.191.207

УЧАСТКИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗУЕВОКЛЮЧЕВСКОМ I ГОРОДИЩЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э. (К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПЛАНИРОВКЕ АНАНЬИНСКИХ ГОРОДИЩ)

©2026 г. Е.М. Черных

Рассмотрены объекты производственного назначения, изученные в слоях позднеананьинского периода (конец V – III вв. до н. э.) Зуевоключевского I городища в Прикамье. В частности, описаны и проанализированы особенности двух сооружений из раскопок 2003-2004 гг., связанных с металлообработкой и резьбой по кости. Оба объекта по формальным признакам (форма, внутренняя планировка) отличаются от жилищ, хорошо изученных как на самом городище, так и в ананьинском ареале в целом. Критериями для интерпретации построек как производственных служит состав находок, отражающих различные сферы ананьинской экономики: плавки металлов (железо и медь) – шлаки, тигли, литейные формы; костерезной – отходы от обработки кости и рога, готовые изделия и полуфабрикаты. Особый интерес представляет конструкция и назначение двухкамерной ямы с остатками глиняной печи-горна и железными шлаками.

Ключевые слова: археология, Нижнее Прикамье, ранний железный век, ананьинская культура шнуровой керамики, плавка, металлообработка, косторезное дело, место в структуре поселения

AREAS OF MANUFACTURING AND CRAFT ACTIVITY AT THE ZUYEVY KLYUCHI I HILLFORT IN THE SECOND HALF OF THE I MILLENNIUM BC (ON THE ISSUE OF THE FUNCTIONAL LAYOUT OF THE ANANYINO HILLFORTS)

E.M. Chernykh

This paper examines production-related objects studied in the stratigraphic layers of the late Ananyino period (end of the 5th to 3rd centuries BC) at the Zuyevy Klyuchi I hillfort in the Lower Kama region. In particular, the features of two structures from the 2003–2004 excavations, associated with metalworking and bone working, are described and analyzed. Both objects differ from dwellings, which are well-documented both at the site itself and throughout the Ananyino cultural area as a whole, based on formal characteristics (shape, internal layout). The criteria for interpreting the structures as production-related are the composition of finds, reflecting various spheres of the Ananyino economy: metal smelting (iron and copper) – slag, crucibles, casting molds; bone working – waste from bone and horn processing, finished products and blanks. Special attention is paid to the construction and function of a two-chambered pit with remains of a clay furnace and iron slag.

Keywords: archaeology, Lower Kama region, Early Iron Age, Ananyino culture of corded ware, smelting, metalworking, bone carving, place within the settlement structure

Изучение пространственной организации поселений раннего железного века лесной зоны нацелено на то, чтобы дать ответы на вопросы истории их планировки, функционального использования той или иной части территории, в конечном виде – более полного представления о системе жизнедеятельности. Обоснованность наших выводов зависит во многом от полноты изученности поселения. В ананьинской «поселенческой археологии» таких примеров немного. Зуевоключевское I городище в Удмуртском Прикамье – одно из немногих, культурный слой которого изучен на большой площади и дает понимание как о хроностратиграфии памятника, так и о динамике жилой планировки укрепленного поселения (Черных, 2004; 2009; 2012). В то же время важно знать, какое место на поселении занимали объекты, обеспечивавшие материальное производство его обитателей, духовно-религиозные практики, наконец, социальное существование вообще. К первым в обществах раннего железного века лесной полосы Восточной Европы относятся в том

числе мастерские по плавке металла и получению необходимых изделий из него. Общеизвестно также, что ананьинская экономика в значительной степени поддерживалась и обработкой кости и рога. Мне уже приходилось писать о святилище Зуевоключевского I городища, локализованном в ходе раскопок в его южной части (Черных, 2013). В предлагаемой публикации хотелось бы охарактеризовать своеобразные производственные объекты из раскопок Зуевоключевского I городища, исследованные в начале 2000-х годов.

Зуевоключевское I городище находится на правом берегу Камы, к югу от д. Зуевы Ключи Каракулинского р-на УР. Оно занимает край протяженного с запада на восток мыса, спускающегося к Каме уступами, ограниченного двумя глубокими логами. Высота мыса над уровнем затапливаемой ныне поймы составляет 20–23 м. С севера его закрывает высокая вершина соседнего мыса (гора «Кереметь»). С запада площадка защищена валом и рвом. Вал имеет длину около 160 м. Северный его конец обрывался под склон «Каменного» лога, по дну которого протекает ручей, а противоположный, достигнув вершины южного, сухого лога и несколько потеряв в высоте, поворачивал вдоль склона, продолжаясь еще на 40 м. Здесь начинался неширокий, искусственно оформленный спуск к подножию мыса.

Памятник многослойный. Кроме городища раннего железного века, в его северной части на площади 300 м^2 исследованы остатки Зуевоключевской I стоянки (луговская АК; раскопы I–V, X) (Генинг, Ашихмина, 1984) и раннеананьинского поселения площадью около 1000 м^2 (раскопы X и XIV). В восточной и юго-восточной частях мысовой площадки изучены разновременные погребения (Зуевоключевской II, III могильники) (Генинг, 1975, с. 211–220; Голдина, Черных, 2011, с. 87–89) и хозяйственные объекты небольшой усадьбы XIV–XVII вв. (Зуевоключевское III поселение) (Голдина, Черных, 2011, с. 33, 39, 60–63). Площадь укрепленного поселения раннего железного века в период расцвета АКИО (V–IV вв. до н. э.) составляла 33 тыс. кв. м (без учета близко расположенных селищ-«спутников»). К настоящему времени раскопано около 8000 кв. м (почти 1/4 часть городища). Раскопки городища начались в 1970 г. и продолжались с перерывами до 2005 г. (Р.Д. Голдина, В.Ф. Генинг, Л.И. Ашихмина, Е.М. Черных). Остатки сооружений позднеананьинского периода (V–III вв. до н. э.) залегали в четырех стратиграфических горизонтах (Черных, 2012; 2018, с. 273). В течение трех первых периодов поселок застраивался достаточно свободно; в четвертом – мысовая площадка оказалась освоена полностью. Жилые дома ставились рядами, сохранялась традиция ориентировать дома торцами на промежуточные румбы (ЮЗ–СВ или СЗ–ЮВ) (Черных, 2008, с. 49).

В центре поселка поздней поры АКИО исследовано крупное сооружение наземного типа, овально-прямоугольное в плане, размерами 12,2×8,4 м (рис. 1А). В отличие от жилых объектов, оно было ориентировано строго по сторонам света. Уже в верхнем разрушенном пахотой горизонте культурного слоя на этом участке была замечена концентрация находок шлаков. Остатки наземной постройки фиксировались сразу под слоем разрушения по обширному пятну темно-коричневой супеси, насыщенной включениями угольков, золы и кусочков обожженной глины (слой № 24), лежащей в рыхлых зольно-пепельных супесях светло-серого (слой № 3) и темно-серого (№ 3а) цвета. Основание сооружения было заглублено в подстилающий материк на 10–15 см; незначительное понижение пола отмечено в западном направлении. Конфигурация очертаний сооружения, размещение некоторых очагов и ям позволяют высказать предположение, что жесткой связи стен постройка не имела. С конструкцией стен и кровли, вероятно, были связаны несколько столбовых ям: 601–603, 607–609, 750, 753, 771. В двух стенках сооружения (западной и восточной) зафиксированы выступы. Выступ в западной стенке имел прямоугольную форму, размеры 4,35×2,0 м, очевидно, здесь находилось помещение, пристроенное к основному объему постройки со стороны юго-западного угла; ряд мелких столбовых ямок (№ 758, 765, 766, 770), возможно, остался от перегородки, отделявшей оба помещения. Восточный выступ размерами 2,3×1,7 м – вход (?) в постройку – имел в плане овально-подтреугольную форму.

Функциональное своеобразие объекта подчеркивалось и внутренней планировкой. Обширная площадка прокаленной супеси ярко-красного цвета (**очаг LXXXVIII**) прямоугольно-овальной формы зафиксиро-

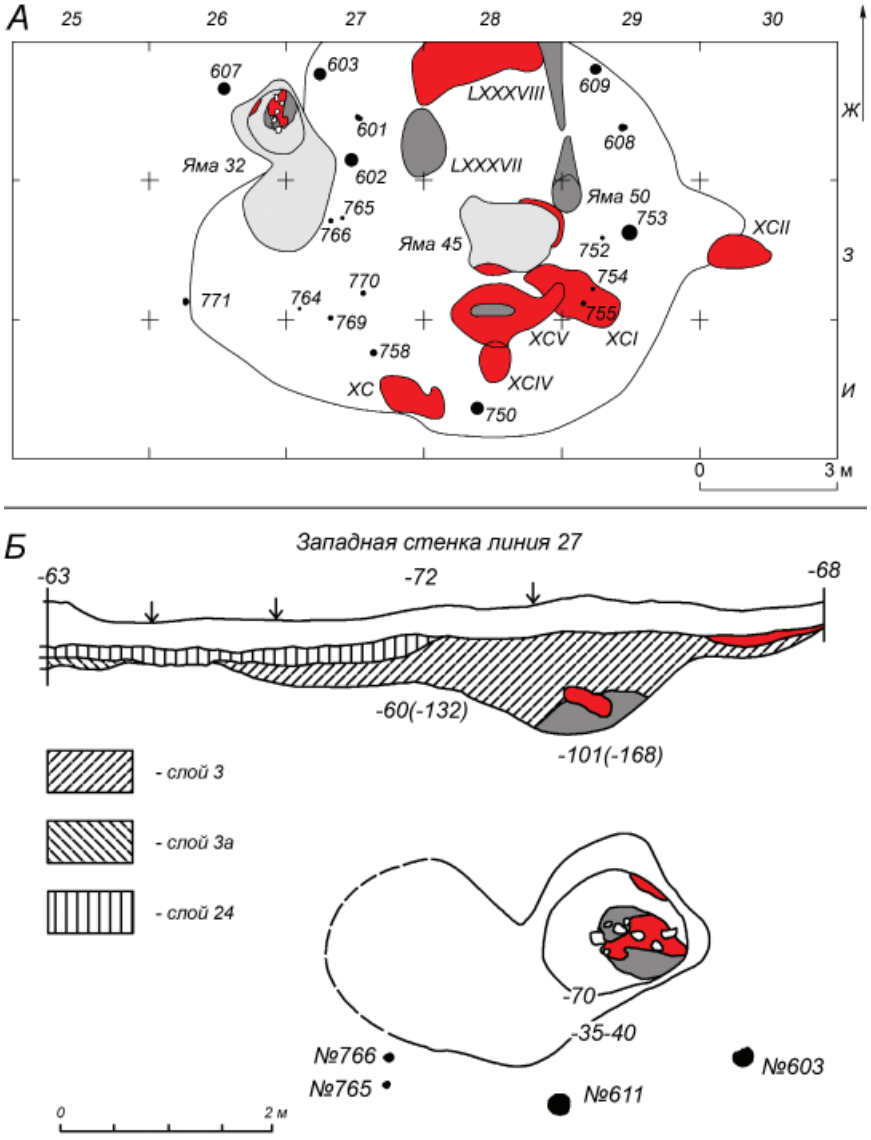


Рис. 1. Зуевоключевское I городище. А – план сооружения-мастерской I в раскопе XXVII; Б – план и разрез ямы № 32

Fig. 1. Zuevy Klyuchi I hillfort. A – plan of workshop structure I in excavation trench XXVII; Б – plan and section of pit No. 32a.

вана в северной части сооружения; ее размеры 4,0×1,2 м. Мощность прокала составляла 15 см; в восточной части площадки зафиксирована линза золы размерами 0,87×0,76 м. Близкие к геометрическим очертания очага позволяют предположить, что он имел искусственное ограждение. В очажном слое найдены типичная ананьинская «зернотерка» и плоская каменная плита из песчаника подтреугольной формы размерами 20×18 см. С южного края к очагу примыкал **зольник LXXXVII**; он имел овальную в плане форму, размеры 1,47×0,88 м. В зольном слое толщиной до 10 см обнаружены отдельные камни, две «зернотерки» и слиток металла.

Интерьер центральной части постройки определяли три очажных пятна с мощными прокалами, размещавшихся по оси сооружения, с юга на север, а также канавка, зольники и две ямы.

Крупное скопление из трех очагов и ямы занимало почти всю центральную часть сооружения. **Очаг XCI** фиксировался в виде пятна красной глины овально-прямоугольной формы, размерами 2,0×1,12 м, толщиной 6 см. В юго-восточной половине глиняной площадки зафиксированы две столбовые ямки (№ 754, 755). В этой же половине очага собраны находки: кости и зубы животных, раковины моллюсков, мелкие камни, кусочки

глиняной обмазки, мелкие обломки керамики, орнаментированной шнуром.

Очаг XCV – глиняная вымостка овальной формы, вытянутая длинной осью по линии В–З, размеры 2,34×1,22 м, толщина 14 см. В западной половине «подушки» глина была прокалена на глубину 3 см; прокал в плане имел овальную форму, размеры его 0,79×0,32 м. Находки – мелкие фрагменты керамики, кости животных, обмазка, мелкие камни – концентрировались вблизи прокала и у восточного края вымостки. К южному краю глинобитного очага XCV примыкало пятно прокаленной глины, округлой в плане формы, толщиной до 7 см (**очаг CXIV**), размерами 0,74×0,60 м. Около восточного края прокала расчищено скопление костей животных и фрагментов керамики. Есть вероятность того, что указанные устройства не были одновременными, поскольку хорошо фиксировались взаимоперекрытия пластов глины.

С северной стороны к очагам примыкала крупная яма № 45, неправильно-прямоугольной в плане формы, размерами 4,3×1,2 м. Стенки ямы наклонные, дно округлое, глубина 0,5 м. Восточный и юго-западный борта ямы были перекрыты линзами прокаленной глины толщиной до 10 см. Заполнением ямы служил слой темно-серой рыхлой супеси, насыщенной кусочками глиняной обмазки, мелких галек, осколками створок раковин речных моллюсков. В северной половине в заполнении ямы зафиксирована линза светлого песка мощностью до 20 см, которым, по-видимому, яма со временем была частично засыпана. В придонной части ямы найдены невыразительные фрагменты лепной керамики, сырые и кальцинированные кости животных, обломок тигля. Рядом с ямой № 45 и очагами CXIV, XCI, XCV, LXXXVIII найдена большая часть терочных плит, «зернотерки», обломки литейных форм, пест-терочник.

Очаг XC занимал место около южной стенки помещения; он был сложен из глиняной массы толщиной 9 см, прокаленной на всю глубину, имел размеры 1,1×0,62 м. В нем найдены: железный нож (рис. 5: 1), кости животных, мелкие фрагменты керамики, обломки раковин речных моллюсков. Еще один **очаг – XCII** – был изучен в пределах восточного выхода из постройки. Он был устроен в небольшом углублении (до 7 см) овальной в плане формы, размерами 1,2×0,56 м, заполнен слоем прокаленной супеси оранжевого цвета. Центральная часть очага была дополнительно обустроена кладкой из камней. В очаге и рядом с ним найдены куски шлака и обломки глиняного тигля/литейной формы (рис. 2: 2), мелкие фрагменты «шнуровой» керамики, кальцинированные и сырые кости животных, обломки створок речных моллюсков.

К СВ от ямы № 45 выявлена небольшая яма № 50, в плане округлая, диаметром 0,6 м. В разрезе яма имела уплощенное дно, глубину 13 см. Заполнением служила темно-серая супесь, перемешанная с золой, без находок. Яма, по всей видимости, являлась частью канавообразного углубления, протянувшегося через всю северную половину помещения от очага LXXXVIII до ямы № 45, ограничивавшего с востока центральную рабочую часть мастерской. С участка между ямой № 50 и восточным выходом происходит большая часть находок т. н. глиняных лепешек.

Безусловный интерес для понимания назначения постройки представляет яма № 32, занимавшая часть пристроенного к западной стенке помещения. Яма выделялась среди прочих объектов, изученных на городище, прежде всего восьмерковидной в плане формой с коленчатым изгибом стенок (рис. 1: Б). Общая длина ямы составляла 3,3 м, ширина 1,5–1,8 м. Яма, по всей видимости, была двухкамерной. Северная камера на уровне фиксации (35–40 см от современной поверхности) имела прямоугольные очертания; на глубине 60 см в ней выявлена мощная линза сильно прокаленного песка с кусочками спекшейся золы размерами 0,8×0,56 м. В границах прокала расчищен развал камней известняка размерами от 4–6 см до 11–14 см. На глубине 70 см яма еще более сократилась – до размеров 1,32×1,06 м, став округло-овальной. Яма была углублена в материк на 0,7 м, дно чашевидное. Основным заполнением ямы служил рыхлый зольно-пепельный слой № 3. На дне северной камеры зафиксирована тонкая прослойка угля. Южная камера ямы была неглубокой (0,25–0,30 м от уровня фиксации), с уплощенным дном и уклоном в сторону северной камеры, с небольшим уступом-ступенькой между обеими камерами. Конструктивно яма близка иткульским металлургическим ямам класса III, «ковшевидным» в сечении, по Г.В. Бельтиковой (1981, с. 121). По аналогии с особенностями тех же иткульских ям, рискну назвать

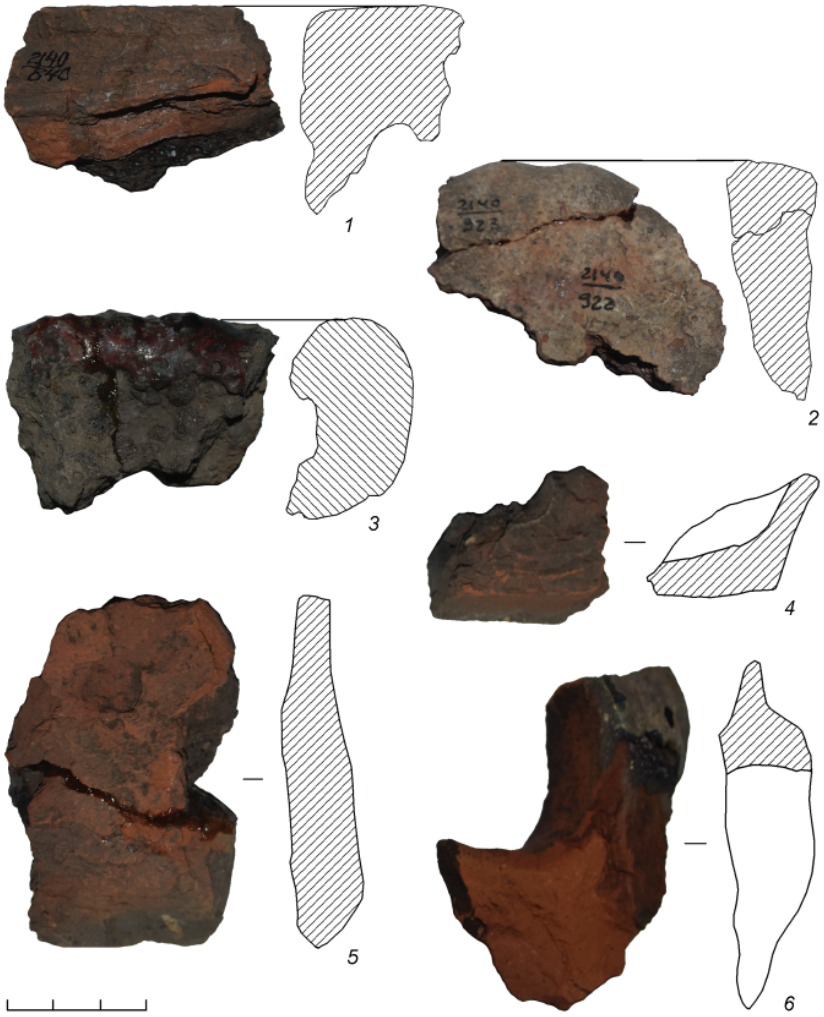


Рис. 2. Зуевоключевское I городище. Фрагменты технической керамики и тиглей:
1, 4- 6 – кв. з/26; 2 – очаг XCII; 3 – кв. ж/31
Fig. 2. Zuevy Klyuchi I hillfort. Fragments of industrial ceramics and crucibles:
1, 4–6 – q. з/26; 2 – fireplace XCII; 3 – q. ж/31

северную камеру «плавильной», а южную – «предпечьем». Именно в «предпечье» ямы № 32 найдена основная масса шлаков и кусков обмазки (технической керамики).

Возможно, столбовые ямы № 601–603 и № 607 диаметром 16–20 см, зафиксированные на некотором отдалении от северного и северо-восточного краев ямы № 32, были частью какой-то надземной конструкции, хотя их связь с общей конструкцией сооружения не исключается.

Обломки технической керамики из ямы № 32 – это фрагменты различных размеров, с толщиной стенок 10–17 мм (рис. 2: 1, 4–6), имели шероховатую внешнюю поверхность красновато-оранжевого цвета. На внутренней поверхности фрагментов также имелись следы воздействия высокой температуры в виде ошлакованности и капли застывших шлаков. Два куска такой керамики сохранили сквозные отверстия диаметром 4–4,5 см (рис. 2: 6). Это не глиняные сопла-трубки, которые хорошо известны, например, по тем же иткульским металлургическим площадкам (Бельтикова, 1986, рис. 2–10, 11). Очевидно, это остатки воздуходувных каналов – фурм, через которые в печь подавался воздух. Два фрагмента технической керамики сохранили в профиле Г-образную форму (рис. 2: 1, 4); на их внешней поверхности отчетливо видны желобчатые углубления. С большой осторожностью выскажу предположение, что это следы деревянной футеровки (?), явления, неоднократно отмеченного для иткульских горнов (Бельтикова, Стоянов, 1984, с. 138–139). Сильно фрагментированный

характер, местоположение (в «предпечье») и количество черепков позволяют видеть в этих остатках разрушенные стенки кожуха глиняной печи-горна. Сырьем для его изготовления, скорее всего, послужили местные илы, не подвергавшиеся сколько-нибудь длительной подготовке (в тесте хорошо заметны естественные включения мелкого окатанного кварца и известковистых обломков).

О производственном назначении постройки свидетельствует находки в ней тиглей, литейных форм, слитка меди, а также выразительная серия абразивных инструментов, терочных плит, каменных ударных орудий.

Тигли выполнены из глины, толстостенные (1,2–1,8 см). Целых форм нет. Относить имеющиеся фрагменты к группе технических сосудов позволяют форма и следы ошлакованности на внутренних стенках. Скорее всего, часть тиглей имела форму неглубоких (2–2,5 см) чашевидных сосудов. Фрагмент такого тигля, склеенный из двух обломков, найден в соседнем с сооружением квадрате: он имел слегка прикрытое устье, выпуклые стенки толщиной 1,5–2,0 см и, очевидно, уплощенное дно (рис. 2: 3). С внутренней стороны край тигля был покрыт характерной ошлакованной корочкой со стекловидным блеском, с пятнами бордового цвета, полученными, вероятно, в результате соприкосновения поверхности тигля с расплавом. Проба на РФА-спектрометре (с внутренней и внешней стороны) показала наличие почти равного распределения меди и железа (табл. 1).

Формы для литья (?) из камня и глины. Все каменные обломки (3 экз.) являются, по-видимому, односторонними формами, изготовленными из песчаника. Впрочем, способ литья в таких формах и их характер остаются неочевидными. Лишь на одной из плиток сохранился литниковый канал диаметром около 2,0 мм (рис. 3: 3), на остальных – очень нечеткие негативы рельефа (рис. 3: 8, 9). Сохранность глиняных изделий крайне плоха, что не добавляет уверенности в их атрибуции как форм для литья. Некоторые фрагменты внешне очень напоминают находки с Елабужского (Чертова) городища и Копаньского поселения (Кузьминых, 1977, рис. 10–17, 18). В очаге XCII, как уже упоминалось выше, найдены фрагменты плоскодонного толстостенного (2,5–3,0 см) сосуда высотой около 2 см (рис. 2: 2), целостность внутренней части (донца) которого, к сожалению, была нарушена. РФА-анализ, выполненный для внутренней поверхности донца емкости (табл. 1), показал присутствие железа (91,2%) и мышьяка (0,25%).

Точильные камни (абразивы) представлены главным образом плитками местного песчаника толщиной 1,5–2,0 см. Почти все они прямоугольной или близкой к ней формы, имеют размеры от 6,0×1,5 см до 13,0×6,0 см, одна из плоскостей, как правило, пришлифована в процессе утилизации (рис. 3: 2, 4, 5, 7). Среди находок имеются несколько предметов в форме небольших дисков (рис. 4: 2, 3). Такие диски широко представлены в коллекции Зуевоключевского I городища. Часть из них (около 20 предметов) была исследована Т.А. Цыгвинцевой с помощью микроскопа на предмет следов сработанности. В результате большинство дисков были атрибутированы как абразивы для заточки мелких металлических изделий (Черных, Цыгвинцева, 2006, с. 180–183).

Терочные плитки и «зернотерки». Разделение этой группы предметов проведено с учетом сложившейся в историографии ананьинской КИО традиции, хотя очевидно, что и те и другие использовались для растирания. Заметим, недавние трасолого-экспериментальные исследования уфимских археологов В.В. Овсянникова и В.Г. Котова показали, что близкие плитки с бельских поселений раннего железного века могли служить как для растирания мягко-волокнистых кореньев и зерна, так и для измельчения крупнозернистых материалов, например руды (Овсянников, Котов, 2025, с. 223–226). Зуевоключевские плоские плитки геометрической формы были изготовлены из местного песчаника темно-серого и коричневого цвета (рис. 3: 1, 6; 4: 5). Типичные ананьинские «зернотерки» овально-прямоугольной формы с ладьевидным сечением изготовлены из светлого известняка.

Песты-терочники (4 экз.; рис. 4: 1, 4) изготовлены из массивных галек песчаника и мергеля овальной или округлой формы, размерами 7,3×6,0 см; одно из орудий тщательно заглажено по периметру абразивом. На торцевых поверхностях галек заметны следы сильной забитости и выкрошенности.

Среди изделий бытового класса, найденных в границах сооружения, железные нож и

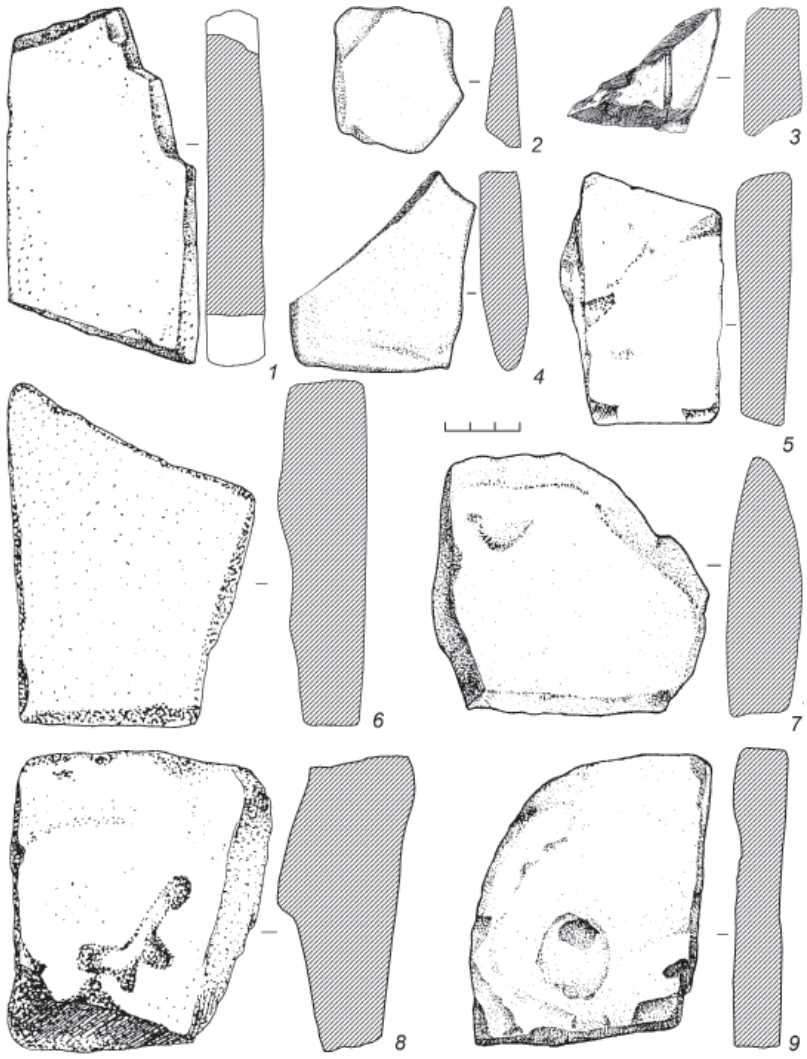


Рис. 3. Зуевоключевское I городище. Абразивы и каменные формы из сооружения I: 1, 4, 9 – кв. з/29, гл. 22-29 см; 2, 5-7 – з/30, гл. 23-28 см; 3 – кв. и/29, гл. 24 см; 8 – кв. з/28, гл. 23 см

Fig. 3. Zuevy Klyuchi I hillfort. Abrasives and stone artifacts from structure I: 1, 4, 9 – q. з/29, depth 22–29 cm; 2, 5–7 – q. з/30, depth 23–28 cm; 3 – q. и/29, depth 24 cm; 8 – q. з/28, depth 23 cm.

рыболовный крючок, пряслица, предметы из кости, глиняные сосуды.

Железный нож (рис. 5: 1) с длинным (5 см) плоским черенком, слегка отклоненным от линии спинки, уступом при переходе от черенка к лезвию и обломанным кончиком найден в очаге **ХС**. Нож производит впечатление более позднего, а с учетом того, что и очаг зафиксирован в верхней части заполнения сооружения, он вполне мог быть связан с лежащим выше пьяноборским слоем. **Железный рыболовный крючок** изготовлен из тонкого стержня длиной около 5 см (диаметр 2 мм), с маленьким – 7 мм – жальцем (рис. 5: 2). **Пряслице,** глиняное, плоско-выпуклое в сечении, диаметром 3,5 см, декорированное неглубокими круглыми ямками (рис. 5: 4), найдено вблизи восточного края ямы № 32. Второй диск был выточен из стенки керамического сосуда толщиной 5 мм (как пряслице может быть интерпретирован условно), имел неправильно-округлую форму с отверстием диаметром 4 мм (рис. 5: 7). Неясно назначение еще одного предмета, также лишь формально напоминающего пряслице (рис. 5: 6). Изделие изготовлено из эпифиза крупной кости, диаметр основания 5,0 см, диаметр верхней поверхности 4,0 см. Изделие имело асимметричное сечение. Отверстие также не центрировано, имеет четырехугольную в плане форму со сторонами 0,9 см. Из плоской кости вырезана **лопаточка** (рис. 5: 8). Такие лопатки-тупики в коллекциях ананьинских поселений довольно обычны. Данный экзем-

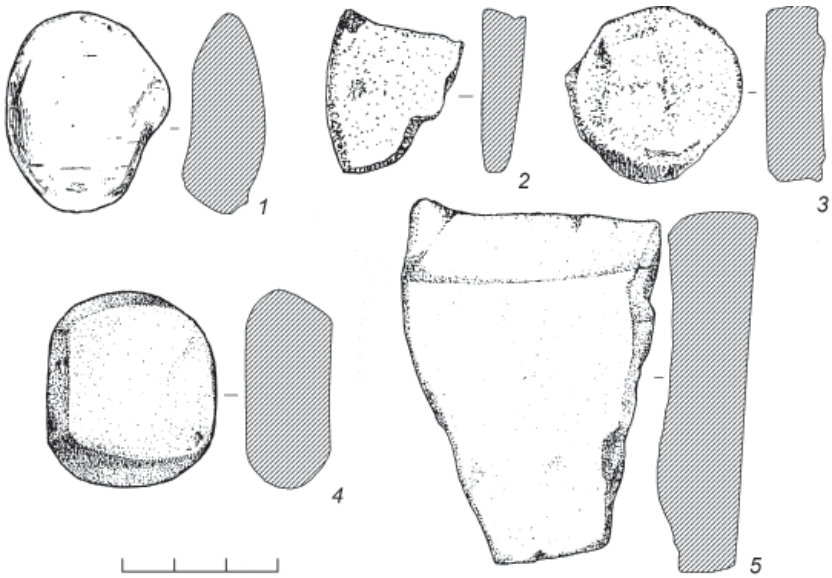


Рис. 4. Зуевоключевское I городище. Каменные орудия: 1 – кв. и/29, гл. 22 см; 2 – кв. з/29, гл. 28 см; 3 – кв. и/28, гл. 22 см; 4, 5 – кв. з/28
Fig. 4. Zuevy Klyuchi I hillfort. Stone tools: 1 – q. и/29, depth 22 cm; 2 – q. з/29, depth 28 cm; 3 – q. и/28, depth 22 cm; 4, 5 – q. з/28.

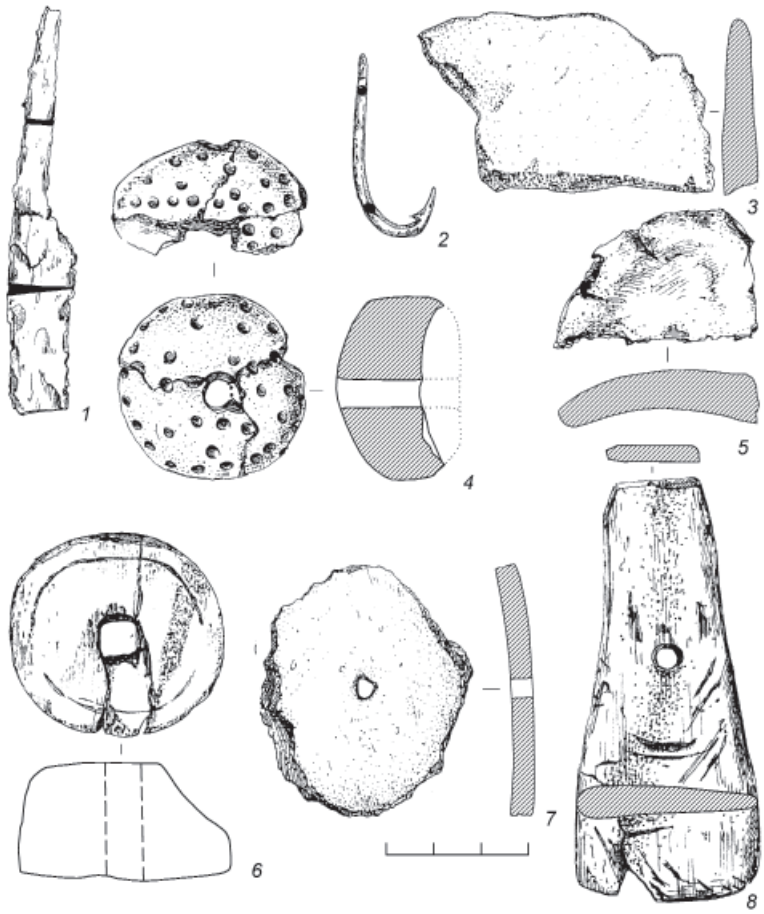


Рис. 5. Зуевоключевское I городище. Предметы быта и орудия труда из сооружения: 1 –очаг XC; 2 – кв. ж/27; 3 – кв. з/29; 4, 8 – кв. з/27; 5 – кв. и/28; 6 – кв. з/28; 7 – кв. з/28.
Fig. 5. Zuevy Klyuchi I hillfort. Household items and tools from the structure: 1 – fireplace XC; 2 – q. ж/27; 3 – q. з/29; 4, 8 – q. з/27; 5 – q. и/28; 6 – q. з/28; 7 – q. з/28.

пляр относится к отделу III по типологии Л.И. Ашихминой и Е.М. Черных – лопаток с плоской рукоятью (Ашихмина и др., 2006, с. 50–53, табл. 7). В зуевоключевском изделии рукоять не выделена, рабочая лопасть имеет форму вытянутой трапеции. Длина изделия 10,0 см, ширина рукояти 2,5 см, рабочей части 4,5 см. Отверстие диаметром 4 мм высверлено почти по центру орудия.

На поселенческих памятниках позднеананьинско-раннепьяноборского времени часто находят своеобразные глиняные «лепешки» (рис. 5: 3, 5). **Такие лепешки,** найденные в Зуевых Ключах, представлены обломками изделий округлой или овальной формы, толщиной от 2,0 до 10,0 мм, но встречаются и целые формы. Изготовлены довольно небрежно, имеют слабый обжиг, светло-коричневый или серый цвет, на некоторых заметны отпечатки пальцев и ногтей. Размеры изделий также очень разные – от совсем миниатюрных (2,5×3,0 см) до средних (5,5×6,5 см). В сооружении «лепешки» найдены вблизи очагов.

Керамика из постройки типично позднеананьинская конца V – IV–III вв. до н. э. Фрагменты принадлежат горшковидным и чашевидным емкостям, изготовленным из глины с примесью толченой раковины, темно-серого или светло-серого, светло-коричневого цвета. Для сосудов характерны вертикальные или слегка отогнутые наружу шейки; у нескольких хорошо выражен воротничок, украшенный оттисками трехрядного шнура и ямок (рис. 6: 3).

Шлаки представлены бесформенными кусками (рис. 7) разных размеров. Часть из них имеет вид, характерный для шлаков, сформировавшихся в углублении пода печи (?), отчего нижняя поверхность у них выпуклая, шероховатая, с мелкими гальками в составе; на некоторых видны ржавые пятна (рис. 7: 8, 9). Куски довольно тяжелые, но есть и более легкие, аморфные шлаки (вес кусков очень разнится – от 3–6 г до 169 г). Следы ошлаковки имеются также на внутренних стенках технической керамики (рис. 3: 4). На поверхности четырех шлаков сохранились кальцинированные кости (рис. 7: 2, 7, 8), использовавшиеся, очевидно, в качестве флюса. Предварительный анализ трех шлаков с помощью РФА (табл. 1) показал очень высокое содержание в них железа (87–99%). Судя по всему, потери железа в шлаке были огромными.

Таблица 1. Элементный состав артефактов производственного класса из сооружения-мастерской Зуевоключевского I городища
Table 1. Elemental composition of production-class artifacts from the workshop structure at the Zuevy Klyuchi I hillfort.

№ п/п	Вид артефакта	шифр	объект	Cu	Fe	As	Ni	Ti
1	шлак	2140/9	Я. 32		93,7		3,48	1,02
2	шлак	2140/1112	Я.32		99,2			0,82
3	шлак	2140/684	Кв. з/29		87,2		4,73	2,48
4	фр. горна	2140/351	Я. 32		94,7			2,21
5	форма	2140/922	ХСII		91,2	0.25		3,31
6	тигель	2120	Кв. ж/31	47,7	42.3			2,3

Слиток металла размерами 2,0×2,8 см, толщиной 0,8 см, весом 23 г, найден в зольнике LXXXVII, рядом с обширной площадкой прокала. Анализ состава слитка, полученный с помощью РФА, не характерен для ананьинского металла, поэтому требует дополнительных исследований[1].

Шлаков медной плавки в сооружении не найдено. Однако можно заметить, что в иткульском очаге металлургии, тесно связанном с ананьинским миром, в этот период (V в. до н. э.) происходит становление биметаллического (медного и железного) производства (Бельтикова, 1993, с. 104), когда на одной производственной площадке одновременно фиксируется обработка меди и железа или обработка меди и полный цикл производства железа[2].

В контексте рассматриваемой темы хотелось бы обратить внимание на обширную площадку из прокалов и золы ярко-оранжевого цвета, а также полос углисто-сажистого слоя, изученную в юго-западном секторе раско-

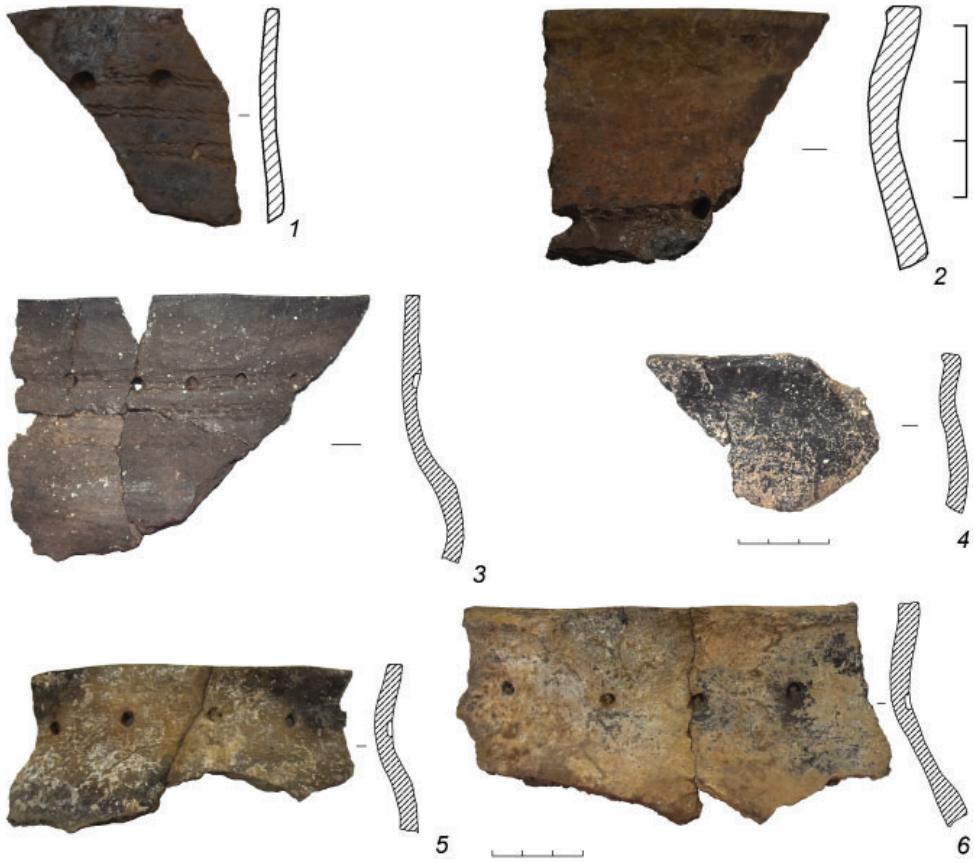


Рис. 6. Зуевоключевское I городище. Керамика из описываемых сооружений
Fig. 6. Zuevy Klyuchi I hillfort. Ceramics from the described structures.

па XXVI и в раскопе XXVIII. Она занимала площадь около 90 кв. м, составляя стратиграфическую особенность нижнего горизонта зольно-пепельных слоев. Обширные пятна прокаленной супеси ярко красного цвета чередовались с широкими полосами углистого слоя и оранжевых зольно-пепельных слоев (рис. 8А) совокупной мощностью около 20 см. Длина углистых полос, изученных в границах двух раскопов, составляла до 14–15 м, ширина – 0,2–0,75 м. Возможно, это развалы сгоревших бревенчатых стен, ориентированных, как это обычно для построек городища, с СЗ на ЮВ. В толще прокалов были выявлены пятна бирюзово-голубой супеси, концентрировавшиеся в трех-четрех скоплениях неправильно-округлой в плане формы, диаметром до 0,8 м. Внутри таких скоплений пятна голубой супеси фиксировались в виде отдельных линз округло-овальной формы диаметром 15–35 см (рис. 8Б). Химический анализ образцов грунта из таких скоплений показал содержание в них катионов металлов (меди и железа)[3], вдвое превышающее показатели фоновых почв (для голубой супеси 47,9%, тогда как для вмещающего слоя № 3 – 22–24%). К сожалению, индивидуальных находок – индикаторов хозяйственной деятельности в этих напластованиях найдено не было.

Объекты, связанные с цветной металлообработкой (плавка металла и производство изделий из него), изучены на многих раскопанных поселениях АКИО. Это были отдельные очаги (как в жилищах, так и вне жилищ) и специализированные сооружения. Находки предметов производственного класса (обломки тиглей, литейных форм, капли меди) неоднократно зафиксированы в жилищах Заюрчимских I, VI, Половинного I поселений в Пермском Прикамье, Аргыжском городище – на Вятке (Черных, 2008, с. 210–212, 227). На Зуевоключевском I городище они найдены в пяти жилищах позднеананьинского периода (Черных, 2008, с. 221–223). Следы металлообработки на Зуевоключевском I городище обнаружены и вне жилищ; они связаны с крупными очагами (например, № LXI и LXII – в северной части площадки (раскопы XXII

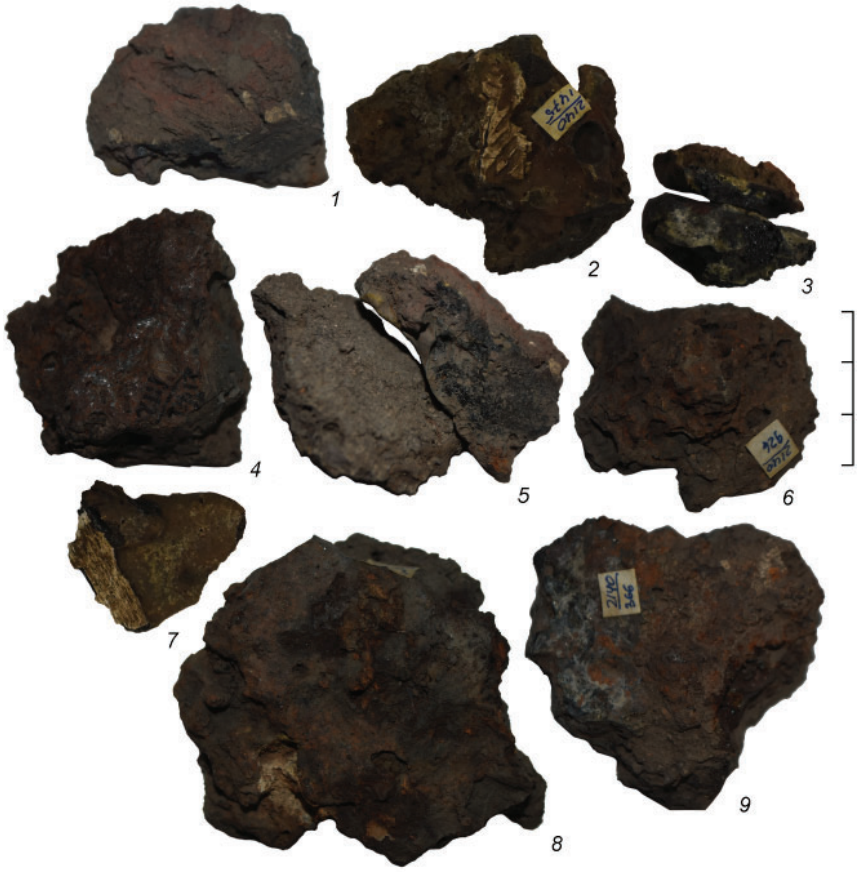


Рис. 7. Зуевоключевское I городище. Яма № 32. Шлаки
Fig. 7. Zuevy Klyuchi I hillfort. Pit № 32. Slag

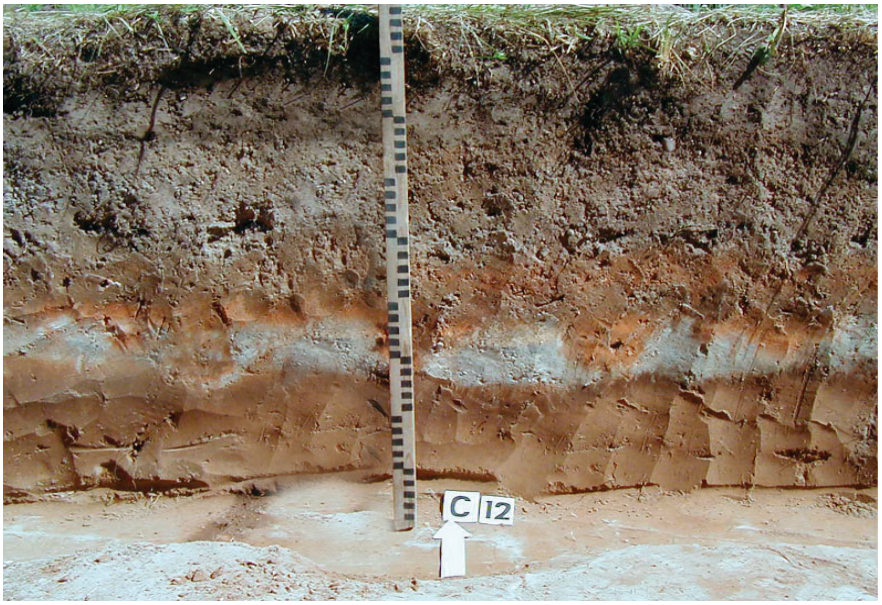
и XXIII), очаг XLII – в южной части (раскоп XIX)). Как правило, изученные в раскопках производственные постройки, связанные с металлообработкой, занимали на поселениях периферийное положение. Так, на городище Гремячий Ключ такая постройка располагалась вблизи северо-восточного склона площадки (Марков, 1987, с. 106, рис. 3), а на Аргыжском городище – также у склона, вблизи вала (Черных и др., 2002, с. 57). Размещение таких сооружений в центре укрепленного поселка можно считать необычным для планировки ананьинских городищ. К тому же, как видим, зуевоключевская мастерская могла выполнять несколько функций.

Другим примером специализации ананьинских мастеров**,** проживавших на Зуевоключевском I городище, является «**жилище резчика по кости»,** изученное в раскопе 2003 года, в северо-западной части городища, вблизи вала (рис. 9). В плане сооружение было ориентировано короткими стенами СЗ–ЮВ, имело прямоугольную форму, размеры 9,0×4,0 м. Вход в СЗ стенке оформлен узким тамбуром, размерами 2,6×1,2 м. Перед ним расчищено пятно сырой плотной глины толщиной 5–6 см, размерами 2,2–2,6×1,2 м.

Необычен интерьер сооружения, не позволяющий рассматривать его в ряду типичных для АКИО жилых построек. **Очаг № С** занимал северо-западную половину помещения, перед выходом из него. Он был устроен на глинобитном основании толщиной 0,26 м, размерами около 2,5×1,4 м. Вблизи северо-восточного края очажного устройства сохранилась поставленная на ребро каменная плита размерами 30×20 см. В очаге, наряду с костями животных и рыб, осколками раковин речных моллюсков, найдена заготовка изделия из рога (рис. 10: 4). Очаг мог использоваться для выварки костей с целью удаления мяса и жира, а также для распаривания костяных заготовок перед обработкой.

Почти все пространство в юго-восточной половине дома занимала **яма № 46** размерами 2,64×2,3 м, глубиной до 0,6 м. Пол в этой части постройки был заглублен чуть более, чем в основном помещении. В самой яме

а



б

Рис. 8. Зуевоключевское I городище. Фиксация остатков сгоревшего сооружения в раскопе XXVI:
А – в плане; Б – стратиграфический разрез
Fig. 8. Zuevy Klyuchi I hillfort. Recording of the remains of a burnt-out structure in excavation area XXVI:
A – plan view; B – stratigraphic section

находок не было, зато к СВ от нее, на полу, расчищено скопление из костей животных и камней песчаника.

Керамика из постройки близка охарактеризованной выше, но наряду с сосудами, орнаментированными по шейке и плечику поясками шнура и ямок поверх них, выделена группа сосудов с упорядоченным рядом неглубоких ямок по шейке (рис. 6: 1, 2, 4–6).

О специализации хозяина жилища позволяет говорить большое количество артефактов, связанных с обработкой кости и рога). Среди них единственный готовый предмет – наконечник стрелы (рис. 10: 2) с узким четырехгранным в сечении пером средних размеров (длина 6 см), плавным переходом к плоскому черешку, затесанному начиная с нижней трети пера. Помимо собственно костей, очевидно приготовленных для дальнейшей работы, лежавших кучно вблизи ямы, в постройке собраны куски расколотых костей – заготовки или отходы производства и незавершенные изделия. Их ассортимент представлен заготовками рукояток орудий из рога и трубчатой кости (рис. 10: 7, 9). Любопытен обломок роговой пластины, на обеих сторонах которой сохранились регулярные насечки (рис. 10: 8), возможно следы счетных практик (?) мастера.

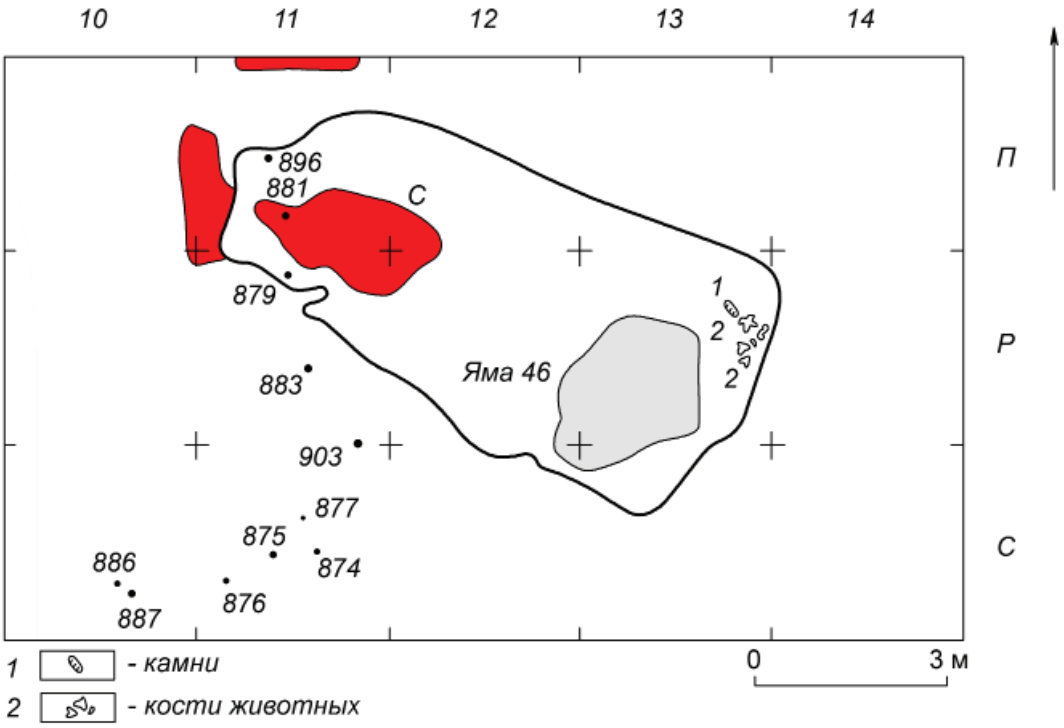


Рис. 9. Зуевоключевское I городище. План сооружения XXXIa
Fig. 9. Zuevy Klyuchi I hillfort. Plan of the object XXXIa

Необходимо заметить, что изделий из кости и следов костерезного дела в раскопах В.Ф. Генинга, Л.И. Ашихминой и автора 1997–2002 гг. было найдено крайне мало, что необычно для «эпохи костеносных городищ» Прикамья. Зато раскопы 2003–2004 гг. в северо-западной части городища дали выразительную коллекцию предметов из кости и рога. Именно с этих участков происходит выразительная серия обломков костно-рогового сырья в виде заготовок, незавершенных изделий и отходов производства; здесь же были найдены ложка с рукоятью, оформленной скульптурной головкой медведя и незавершенный мастером классический для ананьино гребень со стилизованными головками коней, смотрящих в разные стороны (Черных, 2004, рис. 8: 4; 10: 7). По всей видимости, в этой части позднеананьинского слоя городища находился своего рода «квартал» мастеров-косторезов, изготавливавших продукцию для общинников в рамках домашних промыслов.

Таким образом, активная производственная деятельность обитателей Зуевоключевского I городища подтверждается не только массовыми находками предметов материальной культуры, но и их связью с обособленными на площади поселения местами такой деятельности. Пока удалось выявить следы сооружений, связанных с обработкой металлов, как цветных, так и черного, а также с обработкой кости и рога. Обработка металлов производилась в отдельных очагах (как в жилищах, так и вне жилищ), а также в специализированных сооружениях. Одно из таких сооружений занимало необычную для уже известных поселений локацию на плане Зуевоключевского укрепленного поселка – место в его центральной части. Судя по характерным артефактам из этой постройки, она использовалась мастерами с целью обогащения (цементации) железа и обработки меди. Этим операциям была подчинена организация внутреннего пространства сооружения. Среди изученных в постройке очагов и ям самого пристального внимания заслуживает яма № 32. На данном этапе, наверное, преждевременно говорить о ней как о металлургическом горне. Горны ямного типа, как считалось еще недавно, появились в Прикамье позднее, в пьяноборское время (Перевощиков, 2002, с. 24–25). Но связь ямы с варкой железа имеет все же, как представляется, достаточно весомые основания.

Если цветная металлообработка являлась важной отраслью ананьинской экономики,

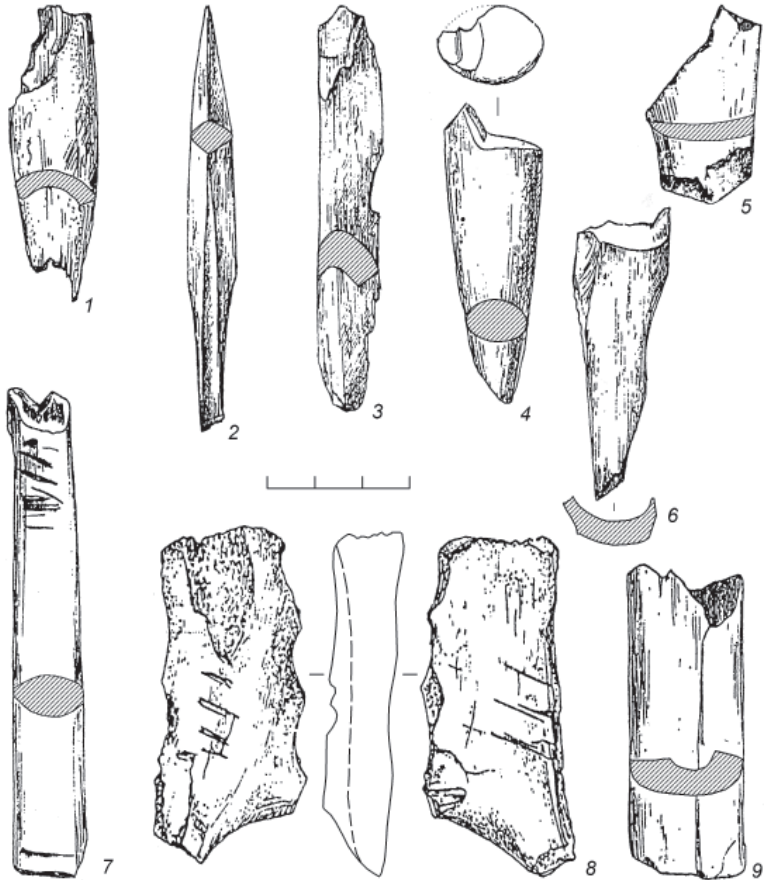


Рис. 10. Зуевоключевское I городище. Костяной инвентарь из сооружения XXXIa
Fig. 10. Zuevy Klyuchi I hillfort. Bone items from object XXXIa

то развитие железообработки в восточной части ананьинского ареала С.В. Кузьминых называет «вялым» (2006, с. 236). А.В. Збруева, оперируя данными исследований ананьинских памятников до середины XX в., объясняла отсутствие в раскопках следов «варки» железа ананьинцами тем, что эти места должны находиться за пределами поселений, небольшие размеры которых делали металлургическое производство чрезвычайно опасным (Збруева, 1952, с. 60–61). К наиболее ранним свидетельствам местной металлургии железа в Верхнем и Среднем Прикамье относят находки шлаков и ям с отходами металлургического производства на Больше-Никольском I и Субботинском I городищах в позднеананьинский период V–III вв. до н. э. Отмечается значительный рост количества железных предметов в это время, но при этом использование простых технологий и стандартного ассортимента изделий (Завьялов и др., 2009, с. 77–86). Состав железных шлаков из ямы № 32 как будто подтверждает выводы о начальном знакомстве местных ананьинцев с технологией получения кричного железа. Но данный факт, конечно, нуждается в дополнительных исследованиях: детальный минералого-геохимический анализ, металлография шлака и другие методы (Григорьев, 2016). Да и железные изделия из раскопок городища до сих пор не изучены. Другая важная отрасль ананьинской экономики – обработка кости и рога, по-видимому, не выходила за рамки обслуживания жителей поселения и выполнялась мастерами на уровне домашних производств.

Примечания:

[1] Есть вероятность того, что полученный результат – свинцовая латунь – обусловлен недостаточной «чистотой» анализируемого образца. Данный тип сплавов получает распространение в Прикамье позднее, в пьяноборскую эпоху. Автор очень признательна С.В. Кузьминых за предложение выполнить спектральный анализ в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН, что будет сделано в ближайшее время.

[2] В ходе онлайн-консультации с Ю.А. Семыкиным от 12.12.2025 им было высказано мнение, что фактов

«говорить о наличии металлургического горна пока явно недостаточно», но использование «тиглей для науглероживания кричного железа, а также для рафинирования меди» предполагать можно.

[3] Анализ выполнялся в лаборатории неорганической химии Удмуртского госуниверситета.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л. И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н. э.) / МИКВАЭ. Т. 12. Ижевск: УдмГУ, 2006. 220 с.

Бельтикова Г.В. О зауральской металлургии VII–III вв. до н.э. // ВАУ. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 118–125.

Бельтикова Г.В. Иткульское I городище – место древнего металлургического производства // Проблемы урало-сибирской археологии / ВАУ. Вып. 18 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 63-79.

Бельтикова Г.В. Развитие иткульского очага металлургии // ВАУ. Вып. 21 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 93–106.

Бельтикова Г.В., Стоянов В.Е. Городище Думной горы – место специализированного металлургического производства (предварительное сообщение) // Древние поселения Урала и Западной Сибири / ВАУ. Вып. 17 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 130–144.

Генинг В.Ф. Новый могильник сейминско-турбинского типа в Удмуртском Прикамье // Памятники древнейшей истории Евразии / Отв. ред. П.М. Кожин, Л.В. Кольцов, М.П. Зимина. М.: Наука, 1975. С. 211–220.

Генинг В.Ф., Ашихмина Л.И. Зуево-Ключевская стоянка // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья / Труды Института языка, литература и истории. Вып. 33 / Отв. ред. Л.Н. Жеребцов. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1984. С. 123–137.

Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской республики / МИКВАЭ. Т. 18. Ижевск: УдмГУ, 2011. 168 с.

Григорьев С.А. Шлаки раннего железного века из Башкирского Приуралья // УАВ. 2016. Вып. 16. С. 72–87.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 322 с.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009. 264 с.

Кузьминых С.В. Об ананьинской обработке бронзы // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 2 / ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1977. С. 127–166.

Кузьминых С.В. Финал бронзового и ранний железный Севера Европейской России // II Северный археологический конгресс (Ханты-Мансийск, 24-30 сентября 2006 г.). Доклады / Ред. Л.Н. Корякова, П.Ю. Павлов, В.Н. Широков, А.Ф. Шорин. Екатеринбург, Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 226–241.

Марков В.Н. Городище Гремячий Ключ // Древности Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 13 / Отв. ред. Б. С. Соловьев. Йошкар-Ола: Мар НИИ, 1987. С.102–130.

Овсянников В.В., Котов В.Г. Каменные орудия на памятниках кара-абызской культуры Южного Предуралья: трасологический анализ // Stratum plus. 2025. № 3. С. 221–238.

Перевощиков С.Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект) / МИКВАЭ. Т. 2. Ижевск: Ижевский полиграфический комбинат, 2002. 175 с.

Черных Е.М. Зуевоключевское I городище в Удмуртском Прикамье: некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет / Ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 113–131.

Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа) / МИКВАЭ. Т. 16. Ижевск: УдмГУ, 2008. 272 с.

Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевоключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 76–97.

Черных Е.М. О хронологии культурного слоя Зуевоключевского I городища в Удмуртском Прикамье // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25. / Ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широбокова. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 113–123.

Черных Е.М. Позднеананьинское святилище на Зуевоключевском I городище (Нижнее Прикамье) // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 153–165.

Черных Е.М. На перекрестке речных путей: об особенностях функционирования ананьинского городища у д. Зуевы Ключи в Нижнем Прикамье // Stratum plus. 2018. № 3. С. 267–290.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютер. исследований, 2002. 188 с.

Черных Е.М., Цыгвинцева Т.А. Каменные диски с Зуевоключевского I городища // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г. Т. Обыденнова, Н. С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 180–186.

Информация об авторе:

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru ORCID: 0000-0001-5800-7545

REFERENCES

Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. 2006. *Vyatskiy kray na poroge zheleznogo veka: kostyanoy inventar' anan'inskoy epokhi (I tys. do n.e.) (Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Inventory of Ananyino Period (1st Millennium B.C.)).* Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 12. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Beltikova, G. V. 1981. In Stoianov, V. E. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 15. Sverdlovsk: Ural State University, 118–125 (in Russian).

Beltikova, G. V. 1986. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 18. Sverdlovsk: Ural State University, 63–79 (in Russian).

Beltikova, G. V. 1993. In Kovaleva, V.T. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 21. Ekaterinburg: Ural State University, 93–106 (in Russian).

Beltikova, G. V., Stoianov, V. E. 1984. In Stoianov, V. E. (ed.). *Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri (Ancient Settlements of the Urals and Western Siberia)*.Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 17. Sverdlovsk: Ural State University, 130–144 (in Russian).

Gening, V. F. 1975. In P. M. Kozhin, L. V. Kol'tsov, M. P. Zimina (eds.). *Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii* (*Monuments of the Ancient History of Eurasia*). Moscow: "Nauka" Publ., 211–220 (in Russian).

Gening, V. F., Ashihmina, L. I. 1984. In Zherebtsov, L. N. (ed.). *Arkheologo-etnograficheskie aspekty izucheniya Severnogo Priural'ya (Archaeological and ethnographic aspects of the study of the Northern Urals).* Series: Proceedings of the Institute for Language, Literature and History 33. Syktyvkar: Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, 123–137 (in Russian).

Goldina, R. D., Chernykh, E. M. 2011. *Arkheologicheskaia karta Karakulinskogo raiona Udmurtskoi Respubliki (Archaeological Map of the Karakulinsky District of the Udmurt Republic).* Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 18. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Grigoriev, S. A. 2016. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 16, 72–87 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zav'ialov, V. I., Rozanova, L. S., Terekhova, N. N. 2009. *Istoriia kuznechnogo remesla finno-ugorskikh narodov Povolzh'ia i Predural'ia: K probleme etnokul'turnykh vzaimodeistvii (History of Finno-Ugric Peoples' Smithery in the Volga Basin and Cis-Urals Region: to the Issue of Intercultural Interactions)*. Moscow: "Znak" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1977. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Iz istorii i kul'tury volosovskikh i anan'inskikh plemen Srednego Povolzh'ia (Concerning the History and Culture of the Volosovo and Ananyino Tribes from the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 2. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 127–166. (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2006. In Koryakova, L. N., Pavlov, P. Yu., Shirokov, V. N., Shorin, A. F. (eds.). *II Severnyi arkheologicheskii kongress (2nd North Archaeological Congress)*. Yekaterinburg; Khanty-Mansiysk: "Charoid " Publ., 226–241 (in Russian).

Markov, V. N. 1987. In Soloviev, B. S. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 13. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 102–130 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Kotov, V. G. 2025. In *Stratum plus* (3), 221–238 (in Russian).

Perevoshchikov, S. E. 2002. *Zhelezoobrabatyvayushchee proizvodstvo naseleniya Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ia v epohu srednevekov'ia (tekhnologicheskij aspekt) (Iron-Working Practiced by the Population of the Kama-Vyatka Interfluve in the Middle Ages (Technological Aspect))* Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 2. Izhevsk: "Izhevskii poligraficheskii kombinat" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. M. 2004. In Ivanova, M. G. (ed.). *Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 50 let (Fifty Years of Archaeological Expedition in Udmurtia)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 113–131 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2008. *Zhilishcha Prikam'ya (epoha zheleza) (Dwellings of the Kama River region (Iron Age)).* Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 16. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Chernykh, E. M. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 8. Yelabuga: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 76–97 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza: khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area: Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 113–123 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3 (1), 153–165 (in Russian).

Chernykh, E. M. 2018. In *Stratum plus* (3), 267–290 (in Russian).

Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hillfort on the Vyatka River)*. Moscow: Institute of Computer Research (in Russian).

Chernykh, E. M., Tsygvintseva, T. A. 2006. In Obydennova, G. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia (Southern Ural and Adjacent Territories in Scythian and Sarmatian Time).* Ufa: "Gilem" Publ., 180–186 (in Russian).

About the Author:

Chernykh Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; emch59@mail.ru ORCID: 0000-0001-5800-7545

Статья поступила в журнал 25.12.2025 г.
Статья принята к публикации 15.01.2026 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.208.224

КРЕСАЛЬНЫЕ КРЕМНИ НОСИТЕЛЕЙ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ СТАРШЕГО АХМЫЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА)[1]

© 2026 г. А.А. Чижевский, М.Ш. Галимова

В статье рассматриваются кресальные камни Старшего Ахмыловского могильника – самого крупного некрополя ананьинской культурно-исторической области. Идентификация кресальных кремней выполнена на основании археологических и экспериментально-трасологических данных. Первостепенными археологическим признаками данной категории предметов являются фиксация их в погребениях в непосредственной близости от органических остатков трута и железных кресал. Роль последних играли обломки ножей и других небольших железных предметов. В результате морфологического и статистического анализа серии кремней (49 штук) были выделены семь групп, которые различаются значениями длины, ширины и соотношения высоты к ширине объекта. На торцах большинства рассмотренных экземпляров наблюдаются макро-траслогические признаки кресальных кремней: сильная забитость граней, смятая кромка ударного края, ступенчатые сколы, мелкие конические выемки, царапины. Отмечены находки кремней без следов износа, а также символические находки, заменяющие кресальные кремни: тонкая ребристая пластина, обломок тесла и наконечник стрелы. Кресальные кремни чаще встречались в мужских погребениях, нежели в женских. Датируются погребения с кресальными кремнями Старшего Ахмыловского могильника IX–V вв. до н.э.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, кресальные кремни, группировка, трасология, хронология

FIRE STRIKING FLINTS OF THE ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL AREA BEARERS (BASED ON MATERIALS FROM THE SENIOR AKHMYOLOVO BURIAL GROUND)[2]

A.A. Chizhevsky, M.Sh. Galimova

This paper deals with fire striking flints from the Senior Akhmylovo burial ground, the largest necropolis of the Ananyino cultural and historical area. The identification of the fire striking flints is carried out using archaeological and experimental-use wear analysis data. The primary archaeological indicators for this category of items are their placement in burials in close proximity to organic tinder remains and iron firefiresteel. The latter were represented by fragments of knives and other small iron objects. A morphological and statistical analysis of the flints (49 pieces) revealed seven groups distinguished by length, width, and the height-to-width ratio. There are macro-use-wear traces of fire striking flints on the ends of most studied artifacts, including heavily clogged edges, deformed striking edges, step flakes, small conical pits and scratches. The flints with no wear traces have been recorded, as well as symbolic artifacts that substituted for fire lighting flints: a thin ribbed blade, a fragment of an adze, and an arrowhead. Fire striking flints occur more frequently in male burials than in female ones. The burials containing fire striking flints at the Senior Akhmylovo burial ground date to the IX–V centuries BC.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Early Iron Age, Ananyino cultural and historical area, fire striking flints, classification, use-wear analysis, chronology

В первой четверти XXI века был опубликован ряд статей, касающихся морфологической и трасологической характеристик кресальных кремней, обнаруженных на памятниках от

[1] Исследование выполнено в рамках п. 27 «Организация и проведение историко-археологических исследований культуры Западного Приуралья в эпоху великого переселения народов» региональной программы Республики Татарстан «История и культура народов Степной Евразии».

[2] The research was carried out within the framework of item 27 "Organization and conduct of historical and archaeological research of the culture of the Western Urals in the era of the Great migration of peoples" of the regional program of the Republic of Tatarstan "History and Culture of the peoples of Steppe Eurasia".

неолита до Средневековья, а также оружейных и кресальных кремней Нового времени, что способствовало развитию данного направления исследования древних артефактов (Сериков, 2003; Галимова, Ситдиков, Хабаров, 2014; Колесник, Гусач, 2022).

Впервые эту тему затронул Ю.Б. Сериков в 1996 г., а потом в ряде статей последовательно обосновал свою позицию и определил ряд визуальных признаков, характеризующих кресальные кремни (Сериков, 1996, 2002, 2019). Кроме того, исследователь зафиксировал случаи подбора и повторного использования древних кремневых изделий – фрагментов ножевидных пластин, скребков и нуклеусов – в качестве кресальных кремней на святилище эпохи раннего железа и Средневековья на горе Голый Камень в черте города Нижний Тагил (Сериков, 2003).

В терминологии инструментов для добывания огня существуют разночтения. Согласно данным Ю.Б. Серикова, к инструментам добывания огня относятся огнива и кресала (кресальные кремни), причем исследователь нередко употребляет термин «кресала» как синоним «огнив» (Сериков, 2003, с. 258).

Если обратиться к энциклопедическим изданиям, огниво – это «кусок камня или металла для высекания огня ударом о кремень» (Ожегов, Шведова, 1992) и «кресало, железное или стальное изделие (преимущественно калачевидной или прямоугольно-овальной формы), служащее для добывания огня путём ударов о кремень» (БСЭ, 1974). Способ использования этого инструмента состоял в высекании (кресании) огнивом (железом или камнем) огня из кремня (кресала) (Даль, 1863, с. 200; Сериков, 2003, с. 258).

В этой связи необходимо отметить, что многие исследователи рассматривают процесс высекания огня как взаимодействие кресала (железного или стального) с кресальным кремнем, а огнивом зачастую считается весь набор, состоящий из кресала, кресального кремня и трута.

В начале 2010-х годов для решения вопроса идентификации ружейных и кресальных кремней из раскопок в исторической части Казани были изготовлены и использованы эталонные кресальные кремни. В экспериментах было использовано железное кресало, относящееся к XV–XVII вв. (случайная находка) и кремневые отщепы.

Изучение под микроскопом эталонов кресальных кремней позволило определить макроследы их использования: «смятая», «разорванная» кромка ударного края и прилегающих поверхностей обоих фасов; глубокие ступенчатые, «занозистые» сколы, утончающие ударную кромку с обеих сторон; «забитость» поверхности ударного края; прерывистые пунктирные царапины, образование мелких кольцевых трещинок, а также выемок и, наоборот, микроскопических ударных бугорков в точках прямого удара кремня о кресало (Галимова, Ситдиков, Хабаров, 2014, с. 256–276).

По мере многократного высекания искры ударная кромка кремня срабатывается. Это выражается в переходе от ступенчато-занозистого утончения к грубому притуплению и даже скруглению ударной кромки в связи со скалыванием нескольких рядов глубоких сколов и образованию микроскопических кольцевых трещин и выемок. Зачастую сильно «забитые» участки ударной кромки интенсивно сработанных кресальных кремней выглядят как будто бы подвергнуты обработке абразивом (Галимова, Ситдиков, Хабаров, 2014).

Специальных работ, посвященных изучению кресальных кремней ананьинской культурно-исторической области (КИО), до последнего времени не было, хотя эта тема поднималась в работах А.Х. Халикова и В.С. Патрушева (Халиков, 1977, с. 155; Патрушев, Халиков, 1982).

А.Х. Халиков указывал на наличие огнив в погребениях, признаком которых являлся, по мнению исследователя, тлен трута (желтого или белого скопления органики), окиси железа или небольшого фрагмента железного предмета, а также кремня. Иногда огнива помещались в небольшие деревянные ящички (Халиков, 1977, 155 с.). По этим признакам А.Х. Халиков выделял присутствие огнив в нескольких некрополях ананьинской КИО: Младшем Волосовском, Новомордовском I, Старшем Ахмыловском, Тетюшском (Халиков, 1977, 155 с.).

Ю.Б. Сериков на основании выделенных им признаков определил в качестве кресальных камней кремни из Залазнинского могильника и Гляденовского костища, памятников, также относящихся к ананьинской КИО (Сериков, 2006, 260 с.).

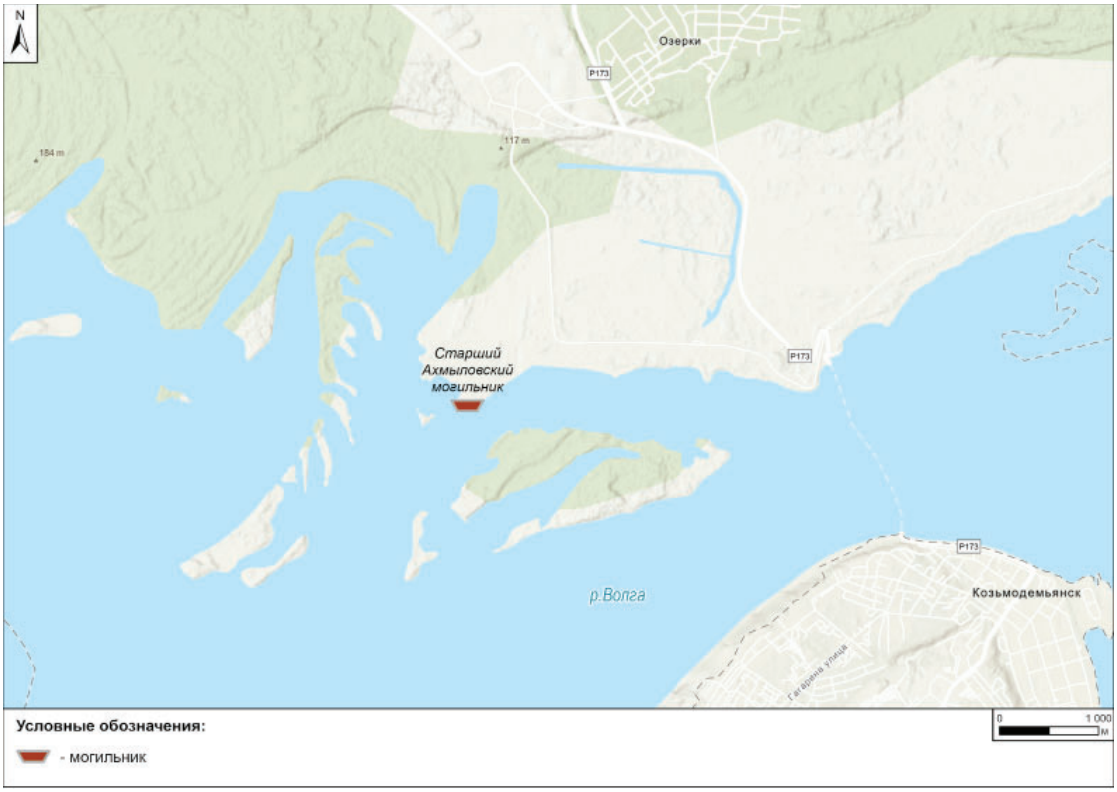


Рис. 1. Местоположение Старшего Ахмыловский могильника.
Fig. 1. Location of the Senior Akhmylovo burial ground

В нашей работе мы акцентировали внимание на Старшем Ахмыловском могильнике, самом крупном некрополе ананьинской КИО, в котором можно получить наиболее представительную выборку кресальных кремней.

Старший Ахмыловский могильник располагался в Горномарийском районе Республики Марий Эл (рис. 1). Он был выявлен в 1960 г. П.Н. Старостиным, который во время разведочных работ на территории Республики Марий Эл ознакомился с находками, сделанными учащимися Ахмыловской школы, и сообщил о них А.Х. Халикову. Работы на памятнике под руководством А.Х. Халикова (1962, 1963 гг.), П.Н. Старостина (1965 г.), А.Х. Халикова и В.С. Патрушева (1966–1969 гг.), В.С. Патрушева (1973–1977 гг.)[1] осуществлялись в течение 12 лет. За этот период времени было выявлено 930 могил раннего железного века, содержащих 1080 погребений (Патрушев, Халиков, 1982, с. 8).

По подсчетам А.Х. Халикова, коллекция Старшего Ахмыловского могильника насчитывала 280 погребений, содержащих огнива. Мы для более точного отождествления находок как кресальных кремней руководствовались нахождением в погребении тлена трута с лежащим на нем или рядом с ним кремнем. Таковых на данном некрополе насчитывается 47 погребений с 48 кремнями и ещё один кресальный кремень был найден в отвале раскопа I 1974 г. и атрибутирован по характерным признакам и наличию следов трута.

Часть находок трута не нашла отражения в публикации 1982 г. (Патрушев, Халиков, 1982), но зафиксирована в коллекционных описях. К тому же на некоторых кресальных кремнях наблюдаются отложения остатков трута. Кроме того, отмечены еще 18 кремней, выявленных в погребениях и межмогильном пространстве, без остатков тлена трута, которые при дальнейшем изучении могут быть кресальными кремнями.

Учитывая тот факт, что коллекция Старшего Ахмыловского могильника была изучена нами полностью, можно говорить о том, что в некрополе было все же меньше погребений с кресальными кремнями, чем об этом упоминал А.Х. Халиков, или же они были утрачены при хранении. Это обстоятельство усугубляется еще и тем фактом, что находки кремневых изделий из погребений Старшего Ахмыловского могильника в иллюстрациях публикации 1982 г. были даны в единичных случаях,

когда их форма имела очертания узнаваемых предметов, таких как скребки, наконечники стрел или тесел, в остальных случаях изображения кремней не публиковались.

Имеющаяся у нас серия из 49 (n) объектов с точки зрения статистики рассматривается как выборка из генеральной совокупности всех потенциально имевшихся на Старшем Ахмыловском могильнике кресальных кремней. Для облегчения работы с коллекцией и определения наиболее характерных форм кремней её необходимо разбить на группы. Каждый из этих объектов можно описывать некоторым числом количественных мерных признаков, но мы воспользовались лишь длиной и шириной – параметрами, наиболее ярко характеризующими форму объекта. В качестве основного инструмента описания формы объекта использовалась пропорция отношения длины к ширине.

Кроме того, производились замеры толщины, но они не оказали существенного влияния на группировку, поэтому мы не учитывали их в расчетах.

Для построения вариационного ряда количественные значения признака, полученные замерами, как правило, отображают в виде интервала, при этом область значений разбивается на ряд отрезков с определенным значением (α). Для получения оптимального значения интервала мы использовали формулу Стерджеса:

$$\alpha = \frac{x_{max} - x_{min}}{1 + \log_2 n} = \frac{2,6 - 0,8}{1 + \log_2 49} = 0,27092 \approx 0,27$$

В результате вся совокупность кресальных кремней была разбита на семь групп, которые отображают распределение соотношения/пропорции длины к ширине объекта. Была подсчитана также плотность распределения полученного интервала, то есть отношение частоты данного признака к величине интервала (Федоров-Давыдов, 1987, с. 26–28).

Размеры, пропорции и другая информация о группах кресальных кремней представлены в табл. 1.

В **первую** группу вошли три кремня (рис. 2: 1–3), размеры их следующие: длина 2,3–4,7 см, ширина 2,3–4,7 см, соотношение высоты к ширине 0,8–1,07. Это аморфные, плохо обработанные камни, не имеющие устойчивой формы. В одном случае предмет выполнен из опоки с включениями кремня (рис. 2: 3), в остальных случаях кремни этой группы выполнены из местного камня невысокого качества. Тем не менее, судя по характерным местам забитостей, эти кремни использовались в качестве кресальных.

Ко **второй** группе относится 11 камней (рис. 3: 1–11), параметры их таковы: длина 2,8–5,1 см, ширина 2,1–5,0 см, соотношение высоты к ширине 1,08–1,35. Они выработаны из местного и галечного кремня, на рабочих поверхностях большей части камней отмечены характерные следы сработанности. Отмечены кремни овальной, трапециевидной и подчетырехугольной формы. Отдельные экземпляры имеют минимальную обработку поверхности, другие дорабатывались тщательнее.

К **третьей** группе принадлежит 14 кремней (рис. 4: 1–14), длина их варьирует в пределах 3,3–5,4 см, ширина 2,1–3,5 см. Отношение высоты к ширине у кремней этой группы находится в пределах 1,36–1,63. Все они выполнены из местного кремня, в основном невысокого качества. Наряду с хорошо обработанными кремнями встречаются отдельные камни со слабой обработкой поверхности. Один предмет в этой группе выглядит случайным – это тонкая кремневая пластина (рис. 4: 1), которая явно положена в погребение как символическая замена реальному кресальному кремню. Кресальным кремням третьей группы придавалась овальная, трапециевидная и подчетырехугольная форма.

Четвертая группа представлена 12 кремнями (рис. 5: 1–12), размеры их следующие: длина 3,4–6,6 см, ширина 2,0–3,9 см, соотношение высоты к ширине 1,64–1,91. Все предметы данной группы выполнены из местного и галечного кремня. Эта группа представлена изделиями, форма которых передавалась крупными сколами и отщепами. Кресальные кремни четвертой группы имеют подчетырехугольную, подтреугольную и овальную формы.

Пятая группа немногочисленна, к ней относятся четыре кремня (рис. 6: 2–5), параметры их таковы: длина 4,4–7,4 см, ширина 2,2–3,4 см, отношение высоты к ширине составляет 1,92–2,19. Все предметы выполнены из местного кремня и только в черновой обработке, иногда весьма поверхностной. Кресальным кремням пятой группы придавалась подтреугольная и овальная формы.

Таблица. 1. Старший Ахмыловский могильник, параметры кресальных камней и статистические данные.
Table 1. Senior Akhmylovo burial ground, parameters of fire striking flints and statistical data

№ погребения	размеры	дл:шир	частота	частость	интервал 0,27	плотность отн.	плотность ≈	Группа №
847	33-40-22	0,8	3	0,0612	0,8-1,07	0,22666	11	1
390	47-47-9	1	3		0,8-1,07			1
230	23-23-15	1	3		0,8-1,07			1
365	36-32-13	1,1	11	0,204	1,08-1,35	0,75555	37	2
967	36-34-12	1,1	11		1,08-1,35			2
103	41-39-15	1,1	11		1,08-1,35			2
679	31-27-14	1,1	11		1,08-1,35			2
422	38-32-13	1,2	11		1,08-1,35			2
358	27-22-19	1,2	11		1,08-1,35			2
769	59-50-28	1,2	11		1,08-1,35			2
223	28-21-17	1,3	11		1,08-1,35			2
232	44-35-15	1,3	11		1,08-1,35			2
767	37-28-19	1,3	11		1,08-1,35			2
32	35-27-21	1,3	11		1,08-1,35			2
221	37-26-16	1,4	14	0,2857	1,36-1,63	1,0581	51	3
693	34-25-8	1,4	14		1,36-1,63			3
383	44-32-13	1,4	14		1,36-1,63			3
210	37-25-12	1,5	14		1,36-1,63			3
139	48-31-14	1,5	14		1,36-1,63			3
337	50-33-18	1,5	14		1,36-1,63			3
336	51-33-25	1,5	14		1,36-1,63			3
59	54-35-19	1,5	14		1,36-1,63			3
Р1, Д19,1974	33-22-14	1,5	14		1,36-1,63			3
48	43-29-12	1,5	14		1,36-1,63			3
141	47-30-14	1,6	14		1,36-1,63			3
206	37-23-16	1,6	14		1,36-1,63			3
121	33-21-6	1,6	14		1,36-1,63			3
915	46-28-14	1,6	14		1,36-1,63			3
376	34-20-16	1,7	12	0,2448	1,64-1,91	0,90666	44	4
154	44-26-21	1,7	12		1,64-1,91			4
50	66-39-28	1,7	12		1,64-1,91			4
275	47-27-18	1,7	12		1,64-1,91			4
240	52-30-18	1,7	12		1,64-1,91			4
163	49-27-14	1,8	12		1,64-1,91			4
880	50-27-18	1,8	12		1,64-1,91			4
883	42-23-18/13	1,8	12		1,64-1,91			4
140	51-27-20	1,9	12		1,64-1,91			4
231	50-27-26	1,9	12		1,64-1,91			4
119	51-27-14	1,9	12		1,64-1,91			4
670	43-23-19	1,9	12		1,64-1,91			4
135	46-23-16	2	4	0,0816	1,92-2,19	0,30222	14	5
221	44-22-21	2	4		1,92-2,19			5
143	68-32-18	2,1	4		1,92-2,19			5
185	74-34-17	2,19	4		1,92-2,19			5
112	52-23-15	2,3	4	0,0816	2,20-2,47	0,30222	14	6
925	95-41-27	2,3	4		2,20-2,47			6
125	52-22-18	2,4	4		2,20-2,47			6
276	77-32-21	2,4	4		2,20-2,47			6
514	53-20-10	2,6	1	0,0204	2,48-2,75	0,07555	3	7

Рис. 2. Старший Ахмыловский могильник, кресальные кремни, группа 1 (1–3), железные кресала (4–6) и трут (7–9). 1 – погребение 230; 2 – п. 847; 3 – п. 390; 4 – п. 376; 5 – п. 358; 6 – п. 769; 7 – п. 514; 8 – п. 112; 9 – п. 223.
Fig. 2. Senior Akhmylovo burial ground, fire striking flints, group 1 (1–3), iron firesteels (4–6) and tinder (7–9). 1 – burial 230; 2 – b. 847; 3 – b. 390; 4 – b. 376; 5 – b. 358; 6 – b. 769; 7 – b. 514; 8 – b. 112; 9 – b. 223.

Шестая группа также немногочисленна, в её состав входят четыре кремня (рис. 6: 6–9), размеры их следующие: длина 5,2–9,5 см, ширина 2,2–4,1 см, соотношение высоты к ширине составляет 2,20–2,47. Все предметы выполнены из местного кремня. Среди предметов данной группы выделяется обломок тесла с утраченной лезвийной частью (рис. 6: 9), следов кресания на предмете не выявлено. Учитывая тот факт, что данный предмет лежал среди тлена трута, следует предположить его помещение в погребение как символическую замену кресального камня. Остальные кремни имеют минимальную обработку поверхности для придания им определенной формы – подтреугольной и подчетырехугольной.

Седьмая группа состоит из одного предмета – это наконечник стрелы (рис. 6: 1), который, вероятно, помещен в могильную яму как замена кресального камня. Его размеры: длина 5,3 см, ширина 2,0 см, соотношение высоты к ширине составляет 2,48–2,75. Наконечник стрелы лежал внутри трута, поэтому его принадлежность к кресальным кремням не вызывает сомнения.

Что касается трасологических признаков использования кресальных кремней, описанных выше, то они наблюдаются (с разной степе-

Рис. 3. Старший Ахмыловский могильник, кресальные кремни, группа 2. 1 – погребение 223; 2 – п. 32; 3 – п. 365; 4 – п. 679; 5 – п. 422; 6 – п. 967; 7 – п. 767; 8 – п. 358; 9 – п. 103; 10 – п. 232; 11 – п. 769.
Fig. 3. Senior Akhmylovo burial ground, fire striking flints, group 2. 1 – burial 223; 2 – b. 32; 3 – b. 365; 4 – b. 679; 5 – b. 422; 6 – b. 967; 7 – b. 767; 8 – b. 358; 9 – b. 103; 10 – b. 232; 11 – b. 769.

нью интенсивности) на торцах подавляющего большинства рассмотренных в данной работе кремней. Это глубокие ступенчатые сколы, многочисленные мелкие выемки, «забитость» поверхности ударного торца и прилегающих краев, скругление ударных кромок и граней, которое в ряде случаев приводит к формированию «абразивной» поверхности (рис. 7).

Следы кресания отсутствуют лишь на наконечнике стрелы, составляющем группу 7 (рис. 6: 1), и на сломанном тесле с бифасиальной обработкой из группы 6 (рис. 6: 9).

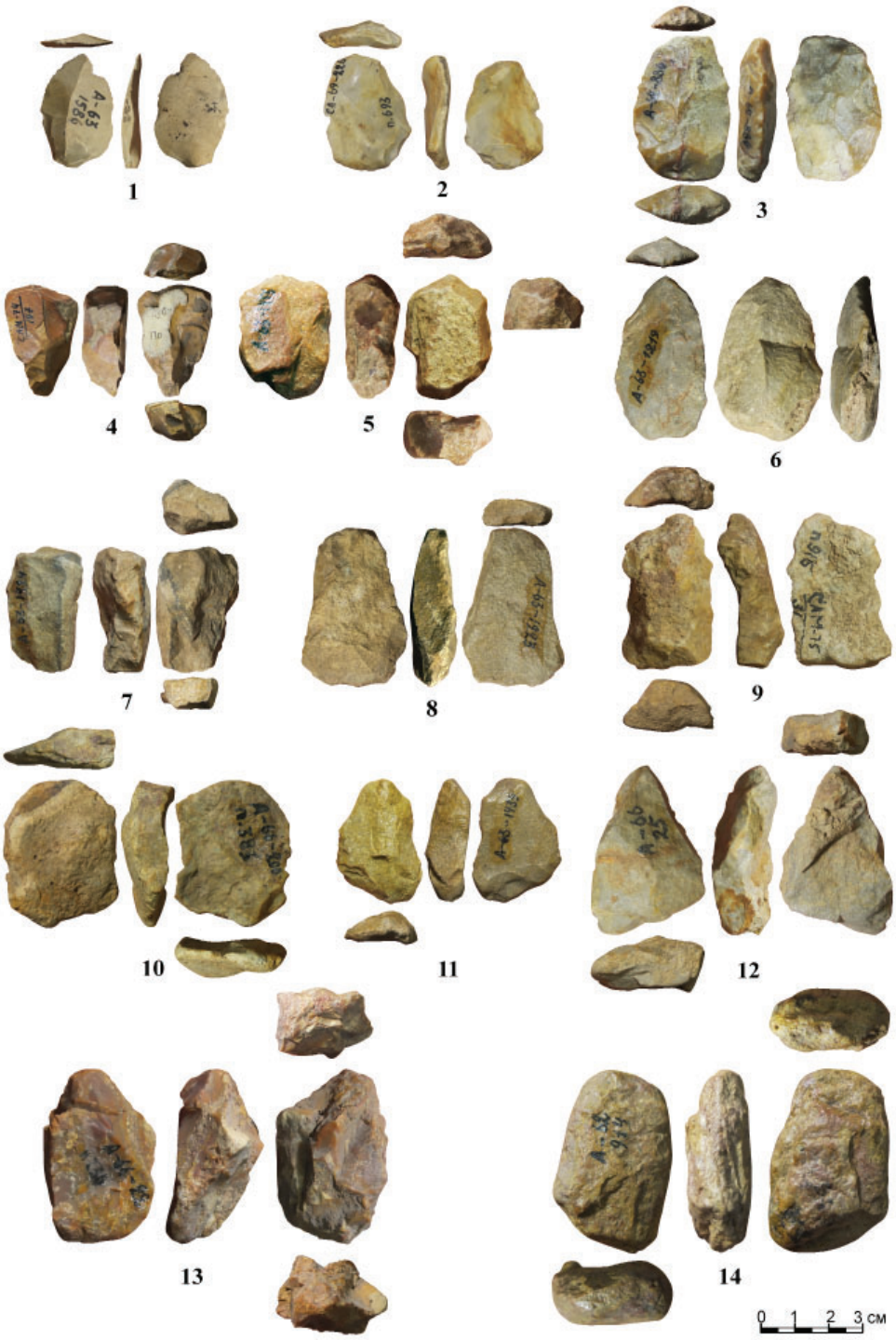


Рис. 4. Старший Ахмыловский могильник, кресальные кремни, группа 3. 1 – погребение 121; 2 – п. 693; 3 – п. 48; 4 – раскоп 1 1974 г., участок Д19, отвал; 5 – п. 221; 6 – п. 139; 7 – п. 206; 8 – п. 141; 9 – п. 915; 10 – п. 383; 11 – п. 210; 12 – п. 337; 13 – п. 336; 14 – п. 59.

Fig. 4. Senior Akhmylovo burial ground, fire striking flints, group 3. 1 – burial 121; 2 – b. 693; 3 – b. 48; 4 – excavation area 1 1974 г., plot Д19, dump; 5 – b. 221; 6 – b. 139; 7 – b. 206; 8 – b. 141; 9 – b. 915; 10 – b. 383; 11 – b. 210; 12 – b. 337; 13 – b. 336; 14 – b. 59.

На основании вариационного ряда распределения кресальных кремней по пропорции отношения длины к ширине была построена гистограмма (рис. 8). На оси абсцисс размещены значения интервалов, на оси ординат плотность распределения признака.

Следует отметить, что на гистограмме хорошо видна неравномерность распределения данного признака. Из вариационного ряда

Рис. 5. Старший Ахмыловский могильник, кресальные кремни, группа 4. 1 – погребение 376; 2 – п. 154; 3 – п. 275; 4 – п. 240; 5 – п. 163; 6 – п. 880; 7 – п. 231; 8 – п. 883; 9 – п. 670; 10 – п. 119; 11 – п. 140; 12 – п. 50.
Fig. 5. Senior Akhmylovo burial ground, fire striking flints, group 4. 1 – burial 376; 2 – b. 154; 3 – b. 275; 4 – b. 240; 5 – b. 163; 6 – b. 880; 7 – b. 231; 8 – b. 883; 9 – b. 670; 10 – b. 119; 11 – b. 140; 12 – b. 50.

сильно выбиваются группы 1 и 7. В первом случае в группу 1 входят аморфные, плохо обработанные камни, не имеющие устойчивой формы, которые тем не менее использовались как кресальные (рис. 2: 1–3). Во втором случае в группу 7 входит наконечник стрелы, не имеющий следов использования (рис. 6: 1), в данной ситуации это выглядит как символи-

Рис. 6. Старший Ахмыловский могильник, кресальные кремни, группы 5–7. 1 – погребение 514; 2 – п. 135; 3 – п. 221; 4 – п. 143; 5 – п. 185; 6 – п. 112; 7 – п. 125; 8 – п. 276; 9 – п. 925.
Fig. 6. Senior Akhmylovo burial ground, fire striking flints, group 5–7. 1 – burial 514; 2 – b. 135; 3 – b. 221; 4 – b. 143; 5 – b. 185; 6 – b. 112; 7 – b. 125; 8 – b. 276; 9 – b. 925.

ческая замена кресального кремня на кремневое изделие, которое потенциально могло способствовать получению огня.

Группы 3 (14 экз.) и 4 (12 экз.) (рис. 4; 5) наиболее многочисленны и представляют более половины от рассматриваемого количества кресальных кремней Старшего Ахмыловского могильника. По всей вероятности, их форму и размеры следует рассматривать как типичные для данного некрополя.

Рис. 7. Старший Ахмыловский могильник, кресальные кремни со следами использования. 1 – группа 2, погребение 32; 2 – гр. 2, п. 422; 3 – гр. 2, п. 767; 4 – гр. 3, п. 221; 5 – гр. 3, п. 336; 6 – гр. 4, п. 154.
Fig. 7. Senior Akhmylovo burial ground, fire striking flints with the use-wear traces. 1 – group 2, burial 32; 2 – gr. 2, b. 422; 3 – gr. 2, b. 767; 4 – gr. 3, b. 221; 5 – gr. 3, b. 336; 6 – gr. 4, b. 154.

Приближается к ним по количеству группа 2 (11 экз.) (рис. 3), но она более разнородна по форме, а некоторые фрагменты представляют собой просто куски кремня с минимальной доработкой и следами использования.

Группы 5 и 6 немногочисленны, к ним относится по 4 экз. кремней (рис. 6: 2–9). Пропорционально их количеству в них представлено больше слабо обработанных кресальных кремней. А в 6 группу, кроме того, включено сломанное тесло (рис. 6: 9), которое использовалось в качестве символической замены кресального кремня.

Технология использования огнив подразумевала удерживание кресального кремня в одной руке и удар по нему железным кресалом другой рукой. Соответственно, размеры кресальных кремней должны быть удобны для зажимания их ладонью. В скифском могильнике Глиное, они составляли 3–6 см в длину и 1–3 см в толщину (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016, с. 819). Размеры кресальных кремней из Старшего Ахмыловского могильника сопоставимы и составляют от 2,3 до 7,7 см в длину и 0,6–2,8 см в ширину. Большими размерами (9,5 на 2,7 см) отличается кресальный камень вторичного исполь-

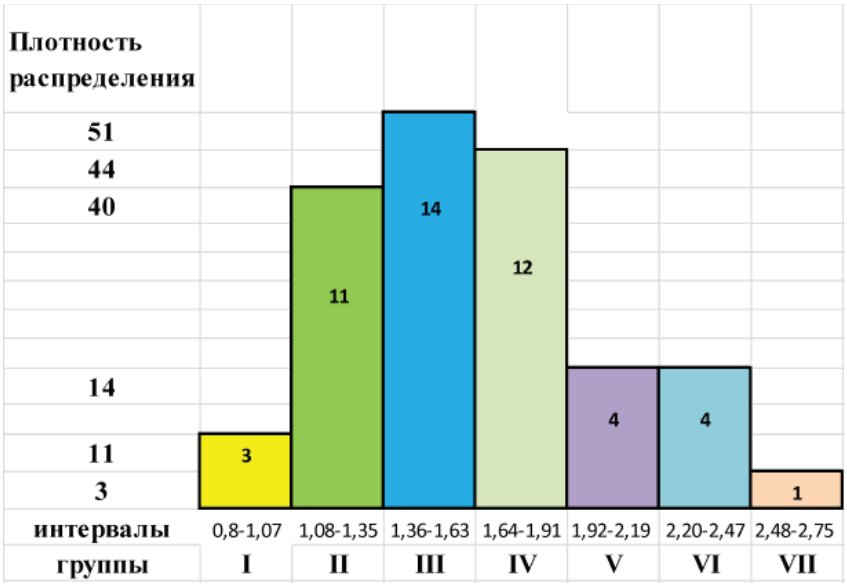


Рис. 8. Старший Ахмыловский могильник. Гистограмма распределения кресальных кремней по соотношению высоты к ширине.
Fig. 8. Senior Akhmylovo burial ground. Histogram of the distribution of fire striking flints by height-to-width ratio.

зования из погр. 925, изготовленный из тесла эпохи неолита – бронзы.

Напомним на Старшем Ахмыловском могильнике выявлено 930 погребений, содержащих 1080 погребенных людей (Патрушев, Халиков, 1982, с. 8). Таким образом, представленная выборка кресальных кремней, связанных с погребениями людей, в которых зафиксирован тлен трута, составляет 4,54% от общего количества захоронений. Среди погребений этой группы (с тленом трута) выделяются два кремневых изделия (погр. 925, 514), представленных теслом (рис. 6: 9) и наконечником стрелы (рис. 6: 1), которые не были использованы в кресании. Вместе с тем оба изделия зафиксированы в тлене от трута, поэтому характер их использования или символического отождествления с кресальными кремнями очевиден.

Так как состояние костей умерших людей, захороненных на территории Старшего Ахмыловского могильника, очень плохое, определение пола и возраста погребенных традиционными методами антропологии невозможно, поэтому при атрибуции пола погребений с кресальными кремнями приходится руководствоваться сопровождающим инвентарем. Судя по этим признакам, удалось определить 31 мужское и шесть женских погребений, которые содержали в составе погребального инвентаря остатки огнив с кресальными кремнями. Пол умерших в двенадцати погребениях остался не определенным. Исходя из этих данных, в мужские погребения кресальные кремни носители АКИО помещали в 5,2 раза чаще, чем в женские, по всей видимости, разведение огня было в основном прерогативой мужчин.

В могильных ямах кресальные кремни могли располагаться у головы (23), на поясе (3) и в ногах (7). В остальных случаях (16), вследствие отсутствия или разрушения костей скелета, определить местонахождение кремней не представляется возможным.

Стоит отметить, что только в двух случаях кресальные кремни размещались у тазовых костей, по всей видимости, в кожаном или матерчатом мешочке, подвешенном к поясу, т. е. так, как они могли носиться при жизни. Подобным образом на поясе огнива размещались у скифов (Тельнов, Четвериков, Синика, 2016, с. 821). В остальных случаях с установленным размещением кресальных кремней они помещались в могильную яму как сопровождающий инвентарь или поминальные дары, а не как составляющая часть костюмного комплекса.

В коллекции Старшего Ахмыловского могильника представлены три кресала (рис. 2: 4–6), при ближайшем рассмотрении являющиеся фрагментами ножей, а также немногочисленные образцы тлена трута (рис. 2: 7–9). В качестве остатков кресал рассматриваются также окись железа и ржавчина, фиксирующаяся рядом с трутом (10 экз.). По всей вероятности, как кресала могли использоваться любые другие железные предметы небольших размеров, такие как ножи (19 экз.) и шилья (2 экз.), которые встречены в погребениях с тленом трута и кресальными кремнями.

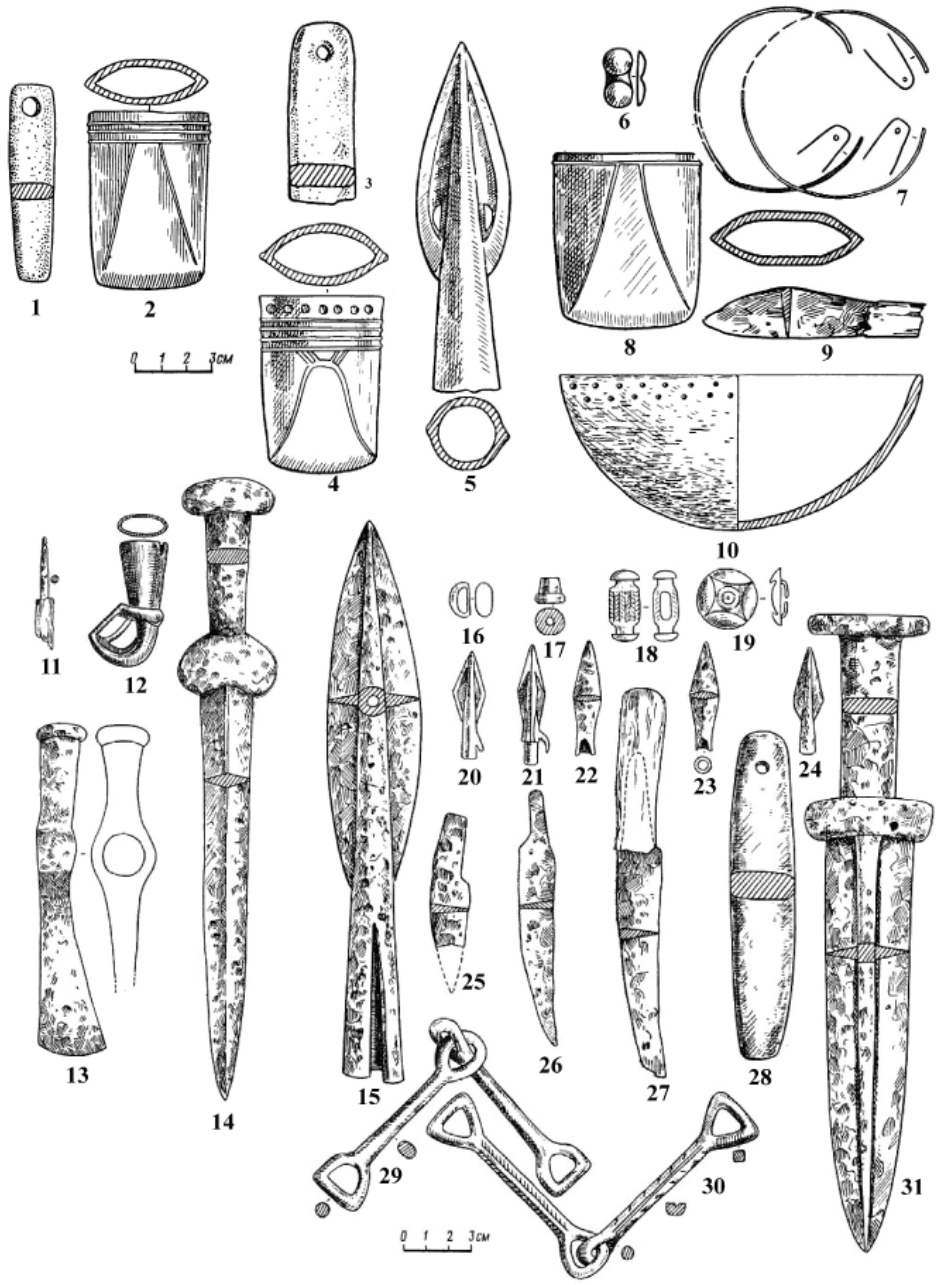


Рис. 9. Старший Ахмыловский могильник, погребения с предметами-хроноиндикаторами.
1, 2 – погребение 231; 3–5 – погр. 365; 6–10 – погр. 185; 11–14 – погр. 336; 15–31 – погр. 383.
Fig. 9. Senior Akhmylovo burial ground, burials with chronological indicator artifacts.
1, 2 – burial 231; 3–5 – b. 365; 6–10 – b. 185; 11–14 – b. 336; 15–31 – b. 383.

К сожалению, датирующих предметов в погребальных комплексах с кресальными кремнями Старшего Ахмыловского могильника немного, а те, что наличествуют, имеют широкие рамки существования. Тем не менее некоторую информацию все же удалось получить.

Наиболее ранними погребениями с кресальными кремнями были погр. 365 (рис. 9: 3–5), 185 (рис. 9: 6–10) и 231 (рис. 9: 1, 2). Первые два погребения датированы IX–VI вв. до н. э. по наконечнику копья типа КД-28 и кельту типа КАН-56-2 в первом случае и по кельту типа КАН-26 – во втором. Погребение 231 датировано несколько шире – IX–V вв. до н. э. по кельту типа КАН-28 (Кузьминых, 1983; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 107, 111).

Относительно узкие даты дали погребение 383 по железному кинжалу, наконечникам стрел с удлиненно-ромбовидной головкой

типа С-10 и четырехлепестковым бляхам (сер. VIII – сер. VII вв. до н. э.) (рис. 9: 15–31) и погребение 336 по кинжалу с брусковидным навершием с наконечником ножен в виде когтя хищной птицы и железному топору-молотку (конец VII – первая пол. VI вв. до н. э.) (рис. 9: 11–14).

Остальные погребения датированы в рамках VIII–V вв. до н. э. или VII–VI вв. до н. э.

Широкое использование огнив стало возможным только после начала раннего железного века и распространения железа. До этого времени огонь добывался высеканием огня камнем о камень, а также использовались другие способы, такие как высверливание его с помощью лучковых сверл. Этот способ ещё долго сосуществовал с огнивами (Литвинский, 1972, с. 50–52; Могильников, 1981, с. 36, 39; Елизаренкова, Топоров, 1999, 507, 508).

Одновременно с появлением огнив в повседневной жизни стали использовать их и в погребальной практике, помещая в могильные ямы. Об этом свидетельствуют находки кресальных кремней в погребениях степных культур предскифского времени – черноголовской и новочеркасской (Бидзиля, Яковенко, 1974, рис. 5: 3; Тереножкин, 1976, с. 95, 99; Махортых, 2005, с. 65, 66, 103). Известны кресальные кремни и в более позднее время, на скифских могильниках они, по всей видимости, были представлены в таком же количестве, как и в предскифское время (Черненко и др., 1986, с. 239, 305, 309, 311, 335; Тельнов, Четвериков, Синика, 2016, с. 127, 162, 176, 240, 343, 482, 491, 560, 561, 656). С подробной информацией о находках кресал в скифских погребениях можно ознакомиться в монографии Тельнова, Четверикова, Синики (2016, с. 819, 821, 822).

Отмечены кресальные кремни и в погребениях ближайших, степных соседей носителей АКИО – савроматов и более отдаленных – саков (Смирнов, 1964, с. 107; Литвинский, 1972, с. 50, 52; Максименко, 1983, рис. 24: 6).

Кремневые изделия, по форме схожие с кресальными кремнями, отмечены на поселениях и в погребениях меотской и других культур Предкавказья (Шарафутдинова, 1989, рис. 6: 3, 4, 7; Галанина, 1989, рис. 13: 27; 14: 7, 9; Прокопенко, 2014, с. 218, 219, рис. 13: 20; 76: 21; 78: 30; 265: 23).

Судя по приведённым аналогиям, размещение огнив в могильных ямах было распространенным обычаем в степной части Северной Евразии и в Предкавказье во время первой фазы раннего железного века.

В то же время наличие огнив в погребениях ананьинской КИО свидетельствует о том, что они были частью общей культурной традиции, которая проявлялась как степной, так и в лесной зонах Северной Евразии.

Необходимо особо подчеркнуть, что во всех перечисленных случаях погребения с огнивами и кресальными кремнями составляли лишь малую часть от общего количества погребенных. По всей видимости, огнива не являлись обязательной частью погребального обряда, возможно, они являлись элементом костюма, и люди могли в равной степени носить их с собой или оставлять в жилище для розжига очага.

Следует особо отметить, что появление кресальных кремней в погребальном обряде ананьинской КИО не было связано со степной традицией раннего железного века. Кресальные кремни известны в инвентаре погребений маклашеевского времени, т. е. с финала бронзового века, где они также сочетаются с тленом трута.

Исходя из приведенных выше данных, можно сформулировать следующие выводы:

1. Форма кресальных кремней Старшего Ахмыловского могильника была разнообразной: от трапециевидной и треугольной до овальной и прямоугольной.

2. Преобладали удлиненные кремни длиной от 2,3 до 7,7 см. Кремни таких размеров было удобно держать в руке. Вероятно, их изготавливали намеренно именно в таких размерах.

3. Вместе с тем фиксируются также аморфные кремни и кремни вторичного использования, которые, по всей видимости, использовали в тех случаях, когда под рукой не было специально изготовленных.

4. На ударных (торцовых) поверхностях изученных кремней наблюдаются макроследы (разной степени интенсивности) от использования для высекания искры.

5. Вместе с тем помещение кресальных кремней в могильные ямы не было обязательной частью погребального обряда, так как они составляют лишь 4,54% от общего количества захоронений Старшего Ахмыловского могильника.

6. В мужские погребения кресальные кремни помещали в 5,2 раза чаще, чем в женские.

7. В качестве кресал использовались обломки ножей или другие железные предметы небольших размеров.

8. Погребения с кресальными кремнями в Старшем Ахмыловском могильнике датируются в широких границах от IX до V вв. до н. э. в пределах всего времени существования некрополя.

Примечание:

[1] Информация взята из коллекционных описей Старшего Ахмыловского могильника, хранящихся в археологическом музее Марийского государственного университета. Авторы выражают благодарность исследователю могильника В.С. Патрушеву, сотрудникам музея, лично В.В. Воронову, а также начальнику центра археолого-этнологических исследований, заведующему кафедрой всеобщей истории Ю.А. Зеленееву за возможность ознакомиться с коллекциями Старшего Ахмыловского могильника.

ЛИТЕРАТУРА

Бидзиля В.И., Яковенко Э.В. Киммерийские погребения Высокой Могилы // СА. 1974. № 1. С. 148–159.

Большая советская энциклопедия. Т. 18 / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1974. 632 с.

Галанина Л.К. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты предки адыгов / Отв. ред. Н.В. Анфимов. Майкоп: Адыгейский ордена Знак почёта НИИ Экономики, языка, литературы и истории, 1989. С. 74–102.

Галимова М.Ш., Ситдиков А.Г., Хабаров В.В. Оружейные и кресальные кремни из раскопок Казани: экспериментально-трасологическое исследование // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 256–276.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 2, И–О. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1865. 725 с.

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII / Отв. ред. Т. Я. Елизаренкова. М. Наука, 1999. С. 487–525.

Колесник А.В., Гусач И.Р. Ружейные и кресальные кремни, ружейные припасы из «русских» культурных слоев крепости Азов XVII–XVIII вв. // Поволжская археология. 2022. № 4 (42). С. 215–229.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 101–137.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 274 с.

Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону. Ростовский университет, 1983. 224 с.

Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях, 2005. 380 с.

Могильников В.А. Тюрки. Сибирские древности VI–X вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С. А. Плетнёва. М. Наука, 1981. С. 29–43.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.:Азъ, 1992. 995 с.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.

Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 2. Ставрополь: СКФУ, 2014. 726 с.

Сериков Ю.Б. К вопросу о высекании огня в древности // XIII Уральское археологическое совещание: тезисы докладов. Ч. 1 / Ред. В.А. Иванов, В.Н. Васильев. Уфа: Восточный университет. 1996. С. 32–34.

Сериков Ю.Б. Каменные орудия для добывания огня // Северный Археологический Конгресс. ТД / Отв. ред. Головнев А.В. Екатеринбург; Ханты-Мансиисск: Академкнига, 2002. С. 251–252.

Сериков Ю.Б. К вопросу об орудиях для высекания огня // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. В честь юбилея Г.Ф. Коробковой / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 254–263.

Сериков Ю.Б. Орудия для добывания огня в древности // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. А.А. Бессуднов, Е.Ю. Захарова Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тяншанского, 2019. С. 392–399.

Смирнов К.Ф. Савроматы: ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 379 с.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное. Тирасполь: Stratum plus, 2016. 1080 с.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа, 1987. 216 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 262 с.

Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев. Наукова думка, 1986. 368 с.

Шарафутдинова Э.С. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железа на Кубани // Меоты предки адыгов / Отв. ред. Н.В. Анфимов. Майкоп: Адыгейский ордена Знак почёта НИИ Экономики, языка, литературы и истории, 1989. С. 46–73.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, заведующая отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru

REFERENCES

Bidzilya, V. I., Yakovenko, E. V. 1974. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 148–159 (in Russian).

Prokhorov, A. M. (ed.). 1974. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya (Great Soviet Encyclopedia).* Vol. 18. Moscow: “Sovetskaya entsiklopediya” Publ. (in Russian).

Galanina, L. K. 1989. In Anfimov, N. V. (ed.). *Meoty predki adygov (The Meots – Ancestors of the Adyghe).* Maykop: Adyghe Order of the Badge of Honor of the Research Institute of Economics, Language, Literature and History, 74–102 (in Russian).

Galimova, M. Sh., Sitdikov, A. G., Khabarov, V. V. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 256–276 (in Russian).

Dahl, V. I. 1865. *Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo iazyka (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)*. Vol. 2. Moscow: “Tip. Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov” Publ. (in Russian).

Elizarenkova, T. Ya., Toporov, V. N. 1999. In Elizarenkova, T. Ya. (ed.). *Rigveda. Mandaly* V–VIII. Moscow: “Nauka” Publ., 487–525 (in Russian).

Kolesnik, A. V., Gusach, I. R. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 42 (4), 215–229 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiia Volgo-Kam’ia v rannem zheleznom veke (med’ i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 101–137 (in Russian).

Litvinskii, B. A. 1972. *Drevnie kochevniki «Kryshi mira» (Ancient Nomads of the “Roof of the World”)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Maksimenko, V. E. 1983. Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu (*The Sauromats and Sarmatians in the Lower Don)*. Rostov on Don: Rostov State University (in Russian).

Makhortykh, S. V. 2005. *Kimmeriytsy Severnogo Prichernomor'ya (The Cimmerians of the Northern Black Sea Region).* Kiev: “Shlyakh” Publ. (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov’ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages).* Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 18. Moscow: “Nauka” Publ., 29–43 (in Russian).

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. 1992. In *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka (Explanatory Dictionary of the Russian Language)*. Moscow: "Az" Publ. (in Russian).

Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intsy (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Volga Ananyino People (The Elder Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Prokopenko, Yu. A. 2014. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoj kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'e vo vtoroi polovine I tys. do n.e (The skythians, sarmatsand koban culture tribes of Central Caucasus (predkavkaz'e) in the second half of the 1st century b. c.).* Stavropol: North Caucasus Federal University (in Russian).

Serikov, Yu. B. 1996. In Ivanov, V. A. (ed.) *XIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie. Tezisy. Ch. 1 (13th Ural Archaeological Readings. Proceedings. Part 1).* Ufa: "Vostochnyi universitet" Publ., 32–34 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2002. In: Golovnev, A. V. (ed.). *Severnyi arkheologicheskii kongress (North Archaeological Congress)*. Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: "Akademkniga" Publ., 251–252 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2003. In Masson, V.M. (ed.). *Peterburgskaia trasologicheskaia shkola i izuchenie drevnikh kul'tur Evrazii: V chest' iubileia G.F. Korobkovoi (Saint Petersburg School of Traceology and the Study of Ancient Cultures of Eurasia: In honor of the Anniversary of G.F. Korobkova).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 254–263 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2019. In Bessudnov, A. N., Zakharova, E. Yu. (eds.). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collection)* 11. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 392–399 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov (The Sauromatians. Early History and Culture of the Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Telnov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2016. *Scythian burial ground of the III–II centuries BC near the village of Glinoe.* Series: Arkheologicheskie pamiatniki Pridnestrov'ia (Archaeological Sites of the Dniester Region) III. Tiraspol: "Stratum plus" Publ. (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriitsy (The Cimmerians)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1987. *Statisticheskie metody v arkheologii: Uchebnoe posobie dlia vuzov po spets. «Istoriia» (Statistical Methods in Archaeology: Study Guide for Universities with Specialization in History*). Moscow: "Vysshaia shkola" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernenko, E. V., Bessonova, S. S., Boltrik, Yu. V., Polin, S. V. 1986. *Skifskie pogrebal'nye pamiatnitki stepey Severnogo Prichernomor'ia (Scythian Burial Monuments in the Steppes of the Northern Black Sea Region).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Sharafutdinova, E. S. 1989. In Anfimov, N. V. (ed.). *Meoty predki adygov (The Meots – Ancestors of the Adyghe).* Maykop: Adyghe Order of the Badge of Honor of the Research Institute of Economics, Language, Literature and History, 46–73 (in Russian).

About the Authors:

Chizhevsky Andrei A., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Galimova Madina Sh. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 13.04.2026 г.
Статья принята к публикации 20.04.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903-09 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.225.243

ПРОДУКТЫ МЕТАЛЛУРГИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПЕЩЕРНОМ КОМПЛЕКСЕ С.М. ПРОКУДИНА-ГОРСКОГО И КРОССУРАЛЬСКИЕ КОММУНИКАЦИИ[1]

© 2026 г. А.Д. Таиров, Е.С. Яковлева, Д.А. Артемьев, И.А. Блинов

В статье исследованы продукты металлургического производства из пещерного комплекса С.М. Прокудина-Горского. Комплекс, который включает две пещеры и грот, находится на западном склоне Уральских гор, в 7 км к северо-западу от города Сим Челябинской области. Грот и пещера С.М. Прокудина-Горского в раннем железном веке являлись временными убежищами для различных человеческих коллективов, а пещера НЛО выступила в качестве временного хранилища депозита в виде слитка меди, совершенного в промежутке между началом IV и концом III в. до н.э. Все проанализированные металлические артефакты изготовлены из металлургически «чистой» меди. Медь получена из разных типов руд, источниками которых могли быть небольшие медные рудопроявления в ультрабазит-базитовых комплексах Главного Уральского разлома, известных от широты города Касли с севера, до города Учалы на юге. Вероятно, в раннем железном веке часть металла из горно-металлургических центров Зауралья, а также лигатур из Саяно-Алтая, Центрального Казахстана и севера Центральной Азии поступала в Волго-Камье через лесостепь Южного Зауралья по трем основным маршрутам, совпадающим с тремя Сибирскими дорогами XVIII века. Один из них проходил там, где позднее пролегала дорога, получившая в XIX веке название «Уфимская дорога» или «Уфимский тракт».

Ключевые слова: археология, ранний железный век, пещерный комплекс, Южное Зауралье, Волго-Камье, металлургия меди, кроссуральские коммуникации

EARLY IRON AGE METALLURGICAL PRODUCTS FROM THE S.M. PROKUDIN-GORSKY CAVE COMPLEX AND CROSS-URAL COMMUNICATIONS[2]

A.D. Tairov, E.S. Yakovleva, D.A. Artemyev, I.A. Blinov

This article examines the metallurgical products from the S.M. Prokudin-Gorsky cave complex. The site, comprising two caves and a rock shelter, is located on the western slope of the Ural Mountains, 7 km northwest of the town of Sim in the Chelyabinsk region. During the Early Iron Age, the Prokudin-Gorsky rock shelter and cave served as temporary shelters for various human groups, while the NLO cave functioned as a short-term storage site for a copper ingot cache, deposited between the early 4th and late 3rd centuries BC. All analyzed metallic artifacts were manufactured from metallurgically "pure" copper. The copper was obtained from different ore types, likely sourced from minor copper occurrences within ultramafic-mafic complexes of the Main Uralian Fault, documented from the latitude of Kasli in the north to Uchaly in the south. It is probable that during the Early Iron Age, a portion of metal from the mining and metallurgical centers of the Trans-Urals, along with alloying additives from the Sayan-Altai region, Central Kazakhstan, and northern Central Asia, reached the Volga-Kama basin via the forest-steppe zone of the Southern Trans-Urals. This movement followed three primary corridors that later corresponded to the three Siberian roads of the XVIII century. One of these corridors passed through the area that became known in the XIX century as the “Ufa Road” or “Ufa Tract”.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, cave complex, Southern Trans-Urals, Volga-Kama region, copper metallurgy, cross-Ural communications

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055, https://rscf.ru/project/24-18-20055/ «Хозяйство и социальная организация скотоводческих обществ Южного Зауралья: от поздней древности до Нового времени»

[2] The study was carried out as a part of the Russian Science Foundation grant No. 24-18-20055, https://rscf.ru/project/24-18-20055/ "Economy and social organization of pastoral societies in the Southern Trans-Urals: from late antiquity to the modern period"

Введение

Археологический пещерный комплекс С.М. Прокудина-Горского включает грот и пещеру С.М. Прокудина-Горского и пещеру НЛО. Выявлен он в 2020 году членом Российского союза спелеологов А.А. Озиминым. В соответствии с принятой в Челябинской области системой паспортизации карстовых и псевдокарстовых полостей пещерам и гроту были присвоены порядковые номера: 1-251 – пещера С.М. Прокудина-Горского; 1-252 – грот С.М. Прокудина-Горского; 1-284 – пещера НЛО.

Пещерный комплекс расположен в 7 км к северо-западу от города Сим и в 1,8 км к востоку от города Миньяр Челябинской области (рис. 1). Все выявленные объекты находятся на левом коренном берегу реки Сим, на высоте 140–150 м от уреза воды в реке. Берег в районе памятника представляет собой крутой склон обширной горной гряды известняка, которая тянется вдоль русла и покрыта сосновым лесом.

В полевом сезоне 2022 года комплексной экспедицией ООО «Центр историко-культурных исследований «Астра» и Челябинского регионального отделения Российского союза спелеологов проведены разведочные работы на территории Ашинского района Челябинской области. В исследованных карстовых полостях выявлены археологические материалы (Яковлева, Чибилев, 2023). Для определения культурно-хронологических позиций рыхлых отложений в пещере и гроте С.М. Прокудина-Горского были заложены шурфы размерами 1×1 м и глубиной до 0,7 м. В шурфе, заложенном в пещере, зафиксированы кости животных голоценовой и позднеплейстоценовой фауны и артефакты эпохи палеолита. Кроме того, здесь найден неорнаментированный фрагмент стенки неолитического сосуда.

В данной работе представлены результаты исследования продуктов металлургии пещерного комплекса С.М. Прокудина-Горского, включающие медный слиток, фрагмент медного котла, трубчатое изделие из медной пластины, наконечник стрелы и фрагмент медного шлака.

Археологический контекст

Грот и пещера С.М. Прокудина-Горского расположены в крупном скальном навесе. Грот находится в восточной части навеса,

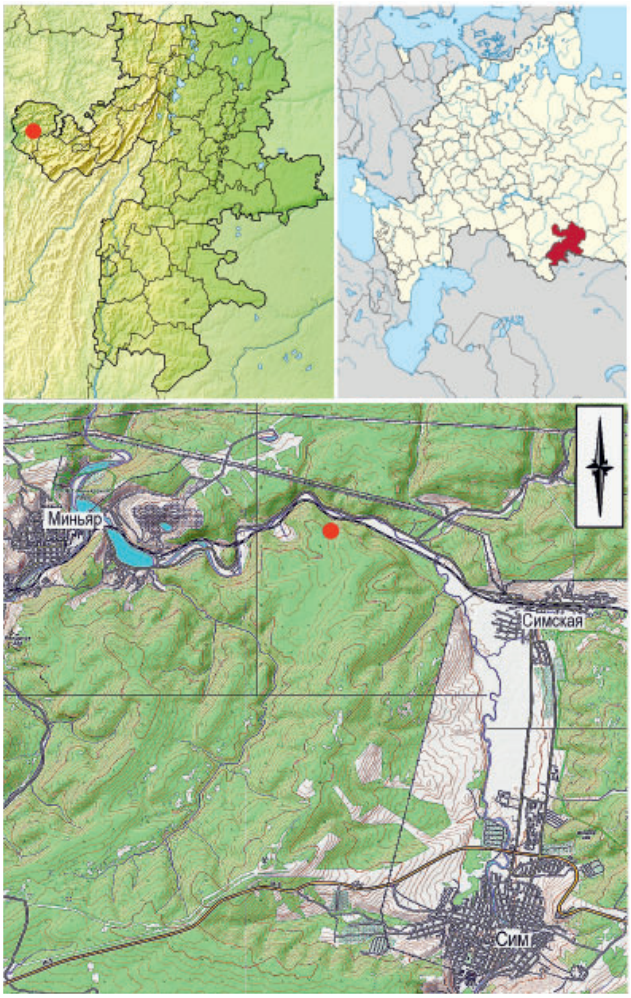


Рис. 1. Пещерный комплекс С.М. Прокудина-Горского. Ситуационный план-схема
Fig. 1. The S.M. Prokudin-Gorsky cave complex. Situational sketch-map.

к северо-востоку от пещеры (рис. 2: Б). Вход грота шириной 22 м обращен на северо-запад. Площадка грота имеет в плане V-образную форму, размеры 22×10 м (рис. 2: Б, II, III). В шурфе найдено восемь артефактов: шесть фрагментов керамики, медный трехлопастной втульчатый наконечник стрелы, нож (?) на кварцитовой плитке (рис. 2: А, 1, 2, 4–9). На одной из костей животных из шурфа зафиксированы следы зарубок и надрезов (рис. 2: А, 3). Керамика представлена неорнаментированными фрагментами стенок сосудов с примесью талька в глиняном тесте. Наружная поверхность фрагментов светло-коричневая, внутренняя – черная (рис. 2: А, 4–9). Материалы из шурфа позволяют отнести памятник к раннему железному веку и, учитывая форму и размеры наконечника стрелы (рис. 2: А, 1), предварительно датировать V–III в. до н. э.

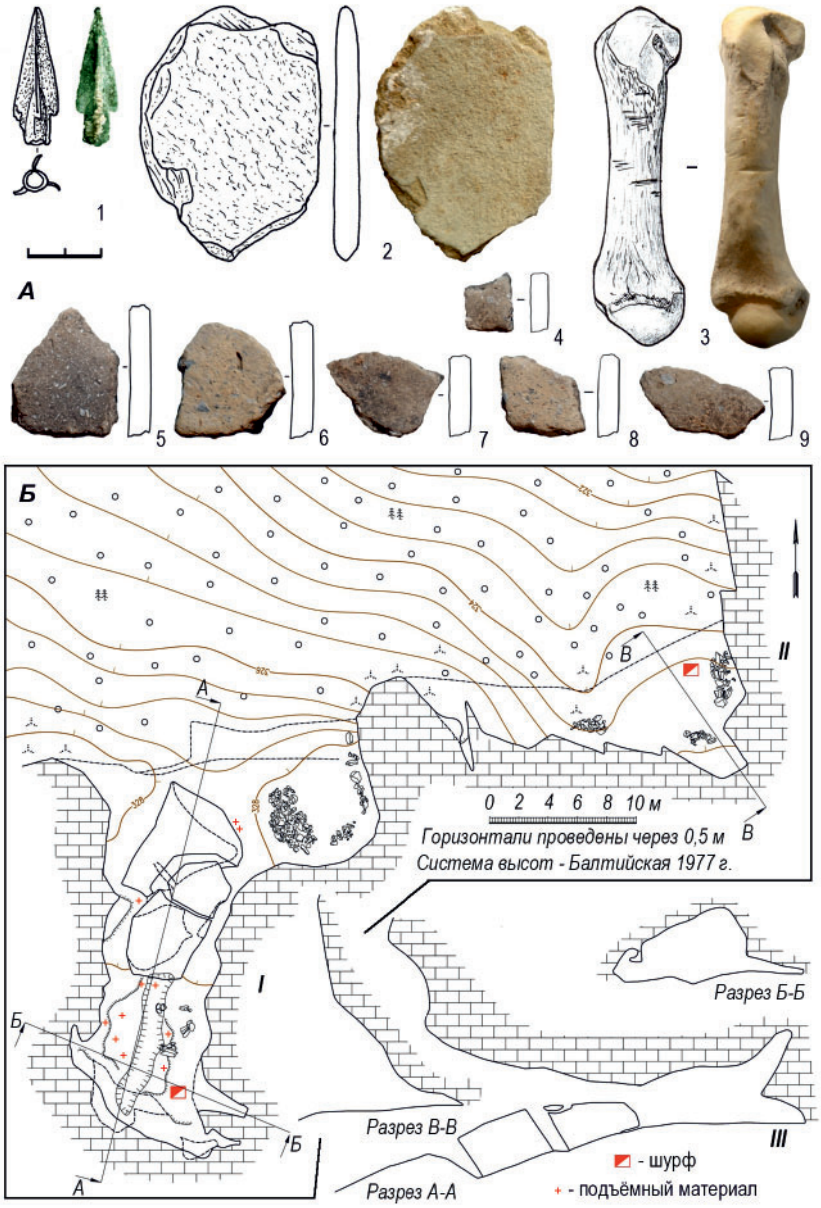


Рис. 2. Пещерный комплекс С.М. Прокудина-Горского. А – материал из шурфа в гроте (1 – медь, 2 – камень, 3 – кость, 4–9 – керамика); Б – план и разрезы грота и пещеры С.М. Прокудина-Горского (I – пещера, II – грот, III – разрезы). Съемка А.А. Озимина (г. Сим)

Fig. 2. The S.M. Prokudin-Gorsky cave complex. A – materials from the test pit in the cave shelter (1 – copper, 2 – stone, 3 – bone, 4–9 – ceramics); Б – plan and sections of the cave shelter and cave (I – cave, II – cave shelter, III – sections). Photography by A.A. Ozimin (town of Sim).

Принимая во внимание характер и мощность залегания культурных напластований, а также набор артефактов, выявленный объект, скорее всего, является кратковременной охотничьей стоянкой раннего железного века.

Вход пещеры С.М. Прокудина-Горского обращен на север, ширина его 20,5 м, высота – около 16 м по «капельной» линии. Длина пещеры 33,5 м, ширина – 8–8,5 м. По её осевой линии проходит сильно оплывшая траншея длиной 10 м, шириной 1,5–2 м и глубиной до 0,7 м. Выкид из траншеи залегает по обеим её сторонам.

При визуальном осмотре пещеры в районе входа (в обнажениях осыпи под валунами) и в отвалах траншеи осуществлены значительные подъемные сборы как археологического, так и остеологического материала. Среди артефактов многочисленные предметы эпохи неолита – энеолита: костяные изделия и заготовки, кремневые нуклеусы, орудия труда на отщепах и пластинах, несколько фрагментов

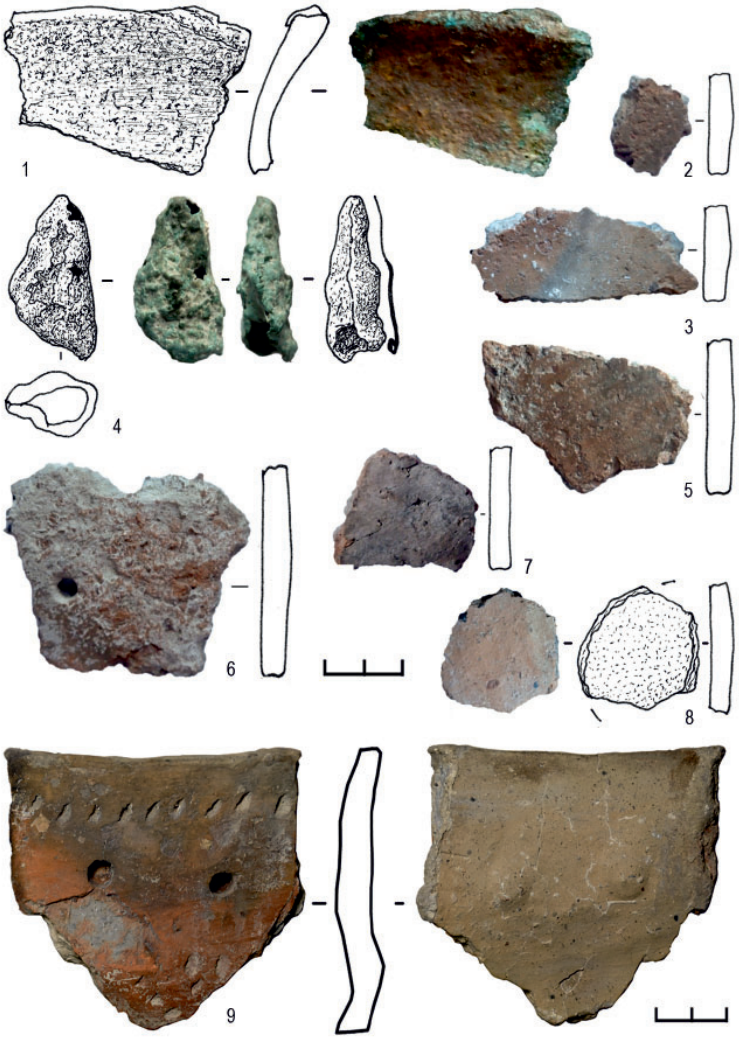


Рис. 3. Пещерный комплекс С.М. Прокудина-Горского. Материал из подъемных сборов в пещере.
1, 4 – медь; 2, 3, 5–9 – керамика
Fig. 3. The S.M. Prokudin-Gorsky **c**ave complex. Material from surface collection in the cave.
1, 4 – copper; 2, 3, 5-9 – ceramics

керамики, кварцитовые плитки (Яковлева, Чибилев, 2023).

Здесь же найдено шесть фрагментов неорнаментированных стенок сосудов (рис. 3: 2, 3, 5–8). Обжиг их неравномерный, наружная поверхность коричневая или серая. В глиняном тесте отмечена примесь крупного шамота, шамота и слюды. На одном фрагменте имеется просверленное сквозное отверстие. Из выкида траншеи происходит единственный орнаментированный фрагмент сосуда (рис. 3: 9) – это часть венчика, шейки и плечика. Шейка прямая, слегка отогнутая наружу. Край венчика уплощен, под ним идет горизонтальный ряд наклонных оттисков ромбовидной в сечении палочки. По шейке – ряд глубоких вдавлений круглой палочки с плоским срезом, которые на внутренний стороне сосуда образуют «жемчужины». Плечико украшено наклонными рядами оттисков ромбовидной в сечении палочки. Наружная поверхность фрагмента коричневая, внутренняя – серая, в глиняном тесте естественная примесь песка и органического раствора.

В отвале траншеи также найдена сплющенная, сильно корродированная трубочка конусовидной формы размерами 4,0×2,2×1,3 см, свернутая из медной пластины (рис. 3: 4). Здесь же поднят фрагмент венчика бронзового котла, диаметр устья которого колеблется в пределах 25–30 см (рис. 3: 1). Судя по нему, у котла была хорошо выраженная, высокая, отогнутая наружу шейка с уплощенным венчиком, имевшим небольшую «закраину»

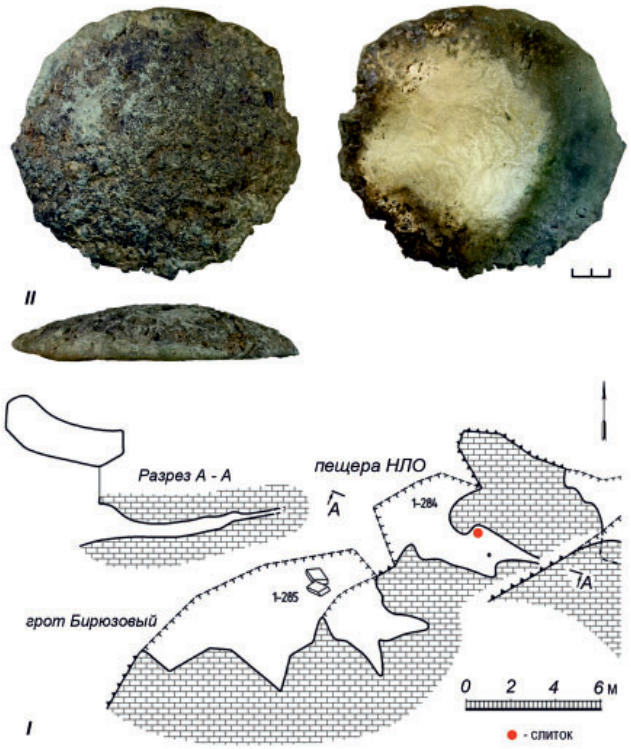


Рис. 4. Пещерный комплекс С.М. Прокудина-Горского. Пещера НЛО и слиток меди. I – план и разрез пещеры НЛО. Съемка А.А. Озимина (г. Сим); II – слиток меди
Fig. 4. The S.M. Prokudin-Gorsky cave complex. The NLO cave and copper ingot. I – plan and section of the NLO cave. Photography by A.A. Ozimin (town of Sim); II – copper ingot.

изнутри. На внутренней пористой корродированной стороне шейки находится округлая «шишечка», появившаяся, очевидно, в результате брака отливки. Размер фрагмента 6,1×4,2×0,4 см при толщине 1 см. Из подъемного материала происходит и фрагмент медного шлака размером около 7 см.

Судя по орнаментированному фрагменту сосуда, керамика с примесью шамота, естественной примесью песка и органического раствора в тесте из пещеры С.М. Прокудина-Горского может быть, в самом предварительном плане, соотнесена с керамикой раннего железного века Волго-Камья и Предуралья.

В целом материалы пещеры указывают на то, что она неоднократно, начиная с эпохи верхнего палеолита до раннего железного века включительно, служила временным жилищем/убежищем для различных человеческих коллективов.

В 155 м к ЗЮЗ от пещеры С.М. Прокудина-Горского в крупном скальном навесе зафиксированы пещера НЛО и два небольших грота (рис. 4: I). Пещера НЛО небольшая: длина ее 7,5 м, ширина входа, направленного на северо-запад, чуть более 2 м, ширина у торцевой стенки около 1,8 м, средняя высота 0,65 м, площадь пола – 15,6 м.

В северном углу ниши, протянувшейся вдоль северо-восточной стенки пещеры, найден слиток меди, лежащий плоской стороной вниз. Вероятнее всего, он был специально спрятан в небольшой пещере, вход в которую слабо заметен и затруднен (рис. 5).

Слиток имеет форму почти круглой плосковыпуклой линзы с несколько неровными краями (рис. 4: II). Диаметр его 14,4–15,2 см, высота 2,8 см, вес 1485 грамма. В медной матрице слитка были запечатаны мелкие фрагменты древесного угля размером до 5 мм.

Методы

Для предварительного анализа медных изделий и шлаков был использован метод рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) на приборе Innov X alpha (ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН, г. Миасс). Исследования минеральных включений в металле и структуры медных изделий были проведены на растровом электронном микроскопе Tescan Vega sbu с энерго-дисперсионной приставкой Oxford Instruments X-act (РЭМ-ЭДА, ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН, г. Миасс). Состав элементов-примесей в медных артефактах и медных каплях шлака был получен методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой и лазерным пробоотбором на масс-спектрометре Agilent 7700x с лазерной приставкой NWR UP-213 (ЛА-ИСП-МС, ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН, г. Миасс). Для фрагментов каждого из предметов было проведено по три линейных анализа; слиток исследовался по четырем разным фрагментам (12 линий); в шлаке исследовано девять капель меди (13 точек). Включение древесного угля из медного слитка продатировано методом ускорительной масс-спектрометрии (УМС) в ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ-ННЦ», г. Новосибирск.

Результаты

Проведенное AMS-датирование фрагментов древесного угля из медного слитка (GV-4392) показал, что калиброванный возраст лежит в пределах 396–205 гг. до н. э. (с вероятностью 94,5%), что соответствует началу IV – концу III в. до н. э. (рис. 6).

По данным РФА, во всех металлических предметах примесей, кроме железа (Fe), не

Рис. 5. Пещерный комплекс С.М. Прокудина-Горского. Пещера НЛО. 1 – первоначальное положение слитка в пещере; 2 – вход в пещеру, вид с северо-запада

Fig. 5. The S.M. Prokudin-Gorsky cave complex. The NLO cave. 1 – original in situ position of the copper ingot in the cave; 2 – cave entrance, view from the north-west.

выявлено, т. е. все они изготовлены из металлургически «чистой» меди.

РЭМ-ЭДА показала, что медный слиток состоит из чистой меди (100 мас. %) с многочисленными округлыми и удлиненно-округлыми включениями куприта (Cu_2O) размером до 10 мкм (табл. 1; 2; рис. 7). Редко по краям куприта наблюдаются микровключения сложного оловянно-мышьяково-сурьмяно-висмутового (Sn-As-Sb-Bi) состава размером до 0,5–1,5 мкм. Наличие первичных включений куприта указывает на его выплавку из окисленной медной руды.

Наконечник стрелы изготовлен из чистой меди с многочисленными включениями халькозина (Cu_2S) и редкими включениями магнетита (Fe_3O_4) размером до 2 мкм (табл. 1; 2; рис. 8). Халькозин, из-за мелких размеров выделения, рассчитать количественно не получается, однако по качественному ЭДС видно, что примесей он не содержит. Содержание халькозина в металле достаточно велико – при анализе по растру определено до 0,52 мас. % серы (S) (табл. 1). Оксид железа, вероятно, срастается с халькозином, но из-за малых размеров включений его не получается уверенно диагностировать.

Трубочка-пластина содержит многочисленные капли куприта размером до 10 мкм. Фрагмент котла состоит из «чистой» меди с редкими включениями селенсодержащего халькозина размером 5–10 мкм (рис. 9). Содержание селена (Se) в халькозине не превышает 1,5 мас. %. Состав фрагмента котла имеет состав металла, сходный с корольками шлака.

Шлак сложен пироксеновым стеклом с редкими кристаллами близкого к нему по составу геденбергита (Ca-Fe-пироксен), а

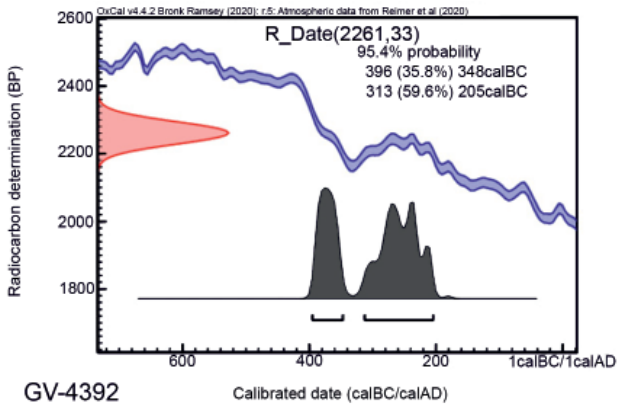


Рис. 6. Слиток из пещеры НЛО. Калиброванная радиоуглеродная дата
Fig. 6. Copper ingot from the NLO cave. Calibrated radiocarbon date.

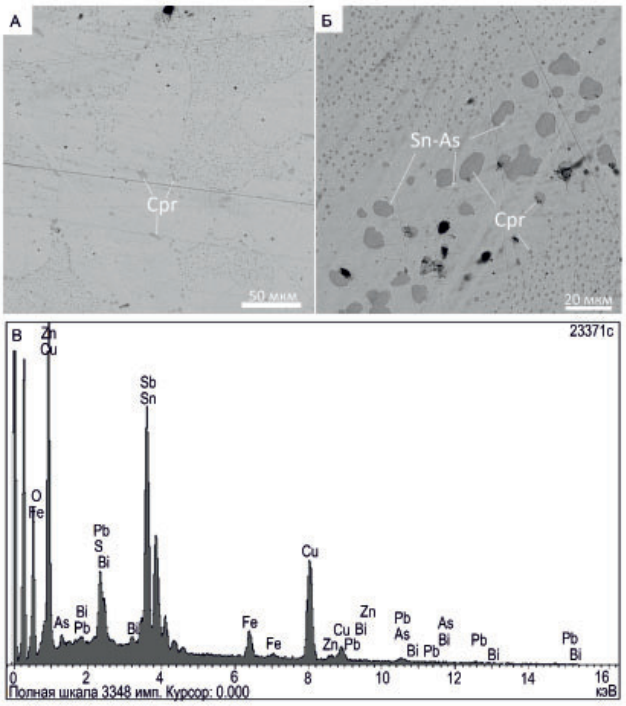


Рис. 7. Слиток из пещеры НЛО. Строение сплава. А – общий вид (изображения во вторичных электронах); Б – прилипшие к каплям куприта частицы сложного оловянно-мышьяково-сурьмяно-висмутового (Sn+As+Sb+Bi) состава; В — энерго-дисперсионный спектр частиц. Cpr – куприт, Sn-As частицы сложного оловянно-мышьяково-сурьмяно-висмутового (Sn+As+Sb+Bi) состава
Fig. 7. Ingot from the NLO cave. Alloy structure. A – general view (secondary electron imaging); Б – particles of a complex Sn+As+Sb+Bi composition adhering to cuprite drops; B – energy-dispersive spectrum of particles. Cpr – cuprite; Sn-As – particles of complex tin-arsenic-antimony-bismuth composition (Sn+As+Sb+Bi).

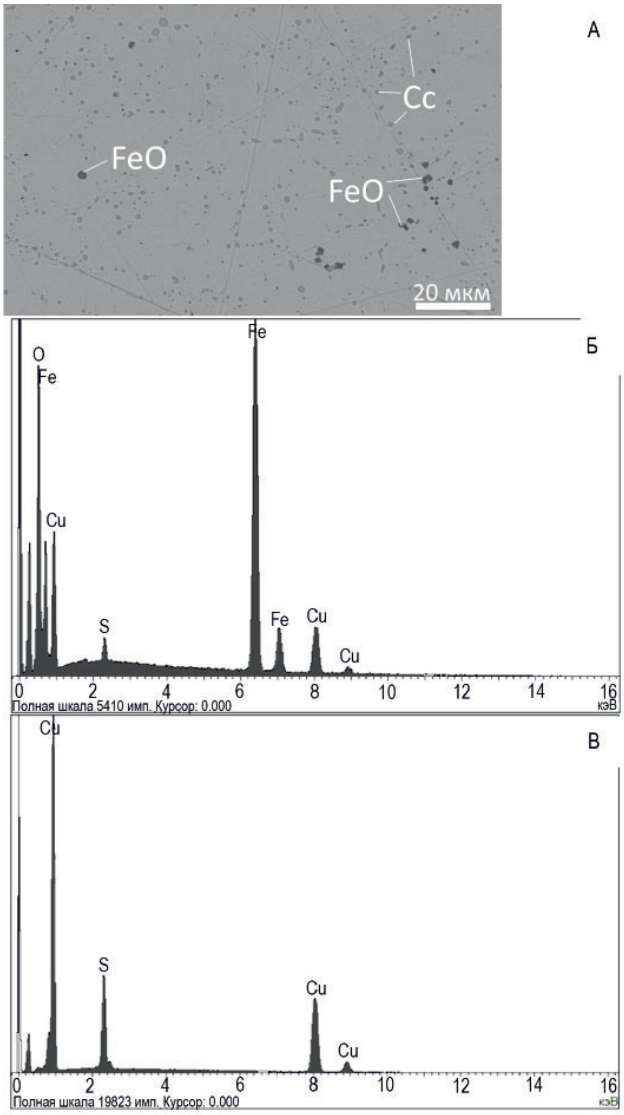


Рис. 8. Наконечник стрелы из грота С.М. Прокудина-Горского. Строение сплава. А – общий вид (изображение в отраженных электронах); Б – энерго-дисперсионный спектр оксида железа; В – энерго-дисперсионный спектр халькозина. FeO – оксид железа (магнетит или вюстит), Cc – халькозин)
Fig. 8. Arrowhead from the S.M. Prokudin-Gorsky cave shelter. Alloy structure. A – general view (backscattered electron imaging); Б – energy-dispersive spectrum of iron oxide; B – energy-dispersive spectrum of chalcocite. FeO – iron oxide (magnetite or wüstite), Cc – chalcocite)

также зернами магнетита с примесью оксида магния (MgO) – до 2.7 мас. % и оксида алюминия (Al_2O_3) – до 3.6 мас. % (табл. 1; 2; рис. 10). В шлаке встречаются многочисленные капли чистой меди с включениями халькозина с примесью селена (Se) и теллура (Te) (1,25 и 0,28 мас. % соответственно) размером до 15 мкм и куприта (Cu_2O) размером до 10 мкм. В одном корольке могут встречаться вклю-

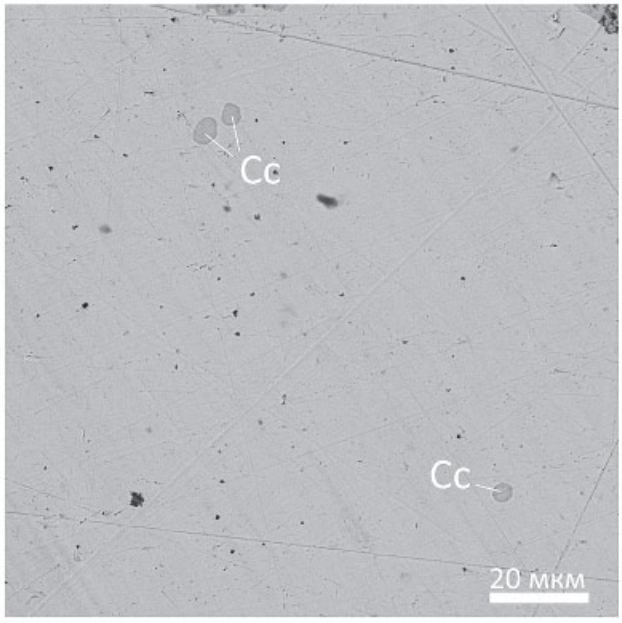


Рис. 9. Фрагмент котла из пещеры С.М. Прокудина-Горского. Строение металла (изображение в отраженных электронах). Cc – халькозин (состав см.: табл., анализ 23608a)
Fig. 9. Cauldron fragment from the S.M. Prokudin-Gorsky cave. Metal structure (backscattered electron imaging); Cc - chalcocite (composition, see: table, analysis 23608a).

чения и куприта, и халькозина. Часто поверх корольков меди наблюдаются нарастания кристаллов магнетита. По данным РЭМ-ЭДА, состав капель меди в шлаке схож с медью из фрагмента котла.

По данным ЛА-ИСП-МС, все проанализированные артефакты сложены из «чистой» меди с содержаниями 99,5–99,9 мас. %, однако сильно контрастируют по элементам-примесям, что указывает на геохимически разные источники металла (табл. 3).

Медь из капель в шлаке наиболее загрязнена примесями. В ней наблюдаются высокие концентрации мышьяка (As – в среднем 2300 ppm) и серебра (Ag – 225 ppm), при невысоких никеля (Ni – 81,7 ppm) и кобальта (Co – 2,3 ppm). Относительно высоки концентрации селена (Se – 103 ppm), теллура (Te – 25 ppm) и сурьмы (Sb – 22 ppm) указывают на возможное попадание в плавку незначительного количества вторичных сульфидов зоны окисления медных месторождений. Отмечаются

Таблица 1. Состав металла и сульфидных включений по данным растровой электронной микроскопии (РЭМ) (в мас. %)
Table 1. Composition of metal and sulphide inclusions according to scanning electron microscopy (SEM) data (in mass %)

№	Анализ	Предмет	O	S	Fe	Cu	Se	Te	Сумма	Примечание
1	23371b	Слиток				99,21			99,21	Основная масса
2	23371e	Слиток				99,64			99,64	Основная масса
3	23371h	Слиток				99,01			99,01	Основная масса
4	23606c	наконечник стрелы				100,58			100,58	Основная масса
5	23606d	Наконечник стрелы		0,52		99,48			100	По растру
6	23607b	Трубочка-пластина				100,87			100,87	Основная масса
7	23607c	Трубочка-пластина	0,99			99,01			100	По растру
8	23608a	Фрагмент котла		19,70	0,23	78,49	1,08		99,50	Включение халькозина
9	23608b	Фрагмент котла				99,94			99,94	Основная масса
10	23608c	Фрагмент котла				100			100	По растру
11	23481c	Шлак				100,4			100,4	Королек
12	23481f	Шлак		18,81		78,91	1,25	0,28	99,25	Включение халькозина в корольке
13	23481g	Шлак				100,35			100,35	Королек

Таблица 2. Состав кислородных соединений по данным растровой электронной микроскопии (РЭМ) (в мас. %)
Table 2. Composition of oxygen compounds according to scanning electron microscopy (SEM) data (in mass %)

№.	Анализ	Предмет	Na_2O	MgO	Al_2O_3	SiO_2	P_2O_5	SO_3	Cl	K_2O	CaO	TiO_2	MnO	FeO	Cu_2O	CuO	Сумма	Примечание
1	23371a	Слиток													99,83		99,83	Куприт, включение
2	23371d	Слиток													99,87		99,87	Куприт, включение
3	23371g	Слиток													99,80		99,80	Куприт, включение
4	23607a	Трубочка-пластина													100,19		100,19	Куприт, включение
5	23481b	Шлак													100,81		100,81	Куприт в корольке
6	23481d	Шлак		5,36	3,33						0,24		0,32	86,21		4,55	100	Магнетит
7	23481e	Шлак	0,36	6,31	8,71	43,3	0,51			1,89	20,39	0,31		17,42		1,07	100,28	Стекло
8	23481h	Шлак		6,69	9,09	43,51	0,43			0,76	20,12	0,49		18,43		0,44	99,97	Пироксен
9	23481i	Шлак		0,63	10,59	47,21	0,92	0,59	0,07	2,18	2,09	0,29		18,68		15,81	99,06	Стекло
10	23481j	Шлак		2,66	3,56						0,25			92,89		0,63	100	Магнетит

более высокие содержания висмута (Bi – 12,5 ppm) относительно свинца (Pb – 4,8 ppm). Содержания олова (Sn) низки (<10,2 ppm), что в целом характерно для уральского металла. Содержания железа (Fe) неравномерны (от предела обнаружения до 0,11 мас. %), что характерно для большинства древних шлаков. Значимы концентрации золота (Au – 2,7 ppm). Элементы-примеси в шлаке указывают на использование руд месторождений Зауралья. Возможным примером являются проявления Таш-Казган – Никольского рудного поля, где в зоне окисления известны выходы азурит-малахитовых и халькозин-ковеллиновых руд (Te, Se), а высокие концентрации мышьяка (As) и сурьмы (Sb) не связаны с ультрабазитами (низки Co, Ni).

Слиток, несмотря на значительную чистоту металла, также характеризуется вариациями элементов-примесей, наибольшие из которых характерны для железа (Fe – до 0,39 мас. %). В его составе, относительно медных капель шлака, отмечаются низкие концентрации мышьяка (As – в среднем 200 ppm), серебра (Ag – 2,7 ppm), селена (Se – 19,7 ppm), теллура (Te – 5,9) и золота (Au <0,8 ppm), при схожих никеля (Ni – 40,9 ppm), кобальта (Co – 2,3 ppm) и сурьмы (Sb – 46,7 ppm). Содержания свинца (Pb – 3,2 ppm) сходны с таковыми в меди шлака при относительном снижении висмута (Bi – 1,7 ppm). Более высоки концентрации олова (Sn – 3.8–180 ppm). В целом можно сказать, что металл слитка геохимически отличается от металла, выплавленного из шлака, что указывает на иной источник руд Зауралья, а низкие концентрации большинства элементов-примесей свидетельствуют об использовании оксидно-карбонатных руд, связанных с вулканогенными комплексами Зауралья. Географически наиболее близкими объектами являются медные проявления Миасского района в 110–140 км к востоку.

Медь наконечника стрелы также отличается от предыдущих составов высокими концентрациями желе-

Таблица 3. Элементы-примеси в медных артефактах пещерного комплекса С.М. Прокудина-Горского, по данным ЛА-ИСП-МС (в ppm = 10^{-4} мас. %)

Table 3. Impurity elements in copper artefacts from the S.M. Prokudin-Gorsky cave complex, according to LA-ICP-MS data (in ppm = 10-4 mass %) [laser A - inductively coupled plasma - mass spectrometry]

№	Артефакт	Cu, %	Fe	Co	Ni	Zn	As	Se	Ag	Sn	Sb	Te	Au	Pb	Bi
	Предел обнаружения		120	0.05	2.7	1.2	17	3.0	1.0	1.7	1.0	1.8	0.7	0.3	0.2
1	Трубочка	99.9	240	0.14	7.5	<п.о.	390	22.5	17.1	10.9	18.4	1.9	0.78	5.29	0.88
2	Трубочка	99.9	<п.о.	0.06	9.0	<п.о.	1080	80.0	44.3	24.6	51.8	5.8	0.72	11.9	2.87
3	Трубочка	99.9	<п.о.	0.05	8.9	<п.о.	890	43.9	35.5	18.7	31.3	3.3	0.7	7.2	2.11
4	Котел	99.9	570	0.06	30.3	<п.о.	362	26.0	6.3	6.3	11.5	4.4	<п.о.	2.59	0.42
5	Котел	99.9	700	0.18	21.9	<п.о.	412	43.2	7.6	10.9	17.7	6.4	<п.о.	9.2	0.49
6	Котел	99.9	420	0.07	31.8	0.74	317	9.6	5.8	4.8	10.8	<п.о.	<п.о.	1.3	0.16
7	Наконечник стрелы	99.6	3370	1.61	81.7	0.56	155	5.3	12.9	429	27.1	2.8	<п.о.	2.17	1.42
8	Наконечник стрелы	99.4	5150	1.96	68.7	0.94	177	6.3	14.7	425	26.0	5.4	<п.о.	1.92	1.52
9	Наконечник стрелы	99.5	4560	1.99	76.5	1.48	145	3.7	14.8	342	27.6	3.6	<п.о.	1.8	1.64
10	Слиток	99.9	113	0.43	28.4	<п.о.	172	7.6	2.6	7.4	37.3	2.1	<п.о.	1.34	1.35
11	Слиток	99.9	560	2.60	38.6	4.1	218	12.4	2.4	13.8	43.8	2.7	<п.о.	2.56	1.82
12	Слиток	99.9	<п.о.	0.48	27.1	<п.о.	160	10.2	2.4	32.5	30.5	<п.о.	<п.о.	1.09	0.83
13	Слиток	99.9	<п.о.	0.21	28.9	<п.о.	211	9.6	3.1	2.26	36.2	2.0	0.72	1.17	0.995
14	Слиток	99.9	<п.о.	0.52	32.0	2.3	295	12.4	3.2	6.7	66.4	3.0	<п.о.	2.89	1.82
15	Слиток	99.9	130	0.64	33.7	1.6	131	5.5	2.5	3.8	23.7	1.7	<п.о.	1.26	0.96
16	Слиток	99.9	570	3.30	50.1	11.0	149	25.0	1.9	4.8	28.4	8.8	<п.о.	0.73	0.75
17	Слиток	99.6	3900	10.6	90.0	16.5	219	<п.о.	2.6	51.0	49.1	<п.о.	<п.о.	6.9	2.81
18	Слиток	99.9	<п.о.	4.20	40.0	9.2	69	56.0	2.0	180	19.2	<п.о.	0.8	2.4	1.62
19	Слиток	99.9	540	2.67	49.0	6.5	241	16.8	3.0	11.5	59.3	6.4	0.83	3.71	1.87
20	Слиток	99.9	183	1.16	38.0	2.9	261	24.0	4.4	17.1	80.2	11.4	<п.о.	8.8	2.8
21	Слиток	99.9	239	0.77	34.4	2.4	270	37.0	2.7	10.6	86.3	15.1	<п.о.	5.79	3.02
	Среднее Слиток	99.9	779	2.30	40.9	6.3	200	19.7	2.7	28.5	46.7	5.9	0.8	3.2	1.7
22	Шлак, включение Cu	99.8	143	6.60	98.0	5.2	1170	33.0	214	6.2	14.4	10.4	3.1	7.9	14.4
23	Шлак, включение Cu	99.8	280	3.70	108	3.5	1500	19.1	237	4.7	10.4	2.9	2.9	6.3	6.9
24	Шлак, включение Cu	99.8	280	1.68	333	6.7	1030	26.0	355	8.1	8.1	8.8	1.97	4.8	8.9
25	Шлак, включение Cu	99.4	1110	4.10	107	7.2	4500	147	221	10.2	32.8	20.6	2	6.6	15.7
26	Шлак, включение Cu	99.5	<п.о.	2.22	93.0	2.9	4800	110	185	8.2	30.8	26.5	1.71	4.55	16.6
27	Шлак, включение Cu	99.9	<п.о.	0.23	13.6	<п.о.	439	55.0	113	<п.о.	12.4	14.1	1.71	0.75	0.56
28	Шлак, включение Cu	99.7	<п.о.	0.95	90.	3.8	2420	139	139	<п.о.	21.6	29.0	<п.о.	0.6	0.6
29	Шлак, включение Cu	99.9	<п.о.	0.27	10.4	<п.о.	880	63.0	237	<п.о.	15.0	20.2	2.7	0.43	2.55
30	Шлак, включение Cu	99.9	<п.о.	<п.о.	21.0	<п.о.	970	73.0	272	<п.о.	15.9	18.4	4.8	0.81	1.16
31	Шлак, включение Cu	99.9	<п.о.	0.21	2.5	1.2	670	92.0	249	<п.о.	10.7	19.1	4.6	0.94	0.87
32	Шлак, включение Cu	99.6	160	2.68	93.0	3.6	3580	232	244	7.0	36.4	42.0	1.9	9.3	31.2
33	Шлак, включение Cu	99.6	330	2.55	75.0	1.4	3530	143	222	9.1	31.8	51.0	1.8	9.9	30
34	Шлак, включение Cu	99.5	280	2.23	99.0	1.7	4340	213	237	8.5	40.4	61.0	3.4	8.9	33.3
	Среднее Шлак	99.7	369	2.29	81.7	3.7	2295	103	225	6.9	21.6	24.9	2.72	4.75	12.5

за (Fe – 0,3–0,5 мас. %), что указывает на возможное использование медно-магнетитовых руд и олова (Sn – 342–429 ppm), которое, вероятно, отражает смешение металла – совместный переплав лома из чистой меди и незначительного компонента, связанного с оловянной бронзой. Остальные элементы-примеси близки таковым в слитке (ppm): мышьяк As 145–177, Co 1,6–2,0, Ni 69–82, Sb 26–27,6, Pb 1,8–2,2, Bi 1,4–1,6, Ag 12,9–14,8, Au <0,7. Источником металла также, вероятно, являлись медные проявления Зауралья с незначительным внесением в металл импортной составляющей (оловосодержащий металл казахстанского региона при вторичной переработке медного лома).

Трубка и фрагмент котла также характеризуются высокой чистотой меди и близки по своему составу (табл. 3). Однако котел отличается пропорционально чуть меньшими концентрациями мышьяка (As), селена (Se), серебра (Ag), золота (Au), олова (Sn), сурьмы (Sb), свинца (Pb), висмута (Bi) при чуть больших никеля (Ni). В целом эти артефакты близки составам слитка и наконечника стрелы (за исключением Sn и Fe) и, вероятно, также являются продуктом, полученным из оксидно-карбонатных руд медных проявлений Зауралья.

Обсуждение результатов

Все представленные металлические артефакты изготовлены из металлургически «чистой» меди, однако выявленный методом РЭМ характер включений в металле показывает, что медь происходила из разных типов руд и, возможно, из разных источников. Эти предметы, скорее всего, были изготовлены в разное время и отложились, очевидно, не одномоментно, а на протяжении некоторого времени. Наличие шлака указывает на возможную вторичную металлообработку близ пещерного комплекса.

Сравнение металла предметов из пещерного комплекса С.М. Прокудина-Горского с металлом ранее исследованных изделий иткульской археологической культуры (Артемьев, Кузьминых, Болеславская, 2026) статистическим методом анализа главных компонент (рис. 11) показало его сходство со вторым геохимическим типом меди из южного ареала иткульской культуры (от озера Иртяш и южнее). Однако достоверно установленные рудники раннего железного века в данном регионе не известны. Наиболее вероятными примерами таковых являются небольшие медные рудопроявления в ультрабазит-базитовых комплексах Главного Уральского разлома, протянувшиеся от широты г. Касли с севера до широты г. Учалы на юге. Однако достоверная их идентификация будет связана с последующим увеличением исследованных артефактов, установлением коридоров кроссуральских коммуникаций и археологических свидетельств на рудниках.

В настоящее время существование связей племен Волго-Камья с полукочевым и кочевым населением Южного Зауралья в раннем железном веке не вызывает сомнений. Контакты иткульских/исетских племен восточного склона Среднего и Южного Урала с племенами Волго-Камья подтверждаются находками в горно-лесном и лесостепном Зауралье ананьинской керамики и изделий, типичных для «ананьинцев» (см., например: Збруева, 1952, с. 180, 181; Борзунов, Нохрина, 1981, с. 57–60; Бельтикова, 1977, с. 130, 131, рис. 4: 16; 1986, с. 71–73; 1993, с. 95; Бельтикова, Стоянов, 1984, с. 141, 142; Викторова, 2002, с. 41; Кузьминых, 1983, с. 175). В то же время в Прикамье встречена тальковая (зауральская) керамика (Борзунов, 2025, с. 154, 157–158).

Проведенный Г.В. Бельтиковой анализ морфологических особенностей иткульских и ананьинских изделий из цветного металла, его химического состава, а также приемов металлообработки «фиксирует такую иткульско-ананьинскую общность, которая предполагает регулярные связи», которые «реализовались в форме заимствования идей технологии и формообразования, а также обмена продукцией, включая, очевидно, руду и металлическую медь» (Бельтикова, 2002, с. 142–144). Стабильность этих связей во многом была обусловлена тем, что через горно-лесное и лесостепное Зауралье в Волго-Камье поступала основная масса металла и лигатур из горно-металлургических центров Урала, Саяно-Алтая, Центрального Казахстана и севера Средней Азии (Кузьминых, 1983, с. 175; 1993; Кузьминых, Дегтярева, 2016, с. 169; Кузьминых, Сапрыкина, 2021, с. 357; Сапрыкина и др., 2016, с. 71). Какая-то часть этого металла и лигатур через горно-лесные районы Урала поступала и к носителям карабызской культуры лесостепи Южного Приуралья. Об этом, в частности, могут свидетель-

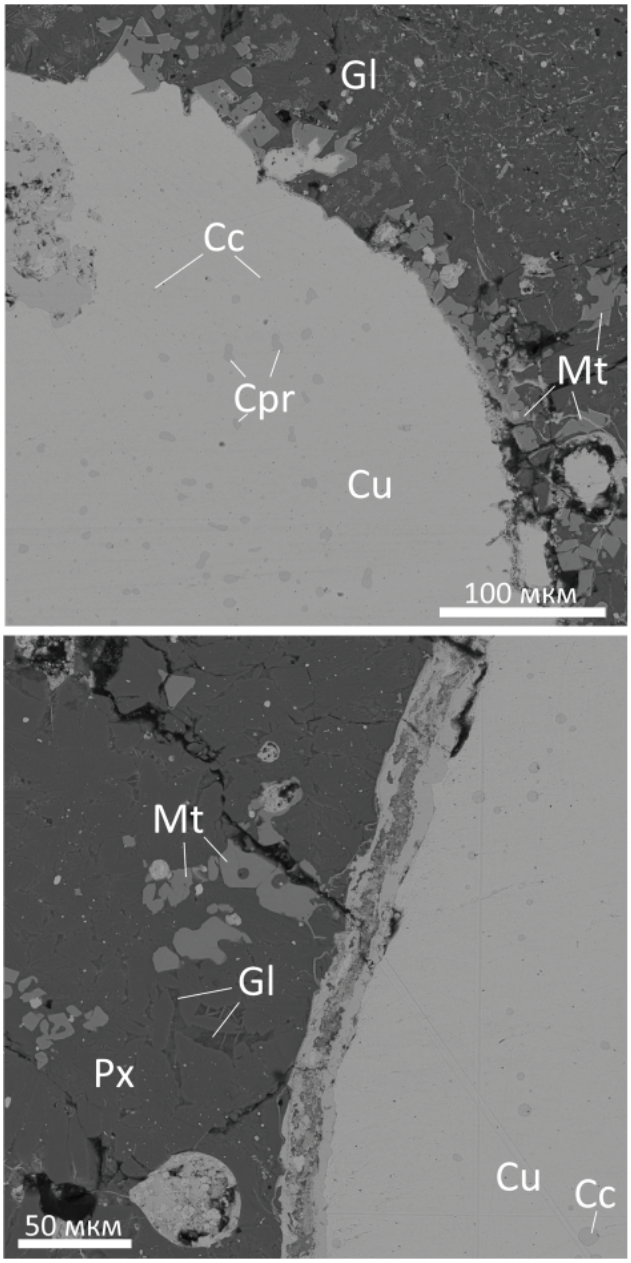


Рис. 10. Шлак из пещеры С.М. Прокудина-Горского. Строение (изображение в отраженных электронах). Cu – металлическая медь (табл. 1, 2, анализ 23481c, 23481g); Cc – халькозин (табл. 1, 2, анализ 23481f); Cpr – куприт (табл. 1, 2, анализ 23481b); Mt – магнетит (табл. 1, 2, анализ 23481d, 23481j); Px – пироксен (табл. 1, 2, анализ 23481h), Gl – стекло (табл. 1, 2, анализ 23481e, 23481i)

Fig. 10. Slag from the S.M. Prokudin-Gorsky cave. Structure (backscattered electron imaging). Cu – metallic copper (tab. 1, 2, analysis 23481c, 23481g); Cc – chalcocite (tab. 1, 2, analysis 23481f); Cpr – cuprite (tab. 1, 2, analysis 23481b); Mt – magnetite (tab. 1, 2, analysis 23481d, 23481j); Px – pyroxene (tab. 1, 2, analysis 23481h); Gl – glass (tab. 1, 2, analysis 23481e, 23481i).

ствовать находки гамаюнской и иткульской/исетской керамики на памятниках бассейна рек Ай, Уфы и Белой (Морозов, Юрин, 2001, с. 27; Борзунов, 2025, с. 158–159).

Племена горно-лесного и лесостепного Зауралья, в силу близкого соседства, были хорошо знакомы с материальной культурой кочевников степей Южного Зауралья. Очевидно, носители иткульской/исетской культуры и являлись тем звеном, которое соединяло население Волго-Камья с номадами азиатской части Степной Евразии. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует ряд находок в лесостепи и степи Южного Зауралья (Таиров, 2017, с. 111–113; 2019, с. 198–199). Так, из Аргаяшского района Челябинской области происходит меч, являющийся практически полной копией меча из ананьинского Луговского могильника (Збруева, 1947, с. 143, рис. 76; 1952, с. 31, рис. 10; Таиров, Ульянов, 1996, с. 139–141, рис. 1: 1). Ближайшие аналогии оформлению навершия кинжала из села Устиново Миасского городского округа обнаруживаются на навершии кинжала из поселка Юг Пермского района Пермской области (Зайцев, Иванов, 2009; Коренюк, Денисов, 2000; Чижевский, 2017, с. 211, рис. 6: 16). Бронзовый крюк с головой лошади на окончании из Ананьинского могильника по своему оформлению весьма близок подвесному крюку из могильника Кичигино I в степном Зауралье (Васильев, 2002, с. 210, кат. 18; 2004, рис. 21: 23; Таиров, 2017, с. 326, рис. 50: 6). В могильнике Кичигино I и курганной группе у с. Подгорное мы находим и ближайшие аналогии псалиев из с. Шиловка (Таиров, 2020, с. 63–64, рис. 1; 2021, с. 115–117, рис. 1; Чижевский и др., 2023, с. 153, рис. 6: 14). С ананьинского Галкинского городища происходит обойма для перекрестных ремней с рельефным изображением головы хищной птицы и пальметкой в виде стилизованной головы птицы (Збруева, 1940, табл. II: 17; 1952, с. 69; Чижевский и др., 2023, с. 155, рис. 6: 27). Наиболее близкие аналогии ей встречены в Южном Зауралье, в кургане 2 группы Маровый шлях (Таиров, 2019, с. 199). Примечательно, что на городище также найдена иткульская керамика.

Приуралье с лесостепным Зауральем в XVII–XVIII вв. связывала кроссуральская Сибирская дорога (Самигулов, Свистунов, 2007; Самигулов, 2012; 2013; 2013а; Свистунов, 2008). Проходила она как минимум по

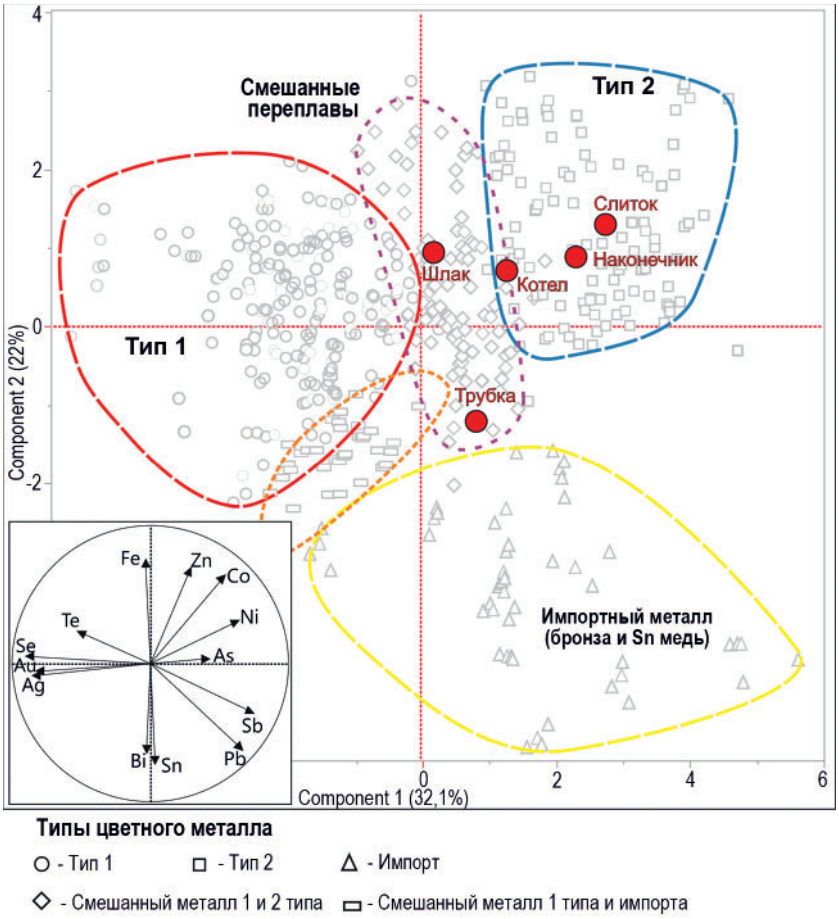


Рис. 11. Медные артефакты пещерного комплекса С.М. Прокудина-Горского на диаграмме составов анализа главных компонент 13 примесных элементов выборки изделий иткульской археологической культуры.
Fig. 11. Copper artifacts from the S.M. Prokudin-Gorsky cave complex on the composition diagram of the principal component analysis of 13 impurity elements of a sample of artifacts attributed to the Itkul archaeological culture.

трём направлениям. «Первое – по речной долине реки Уфа, где в районе современных населённых пунктов Нязепетровск – Нижний Уфалей – Маук – Касли пересекала Уральские горы. Второе, дорога проходила по речным долинам рек Уфа, Ай, Большой Ик и по широте современных населённых пунктовУнкурда – Кыштым пересекала Уральский хребет» (Свистунов, 2008, с. 317).

Пещерный комплекс С.М. Прокудина-Горского соотносится с третьей дорогой, шедшей по верховьям рек Сим, Юрюзани, Сатки, Ай и получившей наименование «Уфимская дорога» или «Уфимский тракт». Вдоль неё в середине XVIII в. были построены Златоустовский, Саткинский, Катав-Ивановский, Юрюзаньский, Усть-Катавский, Симский, Миньярский металлургические заводы, а позднее и Миасский медеплавильный завод (Свистунов, 2008, с. 317–318). Дорога эта показана картах XVIII–XIX вв. (см. например: Ландкарта Уфимской провинции 1737 года; Топографическая карта Оренбургской губернии 1797 года; Карта Оренбургской губернии 1802 года; Карта Оренбургского края 1850 года). От района современного г. Миасса она шла на Уфу через Златоуст, Сатку, Урманчино, Новые Каратавлы, Ерал, Сим, Нижние Лемезы, Чуваш Кубово.

В плане функционирования описанного выше кроссуральского пути Уфа – Миасс интересны три предмета из Златоустовского музея. Первый – это бронзовая секира, найденная в окрестностях города Юрюзань Челябинской области. По мнению авторов публикации, она относится «к продукции иткульского металлургического очага, является модификацией, подражанием ананьинским образцам» (Кузьминых, Виноградов, 2015, с. 281). В этом же музее хранится биметаллический кинжал, изготовленный в первой половине VII в. до н. э. в ареале ананьинской

культуры. К раннесарматскому времени относится железный кинжал с прямым, слегка изогнутым навершием, тонким незначительно изогнутым перекрестием и треугольным клинком (Таиров, 2011).

Заключение

Грот и пещера С.М. Прокудина-Горского в раннем железном веке являлись, вероятно, временными убежищами для различных человеческих коллективов в верхней части долины реки Сим, которая связывала горные районы Южного Урала с Уфимским плато и Волго-Камьем. Пещера НЛО выступила в качестве временного хранилища депозита в виде слитка меди, совершенного в промежутке между началом IV и концом III в. до н. э.

Все металлические предметы из пещерного комплекса С.М. Прокудина-Горского изготовлены из металлургически «чистой» меди, однако они сильно контрастируют по элементам-примесям. Это указывает на то, что медь выплавлялась из разных типов руд и, возможно, из разных их источников. Наличие шлака позволяет предполагать возможную вторичную металлообработку близ пещерного комплекса.

Сравнение металла анализируемых предметов с металлом ранее исследованных изделий иткульской/исетской археологической культуры показало его сходство со вторым геохимическим типом меди из южного ареала иткульской культуры. Наиболее вероятными источниками руд могли быть небольшие медные рудопроявления в ультрабазит-базитовых комплексах Главного Уральского разлома, протянувшиеся от широты города Касли с севера до города Учалы на юге. Однако достоверно установленные рудники раннего железного века в данном регионе пока неизвестны.

Материалы пещерного комплекса С.М. Прокудина-Горского, как представляется, позволяют выдвинуть предположение о том, что часть металла из горно-металлургических центров Зауралья, а также лигатур из Саяно-Алтая, Центрального Казахстана и севера Центральной Азии в раннем железном веке поступала в Волго-Камье через лесостепь Южного Зауралья по трем основным маршрутам, совпадающим с тремя Сибирскими дорогами XVIII века. Один из них проходил в целом там, где позднее пролегала дорога, получившая в XIX веке название «Уфимская дорога» или «Уфимский тракт».

ЛИТЕРАТУРА

Артемьев Д.А., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металл иткульской культуры раннего железного века: химический состав и рудные источники // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 6 / Отв. ред. А.С. Алешинская, В.И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2026 (в печати).

Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири / ВАУ. Вып. 14 / отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1977. С. 119–133.

Бельтикова Г.В. Иткульское I городище – место древнего металлургического производства // Проблемы Урало-Сибирской археологии / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1986. С. 63–78.

Бельтикова Г.В. Развитие иткульского очага металлургии // ВАУ. Вып. 21 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 93–106.

Бельтикова Г.В. Иткульский очаг металлургии: ориентация, связи // Уральский исторический вестник. 2002. № 8. С. 142–163.

Бельтикова Г.В., Стоянов В.Е. Городище Думной горы место специализированного металлургического производства (Предварительное сообщение) // Древние поселения Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 130–144.

Борзунов В.А. Несколько сюжетов по истории населения лесного Зауралья и его окружения в конце бронзового и начале железного веков // Поволжская археология. 2025. № 3 (53). С. 153–170. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2025.3.53.153.170

Борзунов В.А., Нохрина Т.И. Березки II – поселение эпохи раннего железа в горно-лесном Зауралье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 52–62.

Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2002. 513 с.

Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. № 11 / Гл. ред. Е.Н. Носов, Н.В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 275–297.

Викторова В.Д. Пути и формы взаимодействия населения лесной полосы Зауралья (эпохи неолита и раннего железного века) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Прикамья: Материалы Международной научной конференции к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Издательство Института экономики и управления УдГУ, 2002. С. 36–41.

Зайцев И.А., Иванов А.А. Кинжал из села Устинова Челябинской области // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: ЮУрГУ, 2009. С. 83–87.

Збруева А.В. Галкинское городище // Археологические памятники Урала и Прикамья / МИА. № 1 / Ред. П.Н. Третьякова. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 83–99.

Збруева А.В. О датировке акинака из Луговского могильника // КСИИМК. Вып. XV / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 142–145.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Карта Оренбургской губернии 1802 года. Доступно по URL: https://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?t=828 (дата обращения: 10.10.2025).

Карта Оренбургского края 1850 года. Доступно по URL: https://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?t=3492 (дата обращения: 10.10.2025).

Коренюк С.Н., Денисов В.П. Находки мечей ананьинского времени в Пермском Прикамье // Пермское Прикамье в истории Урала и России: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Сост. В.В. Шилов. Березники: Тип. купца Тарасова. 2000. С. 39–42.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (Медь и бронза). М.: Наука, 1983. 256 с.

Кузьминых С.В. Евразийская металлургическая провинция и цветная металлообработка раннего железного века: проблема соотношения // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тезисы докладов XII Уральского археологического совещания, 19-22 апреля 1993 г. / Отв. ред. И.Б. Васильев. Екатеринбург: ИИА УрО РАН; УрГУ, 1993. С. 119–122.

Кузьминых С.В., Виноградов Н.Б. Бронзовая секира из Златоустовского музея // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 274–290.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Технология цветной металлообработки иткульской культуры // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 168–171.

Кузьминых С.В., Сапрыкина И.А. Цветная металлургия ананьинской культурно-исторической области и ее изучение // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 354–365.

Ландкарта Уфимской провинции 1737 года. Доступно по URL: https://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?t=6007 (дата обращения: 10.10.2025).

Морозов В.М., Юрин В.И. Поздний комплекс находок из пещер Южного За-уралья // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. С. 27.

Самигулов Г.Х. Исторические дороги и их роль в основании слобод и острогов Южного Зауралья XVII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 34 (288). История. Вып. 53. С. 30–35.

Самигулов Г.Х. Трансформация дорожной сети Южного Зауралья в XVII–XVIII веках // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 6 (297). История. Вып. 54. С. 5–8.

Самигулов Г.Х. Дорога: часть и целое: осмысление дороги в разных масштабах восприятия // Научный диалог. 2013а. № 6 (18): История. Социология. Этнография. С. 75–87.

Самигулов Г.Х., Свистунов В.М. Что такое Старая Казанская дорога? // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы XV Международного научного симпозиума, посвященного 175-летию со дня рождения Эдуарда Бернетта Тайлора и 160-летию со дня рождения Федора Ивановича Вовка (Волкова) / Отв. ред. С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова. М.: Наука, 2007. С. 66–72.

Сапрыкина И.А., Кузьминых С.В., Пельгунова Л.А., Холмквист Э. Исследование химического состава цветного металла Ананьинского могильника: итоги и перспективы // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: ООО «Авторское издательство Кузбассвузиздат», 2016. С. 69–73.

Свистунов В.М. К вопросу о чудских копях и Сибирско-Казанских дорогах Южного Урала // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. С.Ф. Татауров, И.В. Толпеко. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2008. С. 312–322.

Таиров А.Д. К вопросу о распространении кинжалов с бронзовыми деталями рукояти раннескифского времени // Челябинский гуманитарий. 2011. № 1 (14). С. 162–169.

Таиров А. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н. э. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, 2017. 392 с.

Таиров А.Д. Южный Урал в эпоху ранних кочевников / История Южного Урала. Т. 3 . Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 400 с.

Таиров А.Д. Сбруйные принадлежности из случайных находок в Южном Зауралье // Наука ЮУрГУ: материалы 72-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук / Отв. ред. А.В. Коржов. Челябинск: ЮУрГУ, 2020. С. 63–70.

Таиров А.Д. Новые находки уздечных принадлежностей в Южном Зауралье // Наука ЮУрГУ: материалы 73-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук / Отв. ред. А.В. Коржов. Челябинск: ЮУрГУ, 2021. С. 115–123.

Таиров А.Д., Ульянов И.В. Случайные находки оружия ближнего боя из коллекции лаборатории археологических исследований Челябинского университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 139–147.

Топографическая карта Оренбургской губернии 1797 года. Доступно по URL: https://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?t=6035 (дата обращения: 10.10.2025).

Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 196–256.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Храмченкова Р.Х. Образ головы хищной птицы в ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2023. № 1 (43). С. 141–168.

Яковлева Е.С., Чибилев Е.А. Пещера и грот Прокудина-Горского на р. Сим // XVI Бадеровские чтения: сборник научных статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения О.Н. Бадера (г. Пермь, 27 ноября – 1 декабря 2023 г.) / Отв. ред. М. Л. Перескоков, Е. В. Чуйкина. Пермь, 2023. С. 287–292.

Информация об авторах:

Таиров Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (г. Челябинск, Россия); sarmat-2007@mail.ru

Яковлева Екатерина Сергеевна, научный сотрудник, ООО «Центр историко-культурных исследований «Астра» (г. Челябинск, Россия); lugsamildanah@yandex.ru

Артемьев Дмитрий Александрович, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник, Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии УрО РАН (г. Миасс, Россия); artemyev@mineralogy.ru

Блинов Иван Александрович, кандидат геолого-минералогических наук, научный сотрудник, Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Миасс, Россия); ivan_a_blinov@mail.ru

REFERENCES

Artemyev, D. A., Kuzminykh, S. V., Orlovskya, L. B. 2026. In Aleshinskaya, A. S., Zavyalov, V. I. (eds.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical Studies of the Laboratory*

of Natural Scientific Methods). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in print) (in Russian).

Beltikova, G. V. 1977. In Stoianov, V. E. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia na Urale i v Zapadnoi Sibiri (Archaeological research in the Urals and Western Siberia).* Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of Archaeology of Ural) 14. Sverdlovsk: Ural State University, 119–133 (in Russian).

Beltikova, G. V. 1986. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Problemy uralo-sibirskoy arkheologii (Issues of Ural-Siberian Archaeology).* Sverdlovsk: Ural State University, 63–78 (in Russian).

Beltikova, G. V. 1993. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of Archaeology of Ural)* 21. Yekaterinburg: Ural State University, 93–106 (in Russian).

Beltikova, G. V. 2002. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* (8), 142–163 (in Russian).

Beltikova, G. V., Stoianov, V. E. 1984. In Stoianov, V. E. (ed.). *Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri (Ancient Settlements of the Urals and Western Siberia)*. Sverdlovsk: Ural State University, 130–144 (in Russian).

Borzunov,V. A. 2025. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 53 (3), 153–170 (in Russian).

Borzunov,V. A., Nokhrina, T. I. 1981. In Troitskaya, T. N. (ed.). *Problemy Zapadnosibirskoi arkheologii. Epokha zheleza (Issues of West Siberian Archaeology. The Iron Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 52–62 (in Russian).

Vasiliev, St. A. 2002. *Iskusstvo drevnego naseleniia Volgo-Kam'ia v anan'inskuiu epokhu (istoki i formirovanie) (Art of the Ancient Population of Volga – Kama Rivers Region in the Ananyino Epoch: Origins and Formation)*. PhD Diss. of Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Vasiliev, St. A. 2004. In Nosov, E. N., Khvoshchinskaya, N. V. (eds.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 11. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 275–297 (in Russian).

Viktorova, V. D. 2002. In Goldina, R. D. (ed.). *Istoricheskie istoki, opyt vzaimodeistviia i tolerantnosti narodov Prikam'ia (Historical Origins, Experience of Interaction and Tolerance between Peoples from the Kama Region)*. Izhevsk: Udmurt State University, 36–41 (in Russian).

Zaitsev, I. A., Ivanov, A. A. 2015. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Yuzhnom Urale (Ethnic Interactions in the Southern Urals).* Cheliabinsk: Chelyabinsk State Museum of Local History, 83–87 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1940. In Tretyakov P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Urala i Prikamia (Archaeological sites of the Urals and Kama region).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology*)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 83–96 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1947. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief communications from the Institute for the History of Material Culture)* 15. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 142–145 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Karta Orenburgskoi gubernii 1802 goda (Map of Orenburg province, 1802). Available at: https://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?t=828 (accessed 10.10.2025) (in Russian).

Karta Orenburgskogo kraia 1850 goda (Map of the Orenburg region, 1850). Available at: https://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?t=3492 (accessed 10.10.2025) (in Russian).

Korenyuk, S. N., Denisov, V. P. 2000. *Permskoe Prikam'e v istorii Urala i Rossii. Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Perm Kama Region in the History of the Urals and Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference*). Berezniki: "Tip. kuptsa Tarasova" Publ., 39–42 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1993. In Vasiliev, I. B. (ed.). *Arkheologicheskie kultury i kulturno-istoricheskie obshchnosti Bolshogo Urala (Archaeological cultures and cultural-historical communities of the Greater*

Urals). Yekaterinburg: Institute for History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences; Ural State University, 119–122 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Vinogradov, N. B. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 274–290 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Degtyareva, A. D. 2016. In Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniiu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie) (Archaeological Heritage of the Urals: from Original Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge (20th Urals Archaeological Congress))*. Izhevsk: Institute of Computer Research, 168–171 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Saprykina, I. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 354–365 (in Russian).

Landkarta Ufimskoi provintsii 1737 goda (Topographic map of Ufa province, 1737). Available at: https://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?t=6007 (accessed 10.10.2025) (in Russian).

Morozov, V. M.., Yurin, V. I. 2001. In Morgunova, N. L. (ed.). *XV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (15th Urals Archaeological Congress))*. Orenburg: "Orenburgskaia guberniia" Publ., 27 (in Russian).

Samigulov, G. Kh. 2012. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History Series)* 288 (34), Vol. 53, 30–35 (in Russian).

Samigulov, G. Kh. 2013. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History Series)* 297 (6), Vol. 54, 5–8 (in Russian).

Samigulov, G. Kh. 2013. *Nauchnyy dialog (Scientific dialogue)* 18 (6), 75–87 (in Russian)

Samigulov, G. Kh., Svistunov, V. M. 2007. In Tataurov, S.F., Tataurova, L.V. (eds.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)*. Moscow: "Nauka" Publ., 66–72 (in Russian).

Saprykina, I. A., Kuzminykh, S. V., Pelgunova, L. A., Kholmkvist, E. 2016. In Bobrov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentralnoi Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniia) (Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (issues of interpretation and preservation))*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 69–73 (in Russian).

Svistunov, V. M. 2008. In Tataurov, M. P., Tolpenko, I. V. (eds.). *VII istoricheskie chteniya pamyati Mixaila Petrovicha Gryaznova (7th Historical Readings to the Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov)*. Omsk: Omsk State University., 312–322 (in Russian).

Tairov, A. D. 2011. In *Cheliabinskiy gumanitariy (Chelyabinsk Humanitarian)* 14 (1), 162–169 (in Russian).

Tairov, A. D. 2017. *Rannie kochevniki Zhaiyk-Irtyshskogo mezhdurechia v VIII–VI vv. do n. e. (Early nomads of the Zhaiyk–Irtysh interfluve in III–VI cc. BC)*. Astana: Kazakh research institute of culture, Ministry of culture and sports of the Republic of Kazakhstan (in Russian).

Tairov, A. D. 2019. Yuzhnyy Ural v epokhu rannikh kochevnikov (The Southern Ural in the era of early nomads). Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (History of the Southern Urals) 3. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Tairov, A. D. 2020. In Korzhov, A. V. (ed.). *Nauka YuUrGU: materialy 72-i nauchnoi konferentsii. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk (Science of South Ural State University: Proceedings of the 72nd Scientific Conference. Social and Humanitarian Science Sections)*. Chelyabinsk: South Ural State University Publ., 63–70 (in Russian).

Tairov, A. D. 2021. In Korzhov, A. V. (ed.). *Nauka YuUrGU: materialy 73-i nauchnoi konferentsii. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk (Science of South Ural State University: Proceedings of the 73rd Scientific Conference. Social and Humanitarian Science Sections)*. Chelyabinsk: South Ural State University Publ., 115–123 (in Russian).

Tairov, A. D., Ul'yanov, V. I. 1996. In Ivanova, N. O. (ed.). *Materialy po arkheologii i etnografii Iuzhnogo Urala (Materials on the Archaeology and Ethnography of the Southern Urals)*. Chelyabinsk: "Kamennyi poias" Publ., 139–147 (in Russian).

Topograficheskaia karta Orenburgskoi gubernii 1797 goda (Topographic map of Orenburg province, 1797). Available at: https://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?t=6035 (accessed 10.10.2025) (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 196–256 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Khramchenkova, R. Kh. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 43 (1), 141–168 (in Russian).

Yakovleva, E. S., Chibilev, E. A. 2023. In Pereskokov, M. L., Chuikina, E. V. (eds.). *XVI Baderovskie chteniia (16th Bader Readings)*. Perm: Perm State National Research University, 287–292 (in Russian).

About the Author:

Tairov Aleksandr D., Doctor of Historical Scinces Sciences, Director of the Scientific and Educational Center for Eurasian Studies, South Ural State University (National Research University). Lenin ave. 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; sarmat-2007@mail.ru

Yakovleva Ekaterina S., Researcher. LLC “Center for Historical and Cultural Research "Astra", Krasnoarmeiskaya str. 106, office 1, Chelyabinsk, 454090, Russian Federation; lugsamildanah@yandex.ru

Artemyev Dmitry A. Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Senior Researcher. South Ural Federal Scientific Center of Mineralogy and Geoecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Ter. Ilmensky reserve, Miass, Chelyabinsk district, 456317, Russian Federation; artemyev@mineralogy.ru

Blinov Ivan A. Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Research associate. South Ural Federal Scientific Center of Mineralogy and Geoecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Ter. Ilmensky reserve, Miass, Chelyabinsk district, 456317, Russian Federation; ivan_a_blinov@mail.ru

Статья поступила в журнал 27.01.2026 г.
Статья принята к публикации 27.02.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ И ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЕВРАЗИИ

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.244.255

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ (АКИО)

©2026 г. В.А. Иванов

Изучение археологической географии Ананьинской культурно-исторической области (АКИО) показывает, что, не смотря на обилие археологических памятников, нанесенных на опубликованные карто-схемы (более 500), степень археологической изученности территории АКИО (более 1 млн. кв. км.) очень невелика. Реально в обобщающих и аналитических исследованиях фигурируют материалы 33 городищ и 15 могильников, подвергавшихся археологическим раскопкам. Исследованные памятники в своей совокупности занимают очень небольшую территорию в масштабах всей территории АКИО. Площади культурного слоя, исследованного на этих памятниках, неравномерны. Их совокупный информационный потенциал составляет только 15% от совокупного культурного слоя памятников, являющихся источниковой базой для реконструкций истории АКИО. Это обстоятельство мешает сделать доказательные выводы о динамике внутреннего развития АКИО. И главное – с большей степенью очевидности показывает эклектичный характер керамических комплексов культур, составляющих АКИО: акозинско-ахмыловской, постмаклашеевской, вятско-ветлужской. Единственная культура, отличающаяся морфологическим единством, это «классическая» ананьинская культура ямочно-шнуровой керамики (АКШК).

Ключевые слова: археология, культурно-историческая область, акозинско-ахмыловская, постмаклашеевская, вятско-ветлужская, ананьинская культуры

ARCHAEOLOGICAL GEOGRAPHY OF THE ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL AREA (AKIO)

V.A. Ivanov

The study of the archaeological geography of the Ananyino cultural and historical area (AKIO) reveals that, despite the abundance of sites plotted on published sketch-maps (over 500), the degree of archaeological investigation across its area (more than 1 million km²) remains very low. In practice, comprehensive and analytical studies rely on material from only 33 ancient settlements and 15 burial grounds. Collectively, these investigated sites occupy only a minor fraction of the entire ACHA region. The areas of excavated cultural deposits are highly uneven, and their combined informational potential accounts for merely 15% of the total cultural layer available for reconstructing the history of AKIO. This limitation hinders the formulation of well-substantiated conclusions regarding the internal developmental dynamics of the region. More importantly, it underscores the eclectic character of the pottery assemblages associated with the cultures comprising the AKIO: Akozino-Akhmylovo, Post-Maklashevka and Vyatka-Vetluga. The only culture exhibiting morphological uniformity is the "classical" Ananyino culture characterized by dotted-and-corded ceramics.

Keywords: archaeology, cultural and historical area, Akozino-Akhmylovo culture, Post-Maklashevka culture, Vyatka-Vetluga culture, Ananyino culture

Ананьинская культурно-историческая область (АКИО), само существование которой было обосновано С.В. Кузьминых четверть века тому назад (Кузьминых, 2000), сейчас уже приобрела статус факта волго-уральской археологии эпохи раннего железного века. Если взять за пограничные точки памятники АКИО в регионе – пос. Сынявом I, Лебяжское, Пижма II на севере (Ашихмина, Васкул, 2021, с. 249, рис. 1), городища Аначевское, Старо-Муштинское, Новокабановское, Зуевоключевское, Гремячий Ключ, Сорочьи Горы, Черепашье, Казанка I, Васильсурское, Ардинское и др. на юге (Чижевский и др., 2021, с.

142, рис. 1), городище Алтен-Тау, поселения Заюрчимское, Еловское, Гремячанское, Юго-Камское на востоке и городища Богородское, Одоевское, Русенихинское на западе[1] (Иванов, 2022, с. 112, рис. 100), то территория, занимаемая памятниками, составляющими АКИО, получается громадная.

По площади это 1 048 800 км^2, что равняется 3,3 современной Польши, 2,9 Германии, 1,9 Франции. Никаким галлам, кельтам, германцам или славянам такое жизненное пространство и присниться не могло (рис. 1).

По картам, опубликованным в «Археологии Волго-Уралья. Т. III. Ранний железный век», можно составить представление о количестве памятников АКИО, известных на сегодняшний день (табл. 1).

Археология АКИО отражена в обширнейшей библиографии, отображающей самые различные аспекты жизни древнего населения, составлявшего эту область: вопросы происхождения, хронология, социально-экономическая составляющая. И сейчас самое время рассмотреть, какова степень аутентичности представленных отображений имеющейся источниковой базе.

В публикациях, увидевших свет в течение первых 20 лет текущего столетия, из поселенческих памятников АКИО фигурируют 29 городищ и шесть селищ. Что составляет не естественно, поскольку a priori мы знаем, что повседневная жизнь древних обществ протекала именно в открытых поселках-деревнях.

Таблица 1. Количество памятников АКИО по данным: Археология Волго-Уралья. Т. III. Ранний железный век (Ранний железный век, 2021, с. 142, рис. 1; 163, рис. 1; 187, рис. 1; 218, рис. 1; 248, рис. 1).
Table 1. Number of AKIO sites: according to the data from Archaeology of the Volga-Urals, Vol. III, Early Iron Age (Early Iron Age, 2021, p. 142, fig. 1; 163, fig. 1; 187, fig. 1; 218, fig. 1; 248, fig. 1).

Тип памятника	Культура					Всего
	Акозинско-ахмыловская	Постмаклашеевско-белогорская	АКШК	Вятско-Ветлужская	Европейск СВ	
Городище	25	50	34	44	-	153
Посел.	45	64	76	126	72	383
Мог.	8	10	20	3	1	42
Всего:	78	124	130	173	73	578

Данные приведенной выше таблицы свидетельствуют об абсолютном преобладании поселенческих памятников, среди которых количество известных городищ и неукрепленных поселений относится как 1:2,5. Что вполне 6% от всех известных памятников этих типов (табл. 2). Их площади исследованы неравномерно: есть памятники, которые раскопаны практически полностью (Аргыжское, Буйское, Васильсурское II, Копаньское, Скорняков-

Таблица 2. Соотношение общей и исследованной раскопками площади поселений АКИО, данные по которым фигурируют в публикациях 2000–2024 гг.
Table 2. Ratio of total area to excavated area of AKIO settlements, with data referenced in the 2000–2024 publications

№	Памятник	Площадь в м^2	Исследованная Площадь в м^2	%% исследованной площади	Автор
1	Аргыжское	2000	1300	65	Черных и др., 2002
2	Алтен-Тау	4800	278	5,8	АВУ. Т.III, с. 189
3	Аначевское	11200	~200	1,8	Ашихмина, 2014
4	Ардинское	6420	609	9,5	Михеев, 2017
5	Буйское	1800	1800	~100	Черных, 2024
6	Белоглазовское	1600	104	6,5	Оруджов, 2021
7	Быргындинское II (Каменный Лог)	15000	195	1,3	Ашихмина, 2014

8	Васильсурское II	1250	837	67	Патрушев, 2017
9	Гремячанское пос.	~20000	5000	25	Коренюк и др., 2014
10	Гремячий Ключ	1974	460	23,3	Марков, 2007; Чижевский и др., 2017
11	Ельниковское	1160	76	6,5	Патрушев, 2017
12	Звениговское	2356	60	2,5	Патрушев, 2017
13	Зуево-Ключевское I	~33000	~5000	15	Ашихмина, 2014
14	Казанка I	1190	~100	8,4	Марков, 2007
15	Какрыкуль (Старомуштинское)	26000	248	0,9	Овсянников, Тагиров, 2000; Ашихмина, 2014
16	Копаньское	750	588	78,4	Патрушев, 2017
17	Кривоборское	3200	173	5,4	Оруджев, 2017
18	Малахайское пос.	500	48	10	Патрушев, 2022
19	Никульчинское	22000	1353	6,5	Оруджов, 2018; Комарова, 2025
20	Ново-Кабановское	6000	376	6,2	Ашихмина, 2014; Ранний железный век.., 2021
21	Ныргындинское II	~4500	294	6,5	Ашихмина, 2014
22	Одоевское	688	160	23	Новиков, 2021
23	Пижемское	3500	533	15,2	Оруджов, 2018
24	Ройское	3600	250	6,9	Ашихмина и др., 2006; Комарова, 2025
25	Сиухинское пос.	2010	544	26	Ефремова, Соловьев, 2014
26	Скорняковское	400	288	72	Чижевский и др., 2016
27	Сорочьи Горы	5256	1896	36	Марков, 2007; Чижевский и др., 2016.
28	Троицко-Урайское I	5280	40	0,75	Марков, 2007; Чижевский и др., 2016.
29	Хмелевское	400	33	8,2	Патрушев, 2017
30	Черепашье	2750	460	16,7	Чижевский, Хисяметдинова,2020
31	Ласта IV	?	68	?	Ашихмина, Васкул, 2021
32	Борганъель I	?	150	?	Ашихмина, Васкул, 2021
33	Ягу-Яр	?	336	?	Ашихмина, Васкул, 2021

ское), но преобладают памятники, степень изученности которых не превышает 10%, а иногда составляет и менее 1% (Какрыкульское (Старомуштинское), Троицко-Урайское).

Исследовательница из Кирова У.В. Комарова опубликовала интересную статью, посвященную картографии археологического изучения ананьинских поселений бассейна р. Вятки. Автор предлагает любопытную статистику соотношения динамики выявления ананьинских памятников в указанном районе по годам (начиная с XIX в. и по 2020 г.) и динамики изученности совокупного культурного слоя этих памятников (Комарова, 2025). С точки зрения создания представления об общем объеме эмпирического потенциала культурного поля по АКИО и степени его реальной изученности такой подход заслуживает внимания.

Совокупная площадь поселений АКИО, наиболее часто фигурирующих в публикациях, в первую очередь обобщающих (Ранний железный век…, 2021), составляет 151 288 м^2. Совокупная площадь исследованной части культурного слоя этих поселений = 23303 м^2, или **15,4%** от всего эмпирического поля поселений АКИО. К сожалению, мне не удалось найти данные об общих площадях поселений ананьинского времени в Северном Предуралье. Однако исследователи этих памятников указывают, что «площадь поселений^2 различна в пределах 50–5000 тыс. кв. м» (Ашихмина, Васкул, 2021, с. 252).

Суммарно исследованная площадь поселений, по материалу которых дается характеристика АКИО на Европейском Северо-Востоке – Ласта IV, Борганъель I, Ягу-Яр, – равна 554 м^2. Даже если соотнести эту площадь с площадью самого крупного (но не названного) поселения – 5000 м^2 – он будет составлять 11,08%.

То есть нам следует признать, что все наши реконструкции хозяйственно-бытового уклада, экономики, фортификационного дела племен, составлявших АКИО, приводятся нами по всего 15% от того материала, который содержится во всем культурном поле этой области.

Картосхема распространения памятников АКИО (рис. 1), составленная на основании

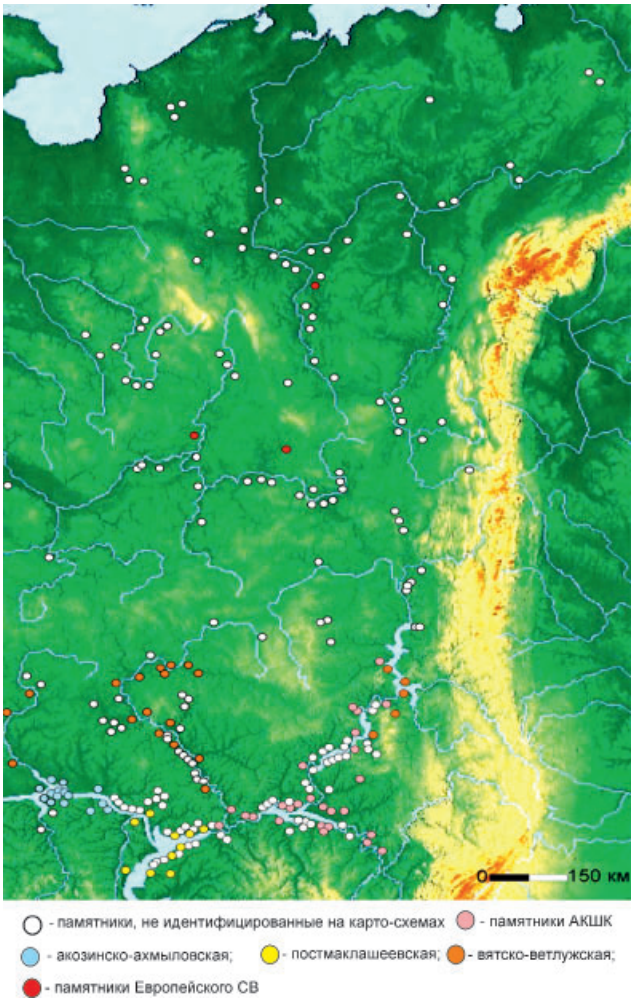


Рис. 1. Территория Ананьинской культурно-исторической области (АКИО) по карто-схемам, опубликованным в «Археология Волго-Уралья. Т.III».
Fig. 1. The territory of the Ananyino cultural and historical area (AKIO) according to the sketch-maps published in "Archaeology of the Volga-Urals. Vol. III".

карт, опубликованных в «Археологии Волго-Уралья» Т. III (Ранний железный век, 2021, с. 142, рис. 1; 163, рис. 1; 187, рис. 1; 218, рис. 1; 248, рис. 1), показывает, что в нашем отображении территория АКИО была заселена достаточно плотно (один зафиксированный памятник на ~1800 км^2)[3]. Правда, большинство значков, нанесенных на эти карты, не идентифицированы[4]. Поэтому имеется достаточно оснований предполагать, что их эмпирика – это разведочные сборы или, в лучшем случае, шурфовка. Поэтому информационный потенциал таких памятниках минимальный. И рассматривать эти памятники как отражение динамики внутреннего развития АКИО **неконструктивно**.

Или если и конструктивно, то только в плане создания *археологического дискурса*, но не как аргумент или довод.

Что касается памятников, материал которых является базой для современной аналитики АКИО (табл. 1), то они, во-первых, в масштабах всей АКИО немногочисленны. Во-вторых, их географический «разброс» даже в пределах одной культуры из составляющих АКИО таков, что ставит под сомнение вероятность наличия какого-то культурного стандарта даже внутри этой культуры, что наглядно отражено в морфологии керамических типов, представленных на этих памятниках.

Например, памятники АКИО Европейского Северо-Востока в бассейне рр. Печоры и Вычегды расположены на значительном расстоянии друг от друга – 100–300 км[5] (Васкул, Ашихмина, 2021, с. 248). По суше от поселения Ямашор (Конецгор) до Шиховского могильника и поселения (V–III вв. до н. э.) 270 км через тайгу. По р. Печоре – почти 500 км. Если плыть по течению – это 50 часов чистого времени[6]. Т. е. за двое суток добраться было возможно.

Несмотря на такие дистанции между указанными памятниками, их керамика однотипна (Васкул, Ашихмина, 2021, с. 283).

Зато керамика поселения Ласта IV, расположенного всего в 100 км вверх по течению р. Ижмы от Шиховских памятников, по своей морфологии заметно отличается от керамики типа Перный-Ямашор (по И.О. Васкулу)[7]

Городище Сухой Берсут и Черепашье (постмаклашеевская культура) расположены в 14 км друг от друга по правому берегу Нижней Камы (рис. 2). Это три часа пешего хода. На этих городищах соотношение типов керамики примерно одинаково, за исключением одного нюанса: в керамическом комплексе Сухого Берсута в 16 с лишним раз чаще, чем на Черепашьем, встречены сосуды с ямочно-гребенчато-шнуровой орнаментацией (табл. 3).

От Черепашьего до городища Сорочьи Горы – 60 км вниз по правому берегу р. Камы (примерно 12 часов пешего хода) (рис. 2). В комплексе городища Сорочьи Горы почти в два раза чаще, чем на Черепашьем, представлены сосуды с ямочно-шнуровой орнаментацией, притом что керамические коллекции этих памятников равны по объему и все

*Таблица 3.*Соотношение типов керамики на поселениях АКИО (в %%)
Table 3. Proportion of ceramics types at AKIO settlements (in %)

Памятник	Орнаментация					Автор
	Ямочно-шнуровая	Ямочно-гребенчатая	Ямочно-гребенчато-шнуровая	Ямочная	Всего сосудов	
Постмаклашеевская культура						
Сорочьи Горы	32	10	6	31	210	Марков В.Н.
Сухой Берсут	19,8	18,7	51,5	43,7	81	
Черепашье	16,6	17,7	3,2	46,9	212	
Ахмыловская культура						
Малахайское пос.	19,3	10,2	7,1	34,7	420	Патрушев В.С.
Копаньское	14,7	20,5	23,5	17,6	34	
Васильсурское	44,2	62,3	?	64	183	
Ардинское	0,88	2,4	4,2	4,0	450	Михеев А.В.
Вятско-ветлужская						
Никульчинское	6	46	27	17	?	Оруджов Э.И.
Кривоборское	17	49	3	18	?	
Червяковское	11	46	16	18	?	
Чижевское	17	37	17	16	?	
Пижемское	19	32	19	21	?	
Буйское	21	21	7	13	?	
Аргыжское	9,1	26,6	35,5	15	544	Черных Е.М.

остальные типы керамики представлены в них примерно с одинаковой частотой.

На памятниках ахмыловской культуры АКИО – пос. Малахай, городища Копаньское и Васильсурское – какой-то общей тенденции в распространении типов керамики не прослеживается (табл. 3). Хотя расположены эти памятники сравнительно близко друг от друга – на протяжении ~35 км вдоль правого берега Волги (рис. 2).

Среди них керамический комплекс Васильсурского городища выделяется отчетливым преобладанием сосудов с ямочной, ямочно-гребенчатой и ямочно-шнуровой орнаментацией. Копаньского городища[8] – ямочно-гребенчато-шнуровой и ямочно-гребенчатой орнаментацией, а керамический комплекс пос. Малахай – преобладанием ямочной и ямочно-шнуровой орнаментации (табл. 3).

Среди памятников вятско-ветлужского варианта АКИО прежде всего обращает на себя внимание группа памятников в Среднем течении р. Вятки (северо-западная излучина), занимающая относительно компактную территорию ~1800 км^2. Это Наговицынское, Никульчинское, Кривоборское, Чижевское, Червяковское, Истобенское, Скорняковское гордища (рис. 2).

Керамические комплексы этих городищ близки частотой встречаемости одних и тех же элементов орнамента на сосудах. Несколько отличается керамический комплекс Кривоборского городища, содержащий очень незначительное количество сосудов, украшенных ямочно-гребенчато-шнуровым орнаментом (табл. 3).

В 100 км южнее описанной группы памятников на правом берегу Вятки находится Пижемское городище (рис. 2). Его керамический комплекс составляют сосуды с ямочно-гребенчатой, ямочной, ямочно-шнуровой и ямочно-гребенчато-шнуровой орнаментацией (табл. 3).

В 50 км вниз по течению Вятки расположено Буйское городище (рис. 2). Ассортимент орнаментики керамики этого городища практически совпадает с керамикой Пижемского городища, с той только разницей, что сосуды с ямочно-гребенчато-шнуровой орнаментацией здесь встречаются почти в три раза реже, нежели на Пижемском городище (табл. 3).

Несколько особняком среди вятских городищ АКИО стоит Аргыжское городище на левом берегу р. Вятки, в 36 км ниже по течению от устья р. Кильмези (рис. 2). Керамический комплекс этого городища (544 сосуда) характеризуется преобладанием сосудов с ямочно-гребенчатой и ямочно-гребенчато-шнуровой орнаментацией при заметном, по сравнению с Пижемским и Буйским горо-

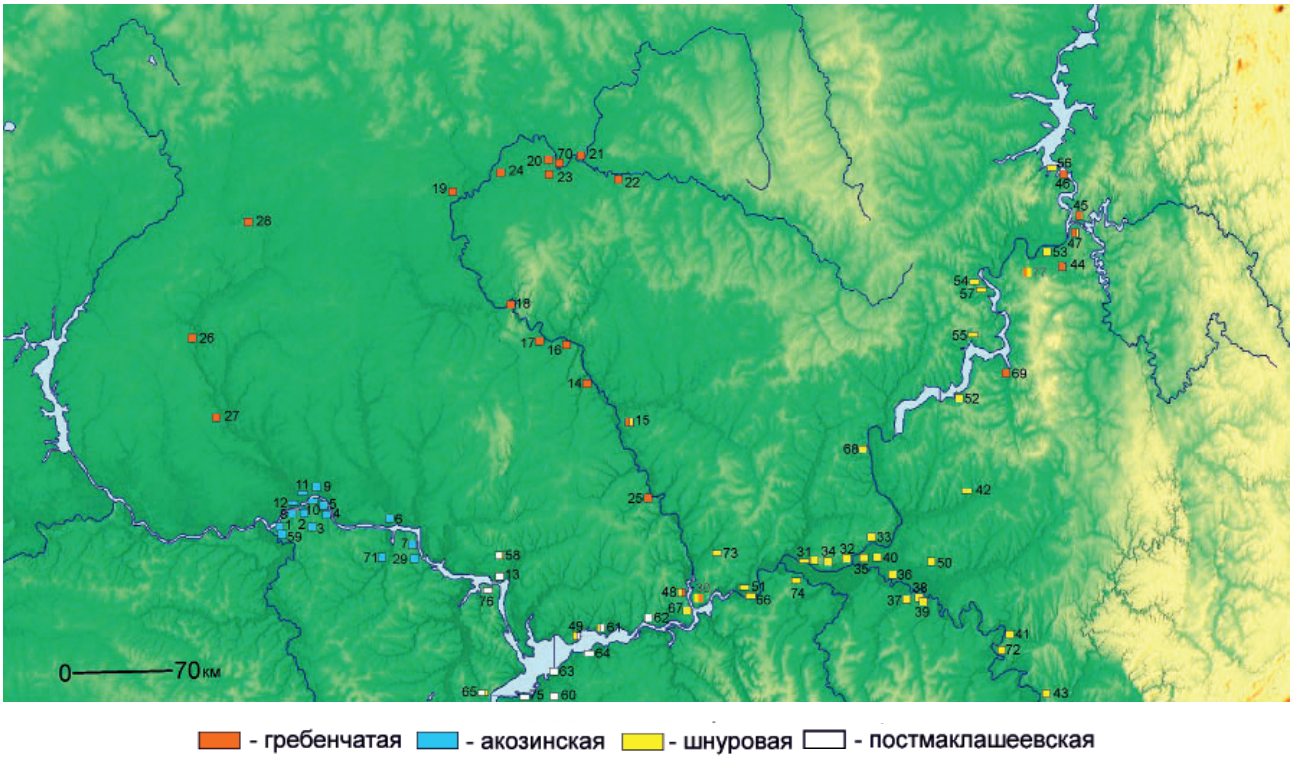


Рис. 2. Карта памятников Ананьинской культурно-исторической области, материалы которых лежат в основе обобщающих и аналитических исследований АКИО. 1 – Васильсурское городище; 2 – Копаньское гор.; 3 – Сиухинское поселение; 4 – пос. «Малахай»; 5 – Токаревское пос.; 6 – Мари-Луговское пос.; 7 – Нижне-Услонское пос.; 8 – Емангашское I и II гор.; 9 – Ардинское гор.; 10 – Козьмодемьянский (Мольбищенский) могильник; 11 – Акозинский мог.; 12 – Ахмыловский мог.; 13 – гор. Казанка I и II; 14 – гор. Ройский Шихан; 15 – Аргыжское гор.; 16 – Буйское гор.; 17 – Белоглазовское гор.; 18 – Пижемское гор.; 19 – Скорняковское город.; 20 – Наговицынское город.; 21 – Никульчинское город.; 22 – Кривоборское город.; 23 – Чижевское город.; 24 – Истобенское город.; 25 – Каракульское город.; 26 – Богородское гор.; 27 – Русенихинское гор.; 28 – Одоевское гор.; 29 – Звениговское гор.; 30 – Свиногорское гор.; 31 – Зуево-Ключевские городище и могильник; 32 – Быргындинское II гор.; 33 – Вятское (Машкаровское) гор.; 34 – Ныргындинские I-III гор.; 35 – Саузовское гор.; 36 – Какрыкуль гор.; 37 – Петер-Тау (Юлдашевское) гор.; 38 – Аначевское гор.; 39 – Трикольское гор.; 40 – Новокабановское гор.; 41 – Бирские гор. и сел.; 42 – Таш-Елга мог.; 43 – Кара-Абыз гор.; 44 – Алтен-Тау гор.; 45 – Конецгорское сел.; 46 – Скородум сел.; 47 – Галкинское гор.; 48 – Свиногорское гор.; 49 – гор. Сорочьи Горы; 50 – Тра-Тау (Старонагаевское) гор.; 51 – Ананьинский мог.; 52 – Еловское пос.; 53 –Заюрчимское VI пос.; 54 – Першинский мог.; 55 – Оханский мог.; 56 – Скородум мог.; 57 – Залазинский мог.; 58 – гор. Гремячий Ключ; 59 – Хмелевское гор.; 60 – Антоновское гор.; 61 – Троице-Урайское гор.; 62 – гор. Черепашье; 63 – сел. Курган; 64 – Мурзихинский I и II мог.; 65 – Тетюшский мог.; 66 – Луговской мог.; 67 – гор. Грахань; 68 – Усть-Нечкинское гор.; 69 – Гремячанское пос.; 70 – Червяковское гор.; 71 – Ельниковское гор.; 72 – Камышенское гор.; 73 – Котловский мог.; 74 – Мензелинский мог.; 75 – Новомордовский мог.; 76 – Морквашинский мог.; 77 – Болгарское IX селище.

Fig. 2. Map of the Ananyino cultural and historical area sites, the materials of which form the basis of the generalizing and analytical research of AKIO. 1 – Vasilsurskoye hillfort; 2 – Kopanskoye hillfort; 3 – Siukhinskoye settlement; 4 – «Malakhay» settlement; 5 – Tokarevskoye settlement; 6 – Mari-Lugovskoye settlement; 7 – Nizhne-Uslonskoye settlement; 8 – Emangash I and II hillforts; 9 – Ardinskoye hillfort; 10 – Kozmodemiansk (Molbishche) burial ground; 11 – Akozino burial ground; 12 – Akhmylovo burial ground; 13 – Kazanka I and II hillforts; 14 – Royskiy Shikhan hillfort; 15 – Argyzh hillfort; 16 – Buyskoye hillfort; 17 – Beloglazovskoye hillfort; 18 – Pizhma hillfort; 19 – Skornyaki hillfort; 20 – Nagovitsyno hillfort; 21 – Nikulchino hillfort; 22 – Krivoborskoye hillfort; 23 – Chizhevskoye hillfort; 24 – Istobenskoye hillfort; 25 – Karakulino hillfort; 26 – Bogorodskoye hillfort; 27 – Rusenikha hillfort; 28 – Odoyevskoye hillfort; 29 – Zvenigovo hillfort; 30 – Svinogorye hillfort; 31 – Zuyevy Klyuchi hillfort and burial ground; 32 – Byrgynda II hillfort; 33 – Vyatskoye (Mashkarovskoye) hillfort; 34 – Nyrgynda I-III hillforts; 35 – Sauz hillfort; 36 – Kakrykul hillfort; 37 – Peter-Tau (Yuldashevo) hillfort; 38 – Anachevo hillfort; 39 – Trikolskoye hillfort; 40 – Novokabanovskoye hillfort; 41 – Birsk hillfort and settlement; 42 – Tash-Elga burial ground; 43 – Kara-Abyz hillfort; 44 – Alten-Tau hillfort; 45 – Konetsgor settlement; 46 – Skorodum settlement; 47 – Galkinskoye hillfort; 48 – Svinogor-

skoye hillfort; 49 – Sorochii Gory hillfort; 50 – Tra-Tau (Staronagayevo) hillfort; 51 – Ananyino burial ground; 52 – Elovskoye settlement; 53 – Zayurchim VI settlement; 54 – Pershinskiy burial ground; 55 – Okhanskiy burial ground; 56 – Skorodum burial ground ; 57 – Zalazinskiy burial ground; 58 – Gremyachiy Klyuch hillfort; 59 – Khmelevskoye hillfort; 60 – Antonovka hillfort; 61 – Troitskiy Urai hillfort; 62 – Cherepashye hillfort; 63 – Kurgan settlement; 64 – Murzikha I and II burial grounds; 65 – Tetyushi burial ground; 66 – Lugovoye burial ground; 67 – Grakhan hillfort; 68 – Ust-Nechkino hillfort; 69 – Gremyachanskoye settlement; 70 – Chervyakovskoye hillfort; 71 – Elnikovskoye hillfort; 72 – Kamyshenskoye hillfort; 73 – Kotlovka burial ground; 74 – Menzelinsk burial ground; 75 – Novomordovskiy burial ground; 76 – Morkvashi burial ground; 77 – Bolgary IX settlement.

Таблица 4. Средние показатели частоты встречаемости орнаментальных мотивов на керамике АКИО (в %%)

Table 4. Average frequencies of ornamental motifs on AKIO pottery (in %).

	Ямочно-шнуровой	Ямочно-гребенчатый	Ямочно-гребенчато-шнуровой	Ямочный
Акозинско-ахмыловская	19,7	23,8	8,7	30,0
Вятско-Ветлужская	15,2	36,7	11,1	13,4
Постмаклашеевская	22,8	15,4	20,2	40,5
АКШК	100			

дищами, снижении частоты встречаемости керамики с ямочно-шнуровым орнаментом (табл. 3).

Поселения (городища) культуры АКШК[9] сосредоточены в основном в Прикамье на территории между устьями рр. Белой и Вятки и в районе устья р. Белой на площади, равной ~5000 км^2 (рис. 2). Их отличительная особенность – керамические комплексы, состоящие из сосудов с ямочно-шнуровой орнаментацией.

Вверх по течению р. Камы памятники АКШК (материал которых активно используется в обобщающе-аналитических исследованиях) известны до устья р. Чусовой, но там они уже чередуются с памятниками, на которых преобладает или представительно присутствует керамика с ямочно-гребенчатым, гребенчатым или ямочным орнаментом (гор. Алтен-Тау, Галкинское, сел. Скородум, Конецгорское, Болгарское IX) (рис. 2).

Итак, география распространения видов орнаментации на керамике памятников АКИО показывает, что практически на каждом из этих памятников, независимо от их расстояния по отношению друг к другу, присутствует свой ассортимент орнаментальных мотивов. На мой взгляд, это может определяться не каким-то «декоративным стандартом», а человеческим фактором. Когда обитательницы одного коллектива[10], даже если они с обитателями ближних и дальних соседних коллективов общались на одном и том же языке, но в украшении посуды придерживались именно своих декоративных традиций и предпочтений, бытующих именно в данном коллективе.

Но если же мы обратимся к показателям средних значений частоты распространения тех или иных орнаментальных мотивов внутри культур, составляющих АКИО[11], то увидим, что керамика *акозинско-ахмыловской культуры* – это ямочная и ямочно-гребенчатая орнаментация. К ней ближе всех стоит *постмаклашеевская культура*, в керамике которой абсолютно преобладает ямочная орнаментация, за которой с большим отрывом (в 1,7–2 раза реже) следуют ямочно-шнуровая и ямочно-гребенчато-шнуровая орнаментации; керамика *вятско-ветлужского ананьина* – это ямочно-гребенчатая орнаментация, по сравнению с которой все остальные орнаментальные мотивы встречаются реже в 2,4–3,3 раза. Ямочно-шнуровая керамика *АКШК* в этой схеме стоит особняком, как географически, так и декоративно (табл. 4).

Средние показатели частоты встречаемости орнаментальных мотивов

Хронология и периодизация АКИО, разработанная современными исследователями, показывает, что в истории АКИО был период, когда все составляющие её культуры (включая и памятники Европейского Северо-Востока) **существовали одновременно**. И в общем это получается период с VII по III вв. до н. э. (табл. 5)[12].

Хронология и периодизация АКИО построена на материалах могильников (Кузьминых, Чижевский, 2014), которые отнюдь

Таблица 5. Хронология и периодизация АКИО
Table 5. Chronology and periodization of AKIO

	Этапы/периоды					Автор
Акозинско-ахмыловская	IX – нач. VIII	втор. пол. VIII-перв. пол. VII	втор. пол. VII – перв. пол. VI			Чижевский и др., 2021, с. 156-160.
Вятско-Ветлужская		сер. VIII-перв. пол. VII	VII- конец VI		конец V-III	Черных, Чижевский, 2021, с. 237-240.
Постмаклашеевская	IX- сер. VIII	сер. VIII-перв. пол. VII	сер. VII-перв. пол. VI	конец VI-V	V-III	Чижевский, Волкова, 201, с. 180-183.
АКШК	IX-сер. VIII	сер. VII-перв. пол. VI		конец VI-V	конец V-III	Чижевский и др., 2021, с. 209-215
Европейский СВ		VIII-VI			V-III	Васкул, Ашихмина, 2021, с. 276-285

не все географически могут быть связаны с теми поселениями, материал которых лежит в основе обобщающе-аналитических исследований. Например, хронология вятско-ветлужских памятников АКИО определяется по Старшему Ахмыловскому могильнику, расположенному более чем в 200 км от Вятки. Першинский могильник, содержащий вещи-хроноиндикаторы для АКШК, расположен в 35–70 км от ближайших к нему поселений – Гремячанского и Болгарского IX поселений (рис. 2).

«Идеальную географию» демонстрируют только памятники акозинско-ахмыловской культуры, где крупные могильники и поселения-городища локализуются на сравнительно небольшой территории, а из числа памятников АКШК – Зуево-Ключевской могильник с расположенными поблизости одноименным городищем и городищами Быргында и Ныргында и могильник Таш-Елга на р. Буй (VI–V вв. до н. э.), рядом с которым известно слабоизученное поселение АКШК (Иванов и др., 2018) (рис. 2).

Приведенные выше археолого-географические (они же – археолого-источниковедческие) данные позволяют пока сделать следующие **выводы**.

Географию АКИО мы пока представляем **фрагментарно**. Основное количество памятников, заполняющих опубликованные картосхемы АКИО, по своему информационному потенциалу нам остается не известным.

Те памятники, материалом которых мы оперируем в наших реконструкциях географической, хронологической, социально-экономической динамики АКИО, объективно дают нам только 15% всей потенциальной информации о культурном пространстве АКИО. Насколько она аутентична – вопрос открытый.

Керамика – общепризнанный основной культурный (а то и этнокультурный) маркёр археологической культуры. К таковым среди культур, составляющих АКИО, относится только ямочно-шнуровая керамика АКШК. В своем совершенно законченном чистом виде она встречается только на памятниках Среднего и Нижнего Прикамья с прилегающими районами приустьевой части бассейна р. Белой (рис. 2). Керамические комплексы остальных культур АКИО – акозинско-ахмыловской, постмаклашеевской, вятско-ветлужской – это ярко выраженная **эклектика**.

Причиной её сложения, вероятно, явились миграции из районов Европейского Северо-Востока, имевшие место в VII-VI вв. до н.э. и направленные на юго-запад, на Вятку, и на юг, вниз по Каме. Что, собственно говоря, и сформировало АКИО в том её виде, в котором мы её отображаем.

Эту точку зрения в свое время высказал В.Н. Марков (Марков, 2007, с. 56–57), и сейчас её поддерживают многие исследователи АКИО – Е.М. Черных, С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский и автор этих строк (Черных и др., 2002, с. 77; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 35).

Примечание:

[1] Причем памятники с материалом, аналогичным материалу АКИО, известны и западнее, в верховьях Волги.

[2] На Европейском Северо-Востоке – авт.

[3] Или участок 42×42 км, т. е. расстояние, вполне преодолимое даже пешим ходом. Естественно – «на бумаге».

[4] За исключением карты, составленной И.О. Васкулом (Васкул, Ашихмина, 2021, с. 248).

[5] По прямой естественно.

[6] Скорость водопотока Печоры – 10 км/час.

[7] Её, конечно, найдено всего два сосуда, но тем не менее.

[8] Очень небольшая по объему коллекция.

[9] Ананьинская культура шнуровой керамики («классическое ананьино»).

[10] Полагаю, что мы по-прежнему придерживаемся взгляда, что лепкой глиняной посуды занимались женщины.

[11] С точки зрения статистического анализа, подход, конечно, примитивный, но в данном случае показательный.

[12] Только акозинско-ахмыловская культура завершает свое существование в VI в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ, Отечество, 2014. 298 с.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.) / МИКВАЭ. Т. 12. Ижевск: УдмГУ, 2006. 220 с.

Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Болгарское IX селище – памятник финала ананьинской культуры в окрестностях г. Перми // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 136–159.

Васкул И.О., Ашихмина Л.И. Памятники ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 242–287.

Ефремова Д.Ю., Соловьев Б.С. Сиухинское поселение (предварительные итоги исследований 2009-2010 гг.) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 225–240.

Иванов В.А. Эпоха раннего железного века Пермского Предуралья. Ананьинская культурно-историческая область // Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие / Ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ, 2022. С. 109–122.

Иванов В.А., Заикина Н.А., Проценко А.С. Таш-Елгинский могильник // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. Вып. 3 / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 58–69.

Комарова У.В. Картография археологического изучения ананьинских памятников в бассейне реки Вятки // Историко-географический журнал. 2025. Т. 4. № 1. С. 38–49.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Осинском Прикамье (на примере Гремячанского поселения-святилища) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 292–302.

Кузьминых С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Матер. науч. конф. к 75-летию В.А. Генинга. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. С. 104–113.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА АН РТ, 2009. С. 29–55.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 101–137.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.

Михеев А.В. Ананьинский горизонт Ардинского городища // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 33–43.

Овсянников В.В., Тагиров Ф.М. Городище Какры-Куль (Старо-Муштинское) // УАВ. Вып. 2 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2000. С. 165–178.

Оруджов Э.И. Керамический комплекс Кривоборского городища // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 89–104.

Оруджов Э.И. Особенности материальной культуры ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики бассейнов рек Вятка и Ветлуга // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 288–298.

Оруджов Э.И. Материальная культура Белоглазовского городища (VII-III вв. до н.э.), бассейн р. Вятки // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 82–91.

Патрушев В.С. Ананьинские древности Марийского края (по материалам поселений // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 105–126.

Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 676 с.

Черных Е.М. Буйское городище на Вятке в полевой биографии Л.И. Ашихминой (памяти археолога) // Поволжская археология. 2024. № 3 (49). С. 128–138.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 188 с.

Черных Е.М., Чижевский А.А. Ананьинская культурно-историческая область. Вятско-ветлужская культура (гребенчато-шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 217–241.

Чижевский А.А., Волкова Е.В. Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашеевская культура. Памятники белогорского типа // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 162–185.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Коренюк С.М. Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 186–216.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисяметдинова А.А., Митряков А.Е, Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С. Скорняковское городище на Вятке / Археология Евразийских степей. Вып. 22. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 156 с.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Оборонительные сооружения городища Гремячий Ключ // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 221–243.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье / Археология Евразийских степей. 2020. № 2. 277 с.

Чижевский А.А., Кузьминых С.В., Патрушев В.С. Ананьинская культурно-историческая область. Культура текстильной керамики (акозинско-ахмыловская) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 141–161.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

REFERENCES

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. *Vyatskiy kray na poroge zheleznogo veka: kostyanoy inventar' anan'inskoy epokhi (I tys. do n.e.) (Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Inventory of Ananyino Period (1st Millennium B.C.))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 12. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Vasilieva, A. V., Korenyuk, S. N., Pereskokov, M. L. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 136–159 (in Russian).

Vaskul, I. O., Ashikhmina, L. I. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 242–287 (in Russian).

Efremova, D. Yu., Solov'ev, B. S. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 225–240 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2022. In Krylasova, N. B. (ed.). *Ocherki arkheologii Permskogo Predural'ia (Essays on the History of Perm Cis-Urals).* Perm: Perm State Pedagogical University, 109–122 (in Russian).

Ivanov, V. A., Zaikina, N. A., Protsenko, A. S. 2018. In Ruslanova, R. R. (ed.). *ArkhLab. Arkheologiia Urala: vremia, pamiatniki, liudi (ArchLab. Archaeology of the Urals: Time, Monuments, People)* 3. Ufa: Bashkir State University, 58–69 (in Russian).

Komarova, U. V. 2025. In *Istoriko-geograficheskii zhurnal (The Historical Geography Journal)* Vol. 4 (1), 38–49 (in Russian).

Korenyuk, S. N., Melnichuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 292–302 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2000. *Rossiyskaya arkheologiya: dostizheniia XX i perspektivy XXI vv. (Russian Archaeology: Achievements of 20th and Prospects for 21st Centuries)*. Izhevsk: "Udmurtskii universitet" Publ., 104–113 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 29–55 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 101–137 (in Russian).

Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskuiu epokhu (The Lower Kama River Region in the Ananyino Epoch).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Mikheev, A. V. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 33–43 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Tagirov, F. M. 2000. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 2. Ufa: National Museum of the Bashkir Republic, 165–178 (in Russian).

Orudzhov, E. I. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 89–104 (in Russian).

Orudzhov, E. I. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 288–298 (in Russian).

Orudzhov, E. I. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 82–91 (in Russian).

Patrushev, V. S. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 105–126 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). 2021. *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Chernykh, E. M. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 49 (3), 128–138 (in Russian).

Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hillfort on the Vyatka River)*. Moscow: Institute of Computer Research (in Russian).

Chernykh, E. M., Chizhevsky, A. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 217–241 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Volkova, E. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 162–185 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Chernykh, E. M., Korenyuk, S. M. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 186–216 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Chernykh, E. M., Khisyametdinova, A. A., Mitriakov, A. E, Spiridonova, E. A., Kochanova, M. D., Aleshinskaya, A. S. 2016. *Skorniakovskoe gorodishche na Viatke (Skorniaki hillfort on the Vyatka River).* Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 22. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A., Spiridonova, E. A., Aleshinskaya, A. S., Kochanova, M. D. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 21 (3), 221–243 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 8–277 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Kuzminykh, S. V., Patrushev, V. S. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 141–161 (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 27.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.256.263

ЕЩЕ РАЗ ОБ УНИКАЛЬНЫХ УДИЛАХ С ПСАЛИЯМИ С ЗООМОРФНЫМ ДЕКОРОМ ИЗ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

©2026 г. С.С. Иванов, М.К. Пиридинова

В статье анализируются уникальные цельнолитые удила с псалиями, которые были найдены в составе Новопавловского клада в Чуйской долине. Окончания псалиев данных удил декорированы головками горных козлов в скифо-сибирском «зверином» стиле. Ближайшие аналогии данным цельнолитым удилам отмечены в могильниках Уйгарак и Тагискен в Приаралье, что позволило их датировать в пределах VII в. до н.э. Генезис удил подобного облика в Центральной Азии связан с ближневосточной традицией, конструктивно близкие цельнолитые удила с псалиями известны на Ближнем и Среднем Востоке, Южном Кавказе в VIII – начале VII вв. до н.э. Но совокупность центральноазиатских цельнолитых удил сохранила также морфологические черты, свойственные для степной традиции, поэтому может рассматриваться как синтетическая попытка соединить две независимые друг от друга линии развития конского снаряжения, что могло произойти в Приаралье. Это позволяет предположить, что удила из Новопавловского клада являются импортом из данного региона.

Ключевые слова: археология, Притяньшанье, раннесакский период, цельнолитые удила, зооморфный декор, культурные контакты.

ONCE AGAIN ON THE UNIQUE BITS WITH ZOOMORPHICALLY DECORATED BIT SHANKS FROM THE CHUY VALLEY

S.S. Ivanov, M.K. Piridinova

This paper analyzes unique solid-cast horse bits with bit shanks from the Novopavlovka hoard in the Chuy Valley. The ends of the bit shanks are adorned with Capra heads rendered in the Scytho-Siberian "animal style." The closest parallels to these solid-cast bits have been identified at the Uigarak and Tagisken burial grounds in the Aral Sea region, enabling their dating to the VII century BC. The genesis of bits of this shape in Central Asia is linked to a Near Eastern tradition: structurally similar solid-cast bits with bit shanks are documented in the Near and Middle East and the South Caucasus during the VIII – early VII centuries BC. However, the Central Asian solid-cast bits also retained morphological features characteristic of the steppe tradition. Consequently, it may be regarded as a synthetic attempt to combine two independent lines of horse equipment development – a process that could have occurred in the Aral Sea region. This supports the hypothesis that the bits from the Novopavlovka hoard represent an import from that area.

Keywords: archaeology, Tien Shan foothills, Early Saka period, solid-cast bits, zoomorphic decoration, cultural contacts

Вводная часть. Раннесакский период в Притяньшанье остается все еще одним из наименее изученных в эпоху раннего железного века данного региона. Но именно этот период сыграл важнейшую роль в эпохальной трансформации всего комплекса материальной и духовной культуры, становления облика населения особой сакской культуры Притяньшанья, которая существовала на основной части этого региона с конца VII по первую половину II вв. до н. э. Однако процессы, происходившие здесь на протяжении конца IX – VII вв. до н. э., не совсем ясны и во многих своих аспектах туманны. В свете этого детальное исследование особенностей культурных сдвигов в Притяньшанье в данный хронологический период представляется крайне необходимым, так как их более глубокое понимание поможет объяснить многие социокультурные явления, которые существовали уже в недрах последующей сакской культуры Притяньшанья.

Но раннесакский период данного региона известен к настоящему времени очень фрагментарно: он представлен не более чем двумя десятками курганных захоронений и около сорока кладами бронзовых предметов. Причем именно последняя категория археологических находок дает наибольшее представление о характере культуры, потенциальных культур-

ных и иных связях населения Притяньшанья в начале раннего железного века. В связи с чем наше внимание привлекли удила с псалиями из Новопавловского клада, так как они дают довольно интересные данные о культурном обмене с другими районами Центральной Азии, а также Ближнего и Среднего Востока в начале I тыс. до н. э.

Данный клад был найден в 1987 г. на территории с. Ново-Павловка, на западной окраине современного Бишкека[1]. Он состоял из трех бронзовых предметов: цельнолитых удил с псалиями и парных подпружных пряжек раннескифского облика. В том же году он был передан в фонды нынешнего Национального исторического музея Кыргызской Республики. В настоящее время удила с псалиями находятся в экспозиции данного музея[2], а подпружные пряжки, по-видимому, были утеряны, и обнаружить следы их настоящего местонахождения нам не удалось.

В научной литературе предметы Новопавловского клада упоминались кратко лишь единожды (Мокрынин, Плоских, 1992, с. 36). В.П. Мокрынин и В.П. Плоских в общих чертах охарактеризовали их, отметив, что подпружные пряжки декорированы изображениями лежащих львов, а цельнолитые удила с псалиями – головками лошадей с козлиными рогами[3]. Они также предложили отнести данный клад к VII–VI вв. до н. э., подчеркнув, что он является доказательством ранних культурных связей территории Притяньшанья с Ближним и Средним Востоком, не приведя, впрочем, в пользу этого каких-либо существенных доводов и доказательств.

Поскольку в последней публикации предметы клада не были воспроизведены ни в качестве фотографий, ни рисунков, мы решили обратиться к нему снова спустя почти четыре десятилетия. Но так как подпружные пряжки из его состава нам не доступны по указанным выше причинам, то основное внимание было сосредоточено на уникальных удилах с псалиями, которые, помимо того, что представляют собой высокохудожественное произведение, также дают ценнейшую информацию о культурных взаимосвязях древнего населения Притяньшанья в раннесакский период.

Описание предмета. Удила бронзовые, цельнолитые с псалиями, имеющими зооморфно оформленные окончания. Внешние окончания удил слиты со стержнями псалиев таким образом, что с внешних сторон они образуют прямоугольные петли, одна из которых почти полностью обломана. Их стержни гладкие, округлые в сечении, образуют звено при помощи округло-стремявидных внутренних окончаний. Псалии – прямые, стержневидные, подквадратные в сечении, их концы украшены парными головками горных козлов, расположенными перпендикулярно по отношению к удилам. При этом выгнутая шея и морда животных при соединении со штырем псалия образует подтреугольное отверстие, которое имело, по-видимому, функциональное назначение. Дополнительное отверстие, большее по размеру, но уже декоративного характера, образовано переданными в профиль рогами козлов, которые, полукругло изгибаясь, достигают шеи животного. Все четыре головки горных козлов одинаковые. Одна из них дошла в отломанном состоянии, но у нее сохранилась лишь часть рога (рис. 1).

Размеры предмета: общая длина удил с псалиями составляет 16 см, из которых на целое звено приходится 8,7 см, диаметр стрежней удил 0,8–0,9 см, размеры внутреннего кольца звена удил 1,7×1,4 см, длина псалиев 16,5 см, в сечении они составляют 0,9×0,7 см, размеры головок горных козлов – 4,7×3,5 см.

Если же обратиться к художественным особенностям головок козлов, то они переданы в характерном стиле, присущем скифо-сибирскому «звериному» стилю. Они обладают экспрессивностью и динамикой, словно животные находятся в движении. Так, это просматривается по их выгнутой шее и опущенным головам, детали которых показаны очень реалистично – рельефно подчеркнуты слегка приоткрытый рот и ноздри миндалевидной формы, округлый глаз, заостренное ухо. На морде дополнительно выделены продольными линиями нижняя челюсть и область вокруг глаза животного, что позволяет отделить их таким образом от шеи. Несколько схематично передана бородка у козлов, которая, наряду с истончающейся шеей, сочленяется со стержнем псалия, образуя малое отверстие, как отмечалось выше. Рога животных полукруглые, с четко профилированными сегментовидными выступами годовых колец, типичными для этого вида. Кроме того, рельефный переход между слегка опущенной головой и выгнутой шеей козлов передан таким образом, что вместе с малым

Рис. 1. Бронзовые цельнолитые удила с псалиями в зооморфном стиле из Новопавловского клада (Чуйская долина, Киргизия)
Fig. 1. Bronze solid-cast horse bits with zoomorphically decorated bit shanks from the Novopavlovka hoard (the Chuy Valley, Kyrgyzstan)

отверстием приобретают очертания головки хищной птицы с загнутым клювом – сюжета, также характерного для скифо-сибирского искусства.

Итак, по расположению отверстий функционального характера псалии можно отнести к группе трехдырчатых, а удила в свою очередь – к типу со стремявидными окончаниями. Данные детали конской узды по всем своим главным особенностям характерны для раннесакского периода.

Хронология. Впрочем, несмотря на то, что общая хронология цельнолитых удил из Новопавловского клада в целом ясна, вызывает интерес, в рамках какого, более «узкого» временного промежутка они могли использоваться в Притяньшанье? На территории этого региона удила подобного облика более не известны и представляют здесь уникальное явление, требующее своего объяснения, в том числе в хронологическом измерении. Для этого мы можем обратиться к аналогиям не только в чисто утилитарном отношении, но и к художественным параллелям изображениям головок козлов на псалиях рассматриваемых удил.

Ближайшей точкой в самой Центральной Азии, где известны сходные детали конского снаряжения, является Восточное Приаралье. Здесь в могильниках Уйгарак (курган 26) и Тагискен (курган 55) отмечены типологически близкие цельнолитые удила с псалиями (Вишневская, 1973, с. 100, 102–103, табл. VIII, *5*; Итина, Яблонский, 1997, с. 55–57, рис. 47, *9*). Они отличаются от новопавловских в основном тем, что не имеют зооморфно оформленных окончаний псалиев и их стержни выгнуты в стороны, впрочем, концы угаракских псалиев трактованы в виде лошадиных копыт. Л.Т. Яблонский предложил для приаральских экземпляров датировку в пределах от рубежа VIII–VII до середины VI вв. до н. э. (Яблонский, 2004, с. 50–52). Впрочем, П.И. Шульга предложил ограничить появление удил этого типа началом VII в. до н. э. (Шульга, 2008, с. 78–79), что нам представляется вполне целесообразным.

Эта датировка в целом подтверждается другими конструктивными особенностями удил и псалиев из Новопавловского клада. Так, удила имеют прямоугольно-стремявидные окончания, а псалии фактически имеют трехдырчатую конструкцию – все эти признаки присущи деталям конского снаряжения раннескифского облика и хронологически укладываются в VIII – первую половину VI в. (Шульга, 2008, с. 57–59, 66–74, 78–79).

Но в то же время центральноазиатские цельнолитые удила с псалиями обнаруживают заметное морфологическое сходство с удилами типа Хасанлу, которые довольно широко были распространены на территории Ирана, Ирака, Турции и Южного Кавказа в VIII – начале VII вв. до н. э., ряд из них имел характерные плетеные стержни (Иванчик, 2001, с. 203, 205, 208, рис. 98–100; Медведская, с. 425, рис. 3, *1,2,4,6*). Однако при всем сходстве их с экземпляром из Ново-Павловки, удила типа Хасанлу выглядят более архаично и в лучшем случае их можно рассматривать в качестве прототипа, но никак не прямой аналогии. Гораздо ближе типологически к новопавловским удилам весь корпус известных раннесакских удил из Центральной Азии конца VIII – первой половины VI вв. до н. э. (Горбунова, 2001, с. 183–194, рис. 1–3; Яблонский, 2004, с. 50–52, 58–60, рис. 6). Высказывалось также мнение о сходстве удил из Уйгарака и Тагискена с предскифскими удилами типа Константиновка – Енджа, которые также имеют цельнолитую конструкцию с псалиями (Иванчик, 2001, с. 202–203), но едва ли это возможно из-за заметных конструктивных различий между ними.

Итак, хронологически удила из Новопавловского клада укладываются по своим особенностям и ближайшим аналогиям в пределы VII – первой половины VI в. до н. э. Однако, по-видимому, эта датировка для удил из данного клада может быть ограничена по крайней мере VII в. до н. э., как и приаральских их аналогов, так как они представляют собой уникальную попытку поиска синтетических форм между степными и ближневосточными удилами, которая не прижилась в итоге в Центральной Азии, и едва ли ее продукт мог существовать слишком длительное время. Мы не наблюдаем какого-либо последующего развития этой эволюционной линии цельнолитых удил, она довольно быстро затухает – видимо, уже в течение второй половины VII столетия до н. э.

Эта датировка в целом подтверждается наличием в составе данного клада парных подпружных пряжек, которые также были характерны исключительно для раннескифского периода (Шульга, 2008, с. 93, 96). Кроме того, дополнительным основанием для этого служит декор шпенька одной из пряжек с характерным для этого времени «копытовидным» знаком, который был довольно типичен для этого периода.

Предложенной хронологии не противоречат стилистические особенности передачи головок горных козлов на псалиях удил из Ново-Павловки. Наиболее территориально близкая им аналогия известна из клада из Биже, в состав которого входили два навершия оглоблей повозки, украшенные головками горных козлов. По своим изобразительным особенностям они практически идентичны новопавловским. Клад из Биже был датирован второй половиной VIII – началом VII вв. до н. э. (Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 38–41, 54м59, 62–63, рис. 3). Примечательно, что в Центральном Казахстане, в кургане 2 могильника Тасмола V, были найдены относительно сходные по функциональному назначению детали конской упряжи, украшенные скульптурными головками диких козлов, которые также близки по передаче основных деталей к головкам из Новопавловского клада. Погребение, в котором они были найдены, было отнесено к группе тасмолинских погребений VII–VI вв. до н. э. (Кадырбаев, 1966, с. 311, 323, рис. 18). Но по современным представлениям, с учетом того, что оно содержало детали конского снаряжения раннескифского облика, его датировку можно ограничить по крайней мере VII – первой половиной VI в. до н. э. Довольно близкие по трактовке парные головки козлов[4] имеются на подпружной пряжке из кургана 66 могильника Уйгарак в Восточном Приаралье, относящиеся к VII в. до н. э. (Вишневская, 1973, с. 117, табл. XVII, *19*; Королькова, 2006, с. 21, табл. 49, *15*). Еще одна сходная аналогия образу козлов на удилах из Новопавловского клада известна из кургана 10 Памирской I на Восточном Памире (Бернштам, 1952, с. 298, рис. 128, *5*). Здесь была найдена бронзовая фигурка горного козла, у которого рога, ухо и бородка были изображены в достаточно сходной стилистике. В настоящее время данное погребение из Памирской I датируется в пределах VIII–VII вв. до н. э. (Рябкова, 2010, с. 239–240).

Кроме того, ряд довольно сходных образцов изображений горных козлов известен в материалах тагарской культуры в Южной Сибири. К примеру, можно в этом плане выделить ряд фигурок на колоколовидных навершиях, ножах и других предметах (Членова, 1967, с. 113–114, 116–117, табл. 22, *6–7*, 24, *2,3,7*; Зави-

тухина, 1983, с. 30, 97, кат., № 1). Все данные изображения головок козла хронологически укладываются в VII–VI вв. до н. э.

Итак, все приведенные аналогии позволяют датировать цельнолитые удила с псалиями из Новопавловского клада в пределах VII – середины VI вв. до н. э. Но с учетом того, что дальнейшая эволюционная линия удил подобного облика не прослеживается в Центральной Азии на больших материалах, это свидетельствует о том, что она просуществовала относительно недолгое время и вряд ли выходит за пределы собственно VII столетия до н. э.

Культурный контекст удил из Новопавловского клада. К настоящему времени рассматриваемые удила являются, по-видимому, одной из самых восточных находок предметов подобного облика[5]. Примечательно, что они представляют здесь единичное явление, но их связь с удилами сходного облика из Приаралья очевидна. Поэтому вполне вероятно, что новопавловский экземпляр мог попасть в Притяньшанье именно в результате контактов именно с этим регионом, тем более что этнокультурные связи между их населением в раннесакский период уже отмечались ранее (Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 46–54).

Но откуда цельнолитые удила с псалиями могли появиться на юге Центральной Азии в начале раннего железного века? Единственным наиболее возможным прототипом их сложения могли выступить цельнолитые удила типа Хасанлу, широко распространённые на Ближнем и Среднем Востоке, Южном Кавказе в VIII – начале VII вв. до н. э., т. е. непосредственно накануне формирования удил сходного облика в Центральной Азии. При этом влияние ближневосточной линии развития удил на формирование данной детали конского снаряжения отмечалось исследователями и ранее, что служит только дополнительным косвенным доказательством в пользу культурного воздействия со стороны указанных регионов на оформление типа удил из Новопавловского клада и в этом случае. Дополнительным аргументом в этом выступает и то, что ряд псалиев цельнолитых удил типа Хасанлу также украшался в зооморфной манере – к примеру, можно отметить в этом отношении экземпляр из некрополя Алтынтепе в Восточной Турции, концы псалиев которого были декорированы четырьмя стилизованными головками лошадей (Медведская, 2013, рис. 3, *б*).

Справедливости ради стоит отметить, что цельнолитые удила с псалиями использовались на Среднем и Ближнем Востоке и позднее, вплоть до рубежа V и IV вв. до н. э., но они имели несколько иной облик, чем удила типа Хасанлу (Иванчик, 2001, с. 180, рис. 86, *1–4*). В частности, у них более четко выделены внешние круглые окончания грызел, в то время как у более ранних удил они обозначены лишь частично с внешних сторон псалиев. Аналогичная морфонологическая особенность присуща также центральноазиатской совокупности цельнолитых удил из Притяньшанья, Приаралья, а также Восточного и Северо-Восточного Казахстана. Это прямо указывает, что их происхождение можно связать с более ранней ближневосточной традицией, отраженной в удилах типа Хасанлу.

Учитывая все изложенное, не вызывает сомнений, что формирование всей совокупности, хотя и немногочисленной, бронзовых цельнолитых удил с псалиями из южной части Центральной Азии было связано с удилами типа Хасанлу. Это могло произойти не ранее рубежа VIII и VII вв. до н. э.

В то же время нет никаких оснований рассматривать цельнолитые удила из Притяньшанья и Приаралья в качестве импорта с территории Среднего и Ближнего Востока. Поскольку их связь со степной линией развития конского снаряжение очевидна – в пользу этого прямо говорит форма удил, которая, как отмечалось выше, находит полные аналогии в материалах скотоводческих культур Центральной Азии раннесакского периода.

С другой стороны, были ли действительно удила из Новопавловского клада изготовлены на территории Притяньшанья? В данном случае на этот вопрос могут помочь ответить подпружные пряжки из его состава. Необходимо учитывать, что образ льва в целом не характерен для раннескифского «звериного» стиля данного региона, поскольку он не входил в природный ареал его распространения в древности, и, по-видимому, данное животное было практически неизвестно местному населению. Первые достоверные изображения льва в Притяньшанье можно связать с влиянием Ахеменидского Ирана и отнести уже ко времени позже конца VI в. до н. э. (Артамонов, 1973, с. 38, 44, 46, рис. 43–46, 49). Но наиболее ранние образцы «звериного» стиля, изображающего это животное, извест-

ны из могильника Тагискен в Приаралье, где они датируются VII–VI вв. до н. э. (Итина, Яблонский, 1997, с. 64–65, рис. 78).

Это позволяет предположить, что все предметы Новопавловского клада представляют собой импорт из Приаралья, попавший на территорию Притяньшанья в результате культурных контактов между двумя этими регионами. Это, собственно, и объясняет их столь нетипичный для последнего региона облик, в том числе столь нехарактерный для местного раннесакского искусства образ львов.

Выводы. Бронзовые цельнолитые удила с псалиями наряду двумя подпружными пряжками, входившими в состав Новопавловского клада, представляют собой уникальные высокохудожественные предметы, которые могут быть датированы в пределах VII в. до н. э. Ближайшими и морфологически сходными аналогами удил из Ново-Павловки можно считать экземпляры из могильников Уйгарак и Тагискен в Приаралье, а также две случайные находки из Восточного и Северо-Восточного Казахстана, которые относятся к этому же хронологическому периоду. В настоящее время Чуйская долина представляет собой одну из наиболее восточных точек в распространении цельнолитых удил с псалиями данного облика в Евразии.

Формирование подобного типа удил в Центральной Азии было связано с ближневосточной традицией, в частности с удилами типа Хасанлу, которые обладают всеми основными сходными признаками. Но они датируются несколько более ранним временем, чем центральноазиатские, хронологический диапазон их существования охватывает VIII – начало VII вв. до н. э. Поэтому не вызывает сомнений, что именно удила типа Хасанлу выступили прототипом для формирования центральноазиатских цельнолитых удил. Причем это, по-видимому, происходит на территории Приаралья. Поэтому есть все основания рассматривать новопавловские удила, как и подпружные пряжки из этого же клада, в качестве потенциального импорта, попавшего на территорию Притяньшанья в ходе культурных контактов с данным регионом.

Примечания:

[1] В настоящее время данное село включено в черту г. Бишкека.

[2] Инвентаризационный номер КП 2916.

[3] Последующий их осмотр показал, что псалии были декорированы все же головками козлов, а не рогатых лошадей.

[4] О.А. Вишневская в тексте называет их головками баранов, но при детальном рассмотрении их особенностей становится очевидным, что это все-таки головки козлов.

[5] В ходе любезной консультации Б.Б. Бесетаев указал, что отдельные находки удил рассматриваемого облика известны также в Восточном и Северо-Восточном Казахстане. При этом фрагмент одних из данных удил имел черты, практически аналогичные приаральским.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1978. С. 38-63.

Артамонов М.И. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство, 1973. 280 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая / МИА. № 26. М.; Л.: АН СССР, 1952. 348 с.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: по материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. 160 с.

Горбунова Н.Г. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии. История и культура / Отв. ред. А.В. Седов. М.: Восточная литература, 2001. С. 179-200.

Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 192 с.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени / Степные народы Евразии. Т. II. М.: Институт всеобщей истории, 2001. 325 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН, 1997. 187 с.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 302–433.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху VII – IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.

Медведская И.Н. Конский убор Древнего Ирана: вопросы хронологии, происхождения и развития // Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. С. 412–441.

Мокрынин В.П., Плоских В.М. Клады в Кыргызстане: мифы и реальность. Бишкек: Илим, 1992. 174 с.

Рябкова Т.В. Памирская I, курган 10 (К вопросу о культурно-хронологических связях комплекса) // Древние культуры Евразии / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб: ИИМК РАН, 2010. С. 237–240.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч.1. Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

Яблонский Л.Т. Хронология древнейших памятников раннего железного века Средней Азии и Казахстана (по материалам из Приаралья) // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 45–68.

Информация об авторе:

Иванов Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (г. Бишкек, Кыргызская Республика); sak@yandex.ru

Пиридинова Малике Камалидиновна, ведущий научный сотрудник, Национальный исторический музей КР (г. Бишкек, Кыргызская Республика); аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); piridinovas@gmail.com

REFERENCES

Akishev, K. A., Akishev, A.K. 1978. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Kazakhstana (Archaeological sites of Kazakhstan).* Alma-Ata: “Nauka” Publ., 38–63 (in Russian).

Artamonov, M. I. 1973. *Sokrovishcha sakov (Treasure of the Saka people).* Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).

Bernshtam, A. N. 1952. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tian'-Shania i Pamiro-Altaya (Historical and Archaeological Essays on the Central Tien Shan and Pamir-Altai).* Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 26. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kul'tura sakskikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e.: po materialam Uigaraka (Culture of the Saka Tribes of the Lower reaches of the Syr Darya in the 7th – 5th cc. B.C.: Based on Materials from Uigarak)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gorbunov, N. G. 2001. In Sedov, A. V. (ed.). *Drevnie tsivilizatsii Evrazii. Istoriia i kultura (Ancient civilizations of Eurasia. History and culture).* Moscow: Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).

Zavitukhina, M. P. 1983. *Drevnee iskusstvo na Enisee. Skifskoe vremia. Publikatsiia odnoi kollektsii (Ancient art on the Yenisei. Scythian period. Publication of a single collection).* Leningrad: “Iskustvo” Publ. (in Russian).

Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmeriitsy i skify (The Cimmerians and Scythians).* Series: Stepnye narody Evrazii *(Steppe Peoples of Eurasia*) 2. Moscow: “Paleograf” Publ. (in Russian).

Itina, M. A., Yablonskiy L. T. 1997. *Saki Nizhnei Syrdar'i (po materialam mogil'nika Iuzhnyi Tagisken*) (*The Sakas of the Lower Syr Darya (Based on Materials from Yuzhny Tagisken Burial Ground)*). Moscow: “ROSSPEN” Publ. (in Russian).

Kadyrbaev, M. K. 1966. In Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevniaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kadyrbayev, M. K. 1966. In Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevniaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 303–433 (in Russian).

Medvedskaya, I. N. 2013. In Vishnyatsky, L. B. (ed.). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 3. Saint Petersburg: Saint Petersburg University, 412–441 (in Russian).

Mokrynin, V. P., Ploskikh, V. M. 1992. *Klady v Kyrgyzstane: mify i realnost (Hoards in Kyrgyzstan: myths and reality).* Bishkek: "Ilim" Publ. (in Russian).

Ryabkova, T. V. 2010. In Alekshin, V. A. et al. (eds.). *Drevnie kul'tury Evrazii (Ancient cultures of Eurasia)*. Saint-Petersburg: "Info-ol" Publ., 237–240 (in Russian).

Chlenova, N. L. 1967. *Proiskhozhdenie i rannyaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury (Genesis and early history of the tribes of the Tagar culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Shulga, P. I. 2008. *Snariazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poiasa na Altae. Ch.1. Ranneskifskoe vremia (Equipment of the Saddle Horse and Warrior Belts in Altai. Part I. Early Scythian period).* Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).

Yablonsky, L. T. 2004. In Raev, B. A. (ed.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii (Sarmatian Cultures of Eurasia: Issues of Regional Chronology).* Krasnodar: Kuban State University, 45–68 (in Russian).

About the Author:

Ivanov Sergei S. Candidate of Historical Sciences. Kyrgyz National University. Frunze str., 547, Bishkek, 720033, Kyrgyzstan; sak@yandex.ru

Piridinova Malike K. National History Museum of the Kyrgyz Republic. 112 Chui Avenue, Ala-Too Square. Bishkek, 720040, Kyrgyzstan; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; piridinovas@gmail.com

Статья поступила в журнал 20.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.

УДК 903.08 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.264.283

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА КЕРАМИКЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ[1]

© 2026 г. А.М. Жульников

В статье впервые обобщены и проанализированы данные об изображениях на керамике раннего железного века Восточной Европы. В ходе исследования, направленного на выявление особенностей изображений на керамике в искусстве раннего железного века, были привлечены данные по иконографии фигур на изделиях из бронзы, кости, камня, на писаницах и петроглифах Севера Европы, Урала и Западной Сибири. Сопоставление подобных изображений, показало наличие сходных изобразительных элементов, прослеживаемых иногда на обширных территориях: от Верхнего Поволжья до Зауралья. Эти данные интерпретированы автором как признак активного взаимодействия населения, проживавшего в этих регионах в раннем железном веке, в том числе в сфере изобразительного творчества. В некоторых случаях удалось установить истоки становления изобразительных канонов, выявить локальные проявления традиций в изобразительном творчестве.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, керамика, изображения, Восточная Европа

DISTINCTIVE FEATURES OF EARLY IRON AGE CERAMICS DECORATION IN EASTERN EUROPE[2]

A.M. Zhul’nikov

The article summarizes and analyzes for the first time data on images on Early Iron Age ceramics of Eastern Europe. In the course of research aimed at identifying the features of images on ceramics in Early Iron Age art, data on the iconography of figures on objects made of bronze, bone, stone, as well as on pictographs and petroglyphs of Northern Europe, the Urals, and Western Siberia were drawn upon. A comparison of similar images revealed the presence of shared pictorial elements, sometimes traceable over vast areas – from the Upper Volga region to the Trans-Urals. The author interprets these data as evidence of active interaction among the populations inhabiting these regions during the Early Iron Age, including in the sphere of graphic creativity. In some cases, it was possible to establish the origins of pictorial canons and to identify local manifestations of traditions in graphic creativity.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, ceramics, images, Eastern Europe

Искусство раннего железного века лесной полосы Восточной Европы обычно ассоциируется у исследователей с художественными изделиями из бронзы и кости, которым посвящены многочисленные публикации и обобщающие работы. Анализу изображений на керамической посуде раннего железного века, видимо вследствие их сравнительной малочисленности, в археологической литературе ранее почти не уделялось внимания. Тем не менее очевидно, что изучение плоскостных изображений на керамических сосудах раннего железного века, как правило имеющих достаточно определенную культурную и хронологическую привязку, позволяет уточнить некоторые уже сложившиеся в археологической науке представления о путях развития художественного творчества древнего населения Восточной Европы и сопредельных регионов.

В ходе проведенного исследования, направленного на выявление особенностей изображений на керамике в искусстве раннего железного века (далее – РЖВ), были использованы следующие приемы изучения плоскостных изображений на керамической посуде лесной полосы Восточной Европы:

1. Рассмотрение изучаемого явления в диахроническом аспекте (сравнительно-исторический подход).

[1] Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

[2] Financial support for the research was provided from the federal budget to fulfill the state assignment of the Karelian Research Center RAS.

2. Сопоставление собранных материалов с плоскостными изображениями на керамике Урала и Западной Сибири.

3. Поиск аналогий фигурам на керамической посуде среди плоских / уплощенных изображений на изделиях из кости, металла, камня, в наскальных образах (Северная и Восточная Европа, Урал, Западная Сибирь).

4. Типологический анализ не только отдельных фигур на керамической посуде, но и композиций из них.

Состав изображений на керамике РЖВ лесной полосы Восточной Европы (28 сосудов): антропоморфы (личины – 4 экз.); орнитоморфы (схематические фигуры – 3 экз., «летящая» птица в профиль – 2 экз., фронтальное изображение летящей птицы – 3 экз., изображение птичьей лапы – 11 экз.); копытные животные (олени – 5 экз.). Кроме того, на керамике рубежа РЖВ – Средневековья лесной полосы Восточной Европы имеется ряд плоскостных изображений (20 сосудов, 21 образ): орнитоморфы (изображение птичьей лапы – 12 экз.); копытные животные (олени – 1 экз., кони – 1 экз.); следы медведя (6 экз.); личины (1 экз.).

Изображения личин. Наиболее ранние изображения личин на керамике Восточной Европы представлены на лебяжской посуде рубежа эпохи бронзы – РЖВ (рис. 1), известной на территориях от Юго-Западного Прибеломорья до бассейна р. Печоры. Личины на керамических сосудах обнаружены и в северной части ареала ананьинской историко-культурной общности (рис. 1). Видимо, к финалу РЖВ относится изображение на сосуде со стоянки 122 (Большеземельская тундра) с разинутым ртом в виде продолговатого отверстия, с обозначенными в виде выступов головой и ушами (рис. 1: 9). Это изображение, возможно, является зооморфным.

Только одно изображение личины на сосуде со стоянки Конецбор I (рис. 1: 7) является чисто плоскостным графическим, в остальных случаях личины на сосудах сопряжены с выступами на венчике сосуда. На трех сосудах финала бронзы – РЖВ личины находятся на внутренней стороне сосуда, в остальных случаях – на внешней стороне. На пяти сосудах тремя ямками или наколами показаны глаза и рот (рис. 1: 1а, 2, 3, 6, 7). На двух сосудах двумя ямками обозначены, видимо, глаза (рис. 1: 4, 8). На одном из сосудов со стоянки Бохта II треугольными вдавлениями намечены нос и глаза (рис. 1а), на другом сосуде с этой стоянки рот имеет вид продолговатой ямки, а глаза и нос выполнены гребенчатыми вдавлениями разных размеров и глубины (рис. 1б). На сосуде со стоянки Конецбор I сохранилась часть личины, выполненной в резной технике: глаза, переносица с надбровными дугами и заштрихованный сегмент, обозначающий, видимо, головной убор или верхнюю часть головы (имитация выступа?) (рис. 1: 5). Примечательно, что на керамике РЖВ Восточной Европы нет изображений полнофигурных антропоморфов, иногда представленных на керамике неолита – эпохи бронзы этого региона.

Наличие изображений личин на лебяжской и ананьинской керамике в северной части их ареала подтверждает участие населения с лебяжской посудой в формировании керамических традиций ананьинской культурно-исторической общности. Факт приуроченности изображений личин к северной части ареала ананьинской керамики может быть использован как дополнительный критерий при выделении вариантов ананьинских древностей.

Находки изображений личин на нео-энеолитической керамике Восточной Европы единичны: мне известна лишь одна подобная фигура на внутренней части энеолитического волосовского сосуда со стоянки Отарское XVIII (Никитин, 1996, рис. 75: 1). Как уже было мною ранее отмечено, поиск аналогий восточноевропейским изображениям личин-масок на керамике уводит нас на Урал, в Зауралье и далее на восток – вплоть до Приамурья и Северной Америки (Жульников, 2025). В Западной Сибири изображения личин широко представлены в наскальном творчестве, на керамической посуде, начиная с энеолита (Жульников, 2025) и вплоть до РЖВ (рис. 2: 1–8).

Относительно массовое распространение в художественном творчестве изображений личины к западу от Урала, начинается, видимо, на рубеже эпохи бронзы – РЖВ. В это время в качестве основного носителя информации о подобных антропоморфных изображениях, видимо, служили изделия из бронзы, поскольку именно на них этот образ в РЖВ проявился на весьма далеких от Урала и Зауралья территориях. Так, два бронзовых

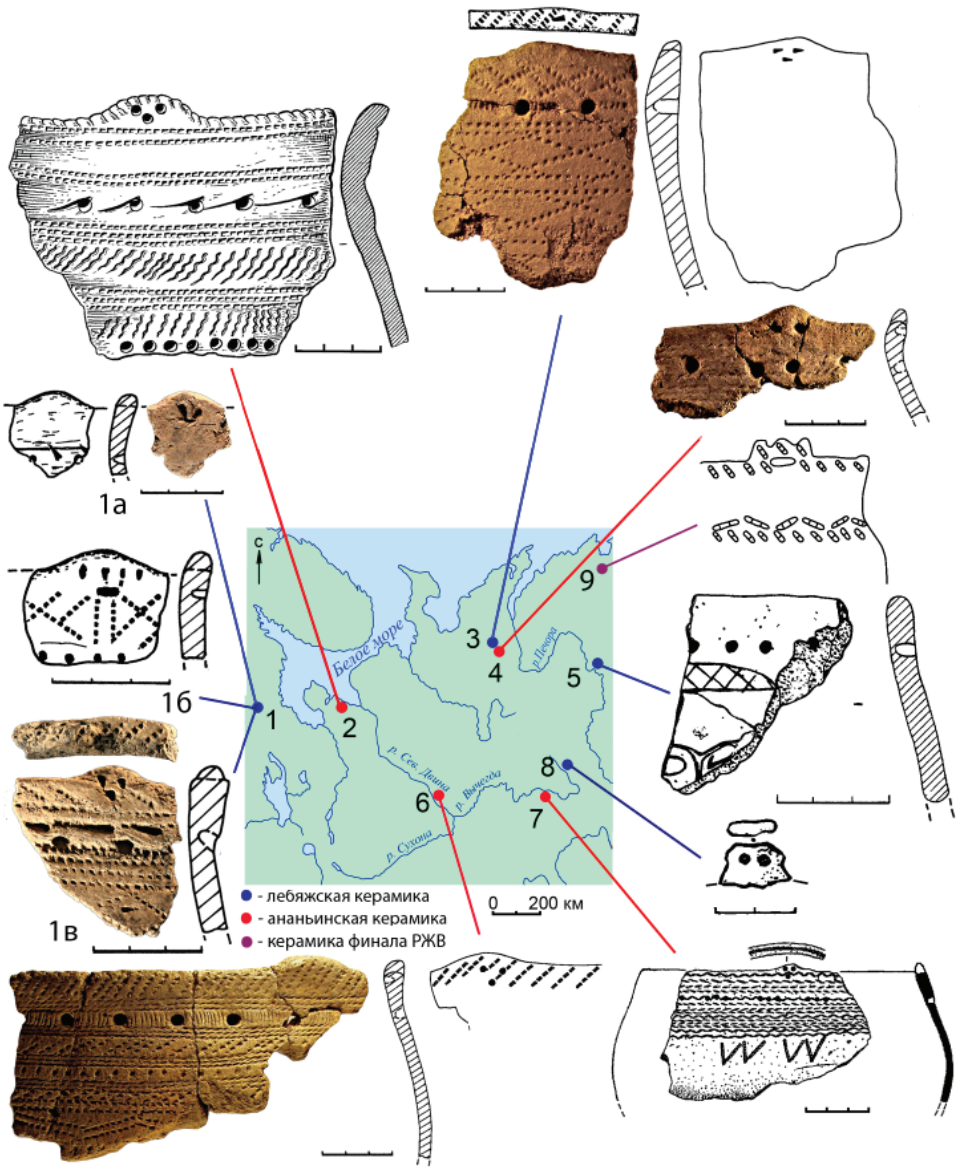


Рис. 1. Изображения личин на керамике финала бронзы – раннего железного века Восточной Европы.
1 – Бохта II; 2 – Красная Гора (Ошибкина, 1987, рис. 82: 19); 3 – Кыско; 4 – Ружникова; 5 – Конецбор I (Канивец, 1974, рис. 21: 1); 6 – Пермогорье II; 7 – Угдым III (Королев, 2002, рис. 34: 7); 8 – Чудинты II (Буров, 1992, рис. 1: 5); 9 – стоянка 122 (Чернов, 1985, табл. 16: 15).

Fig. 1. Images of masks on pottery of the Late Bronze Age – Early Iron Age in Eastern Europe.
1 – Bokhta II; 2 – Krasnaya Gora (Oshibkina, 1987, fig. 82: 19); 3 – Kysko; 4 – Ruzhnikova; 5 – Konetsbor I (Kanivets, 1974, fig. 21: 1); 6 – Permogorye II; 7 – Ugdym III (Korolev, 2002, fig. 34: 7); 8 – Chudinty II (Burov, 1992, fig. 1: 5); 9 – campsite 122 (Chernov, 1985, table 16: 15).

изображения личины были обнаружены мною в Юго-Западном Прибеломорье на стоянках Тунгуда III, Сумозеро XV (рис. 2: 9, 10). По керамике, сопутствующей данным предметам в раскопах, сочетающей признаки лебяжской и сетчатой, изделия с личинами относятся к финалу эпохи бронзы или к началу РЖВ (вторая четверть I тыс. до н. э.).

В Восточной Европе изображения личин получили широкое распространение в РЖВ в регионах, территориально наиболее близких к Уралу. Так, немногочисленные серии бронзовых личин встречены на ананьинских памятниках, на поселениях РЖВ Европейского Северо-Востока (рис. 2: 11–13). На Верхней Волге и в Волго-Окском междуречье находки изображений личин единичны, что дополнительно подтверждает наличие культурного импульса, связанного с этим образом, с Урала и Западной Сибири. В качестве примера влия-

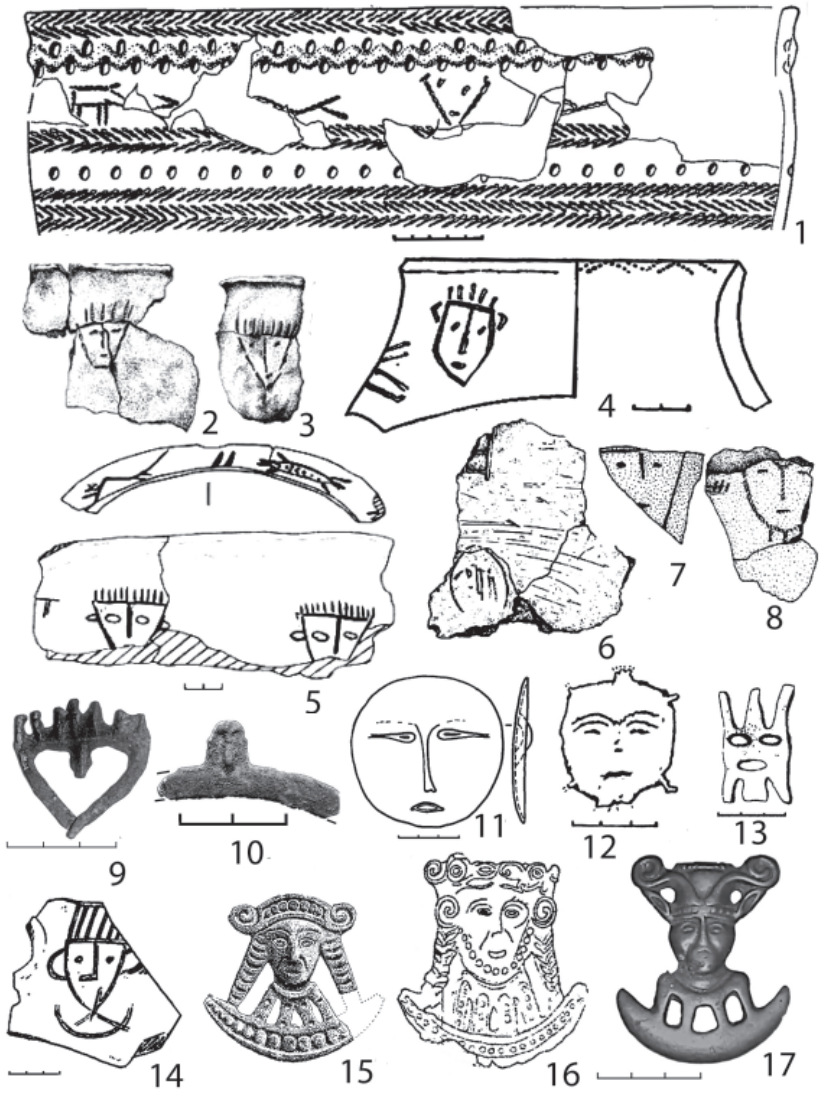


Рис. 2. Изображения личин на керамике финала эпохи бронзы – раннего железного века Западной Сибири (1–8), на бронзовых изделиях Восточной Европы и Сибири (9–17). 1 – Барсова Гора I/53 (Кокшаров, 2004, рис. 1: 8); 2, 3 – городище Рюзаково (Рыбаков, 2020, рис. 2: 24, 25); 4, 5, 14 – городище Кижирово (Чиндина, 1984, рис. 19: 4, 7; Панкратова, Плетнева, 2012, рис. 4: 1, 2); 6 – Мурашка IV (Рыбаков, 2020, рис. 3: 18); 7, 8 – городище Мурашка (Рыбаков, 2020, рис. 3: 19, 20); 9 – Тунгуда III; 10 – Сумозеро XV (фото А.М. Жульникова); 11 – Старший Ахмыловский могильник (Патрушев, 1980, рис. 1: 5); 12 – Борганьёль I (Васкул, 2023, рис. 5: 2); 13 – Мыелдино (Васкул, Холопов, 2005, рис. 6: 8); 15 – Гляденовское костище (Спицын, 1901, табл. 2: 12); 16 – Чувашский мыс (Спицын, 1906, рис. 62); 17 – городище Бабушкино (Башенькин, Васенина, 2006, рис. 8);

Fig. 2. Images of masks on pottery of the Late Bronze Age – Early Iron Age in Western Siberia (1–8), on bronze items of Eastern Europe and Siberia (9–17). 1 – Barsova Gora I/53 (Koksharov, 2004, Fig. 1: 8); 2, 3 – Ryuzakovo hillfort (Rybakov, 2020, fig. 2: 24, 25); 4, 5, 14 – Kizhirovo hillfort (Chindina, 1984, fig. 19: 4, 7; Pankratova, Pletneva, 2012, fig. 4: 1, 2); 6 – Murashka IV (Rybakov, 2020, fig. 3: 18); 7, 8 – Murashka fortified settlement (Rybakov, 2020, fig. 3: 19, 20); 9 – Tunguda III; 10 – Sumozero XV (photo by A.M. Zhulnikov); 11 – Senior Akhmylovo burial ground (Patrushev, 1980, fig. 1: 5); 12 – Borganyol I (Vaskul, 2023, fig. 5: 2); 13 – Myeldino (Vaskul, Kholopov, 2005, fig. 6: 8); 15 – Glyadenovo bone bed (Spitsyn, 1901, table 2: 12); 16 – Chuvashsky Mys (Spitsyn, 1906, fig. 62); 17 – Babushkino hillfort (Bashenkin, Vasenina, 2006, fig. 8).

ния изображений из бронзы на иконографию фигур на керамике, а также в качестве одного из возможных способов передачи изобразительного канона можно привести «личину на пекторали» на одном из кулайских сосудов (рис. 2: 14). Подобные по облику бронзовые бляшки («личина на пекторали») известны в настоящее время от бассейна р. Мологи (на

западе) до бассейна р. Иртыш (на востоке) (рис. 15–17).

Схематичные орнитоморфные образы. Появление схематичных орнитоморфных фигур в виде зигзага на сетчатой керамике эпохи бронзы Восточной Европы связано, на мой взгляд, с влиянием поздняковской культуры, родственной ряду лесостепных культур Евразии, для керамической посуды которых обычен орнаментальный мотив в виде латинской буквы «Z» (Жульников, 2024). Контакты населения этих двух культур, судя по отсутствию на левобережье Волги поздняковских могильников, видимо, активно происходили на пограничной территории Волго-Окского междуречья (рис. 3). Редуцированный орнитоморфный мотив, хотя и традиционен для современного финно-угорского населения Евразии, однако для эпохи бронзы появление данного орнаментального мотива на керамике в лесной полосе Европы произошло под воздействием населения круга степных и лесостепных культур или общностей Евразии (поздняковской, срубной, андроновской и т. д.). Редуцированный орнитоморфный мотив в виде зигзага характерен только для наиболее ранней сетчатой керамики восточной части бассейна Балтийского моря и южной части бассейна Белого моря (рис. 3), что свидетельствует о быстром затухании данной традиции (Жульников, 2024). Поскольку схематичные орнитоморфные изображения на керамике РЖВ весьма немногочисленны (рис. 3), как, впрочем, и на керамике этого времени Западной Сибири (рис. 3), то, скорее всего, в данном случае речь идет о конвергентном происхождении данного изобразительного канона, что во многом обусловлено широким распространением у предков финно-угорских народов мифологических представлений, связанных с образом водоплавающей птицы (Жульников, Кашина, 2010). Видимо, в РЖВ, как и в современной традиционной культуре финно-угорского населения, схематичные изображения водоплавающих птиц использовались при украшении предметов из органических материалов, которые не дошли до нашего времени, что, отчасти, объясняет их единичность на керамической посуде.

Изображения отпечатков птичьих лап. Это наиболее многочисленная категория изображений на керамической посуде РЖВ. Подобные фигуры изредка встречаются на сетчатой керамике эпохи бронзы, локализуясь на сравнительно небольшой территории Северо-Запада России (рис. 4). В отличие от фигур в виде отпечатка птичьей лапы эпохи РЖВ, образующих на сосудах пояса из «свисающих вниз» птичьих лап (рис. 5), фигуры в виде птичьих следов на керамике эпохи бронзы в четырех из пяти случаев ориентированы параллельные венчику, как бы опоясывая сосуд цепочкой из следов (рис. 5: 2–5). На сосуде эпохи бронзы со стоянки Сомбома I отпечаток птичьей лапы, свисающей вниз, видимо, сочетается с зигзагообразным схематическим орнитоморфным изображением (рис. 5: 1). Наиболее ранние изображения РЖВ в виде птичьей лапы зафиксированы на трех раннеананьинских сосудах, обнаруженных в бассейнах рек Вычегды и Вятки (рис. 5: 6–8). Начиная со второй половины I тыс. до н. э. число сосудов с изображениями птичьих лап на территории Восточной Европы явно возрастает (рис. 5: 9–16). Они известны на памятниках, относящихся к ананьинской и гляденовской историко-культурным общностям, к позднекаргопольской культуре. На рубеже РЖВ – Средневековья изображения птичьих лап на керамике также довольно многочисленны (рис. 5: 17–27), но территория их распространения заметно сужается, охватывая лишь ряд северо-восточных областей Восточной Европы (ванвиздинская культура и памятники с фигурно-штампованной орнаментацией нижнеобского происхождения) (рис. 4).

На большинстве сосудов РЖВ горизонтальный ряд из фигур в виде свисающей птичьей лапы замыкает орнаментальную композицию. На позднекаргопольском сосуде со стоянки Верхнее Веретье пары отпечатков птичьих лап, ориентированных вверх (к венчику), образуют два горизонтальных пояса (рис. 5: 10). На сосуде со стоянки Помоздино фигура в виде птичьей лапы находится на донышке (рис. 5: 19). Видимо, в конце РЖВ появляются изображения птичьих лап, на которых помимо трехпалой птичьей лапы показана часть ноги (рис. 5: 11, 17–19, 21, 24, 25), что по иконографии напоминает некоторые бронзовые подвески РЖВ в виде птичьих лап. Говоря о возможной генетической связи данной категории изображений с бронзовыми подвесками-нашивками в виде птичьей лапы, следует отметить отсутствие подобных украшений на

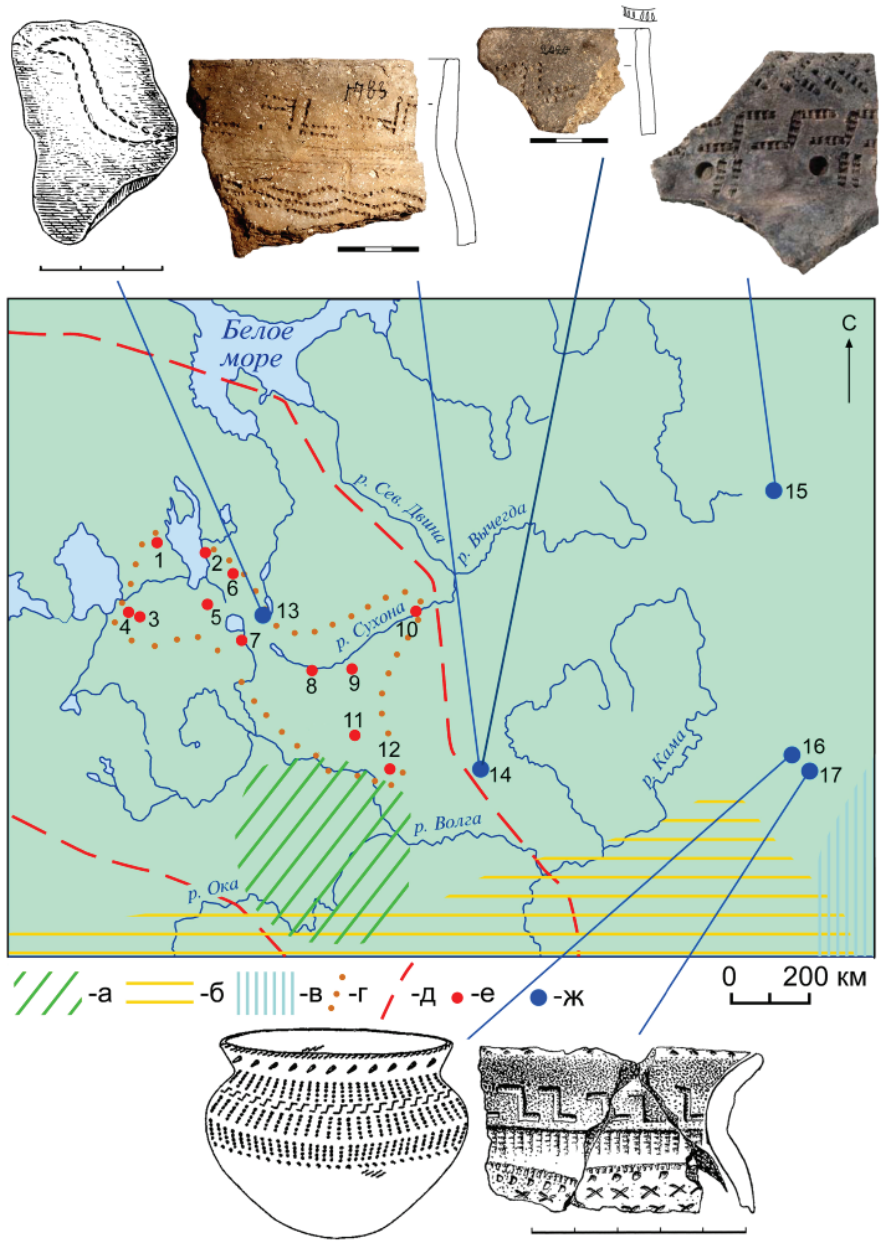


Рис. 3. Схема мест находок схематичных орнитоморфных изображений на сетчатой керамике эпохи бронзы и керамики раннего железного века Восточной Европы и Зауралья. а – территория поздняковской культуры; б – территория срубной историко-культурной общности (северная часть); в – территория андроновской общности (западная часть); г – граница распространения сетчатой керамики с орнитоморфными мотивами в виде зигзага; д – граница распространения сетчатой «гребенчато-ямочной» керамики эпохи бронзы; е – памятники с сетчатой керамикой со стилизованными орнитоморфными мотивами в виде зигзага; ж – памятники со схематичными орнитоморфными изображениями. 1 – Суна VI; 2 – Черная Речка V; 3 – Усть-Рыбежна II; 4 – Новая Деревня II; 5 – Илекса (на Куштозеро); 6 – Кемское III; 7 – Белозерская; 8 – Вёкса I (фото Н.Г. Недомолкиной); 9 – Усть-Шингарь II; 10 – Березовая Слободка II-III; 11 – Федоровская; 12 – Сокольское II; 13 – Селище (Ошибкина, 1987, рис. 80: 5); 14 – Одоевское городище (Новиков, 2021, рис. 9: 25, 12: 23); 15 – Няксимволь (Викторова, 2014, рис. 1: 1); 16 – Три Сестры (Сериков, 2014, рис. 63: 5); 18 – Палатки I (Викторова, 2017, рис. 33)

Fig. 3. Location of finding sites of schematic ornithomorphic images on netted ceramics of the Bronze Age and pottery of the Early Iron Age in Eastern Europe and the Trans-Urals. а – territory of the Pozdnyakovo culture; б – territory of the Srubnaya historical and cultural community (northern part); в – territory of the Andronovo community (western part); г – distribution of netted ceramics with ornithomorphic motifs in the shape of a zigzag; д – distribution of netted " combed-and-dotted " pottery of the Bronze Age; е – sites with net impressed ceramics with ornithomorphic motifs in the shape of a zigzag; ж – sites with schematic ornithomorphic images. 1 – Suna VI; 2 – Chernaya Rechka V; 3 – Ust-Ry-

bezhna II; 4 – Novaya Derevnya II; 5 – Ileksa (on Kushtozero); 6 – Kemskoe III; 7 – Belozerskaya; 8 – Vyoksa I (photo by N.G. Nedomolkina); 9 – Ust-Shingar II; 10 – Berezovaya Slobodka II-III; 11 – Fedorovskaya; 12 – Sokolskoye II; 13 – Selishche (Oshibkina, 1987, fig. 80: 5); 14 – Odoevskoye hillfort (Novikov, 2021, fig. 9: 25, 12: 23); 15 – Nyaksimvol (Viktorova, 2014, fig. 1: 1); 16 – Tri Sestry (Serikov, 2014, fig. 63: 5); 18 – Palatki I (Viktorova, 2017, fig. 33)

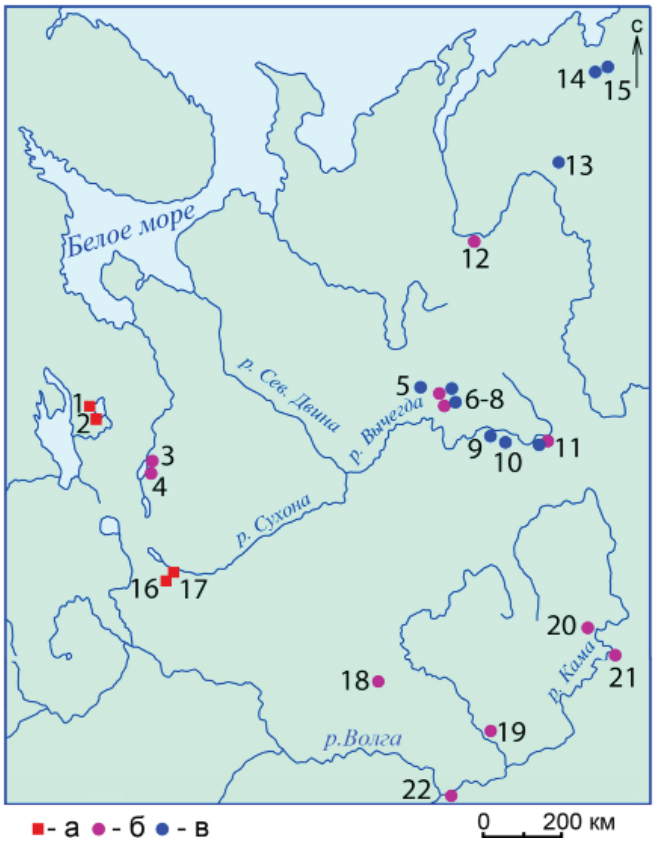


Рис. 4. Картосхема мест находок сосудов с изображениями птичьей лапы (эпоха бронзы – ранний железный век). а – сосуды эпохи бронзы; б – сосуды раннего железного века; в – сосуды рубежа финала раннего железного века – начала средневековья. 1 – Охтома III; 2 – Сомбома I; 3 – Кубенино; 4 – Верхнее Веретье; 5 – Веслянское 1 поселение; 6–8 – Вис I, II, Симва II; 9 – Угдым II; 10 – Шойнаты III; 11 – Мыелдино; 12 – Перный; 13 – Сынянырд IV; 14 – Хэйбидя Пэдарское жертвенное место; 15 – Море-ю; 16 – Лиминская XVI; 17 – Вёкса I; 18 – Одоевское городище; 19 – Аргыжское городище; 20 – Горюхалинское городище; 21 – Пещерское I городище; 22 – Курган

Fig. 4. Sketch-map of the finds of vessels with images of bird's pads (Bronze Age – Early Iron Age). а – Bronze Age vessels; б – Early Iron Age vessels; в – vessels from the turn of the Late Early Iron Age – Early Middle Age. 1 – Ohtoma III; 2 – Somboma I; 3 – Kubenino; 4 – Verkhneye Veretye; 5 – Veslyanskoye 1 settlement; 6-8 – Vis I, II, Simva II; 9 – Ugdym II; 10 – Shoynaty III; 11 – Myeldino; 12 – Perny; 13 – Synyanyrd IV; 14 – Kheybidya Pedar sacrificial place; 15 – More-yu; 16 – Liminskaya XVI; 17 – Vyoksa I; 18 – Odoevskoye hillfort; 19 – Argyzh hillfort; 20 – Goryukhalinskoye hillfort; 21 – Peshcherskoye I hillfort; 22 – Kurgan

наиболее ранних памятниках РЖВ Восточной Европы и сопредельных регионов.

Фронтальные изображения птиц «в полете». На сосуде типа лууконсаари с примесью слюды со стоянки Кудома XI (рис. 6) оттисками гребенки изображены пары птиц, ориентированных головами к венчику сосуда. Пары птиц отделены друг от друга короткими горизонтальными полосами, составленными из оттисков вертикально поставленного гребенчатого штампа. Головы птиц обозначены парами ямочных вдавлений (глаза?) (рис. 7: 1). На позднеананьинском сосуде с воротничком со стоянки Угдым II голова птицы повернута вправо, туловище показано в виде овала, выступами обозначены крылья и ноги (рис. 6, 7: 2). Фигура на сосуде со стоянки Борганьёль I, видимо, является изображением ушастой совы (рис. 6, 7: 3). Сосуд по общему облику орнаментации имеет признаки лебяжской посуды, однако подобный узор из оттисков гребенки, включающий горизонтальный ряд из регулярно расставленных ямок, встречается иногда и на ранней ананьинской керамике. Край венчика этого сосуда – волнистый, что не характерно для посуды РЖВ Европейского Северо-Востока.

Иконография этих фигур имеет очевидные аналогии в бронзовых изображениях птиц РЖВ. Бронзовое изображение птицы с опущенными крыльями, имеющей явные иткульские корни, было найдено автором данной статьи в юго-западной части Прибеломорья на стоянке Сумозеро XV (рис. 7: 9). У птицы обозначен широкий хвост, имеются две опущенных вниз ноги. На крыльях желобками показано оперение, а на туловище двумя вертикальными желобчатыми линиями, видимо, изображен позвоночник. Две овальные выпуклости на голове обозначают глаза. Близкие аналогии этой фигурке имеются среди некоторых иткульских орнитомор-

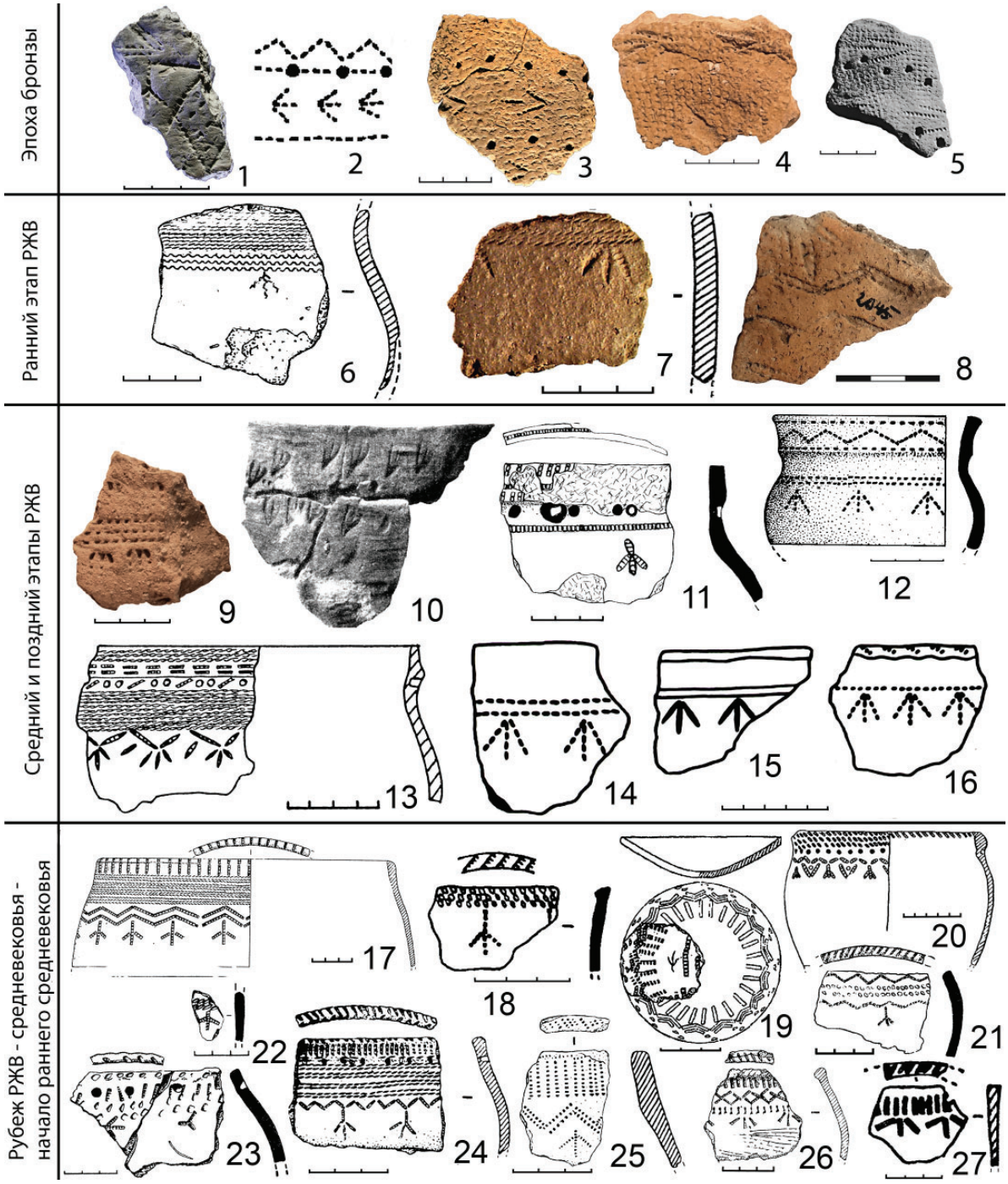


Рис. 5. Изображения птичьей лапки на сосудах эпохи бронзы – раннего железного века Восточной Европы. 1–2 – Сомбома I; 3 – Охтома III; 4–5 – Лиминская XVI, Вёкса I (фото Н.Г. Недомолкиной); 6 – Вис II (Буров, 1967б, табл. XXV: 6); 7 – Вис I; 8 – Одоевское городище (Новиков, 2021, рис. 5: 17); 9 – Кубенино (фото А.М. Жульникова); 10 – Верхнее Веретье (Фосс, 1952, рис. 46: 2); 11 – Мыелдино (Васкул, Ашихмина, 2021, рис. 17: 3); 12 – Перный (Канивец, 1974, рис. 53: 7); 13 – Аргыжское городище (Черных и др., 2002, рис. 91: 1); 14, 15 – Пещерское городище (Перескоков, 2018, рис. 79: 5, 21); 16 – Горюхалинское городище (Перескоков, 2018, рис. 75: 27); 17 – Угдым II (Королев, 2002, рис. 7: 1); 18 – Море-ю (Мурыгин, 1990, рис. 1: 6); 19 – Помоздино (Буров, 1967а, рис. 41: 9); 20 – Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место (Буров, 1992, рис. 4: 7); 21 – Мыелдино (Васкул, Холопов, 2005, рис. 3: 26); 22 – Сыныырд IV (Мурыгин, 1985, рис. 3: 2); 23 – Шойнаты III (Королев, 1985, рис. 5: 9); 24, 26 – Вис II (Буров, 1967б, табл. XXXII: 9, 15); 25 – Симва II (Буров, 1967б, табл. XXXII: 17); 27 – Веслянское поселение (Савельева, Чеснокова, 1985, рис. 3: 22)

Fig. 5. Images of a bird's pad on the Bronze Age – Early Iron Age vessels in Eastern Europe. 1-2 – Somboma I; 3 – Okhtoma III; 4-5 – Liminskaya XVI, Vyoksa I (photo by N.G. Nedomolkina); 6 – Vis II (Burov, 1967b, pl. XXV: 6); 7 – Vis I; 8 – Odoevskoye hillfort (Novikov, 2021, fig. 5: 17); 9 – Kubenino (photo by A.M. Zhulnikov); 10 – Verkhneye Veretye (Foss, 1952, fig. 46: 2); 11 – Myeldino (Vaskul, Ashikhmina, 2021, fig. 17: 3); 12 – Perny (Kanivets, 1974, fig. 53: 7); 13 – Argyzh hillfort (Chernykh et al., 2002, fig. 91: 1); 14, 15 – Peshcherskoye hillfort (Pereskokov, 2018, fig. 79: 5, 21); 16 – Goryukhalinskoye hillfort (Pereskokov, 2018, fig. 75: 27); 17 – Ugdym II (Korolev, 2002, fig. 7: 1); 18 – More-yu (Murygin, 1990, fig. 1: 6); 19 – Pomozdino (Burov, 1967a, fig. 41: 9); 20 – Heybidya-Padar sacrificial place (Burov, 1992, fig. 4: 7); 21 – Myeldino (Vaskul, Kholopov, 2005, fig. 3: 26); 22 – Synyanyrd IV (Murygin, 1985, fig. 3: 2); 23 – Shoynat III (Korolev, 1985, fig. 5: 9); 24, 26 – Vis II (Burov, 1967b, table XXXII: 9, 15); 25 – Simva II (Burov, 1967b, table XXXII: 17); 27 – Veslyanskoye settlement (Savelyeva, Chesnokova, 1985, fig. 3: 22)

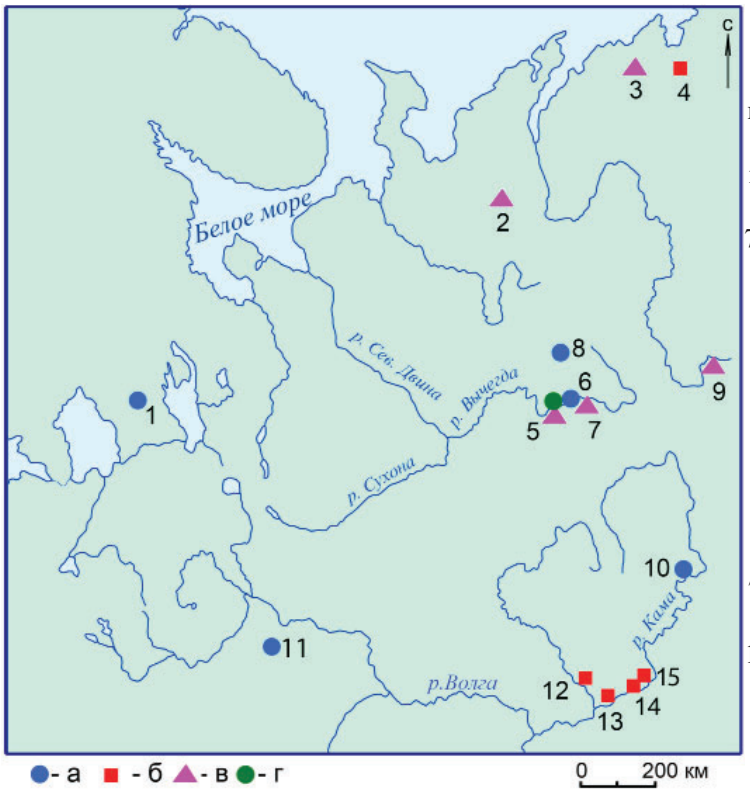


Рис. 6. Картосхема мест находок сосудов раннего железного века с изображениями животных. а – полнофигурные изображения птиц; б – фигуры лесных копытных животных; в – изображения лап медведя: г – изображение коня. 1 – Кудома XI; 2 – Кыско; 3 – Нэебтеяха; 4 – Море-ю; 5 – Угдым III; 6 – Угдым II; 7 – Шойнаты III; 8 – Борганёль I; 9 – Канинская пещера; 10 – Заосиновка 1; 11 – Ловцы I; 12 – Аргыжское городище; 13 – Ананьинский могильник; 14 – Зуевоключевское городище; 15 – Быргындинская стоянка

Fig. 6. Sketch-map of the finds of the Early Iron Age vessels with animal images. a – full-figure images of birds; б – figures of forest ungulates; в – images of bear paws: г – image of a horse. 1 – Kudoma XI; 2 – Kysko; 3 – Neebteyakha; 4 – More-yu; 5 – Ugdym III; 6 – Ugdym II; 7 – Shoynaty III; 8 – Borganyol I; 9 – Kaninskaya Cave; 10 – Zaosinovka 1; 11 – Lovtsy I; 12 – Argyzh hillfort; 13 – Ananyino burial ground; 14 – Zuyevy Klyuchi hillfort; 15 – Byrgynda campsite

фов, опубликованных Ю.П. Чемякиным и С.В. Кузьминых (Чемякин, Кузьминых, 2011, рис. 3: 4; табл. 5: 7–9). В Волго-Камье наиболее архаичные фронтальные фигуры птиц в геральдической позе обнаружены на раннеананьинских памятниках (рис. 7: 10–12). Все эти фигуры изображают хищных птиц. В более позднее время на груди некоторых птиц с распахнутыми крыльями появляются изображения личины (рис. 7: 13).

Ю.П. Чемякин и С.В. Кузьминых, оценивая возможные истоки появления на севере Европы, Урале и в Западной Сибири бронзовых изображений орнитоморфов с распахнутыми крыльями, отмечают наличие в Приуралье и восточнее от него отдельных фигур с подобной иконографией – на керамике, среди наскальных изображений (рис. 5, 6). Исследователи не склонны связывать появление подобных фигур на обширных территориях Европы и Сибири с контактами или заимствованиями, видя истоки подобной иконографии орнитоморфов в сходных воззрениях древних охотников (Чемякин, Кузьминых, 2011). Этой точке зрения противоречит отсутствие подобных изображений в неолите и энеолите Восточной Европы, а уникальное изображение летящего журавля (?) на Канозерских петроглифах (рис. 7: 7), после получения новых данных об их датировке (Колпаков и др., 2022), может быть отнесено к финалу энеолита – эпохе бронзы. К эпохе бронзы относятся и изредка встречающиеся на петроглифах Южной Скандинавии схематичные изображения птиц «в полете» (рис. 7: 8).

Можно предположить, что массовое появление образа хищной летящей птицы в первобытном искусстве финала бронзы – раннего

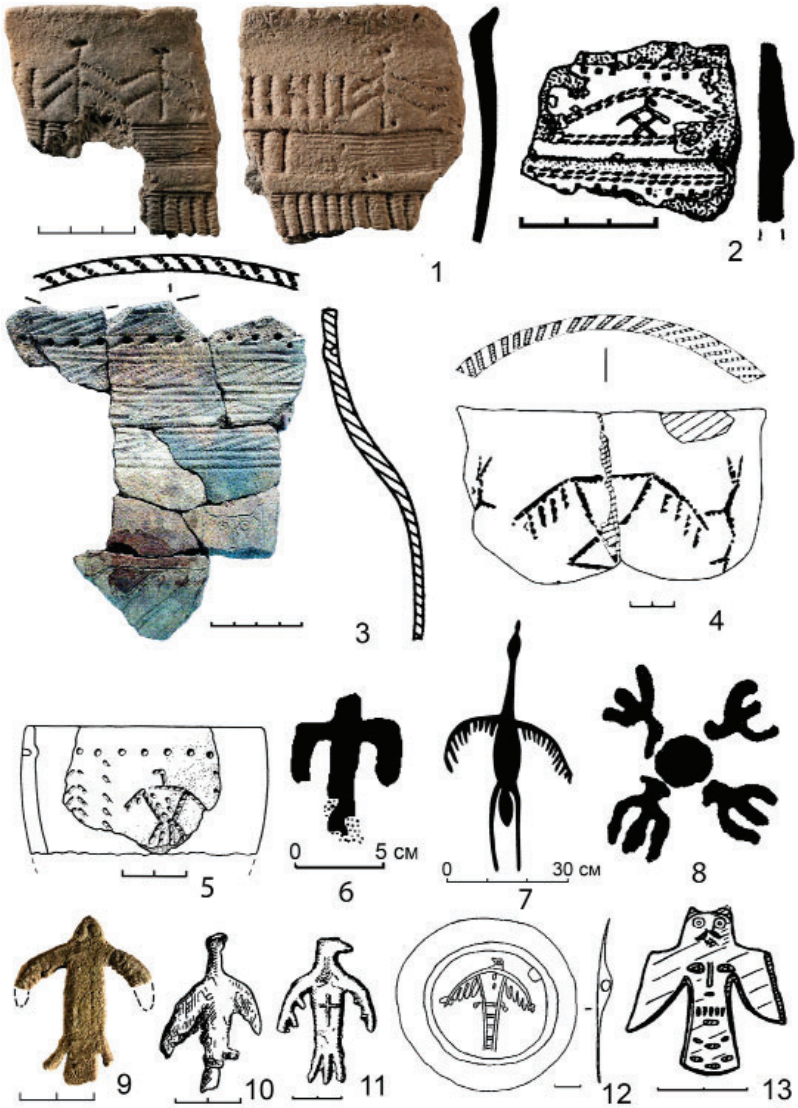


Рис. 7. Фронтальные изображения птиц «в полете» с опущенными вниз крыльями на керамике (1–4, 8), наскальных изображениях (5–7), изделиях из бронзы (9–13) Северной Европы и Западной Сибири. 1 – Кудома XI; 2 – Угдым II (Королев, 2002, рис. 5: 10); 3 – Борганьёль I; 4 – Кижировское городище (Панкратова, Плетнева, 2012, рис. 8: 1); 5 – Боровянка 17 (Чемякин, Кузьминых, 2011, рис. 1); 6 – писаница на р. Вишера (Генинг, 1954, рис. 9); 7 – Канозерские петроглифы, группа Каменный 7 (Колпаков, Шумкин, 2012, с. 185); 8 – Танум (Dokumentation…, 1996, p. 73); 9 – Сумозеро XV; 10 – Зуевский могильник (Збруева, 1952, табл. IV: 6); 11 – Барсов Городок I (Чемякин, 2008, рис. 79: 23); 12 – Старший Ахмыловский могильник (Патрушев, 1977); 13 – Уньский клад (Буров, 1992, рис. 1: 13). 1, 5, 9 – фото и рисунок А.М. Жульникова; 3 – фото В.Н. Карманова

Fig. 7. Frontal depictions of birds "in flight" with downward-pointing wings on ceramics (1–4, 8), rock art (5–7), bronze artifacts (9–13) from Northern Europe and Western Siberia. 1 – Kudoma XI; 2 – Ugdym II (Korolev, 2002, fig. 5: 10); 3 – Borganyol I; 4 – Kizhirovskoye hillfort (Pankratova, Pletneva, 2012, fig. 8: 1); 5 – Borovyanka 17 (Chemyakin, Kuzminykh, 2011, fig. 1); 6 – petroglyph on the Vishera River (Gening, 1954, fig. 9); 7 – Kanozero petroglyphs, Kamenny 7 group (Kolpakov, Shumkin, 2012, p. 185); 8 – Tanum (Dokumentation…, 1996, p. 73); 9 – Sumozero XV; 10 – Zuyevsky burial ground (Zbruyeva, 1952, table IV: 6); 11 – Barsov gorodok I (Chemyakin, 2008, fig. 79: 23); 12 – Senior Akhmylovo burial ground (Patrushev, 1977); 13 – Unsky hoard (Burov, 1992, fig. 1: 13). 1, 5, 9 – photo and drawing by A. M. Zhulnikov; 3 – photo by V. N. Karmanov

железного века обусловлено общими изменениями в мировоззрении древнего населения Северной Евразии, связанными с возрастанием значения в обществе дальних миграций (идея движения?), военных конфликтов.

Профильные изображения птиц «в полете». В ходе раскопок на территории археологического комплекса Заосиновка, на левом берегу р. Камы (рис. 6), был найден уникальный для гляденовской культуры фрагмент

Рис. 8. Профильные изображения птиц «в полете» (с поднятым вверх крылом и, как правило, выставленными вперед ногами) на керамике (1, 5), изделиях из кости (2–4) и бронзы (6–15) Северной Европы и Западной Сибири. 1 – Заосиновка 1 (Мокрушин, 1989, с. 82); 2–4 – городище Борисово, селище Дубровицы II, городище Мамоново (Кренке, 2011, рис. 244: 1–3); 5 – Кижировское поселение (Чиндина, 1984, рис. 19: 3); 6 – Саровское культовое место; 7 – Кулайское культовое место; 8 – Ишимское культовое место; 9 – поселение Самусь IV; 10 – Рыбинские находки; 11 – р. Васюган; 15 – Богочановское городище (Чемякин, Кузьминых, 2009, табл. 9: 3, 7, табл. 11: 3, табл. 12: 10, 15, 21, табл. 15: 11); 12, 13 – Святилище Барсов городок I/9 (Чемякин, 2008, рис. 80: 16, 16а); 14 – Тимирязевское поселение (Чемякин, Кузьминых, 2011, табл. 15: 11)

Fig. 8. Profile images of birds "in flight" (with wing raised upward and, as a rule, legs extended forward) on ceramics (1, 5), items made of bone (2–4) and bronze (6–15) from Northern Europe and Western Siberia. 1 – Zaosinovka 1 (Mokrushin, 1989, p. 82); 2–4 – Borisovo fortified settlement, Dubrovitsy II settlement, Mamonovo fortified settlement (Krenke, 2011, fig. 244: 1–3); 5 – Kizhirovskoye settlement (Chindina, 1984, fig. 19: 3); 6 – Sarovskoye ritual site; 7 – Kulayskoye ritual site; 8 – Ishimskoye ritual site; 9 – Samus IV settlement; 10 – Rybinsk finds; 11 – Vasyugan River; 15 – Bogachanovskoye fortified settlement (Cheamyakin, Kuzminykh, 2009, table 9: 3, 7, table 11: 3, table 12: 10, 15, 21, table 15: 11); 12, 13 – Barsov Gorodok I/9 sanctuary (Cheamyakin, 2008, fig. 80: 16, 16a); 14 – Timiryazevskoye settlement (Cheamyakin, Kuzminykh, 2011, table 15: 11).

керамического сосуда с двумя профильными фигурами водоплавающих птиц «в полете» (с приподнятыми вверх крыльями и выставленной вперед ногой), выполненных оттисками шнура (рис. 8: 1). Фрагмент чаши с изображениями обнаружен в пределах одной из исследованных в раскопе хозяйственно-бытовых площадок среди обломков сосудов гляденовского времени (Мокрушин, 1989, с. 81).

Информация о второй находке сосуда с изображением профильной птицы «в полете» была получена мною от В.В. Сидорова (устное сообщение). В ходе раскопок стоянки Ловцы I (Ярославская область) (рис. 6) исследователем был найден обломок венчика сосуда (бронза или РЖВ) с двумя сохранившимися от горизонтального фриза изображениями птиц, выполненными тонким гребенчатым штампом. Птицы показаны в профиль, как бы приземляющимися на землю: одна вытянутая лапа, приподнятое крыло, распушенный хвост. Птицы ориентированы головами вправо.

Для более раннего времени профильные изображения птиц «в полете» на керамике Восточной Европы не известны, а для РЖВ перечень аналогий подобным по иконографии фигурам достаточно обширен: они имеются на некоторых костяных предметах дьяковской культуры (рис. 8: 2, 3, 4), часто встречаются на бронзовых изделиях, а иногда и на керамических сосудах, найденных в Западной Сибири, преимущественно на кулайских поселениях (рис. 8: 5–15). Сложение иконографии данного образа, учитывая его довольно специфический характер, широкую область распространения, появление только в РЖВ, видимо, следует трактовать в качестве одного из свидетельств наличия в это время достаточно устойчивых дальних связей (цепочек контактов?) некоторых групп населения лесной полосы Восточной Европы, Урала и Западной Сибири.

Фигуры копытных животных. Сосуды с такими изображениями на керамике РЖВ Восточной Европы также немногочисленны. Фигуры выполнены очень схематично (рис. 9: 1–6), поэтому одной из важнейших проблем, связанных с их изучением, является ответ на вопрос: какой вид копытных животных изображен? Очевидный способ решения этой проблемы состоит в изучении иконографии изображений разных видов копытных животных, нашедших отражение на иных «носителях»: изделиях из бронзы, кости, рога, камня, а также на керамических сосудах сопредельных регионов.

При изображении лося древние люди, пытаясь обеспечить узнаваемость образа, подчеркивали наиболее характерные черты этого животного: горбоносость морды (рис. 9: 9, 11, 15), «серьга» на подбородке (рис. 9: 14), длинноногость (рис. 9: 13), короткий хвост, опущенный вниз или вытянутый параллельно туловищу (рис. 9: 11, 12, 15). Признаками оленя выступает сочетание ряда иных черт: относительно короткие ноги, поднятый вверх маленький хвостик, морда без горбоносости (рис. 9: 8, 10). Коня среди иных изображений копытных животных достаточно легко распознать по длинному хвосту. Фигуры копытных животных на шести сосудах, найденных на территории Восточной Европы, (рис. 9: 1–6), не имеют явных признаков лося или коня, а иные черты этих изображений наиболее характерны для иконографии оленя. Пять сосудов с фигурами оленей относятся к ранней стадии ананьинской культуры. Они найдены на довольно компактной территории: в низовьях рек Камы и Вятки (рис. 6). Сосуд со стоянки Море-ю в Печерском Приполярье, где в нижней части орнаментальной композиции изображения оленя сочетаются с фигурами в виде свастики и птичьей лапки (рис. 9: 6) (образ годового календарного цикла?), относится уже к финалу РЖВ.

Единственное на керамике Восточной Европы изображение коня, выполненное оттисками гребенки, имеется на сосуде с поселения Угдым III на Средней Вычегде (рис. 6, 9: 7). Сосуд относится к ванвиздинской культуре финала РЖВ – раннего Средневековья. Иконография фигур на ванвиздинском сосуде довольно редкая для РЖВ: задние и передние ноги коней направлены вперед, что явно не соответствует естественному характеру движения этого вида копытных. Подобное по облику изображение коня (с направленными вперед задними и передними ногами) имеется на бронзовой пластине неясного генезиса, найденной И.О. Васкулом на Верхней Вычегде на поселении Ягкодж III (рис. 9: 16). Учитывая специфические особенности иконографии изображений коня на сосуде с поселения Угдым III, можно согласиться с мнением К.С. Королева о неутилитарном характере данного изделия (Королев, 2002, с. 50).

М.А. Очир-Горяева отмечает редкость изображений коня в скифском зверином стиле, тогда как образ оленя в степной зоне Евразии имеет множество проявлений – тысячи предметов с изображениями животного в разных позах (Очир-Горяева, 2017), часто с огромными рогами. Возможно, именно с влиянием скифского звериного стиля связано появление образа оленя на ананьинской керамике, однако

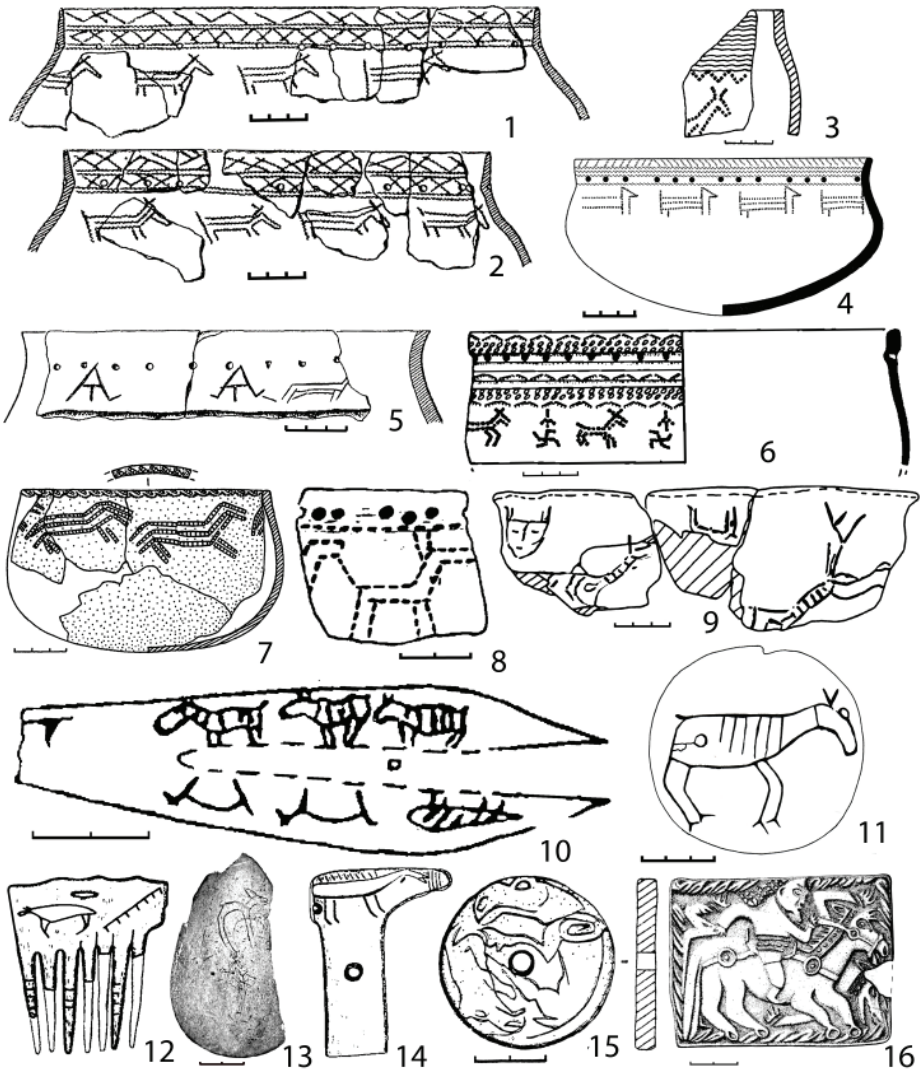


Рис. 9. Изображения копытных животных на керамике (1–9), на изделиях из бронзы (10, 11, 16), кости (12–14), камня (15). 1, 2 – Быргындинская стоянка (Ашихмина, 2014, рис. 26: 1, 2); 3, 15 – Аргыжское городище (Черных и др., 2002, рис. 28: 3, 60: 7); 5 – Зуевоключевское городище (Ашихмина, 2014, рис. 50: 7); 4 – Ананьинский могильник (Чижевский, 2008, рис. 44: 4); 6 – Море-ю (Мурыгин, 1990, рис. 2: 4); 7 – Угдым III (Королев, 2002, рис. 22); 8 – Савельевское селище (Чиндина, 1984, рис. 19: 2); 9 – Кижировское городище (Панкратова, Плетнева, 2012, рис. 7: 2, 3); 10 – Нарымское Приобье, случайная находка (Чиндина, 1984, рис. 11: 1а); 11 – Кулайское культовое место (рисунок А.М. Жульникова); 12 – Гремячанское святилище (Коренюк, 1998, рис. 1: 1); 13 – Пекуновское городище (фото А.М. Жульникова); 14 – Заюрчим (Коренюк, 1998, рис. 1: 2); 16 – Ягкодж III (Васкул, 2021, рис. 9: 8)

Fig. 9. Images of ungulates on ceramic (1–9), bronze (10, 11, 16), bone (12–14) and stone (15) items. 1, 2 – Byrgynda campsite (Ashihmina, 2014, fig. 26: 1, 2); 3, 15 – Argyzh hillfort (Chernykh et al., 2002, fig. 28: 3, 60: 7); 5 – Zuyevy Klyuchi hillfort (Ashihmina, 2014, fig. 50: 7); 4 – Ananyino burial ground (Chizhevsky, 2008, fig. 44: 4); 6 – More-yu (Murygin, 1990, fig. 2: 4); 7 – Ugdym III (Korolev, 2002, fig. 22); 8 – Savelyevskoye settlement (Chindina, 1984, fig. 19: 2); 9 – Kizhirovskoye hillfort (Pankratova, Pletneva, 2012, fig. 7: 2, 3); 10 – Narym Ob region, chance find (Chindina, 1984, fig. 11: 1a); 11 – Kulayskoe ritual site (drawing by A.M. Zhulnikov); 12 – Gremyachanskoye sanctuary (Korenyuk, 1998, fig. 1: 1); 13 – Pekunovskoye hillfort (photo by A.M. Zhulnikov); 14 – Zayurchim (Korenyuk, 1998, fig. 1: 2); 16 – Yagkodzh III (Vaskul, 2021, fig. 9: 8)

какого-либо сходства в иконографии изображений этого копытного животного в культуре скифов и ананьинцев мы не наблюдаем.

Изображения следов медведя. В финале РЖВ на некоторых сосудах, обнаруженных к западу от Урала (в Печорском Приполярье и в бассейне р. Вычегды), появляются штампованные изображения в виде отпечатков медвежьей лапы (рис. 6). Всего известно шесть сосудов с подобной орнаментацией (рис. 10).

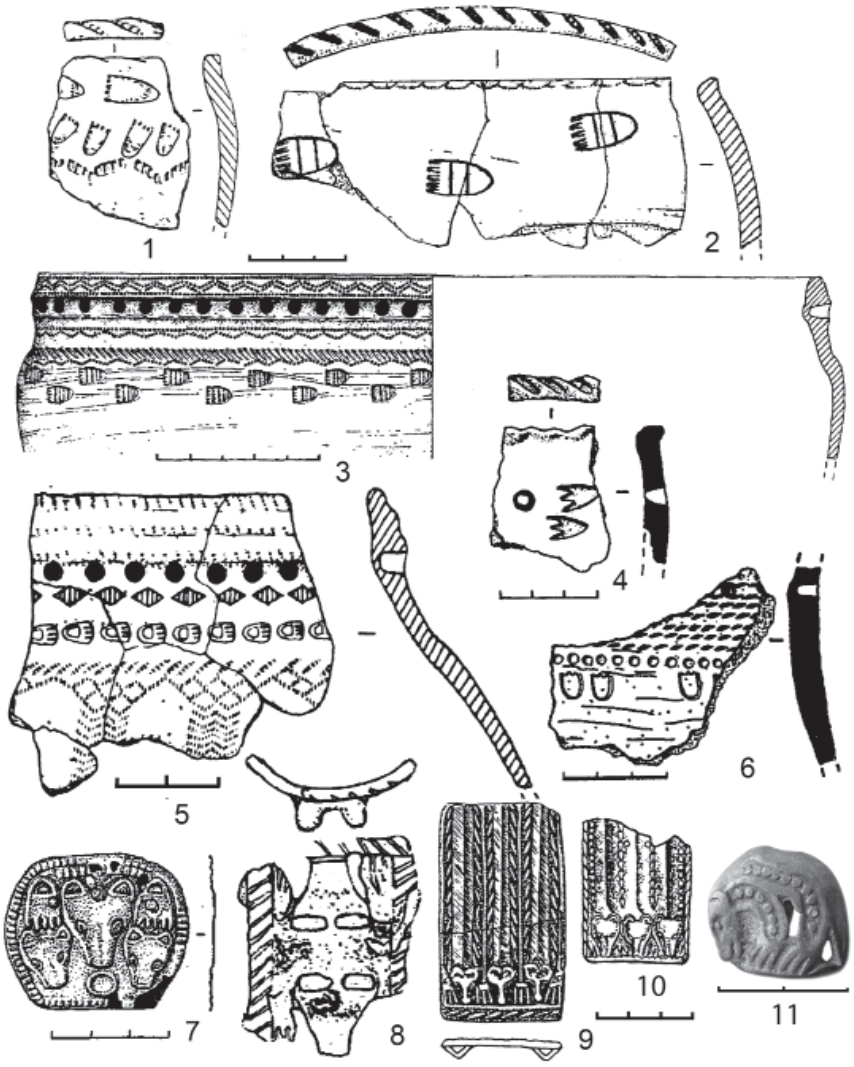


Рис. 10. Изображения медвежьей лапы на керамике финала раннего железного века – начала средневековья и аналогии их иконографии в некоторых бронзовых изображениях медведя. 1, 2 – Угдым III (Королев, 2002, рис. 19: 12, 15); 3, 6 – Нэебтеяха, Кыско (Мурыгин, 2007, рис. 3: 6, 6: 4); 4 – Шойнаты III (Королев, 1997, рис. 22: 3); 5 – Канинская пещера (Канивец, 1964, рис. 4: 4); 7 – Эшмесская пещера (Мурыгин, 1992, рис. 4: 1); 8 – могильник Залозная (Коренюк, Перескоков, 2013, рис. 1: 1); 9, 10 – городище Сартым-урий 18; деревня Зародята (Чемякин, 2009, рис. 3: 4, 9); 11 – Минино I (В глубину…, 2016, с. 58)

Fig. 10. Images of a bear paw on pottery from the end of the Early Iron Age – the beginning of the Middle Ages and analogies of their iconography in some bronze images of a bear. 1, 2 – Ugdym III (Korolev, 2002, fig. 19: 12, 15); 3, 6 – Neebteyakha, Kysko (Murygin, 2007, fig. 3: 6, 6: 4); 4 – Shoynaty III (Korolev, 1997, fig. 22: 3); 5 – Kaninskaya Cave (Kanivets, 1964, fig. 4: 4); 7 – Eshmesskaya Cave (Murygin, 1992, fig. 4: 1); 8 – Zaloznaya burial ground (Korenyuk, Pereskokov, 2013, fig. 1: 1); 9, 10 – Sartym-uriy 18 settlement; village of Zarodyata (Chemyakin, 2009, fig. 3: 4, 9); 11 – Minino I (Into the depths…, 2016, p. 58**)**

На фрагменте сосуда, найденном в Канинской пещере, следы медведя образуют однорядную горизонтальную цепочку, расположенную примерно в центральной части орнаментальной композиции (рис. 10: 5). На двух сосудах (со стоянки Нэебтеяха и из Эшмессой пещеры) следы медведя расставлены в шахматном порядке, образуя цепочку, опоясывающую сосуд, в одном случае в верхней части композиции, в другом – в верхней (рис. 10: 2, 3). В верхней части сосуда со стоянки Угдым III однорядная горизонтальная цепочка из следов сочетается с парами следов, ориентированных к краю венчика (рис. 10: 1). На поселении Кыско найден фрагмент сосуда, на котором пары следов, ориентированные к венчику, замыкают орнаментальную композицию (рис. 10: 6). На фрагменте венчика сосуда с посе-

ления Шойнаты III можно наблюдать пару расположенных рядом следов, ориентированных параллельно краю сосуда (рис. 10: 4).

На фрагменте сосуда, найденном в Каинской пещере, следы имеют обозначенную пятку, как и на лапах медведя «в жертвенной позе» на бронзовой бляшке, найденной в Эшмесской пещере (рис. 10: 7).

На сосуде со стоянки Шойнаты III на лапах обозначено три пальца (рис. 10: 4). Поскольку эти следы не ориентированы вниз, подобно большинству иных относительно многочисленных в РЖВ вариантов композиций на керамике из птичьих лапок, фигуры на сосуде со стоянки Шойнаты III с высокой долей вероятности являются изображениями трехпалых медвежьих следов. Подобные трехпалые лапы довольно часто можно увидеть на бронзовых изображениях медведя (рис. 10: 8–11), что, видимо, как и у антропоморфных фигур в первобытном искусстве, является знаком принадлежности к иному миру (Жульников, 2006). Можно допустить, что изображения пар лап медведя, имеющиеся на некоторых из рассмотренных сосудов, являются редуцированными проявлениями образа медведя «в жертвенной позе». Возможно, не случайно, что два из шести фрагментов сосудов с фигурами в виде следов медведя найдены в пещерных святилищах.

Керамическая посуда с фигурно-штампованным орнаментом на Европейском Северо-Востоке появляется в результате миграции на запад нижнеобского населения (Мурыгин, 2007), однако изображения на керамике в виде отпечатков медвежьей лапы к востоку от Урала пока не известны. Этот факт позволяет предполагать, что формирование данной традиции произошло уже после миграции групп северосибирского населения на территории, расположенные к западу от Урала. Находки сосудов с отпечатками медвежьей лапы в бассейнах Печоры и Вычегды косвенно свидетельствуют о тесных связях проживавших здесь групп населения: носителей традиции фигурно-штампованной орнаментации.

В целом появление среди изображений на керамике РЖВ Восточной Европы фигур в виде личины, образов оленя, медведя, получивших широкое распространение в художественном творчестве населения соседних регионов, косвенно свидетельствует не только о контактах древних людей, но и отражает определенные изменения в мировоззрении древнего населения лесной и тундровой зоны Евразии. В некоторых случаях можно говорить о сложении локальных традиций в иконографии ряда видов изображений на керамике финала эпохи бронзы – РЖВ: фигуры оленя на раннеананьинской посуде низовий Вятки и Камы; штампованные фигуры в виде отпечатка медвежьей лапы на некоторых сосудах Европейского Северо-Востока; цепочки из следов птицы на сетчатой керамике Восточного Прионежья и верховий р. Сухоны. В некоторых случаях наблюдается заметное влияние на иконографию фигур на керамической посуде канонов изображений, представленных на изделиях из бронзы и кости раннего железного века.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ, Отечество, 2014. 298 с.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г. Антропо- и зооморфные изображения Молого-Шекснинского междуречья раннего железного века // In situ: к 85-летию проф. А. Д. Столяра / Отв. ред. А.А. Никонова. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 248–265.

Буров Г.М. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967а. 97 с.

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). М.: Наука, 1967. 220 с.

Буров Г.М. Искусство Крайнего Северо-Востока Европы в эпоху неолита – раннего металла и его семантика // Наскальные рисунки Евразии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1992. С. 8–28.

В глубину веков: очерки вологодской археологии / Отв. ред. А.В. Суворов. Вологда: Древности Севера, 2016. 135 с.

Васкул И.О. Предметы «звериного стиля» ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 157–168.

Васкул И.О. Памятники гляденовской культурно-исторической общности на территории Европейского Северо-Востока // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 562–597.

Васкул И.О., Ашихмина Л.И. Памятники ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 242–287.

Васкул И.О., Холопов М.И. Поселение-святилище первой половины I тыс. до н.э. Мыелдино на Верхней Вычегде (по материалам раскопок 1999-2001 гг.) // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока / МАЕСВ. Вып. 17 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 34–46.

Викторова В.Д. Городище Няксимволь на северной дороге контактов и миграций // Няксимволь / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2014. С. 53–68.

Викторова В.Д. Вещь и знак в археологии. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2017. 272 с.

Генинг В.Ф. Наскальные изображения писанного камня на р. Вишере // СА. Т. XXI / Отв. ред. А.Я. Брюсов, А.Л. Монгайт. М.: ИА АН СССР, 1954. С. 259–281.

Жульников А.М. Петроглифы Карелии: образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 224 с.

Жульников А.М. Плоскостные изображения на керамике в контексте взаимодействия древнего населения Восточной Европы и Зауралья // Труды КАЭЭ. Вып. VII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2011. С. 23–36.

Жульников А.М. Изображения на нео-энеолитической керамике Северной и Восточной Европы в контексте наскального и мобильного искусства // Археология Евразийских степей. 2025. № 1. С. 73–91.

Жульников А.М., Кашина Е.А. Образ птицы в искусстве неолита – энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. 2010. № 2. С. 5–17.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Канивец В.И. Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 136 с.

Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 150 с.

Кокшаров С.Ф. Антропо- и зооморфные изображения бронзового века с Барсовой горы // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2004. С. 50–57.

Колпаков Е.М., Мурашкин А.И., Тарасов А.Ю., Малютина А.А., Степанова К.Н. Петроглифы Канозера: раскопки // Записки ИИМК РАН. Вып. 26 / Гл. ред. В.А. Лапшин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 52–63.

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозеро. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.

Коренюк С.Н. Символика сюжетов звериного стиля на костяных гребнях пермских финнов Среднего Прикамья в VIII – III вв. до н. э. // Исследования по археологии и истории Урала / Гл. ред. Г.Н. Чагин. Пермь: ПГУ, 1998. С. 70–83.

Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Эволюция образа медведя «в жертвенной позе» в искусстве населения Западного Приуралья в раннем железном веке и средневековье // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 45–48.

Королев К.С. Раннесредневековая керамика многослойного поселения Шойнаты III на Средней Вычегде // Археологические памятники Северного Приуралья / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. С. 116–139.

Королев К.С. Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 195 с.

Королев К.С. Угдымский археологический комплекс на Средней Вычегде (эпоха железа). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2002. 112 с.

Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Мокрушин В.П. Археологические исследования на территории Пермского и Кунгурского районов Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УО АН СССР, 1989. С. 81–83.

Мурыгин А.М. Поселения бичевницкого типа на Печоре и Вычегде и их местог в истории североуральского населения // Археологические памятники Северного Приуралья / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. С. 55–80.

Мурыгин А.М. Печерское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.

Мурыгин А.М. Поселение Море-ю в Большеземельской тундре // КСИА. Вып. 200 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1990. С. 60–65.

Мурыгин А.М. Керамика Нижнеобского облика Печерского Приуралья // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы I Всероссийской научной конференции (25–28 сентября 2007 г.) / Ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 189–199.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края / Труды МарАЭ. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1996. 180 с.

Новиков А.В. Одоевское городище: к вопросу о культурной специфике Поветлужья в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 108–169.

Очир-Горячева М.А. Изображения коня в искусстве скифской эпохи степной Евразии // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 176–188.

Ошибкина С.В. Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 147–156.

Панкратова Л.В., Плетнёва Л.М. Архитектоника антропо-зооморфных изображений на керамике Кижировского городища // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 166–187.

Патрушев В.С. Ананьинские зооморфные изображения Марийского края // Из истории культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1977. С. 102–126.

Патрушев В.С. Антропоморфные изображения из Старшего Ахмыловского могильника // КСИА. Вып. 162 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1980. С. 19–24.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. 320 с.

Рыбаков Д.Ю. Локальные особенности томского варианта кулайской культурно-исторической общности конца IV в. до н. э. – IV в. н. э. // Universum Humanitarium. 2020. № 2. С. 132–160.

Савельева Э.А. Чеснокова Н.Н. Веслянское 1 поселение // Археологические памятники Северного Приуралья / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. С. 116–139.

Спицын А.А. Гляденовское костище / Записки Российского археологического общества. Вып. 1–2. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 42 с.

Спицын А.А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии Российского археологического общества. Т. 8. Вып. 1 / / под ред. С.Ф. Платонова.СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. С. 29–145.

Сериков Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. 268 с.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР / МИА. № 29. М.: АН СССР, 1952. 280 с.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобъя. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

Чемякин Ю.П. Возможные истоки и время бытования металлопластики с изображением медведя «в жертвенной позе» // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 428–440.

Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 43–74.

Чернов Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М.: Наука, 1985. 169 с.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятка. М.: Институт компьютерных технологий, 2002. 188 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Томский университет, 1984. 255 с.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Dokumentation och registrering av hallristningar i Tanum. No. 2 Aspeberget. Tanumshed: Tanums Hällristningsmuseum, 1996.

Информация об авторе:

Жульников Александр Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия); rockart@yandex.ru

REFERENCES

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Bashen'kin, A. N., Vasenina, M. G. 2006. In Nikonova, A. A. (ed.) *In situ: Dedicated to the 85th anniversary of Professor A. D. Stolyar.* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 248–265 (in Russian).

Burov, G. M. 1967. *Arkheologicheskie pamyatniki Vychegodskoy doliny (Archaeological Sites of Vychegda Valley)*. Syktyvkar: "Komi knizhnoe izd-vo" Publ. (in Russian).

Burov, G. M. 1967. *Drevniy Sindor (iz istorii plemen Evropeyskogo Severo-Vostoka v VII tysyacheletii do n.e. – I tysyacheletii n.e.) (Ancient Sindor (from the History of the Tribes of the European North-East in the 7th Millennium BC – 1st Millennium AD)).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Burov, G. M. 1992. In Vasil'evsky, R. S. (ed.). *Naskal'nye risunki Evrazii (Rock paintings of Eurasia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 8–28 (in Russian).

Suvorov, A. V. (ed.). 2016. In *V glubinu vekov: ocherki vologodskoi arkheologii (Into the depths of centuries: essays on Vologda archaeology).* Vologda: "Drevnosti Severa" Publ. (in Russian).

Vaskul, I. O. 2023. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 2, 157–168 (in Russian).

Vaskul, I. O. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 562–597 (in Russian).

Vaskul, I. O., Ashihmina, L. I. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 562–597 (in Russian).

Vaskul, I. O., Kholopov, M. I. 2005. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Pamyatniki epokhi kamnya, rannego metalla i srednevekov'ya (Monuments of the Stone Age, Early Metal Period and the Middle Ages)*. Series: Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of the European North-East) 17. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 34–46 (in Russian).

Viktorova, V. D. 2014. In Yakovlev, Ya. A. (ed.) *Nyaksimvol' (Nyaksimvol)*. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University, 53–68 (in Russian).

Viktorova, V. D. 2017. *Veshch i znak v arkheologii (Вещь и знак в археологии)*. Yekaterinburg: "KVADRAT" Publ. (in Russian).

Gening, V. F. 1954. In Bryusov, A. Ya., Mongait, A. L. (eds.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XXI. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology, 259–281 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2006. *Petroglify Karelii: obraz mira i miry obrazov (Petroglyphs of Karelia: The image of the world and the worlds of imagery).* Petrozavodsk: "Scandinaviya" Publ. (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2011. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 23–36 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2025. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 1, 73–91 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M., Kashina, E. A. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 5–17 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kanivets, V. I. 1964. *Kaninskaya peshchera (Kaninskaya cave)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kanivets, V. I. 1974. *Pechorskoe Pripoliar'e. Epokha rannego metalla (Pechora Forearctic region. The Early Metal Period).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Koksharov, S. F. 2004. In Yakovlev, Ya. A. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past)* 2. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University, 50–57 (in Russian).

Kolpakov, E. M., Murashkin, A. I., Tarasov, A. Yu., Malyutina, A. A., Stepanova, K. N. 2022. In Nosov, E. N. (ed.). *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury (Transactions of the Institute for the History of Material Culture)* 26. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, 52–63 (in Russian).

Kolpakov, E. M., Shumkin, V. Ya. 2012. *Petroglify Kanozera (Petroglyphs of Kanozero).* Saint Petersburg: "Iskusstvo Rossii " Publ. (in Russian).

Korenyuk, S. N. 1998. In Chagin, G. N. (ed. in chief). *Issledovaniia po arkheologii i istorii Urala (Research on the archaeology and history of the Urals)*. Perm: Perm State University, 70–83 (in Russian).

Korenyuk, S. N., Pereskokov, M. L. 2013. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 22 (2), 45–48 (in Russian).

Korolev, K. S. 1985. In *Arkheologicheskie pamiatniki Severnogo Priuralia (Archaeological sites of the Northern Urals)*. Syktyvkar: Komi branch of the USSR Academy of Sciences, 116–139 (in Russian).

Korolev, K. S. 1997. *Naselenie Srednei Vychegdy v drevnosti i srednevekove (Population of the Middle Vychegda in antiquity and the Middle Ages).* Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Korolev, K. S. 2002. *Ugdymskii arkheologicheskij kompleks na Srednej Vychegde (epoha zheleza) (Ugdym archaeological complex on the Middle Vychegda (the Iron Age)).* Syktyvkar: Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Krenke N. A. 2011. *Dyakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e.* (*Dyakovo Hillfort: culture of the population of the basin of the Moscow river in the I Millennium BC – I Millennium AD*). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mokrushin, V. P. 1989. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Syktyvkar: Komi Scientific Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 81–83 (in Russian).

Murygin, A. M. 1985. In Stokolos, V. S. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Severnogo Priural'ya (Archaeological sites of the Northern Urals).* Syktyvkar: Komi branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 55–80 (in Russian).

Murygin, A. M. 1992. *Pecherskoe Priural'e: epoha srednevekov'ya (Pechera Fore-Urals region: the Middle Ages).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Murygin, A. M. 1990. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 200. Moscow: "Nauka" Publ., 60–65 (in Russian).

Murygin, A. M. 2007. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Permskie finny: arkheologicheskie kul'tury i etnosy (The Permian Finns: archaeological cultures and nations).* Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 189–199 (in Russian).

Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi Vek Mariiskogo Kraya (Stone Age of Mari Land) Series Trudy Mariiskoi Arheologicheskoi Ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition*) IV. Yoshkar–Ola: MarNII (in Russian).

Novikov, A. V. 2021. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 2, 108–169 (in Russian).

Ochir-Goryacheva, M. A. 2017. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 247, 176–188 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR*). Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR). Moscow: "Nauka" Publ., 147–156 (in Russian).

Pankratova, L. V., Pletnyova, L. M. 2012. In Chindina, L. A. (ed.). *Arheologo-etnograficheskie issledovaniya Severnoj Evrazii: ot artefaktov k prochteniyu proshlogo (Archaeological and ethnographic studies of Northern Eurasia: from artifacts to reading the Past).* Tomsk: "Agraf-Press" Publ., 166–187 (in Russian).

Patrushev, V. S. 1977. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Iz istorii kul'tury volosovskikh i anan'inskikh plemen Srednego Povolzhya (From the History of the Culture of the Ananyino and Volosovo Tribes in the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 2. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 102–126 (in Russian).

Patrushev, V. S. 1980. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 162. Moscow: "Nauka" Publ., 19–24 (in Russian).

Pereskokov, M. L. 2018. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka (Perm Cis-Urals Region in Final Stage of the Early Iron Age)*. Perm: Perm State National Research University (in Russian).

Rybakov, D. Yu. 2020. In *Universum Humanitarium* 2, 132–160 (in Russian).

Savelyeva, E. A. Chesnokova, N. N. 1985. In Stokolos, V. S. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Severnogo Priural'ya (Archaeological sites of the Northern Fore-Urals).* Syktyvkar: Komi branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 116–139 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1901. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* XII (1, 2). Saint Petersburg, 228–269 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1906. In Platonov, S. F. (ed.). *Zapiski otdeleniya russkoi i slavyanskoi arkheologii Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva. (Transactions of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Russian Archaeological Society)* Vol. 8. Issue 1. Saint Petersburg: "Tipografiia I.N. Skorokhodova" Publ., 29–145 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2014. *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala (Essays on the Primeval Art of the Urals)*. Nizhniy Tagil: Nizhniy Tagil State Social Pedagogical Academy (in Russian).

Foss, M. E. 1952. *Drevneyshaya istoriya severa evropeyskoy chasti SSSR* (*Ancient History of the Northern Area of the European Part of the USSR*) Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 29. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Chemyakin, Yu. P. 2008. *Barsova Gora: Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost' (Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Surgut Ob region. Antiquity).* Surgut; Omsk: "Omsk House of Press" Publ. (in Russian).

Chemyakin, Yu. P. 2009. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (7). Tver: "Triada", 428–440 (in Russian).

Chemyakin, Yu. P., Kuzminykh, S. V. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (8) vol. II. Tver: "Triada", 43–74 (in Russian).

Chernov, G. A. 1985. *Atlas arkheologicheskikh pamyatnikov Bol'shezemel'skoy tundry (Atlas of archaeological monuments of the Bolshezemelskaya tundra).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Vyatka (Argyzh hillfort on the Vyatka River).* Moscow: Institute of Computer Technology (in Russian).

Chindina, L. A. 1984. *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulayskaya kul'tura (Ancient History of the Middle Ob River Basin in the Iron Age. The Kulayka Culture).* Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh (predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti) (Burial sites of the population of Volga-Kama in the Final Bronze – Early Iron Ages (pre-Ananyino and Ananyino cultural and historical areas)).* Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 5. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

1996. *Dokumentation och registrering av hallristningar i Tanum*. No. 2 Aspeberget. Tanumshed: Tanums Hällristningsmuseum (in Swedish).

About the Author:

Zhul'nikov Aleksandr M. Candidate of Historical Sciences, Research Associate. Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St. 11, Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation; rockart@yandex.ru

Статья поступила в журнал 20.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.

УДК 902.01 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.284.296

НОВЫЙ ПАМЯТНИК СКИФСКОЙ ЭПОХИ В ЗАПАДНОМ ПОВОЛЖЬЕ

©2026 г .С.Э. Зубов, О.А. Радюш, Р.Р. Саттаров, Е.Ю. Федорова

В настоящей статье представлены результаты двухгодичных исследований в Пильнинском районе Нижегородской области, в результате которых был выявлен новый объект археологического наследия. Данный археологический объект авторы связывают с эпохой раннего железного века, материалы которого достаточно четко увязываются с ананьинскими и скифскими древностями. Характер самого памятника до конца непонятен и на сегодняшний день он интерпретируется как ритуально-погребальный комплекс. Анализ обнаруженных артефактов позволяет предположительно датировать данный комплекс V-IV вв. до н.э. Столь дальнее расположение памятника на краю ойкумены скифского и ананьинского миров позволяет говорить о существовании торгового пути от Северного Причерноморья до Средней Волги вдоль северной границы лесостепной зоны. Вполне вероятно, что эта археологическая точка маркирует дальние контакты скифов с племенами городецкой культуры, общаясь с местными жителями «с помощью семи переводчиков на семи языках» для торговли оружием и продукцией ремесленного производства, возможно, конями «под седло», в обмен на мед и воск, меха и рабов.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, скифы, ананьинская КИО, ритуально-погребальный комплекс, погребальная обрядность, конское снаряжение, предметы вооружения и украшения, датирование.

A NEW SCYTHIAN PERIOD SITE IN THE WESTERN VOLGA REGION

S.E. Zubov, O.A. Radyush, R.R. Sattarov, E.Yu. Fedorova

This paper presents the results of two-year studies in the Pilna district of the Nizhny Novgorod region, which led to the identification of a new archaeological heritage site. The authors attribute this archaeological site to the Early Iron Age, the materials of which are quite clearly linked to the Ananyino and Scythian antiquities. The exact nature of the site remains uncertain; at present, it is interpreted as a ritual-burial complex. Analysis of the discovered artifacts suggests a tentative dating to the V–IV centuries BC. The remote location of this site on the periphery of the Scythian and Ananyino ecumene indicates the existence of a trade route extending from the northern part of the Black Sea to the middle Volga along the northern edge of the forest-steppe zone. It is highly possible that this archaeological point marks the distant contacts of the Scythians with the tribes of the Gorodets culture, communicating with the locals "with the help of seven translators in seven languages" to trade weapons and handicrafts, perhaps horses "under the saddle", in exchange for honey and wax, furs and slaves.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, the Scythians, Ananyino cultural and historical area, ritual-burial complex, burial rite, horse gear, weapons and decorations, dating.

Обнаружение нового археологического объекта в Пильнинском районе Нижегородской области имеет давнюю предысторию. В 2009 году по свидетельству местных жителей и данным мародерских сайтов О.А. Радюшем и С.Э. Зубовым был обнаружен Пильнинский I грунтовый могильник, который расположен на мысу коренной террасы реки Анды, левого притока р. Пьяны (рис. 1). На слабо выраженном склоне мыса было зафиксировано около 50 грабительских вкопов. Часть материалов могильника, изъятых современными грабителями, была получена Государственным историческим музеем. Коллекция была представлена предметами вооружения и конского снаряжения, поясной гарнитуры, украшениями одежды и пр. Все вещи из грабительских раскопок датируются в пределах I–II вв. н. э. (Зубов и др., 2011; Зубов, 2011).

В 2010 году по заданию Управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области, в целях выявления особенностей объектов, которые могут служить обоснованием принятия решения о включении их в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, С.Э. Зубовым была

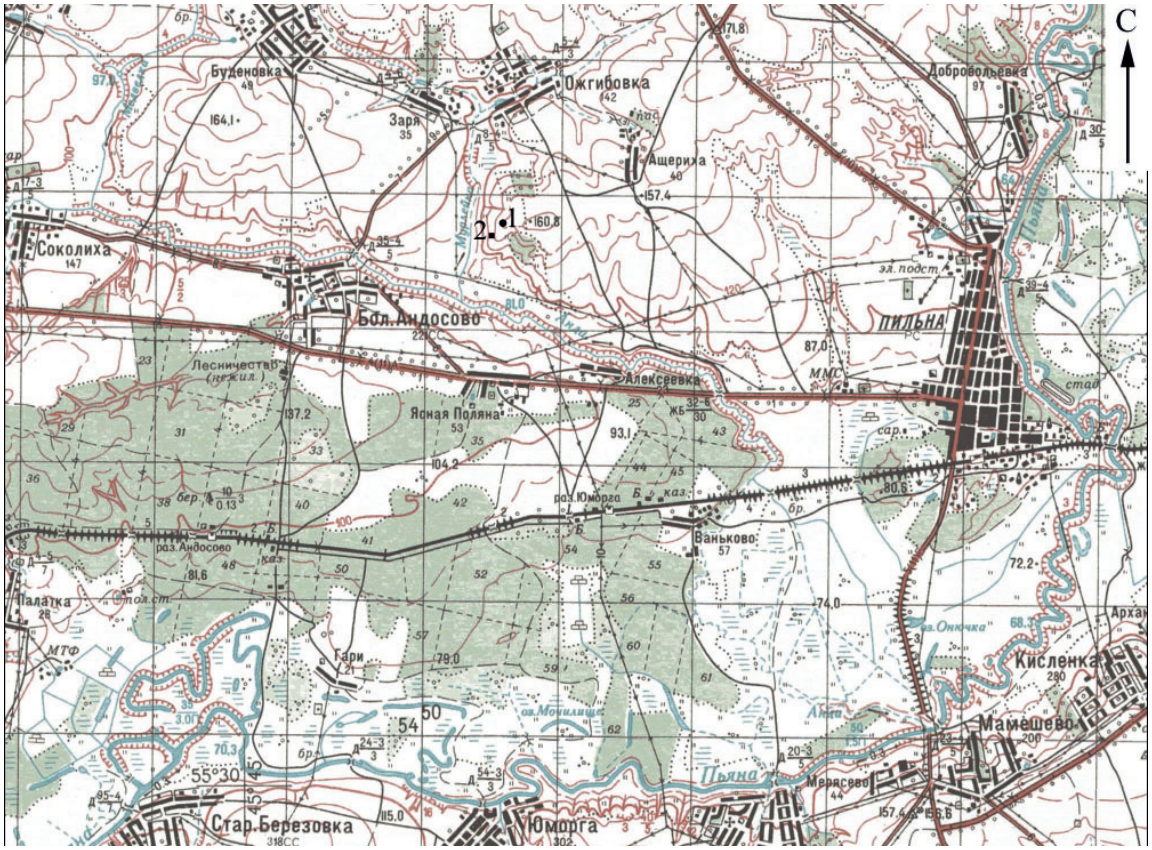


Рис. 1. Месторасположение Пильнинского I грунтового могильника (1) и Пильнинской эскарпированной площадки (2) на карте Пильнинского района Нижегородской области

Fig. 1. Location of the Pilna I burial ground without mounds (1) and the Pilna escarped area (2) on the map of the Pilna district, Nizhny Novgorod region

проведена историко-культурная экспертиза объекта, обладающего признаками объекта археологического наследия – Пильнинского могильника. В процессе этой работы были проведены соответствующие научные исследования, в результате которых была определена площадка могильника I–II вв. н. э., ограниченная с севера и юга двумя слабовыраженными валами длиной 35 и 25 м, пересекающими гребень мыса. За внешними пределами валов грабительских вкопов не зафиксировано.

В 130 м от южного вала на склоне мыса коренной надпойменной террасы расположена эскарпированная площадка (рис. 2). С напольной (северной) стороны проходящий через нее гребень мыса подрезан с двух сторон, в результате чего попасть на площадку можно только по узкому (не более 4–5 м) проходу длиной около 30 м. Размеры основной части площадки 25×60 м. От северной части площадки в северо-западном направлении отходит участок мыса (возможно, также с искусственным уклоном) длиной около 35 м, заканчивающийся округлой площадкой диаметром около 10 м.

В центральной части эскарпированной площадки был заложен рекогносцировочный шурф размерами 1×2 м. Находок в шурфе не было обнаружено, однако искусственное происхождение данного объекта не вызывало никаких сомнений. Близость могильника позволила предположить ритуальное использование площадки как святилища или места совершения обрядов, предшествующих захоронению (Зубов, 2018, с. 13–14).

При раскопках Пильнинского могильника в 2023 году силами трех археологических экспедиций под руководством С.Э. Зубова (Самара), О.А. Радюша (Москва) и Р.Р. Саттарова (Казань) местные жители передали находки, обнаруженные в осыпи восточного склона эскарпированной площадки (рис. 3). Все переданные артефакты однозначно диссонировали с находками из грунтового Пильнинского могильника и были явно гораздо древнее.

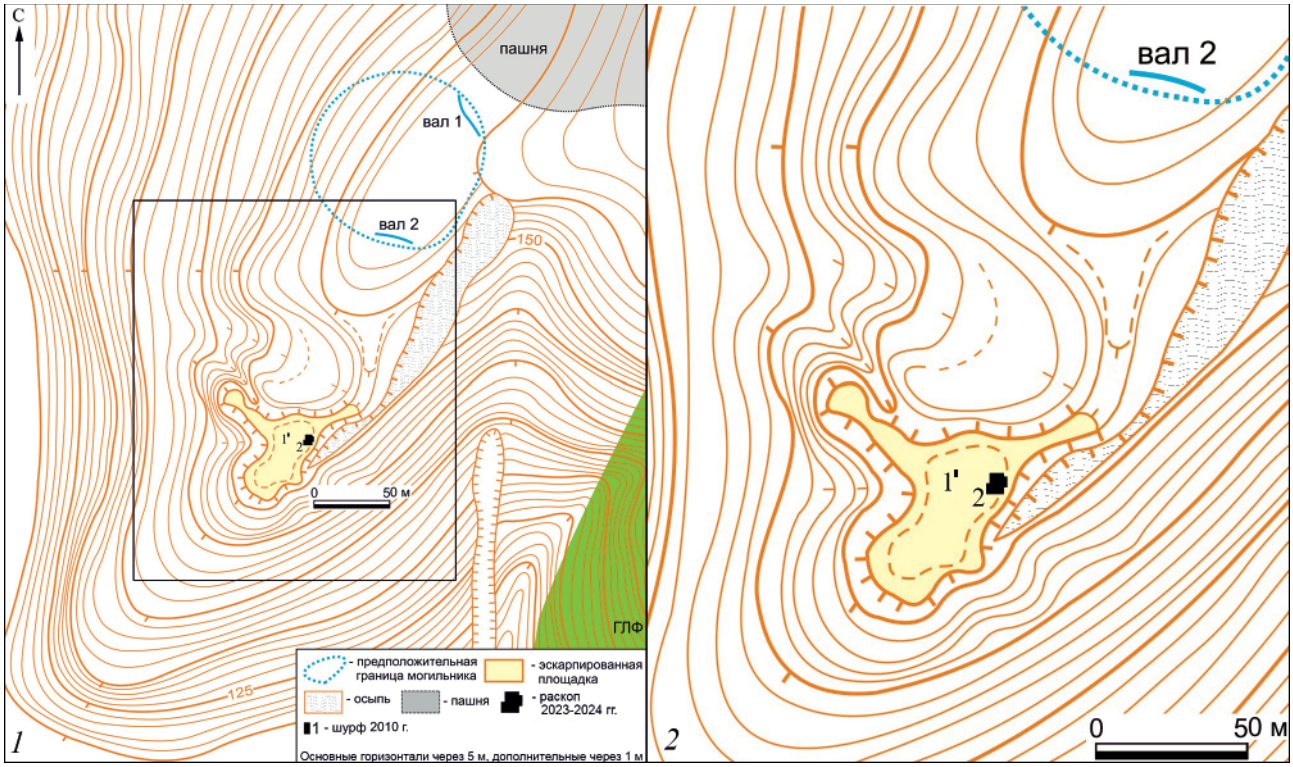


Рис. 2. План Пильнинского I грунтового могильника (1) и Пильнинской эскарпированной площадки (2) с выноской более крупного масштаба

Fig. 2. Plan of the Pilna I ground burial ground (1) and the Pilna escarped area (2) on a larger scale

Бронзовая бляха с изображением морды льва (рис. 3: 2)

Среди находок чрезвычайно примечательна бронзовая уздечная или портупейная бляха с изображением морды льва, ориентированной в правую сторону, на лицевой стороне и широкой горизонтальной подпрямоугольной петлей с обратной стороны. На этой бляхе изображен короткомордый хищник с покатым лбом, коротким ухом и отчетливой гривой, которую имитируют крупные поперечные волнистые полосы. Голова трапециевидных очертаний. Ухо прижато к голове, практически не выступает за ее контур. Пасть широко открыта, с крупными клыками, замыкающими пасть, практически упирающимися друг в друга. Ухо подтреугольное, почти сливающееся с гривой. Нос немного приподнят. Четко выражена надбровная дуга, под которой выделен овальный глаз. Линия рта подчеркнута рельефным контуром. Изображение хищника достаточно реалистичное, в нем можно видеть оскалившегося льва, приготовившегося к нападению.

Аналогичные бляхи мы видим в скифских материалах Берестняги, курган 4, Макеевки, к. 4 (Галанина, 1977, табл. 13, 1), Журовки, к. 400 (Петренко, 1967, табл. 27, 5, 8), некрополя Нимфея, курган 32 (Силантьева, 1959, рис. 48, 1, 2), Переволочан, к. 6, п. 2 (Пшеничнюк, 1995. рис. 5, 2), а также в подборке А.Р. Канторовича из материалов скифских древностей Среднего Поднепровья, Среднего Подонья и Центрального Предкавказья, которые он относит к Берестнягско-стеблевскому типу (Канторович, 2015, с. 193). А.Р. Канторович убедительно определяет хронологические рамки этого типа второй пол. V – началом IV в. до н. э. (Канторович, 2015, с. 195) и усматривает несомненно ахеменидское или греко-персидское влияние (Канторович, 2015, с. 889). Наиболее близкой аналогией является бляха из кургана 7 Частых курганов (Пузикова, 1995, илл. 19, левая; Канторович, 2022, с. 22, тип 3 Берестнягско-стеблевский, 3-1а).

Бронзовый псалий S-видной формы (рис. 3: 3)

Бронзовый стержневидный псалий S-видной формы, двудырчатый, с двумя ромбовидным расширениями вокруг отверстий в центральной части. Один из углов каждого ромба оформлен в виде выдающе-

Рис. 3. Пильнинская эскарпированная площадка. Находки бронзовых вещей на восточной осыпи площадки. 1 – бутероль; 2 – бляха с изображением льва; 3 – псалий; 4-6 – пронизи

Fig. 3. Pilna escarped area. Finds of bronze artifacts on the eastern talus slope of the site. 1 – chape; 2 – badge with lion image; 3 – bit shank; 4–6 – tubular beads.

гося вбок штыря. Возможно, это деталь для придания строгости псалию или это конструктивная особенность канала заливки металла в форму. Центральная часть отделена от остального стержня псалия рельефными валиками, а на его плавно загнутых в противоположные стороны окончаниях имеются утолщения округло-ромбовидной формы.

Бронзовые двудырчатые S-видные псалии с шишечками на окончаниях в Скифии встречаются в памятниках второй половины V – IV в. до н. э., железные – V–IV в. до н. э. (Могилов, 2008, с. 34, 37). У кочевников Самаро-Уральского региона такие псалии датируются временем в пределах конца V – IV в. до н. э. (Мышкин, 2024, с. 365–367).

Бронзовая бутероль (рис. 3:1)

Бронзовый литой наконечник ножен клинкового оружия – бутероль – имеет уплощенную, полуовальную в плане форму. На его лицевой стороне верхняя часть, отделенная от нижней части горизонтально расположенным валиком, украшена рельефным изображением припавшего к земле хищника. Отчетливо переданы когтистые лапы зверя, заострённые уши, круглые глаза, оскаленная пасть с клыками. Плечевая и бедренная части животного изображены в виде головы хищных птиц/грифонов с выделенными большими круглыми глазами и спиралевидно загнутыми клювами, обращёнными вверх. С обратной стороны бутероли широкая прорезь. Точные аналогии этой находке найти не удалось. Хотя есть свидетельства об украшении ножен бронзовыми бутеролями с элементами звериного стиля среди скифских материалов IV–III вв. до н. э. (Мелюкова, 1989, с. 93–94, табл. 32: 1, 2, 3, 16.). В ананьинских древностях (постмаклашеевская культура АКИО) на Питишевском городище обнаружены длинная бутероль с изображением стоящего хищника в ее верхней части (Чижевский, Волкова, 2021, рис. 10: 32) и, очевидно, бутероль с изображением морды кабана (Андреево-Базарская находка) (Чижевский, Волкова, 2021, рис. 10: 30). Короткая бутероль ножен акинака происходит из погр. 336 Старшего Ахмыловского могильника (Чижевский, Волкова, 2021, рис. 9: 59) и из сборов на могильнике Скородум (Васильев, 2002, с. 90–91, кат. I-20/1).

Здесь мы говорим именно о бутеролях (наконечниках ножен), не вдаваясь в подробности полной металлической отделки ножен, которые присутствуют как в скифских древностях, так и ананьинских (см., например: Мелюкова, 1989, с. 93–94, табл. 32: 11, 13а; Чижевский и др., 2021, рис. 16:64).

Бронзовые пронизи (рис. 3: 4–6)

Две круглые бронзовые уздечные пронизи усеченно-биконической формы и диаметром 1,7 см по внешнему обводу (рис. 3: 5, 6), а также подпрямоугольная пронизь с тремя валиками (рис. 3: 4) не имеют четких хронологических привязок, и бытование их во времени и пространстве определяется довольно широко.

Именно на основании таких ярких материалов из сборов местных жителей было принято решение о закладке разведочного шурфа в месте, максимально приближенном к локации находок.

Рис. 4. Пильнинская эскарпированная площадка. 2023 год.
1 – фото с южной стороны; 2 – фото с южной стороны
Fig. 4. Pilna escarped area, 2023. 1 – photo from the south side; 2 – photo from the south side

Поисковый шурф размерами 1×2 м и ориентированный длинной стороной по линии С–Ю был заложен в северо-восточной части эскарпированной площадки, максимально близко к месту обнаружения этих находок (рис. 4: 1). После выкоса площадки стали заметны остатки нескольких грабительских вкопов, один из которых вошел в границы размеченного шурфа.

После снятия дерна и прокопки первого горизонта на глубине 10–15 см от поверхности был зафиксирован в плане округлый прокал, уходящий в западную (длинную) стенку шурфа. На глубине 20–25 см были зафиксированы кости ног человека, вытянутые по линии северо-запад – юго-восток. Такая находка предопределила расширение шурфа в восточную сторону еще на 1 метр (рис. 4: 2), а затем шурф 2×2 м был расширен в раскоп со сторонами 3 м (рис. 5: 1, 2) для того, чтобы с западной стороны проследить прокал.

Таким образом, на площади 9 кв. м был выявлен скелет человека очень плохой сохранности (погр. 1), округлая линза прокаленной почвы размерами 2×1,6 м и мощностью 15–20 см, а также скопление кальцинированных костей (предположительно, человека) в юго-западной части этого прокала. К сожалению, только часть кальцинированных костей лежала in situ, остальные были в заполнении

Рис. 5. Пильнинская эскарпированная площадка. 2023 год.
1 – фото с южной стороны; 2 – фото с восточной стороны
Fig. 5. Pilna escarped area, 2023. 1 – photo from the south side; 2 – photo from the east side

грабительского вкопа (рис. 8). Связь прокала и кальцинированных костей с захоронением по обряду ингумации полевыми исследованиями не выявлена, но и абсолютно отрицать взаимосвязь между этими находками у нас нет веских оснований.

Погребение 1 располагалось на глубине 30–32 см от современной поверхности, на верхнем слое на древней поверхности, и представлено плохо сохранившимся бедренными и большими берцовыми костями ног и плечевой костью левой руки и скоплением мелких фрагментов черепа человека (рис. 5: 2). По расположению костей можно с уверенностью предположить ориентировку погребенного головой на юго-восток. С левой стороны скопления фрагментов черепа было обнаружено бронзовое (височное?) несомкнутое кольцо в 1,2 оборота из круглой проволоки диаметром 2–2,5 мм (рис. 8: 2). Под левой бедренной костью выявлено бронзовое украшение конской узды – наносник или налобник в виде головы грифона с глазами, переданными выпуклостями, сильно загнутым клювом и ухом, переданным загнутым выступом (рис. 8: 5). Наносник/налобник выполнен в круглой скульптуре и предназначен преимущественно к профильному обзору. Изображение крайне схематично. В 50 см к западу от кости левой ноги была найдена бронзовая бляха с изображением козла в профиль с продольной петлёй на внутренней стороне (рис. 8: 3). Морда

Рис. 6. Пильнинская эскарпированная площадка. 2023 год.
1 – фото с юго-западной стороны; 2 – фото с северной стороны
Fig. 6. Pilna escarped area, 2023. 1 – photo from the south-west side; 2 – photo from the north side

животного ориентирована в левую сторону, с четко выделенной пастью и крупным овальным глазом, прочерченным двумя тонкими линиями. Конец рога был обломан в древности.

Кроме этого, в верхнем слое над захоронением был найден небольшой фрагмент керамического сосуда, технико-технологический анализ которого был произведен одним из авторов настоящей работы (Федорова Е.Ю.) (рис. 8: 1), – фрагмент стенки лепной посуды, изготовленной из жирной незапесоченной глины с редкими железистыми включениями. В качестве искусственной примеси добавлен некалиброванный шамот (размер частиц от 0,5 до 3,0 мм) из того же сырья в концентрации, близкой 1:4. Следы органических включений редки, количество материала не позволяет сделать вывод об их естественном или искусственном характере. Внешняя и внутренняя поверхности фрагмента гладкие, слегка бугристые, орнамент отсутствует. Фрагмент полностью аналогичен посуде, относящейся к захоронениям I–II вв. на могильнике и не соотносится с материалами погребального комплекса.

В 2024 году раскоп был расширен до 27 кв. м с учетом исследованных 9 кв. м в предыдущем году. В юго-западной части раскопа были зафиксированы два темных пятна, для изучения которых на запад были прирезаны еще три квадрата. Таким образом, общая площадь

Рис. 7. Пильнинская эскарпированная площадка. 2024 год.
1 – фото с западной стороны; 2 – фото с высоты птичьего полета
Fig. 7. Pilna escarped area, 2024. 1 – photo from the west side; 2 – aerial imagery

раскопа 2023–2024 гг. составила 30 кв. м (рис. 8).

Из двух пятен одно было округлой формы и являлось, скорее всего, нижней частью грабительского вкопа, судя по заполнению и четким очертаниям (яма 1). При расчистке второго пятна подпрямоугольно-округлой формы, вытянутой по линии СЗ – ЮВ, в юго-восточной части были выявлены скопление коронок зубов ребенка и две височные (?) подвески. Аналогичное погребению 1 направление ямы по линии СЗ – ЮВ и нахождение в юго-восточной части детских зубов и украшений позволяет интерпретировать эти находки как погребение ребенка, предположительно 2–4 лет.

Височные подвески в целом очень близки друг другу по размерам и оформлению. Одна из них представляет собой незамкнутое бронзовое колечко диаметром 15 мм из круглой проволоки (1,5 мм) с напущенными на него тремя округлыми бусинами – одной синего цвета и двух бусин с внутренней позолотой. Диаметр бусин 6–7 мм (рис. 8: 9). Основа кольца другой подвески изготовлена из железной проволоки примерно такого же диаметра. Фрагментированность колечка не позволяет дать более точные параметры. На кольцо напущены три округлые бусины (одна синего цвета и две бусины с внутренней позолотой) и одна усечённо-биконическая бусина синего цвета, диаметром 8 мм (рис. 8: 10).

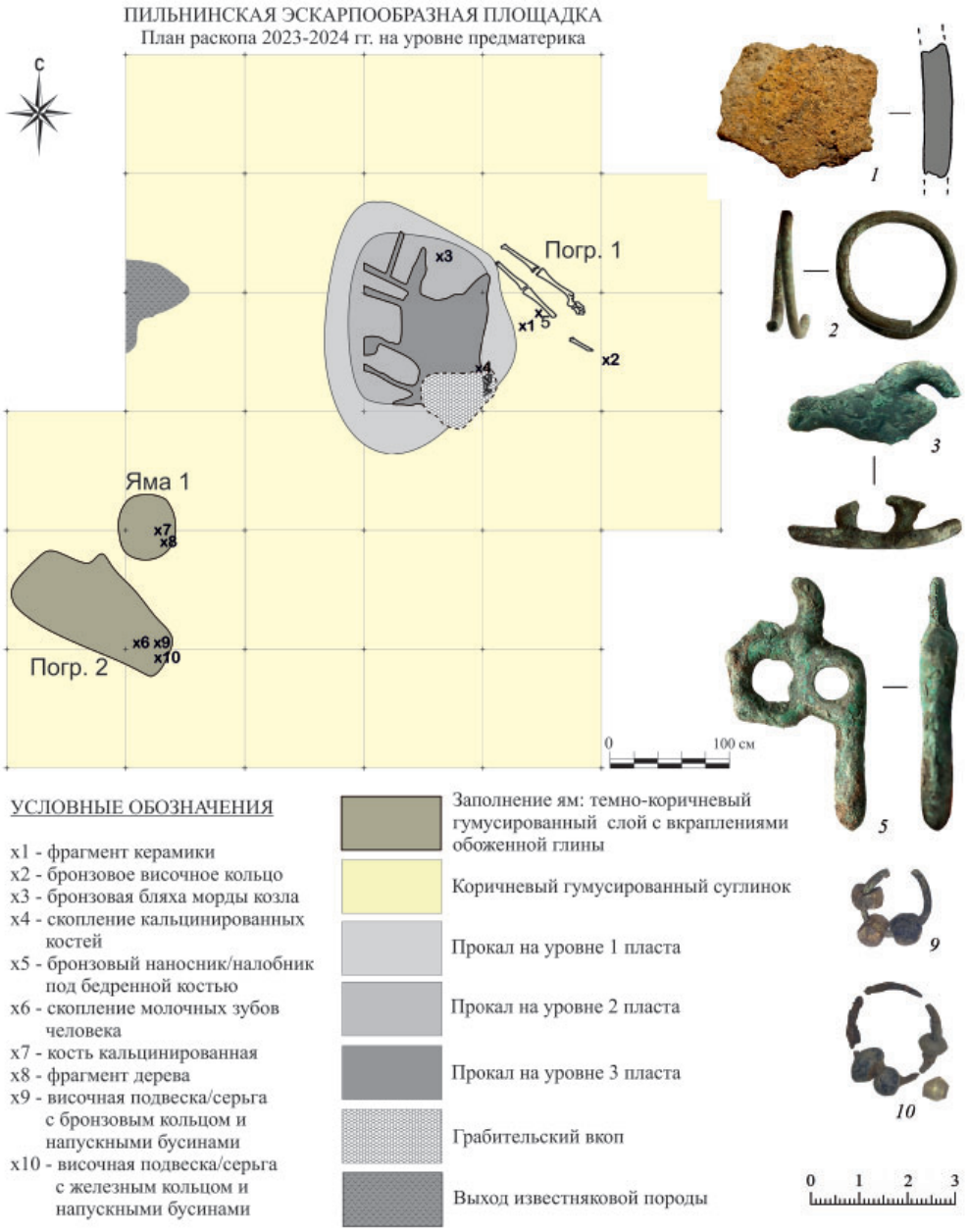


Рис. 8. Пильнинская эскарпированная площадка. План раскопа 2023-2024 гг.
Fig. 8. Pilna escarped area. 2023-2024 excavation plan

Височные подвески/серьги подобных форм немногочисленны, но встречаются в материалах степной Скифии IV–IIIвв. до н. э. По свидетельству В.Г. Петренко, «наиболее часто, особенно в рядовых погребениях, в качестве подвесок употреблялись стеклянные бусы, нанизанные на серьгу в количестве от одной до четырех и более штук» (Петренко, 1978, с. 38, табл. 24: 4, 12; 25: 22, 27; 26: 22).

Смущает на пильнинских височных подвесках/серьгах наличие мелких бусин с металлической прокладкой. Сочетание таких бусин, особенно напускных на височные подвески, весьма характерно для более позднего времени и встречается, в частности, в ранних пьяноборских комплексах. Например, аналогичная височная подвеска с центральной усеченно-биконической бусиной в окружении шести мелких округлых бусин-бисера была обнаружена в погребении 1 на территории Кипчаковского городища (Зубов, Саттаров, 2023, рис. 10:9). Авторы публикации посчитали возможным датировать кипчаковское погребение по сопровождающему инвентарю II–I вв. до н. э.

Е.М. Алексеева в своем фундаментальном своде отмечала массовое появление бус

с металлической прокладкой в Северном Причерноморье с III в. до н. э. При этом следует отметить, что Е.М. Алексеева упоминала об округлых бусах VI–V вв. до н. э., образованных «навивкой стеклянного жгута на керамическую или металлическую основу» (Алексеева, 1978, с. 59).

Уже далеко не первый раз исследователи отмечают, что «практикующие датировку бус… «по своду Алексеевой», игнорируют то обстоятельство, что свод этот не имеет функций хронологического указателя. Главной его задачей являлась систематизация, классификация и типологизация античных бусин как массового материала. Вопросы хронологического порядка (как то: анализ датировок комплексов, из которых заимствованы бусы, количественное распределение бус в рамках периода бытования данного типа, корреляция периодов существования разных типов бус) в нём почти не разработаны, хотя он и содержит многие данные для подобных штудий» (Зуев, 2004, с. 6).

Таким образом, височные подвески/серьги с напущенными бусинами из погребения 2 не дают возможности конкретизировать хронологическую позицию этого захоронения, несмотря на его территориальную близость к первому погребению и близкую ему ориентировку. С известной долей осторожности и оговорками мы не отрицаем полностью возможность отнесения этого погребения к скифскому времени.

Находки же из погребения 1 позволяют нам сделать предварительные выводы о хронологической позиции этого захоронения.

Бронзовая уздечная бляшка в виде головы горного козла в профиль с продольной петлёй на внутренней стороне (рис. 8: 3) фрагментирована. Сохранившаяся часть бляшки представляет собой вытянутую, лишенную детализации морду с подчёркнуто большим круглым глазом и частично сохранившимся свёрнутым в кольцо рогом. Близкие аналогии этой бляхе мы усматриваем в кургане 5 Аландского III могильника (1 экз.), комплекс которого датирован концом VI – началом V в. до н. э. (Мошкова, 1972, с. 62, рис. 4, 2). Металлические бляшки в виде изображенных в профиль двух голов горных козлов с общим ухом с петлёй на внутренней стороне найдены в кургане 2 Обручевского могильника (3 экз.), комплекс которого исследователями датирован концом VI – началом V в. до н. э. (Гаврилюк, Таиров, 1993, с. 53, 65, рис. 5, 3); кургане у озера Кайранкуль в Кустанайской области (раскопки С.И. Руденко 1921 г.) (2 экз.) (Грязнов, 1956, с. 15, рис. 4, 2–3).

Наносник/налобник (рис. 8: 5), на наш взгляд, сочетает с себе признаки тенгинско-майкопского и дуровско-майкопского типов (по А.Р. Канторовичу). Дата бытования обоих типов по А.Р. Канторовичу – вторая половина IV – начало III в. до н. э. (Канторович, 2015, с. 131–132, рис. 5).

Таким образом, предварительная датировка погребальных комплексов Пильнинской эскарпированной площадки на основании полученного в процесс раскопок материала и находок местных жителей в непосредственной близости от раскопа определяется нами концом V – IV вв. до н. э., может быть захватывая начало III в. до н. э.

Весьма интересно и интригующе столь дальнее расположение памятника на краю ойкумены скифского и ананьинского миров, что позволяет предполагать существование еще одного направления торгового пути от Северного Причерноморья до Средней Волги вдоль северной границы лесостепной зоны. Вполне вероятно, что эта археологическая точка маркирует дальние контакты скифов с племенами городецкой культуры, общаясь с местными жителями «с помощью семи толмачей на семи языках» для торговли оружием и продукцией ремесленного производства, возможно конями «под седло», в обмен на мед и воск, меха и рабов.

Надеемся, что дальнейшие работы на этом ярком археологическом объекте дадут новые находки, с помощью которых можно будет уточнить хронологические позиции данного памятника и предположить его функциональное назначение.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 120 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1982. 105 с.

Васильев Ст. А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дисс. … канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. 513 с.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники Урало-Казахстанских степей / Отв. ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 53–67.

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Бранденбурга) / САИ. Вып. Д1-33. М.: Наука, 1977. 68 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. № 48. М.; Л.: АН СССР, 1956. 228 с.

Зубов С.Э. Отчет о проведении археологических работ на выявленном объекте археологического наследия «Пильнинский грунтовый могильник», расположенном в окрестностях с. Ожгибовка Пильнинского района Нижегородской области в 2010 году по Открытому листу № 901 от 31 августа 2010 г. Самара. 2011. 58 с.

Зуев В.Ю. Хронология бусин с внутренней позолотой античной эпохи Северного Причерноморья (по данным свода Е.М. Алексеевой) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Часть 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб: ГЭ, 2004. С. 5–32.

Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Т. 1. Дисс. … докт. истор. наук. М., 2015. 1698 с.

Канторович А.Р. Искусство Скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция): в двух томах. Т. 2. М.: МГУ, 2022. 359 с.

Мелюкова А.И. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. Т. 10 / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 92–100.

Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: ПП Мошинський В.С., 2008. 440 с.

Мошкова М.Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / МИА. № 153 / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука, 1972. С. 49–78.

Мышкин В.Н. Псалии S-видной формы из кочевнических курганов скифского времени в Южном Приуралье // УАВ. 2024. Т. 24. № 2. С. 362–372.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. / САИ. Вып. Д 1-4а. Л.: Наука, 1967. 180 с.

Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. / САИ. Вып. Д4-5. М.: Наука, 1978. 144 с.

Пузикова А.И. Скифы Среднего Дона (Белгородская и Воронежская области). М.: Практик-А, 1995. 42 с.

Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: Гилем, 1995. С. 62–96.

Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов / МИА. № 69 / Ред. В.Ф. Гайдукевич. М.; Л.: АН СССР, 1959. С. 5–107.

Чижевский А.А., Волкова Е.В. Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашеевская культура // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 162–185.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Коренюк С.Н. Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 186–216.

Информация об авторах:

Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sattarov.rr@rambler.ru

Радюш Олег Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); radjush@mail.ru

Федорова Евгения Юрьевна, специалист отдела сохранения археологического наследия ИА РАН, соискатель Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Коро-

лева, хранитель музейных предметов Музея ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия); jen15352@mail.ru

REFERENCES

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of North Pontic)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vasiliev, St. A. 2002. *Iskusstvo drevnego naseleniia Volgo-Kam'ia v anan'inskuiu epokhu (istoki i formirovanie) (Art of the Ancient Population of Volga – Kama Rivers Region in the Ananyino Epoch: Origins and Formation)*. PhD Diss. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Gavrilyik, A. G., Tairov, A. D. 1993. In Tairov, A. D. (ed.). *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepei (The nomads of the Ural-Kazakhstan steppes)* Yekaterinburg: "Nauka" Publ., 53–67 (in Russian).

Galanina, L. K. 1977. *Skifskie drevnosti Podneprov'ya (Ermitazhnaya kollektsiya Brandenburga) (Scythian antiquities of Dnieper river region (Hermitage collection of Brandenburg))*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) Д1-33. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka (History of Ancient Tribes from the Upper Ob on the Basis of Excavations near Bolshaya Rechka*). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 48. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zubov, S. E. 2011. *Otchet o provedenii arkheologicheskikh rabot na vyiavlennom obieekte arkheologicheskogo naslediia «Pilninskii gruntovyi mogilnik», raspolozhennom v okrestnostiakh s. Ozhgibovka Pilninskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti v 2010 godu po Otkrytomu listu № 901 ot 31 avgusta 2010 g. (Report on archaeological work carried out at the identified archaeological heritage site "Pilna burial ground without mound", located nearby the village of Ozhgibovka, Pilna district, Nizhny Novgorod region, in 2010, according to excavation licenые No. 901 dated August 31, 2010)*. Samara (in Russian).

Zuev, V. Yu. 2004. In Zuev, V. Yu. (ed.). *Bosporskii fenomen: problemy khronologii i datirovki pamiatnikov* (*The Bosporan Phenomenon: Issues of Chronology and Dating of Monuments*) 2. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 5–32 (in Russian).

Kantorovich, A. R. 2015. *Skifskii zverinyi stil' Vostochnoi Evropy: klassifikatsiia, tipologiia, khronologiia, evoliutsiia (Scythian Anumal Style of Eastern Europe: Classification, Typology, Cronology, Evolution)*. Diss. of Doctor of Historical Sciences. Vol. 1. Moscow (in Russian).

Kantorovich, A. R. 2022. *Iskusstvo Skifskogo zverinogo stilia Vostochnoi Evropy (klassifikatsiia, tipologiia, khronologiia, evoliutsiia) (The Art of the Scythian Animal Style of Eastern Europe: classification, typology, chronology, evolution)* Vol. 2. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Melyukova, A. I.1989. In Melyukova, A. I. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period).* Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 10. Moscow: "Nauka" Publ., 92–100 (in Russian).

Mogilov, A. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifs'koi dobi u lisostepu Skhidnoi Evropi (Scythian Horse Equipment in the Forest-Steppe Area of Eastern Europe).* Kiev; Kamianets-Podilskyi: "Moshinskii V.S." Publ. (in Ukrainian).

Moshkova, M. G. 1972. In Smirnov, K. F. (ed.). *Pamiatniki Iuzhnogo Priuralia i Zapadnoi Sibiri sarmatskogo vremeni (Sarmatian period sites in the Southern Urals and Western Siberia).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 153. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 49–78 (in Russian).

Myshkin, V. N. 2024. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 24 (2), 362–372 (in Russian).

Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezh'e srednego Pridneprov'ia v V–III vv. do n.e. (The Right Bank of the Middle Dnieper Region in the 5th-3rd cc. BC.).* Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-4a. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniia Skifii VII-III vv. do n.e. (Decorations of Scythia of the VII–III centuries BC).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) Д4-5. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Puzikova, A. I. 1995. *Skify Srednego Dona (Belgorodskaia i Voronezhskaia oblasti) (The Scythians of the Middle Don (Belgorod and Voronezh regions)).* Moscow: "Praktik-A" Publ. (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1995. In Ageev, B. B (ed.). *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala (Mounds of the Nomads of the Southern Urals).* Ufa: "Gilem" Publ., 62–96 (in Russian).

Silantieva, L. F. 1959. In Gaidukevich, V. F. (ed.). *Nekropoli bosporskikh gorodov (Necropolises of Bosporan cities).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 69. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 5–107 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Volkova, E. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 162–185 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Chernykh, E. M., Korenyuk, S. N. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 186–216 (in Russian).

About the Authors:

Zubov Sergei E. Candidate of Historical Sciences. Samara National Research University. Moskovskoye shosse, 34, Samara, 443086, Russian Federation; guberfond@rambler.ru

Sattarov Ruzil R. Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sattarov.rr@rambler.ru

Radyush Oleg A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dm. Ulianova, str. 19, Moscow, 117292, Russian Federation; radjush@mail.ru

Fedorova Evgeniia Yu. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dm. Ulianova, str. 19, Moscow, 117292, Russian Federation; Samara National Research University. Moskovskoye shosse, 34, Samara, 443086, Russian Federation; Lobachevsky National Research University Museum. Gagarin ave., 23, build. 2, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; jen15352@mail.ru

Статья поступила в журнал 31.03.2026 г.
Статья принята к публикации 15.04.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.297.309

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ КОСТЫЛЬКИ ИЗ САКСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ ИЛИ (СИНЬЦЗЯН)

©2026 г. С.С. Иванов

В статье анализируются металлические костыльки, происходящие из погребальных памятников в верхнем течении реки Или. Данный район представлял собой особый локальный вариант в ареале сакской культуры Притяньшанья. Отсюда происходит представительная серия костыльков, которые являлись элементом гарнитуры боевых поясов. Они выполняли функции наконечников дополнительных ремешков основного пояса, поэтому нередко были парными. Типологически они подразделяются на два отдела – с цельным и ажурным стержнями, каждый из них также подразделяется на несколько типов в зависимости от навершия. Хронологически существование костыльков в районе верхнего течения Или укладывается в период с VI по III вв. до н.э. Появление костыльков в этом районе, как и на остальной территории сакской культуры Притяньшанья связано с культурными контактами с тасмолинской культурной общностью. Однако формирование отдела костыльков с ажурным стержнем можно связать с районом Верхней Или и Семиречьем, что определяет их локальную специфику. Отсюда отдельные их экземпляры попадают также в Лесостепной Алтай. Костыльки с цельным стержнем с Верхней Или обнаруживают сходство с аналогичными изделиями из Западного Тянь-Шаня и Южного Казахстана. Это показывает, что костыльки как атрибут боевых поясов в течение VI–V вв. до н.э. распространяются по всей территории сакской культуры Притяньшанья, но район Верхнего течения Или сохраняет при этом свою некоторую локальную специфику.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, скифо-сакский период, верхнее течение р. Или, сакская культура Притяньшанья, костыльки, боевые пояса.

METAL CLASPS (KOSTYL'KI) FROM THE SAKA BURIAL SITES IN THE UPPER REACHES OF THE ILI RIVER (XINJIANG)

S.S. Ivanov

The article analyzes metal clasps from burial sites in the upper reaches of the Ili River. This area represents a distinct local variant within the Tian-Shan Saka cultural region. A representative series of these clasps has been revealed here, where they formed an integral component of warrior belt sets. They served as ends of auxiliary straps of the main belt, and thus are frequently found in pairs. Typologically, they are divided into two sections – with solid and openwork rods, each of them is also divided into several types depending on the finial. Chronologically, these clasps were in use in the upper Ili region from VI to III centuries BC. Their emergence in this area, as elsewhere within the Tian-Shan Saka cultural zone, is linked to cultural relationship with the Tasmola cultural community. However, the formation of the group of clasps with an openwork rod can be associated with the Upper Ili region and Jetisu , which determines their local specificity. From this area, some of these items also spread into the forest-steppe zone of the Altai. Clasps with a single rod from the upper Ili River basin exhibit close parallels with analogous artifacts from the western Tian-Shan and southern Kazakhstan. This shows that clasps as an attribute of warrior belts were widespread across the Tian-Shan Saka cultural region during the VI-V centuries BC, while the Upper Ili region retains some local specifics.

Keywords: archaeology, early Iron Age, Scytho-Saka period, upper reaches of the Ili River, Saka culture of Tian-Shan region, clasps (kostyl'ki), warrior belts.

Введение. С рубежа VII–VI до первой половины II вв. до н. э. на обширных пространствах Юго-Восточного Казахстана (Семиречье), Западного и Внутреннего Тянь-Шаня, а также верхнего течения р. Или (Синьцзян) складывается и развивается особая культура скифского облика – сакская культура Притяньшанья (Иванов, 2018; 2019). Она обладает отличительными признаками, выделяющими ее из совокупности соседних синхронных культур номадического типа, которые проявляются в погребальной обрядности и материальной культуре. Однако, несмотря на то, что к настоящему времени накоплен значительный объем

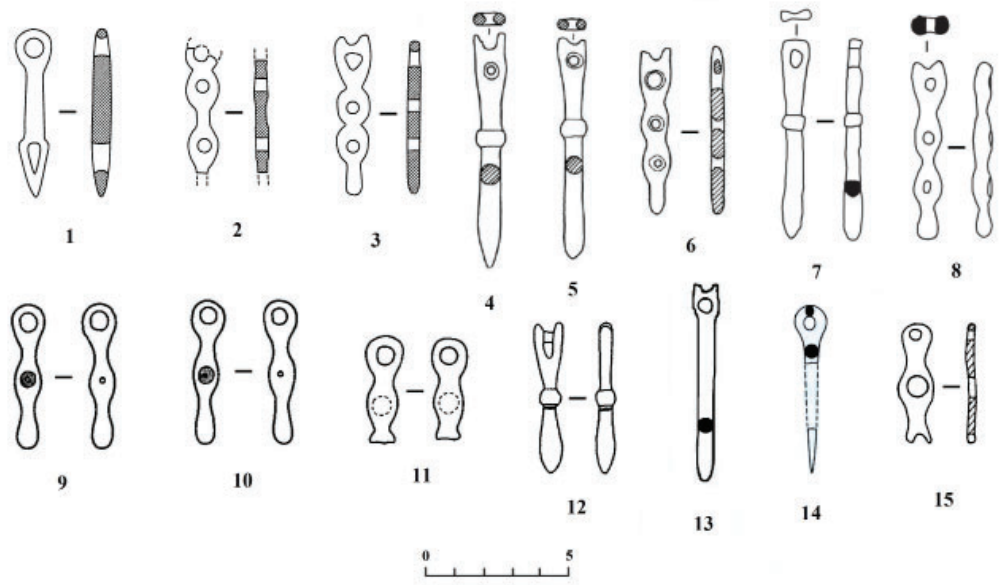


Рис. 1. Металлические костыльки из сакских погребальных памятников из района верхнего течения реки Или
1-3 – могильник Аюсай, курган М2; 4-6 – могильник Бестобе, курган М1; 7-8 – некрополи Дунмажа-Налати, сектор 3, курганы М17 и М1; 9-10 – могильник Аксай (XAK), курган М2; 11 – могильник Саха (XSH), курган М1; 12 – могильник Цзялекесикаинте, курган М54; 13 – могильник Темулике 6 (XT6), курган М8; 14 – могильник Цзяга, курган М3; 15 – могильник Шанькоу, курган М63.

Fig. 1. Metal clasps from Saka burial sites in the upper reaches of the Ili River
1-3 – Ayusai burial ground, M2 barrow; 4-6 – Bestobe burial ground, M1 barrow; 7-8 –Dunmazha-Nalati necropolises, sector 3, M17 and M1 barrows; 9-10 – Aksai burial ground (XAK), M2 barrow; 11 – Sakha (XSH) burial ground, M1 barrow; 12 – Jialekesikainte burial ground, M54 barrow; 13 – Temulike 6 (XT6),burial ground, M8 barrow; 14 – Jia Na burial ground, M3 barrow; 15 – Shankou burial ground, M63 barrow.

информации о предметном комплексе данной культуры, целый ряд его категорий остается все еще недостаточно исследованным.

Одной из таких категорий являются так называемые костыльки, которые относились к элементам поясной гарнитуры и составляли одну из ее характерных особенностей в ареале распространения сакской культуры Притяньшанья. Ранее автору настоящей статьи уже приходилось касаться вопросов типологии и хронологии костыльков на территории Семиречья, Южного Казахстана, Западного и Внутреннего Тянь-Шаня (Иванов, 2012), однако по ряду обстоятельств вне поля зрения на тот момент остались костыльки из сакских погребальных памятников в верхнем течении реки Или. Последние происходят с территории особого, верхнеилийского варианта сакской культуры Притяньшанья (Иванов, 2019, с. 74–76), поэтому представляют дополнительный интерес не только для обобщения и систематизации, но и также в контексте сопоставления их с совокупностью уже известных костыльков из Семиречья, Тянь-Шаня и Южного Казахстана (т. е. с территории распространения других вариантов отмеченной культуры) для выявления общих и частных закономерностей развития данной категории поясной гарнитуры.

Костыльки представляют собой металлические и реже костяные продолговатые предметы с различным оформлением основной части предмета и петелькой в верхней его части. Собственно, благодаря этим своим морфологическим особенностям они также рассматривались в научной литературе в качестве особой категории подвесок, но неизменно связанной с поясом и его гарнитурой. Относительно их утилитарного назначения высказывались различные точки зрения – застежки, приспособления для развязывания узлов (кочедыки), фиксатор для подвешивания к поясу предметов и др. (подр. см.: Сингаевский, 2007, с. 161; Головченко, 2019, с. 93). Однако, по нашему мнению, наиболее близко к решению вопроса о практическом применении костыльков подошел А.Т. Сингаевский, который предложил их рассматривать в качестве наконечников дополнительных ремешков-завязок на основном поясе, приведя в пользу этого ряд интересных

наблюдений на археологических материалах. Кроме того, данный исследователь не отрицал того, что они также могли употребляться для развязывания узлов на упомянутых дополнительных ремешках пояса, т. е. собственно в качестве кочедыков (Сингаевский, 2007, с. 161, 164, рис. 2).

Сравнительно недавно Н.Н. Головченко усомнился в том, что костыльки могли использоваться в качестве окончаний завязок на поясе, приведя в пользу этого результаты натурных опытов с моделями кожаных поясов (Головченко, 2019, с. 94–96). По этой причине он предложил рассматривать данные предметы преимущественно в качестве подвесок-кочедыков. Впрочем, на наш взгляд, эти выводы не могут быть приняты в полной мере, поскольку по археологическим материалам мы до сих пор достоверно не знаем, каким образом дополнительные завязки с костыльками на концах фиксировали основной ремень, какие типы узлов при этом использовались, а также какая была конструкция их скрепления с данными ремешками-завязками. Наличие небольших валиков и сужающихся перемычек под навершиями костыльков может указывать на то, что они крепились на ремешок не только при помощи небольшой петельки в навершии этих предметов, но и также дополнялись обмоткой из этого же ремешка[1]. Это создавало мягкое продевание и застегивание концов основного ремня при помощи дополнительных завязок с наконечниками-костыльками, что противоречит выводам Н.Н. Головченко о том, что они могли разрушать основу пояса.

Исходя из этого, костыльки стоит все же рассматривать в качестве концевых элементов дополнительных ремешков-завязок на основном ремне воинского пояса. Впрочем, они, вне сомнения, использовались также в качестве кочедыков – приспособлений для ослабления и развязывания узлов на данных ремешках, при помощи которых фиксировался пояс. Об этом свидетельствуют следы потертостей и износа на нижних концах стержней значительной части костыльков (Головченко, 2019, с. 93), которые также отмечены на их серии из Притяньшанья, в том числе из района верхнего течения реки Или, собственно которым посвящена настоящая статья. Поэтому костыльки обладали этими двумя основными утилитарными функциями, но считать их исключительно кочедыками было бы не совсем верно, все же их главное назначение было связано с фиксацией боевого пояса.

Кроме того, высказывалось мнение о культовом назначении костыльков в контексте семантики сакрально-ритуального назначения боевых поясов, в том числе как отражение фаллического культа (Кунгуров, Тишкин, 1996, с. 140; Сингаевский, 2007, с. 164; Головченко, 2019, с. 96), связанного с воинской культурой скифо-сакской эпохи в целом. Действительно, костыльки находят преимущественно в мужских погребениях (Сингаевский, 2007, с. 161–164, таблица), в том числе на территории сакской культуры Притяньшанья (Иванов, 2012, с. 170; Амиров, 2015, с. 164), что будет также показано ниже на примере материалов из района Верхней Или. Впрочем, это не дает веских оснований расценивать их как амулеты, прямо связанные с фаллическим культом, поскольку у целого ряда этих предметов стержни по своей форме и оформлению явно далеки от какой-либо «фалличности» (напр., рис. 1: 2–3, 6, 8–11, 14–15). Это в целом ставит под сомнение их культовое назначение, так как в пользу этого не было приведено каких-либо убедительных доказательств.

Итак, костыльки представляют собой специфическую группу предметов, являвшуюся значимой частью гарнитуры воинских поясов, что было прослежено на целом ряде археологических данных (Сингаевский, 2007, с. 164, рис. 2). В практическом отношении они использовались как наконечники дополнительных завязок на основном ремне пояса, а также в качестве кочедыков для ослабления и развязыванья узлов на них.

Типология и хронология костыльков из района Верхней Или. В районе верхнего течения реки Или (Синьцзян) к настоящему времени из погребальных памятников известно 15 находок костыльков. Все они металлические, отлитые из бронзы и меди.

На основе типологической схемы, предложенной А.Т. Сингаевским для данной категории предметов, которая была построена на форме навершия и стержня, наличия на нем рельефной перемычки или валика, можно с некоторыми дополнениями и упрощениями с учетом реальных особенностей рассматриваемых костыльков предложить их следующую классификацию[2].

Поскольку все известные их находки изготовлены из бронзы или меди, они относятся

Рис. 2. Классификация металлических костыльков из сакских погребальных памятников из района верхнего течения реки Или
Fig. 2. Classification of metal clasps from Saka burial sites in the upper reaches of the Ili River

к соответствующей группе металлических костыльков. В свою очередь, все они относятся к разряду 1 – с навершием, а по его характеру оформления стержня и форме навершия можно выделить отделы и типы костыльков. Всего выделяется два отдела – с цельным и ажурным[3] стержнями. При этом в первом выделяются три типа – со стремявидным, кольчатым и петлевидным навершиями, а во втором только два – со стремявидным и кольчатым (рис. 2).

В свое время Е.Ш. Амиров относительно проведенного мною типологического анализа костыльков из Семиречья, Западного Тянь-Шаня и Южного Казахстана критически отметил, что необходимо также выделять наличие рельефного валика под навершием у некоторых из них согласно типологической схеме А.Т. Сингаевского[4] (Амиров, 2015, прим. 5). Однако с учетом малочисленности привлеченного мною материала и отсутствия взаимосвязи между данным признаком и хронологической позицией изученных костыльков нет особого смысла выделять его особо в данном случае на примере сакской культуры Притяньшанья, хотя в своей ранней работе по этой проблематике я в тексте особо подчеркивал наличие или отсутствие рельефного валика под их навершием (Иванов, 2012, с. 170–171). Поэтому в данном случае при анализе костыльков из сакских погребений в верхнем течении Или я также ограничусь лишь общим упоминанием наличия у них этого признака на уровне подтипа.

Итак, рассмотрим все имеющиеся костыльки из района Верхней Или с точки зрения предложенной классификационной системы. А также постараемся установить хронологические границы существования выделенных их отделов и типов на основе привлечения аналогий из остальной части ареала распространения сакской культуры Притяньшанья и сопредельных регионов, а также анализа погребальных комплексов, из которых они происходят, в районе верхнего течения Или.

Отдел 1. Костыльки с цельным стержнем

Тип 1. Со стремявидным навершием. К нему относятся четыре экземпляра – два из могильника Бестобе, курган М1, и по одному из некрополей Цзялекесикаинте, курган М54, и Темулике 6 (ХТ6), курган М8. Они имеют прямой сплошной стержень, круглый в сечении, при этом у костыльков из Бестобе и Цзялекесикаинте он постепенно расширяется к нижнему концу, а посередине стержня имеется рельефный поперечный валик (Синьцзян Синьюань сянь…, 2012, с. 31–32, рис. 4, *1–2*; Нилэкэ сянь Цзялэкэсыцяиньтэ…, 2007, с. 12, рис. 23, *6*). (рис. 1: 4–5, 12). Костылек из Темулике 6 (ХТ6) имеет удлиненный стержень, лишенный каких-либо дополнительных

элементов (Синьцзян Или чжоу G218…, 2021, с. 229, рис. 25, *14*) (рис. 1: 13).

Костыльки данного облика находят близкие аналогии с территории соседнего Семиречья (могильники Кадырбай III и Каратума), причем все они имеют рельефные поперечные валики подобно экземплярам из могильников Бестобе и Цзялекесикаинте. В целом семиреченские костыльки этого типа датируются в пределах VI – первой половины V вв. до н. э. (Иванов, 2012, с. 171, рис. 1, *5,10*; Амиров, 2015, с. 164, рис.1, *1*). Практически аналогичный костылек также известен из Лесостепного Алтая (могильник Михайловский VI), который был датирован второй половиной VI в. до н. э. (Сингаевский, 2007, с. 167, 169, рис. 1, *5*).

Несколько особняком стоит ситуация с хронологией костылька из могильника Темулике 6 (XT6). Он сопоставим с наиболее ранними бронзовыми и костяными изделиями этого облика с территории Центрального Казахстана, Южного Зауралья и Лесостепного Алтая, которые относятся к VII – середине VI вв. до н. э. (Сингаевский, 2007, с. 167–169, рис. 1, *1–4,40–41*; 6). Причем основная часть ранних костыльков имеет также более удлиненные стержни, лишенные рельефного валика, подобно экземпляру из Темулике 6. Видимо, к этому временному интервалу в целом можно отнести и данный костылек.

Если же обратиться к погребальным памятникам, из которых происходят костыльки рассматриваемого типа, то наибольший интерес вызывает курган M1 некрополя Бестобе. Он представляет собой погребальный комплекс, в котором было захоронено три человека. Несмотря на разграбление данного кургана, в его могильной яме были найдены, помимо трех костыльков (один из них относится к отделу 2, типу 1), три костяных наконечника стрел и бронзовая коническая пронизь. Наиболее информативны в этом плане наконечники стрел, которые обладают головками треугольных очертаний с шипами, треугольными в разрезе, а у одного из них сохранился черешок средней длины (Синьцзян Синьюань сянь…, 2012, с. 30–32, рис. 4). Аналогичного облика костяные проникатели существовали в пределах VII–V вв. до н. э., но основная их часть известна в памятниках VI–V вв. до н. э. (Шульга, 2002, с. 48, 50) Поэтому в целом курган M1 могильника Бестобе в целом можно датировать в данном хронологическом промежутке.

Курган M54 некрополя Цзялекесикаинте содержал непотревоженное захоронение в подбое. Его сопроводительный инвентарь состоял из остатков пояса с костыльком, железного ножа, бронзовой пуговицы, расписного кувшина, а также остатков ритуальной пищи (Нилэкэ сянь Цзялэкэсыцяиньтэ…, 2007, с. 7–9, 11–12, рис. 21, *7*; 23, *5–6*). По своему облику подобного рода погребения относятся в целом к концу VI–III вв. до н. э. Однако сосуд из данного захоронения обладает росписью темно-красной краской в виде треугольников, ромбов и полосок в верхней части. Подобного рода орнаментальные мотивы находят близкие аналогии в керамике соседней культуры Чауху, в материалах которой она хронологически укладывается во вторую половину VIII – V вв. до н. э. (Шульга, 2010, с. 42–43, рис. 16, *10,15*; 17, *2,3,9,19,24*; 22, *8,22,33*; рис. 26). Это дает основание ограничить датировку кургана M54 могильника Цзялекесикаинте по крайней мере в пределах VI–V вв. до н. э.

Комплекс кургана M8 некрополя Темулике 6 (XT6) также не отличался богатством сопроводительного инвентаря. В его состав входили бронзовый крючок со стремявидным навершием, каменный оселок, грушевидный сосуд с декором в виде ряда прорезных треугольников (Синьцзян Или чжоу G218…, 2021, с. 225, 227, 229, рис. 24, *10*; 25, *6,15*). Наиболее информативным в данном случае является оселок, так как данный атрибут встречается в погребальных памятниках Притяньшанья преимущественно в раннесакский период. Близкого облика крючок известен из клада бронзовых изделий из района с. Кара-Ой (Долинки) в Прииссыккулье, в котором ему сопутствовали архаичного облика предметы конца раннесакского облика – кинжал, серпы, кельты-тесла и фрагмент наконечника копья. Это дало основания отнести данный клад к VII–VI вв. до н. э. (Плоских, 2013, с. 116–118, цвет. вклейка; Иванов, 2024, с. 19–20). С учетом всех этих аналогий комплекс кургана M8 могильника Темулике 6 можно датировать в пределах VI – начала V вв. до н. э. Это позволяет уточнить датировку костылька из данного погребения.

Таким образом, приведенные аналогии костылькам типа 1, с цельным стержнем и

стремявидным навершием, а также анализ погребальных памятников, из которых они происходят, в районе верхнего течения Или позволяют в целом отнести их к VI–V вв. до н. э.

Тип 2. С кольчатым навершием. Представлен одним экземпляром, происходящим из могильника Цзяга, курган М3. Обладает прямым сплошным стержнем, сохранившимся частично, круглый в сечении (Синьюань сянь Цзяга…, 2017, с. 9, рис. 18, *2*; 20) (рис. 1: 14).

Костыльки этого типа из района Верхней Или обнаруживают довольно сходные параллели на Западном Тянь-Шане (могильник Джал-Арык II). Здесь они в целом датируются в рамках V–III вв. до н. э. (Иванов, 2012, с. 171, рис. 1, *16–17*). Целая серия практически аналогичных предметов известна из погребальных памятников Лесостепного и Горного Алтая, где они суммарно относятся к VI–III вв. (Сингаевский, 2007, с. 167, 169–170, рис. 1, *7–8,37–39*; 6).

Погребение в кургане М3 некрополя Цзяга, из которого происходит рассматриваемый костылек, было совершено под средним по размеру курганом, в насыпи которого был найден небольшой железный котел с тремя короткими ножками. Захоронение оказалось сильно разграбленным, от его сопроводительного инвентаря сохранились лишь массивная бронзовая поясная пряжка прямоугольной формы со шпеньками для крепления к ремню, а также два больших фрагмента костяного украшения с перфорированными отверстиями (Синьюань сянь Цзяга…, 2017, с. 8–9, рис. 16–22).

По-видимому, данный курган можно отнести к завершающему этапу сакского периода. В пользу этого говорит находка массивной поясной пряжки, приближающейся по облику к деталям поясной гарнитуры из поздних пазырыкских памятников IV – начала II вв. до н. э. (Добжанский, 1990, с. 22, табл. IX, *1–2; X, 1–3,5–6*). Что же касается котла, то трехногие их бронзовые экземпляры традиционно датируются в Притяньшанье V–III вв. до н. э. (Бернштам, 1952, с. 49), однако здесь же имеется целая серия железных котлов, практически аналогичных по облику находке из погребения в могильнике Цзяга, которые плохо датированы (Спасская, 2017, с. 34, 41–42, рис. 81–89). Но учитывая, что в некоторых случаях они были найдены вместе с характерными бронзовыми котлами, светильниками и другими ритуальными предметами, которые в настоящее твердо датируются поздним сакским периодом (Мартынов, 1955, с. 150–156, рис. 63, *5*), есть все основания отнести данную категорию железных котлов по крайней мере к IV–II вв. до н. э., как и в целом рассматриваемое захоронение из кургана М3 Цзяга. Это также подтверждается тем, что из соседнего кургана М2, сходного по размерам и содержавшего аналогичное по конструкции погребение, была получена радиоуглеродная дата, которая укладывается в IV–III вв. до н. э., что также дает основания подкорректировать время сооружения кургана М3.

Таким образом, костылек из некрополя Цзяга может быть отнесен к IV–III вв. до н. э.

Тип 3. С петлевидным навершием. К нему принадлежит один экземпляр, найденный в секторе 3 группы некрополей Дунмажа-Налати, курган М17. У него прямой стержень, в сечении пятигранный, в центральной его части имеется рельефный поперечный валик (Синьцзян Или чжоу дунь…, 2020, с. 16, рис. 41, *13*) (рис. 1: 7).

Рассматриваемый костылек имеет наиболее близкие типологические аналогии в Южном Казахстане (могильник Берккара и Узун-Булак) и на Западном Тянь-Шане (могильник Акчий-Карасу). Но все отмеченные костыльки отличаются от экземпляра из района Верхней Или тем, что у них ответствует рельефный валик на стержне. Однако, несмотря на это, думается, что они могут выступать материалом для сравнения, так как форма навершия является в данном случае определяющей. Подобного рода изделия использовались населением Притяньшанья в пределах IV–III вв. до н. э. (Иванов, 2012, с. 171–172, рис. 1, *2,13,15*).

С территории Лесостепного Алтая и Тувы происходит целая серия практически идентичных костяных аналогов, но все они не имеют поперечного рельефного валика. Хронологически они укладываются в довольно широкие хронологические рамки – с VII по III вв. до н. э. Впрочем, основная их часть относится к концу отмеченного хронологического периода (Сингаевский, 2007, с. 170, рис. 1, *10,31,33–34,63–66,68–69*; 6). Поэтому костылек из района Верхней Или с большей вероятностью может относиться также к IV–III вв.

до н. э., как и наиболее морфологически близкие металлические аналоги из других частей Притяньшанья.

Это приобретает особое значение с учетом того, что о захоронении в кургане М17 сектора 3 Дунмажа-Налати в соответствующей публикации не приводится каких-либо сведений, кроме того, что в нем помимо костылька была также найдена бронзовая пронизь усечено-конической формы (Синьцзян Или чжоу дунь…, 2020, с. 16, рис. 41, *3*). Последняя мало что дает в плане узкой хронологии, но может косвенно свидетельствовать, что в данном захоронении действительно находился пояс, так как именно с этим атрибутом чаще всего связаны подобного рода металлические пронизи в сакских захоронениях. Это также указывает на то, что происходящий из данного кургана костылек был напрямую с ним связан.

Таким образом, костылек из погребения кургана М17 сектора 3 группы некрополей Дунмажа-Налати может быть датирован в пределах IV–III вв. до н. э.

Отдел 2. Костыльки с ажурным стержнем

Тип 1. Со стремявидным навершием. К нему можно отнести три экземпляра, происходящие из могильников Бестобе, курган М1 (Синьцзян Синьюань сянь…, 2012, с. 31–32, рис. 4, *3*), Аюсай, курган М2 (Синьюань сянь Аюсай…, 2013, с. 17, рис. 8, *6*), а также из сектора 3 группы некрополей Дунмажа-Налати, курган М1 (Синьцзян Или чжоу дунь…, 2020, с. 16, рис. 41, *2*). Все костыльки этого типа имеют сходный облик: в уплощенном стержне имеется по два сквозных отверстия, а нижняя его часть профилирована в виде небольшого выступа (рис. 1: 3, 6, 8).

Костыльки данного типа, помимо района верхнего течения Или, известны к настоящему времени только с территории соседнего Семиречья – здесь они отмечены в нескольких могильниках (Жайнак и др.)[5]. В данном регионе они датируются в пределах VI – первой половины V вв. до н. э. (Иванов, 2012, с. 172, рис. 1, *6*; Амиров, 2015, с. 163–164, рис. 1, *1–2*). Примечательно, что костыльки данного типа неизвестны за пределами района Верхней Или и Семиречья, хотя в Лесостепном Алтае есть сходные экземпляры, но с кольчатым навершием (Сингаевский, 2007, рис. 1, *22*).

Анализ погребальных комплексов в районе Верхней Или, в которых были найдены костыльки данного типа, позволил уточнить их хронологию. Так, как отмечалось выше, курган М1 некрополя Бестобе, из которого происходит одно изделие рассматриваемого облика, можно датировать VI–V вв. до н. э.

Не менее интересен курган М2 могильника Аюсай, который по размерам можно отнести к типу элитарных. Захоронение в нем было совершено в большой могильной яме, перекрытой бревенчатым накатом, в которой было погребено три человека. Хотя оно было разграблено, в нем сохранился ряд предметов сопроводительного инвентаря. Данное погребение представляет интерес тем, что содержит три костылька: помимо экземпляра рассматриваемого типа здесь были еще два экземпляра с ажурным стержнем и кольчатым навершием (тип 2 отдела 2). Кроме того, здесь были обнаружены три целых лепных керамических сосуда – два горшка и кувшин, а также обломок чаши. В целом подобная посуда довольно характерна для сакских захоронений VI – первой половины II в. до н. э. Особое внимание при этом привлекает кувшин – он имеет шаровидное тулово с плоским дном и боковой петлевидной ручкой, невысокое расширяющееся горлышко с трубчатым носиком сливом. Очень близкие по облику кувшины известны из сакских погребений на Западном Тянь-Шане (могильник Джал-Арык II), где их существование хронологически укладывается в V – начало IV вв. до н. э. Примечательно, что здесь они, так же как и в могильнике Аюсай, были найдены в курганах элитарного облика. (Ташбаева, 2011, с. 58, рис. 47, *3–4*; 48, *3*; 77). Однако сочетание костыльков первого и второго типов отдела 2 не позволяет датировать курган М2 Аюсая столь широко – такого рода ситуация могла сложиться только в середине – второй половине V в. до н. э., что более подробно будет дополнительно рассмотрено ниже.

К сожалению, о погребальном комплексе кургана М1 сектора 3 группы некрополей Дунмажа-Налати в соответствующей публикации каких-либо сведений не имеется.

Итак, костыльки типа 1 отдела 2, с ажурным стержнем и стремявидным навершием, из погребальных памятников из района верхнего течения Или могут быть датированы в пределах VI–V вв. до н. э.

Тип 2. С кольчатым навершием. Представлен семью экземплярами, из которых два были найдены в могильнике Аюсай, курган М2 (Синьюань сянь Аюсай…, 2013, с. 17, рис. 8, *5,7*), два – в некрополе Аксай (XAK), курган М2, один – в могильнике Саха (XSH), курган М1 (Синьцзян Или чжоу G218…, 2021, с. 209–210, рис. 10, *10,11*), один – в некрополе Шанькоу, курган М63 (2005 няньду Или чжоу…, 2006, с. 34, рис. 66, *10*) (рис. 1: 1–2, 9–11, 15).

Костыльки данного типа при относительном сходстве имеют некоторые вариации в оформлении стержня – у всех он уплощенный, но различается наличием двух или одного отверстия в центре, не считая кольчатого навершия. При этом наиболее выделяется один экземпляр из могильника Аюсай – он обладает подтреугольным расширением нижней части стержня, в котором имеется отверстие аналогичной формы (рис. 1: 1). А у костыльков из Аксая нижняя часть оформлена в виде расширяющегося книзу удлиненного выступа без отверстия (рис. 1: 13).

Костыльки рассматриваемого типа также находят ближайшие аналогии на территории Семиречья, но не вся совокупность, а в первую очередь экземпляр из некрополя Аюсай. Практически идентичные костыльки известны из целого ряда семиреченских могильников, причем некоторые из них, обладая таким же оформлением нижней части стержня, могут иметь различные вариации наверший: в виде двух или четырех колечек. В целом ажурные костыльки этого типа в Семиречье существовали в пределах IV–III вв. до н. э. (Иванов, 2012, с. 172, рис. 1, *3–4,7–9*). Примечательно, что в данном регионе также известны костыльки с аналогичным стержнем, но со стремявидным навершием, но они датируются более ранним временем (Иванов, 2012, с. 172, рис. 1, 11–12; Амиров, 2015, с. 164, рис. 1, *1–2*).

Целый ряд сходных костыльков известен с территории Лесостепного Алтая, причем здесь отмечены оба варианта, зафиксированные в сакских памятниках Верхней Или – с оформлением стержня в виде двух колечек и подтреугольным расширением и аналогичным отверстием в нем. Алтайские экземпляры датируются в пределах второй половины V – III вв. до н. э. (Сингаевский, 2007, с. 170, рис. 1, *19–20,22*; 6).

Дополнительную информацию о хронологии костыльков данного типа в районе Верхней Или дают также погребальные комплексы. Так, как было отмечено выше, курган М2 могильника Аюсай может быть датирован серединой – второй половиной V в. до н. э. Так как в этот временной промежуток возможно сосуществование в одном захоронении ажурных костыльков первого и второго типов, то, по имеющимся в нашем распоряжении данным, едва ли экземпляры с кольчатым навершием могли существовать ранее V в. до н. э., причем специфические костыльки с подтреугольным расширением нижней части стержня известны, по-видимому, только со второй половины этого столетия. В то время как ажурные костыльки со стремявидным навершием известны в пределах VI–V вв. до н. э. Это собственно и позволяет ограничить дату погребения из кургана М2 Аюсая в рамках предложенного выше хронологического диапазона.

В погребении кургана 2 некрополя Аксай помимо пары одинаковых костыльков была также найдена золотая серьга. Она имеет характерную восьмерковидную форму, при этом к основному, несомкнутому кольцу было напаяно нижнее малое колечко, украшенное в нескольких местах зернью. К нему также была прикреплена небольшая цилиндрическая подвеска из синей пасты, декорированная белыми полосками (Синьцзян Или чжоу G218…, 2021, с. 211, рис. 10, *7*; цвет. вклейка). Серьги данного типа получают распространение в Притяньшанье в VI–IV вв. до н. э. (Иванов, 2016, с. 333–334, рис. 1, *18–30*). С учетом этого курган 2 Аксая едва ли может относиться ко времени ранее V–IV вв. до н. э.

Курган М63 могильника Шанькоу содержал подбойное захоронение мужчины пожилого возраста с довольно бедным сопроводительным инвентарем. Кроме костылька оно содержало также плохо сохранившийся пластинчатый железный нож, находившийся рядом ритуальной пищей – бараньим крестцом (2005 няньду Или чжоу…, 2006, с. 26, 36, рис. 55; 67, *2*). В целом подобного рода ножи характерны для погребений сакской культуры Притяньшанья в V–III вв. до н. э.

О погребальном комплексе кургана М1 некрополя Саха, в котором был найден еще один костылек рассматриваемого типа, в

соответствующей публикации не приводится каких-либо сведений.

Таким образом, ажурные костыльки типа 2, с кольчатым навершием, происходящие из сакских погребальных комплексов района верхнего течения реки Или, хронологически укладываются в период с V по III вв. до н. э.

В целом же костыльки появляются в составе поясной гарнитуры сакского населения данного региона с VI в. до н. э. и продолжают им использоваться в этом качестве вплоть до III в. до н. э., т. е. практически до завершающего этапа существования сакской культуры Притяньшанья на рассматриваемой территории.

Костыльки из района Верхней Или в контексте остальной части сакской культуры Притяньшанья. Для более четкого понимания локальной специфики костыльков из рассматриваемого района необходимо сопоставить их с известными изделиями этого типа с остальной территории ее распространения.

Костыльки первого отдела, с цельным стержнем, сходные с верхнеилийскими (рис. 1: 4–5, 7, 12–14), известны в Семиречье, Западном Тянь-Шане и Южном Казахстане (рис. 3: 3–4, 12–18). Однако костыльки этого отдела со стремявидным навершием находят аналогии только в Семиречье (рис. 3: 3–4), на остальной территории сакской культуры Притяньшанья они не известны. Впрочем, в данном случае это симптоматично, поскольку эти два района смежны. В свою очередь, костыльки с кольчатым и петлевидным навершиями, близкие верхнеилийским, уже известны на Западном Тянь-Шане и Южном Казахстане (рис. 3: 12–18), что, видимо, отражает процессы дальнейшего распространения костыльков как значимого элемента поясной гарнитуры на остальной территории рассматриваемой сакской культуры.

Действительно, складывается впечатление, что первоначально костыльки с цельным стержнем проникают в Семиречье и верхнее течение реки Или, причем это происходит еще в начале VI в. до н. э., на что указывает костылек довольно архаичного облика из некрополя Темулике 6 (рис. 1: 13). Это вызывает особый интерес с учетом того, что территория собственно Притяньшанья не входила в первоначальный ареал формирования и использования костыльков – эта территория в настоящее время может определяться в пределах Южного Зауралья и Центрального Казахстана (ареал распространения тасмолинской культурной общности) (Сингаевский, 2007, с. 168–169). Именно из этих регионов они сначала появляются в Семиречье и на Верхней Или, а уже оттуда несколько позднее, не ранее первой половины V в. до н. э., они проникают на Западный и Внутренний Тянь-Шань[6], а также в Южный Казахстан.

Совершенно иная ситуация складывается с костыльками второго отдела – с ажурными стержнями. На территории сакской культуры Притяньшанья они известны исключительно в Семиречье (рис. 3: 1–2, 5–10) и верхнем течении Или (рис. 1: 1–3, 6, 8–11, 15). Причем это в полной мере относится как к более ранним экземплярам со стремявидным навершием, так и к более поздним – с кольчатым. Примечательно, что ряд исследователей не без оснований считает, что в целом формирование костыльков с ажурным стержнем было связано с территорией Семиречья (Кирюшин, Фролов, 1998, с. 199; Сингаевский, 2007, с. 170). Теперь же ареал их изначального использования можно расширить также на район верхнего течения Или. Именно здесь известны их самые ранние образцы – с навершием в виде стремечка (тип 1) (рис. 1: 3, 6, 8). Причем их сложение в этих двух районах происходит достаточно рано – еще в VI в. до н. э., фактически вскоре после появления костыльков вообще на территории Притяньшанья. Их развитие продолжается в Семиречье и на Верхней Или на протяжении V–III вв. до н. э., когда здесь на смену стремявидным навершиям приходят более поздние кольчатые (рис. 1: 9–11, 15; 3: 1–2, 8–10). Но они по не совсем ясным причинам не проникают в соседние районы сакской культуры Притяньшанья, оставаясь локальной спецификой только для отмеченных выше двух ее районов.

В свою очередь, именно отсюда костыльки этого облика попадают в Лесостепной Алтай, причем их довольно специфическая разновидность – со стержнем с подтреугольным расширением и аналогичным отверстием в нем (Сингаевский, 2007, с. 170, рис. 1, *19–20*). Это происходит не ранее середины – второй половины V в. до н. э. Это также косвенно указывает, что к этому времени они сформировались как особая вариация костыльков с ажурным стержнем (рис. 1: 1; 3: 1–2, 8–10).

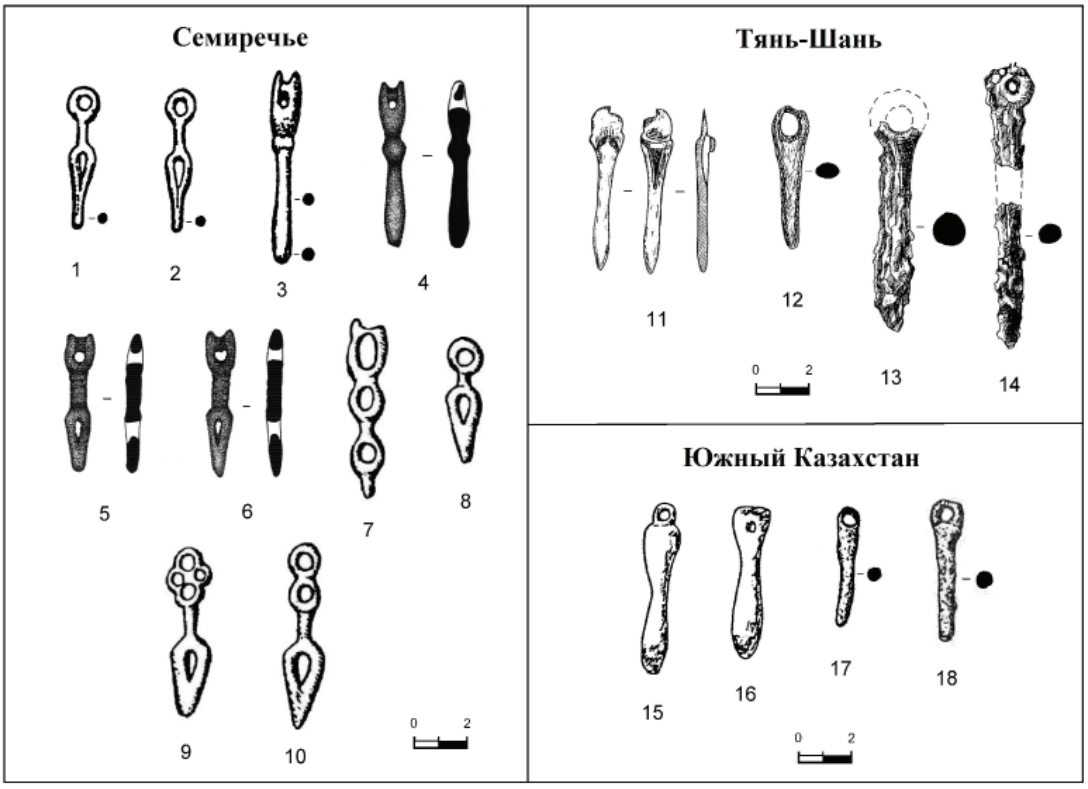


Рис. 3. Металлические костыльки их сакских погребальных памятников Семиречья, Западного Тянь-Шаня и Южного Казахстана. 1-2 – могильник Кызылауз, курган 79; 3 – могильник Кадырбай III, курган 24; 4 – могильник Каратума, курган 40; 5-6 – могильник Каратума, курган 24; 7-10 – могильники Илийской долины; 11 – могильник Джал-Арык II, курган 7; 12 – могильник Акчий-Карасу, курган 20; 13-14 – могильник Джал-Арык II, курган 2; 15-16 – могильник Берккара, курган 59; 17 – могильник Узун-Булак, курган 5; 18 – могильник Шаушукум, курган 27.

Fig. 3. Metal clasps from Saka burial sites of Jetisu, Western Tian Shan and Southern Kazakhstan 1-2 – Kyzylauz burial ground, barrow 79; 3 – Kadyrbai III burial ground, barrow 24; 4 – Karatuma burial ground, barrow 40; 5-6 – Karatuma burial ground, barrow 24; 7-10 – burial grounds of the Ili valley; 11 – Jal-Aryk II burial ground, barrow 7; 12 – Akchiy-Karasu burial ground, barrow 20; 13-14 – Jal-Aryk II burial ground, barrow 2; 15-16 – Berkkara burial ground, barrow 59; 17 – Uzun-Bulak burial ground, barrow 5; 18 – Shaushukum burial ground, barrow 27.

Таким образом, в распространении костыльков различного облика на территории сакской культуры Притяньшанья прослеживается некоторая локальная специфика. Особенно ярко это проявляется на примере их второго отдела, который известен только на территории Верхней Или и Семиречья. Костыльки первого отдела, с цельным стержнем, были известны на территории всего Притяньшанья, но если их ранние образцы известны также в двух отмеченных районах, то на Западном Тянь-Шане и в Южном Казахстане они появляются немного позднее.

Выводы. Из погребальных памятников района верхнего течения реки Или (Синьцзян) происходит довольно представительная серия металлических костыльков. Не вызывает особых сомнений, что они были связаны с поясной гарнитурой, так как в ряде случаев они фиксировались в районе тазовых костей погребенных, а в одном случае сопутствовали непосредственно находке остатков кожаного ремня. Кроме того, в тех случаях, когда пол погребенных был установлен, они неизменно были связаны именно с мужскими захоронениями, причем независимо от того, были ли они найдены в элитарных или рядовых по своему облику курганах.

Костыльки из района Верхней Или показывают заметное типологическое разнообразие, но в целом могут быть подразделены на два отдела – с цельным и ажурным стержнями, в каждом из которых выделяется несколько типов в зависимости от формы навершия. Хронологически костыльки существуют в данном районе с VI по III вв. до н. э. При

этом выделяется группа костыльков со стремявидным навершием, характерным для костыльков как с цельным, так и ажурным стержнями, которые существуют в рамках VI–V вв. до н. э., а затем сменяются экземплярами с кольчатым и петельчатым навершиями. Последние получают наибольшее распространение во второй половине V–III вв. до н. э.

Костыльки не имеют генетических корней в сакской культуре Притяньшанья, их распространение здесь можно связать с культурными контактами с тасмолинской культурной общностью, что происходит не ранее первой половины VI в. до н. э. Впрочем, это можно в полной мере отнести к костылькам с цельным стержнем, потому вскоре на их основе в районе Верхней Или и Семиречье формируется группа костыльков с ажурным стержнем, составляющая локальную специфику для этих районов. Она существует наряду с экземплярами с цельным стержнем вплоть до завершения существования сакской культуры Притяньшанья.

Примечания:

[1] В пользу того, что дополнительные ремешки основного пояса могли скрепляться с костыльком методом обмотки, свидетельствуют отдельные находки в Лесостепном Алтае костыльков без петли, но снабженных перемычкой (Сингаевский, 2007, с. 167, рис. 1, *11*).

[2] Она в общих чертах была апробирована на анализе костыльков с остальной территории распространения сакской культуры Притяньшанья – из Семиречья, Западного Тянь-Шаня, а также Южного Казахстана (Иванов, 2012).

[3] У А.Т. Сингаевского данный тип оформления стержня определен как с отверстием (Сингаевский, 2007, с. 167, рис. 3).

[4] А.Т. Сингаевский по наличию или отсутствию рельефного валика под навершием выделяет подотделы (Сингаевский, 2007, с. 167).

[5] Раскопки на могильнике Жайнак в районе г. Алматы проводились под руководством Н.Н. Ильдерякова, которому автор настоящей статьи выражает огромную благодарность за возможность ознакомиться с его материалами.

[6] Несмотря на то, что к настоящему времени находки костыльков пока что не известны из погребальных памятников сакского периода из района Внутреннего Тянь-Шаня, едва ли они могли попасть на Западный Тянь-Шань, миновав Внутренний.

ЛИТЕРАТУРА

Амиров Е.Ш. Подвески-костыльки из могильника Каратума (к расширению серии из долины р. Или) // VIII Оразбаевские чтения / Отв. ред. А.Б. Калыш. Алматы: Казахский университет, 2015. С. 163–165.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая / МИА. № 26. М.; Л.: АН СССР, 1952. 348 с.

Головченко Н.Н. Вопросы интерпретации костыльков-кочедыков населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 3. С. 90–99.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.

Иванов С.С. «Костыльки» – элементы боевых поясов ранних кочевников Семиречья и Тянь-Шаня // IV Оразбаевские чтения / Отв. ред. А.Б. Калыш. Алматы: Казахский университет, 2012. С. 170–174.

Иванов С.С. Серьги в системе хронологии сакской культуры Притяньшанья // Материалы V международной научно-практической конференции «Кыргызский и Караханидский каганаты» на тему: «Куттуу билим» («Благодатное знание») Жусупа Баласагына – зеркало мусульманского ренессанса Центральной Азии X-XI вв.», посвященной 100-летию Жусупа Баласагына (16-18 сентября 2016 г.) / Гл. ред. Т. Чоротегин. Бишкек: MaxPrint, 2016. С. 332–336.

Иванов С.С. Культура саков Притяньшанья: современное состояние и важнейшие проблемы исследования // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. VII / Гл. ред. М.Д. Бухарин. М.: Собрание, 2018. С. 11–23.

Иванов С.С. К выделению локальных вариантов сакской культуры Притяньшанья // SCYTHIA et SARMATIA / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 71-78.

Иванов С.С. «Где бодрый серп гулял и падал колос…»: бронзовые серпы сакского периода из Притяньшанья // Stratum plus. 2024. № 3. С. 15–27.

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая / Под. ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.Л. Кунгурова. Барнаул: АГУ, 1996. С. 110–136.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Результаты исследования памятника эпохи раннего железа Усть-Иштовка 1 на Алтае // Археология, антропология и этнография Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АГУ, 1996. С. 124–144.

Мартынов Г.С. Иссыкская находка // КСИИМК. Вып. 59 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1955. С. 150–156.

Плоских В.В. Затонувшие памятники Иссык-Куля (Исследование «Атлантиды» Центральной Азии на Великом Шелковом пути). Бишкек: КРСУ, 2013. 296 с.

Сингаевский А.Т. Поясные подвески VIII в. до н. э. с территории Обь-Иртышского междуречья как культурно-хронологический индикатор // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2007. № 4/3. С. 161–173.

Спасская Е.Ю. Семиреченские трехногие котлы (на основании Алма-Атинских архивных и литературных материалов) // Металлические котлы ранних кочевников Жетысу / Отв. ред. Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 33–53.

Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (I тыс. до н.э.). Бишкек: Илим, 2011. 274 с.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: АлтГТУ, 2010. 238 с.

Нилэкэ сянь Цзялэкэсыцяиньтэ муди фацзюе цзяньбао (Отчет о раскопках могильника Цзялекесикаинте в округе Нилек) // Синьцзян вэньу (Культурное наследие Синьцзяна). 2007. № 2. С. 1–15. (на кит. яз.)

Синьцзян Или чжоу G218 яньсянь (Синьюань дуань) муцзан каогу фацзюе цзяньбао (Отчет об археологических раскопках могильников на участке автодороги G218 (уезд Синьюань) в районе Или, Синьцзян) // Синьцзян каогу (Археология Синьцзяна). 2021. № 1. С. 200–242. (на кит. яз.)

Синьцзян Или чжоу дунь на гаосу гунлу Нилэкэ дуань яньсянь гудай муцзан де фацзюе Раскопки древних гробниц на участке Нилеке скоростной автомагистрали Дунна в префектуре Или, Синьцзян) // Каогу. (Археология). 2020. № 12. С. 3–20. (на кит. яз.)

Синьцзян Синьюань сянь Бесытобе муди 2010 нянь де фацзюе (Раскопки могильника Бестобе в уезде Синьюань, Синьцзян в 2010 г.) // Каогу (Археология). 2012. № 9. С. 30–36. (на кит. яз.)

Синьюань сянь Аюсай гоукоу муди Кайиаола муди каогу фацзюе баогао (Отчет о раскопках могильников Аюсай гоукоу и Караой в уезде Синьюань) // Синьцзян вэньу (Культурное наследие Синьцзяна). 2013. № 2. С. 11–24. (на кит. яз.)

Синьюань сянь Цзяга цунь муди каогу фацзюе баогао (Отчет об археологических раскопках могильника у деревни Цзяга, уезд Синьюань) // Синьцзян вэньу (Культурное наследие Синьцзяна). 2017. № 1. С. 4–14. (на кит. яз.)

2005 няньду Или чжоу Гунлю сянь Шанькоу шуйку муди каогу фацзюэ баогао (Отчет об археологических раскопках могильника у водохранилища Шанькоу в уезде Гунлю префектуры Или в 2005 году) // Синьцзян вэньу. (Культурное наследие Синьцзяна). 2006. № 1. С. 1–40. (на кит. яз.)

Информация об авторе:

Иванов Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (г. Бишкек, Кыргызская Республика); sak@yandex.ru

REFERENCES

Amirov, E. Sh. 2015. In: Kalysh, A.B. (ed.). *VIII Orazbaevskie chteniya (VIII Orazbaev readings)*. Almaty: Kazakh University, 163–165 (in Russian).

Bernshtam, A. N. 1952. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tian'-Shania i Pamiro-Altaya (Historical and Archaeological Essays on the Central Tien Shan and Pamir-Altai).* Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 26. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Golovchenko, N. N. 2019. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 18 (3), 90–99 (in Russian).

Dobzhanskiy, V. N. 1990. *Nabornye poyasa kochevnikov Azii (Typesetting belts of the nomads of Asia).* Novosibirsk: Novosibirsk University Publ. (in Russian).

Ivanov, S. S. 2012. In Kalysh, A.B. (ed.). *IV Orazbaevskie chteniya (IV Orazbaev readings).* Almaty: Kazakh University, 170–174 (in Russian).

Ivanov, S. S. 2016. In Chorotegin, T. (ed.). *Kyrgyzskiy and Kharakhanidskiy kaganaty (Kyrgyz and Qarakhanid Khaganates).* Bishkek: "MaxPrint" Publ., 332–336 (in Russian).

Ivanov, S. S. 2018. In Bukharin, M. D. (Ed.). *SCRIPTA ANTIQUA. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury (SCRIPTA ANTIQUA. Issues of Ancient History, Philology, Arts and Material Culture)*. Vol. VII. Moscow: "Sobranie" Publ., 11–23 (in Russian).

Ivanov, S. S. 2019. In Malyshev, A. A. (ed.). *SCYTHIA et SARMATIA*. Moscow: "Maks Press" Publ., 71–78 (in Russian).

Ivanov, S. S. 2024. *Stratum plus* (3), 15–27 (in Russian).

Kiryushin, Yu. F., Frolov, Ya. V. 1996. In Kiryushin, Yu. F., Kungurov, A.L. (eds.). In *Drevnie poseleniya Altaya (Ancient settlements of the Altay).* Barnaul: Altai State University, 110–136 (in Russian).

Kungurov, A. L., Tishkin, A. A. 1996. In Kiryushin, Yu. F. (Ed.). *Arkheologiia, antropologiia i etnografiia Sibiri (Archaeology, Anthropology and Ethnography of Siberia)*. Barnaul: Altai State University, 124–144 (in Russian).

Martynov, G. S. 1955. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 59. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 150–156 (in Russian).

Ploskikh, V. V. 2013. *Zatonuvshie pamiatniki Issyk-Kulia (Issledovanie «Atlantidy» Tsentralnoi Azii na Velikom Shelkovom puti). (Underwater sites of Issyk-Kul (Study of the "Atlantis" of Central Asia along the Great Silk Road)).* Bishkek: KRSU (in Russian).

Singaevskii, A.T. 2007. In *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta Seriia «Istoriia, politologiia» (Izvestiya of Altai State University History, Political Science Series)* 4–3, 161–173 (in Russian).

Spasskaya, E. Yu. 2017. In Dzumabekova, G. S., Bazarbaeva, G. A. (eds.). *Metallicheskie kotly rannikh kochevnikov Zhetysu (Metal cauldrons of early nomads of Jetisu).* Almaty: Institute of Archeology named after. A.Kh. Margulan, 33–53 (in Russian).

Tashbaeva, K. I. 2011. *Kul'tura rannikh kochevnikov Tyan'-Shanya i Alaya (I tys. do n.e.) (Culture of early nomads of the Tian Shan and Alai (I millennium BC))*. Bishkek: "Ilim" Publ. (in Russian).

Shulga, P. I. 2010. *Sintszian v VIII–III vv. do n.e. Pogrebalnye kompleksy. Khronologiia i periodizatsiia (Xinjiang in the VIII–III centuries BC (Sepulchral complexes. Chronology and periodization)).* Barnaul: Altai State University (in Russian).

2007. In *Xinjiang wenwu (Cultural relics of Xinjiang)* (2), 1–15 (in Chinese).

2021 In *Xinjiang kaogu (Archaelogy of Xinjiang)* (1), 200–242 (in Chinese).

2020. In *Kaogu (Archaeology)* (12), 3–20 (in Chinese)

2012. In *Kaogu (Archaeology)* (9), 30–36 (in Chinese)

2013. In *Xinjiang wenwu (Cultural relics of Xinjiang)* (2), 11–24 (in Chinese).

2017. In *Xinjiang wenwu (Cultural relics of Xinjiang)* (1), 4–14 (in Chinese).

2006. In *Xinjiang wenwu (Cultural relics of Xinjiang)* (1), 1–40 (in Chinese).

About the Author:

Ivanov Sergei S., Candidate of Historical Sciences,Kyrgyz National University. Frunze str., 547, Bishkek, 720033, Kyrgyzstan; sak@yandex.ru

Статья поступила в журнал 30.03.2026 г.
Статья принята к публикации 15.04.2026 г.

УДК 903.1 903.2 903.023 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.310.323

ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТУДОЗЕРЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОЙ ПЕРИФЕРИИ АНАНЬИНСКОГО МИРА

© 2026 г. М.В. Иванищева, А.А. Иванищева

Историко-культурная ситуация в раннем железном веке на северо-западе лесной полосы описана рядом исследователей как культурная трансформация, связанная с продвижением в середине I тыс. до н.э. групп средневолжского ананьинского населения в этом направлении с формированием культур/ керамических комплексов гибридного характера. Выявлению специфики этого процесса в Южном Прионежье на водоразделе верхневолжского, балтийского и беломорского бассейнов посвящено данное исследование. В статье представлены материалы раннего железного века многослойного поселения Тудозеро-V на северо-западе Вологодской области, исследованного А.М. Иванищевым в 1986-2005 годах. Керамика поселения, впервые рассмотренная в данной статье, соответствует описанной исследователями позднекаргопольской археологической культуре и позволяет предполагать неоднократное возобновление поселения на песчаной косе-кенде между озерами Онежское и Тудозеро.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Вологодская область, южное Прионежье, поселение Тудозеро-V, инвентарь, керамика, Позднекаргопольская археологическая культура.

EARLY IRON AGE SETTLEMENT AT TUDOZERO IN THE CONTEXT OF THE CULTURAL SITUATION ON THE NORTHERN PERIPHERY OF THE ANANYINO WORLD

M.V. Ivanishcheva, A. A. Ivanishcheva

The historical and cultural situation in the Early Iron Age in the northwestern forest zone have been characterized by several researches as a cultural transformation driven by the expansion of the Middle Volga Ananyino groups in the middle of the I millennium BC, which led to the emergence of hybrid cultural and ceramic complexes. This study examines the specific manifestations of this process in the Southern Onega region, situated at the watershed of the Upper Volga, Baltic, and White Sea basins. The article presents Early Iron Age materials from the multi-period settlement of Tudozero-V in northwestern Vologda region, excavated by A.M. Ivanishchev between 1986 and 2005. The pottery assemblage, published here for the first time, aligns with the Late Kargopol archaeological culture as defined in previous research and indicates repeated reoccupation of the site on a sandspit (Kenda) between Lake Onega and Lake Tudozero.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Vologda region, Southern Onega region, Tudozero-V settlement, inventory, ceramics, Late Kargopol archaeological culture

Историко-культурная ситуация в раннем железном веке на северо-западе лесной полосы описана рядом исследователей как культурная трансформация, связанная с продвижением в середине I тыс. до н.э. групп средневолжского ананьинского населения в этом направлении с формированием культур/ керамических комплексов гибридного характера. Ареал Ананьинской историко-культурной области (АКИО) в последние десятилетия значительно расширен, прежде всего, вниманием исследователей к материалам многослойных памятников, в том числе и на территории современной Вологодской области, включающей реки Верхневолжского, Беломорского и Балтийского бассейнов. На территории Западного Беломорья (включая Белозерье, Карелию, Архангельскую область) современная версия развития событий представлена А.М. Жульниковым (Жульников, 2008), в границах верхневолжского бассейна (включая Мологo-Шекснинское междуречье) А.В. Новиковым (Новиков, 2022). В означенную область может быть включена вся протяженность р. Сухоны, являющейся магистральной дорогой, соединяющей территорию Вятско-Ветлужской АК АКИО с Посухоньем (Иванищева, 2023).

Поскольку исследователями была поставлена задача выделения специфических региональных черт/ локальных вариантов этой гибридной керамики, актуальным будет представление материалов этого времени, выявленных в Южном Прионежье на юго-восточном берегу Онежского озера.

Многослойное поселение Тудозеро-V в Вытегорском м.о. Вологодской области исследовано раскопками А.М. Иванищевым в 1986 - 2005 годах на площади 1300 м. кв., охватившей 3/4 наземной территории памятника. Поселение занимает участок песчаной косы между Онежским озером и озером Тудозеро (рис.1), соединенных протокой в 600 м севернее памятника.

Культурные слои на памятнике перекрыты дюнными отложениями на отдельных участках со стороны Онежского озера высотой до 1,5 м. Общая мощность вскрытых напластований достигает 3,5 м в местах древнего понижения рельефа. В нижнем уровне напластований выявлены слои позднего мезолита, два слоя раннего неолита разделенные стерильными прослойками. В верхнем уровне напластований, отеленным от нижнего уровня слоем рыже-желтого песка, исследованы слои раннего железного века и средневековья.

Культурный слой раннего железного века – черный песок в верхнем уровне отложений, распространен по территории раскопов неравномерно. Обьекты и материал РЖВ выявлены в центральной части памятника, где относительно ровная площадка располагалась между двумя возвышениями дюн, а мощность черного песка достигала 40 см. Со стороны Онежского озера и в северной части поселения черный песок залегал участками, а его мощность не превышала 10-15 см.

Хронологические рамки материалов слоя верхнего черного песка определяются двумя датами, полученными из объектов в северной наиболее возвышенной части поселения. В этой части слой черного песка оказался развеянным. Два разновременных объекта были устроены в западении от котлована полуземляночного жилища рубежа III-II тыс. до н.э., приуроченного к верхнему уровню рыже-желтого песка и использованного поздними насельниками (Иванищева, 2024). Дата из кострища в верхнем уровне отложений 1210+16 (кал. 760-900 гг. н.э.) определяет время наиболее раннего появления поселенцев эпохи средневековья с грубой лепной керамикой, в основном, распространенной в верхнем сером песке, перекрывающем черный песок. Дата из очага, расчищенного чуть ниже – 2710 ВР (калиброванная 900-815 гг. до н.э.), маркирует, по-видимому, переходное к раннему железному веку время, и, скорее всего, связана с сетчатой керамикой, в том числе, с орнаментальными композициями лебяжского стиля, распространенной в подстилающем черный розовом песке.

Наиболее сохранившийся участок слоя черного песка в центральной части поселения исследован раскопками полностью. Здесь выявлены две постройки, гончарный горн; плавильная яма и очаг, связанные с обработкой железа (рис.1). Ранее автором раскопок материалы РЖВ были частично опубликованы (Иванищев, 2005), в настоящем исследовании дополнены анализом комплекса керамики.

Постройка 1 в северной части размерами 16х6 м столбовой конструкции, вероятно, двухкамерная, имела заглубленную западную часть с двумя очагами. Постройка имела явно производственный характер, у очага в западной части обнаружены куски железной крицы, в восточной части – фрагмент льячки, железный наконечник стрелы, точильный брусок. В границах сооружения обнаружены не менее 6 развалов сосудов.

Постройка 2 в южной части близких размеров и конструкции с кострищем у западной стенки прослежена по размещению столбовых ям. В границах постройки обнаружены два железных наконечника стрел, развалы сосудов, сланцевое пряслице.

На северо-западной периферии поселения располагался комплекс производственных сооружений.

Гончарный горн был сооружен в 6 м от современного обрыва к Онежскому озеру. Верхний уровень сооружения представлял собой хозяйственную постройку прямоугольной формы со входом с южной стороны, вытянутую вдоль берегового обрыва. Внутренняя часть - прямоугольную яму, опущенную на глубину 1,7 м уступом, разделившим верхнюю и нижнюю части заглубления на две камеры с почти отвесными стенками. В центре ямы на уровне уступа прослежен воздуходувный канал в виде треугольного желоба, в основании желоба песок был прокален. Гипотетически этот элемент мог выполнять и функцию

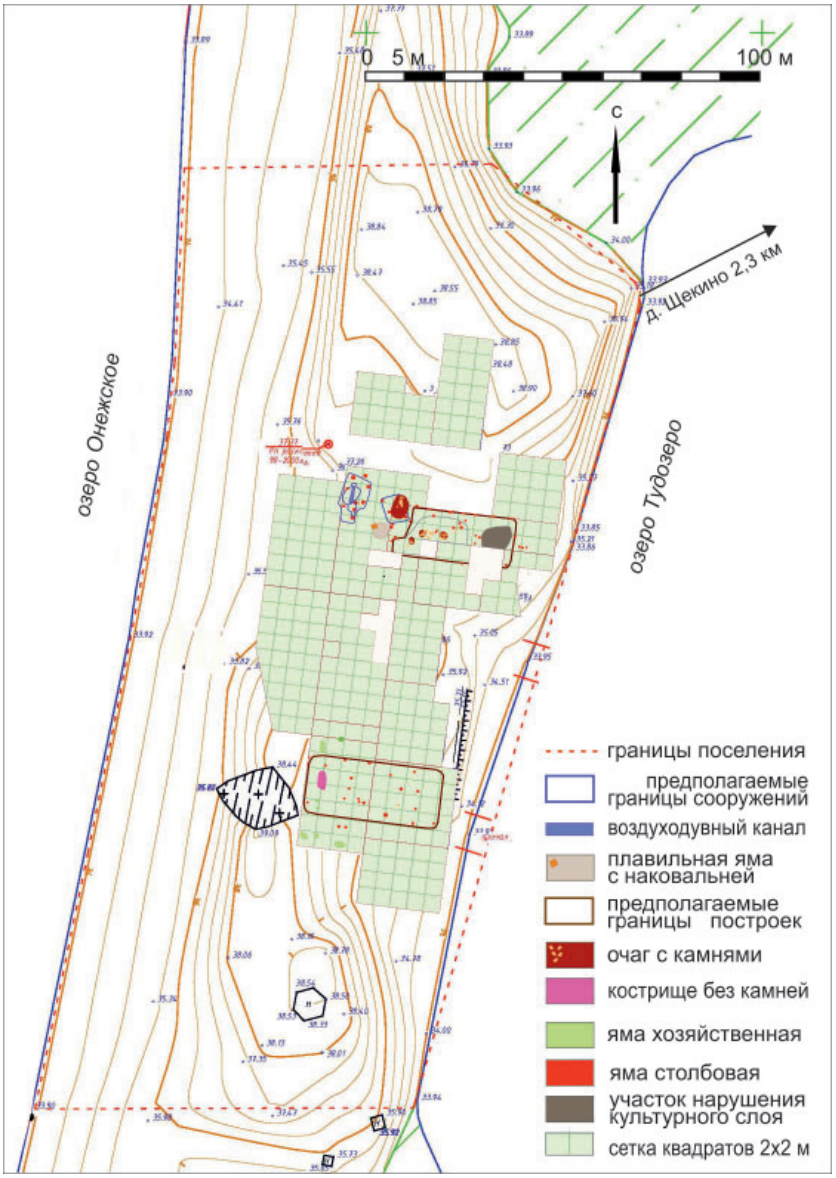


Рис. 1. Поселение Тудозеро-V. Объекты раннего железного века. План.
Fig. 1. Tudozero-V settlement. Objects of the Early Iron Age. Plan.

желоба для загрузки топлива в нижнюю камеру. На дне нижней камеры выявлены фрагменты углистых плашек и участки прокаленного грунта. На восточном уступе и склоне стенки нижней камеры, а, так же, на дне последней залегали развалы сосудов, фрагменты сосудов обнаружены и в засыпке ямы. Просушка сосудов могла осуществляться в верхнем хозяйственном отсеке сооружения. В верхней камере могли размещаться сосуды для обжига, нижняя выполняла функцию топочной камеры (Иванищев, 2005, с.45).

С получением кричного железа связана плавильная яма, устроенная в естественном (?) заглублении древней поверхности диаметром около 2 м глубиной 0,3-0,4 м, заполненная мешаным песком с углистыми прослойками. В заполнении ямы найдены лепешкообразные куски кричного железа, шлаки. На северо-западном краю заглубления располагалась плита-наковальня в виде гранитной плиты со следами выбоин. Севернее ямы исследован очаг с глубокой подочажной ямой, прорезавшей подстилающие слои на глубину 1,3 м, так же с углистыми прослойками, с песком и мелкими камнями в заполнении. Глубина ямы в данном случае, по-видимому, свидетельствует о неоднократной подправке очага и активной его эксплуатации. Эта конструкция окружена столбовыми ямами, возможно, от навеса или специализированной постройки. По-видимому, на поселении имел место

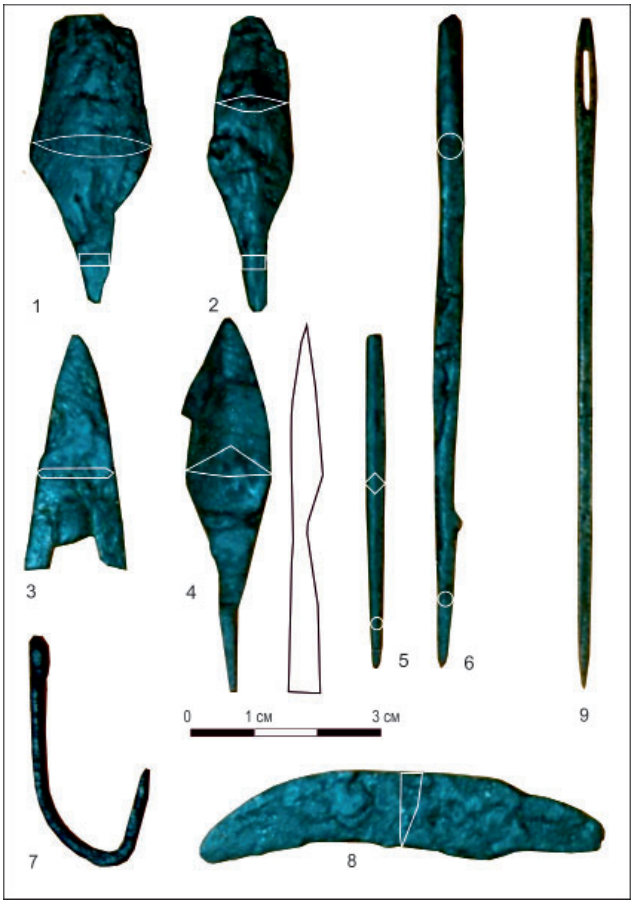


Рис. 2. Поселение Тудозеро-V. Металлический инвентарь: Железные наконечники стрел (1-4); шилья (5, 6), нож (7), рыболовный крючок (8), бронзовая игла (9). 1,2 – из постройки 2, 3-9 – из культурного слоя поселения.

Fig. 2. Tudozero-V settlement. Metal set: iron arrowheads (1-4); awls (5, 6), knife (7), fishing hook (8), bronze needle (9). 1,2 – from structure 2, 3-9 – from the cultural layer of the settlement.

полный производственный цикл по получению кричного железа, его кузнечной обработке и изготовлению изделий, последние операции могли производиться в специальной кузнечной мастерской, либо в жилищах. По территории поселения рассеяны 1,5 десятка неопределимых железных изделий или их обломки, шлаки.

В культурном слое и постройках выявлены орудия промысла, бытовой и хозяйственно-производственный инвентарь, украшения из камня, сланца, глины и металла, общим числом 76 предметов (Иванищев, 2005, с. 47-48), без учета фрагментов и развалов сосудов.

Определяющим для датировки памятника является металлический инвентарь. Железные наконечники стрел представлены 4 экземплярами, все черешковые. Два из них обнаружены в постройке 2. Один с пером треугольной формы (рис.2: *1*), другой с пером листовидной формы (рис.2: *2*). Аналогичные по форме изделия имеются в древностях ананьинской культуры, где происходят из погребальных комплексов VII- VI вв. до н.э. (Халиков, 1977, с. 215-217). В дьяковских древностях подобные изделия появляются в IV-III вв. до н.э. (Патрушев, 2011, с. 26), бытуют до первых веков н.э. (Дубынин, 1974, с. 228-229; Кренке, 2011, с. 56). Известны подобные изделия в погребальных и поселенческих комплексах в Юго-Западном Белозерье. Наконечники с листовидной и треугольной формой пера происходят из погребального сооружения, предшествовавшего «домику мертвых» II-I вв. до н.э. на Куреванихе XX на р. Мологе (Башенькин, 1996, с. 142, 148, рис.5: *1,2,5*). Двушипный плоский наконечник (рис.2: *3*) происходит из нарушенной поздней ямой восточной части постройки 1 и связь его с комплексом керамики из сооружения не очевидна. Изделия известны в дьяковских и ананьинских древностях, многочисленны на памятниках раннего железного века в Юго-Западном Белозерье, бытуют в I-IV вв. н.э. Наконечник с развернутым пером ромбовидной формы (рис.2: *4*), имеет перо с коническим завершением, на грани пера – шип; черешок раскован. Обнаружен у плавильной ямы в кострище с включением кальцинированных костей и фрагментов шлаков. Аналогии автору неизвестны, возможно, является продуктом местного производства.

Нож небольших размеров серповидной формы с выпуклой дугообразной спинкой и вогнутым лезвием (рис.2: *8*) происходит из центральной части поселения, аналогии имеют широкий диапазон бытования с VI-IV вв. до н.э. по II-III вв. н.э. как в дьяковских древностях (Дубынин, 1974, с. 227), так и в древностях ананьинской культуры. Шилья представлены двумя целыми экземплярами и несколькими обломками. Одно длинное с округлым сечением (рис.2: 6), другое короткое с квадратной расковкой второй половины (рис.2: *5*) найдены в культурном слое поселения, один обломок предмета происходит из постройки 2.

В культурном слое поселения обнаружен железный крючок с петлей для привязывания без шипа на конце с полукруглым отги-

Рис. 3. Поселение Тудозеро-V. Бытовой и производственный инвентарь: точильный брусок (1), пряслице (2), фрагмент диска (3), подвески (4-6) из сланца; фрагменты льячки (7), тигля (8), грузила (9) и миниатюрный сосуд (10) из глины. 1,7 – из постройки 1; 2 – из постройки 2; 3, 8-10 – из культурного слоя поселения.

Fig. 3. Tudozero-V settlement. Household and production equipment: groundstone, (1), spindle whorl (2), fragment of disc (3), pendants (4-6) made of slate; fragments of lyachka (clay ladle for pouring molten metal) (7), crucible (8), sinker (9), and a miniature vessel (10) made of clay. 1,7 – from structure 1; 2 – from construction 2; 3, 8-10 – from the cultural layer of the settlement.

бом (рис.2: *7*), подобные изделия известны в дьяковских древностях (Смирнов, 1974, с. 35) и бронзовая игла с ушком (рис.2: *9*). В ананьинских древностях бронзовые иглы относят к поздней бронзе - началу РЖВ (Халиков, 1977, с. 151), в южном Приладожье они встречены на поселении Шкуркина Гора, существовавшем в IX-III вв. до н.э. (Юшкова, 2011, с. 58, 61), отдельные экземпляры происходят с дьяковских городищ Мамоново и Лесничево, так же с широкой датой VIII-III вв. до н.э. (Смирнов, 1974, с. 43). Производственный инвентарь: фрагмент глиняной льячки (рис.3: 7) из постройки 1 и фрагмент тигля (рис. 3: *8*) из культурного слоя поселения, уверенно указывают на местную обработку цветного металла. Бытовой инвентарь из постройки 1 представлен сланцевыми бруском с пазом от заточки изделий, пряслицем, фрагментом диска (рис.3: *1, 2, 3*), из культурного слоя поселения происходят сланцевые подвески (рис.3: *4-6*), часть грузила из глины и миниатюрный чашевидный сосуд с ямчатым орнаментом (рис.3: 8-10). В целом, поднятый инвентарь и выявленные сооружения свидетельствует о местной обработке черного и цветного металла.

По совокупности бытования металлических изделий поселение может быть датировано в широких хронологических рамках середины I тыс. до н.э. – I-ми веками н.э. Для уточнения хронологии и этапов функционирования поселения нами был выполнен анализ распределения керамики по площади раскопов, что позволило увязать определенные группы посуды с выявленными сооружениями.

Всего обнаружено 1700 фрагментов керамики, принадлежащих не менее чем 60 сосудам. Керамика, в основном, с заглаженной/штрихованной поверхностью, большей частью плоскодонная, с бордюрным орнаментом в верхней части, изготовлена из глины с примесью дресвы, иногда крупной. Для реконструкции форм и орнаментальных композиций пригодны 44 сосуда, о них и пойдет речь ниже.

Мы выделили три группы сосудов по их размерности и форме, в каждой из которых есть единичные - индивидуальные изделия.

Группа 1 (*18 сосудов*) Плоскодонные горшки крупных размеров с диаметром венчика 24-30 см, такой же или чуть меньшей высоты, с прямой или слегка профилированной верхней частью и одутловатыми стенками. Стандартные размеры плоских днищ 10-12 см, есть донца с закраиной и прямонаклонные (рис.4: *1-8*). В числе крупных единично представлены сосуды усеченно-конической формы стройных пропорций, у которых диаметр

днища не более 1/3 диаметра устья, с прямым или слегка прогнутым (S-видным) венчиком (рис.4: *9, 10*). Для большинства сосудов этой группы характерны двухэлементные композиции из геометризованных оттисков гребенчатого штампа (горизонтальный зигзаг, в том числе сдвоенный и разнонаправленный, образующий визуально фигуру типа ромб), дополненные короткими оттисками того же штампа или тычковыми вдавлениями, одинарными или сдвоенными, в углах зигзага или в центре визуальных ромбов (рис.4: 1-6). Есть и одноэлементные композиции из ямчатых поясков в виде оттиска «овальной лапки» (рис.4: *7, 8*) и тычков в виде перевернутой капли - «слезки», в том числе парных (рис.4: 9). Большинство сосудов этой группы происходят из центральной части поселения.

Группа-2 (*16 сосудов)* Плоскодонные горшки средних размеров с диаметром венчика 15-18/20 см, так же с прямой или профилированной верхней частью, с плоскими донцами 8-10/12 см с закраиной и прямонаклонными (рис.5). В числе этой группы единично встречаются горшки с выраженной короткой прямой шейкой и округлыми боками - «бочонковидные» (рис.5: 10-12), а, так же, сосуды с высоким плечиком и днищами чуть меньшего размера диаметра венчика - почти банковидной формы (рис.5: 3, 8, 9). Аналогии этим формам сосудов имеются в керамике нижнего слоя Дьякова городища среди сетчатой и гладкостенной керамики (тип 3 а, б и сосуды переходных форм, по Кренке, 2011, с.111-112). Дата нижнего слоя «В» V(IV) – III вв. до н.э. (Кренке, 2011, с. 143). Там же известны и баночные сосуды (тип 4 по Кренке) происходящие из верхнего уровня этого слоя. Орнаментация посуды этой группы представлена, в основном, одноэлементными простыми композициями из горизонтальных зигзагов, одинарных, сдвоенных, разнонаправленных, выполненных оттисками гребенчатого или гладкого штампа (рис. 1-4, 8, 10, 14-15); из поясков двузубого штампа/ он же «парные слезки», в том числе сгруппированных в «городки» (рис.5: *5- 7, 12, 13*) или ямок - «розеток» / с неровным дном (рис.5: *9*). На одном сосуде с гребенчатым орнаментом на венчике выделен воротничок (рис.5: 2), на сосудах с тычковым, резным и ямчатым орнаментом таковых нет. Два сосуда из этой группы с ямками - «розетками» и резным горизонтальным зигзагом имеют вертикальные расчесы на внешней поверхности (рис.5:8, 9), обнаружены в границах постройки 2.

Группа 3. Сосуды крупных размеров, с высокой шейкой и выпуклыми боками, по-видимому, круглодонные. Хотя округлых днищ не было найдено, форма сосудов устанавливается по профилировке верхней части изделий, не безусловно. Эти сосуды единичны, найдены только в постройках и в гончарном горне (рис.6: *2(?), 4, 5*). Среди округлодонной посуды выделяются сосуды с отличной от других изделий примесью: один из постройки 1 с орнаментом из 3-х разнонаклонных поясков двудольного штампа, в составе формовочной массы имел примесь слюды и дресвы (рис.6: *4*). Другой из гончарного горна, орнаментированный поясками сгруппированных ямок, выполненных полой костью – с дресвой и органикой (рис.6: 5). Из сооружений происходят сосуды, в том числе плоскодонные, со сложными многокомпонентными орнаментальными композициями, выполненными оттисками гребенчатого штампа (горизонтальный зигзаг, в том числе строенный; наклонные ряды с группировкой по 2 или 3 отрезка, в том числе в рамке; горизонтальные линии) и поясками небольших ямчатых наколов (одинарных или сгруппированных по три и более, в треугольные фигуры) (рис.6: *1, 3, 6*). На плоскодонном сосуде из постройки 1 сложная орнаментальная композиция сопряжена с имитацией воротничка-валика на венчике изделия (рис.6: *7*). Выделяется сосуд со сложной орнаментальной композицией из 3 мотивов, выполненных одним инструментом: пояски от протащенного гребенчатого штампа обрамлены горизонтальными зигзагами и рядами вертикальных оттисков штампа, расположенных в шахматном порядке (рис.6: *2*). Поверхность сосуда заглажена в верхней части, в нижней части – пещристая. Фрагменты этого сосуда обнаружены и в гончарном горне, и в постройке 1, как и еще одного изделия с ямчатым узором, что подтверждает отнесение этих сооружений к единому комплексу.

Сосуды, орнаментированные протащенным штампом, происходят так же из постройки 2 и культурного слоя поселения, с учетом вышеописанного, их не более 10. Отметим схожесть орнаментальных композиций из поясков протащенного штампа, обрамленных

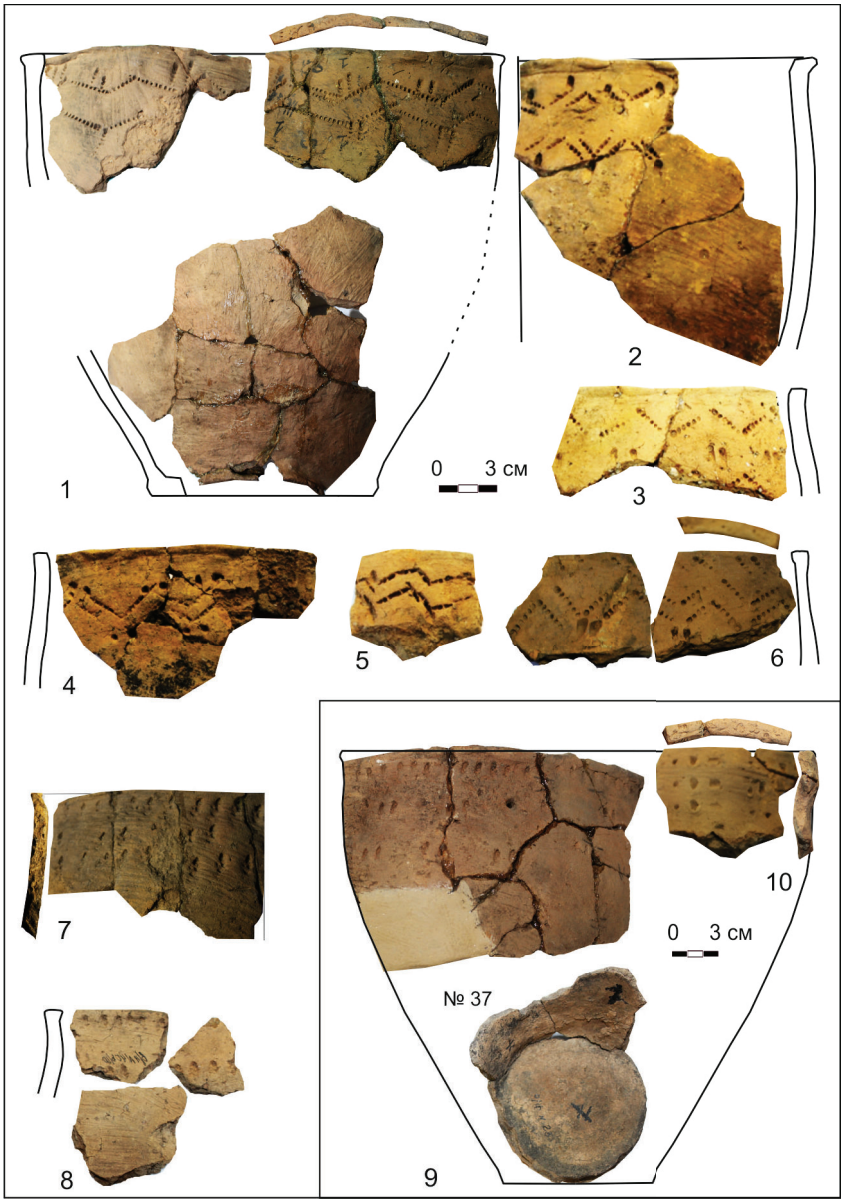


Рис. 4. Поселение Тудозеро-V. Сосуды группы 1.
Fig. 4. Tudozero-V settlement. Vessels from group 1.

гребенчатыми зигзагами на сосудах группы 1 и 2 (рис.7: 5, 8), наличие сгруппированных элементов на сосудах с подобной орнаментацией – сдвоенных парных «слезок» (рис. 7: 1), плоскодонных ямок (рис.7: *3*), а так же наличие валиков (рис.7: *2, 4*) и воротничков (рис.7: *7*) на венчиках изделий.

Общим для всех групп посуды, за исключением ранее отмеченных особенностей, является обработка поверхности заглаживанием травой или твердым инструментом, отчего на внешней поверхности сосудов хорошо заметны «расчесы» неупорядоченные, горизонтальные, редко вертикальные. Внутренняя поверхность большинства сосудов так же имеет следы расчесов. Орнамент располагался в верхней трети сосуда, на единичных сосудах сложные композиции из 2-3-х мотивов распространялись до половины изделия. Часть сосудов имела орнамент на срезе венчика, как правило, это сосуды с двухэлементными орнаментами, но есть и на сосудах с простыми композициями из тычков. В части форм и технологии изготовления посуды следует отметить незначительное число округлодонных сосудов со сложным рецептом формовочной массы, незначительное число рельефных элементов оформления верхней части (воротнички, валики), распространенных как на округлодонной, так и на плоско-

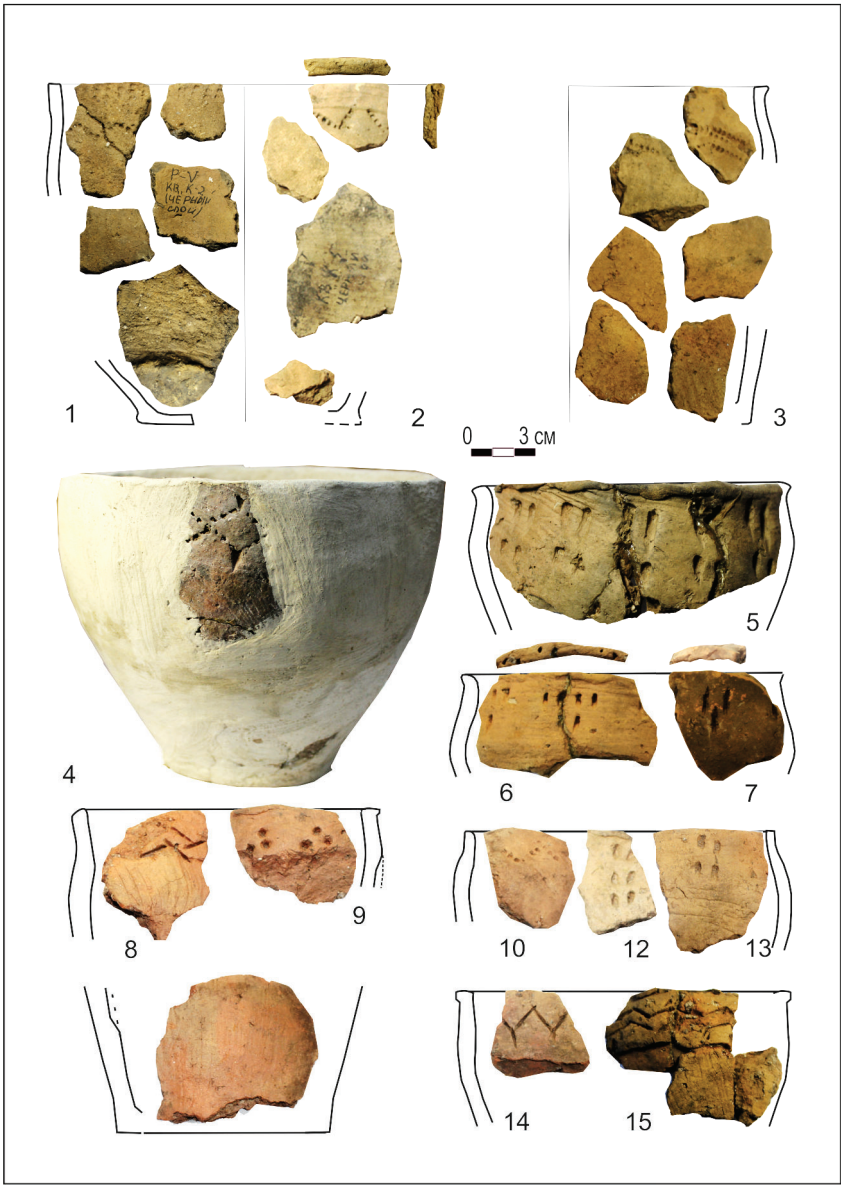


Рис. 5. Поселение Тудозеро-V. Сосуды группы 2.
Fig. 5. Tudozero-V settlement. Vessels from group 2.

донной посуде; единичность бочонковидных и банкообразных форм.

В стилистике орнаментации, как и в формах сосудов, явно прослеживаются черты гибридизации традиций различных культур.

Сочетание элементов орнамента, восходящих к культуре сетчатой керамики эпохи бронзы: резные и гребенчатые зигзаги; свойственных дьяковской орнаментальной традиции: парные слезки, вдавления в виде «овальной лапки» и ямки - «розетки»; местных технологических модификации ананьинских узоров в виде поясков протащенного штампа наряду с группировкой ямчатых элементов, в том числе ямок с плоским дном, соответствует описанному исследователями онежско-каргопольскому локальному варианту позднекаргопольской археологической культуры, отличному от других большим количеством элементов, свойственных субстратной культуре сетчатой керамики и наличием элементов, присущих дьяковской орнаментике. Характерными для локального варианта являются мотив из расположенных в шахматном порядке коротких зубчатых оттисков, наряду с орнаментами из гребенчатых зигзагов с вдавлениями в углах, специфическими являются композиции из ромбов, коротких гребенчатых отрезков, соединенных ломаными линиями (Косменко, 1992, с. 182-183; Косменко, 2014, с. 297-298;

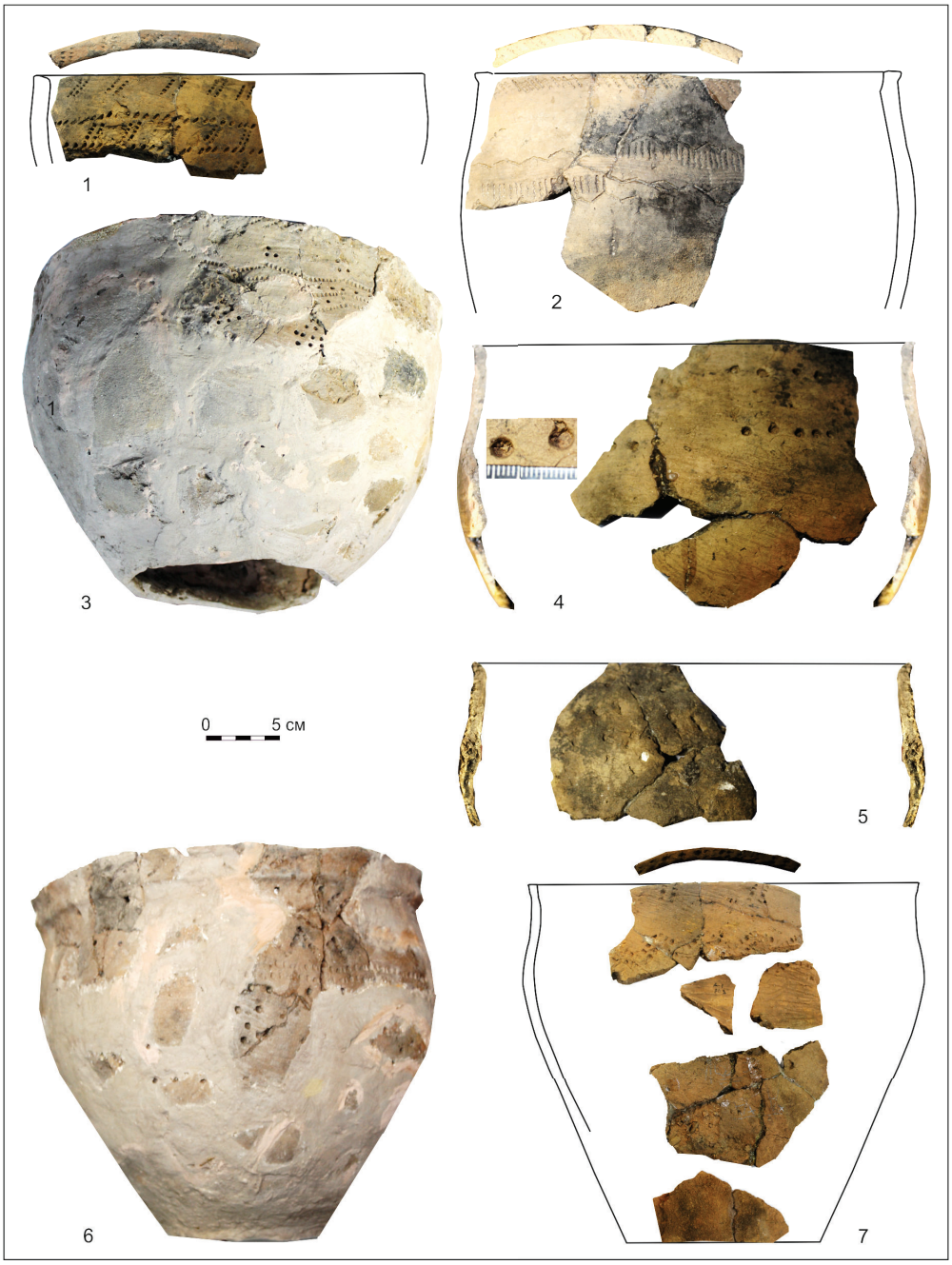


Рис. 6. Поселение Тудозеро-V. Сосуды из гончарного горна (1-4) и постройки 1 (5-7).
1-3, 6,7 – примесь дресвы; 4 – примесь органики и дресвы; 5 – примесь слюды и дресвы.
Fig. 6. Tudozero-V settlement. Vessels from the pottery kiln (1-4) and structure 1 (5-7).
1-3, 6,7 – grit-temper; 4 – inclusions of organic and grit; 5 – inclusions of mica and grit.

Манюхин, 1996, с. 238). Ближе всего, почти идентичен, тудозерскому, комплекс керамики поселения Муромское VII на восточном берегу Онежского озера, исследованного М.Г. Космено и датированного в широких хронологических рамках с IV-III вв. до н.э. по II-III вв. н.э., где единичные сосуды с протащенным штампом связывают с контактами с культурой лууконсаари (Космено, 1982, с. 74-80, 83). В нашем случае значительное присутствие подобных сосудов в тудозерском керамическом комплексе так же можно объяснить контактами с соседями с западного побережья Онежского озера. Не случайно именно посуде с протащенным штампом в большей степени свойственны опосредованные ананьинские элементы с группировкой ямок, воротничами и валиками, а округлодонные сосуды имеют

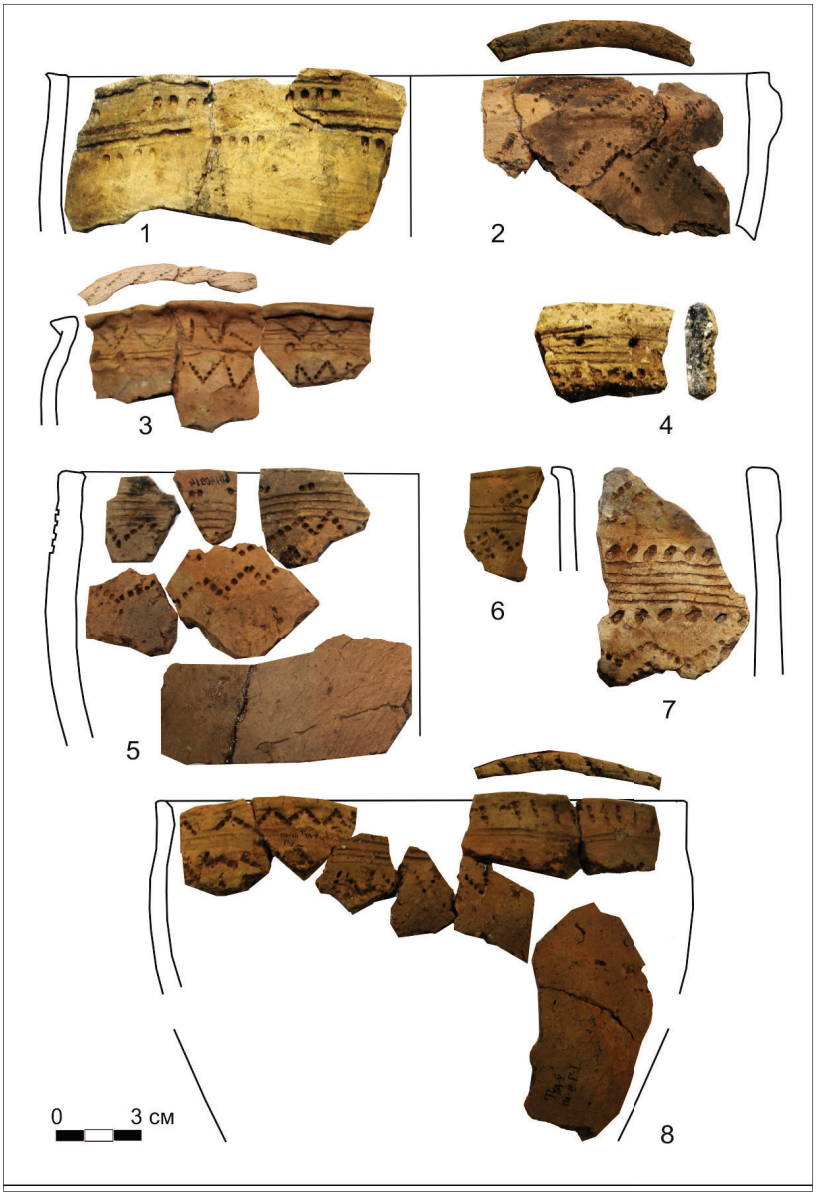


Рис. 7. Поселение Тудозеро-V. Сосуды из постройки 2 (1-4) и культурного слоя (5-8).
Fig. 7. Tudozero-V settlement. Vessels from structure 2 (1-4) and the cultural layer (5-8).

сложный состав формовочной массы с примесью слюды и органики, так же характерной для культуры лууконсаари.

Особенностью тудозерского комплекса является отсутствие в раскопах керамики со шнуровыми оттисками, которую карельские археологи включают в состав позднекаргопольской культуры. Такая керамика в числе 4-5 сосудов обнаружена на берегу Онежского озера и происходит из размытого культурного слоя стоянки Устье-Тудозерское (Протока) в 600 м севернее поселения Тудозеро-V. Один фрагмент происходит из шурфа на подтопленном поселении Тудодозеро-VIII на островке в тудозерском заливе Щучья Тоня, в сухие годы отделенном от дюны 100-метровой заболоченной низиной. Высота поверхности островка на 4-5 м ниже поверхности дюны. Керамика, поднятая на берегу Онежского озера, представлена венчиками сосудов с гребенчато-шнуровой и шнуровой, расчлененной пояском ямчатых вдавлений орнаментацией (рис. 8: 1, 2), в том числе с оттисками толстого шнура (рис.8: 3-5). Такая керамика типична для западного ареала Вятско-Ветлужской культуры АКИО (Новиков, 2017, с. 60-61), встречается с гибридной керамикой середины-третьей четверти I тыс. до н.э. на памятниках Молого-Шекснинского междуречья, в центральном Белозерье и на верхней Сухоне

Рис. 8. Поселение Устье Тудозерское (Протока). Фрагменты сосудов с гребенчато-шнуровым и шнуровым орнаментом. Подъемный материал.
Fig. 8. Ustye Tudozerskoe (Protoka) settlement. Fragments of vessels with comb-corded decoration and corded pattern. Surface finds.

– территориях. с связанных с верхневолжским бассейном (Новиков, Недомолкина, 2021, Новиков, 2022, Новиков, 2024).

Здесь видимо, необходимо сделать небольшой историографический экскурс. Генезис и хронологию позднекаргопольской археологической культуры исследователи оценивают неоднозначно. С.В. Ошибкина относит сложение этих древностей к концу II тыс. до н.э. на основе местного населения эпохи поздней бронзы с сетчатой керамикой, при незначительном участии групп ананьинского населения, продвинувшегося с камско-ветлужских городищ в VII-VI вв. до н.э. Предполагая наличие крупных поселений этой культуры в Восточном Прионежье в начале I тыс. до н.э., конец древностей относит к V-IV вв. до н.э., связывая его с резким ухудшением климата и подтоплением ранее занятых населением территорий (Ошибкина, 1975).

Карельские археологи относят ранний этап культуры к середине–второй половине I тыс. до н.э., поздний – к рубежу эр - 6-7 вв. н.э. (Косменко, 1992, с. 181-182), связывая ее формирование с распространением на северо-запад ананьинского культурно-хронологического пласта древностей (Манюхин, с. 237). В то же время, А.М. Жульников выделяет ананьинскую керамику с гребенчато-шнуровой орнаментацией в отдельный пласт в комплексах РЖВ Западного Беломорья, предполагая, продвижение отдельных групп ее носителей на территорию Карелии в VII-V вв. до н.э. с двух направлений: из бассейна Северной Двины через побережье Белого моря с керамикой типа Красная Гора - с валиками, воротничками и группировкой ямок; и с верхневолжского направления с керамикой типа Водоба - без воротничков и валиков, но при наличии оттисков толстого шнура, и «дьяковских» парных отпечатков в виде «слезки» (Жульников, 2008, с. 40, 41). Тудозерский комплекс, по-видимому, подтверждает предположение исследователя о том, что керамику с гребенчато-шнуровой орнаментацией следует рассматривать как отдельный пласт памятников, дополнительное обоснование получает и представление о двух путях продвижения ананьинского населения в этот регион. Гибридная керамика тудозерской косы имеет воротнички и валики. Керамика с берега Онежского озера – орнаментацию толстым шнуром.

Отсутствие керамики круга АКИО в раскопах может быть косвенным основанием для датировки нашего комплекса временем, не ранее середины I тыс. до н.э. Рискнем предположить, что поселения с керамикой ананьин-

ского круга располагались на более низких гипсометрических отметках и в период наибольшей увлажненности (около 500 г. до н.э.) оказались размытыми. По мнению С.В Ошибкиной, именно ухудшение климатических условий оказалось «катастрофическим» для населения позднекаргопольской культуры (Ошибкина, 1975, с. 24). Население, унаследовавшее в изготовлении посуды определенные черты ананьинского гончарства, вынуждено было организовывать свои поселения на более возвышенных местах, таких как Тудозерская коса-кенда. Правда, выбор возвышенных мест мог быть обусловлен и производственной необходимостью в устройстве горнов для производства железа на хорошо проветриваемых местах для использования потоков воздуха/ветра для усиления горения угля (Жульников, 2023, с. 37).

Основной комплекс поселения на Тудозере с постройками и производственными сооружениями можно отнести к третьей четверти I тыс. до н.э., предполагая возобновление функционирования поселения в 1-е вв. н. э., чему не противоречит металлический инвентарь, в том числе обнаруженный в переотложенном состоянии двушипный наконечник стрелы, в рамках рассмотренных выше датировок наиболее поздний. Нельзя исключить существование поселения и в первой половине I тыс. до н.э. Отметим, что по наблюдениям С.В. Ошибкиной, узоры из длинной гребенки чаще применялись на ранней керамике с заглаженной поверхностью (Ошибкина, 1975, с. 19), а сосуды группы 1, в нашем случае с подобным орнаментом, обнаружены, в основном, в центральной части поселения за пределами построек. Время появления железоделательного производства, скорее всего, относится к IV-III вв. до н.э., именно этим временем датируют начало массового производства сыродутного железа в каменных горнах и ямах на территории Карелии, в том числе и на восточном побережье Онежского озера (Жульников, 2023, с. 37).

ЛИТЕРАТУРА

Башенькин А.Н. «Домик мертвых» Куреваниха-XX на р. Мологе // Древности Русского Севера. Вып. 1 / Ред. А.Н. Башенькин, В.Я. Шумкин. Вологда: Ардвисура, 1996. С. 141–150.

Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 90–197.

Жульников А.М. Западное Беломорье в эпоху раннего железа: динамика межкультурного взаимодействия // РА. 2008. № 4. С. 34–42.

Жульников А.М. Новые данные о производстве железа в Восточной Фенноскандии во второй половине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2023. № 5 (63). С. 30–40.

Иванищев А.М. Комплексы раннего железного века поселения Тудозеро-V // Археология Севера: материалы археологических чтений памяти С.Т. Еремеева (25 февраля 2004 г.) / ред. А.В. Кудряшов. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2005. С. 42–54.

Иванищева М.В. Восточный компонент в материалах эпохи бронзы-раннего железного века Средней и Нижней Сухоны // Археология Евразийских степей. 2023. № 2. С. 72–85.

Иванищева М.В. О месте керамической посуды с примесью асбеста в позднеэнеолитических комплексах чирковской (фатьяноидной) керамики в Южном Прионежье // Асбест в культуре древнего человека / сост. А.М. Жульников и др. Петрозаводск: ПетрГУ, 2024. С. 132–154.

Косменко М.Г. Комплексы эпохи железа и раннего средневековья на многослойном поселении Муромское VII // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии / Науч. ред. Г. А. Панкрушев. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1982. С. 70–93.

Косменко М.Г. Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. 220 с.

Косменко М.Г. Основные принципы, практическая методика и результаты анализа керамики в западной части ананьинского культурного ареала // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 388–402.

Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 546 с.

Манюхин И.С. Позднекаргопольская культура // Археология Карелии / Отв. ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочкуркина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. С. 220–238.

Новиков А.В. Поселения РЖВ Костромского Поволжья: (к вопросу об ареале ананьинской культурно-исторической области) // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 49–69.

Новиков А.В. Культурная трансформация на Верхней Волге в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 382–405.

Новиков А.В. Керамические комплексы поселения Водоба II в контексте представлений о раннем железном веке Белозерья // Поволжская археология. 2024. № 1 (47). С. 110–124.

Новиков А.В., Недомолкина Н.Г. Керамика позднего периода эпохи бронзы– раннего железного века поселения Векса I (по материалам исследований 2007-2008 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 12 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. С. 353–374.

Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура дьяковских городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7–75.

Ошибкина С.В. Краткая характеристика позднекаргопольской культуры // КСИА. Вып. 142 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 18–24.

Патрушев В.С. Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени / Археология Поволжья и Урала: материалы и исследования. Вып. 2. Казань: Фолиант, 2011. 276 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Юшкова М.А. Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России. Дисс… канд. ист. наук. СПб., 2011. 386 с.

Информация об авторах:

Иванищева Марина Викторовна, Восточно-Прионежская АЭ (г. Вологда, Россия); marin-ivanishhev@yandex.ru

Иванищева Анна Александровна, главный специалист по работе с ИКТ АУ ВО «Вологодский областной информационный центр» (г. Вологда, Россия); anchik.iv@yandex.ru

REFERENCES

Bashenkin, A. N. 1996. In Bashenkin, A. N., Shumkin, V. Ya (eds.). *Drevnosti Russkogo Severa (The Antiquities of the Russian North)* 1. Vologda: “Ardvisura” Publ., 141–150 (in Russian).

Dubynin, A. F. 1974. Krasnov, Yu. A. (ed.). *D’iakonovskaia kul’tura (Dyakovo Culture).* Moscow: “Nauka” Publ., 90–197 (in Russian).

Zhul’nikov, A. M. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 34–42 (in Russian).

Zhul’nikov, A. M. 2015. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 63 (5), 30–40 (in Russian).

Ivanishcheva, M. V. 2005. In Kudryashov, A. V. (ed.). *Arkheologiya Severa (Archaeology of the North).* Cherepovets*:* Cherepovets State University, 42–54 (in Russian).

Ivanishcheva, M. V. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 72–85 (in Russian).

Ivanishcheva, M. V. 2024. In Zhul’nikov, A. M. et al. (comp.). *Asbest v kulture drevnego cheloveka (Asbestos in ancient human culture).* Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 132–154 (in Russian).

Kosmenko, M. G. 1982. In Pankrushev, G. A. (ed.). *Poseleniia kamennogo veka i rannego metalla v Karelii (Stone Age and Early Metal Age settlements in Karelia).* Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences, 70–93 (in Russian).

Kosmenko, M. G. 1992. *Mnogosloynye poseleniya yuzhnoy Karelii (Multilayered settlements of Southern Karelia).* Petrozavodsk: Karelian Research Center RAS Publ. (in Russian).

Kosmenko, M. G. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan’inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud’by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: “Otechestvo” Publ., 388–402 (in Russian).

Krenke N. A. 2011. *Dyakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e.* (*Dyakovo Hillfort: culture of the population of the basin of the Moscow river in the I Millennium BC – I Millennium BC*). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Manyukhin, I. S. 1996. In Kosmenko, M. G., Kochkurkina, S. I. (eds.). *Arkheologiya Karelii (Archaeology of Karelia).* Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS, 220–238. (in Russian).

Novikov, A. V. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 49–69 (in Russian).

Novikov, A. V. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 382–405 (in Russian).

Novikov, A. V. 2024. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 47 (1), 110–124 (in Russian).

Novikov, A. V., Nedomolkina, N. G. 2021. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 12. Tver: Tver State United Museum, 353–374 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1974. In Krasnov, Yu. A. (ed.). *D'iakovskaia kul'tura (Dyakovo Culture).* Moscow: "Nauka" Publ., 7–75 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1976. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 142. Moscow: "Nauka" Publ., 18–24 (in Russian).

Patrushev, V. S. 2011. *Mogil'niki Volgo-Kam'ia ranneanan'inskogo vremeni (Burial Grounds of the Volga-Kama Region of the Early Ananyino Period).* Series: Arkheologiia Povolzhia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 2. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Yushkova, M. A. 2011. *Epokha bronzy i rannii zheleznyi vek na Severo-Zapade (The Bronze Age and Early Iron Age in Northwestern Russia).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Saint Petersburg (in Russian).

About the Authors:

Ivanishcheva Marina V., East Prionezhskaya Archaeological expedition, Vologodskaya Str., 10a, Vologda, 160010, Russian Federation; marin-ivanishhev@yandex.ru

Ivanishcheva Anna A., Vologda Regional Information Center. Zosimovskaya str. 54A, Vologda, 160000, Russian Federation; anchik.iv@yandex.ru

Статья поступила в журнал 13.03.2026 г.
Статья принята к публикации 01.04.2026 г.

УДК 904.59 (470.5+571.1) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.324.341

О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИЯХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ КАМЕНСКОЙ И ПРОХОРОВСКОЙ (РАННЕСАРМАТСКОЙ) КУЛЬТУР В IV-III ВВ. ДО Н. Э.[1]

©2026 г. П.И. Шульга

В статье представлены предварительные результаты сравнительного анализа материалов каменской культуры Обь-Иртышского междуречья и прохоровской культуры Южного Приуралья. Судя по имеющимся данным, в обеих культурах примерно в первой половине IV в. до н. э. начинают формироваться многомогильные курганы с круговой планировкой. Внешнее сходство планировки захоронений, расположения умерших и некоторых категорий инвентаря уже на раннем этапе изучения вызывало у исследователей Обь-Иртышского междуречья ассоциации с савромато-сарматами. Однако, в каменской культуре нет погребальных комплексов, явно привнесённых из Южного Урала, и наоборот. Многочисленные отличия в погребальном обряде и предметном комплексе указывают на отсутствие прямых связей в IV–III вв. до н. э. между прохоровской и каменской культурами. Достаточно указать на полное отсутствие в каменской культуре «западных» петельчатых удил и мечей, заменявшихся чеканами. Значительно больше сходства в расположении погребений, включающих круговую и линейную планировки. По всей видимости, истоки культур лежат в сакском мире. На это указывают и данные антропологии.

Ключевые слова: археология, Южное Приуралье, Обь-Иртышское междуречье, каменская и прохоровская археологические культуры, курганы, погребальный обряд, предметный комплекс.

ON THE SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF BURIAL COMPLEXES OF THE KAMENSKAYA AND PROKHOROVKA (EARLY SARMATIAN) CULTURES IN THE IV–III CENTURIES BC[2]

P.I. Shulga

The paper deals with the preliminary results of a comparative analysis of materials from the Kamenskaya culture of the Ob-Irtysh interfluve and the Prokhorovka culture of the Southern Urals. According to available data, both cultures began constructing multi-burial barrows with a circular layout around the first half of the IV century BC. The external similarity in burial layout, the arrangement of the deceased and certain categories of grave goods already at an early stage of study led researchers of the Ob-Irtysh interfluve to associate them with the Sauromatians-Sarmatians. However, the Kamenskaya culture does not contain any burial complexes clearly borrowed from the Southern Urals, and vice versa. Numerous differences in burial rite and set of artifacts indicate a lack of direct links between the Prokhorovka and Kamenskaya cultures in the IV–III centuries BC. It is sufficient to point the complete absence of "western" looped bits and swords in the Kamenskaya culture, which were replaced by hammer-axes. Much greater similarity is observed in the burial arrangements, including circular and linear layouts. These cultures apparently originate in the Scythian-Saka world. This is also supported by anthropological data.

Keywords: archaeology, Southern Urals, Ob-Irtysh interfluve, Kamenskaya and Prokhorovka archaeological cultures, barrows, burial rite, set of artifacts.

Тема сходства и различий каменской культуры, расположенной в юго-восточной части Обь-Иртышского междуречья, и прохоровской культуры Южного Приуралья в специальных работах не рассматривалась, хотя со стороны исследователей каменских курга-

[1] Статья подготовлена в рамках темыНИР П.И. Шульги - № НИОКТР 125021001869-3 «Общее и особенное в траекториях развития древних культур Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до средневековья»

[2] The paper was prepared as a part of research topic by P.I. Shulga - R&D No. 125021001869-3 "Common and specific features in the development trajectories of ancient cultures of the East and Southeast of Eurasia from the Stone Age to the Middle Ages"

нов всегда проявлялся интерес к савромато-сарматским древностям (Уманский, 1980; Могильников, Куйбышев, 1982, с. 133; др.). В частности, предполагалось проникновение на равнинный Алтай групп кочевников с Южного Урала, принесших в погребальную обрядность и материальную культуру савромато-сарматские черты (Могильников, Уманский, 1995, с. 24). Эти работы были замечены А.Д. Таировым, в краткой форме рассмотревшим указанные предположения (Таиров, 2004). По мнению исследователя, появление в Обь-Иртышском междуречье «шатровых надмогильных конструкций, диагональных погребений…, захоронений в подбоях…, жертвенной пищи в виде бока лошади или ноги барана», а также каменных жертвенников (алтариков), распространённых у сарматов типов зеркал и кинжалов, бронзовых колёсиков и других изделий не является результатом «савромато-сарматской миграции» из Южного Приуралья в Обь-Иртышское междуречье (Таиров, 2004, с. 53). Обоснованно указывалось, что некоторые упомянутые особенности погребального обряда во второй половине I тыс. до н. э. были широко распространены, в том числе на территории Казахстана. Вероятно, предполагалось выполнить и более развёрнутый сравнительный анализ, но возможности ограничивались малым количеством публикаций по уже проведённым раскопкам в Алтайском крае и Новосибирской области, где сконцентрированы почти все курганы каменской культуры (рис. 1).

Рис. 1. Карта расположения границ каменской культуры, мест нахождения зеркал-погремушек (1-6), культовых дисков (7) и сосуда с конусом: 1-3 – зеркала-погремушки с Алтая (1 – Второй Пазырыкский курган, 2 – Локоть-4а, 3 – Рогозиха-1); 4-6 – зеркала-погремушки с Урала (4 – Мечетсай, 5 – Яковлевка-2, 6 – оборотный диск из Среднего Урала); 7 – Казымский клад; 8 – устье р. Ялбынья.

Fig. 1 Map showing the boundaries of the Kamenskaya culture, locations of rattle-mirrors (1-6), ritual discs (7) and a vessel with a cone: 1-3 – rattle-mirrors from the Altai (1 – Second Pazyryk barow, 2 – Lokot-4a, 3 – Rogoziha-1); 4-6 – rattle-mirrors from the Urals (4 – Mechetsai, 5 – Yakovlevka -2, 6 – reversed disc from the Middle Urals); 7 – Kazym hoard; 8 – mouth of Yalbynya river.

За прошедшие годы получены и опубликованы многочисленные новые материалы по савромато-сарматам Южного Приуралья, а также полностью изданы материалы пяти крупных могильников каменской культуры: Локоть-4а (Шульга, 2003); Рогозиха-1 (Уманский и др., 2005); Новотроицкий-1, 2 (Шульга и др., 2009) и Камень-2 (Шульга, Головченко, 2025). Значительно больше мы знаем о скифском времени Казахстана и Китая, включая пограничный Синьцзян, где уже несколько десятилетий ведутся масштабные раскопки, материалы которых публикуются также на английском и русском языках. Имеющиеся данные демонстрируют активное участие саков Казахстана в культурогенезе населения Южного Урала (Мышкин, 2025; др.) и Обь-Иртышского междуречья начиная с VII–VI вв. до н. э. Для рассматриваемой в данной работе темы это обстоятельство имеет особое значение, поскольку демонстрирует наличие одного региона, из которого и через который на Южный Урал и Обь-Иртышское междуречье в V–IV вв. до н. э. в северном направлении проникали инновации и поступали импортные изделия. При этом прохоровская культура имела тесные связи с культурами лесостепи и степи (до Кавказа и Причерноморья), а каменская – с культурами Саяно-Алтая и лесостепи. Прямых контактов прохоровцев и каменцев через разделяющие их пространство пример-

но в 1–1,5 тыс. км, по-видимому, не было, и культуры эти прямого влияния друг на друга не оказывали. Из этого вытекало предположение о существовании на территории Казахстана некой общности, существенно влиявшей на развитие обеих культур в V–IV вв. до н. э.

Между тем, уже к 2004 г. было очевидно, что на территории Казахстана такую общность в хорошо выраженной форме найти не удастся. Внимание было обращено на соседний слабо изученный Синьцзян (Восточный Туркестан), на территории которого теоретически могли находиться похожие культурные образования. Исходя из имевшихся на то время ограниченных материалов по Китаю и разработок по климату[1], А.Д. Таиров предположил, что именно оттуда отдельными группами кочевников на Урал были привнесены некоторые инновации прохоровской культуры, включая «центрически-круговую планировку погребений под курганной насыпью», обряд погребения в подбоях и катакомбах, мечи и кинжалы «переходных» и «раннесарматских» форм, «украшения, зеркала различных типов» (Таиров, 2004, с. 54; 2006, с. 136–137; 2019, с. 240–241). Часть этих инноваций была привнесена и в Обь-Иртышское междуречье. К сожалению, за прошедшие 20 лет в ходе продолжающихся в Синьцзяне масштабных раскопок не выявлено подобных многомогильных курганов с круговой планировкой, подбоями, катакомбами и соответствующим предметным комплексом, которые могли быть привнесены на Южный Урал и Обь-Иртышское междуречье в конце V–IV вв. до н. э. По имеющимся данным, в западных и северо-западных пограничных районах в Синьцзяне представлены в определённых вариациях почти все археологические культуры, распространённые в Горном Алтае (Республика Алтай) и Казахстане. В их число входят и культуры скифского времени: по северной границе – курганы IV–III вв. до н. э. пазырыкской культуры в нескольких вариантах от Восточного Казахстана до района Хами (северо-восток Синьцзяна), а по западной – близкая сакам и усуням культура содуньбулакэ в бассейне р. Или с одной-двумя могилами под насыпью. В глубине северной части Синьцзяна (в средней части Тянь-Шаня), расположены могильники культур чауху и субейси (до 700 и более погребений в могильнике), не имеющие ничего общего с каменской и прохоровской культурами (Го У, 2012; Шульга, 2010; Шульга, Шульга, 2020; др.)[2].

В настоящее время очевидно лишь то, что на значительном удалении друг от друга в IV–III вв. до н. э. существовали две похожие культуры, степень сходства которых ещё следует определить. С этой целью в предлагаемой работе автор приводит несколько сюжетов по планировке погребений, захоронениям женщин с зеркалами-погремушками и конскому снаряжению.

Краткая характеристика и датировка погребальных памятников каменской культуры

Основное количество курганов каменской культуры выявлено и исследовано во второй половине XX в. Вскрыто около 1500 погребений. В материалах южных курганов проявляются контакты с сакской и пазырыкской культурами, а в северных – с лесостепной тагарской, кижировской (шеломокской), кулайской и саргатской культурами. Тем не менее погребальный обряд и инвентарь представляют собой особый хорошо узнаваемый комплекс, не похожий ни на одну культуру к востоку от Оби, включая Забайкалье, Монголию и Китай. Большинство относительно ранних каменских курганов уже содержали до 10–15 погребений и близки во времени (или несколько раньше) исследованным К.Ф. Смирновым мечетсайским курганам, в одном из которых найдено зеркало-погремушка (Смирнов, 1975, рис. 57). Характерными чертами погребальной обрядности каменцев являются многомогильные земляные курганы, погребальные площадки которых зачастую окружены ровиками с перемычками. Планировка могильников неустойчива. Как и на Южном Урале, курганы группируются в неупорядоченные меридиональные цепочки с значительными отклонениями к западу и востоку. Нередки случаи широтной ориентации цепочек. Под насыпями обычно располагается от двух-трёх до 20 могил. Наибольшее количество захоронений (до 39 и 50) зафиксировано в длительно функционировавших курганах-кладбищах Новосибирского Приобья на могильниках Быстровка-2, 3 (Троицкая, Бородовский, 1994; Дураков, Мжельская, 1995; Бородовский, 2017, с. 229; др.). Часть курганов содержит по одному захоронению, и встречаются они на всех этапах.

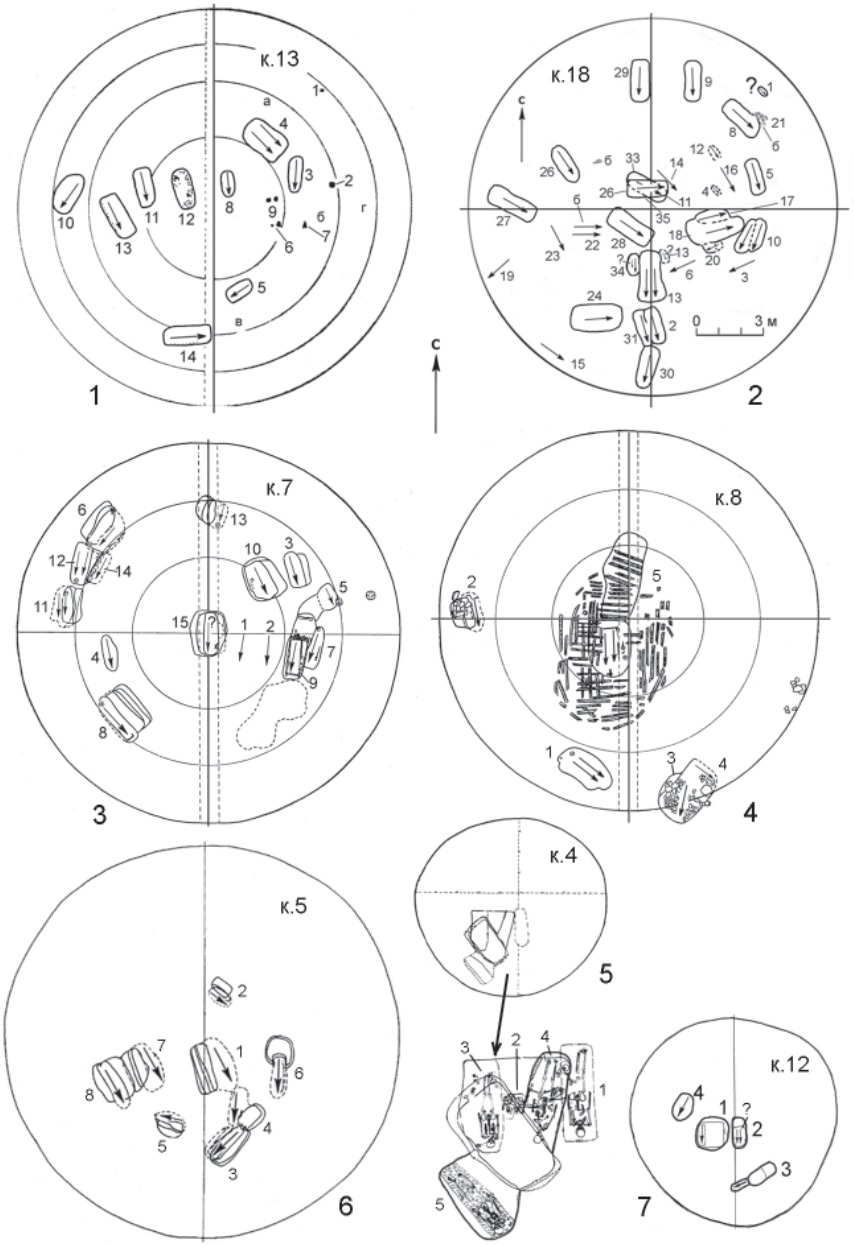


Рис. 2. Варианты расположения погребений в курганах каменской культуры:
1, 2 – Быстровка-3; 3, 3а, 4 – Новотроицкое-1; 5 – Локоть-4а; 6-8 – Камень-2.
Fig.2. Layout variants of burials in the Kamenskaya culture barrows:
1, 2 – Bystrovka-3; 3, 3a, 4 – Novotroitskoye-1; 5 – Lokot-4a; 6-8 – Kamen-2.

Захоронения совершались в довольно глубоких могильных ямах с уступами в придонной части, на которые укладывалось перекрытие из дерева. Ниже уступов, как правило, находились беззамковые одновенцовые обкладки-рамы из сосновых или берёзовых плах. Погребения в подбоях почти не встречаются (Могильников, 1997, с. 21–22). Умершие в основных центральных могилах погребались на спине, вытянуто головой в западный и юго-западный секторы (рис. 2). В силу особенностей круговой и крестовой планировки могил умершие в боковых могилах могли ориентироваться в диапазоне от южного до северного направлений (рис. 2: 1, 4–6). В северной части ареала, в Новосибирской области, основным мог быть восточный вектор. Инвентарь и заупокойная (сопроводительная) пища (маркируются костями МРС и лошади) располагались в головах (там обычно оставлялось значительное пространство), реже в ногах. Подхоронения лошадей отсутствуют, но встречаются детали сбруи, при погребении находившиеся на уздечках

и сёдлах, помещавшихся на ноги воинов. На южном могильнике Локоть-4а с сакскими и пазырыкскими чертами погребальные камеры в виде срубов накрывались шкурами лошадей с черепами и копытами, а в могиле 1 кургана 1 в заполнении могилы в ногах находились кости задних ног и хвостовые позвонки лошади в сочленении, вероятно также остатки шкуры (Шульга, 2003, рис. 4). На могильниках Камень-2 и Леонтьевка умерших иногда покрывали шкурами МРС без черепов, но с копытцами (Могильников, 1997, с. 18; Шульга, Головченко, 2025, с. 69).

Предметный комплекс представлен плоскодонными керамическими сосудами, остатками деревянных блюд, железными ножами, керамическими и каменными пряслицами (рис. 4: 13, 14), бронзовыми «колёсиками» (рис. 4: 15), керамическими курильницами, каменными оселками и алтариками (жертвенниками) (рис. 4: 16–18), импортными зеркалами (зеркала-погремушки и их упрощённые варианты с длинной ручкой) (рис. 4: 1, 2), заколками, серьгами, бусами, другими изделиями. Иногда встречаются гривны, браслеты на руках и кольца на пальцах. Оружие в захоронения помещали редко, но на отдельных могильниках в погребениях воинов представлены наконечники стрел, кинжалы и чеканы, используемые каменцами вместо мечей[4]. Сравнительно редкой находкой является конское снаряжение, а поясная фурнитура, наоборот, встречается во многих воинских погребениях (Шульга, 2015, рис. 63–70).

Хронология культуры определялась по-разному. На начальном этапе осмысления материала большая часть памятников несколько омолаживалась и датировалась III–I вв. до н. э. по аналогиям из Казахстана и Южного Урала (Уманский, 1980, с. 50) или IV–II вв. до н. э. (Могильников, Куйбышев, 1982, с. 133). Впоследствии, с учётом немногочисленных сравнительно ранних захоронений, формирование каменской культуры было отнесено ко второй половине VI – рубежу VI–V вв. до н. э., а её изменения в V–IV вв. до н. э. связаны с проникновением групп кочевников из Южного Приуралья (Могильников, 1997, с. 7). Примерно в рамках V–IV вв. до н. э. с учётом ранних дат пазырыкских курганов и Быстровского некрополя[3] датировались материалы могильников Локоть-4а (Шульга, 2003) и Рогозиха-1 (Уманский и др., 2005). Существенное омоложение курганов могильника Пазырык примерно до рубежа IV–III вв. до н. э., а также уточнение дат Филипповки, Прохоровки и зеркал-погремушек позволяют в настоящее время относить большинство каменских многомогильных курганов к IV–III вв. до н. э. Тем не менее для ранних захоронений в Рогозихе-1 и Новотроицком некрополе нельзя исключать и конец V – начало IV в. до н. э.

О планировке погребений в многомогильных курганах

Одной из значимых особенностей погребального обряда каменской и прохоровской культур является наличие многомогильных курганов, включавших от двух-трех до 39 и даже 50 (Быстровский некрополь) и 35 захоронений (могильник Старые Киишки) (рис. 2: 1, 2; 3: 2). Во многих курганах IV–II вв. до н. э. обеих культур зафиксировано очень похожее расположение погребений вокруг центральной части, в которой обычно находится основная могила. Длинная ось этой центральной могилы с помещённым в неё умершим изначально определяла (указывала) основной вектор ориентации (доминирующую ориентацию), которому следовали при устройстве боковых захоронений. В прохоровской культуре основной ориентацией была южная (рис. 3: 1, 3–6), а в каменской – юго-западная или западная (рис. 2: 1, 4–8).

Анализ планов расположения погребений в прохоровских и каменских курганах показывает наличие нескольких одинаковых типов планировок, распространявшихся на все устраиваемые в данном кургане погребения, включая впускные. В Обь-Иртышском междуречье представлено больше типов планировки и они лучше выражены. Вероятно, этому способствовало простое устройство каменских захоронений в ямах с отвесными стенками без подбоев, катакомб и дромосов. Это позволяло достаточно точно определять нужное место могильной ямы и её ориентацию относительно уже существующих могил или предполагаемой схемы. По всей видимости, сначала на погребальной площадке, а затем и после возведения частичной или полной курганной насыпи в местах нахождения захоронений имелись какие-то знаки типа шестов, позволявших подхоранивать умерших по принятой схеме, не разрушая при этом предыдущих погребений (Уманский и др., 2005, рис.

49, *5*). В результате на многих могильниках каменцам удавалось выстроить погребения в ровную линию, круг или полукруг и даже располагать их уступами, последовательно подхоранивая умерших к углу перекрытия предыдущего погребения (рис. 2: 3) (Шульга и др., 2009, с. 137). Основными видами планировки погребений в многомогильных курганах каменской культуры является: 1) парная – две обычно одинаковые размерами могилы, расположенные рядом и параллельно по центру (рис. 2: 7) или сбоку; 2) линейная – три и более параллельных погребения, обычно расположенных через центр меридионально (рис. 2: 6, 8); 3) круговая – три и более погребений, расположенных вокруг центральной могилы по кругу или дугой. В полной круговой планировке погребения располагаются двумя витками по солнцу и против солнца, в которых умершие укладывались головами в доминирующем направлении, но с отклонениями (рис. 2: 1, 4). Часто бывает неполной, когда в «виртуальных» витках устраивалось всего несколько захоронений в разных вариантах (рис. 2: 6). Этот тип круговой планировки мог задумываться изначально или формироваться постепенно из линейной и крестовой. Значительно реже встречается крестовая планировка, когда по сторонам центральной могилы соответствующим образом располагалось четыре погребения: два параллельно и два перпендикулярно (рис. 2: 5). В отдельный тип как частное явление выделена ступенчатая планировка (часто – сдвоенные могилы), представляющая в плане довольно аморфное скопление накладывающихся друг на друга могил (рис. 2: 3).

Все эти типы планировки фиксируются и в прохоровской культуре, но не повсеместно и не в столь «классической» правильной форме. Так, в расположенных на юге курганах могильников Лебедевка – 4, 5, 6, 7 вообще нет ни одного с хорошо выраженным типом планировки, и лишь в трёх можно увидеть намеченную круговую (Л-5, к. 9, 27; Л-7, к. 16) (Железчиков и др., 2006). В курганах 1, 2 и «Б» Прохоровки узнаётся круговая планировка с соответствующей ориентацией умерших в южный сектор, но расположены они неупорядоченно (Яблонский, 2010). Значительно лучше выражена круговая планировка в кургане 5 Покровки-10 (рис. 3: 6) (Малашев, Яблонский, 2004) и в Покровке-2 в курганах 7, 8, 23. Линейная видна в Покровке-1 (к. 4, 12, 13) (рис. 3: 7) и в Покровке-7 (к. 8) (Курганы…, вып. 2, 3, 4).

Более упорядоченной выглядит круговая планировка в курганах Мечетсая (к. 3, 6, 7), где боковые могилы удалены на значительное и примерно одинаковое расстояние от центра (рис. 3: 3, 4). При этом в восточной части кургана 7 устроен широтный ряд из пяти погребений. Промежуточное положение в этом ряду занимали два захоронения (п. 1, п. 2) на глубине около 40 см от уровня современной поверхности без видимых контуров могил (рис. 3: 3) (Смирнов, 1975, рис. 40). Похожим образом на значительном расстоянии от центра находились и боковые могилы в Яковлевке-2, где в погребении двух женщин было найдено зеркало-погремушка (Равич и др., 2012). В указанных курганах насчитывается до 9–14 погребений. Основной вектор ориентации умерших в этих курганах южный. Встречаются и ступенчатые захоронения, больше похожие на стремление поместить умершего в центре (рис. 3: 5). Однако расположенные там более ранние погребения обычно не разрушались.

Заметно больше (до 20 и 35) захоронений устраивалось в северной части ареала под Уфой в могильнике Старые Киишки. В курганах 13 и 15 вместе с круговой планировкой прослеживаются широтные ряды из пяти и восьми параллельно расположенных погребений (рис. 3: 1) (Садыкова, 1962). Особый интерес представляет наличие в курганах 11 и 18 двух векторов ориентации – традиционного южного и необычного восточного. Наиболее хорошо это видно в кургане 18, где полностью сохранились захоронения в центре (рис. 3: 2).

Аналогичная ситуация зафиксирована в северной части ареала каменской культуры, в частности на Быстровском некрополе к югу от г. Новосибирска. В этой приближенной к подтаёжной зоне местности, удалённой от путей перекочёвок, в условиях относительной стабильности также формировались крупные родовые курганы-кладбища, насчитывавшие самое большое количество захоронений (до 39 и 50) (рис. 2: 1, 2). В некоторых курганах основной вектор ориентации умерших был восточным (Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXVII, *1*, XXX, *1, 6*), или умерших погребали, руководствуясь как западным, так и восточным векторами (рис. 2: 2) (Дура-

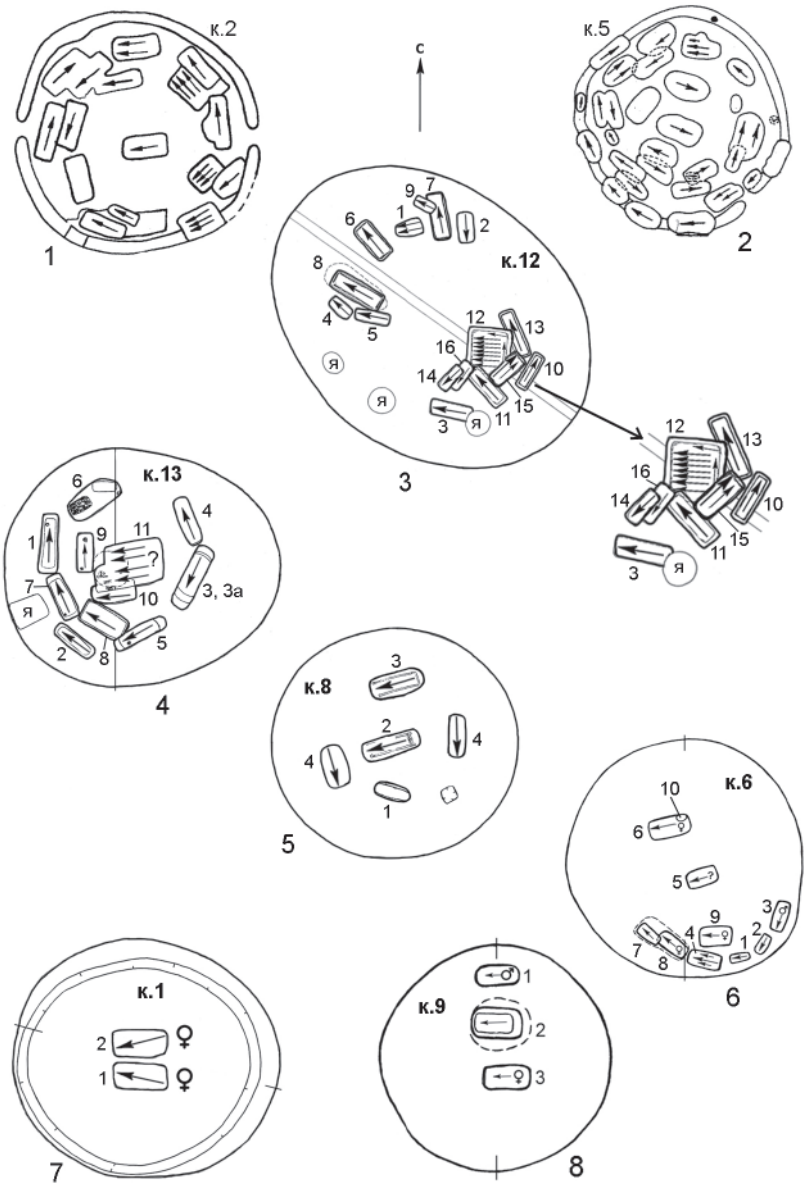


Рис. 3. Варианты расположения погребений в курганах прохоровской культуры:
1, 2 – Старые Киишки; 3, 4 – Мечетсай; 5, 5а – Покровка-8; 6 – Покровка-10; 7 – Покровка-1.
Fig. 3. Layout variants of burials in the Prokhorovka culture barrows:
1, 2 – Starye Kiishki; 3, 4 – Mechetsai; 5, 5a – Pokrovka-8; 6 – Pokrovka-10; 7 – Pokrovka-1

ков, Мжельская, 1995, рис. 1, *б*). Интересные параллели имеются с Шиповским могильником кара-абызской культуры, где выделены многомогильные курганы со свободными от погребений зонами (Овсянников, 2018, с. 59).

Захоронения женщин с зеркалами-погремушками

Для темы нашего исследования несомненный интерес представляют захоронения женщин с зеркалами-погремушками, обнаруженные в степном Алтае и Южном Приуралье. Во-первых, эти зеркала – единственные импортные изделия в каменской культуре, уверенно датируемые на Южном Урале в рамках IV в. до н. э. (Смирнов, 1975, с. 143; Равич и др., 2012, с. 77; Трейстер, 2012, с. 122), относящиеся к особому типу зеркал-погремушек, изготавливавшихся «в рамках конца V–IV в. до н. э.». (Трейстер, 2012, с. 123). Во-вторых, в каменской и прохоровской культурах указанные захоронения с зеркалами находятся в относительно ранних многомогильных курганах и в определённой мере маркируют время резкого изменения погребального обряда с переходом от савроматских одиночных погребений с западной ориента-

цией умерших к многомогильным курганам с круговой планировкой захоронений и южной ориентацией умерших.

Наличие «позолоченных» зеркал-погремушек с «религиозно-символическими сценами» в захоронениях кочевников на расстоянии около 2300 км от места их предполагаемого производства в северной части древней Индии некоторые исследователи продолжают воспринимать как экзотические случаи захвата военной добычи или покупки «танцовщиц» и «музыкантш» из рабынь на далёком юге (Кузнецова, 2025, с. 45, 46). Действительно, при формальном подходе невозможно представить, чтобы за находками пяти зеркал в пяти погребениях (из них ограблены все три из Алтайского края и Республики Алтай) могло стоять какое-то значимое явление[5]. На Южном Урале оба погребения женщин с индийскими зеркалами находятся в типичных раннепрохоровских многомогильных курганах с круговой планировкой и доминирующей южной ориентацией умерших. В Мечетсае это центральная могила с дромосом (рис. 3: 4), а в Яковлевке-2 – боковая, но в элитном кургане диаметром 50 м, высотой 3,67 м. В головах одной из женщин, помимо зеркала-погремушки, в Мечетсае лежал колчан с 95 наконечниками стрел (Смирнов, 1975, с. 140), а в Яковлевке-2 – 208 наконечников стрел (Равич и др., 2012, с. 69). В центральном ограбленном захоронении двух женщин из могильника Локоть-4а на непотревоженном участке в головах, рядом с зеркалом-погремушкой, лежали два явно символичных архаичных для того времени втульчатых двухлопастных наконечника раннескифского времени (Шульга, 2003, с. 9). В Мечетсае и Локте-4а, по мнению исследователей, также находились остатки музыкальных инструментов, как и во Втором Пазырыкском кургане (Руденко, 1953, табл. LXXXVI, *1*). В сильно пострадавшем от действий грабителей погребении из Рогозихи-1 помимо зеркала-погремушки и алтарика с четырьмя ножками (рис. 4: 1, 18) имелся и колчан, на что указывает крупная колчанная ворворка и роговой наконечник стрелы (Уманский и др., 2005, рис. 9–12). Судя по сохранившимся костям, часть из них относилась к женщине, а часть к мужчине или женщине крепкого сложения (Уманский и др., 2005, с. 101). Соответственно, не исключена вероятность, что в Рогозихе-1 были погребены воин и женщина, как во Втором Пазырыкском кургане[6]. Захоронения с зеркалами-погремушками на Южном Урале по инвентарю уверенно датируются серединой – второй половиной IV в. до н. э. (Равич и др. 2012; с. 77, 83–84; Трейстер, 2012). Найденные в Алтайском крае зеркала (Рогозиха-1, Локоть-4а) не сопровождались столь значительным количеством датируемых изделий, но факт их длительного использования (обломанные ручки и пробитое отверстие для ременной петли) и архаичные наконечники стрел (не позже начала VI в. до н. э.) скорее указывают на более раннее время этих погребений в первой половине IV, возможно в конце V в. до н. э. В пользу этого говорит как нахождение в соседнем кургане Рогозихи-1 сбруйных застёжки и распределителей, типа найденных в Филипповском кургане 1, а также анализ изображений на зеркалах. По мнению М.Ю. Трейстера, наиболее ранними могут быть зеркала из Рогозихи-1, Локтя-4а и Яковлевки-2, на сценах которых помещалось от 17 до 21 солярных знака. Более поздним считалось зеркало из Мечетсая без солярных значков среди изображений (Трейстер, 2012, с. 123). Очевидно, что до попадания в захоронения зеркала на Алтае и Урале определённое время использовались, а потому мнение М.Ю. Трейстера об изготовлении указанных зеркал «в рамках конца V–IV в. до н. э.» (Трейстер, 2012, с. 123) вполне оправданно[7].

Как бы то ни было, для темы нашего исследования важен факт, что в рамках IV в. до н. э. в Южном Приуралье и в Алтайском крае совершались парные захоронения женщин-жриц (?) с индийскими зеркалами. Несмотря на различия культур и разделяющее их расстояние, они были погребены по близкому обряду в центральных и боковых захоронениях многомогильных курганов с круговой планировкой. Помимо зеркал с ними, видимо, находились музыкальные инструменты, а также наконечники стрел, хотя в каменской культуре наконечники с женщинами не помещали. В этот же период в обоих регионах в значительно большем количестве использовали импортные упрощённые цельные варианты зеркал-погремушек с крупным диском, конусом и длинной ручкой.

Захоронения с конским снаряжением

Одной из наиболее показательных особенностей уздечек западной и восточной частей скифского мира является оформление окон-

чаний удил. В западной части от Причерноморья и до Урала уже с раннескифского времени звенья удил изготавливались из отрезков металлического прута. Оба окончания стержня загибались в разные стороны, и приобретали форму петель малого диаметра, расположенных асимметрично стержню (грызлу). К востоку от Урала (включая Синьцзян и Северный Китай) кольчатые окончания железных кованых удил продолжали копировать бронзовые прототипы и располагались они симметрично грызлу (рис. 4: 11). Внешним окончаниям железных удил начиная со второй половины VI в. до н. э. придавалась округлая или овальная форма, а диаметр их в VI–V вв. до н. э. мог достигать 4–5 см. Важно подчеркнуть, что ни одного звена «западных» железных удил с петлевидным окончанием нет в восточной части степного пояса, в том числе ни в каменской, ни в соседних синхронных культурах. Этот не замечаемый многими исследователями факт как минимум не подтверждает предположение о неоднократном проникновении савромато-сарматов в Обь-Иртышское междуречье в рассматриваемый период с VI по III вв. до н. э. Отсутствуют удила с петлевидными окончаниями и в сбруйных наборах могильников Рогозиха-1 и Камень-2, в которых зафиксированы детали, предположительно привнесённые с Южного Приуралья (рис. 4: 4–7, 9, 11).

В Рогозихе-1 детали конского снаряжения обнаружены почти в половине курганов (в 7 из 15) (Уманский и др., 2005, с. 40–50), что является исключением, поскольку в каменские захоронения (как и в прохоровские) его редко помещали. Почти все погребения с конским снаряжением в Рогозихе-1 в разной степени пострадали от действий грабителей, но установлено, что в большинстве из них с умершим воином помещался полный комплект верховой сбруи из уздечки и седла. В целом погребальный обряд Рогозихи-1 характерен для каменской культуры. В большинстве курганов имелось от трех до 18 погребений, устроенных в линию или вокруг центральной могилы. По имеющимся данным, могильник оставлен влиятельными родовыми группами. На это указывает наличие крупных могил длиной до 3,2, 3,6 и 4 м, золотых изделий, а также импортного инвентаря, включающего восточные «золочёные» зеркала с юга, раковины каури с востока[7] и несколько деталей сбруи с запада – вероятно, из Южного Приуралья. Из традиционно упоминаемых как бы «южноуральских» изделий найдено одно бронзовое «колёсико» (рис. 4: 15, 16) и 15 целых каменных алтариков, включая четыре крупных с четырьмя ножками (рис. 4: 16–18). Детали конского снаряжения происходят из кургана 4, входящего в широтно ориентированную цепочку из пяти элитных курганов диаметрами до 24 и 32 м и высотой до 1,8 м. На дне разграбленной могилы 1 помимо конского снаряжения обнаружены ручка и фрагмент «золочёного» цельного зеркала, части бронзового браслета, алтарик с плоским дном и железный нож с восьмёрковидным навершием. Детали уздечки представлены небольшими обломками стержней (грызла) железных удил, тремя распределителями с головками грифонов на щитках и застёжкой подбородного ремня, украшенной подобно оформленной головкой. Там же найдена и бронзовая подковообразная подпружная пряжка с расположенными на концах противопоставленными головками грифонов (рис. 4: 3–7).

Аналогии бронзовой сбруйной застёжке и распределителям к востоку от Урала отсутствуют, но имеются в кургане 1 Филипповского могильника (Пшеничнюк, 2012, рис. 28, *2*; 29, *2*). Вероятно, в один с ними набор входила и подковообразная подпружная пряжка с петлями на оборотной стороне (рис. 4: 3). Три внешне похожие пряжки с противопоставленными головками стилистически более ранних ушастых орлов известны в Южном Приуралье в Ново-Кумакском могильнике (к. 19) и в Бесобе (к. 2) (Мошкова, 1962, с. 221, рис. 14, *8*; Кадырбаев, Курманкулов, 1977, с. 105, рис. 4: 1, 2). Однако, клювы этих орлов сомкнуты, образуя D-образное кольцо. Конструкция их крепления к ремням подпруги также характерна для Приуралья. Пряжка из Ново-Кумакского имеет по одному шпеньку с оборотной и внешней сторон, а у обеих пряжек из Бесобы запонковидные шпеньки расположены на оборотной стороне вверху и внизу[9]. По форме и способу крепления к подпруге пряжка из Рогозихи-1 имеет аналогии только в Верхнем Приобье (Шульга, 2015, рис. 57, *1, 2*; 69, *5, 6*). Вполне вероятно, что она произведена в Алтайском крае, но намеренно изготовлена для этого сбруйного набора.

В могильнике Камень-2 два сбруйных набора встречены только в одном кургане (№ 15)

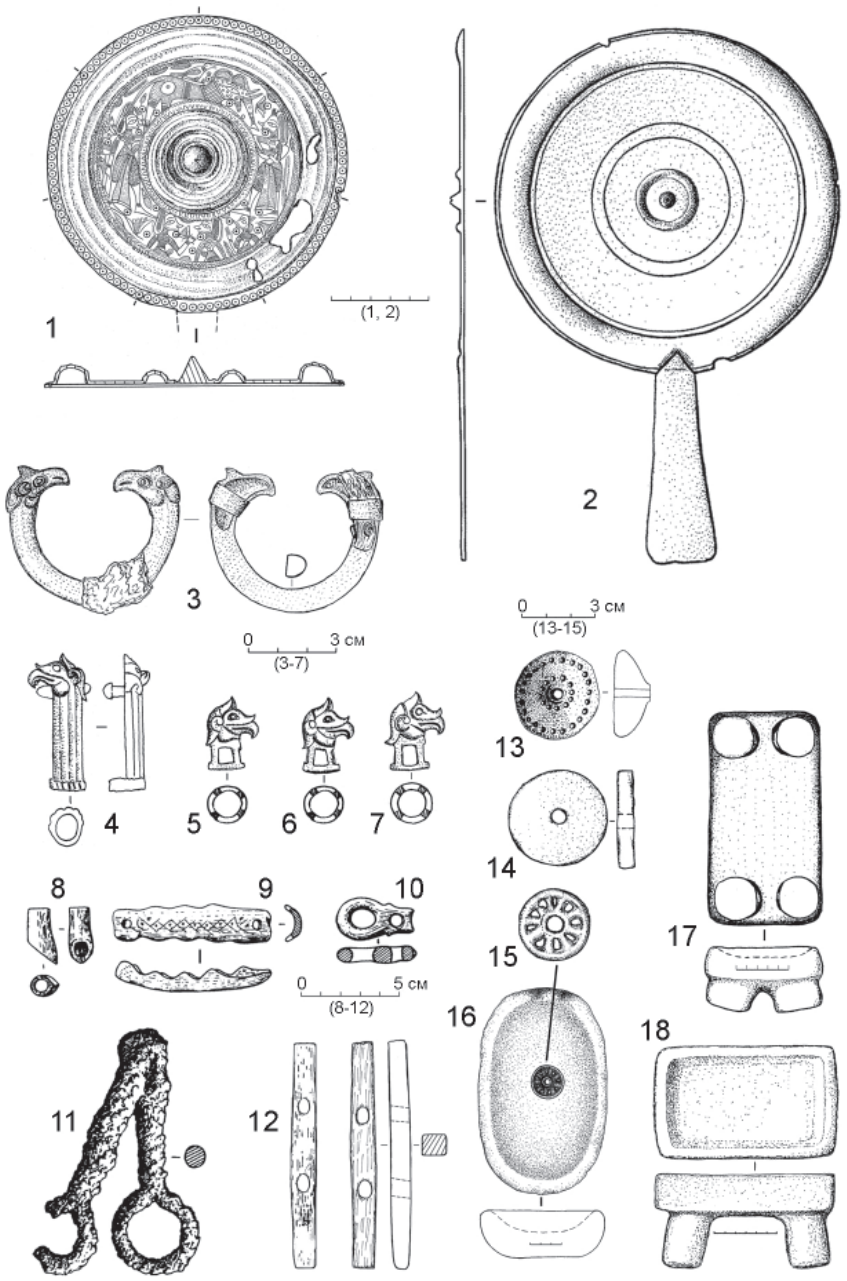


Рис. 4. Предметный комплекс из могильников Рогозиха-1 (1-7, 13-18) и Камень-2 (8-12):
1, 2 – зеркала из курганов 5 и 7; 3-7 – детали конского снаряжения из кургана 4; 8-12 – детали уздечки из кургана 15; пряслица, «колёсико» и алтарики из курганов 3, 5, 16 и 17. Бронза – 1-7, 15; железо – 11; кость (рог) – 8-10, 12; керамика – 13; камень – 14, 16-18.

Fig. 4. Finds from the Rogozikha-1 (1-7, 13-18) and Kamen-2 (8-12) burial grounds: 1, 2 – mirrors from barrows 5 and 7; 3-7 – horse gear parts from barrow 4; 8-12 – bridle details from barrow 15; spindle whorls, a 'small wheel' and altars from barrows 3, 5, 16 and 17. Bronze – 1-7, 15; iron – 11; bone (antler) – 8-10, 12; ceramics – 13; stone – 14, 16-18.

из исследованных там 23. Как и в Рогозихе-1, почти все курганы содержали по нескольку могил (от 3 до 12), устроенных в линию (рис. 2: 8) или вокруг центральной могилы (Шульга, Головченко, 2025, рис. 43, 44). Интересно, что в непотревоженных грабителями боковых элитных захоронениях мужчины и женщины в кургане 15 также находились импортные изделия: изготовленное на юге зеркало, раковины каури с востока и зубчатый нахрапник («строгач») – деталь, известная в уздечках в Южном Приуралье и далее к западу. В кургане 15 конское снаряжение представлено двумя уздечками и несколькими деталями от одно-

го или двух сёдел, лежавших в ногах воина, погребённого с массивным железным чеканом, плетью и замечательным поясом, украшенном 38 раковинами каури. Нахрапник входил в состав хорошо сохранившейся уздечки, во время погребения положенной наискось через колено левой ноги. В целом эта обычная для Верхнего Приобья и Горного Алтая уздечка V–III вв. до н. э., включавшая железные удила с большими внешними кольцами, два роговых двудырчатых псалия, застёжку подбородного ремня и украшавшие ремни круглые роговые пронизки (рис. 4: 8–12). Примерно в 15 см от места соединения удил с псалиями находилось роговое изделие с зубцами для «строгой» узды (рис. 4: 9). Изделие представляло собой несколько изогнутую желобчатую пластину длиной 8,2 см, шириной 1,5–1,8 см с четырьмя и пятью выступами (зубцами) по сторонам на вогнутой стороне. На одном из концов выступ отсутствует, а место это зашлифовано. Возможно, это дефект заготовки, но не исключено, что выступ обломился при использовании. На каждом из концов пластины имеется по отверстию диаметром 5 мм для пропускания ремешков, притягивавших пластину к храпу лошади. Плоская выгнутая поверхность украшена «резной решёткой» с точками в ромбических фигурах. Все части изделия, включая отверстия, заполированы. По всей видимости, эта деталь «строгой» узды длительное время использовалась по назначению. В западной части скифского мира подобные дуговидные изделия с зубцами и без них из железа (иногда из «кости» и бронзы), чаще называемые «нахрапниками», известны в разных вариантах в Причерноморье и на Южном Урале в захоронениях прохоровской культуры (Сиротин, 2020; др.). На Южном Урале погребения с нахрапниками датируются второй половиной IV – рубежом IV–III вв. до н. э. По всей видимости, к этому периоду относится и нахрапник из кургана 15 могильника Камень-2.

О происхождении культур

В отличие от прохоровской культуры по этапу сложения каменской культуры обоснованной концепции не сложилось. По мнению одного из выделивших культуру исследователей, она формируется с притоком сакского населения в VI в. до н. э. «на пространстве от Павлодарского Прииртышья и Западной Кулунды до Барнаульско-Новосибирского Приобья» (Могильников, 1997, с. 108). При этом выделялся ранний период (вторая половина VI – рубеж VI–V вв. до н. э.) и последующий, связанный с проникновением групп кочевников Южного Приуралья в V–IV вв. до н. э. (Могильников, 1997, с. 7), существенно изменивших облик культуры. Близкое мнение о выделении двух этапов каменской культуры в «VI–V вв. до н. э. и IV–III вв. до н. э.» высказывалось и другими специалистами (Кирюшин, Фролов, 1998, с. 125). Внешне эта периодизация близка взглядам сторонников выделения единой савромато-сарматской культуры, сложившейся во второй половине VI в. до н. э. (см. Балабанова, 2025; др.), хотя существуют и другие мнения (Мышкин, 2010).

Проблема в том, что в отличие от довольно многочисленных савроматских погребений VI–V вв. до н. э. в Южном Приуралье к раннему периоду каменской культуры с оговорками можно отнести лишь один могильник Михайловский-6, исследованный в Алтайском крае недалеко от границы с Казахстаном. Пять из семи курганов были разграблены, но установлено, что по центру шести курганов было устроено по одной могиле, а умершие в них погребались вытянуто, на спине, головой на запад. Судя по боковому погребению 2 кургана 1 (диаметр 50 м), погребённые в полностью разрушенной центральной могиле 1, видимо, также ориентировались в западный сектор. В курганах 1 и 2 по центру над могилами зафиксированы шатровые конструкции, Предварительно могильник датировался IV–II вв. до н. э. (Шамшин и др., 1992, с. 66), но, судя по роговым и бронзовому наконечникам стрел из курганов 3 и 5, памятник может относиться и к V в. до н. э. (Уманский, и др., 2005, рис. 66, *1–5*).

Если исходить из датировок курганов Южного Приуралья, собственно могильники каменской культуры в значительном количестве появляются не ранее конца V в. до н. э. Большинство этих курганов многомогильные с круговой планировкой и ориентацией умерших на ЮЗ или З. Наиболее ранние захоронения найдены в Новотроицком некрополе и Рогозихе-1. Часть из них содержали поступавшие через Казахстан импортные зеркала-погремушки и цельные зеркала большого диаметра с конусом, валиком по периметру, концентрическими окружностями и ручкой

(рис. 4: 1, 2). Данные антропологии также подтверждают участие в генезисе каменской культуры сакского населения, имевшего базовое сходство с савромато-сарматами и саргатцами (Рыкун, 2011, с. 176). Думается, что в настоящее время на имеющейся источниковой базе под каменской культурой можно обоснованно подразумевать именно эти погребальные памятники с многомогильными курганами, занявшими значительную территорию к концу V – началу IV в. до н. э.

Все имеющиеся данные указывают на формирование, развитие и контакты каменской культуры на местной основе с участием сакского населения. Для IV в. до н. э. показательно захоронение «золотого» человека с символической позолоченной стрелой в Локте-4а (Шульга, 2003, рис. 33–38), видимо копирующей захоронение в кургане Иссык. Первооткрыватели культуры В.А. Могильников и А.П. Уманский, указывая на «савромато-сарматские» аналогии, всё же полагали, что основной культурный импульс и население имели истоки на территории Казахстана (Могильников, 1980, с. 47; Уманский, 1986, с. 35). По мнению А.П. Уманского, это могло быть «восточное Приаралье» (Уманский, 1980, с. 53).

Заключение.

Сравнительный анализ материалов погребальных памятников прохоровской и каменской культур конца V – III вв. до н. э. по планировке погребений и конскому снаряжению, с учётом особенностей предметного комплекса, позволяет сделать несколько предварительных выводов и предположений.

1. Одной из значимых особенностей погребального обряда каменской и прохоровской культур является наличие многомогильных курганов, содержавших до 10–20 погребений. В северных лесостепных районах их количество достигало соответственно 50 и 35 погребений, что, видимо, объясняется большей стабильностью обществ, ведущих комплексное хозяйство в стороне от основных маршрутов перекочёвок. В этих же курганах фиксируется необычный восточный вектор ориентации (рис. 2: 2; 3: 2). В обеих культурах преобладает круговая планировка погребений вокруг центральной могилы и линейная, часто включённая в круговую (рис. 3: 1, 3, 6). При этом имеется отличие в направлении доминирующей ориентации: у прохоровцев – в южный, а у каменцев – в западный или юго-западный секторы (рис. 2: 3). По этой причине ряды параллельных погребений у прохоровцев расположены широтно (рис. 3: 1, 3, 6) или под углом (рис. 3: 7), а у каменцев – меридионально (рис. 2: 5–8). Принципиально различается и устройство могил – у прохоровцев подбои, катакомбы и дромосы, а у каменцев – простые ямы с заплечиками.

2. Предметный комплекс, включая детали конского снаряжения, вооружение и керамические сосуды, в основном различается. Так, из конского снаряжения в каменской культуре аналогии южноуральскому имеют только пять деталей из двух погребений (рис. 4: 4–7, 9). Все удила относятся к восточному типу, в отличие от петельчатых, используемых на Южном Урале и западнее. Этот факт указывает на сохранение у прохоровцев той же западной традиции в изготовлении удил, что и у савроматов. Тогда как уздечка каменцев изначально формировалась согласно восточной традиции. Вооружение каменцев также изначально восточное, кинжалы и наконечники стрел в основном отличаются, и вместо мечей использовались чеканы.

3. Имеющиеся данные демонстрируют активное участие саков Казахстана в культурогенезе населения Южного Урала (Мышкин, 2025; др.) и Обь-Иртышского междуречья начиная с VII–VI вв. до н. э. Предположение о проникновении основных особенностей погребального обряда и предметного комплекса из Синьцзяна не находит подтверждения. Представляется, что и в конце V–IV влияние саков на Южное Приуралье и Обь-Иртышское междуречье было определяющим. Между тем, изначально культурные импульсы прохоровской и каменской культур исходили из разных центров, что определило принципиальные различия в конском снаряжении (удила) и погребальном обряде.

Примечания:

[1.] А.Д. Таиров также опирался на работы С.Г. Боталова по этнокультурной ситуации на территории Синьцзяна, Казахстана и Южной Сибири в скифское время. Отдавая должное труду указанного исследователя, нельзя согласиться с некоторыми из его тезисных положений, в том числе относительно Синьцзяна, как «узлового региона, через который пролегали все маршруты сакских миграций» (Боталов, 2007, с. 62; 2009, рис. 1).

[2.] Для понимания специфики восприятия указанной идеи миграций и культурного импульса из Синьцзяна

интерес представляют две цитаты, демонстрирующие уровень критичности исследователей по вопросу появления на Алтае и Урале зеркал-погремушек. В статье известных специалистов, со ссылкой на работы А.Д. Таирова 2005 и 2006 гг., указано: «Заманчиво было бы предположить, что новая технология, если принять высказываемые рядом исследователей предположения о смене населения в Южном Приуралье и приходе сюда волны кочевников из Северо-Западного Китая и Восточного Туркестана была принесена именно с данной волной миграции. Однако более вероятным представляются попадание в Южное Приуралье таких сплавов с юга через Дахистан и Хорезм.» (Равич и др., 2012, с. 89). На наш взгляд, тут было сделано неоправданное допущение о возможном владении выходцев из Синьцзяна технологиями изготовления зеркал-погремушек, и вообще, каких-либо зеркал. Однако, на основании имеющихся фактов в итоге было указано более приемлемое место. Через 13 лет в работе Т.М. Кузнецовой, приведённое высказывание уже дано в однозначно утвердительной форме: «Специалисты подчеркнули, что высокооловянные горячекованые бронзы использовались для изготовления зеркал, найденных в сакских могильниках Приаралья и на территории Хорезма, предполагая, что новая технология была принесена в Южное Приуралье с волной миграции кочевников из Северо-Западного Китая и Восточного Туркестана (Равич и др. 2012: 89).» (Кузнецова, 2025, с. 35). Как видим, высказанное в 2004 г. предположение А.Д. Таирова через 20 лет превратилось в утверждение.

[3.] По результатам комплексного датирования Быстровского некрополя, начало функционирования некоторых исследованных там курганов было отнесено к V в. до н. э. (см.: Бородовский, Орлова, 2001, Бородовский, 2009; др.).

[4.] Мечи в погребениях отсутствуют, а из кинжалов лишь один уверенно относится к «прохоровскому» типу (Шульга, 2007, рис. 2, *9*). Наконечники стрел встречаются только в мужских погребениях, количество их, обычно, ограничено 3-9 роговыми экземплярами. Большинство этих особенностей характерно для соседних культур Саяно-Алтая.

[5.] Всего известно пять целых экземпляров и один тыльный диск от шестого. Три из них происходят с Урала: два из парных женских погребений Мечетсая и Яковлевки-2, находившихся примерно в 200 км друг от друга на Южном Урале (Смирнов 1968; 1975, с. 140-142; Равич и др., 2012) и тыльный диск третьего, предположительно найденного в лесной зоне Среднего Урала (Шульга, Оборин 2021). Остальные три зеркала находятся более чем в 1500 км к востоку: два – в Алтайском крае к югу от г. Барнаул (также примерно в 220-250 км друг от друга) (Уманский, Шульга 1999; Шульга 2003, с. 86-92), а третье в восточной части Республики Алтай во Втором Пазырыкском кургане (Руденко 1953, с. 142-143).

[6.] Обнаружение подобных по погребальному обряду парных захоронений женщин с индийскими зеркалами в многомогильных курганах на Урале и на Алтае, явно не соотносится с предположениями о рабынях и воинской добыче (Кузнецова, 1994, с. 86; 2025, с. 77). В этом случае общим для захоронений с зеркалами-погремушками могло быть лишь наличие женщины в элитном погребальном комплексе. Находки восходящих к индийским зеркалам культовых дисков и сосуда с конусом в Нижнем Приобье (см. Шульга, Сальникова, 2024), на наш взгляд, подтверждают религиозную составляющую в рассматриваемых зеркалах и захоронениях захоронениях, что в своё время и предполагалось К.Ф. Смирновым (1968).

[7.] Т.М. Кузнецова на основе анализа орнамента на зеркалах, предложила обратную последовательность изготовления зеркал-погремушек: «Пазырык→Средний Урал→Мечетсай→Локоть-4а→Яковлевка-2 →Рогозиха-1» (Кузнецова, 2025, с. 39). Вывод спорный, но также допускающий вероятность длительного периода обращения до попадания в могилу.

[8.] По имеющимся данным, раковины каури в V-III вв. до н. э. поступали на Саяно-Алтай и Обь-Иртышское междуречье из Северного Китая через Монголию.

[9.] Информация о пряжках с качественными рисунками любезно предоставлены автору А.М. Мамедовым.

ЛИТЕРАТУРА

Балабанова М.А. Концепция единой культуры ранних кочевников VI–III вв. до н.э. Южного Приуралья: антропологический контекст // Южный Урал в эпоху раннего железа и Великого переселения народов: связи и взаимоотношения культур / Отв. ред. З.Я. Рахматуллина, Н.С. Савельев, В.В. Овсянников. Уфа, ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2026. С. 5–7.

Бородовский А.П. Традиционные и естественнонаучные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа). Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2009. 92 с.

Бородовский А.П. Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Археологические вести 23 / Отв. ред. Носов Е.Н., Хвощинская Н.В. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 229–240.

Бородовский А.П., Орлова Л.А. Радиоуглеродные датировки Быстровского некрополя эпохи раннего железа из Новосибирского Приобья // Пространство культуры в археолого-этнографическом изме-

рении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Том. ун-т, 2001. С. 287–289.

Боталов С.Г. Туркестан как единое геокультурное пространство в эпоху раннего железа // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 61–83.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: Рифей, 2009. 672 с.

Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования могильника Быстровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею / Отв. ред. К.И. Ватутин. Новосибирск: Бриарей, 1995. С. 47–65.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.). М.: Восточная литература, 2006. 159 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1977. С. 103–115.

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров. Барнаул: АлтГУ, 1998. С. 110–136.

Кузнецова Т.М. Музыкальные зеркала (сказка в танце): время, мастера, владельцы // Stratum plus. 2025. № 3. С. 27–55.

Курганы левобережного Илека. Вып. 2 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА, 1994.177 с.

Курганы левобережного Илека. Вып. 3 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА, 1995. 176 с.

Курганы левобережного Илека. Вып. 4 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА, 1996. 152 с.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Ранние кочевники Южного Приуралья (по материалам могильника Покровка 10 // Археологические памятники раннего железного века юга России / МИАР. Вып. 6 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2004. С. 117–146.

Могильников В.А. О культурах западно-сибирской лесостепи раннего железного века (Итоги и проблемы изучения) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 41–50.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Пущинский научный центр РАН, 1997. 196 с.

Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. 1982. № 2. С. 113–134.

Могильников В.А., Уманский А.П. Два зеркала из Новотроицких курганов // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи / Отв. ред. В.А. Могильников. М.: ИА РАН, 1995. С.19–31.

Мошкова М.Г. Ново-Кумакский могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры / МИА. № 115 / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 204–241.

Мышкин В.Н. Периодизация культуры кочевников Южного Урала в I тыс. до н. э. и прохоровская культура в отечественной историографии // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 12, № 6 (38), 2010. С. 265–267.

Мышкин В.Н. К проблеме реконструкции системы сезонных миграций кочевников Южного Приуралья в VI–IV вв. до н.э. // УАВ. 2025. Т. 25. № 2. С. 359–385.

Овсянников В.В. Новые материалы Шиповского курганно-грунтового могильника в лесостепном Предуралье // УАВ. 2018. Вып. 18. С. 43–62.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.

Равич И.Г., Сиротин С.В., Трейстер М.Ю. Индийское (?) бронзовое зеркало из кочевнического погребения IV в. до н.э. в Южном Приуралье // ВДИ. 2012. № 4 (283). С. 63–93.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 402 с.

Рыкун М.П. Некоторые аспекты палеоантропологии каменской культуры Верхнего Приобья // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2011. № 4–2 (72). С. 173–178.

Садыкова М.Х. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки // АЭБ. Т. I / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 88–122.

Сиротин С.В. Дромосное погребение IV в. до н. э. из кургана 12 некрополя Переволочан I на Южном Урале // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 181– 200.

Смирнов К.Ф. Бронзовое зеркало из Мечетсая // История, археология и этнография Средней Азии / Отв. ред. А. В. Виноградов. М.: Наука, 1968. С. 116–121.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.

Таиров А.Д. К вопросу о савромато-сарматских миграциях в лесостепное и степное Обь-Иртышье // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2004. С. 50–54.

Таиров А.Д. Кочевники Восточного Туркестана и формирование раннесарматской культуры Южного Урала // ВДИ. 2006. № 1. С. 132–140.

Таиров А.Д. Южный Урал в эпоху ранних кочевников / История Южного Урала. Т. 3. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 400 с.

Трейстер М.Ю. Бронзовые зеркала из Южного Приуралья: ближневосточные и южно-азиатские импорты и местные подражания // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V-III вв. до н. э.). Т. 1 / Древняя Торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Вып. 5 / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: ТАУС, 2012. С. 120–133.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994.184 с.

Уманский А.П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннежелезного века в лесостепном Алтае // Барнаулу 250 лет / Отв. ред. А.П. Окладников. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1980. С. 50–53.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: АлтГУ, 2005. 204 с.

Уманский А.П., Шульга П.И. Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири / Отв. ред. М.А. Дёмин. Барнаул: БГПУ, 1999. С. 43–81.

Шамшин А.Б., Дёмин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский-VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул.: БГПИ, 1992. С. 60–68.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть 4а. Барнаул, 2003. 204 с.

Шульга П.И. Вооружение на Алтае в VI-III вв. до н. э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 142–156.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII-III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: АлтГТУ, 2010. 238 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Часть II (среднескифское время). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 322 с.

Шульга П.И., Головченко Н.Н. Могильник скифского времени Камень-2. Барнаул: АлтГПУ, 2025. 174 с.

Шульга П.И., Оборин Ю.В. Зеркало-погремушка из Среднего Урала // Народы и религии Евразии. 2021. №1 (26). С. 7–24.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

Шульга П.И., Шульга Д.П. Могильник Мохучахань культуры чауху в предгорьях Тянь-Шаня (Синьцзян, Китай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2020. 259 с.

Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М.: ТАУС, 2010. 216 с.

Го У. Синьцзян шицянь ваньци шэхуэй дэ каогу сюэ яньцзю [郭物。新疆史前晚期社会的考古学研究 .一上海：上海古籍出版社，2012] Археологические исследование поздних доисторических обществ на территории Синьцзяна. Шанхай: Шанхайгуцзи чубаньшэ, 2012. 549 с.

Информация об авторе:

Шульга Петр Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); shulgapi55@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-4684-8456

REFERENCES

Balabanova, M. A. 2026. In Rakhmatullina, Z. Ya., Savel'ev, N. S., Ovsyannikov, V. V. (eds.). *Yuzhnyi Ural v epokhu rannego zheleza i Velikogo pereseleniia narodov: sviazi i vzaimootnosheniia kultur (The Southern Urals in the Early Iron Age and the Migration Period: links and relationship of cultures).* Ufa: Institute of History, Language and Literature, Ufa Research Center, Russian Academy of Sciences, 5–7 (in Russian).

Borodovskii, A.P. 2009. *Traditsionnye i estestvennonauchnye metody datirovaniia pogrebalnykh kompleksov (po materialam Bystrovskogo nekropolia epokhi rannego zheleza) (Traditional and natural scientific methods of dating burial complexes (based on materials from the Bystrovka necropolis of the Early Iron Age)).* Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).

Borodovskii, A. P. 2017. In Nosov, E. N., Khvoshchinskaya, N. V. (eds.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 23. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 229–240 (in Russian).

Borodovskii, A. P., Orlova, L. A. 2001. In Chindina, L. A. (ed.). *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii: Materialy XII Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii (The space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent areas: Materials of the XII West Siberian archaeological and ethnographic conference).* Tomsk: Tomsk State University, 287–289 (in Russian).

Botalov, S. G. 2007. In Larichev, V. E. (ed.). *Altae-Sayanskaya gornaya strana i sosednie territorii v drevnosti (The Altai-Sayan mountain country and its neighbourhood in ancient times)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 61–83 (in Russian).

Botalov, S. G. 2009. *Gunny i tiurki (istoriko-arkheologicheskaia rekonstruktsiia) (The Huns and Turks (Historical and Archaeological Reconstruction).* Cheliabinsk: "Rifean" Publ. (in Russian).

Durakov, I. A., Mzhelskaya, T. V. 1995. In *75 let Novosibirskomu oblastnomu kraevedcheskomu muzeyu (75th anniversary of the Novosibirsk museum of regional studies)*. Novosibirsk: "Briarey" Publ., 47–65 (in Russian).

Zhelezchikov, B. F., Klepikov, V. M., Sergatskov, I. V. 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI-II vv. do n. e.) (Antiquities of Lebedevka (VI–II centuries BC).* Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Kadyrbaev, M. K., Kurmankulov, Zh. 1977. In Akisev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Otrare (Archaeological research in Otrar)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 103–115 (in Russian).

Kiryushin, Yu. F., Frolov, Ya. V. 1998. In *Drevnie poseleniya Altaya (Ancient settlements of the Altay)*. Barnaul: Altay University Publ., 110–136 (in Russian).

Kuznetsova, T. M. 2025. In *Stratum plus (Stratum plus)* (3), 27–55 (in Russian).

Yablonsky, L. T. (ed.). 1995. *Kurgany levoberezhnogo Ileka (Mounds of the left bank of Ilek)* 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Yablonsky, L. T. (ed.). 1995. *Kurgany levoberezhnogo Ileka (Mounds of the left bank of Ilek)* 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Yablonsky, L. T. (ed.). 1996. *Kurgany levoberezhnogo Ileka (Mounds of the left bank of Ilek)* 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Malashev, V. Yu., Yablonskii, L. T. 2004. In Yablonskii, L. T. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki rannego zheleznogo veka iuga Rossii (Archaeological sites of the Early Iron Age in the South of Russia)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research of Russian Archaeology) 6. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 117–146 (in Russian).

Mogil'nikov, V. A. 1980. In Martynov, A. I. (ed.). *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo (Scythian-Siberian cultural and historical unity).* Kemerovo: Kemerovo State University, 41–50 (in Russian).

Mogil'nikov, V. A. 1997. *Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tysyacheletiya do n. e. (Population of the Upper Ob river region in the middle – second half of the I millennium BC.)*. Moscow: Pushchino Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Mogil'nikov, V. A., Kuibyshev, A. V. 1982. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 113–134 (in Russian).

Mogil'nikov, V. A., Umanskii, A. P. 1995. In Mogil'nikov, V. A. (ed.). *Pamyatniki Evrazii skifo-sarmatskoi epokhi* (*Eurasian monuments of the Scythian-Sarmatian epoch)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19–31 (in Russian).

Moshkova, M. G. 1962. In *Pamyatniki skifo-sarmatskoi kul'tury (Monuments of the Scythian-Sarmatian Culture)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 115. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 204–241 (in Russian).

Myshkin, V. N. 2010. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* Vol. 12, no 6 (38), 265–267 (in Russian).

Myshkin, V. N. 2025. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 25 (2), 359–385 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2018. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 18, 43–62 (in Russian).

Pshenichnyuk, A. Kh. 2012. *Filippovka: nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale (Filippovka: Necropolis of Nomadic Nobility of the 4th c. BC in the Southern Urals).* Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the RAS (in Russian).

Ravich, I. G., Sirotin, S. V., Treister, M. Yu. 2012. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* 283 (4), 63–93 (in Russian).

Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rykun, M. P. 2011. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 72 (4–2), 173–178 (in Russian).

Sadykova, M. Kh. 1962. In Kuzeev, R. G., Salnikov, K. V. (ed.). A*rkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* I. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 88–122 (in Russian).

Sirotin, S. V. 2020. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 258, 181–200 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1968. In Vinogradov, A. V. et al. (eds.). *Istoriia, arkheologiia i etnografiia Srednei Azii (History, Archaeology and Ethnography of Central Asia).* Moscow: "Nauka" Publ., 116–121 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1975. *Sarmaty na Ileke (The Sarmatians on Ilek River).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tairov, A. D. 2004. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Kompleksnye issledovaniya drevnikh i traditsionnykh obshhestv Evrazii (Comprehensive Studies of the Ancient and Traditional Societies of Eurasia)*. Barnaul: Altai State University, 50–54 (in Russian).

Tairov, A. D. 2006. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* (1), 132–140 (in Russian).

Tairov, A. D. 2019. *Yuzhnyi Ural v epokhu rannikh kochevnikov (The Southern Urals in the Early Nomad Epoch)*. Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (History of the Southern Urals) 3. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Treister, M. Yu. 2012. In Treister M. Yu., Yablonsky, L. T. (eds.). *Vliianiia akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V—III vv. do n. e.) (Influences of Achaemenid Culture in the Southern Ural Region (5th—3th Centuries BC))* 1. Series: Drevniaia Torevtika i iuvelirnoe delo v Vostochnoi Evrope (Ancient Toreutics and jewelry in Eastern Europe) 5. Moscow: "TAUS" Publ., 120–133 (in Russian).

Troitskaya, T. N., Borodovskiy, A. P. 1994. *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya (Bolsherechenskaya Culture of the Forest-Steppe Ob Region).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Umanskii, A. P. 1980. In Okladnikov, A. P. (ed.). *Barnaulu 250 let (250 Years of Barnaul)*. Barnaul: Altai State University, 50–53 (in Russian).

Umanskii, A. P., Shamshin, A. B., Shul'ga, P. I. 2005. *Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'e Ob (Rogozikha-1 Scythian period burial ground on the left bank of the Ob river)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Umanskii, A. P., Shul'ga, P. I. 1999. In Demin, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii i istorii Iuzhnoi Sibiri (Issues of archaeology and history of Southern Siberia).* Barnaul: Barnaul State Pedagogical University, 43–81 (in Russian).

Shamshin, A. B., Demin, M. A., Navrotskii, P. I. 1992. In Umansky, A. P. (ed.). *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epokhi metalla (Issues of the Archaeology of the Altai and Western Siberia in the Metal Age)*. Barnaul: Barnaul State Pedagogical Institute Publ., 60–68 (in Russian).

Shul'ga, P. I. 2003. *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot' 4a (The Scythian Time Burial Ground Lokot' 4a)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Shul'ga, P. I. 2007. In Yablonsky, L. T., Tairov, A. D. (eds.). *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiia i khronologiia (Armament of the Sarmatians: Regional Typology and Chronology)*. Chelyabinsk: South Ural State University, 142–156 (in Russian).

Shul'ga, P. I. 2010. *Sin'tszyan v VIII–III vv. do n. e. (Pogrebal'nye kompleksy. Khronologiya i periodizatsiya) (Xinjiang in the 8th–3rd Centuries BC (Funerary Complexes. Chronology and Periodization)).* Barnaul: Altai State Technical University (in Russian).

Shul'ga, P. I. 2015. *Snariazhenie verkhovoi loshadi v Gornom Altae i Verkhnem Priob'e. Ch. II (sredneskifskoe vremya). (Saddle Horse Gear in Mountain Altai and Upper Ob Area. Part II (Middle Scythian Period).* Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).

Shul'ga, P. I., Golovchenko, N. N. 2025. *Mogil'nik skifskogo vremeni Kamen'-2 (Kamen-2 Scythian period burial ground).* Barnaul: Altai State Pedagogical University (in Russian).

Shul'ga, P. I., Oborin, Yu. V. 2021. In *Narody i religii Evrazii (Nations and Religion of Eurasia)* 26 (1), 7–24 (in Russian)

Shul'ga, P. I., Umanskii, A. P., Mogil'nikov, V. A. 2009. *Novotroitskii nekropol' (The Novotroitsk necropolis)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Shul'ga, P. I., Shul'ga, D. P. 2020. *Mogil'nik Mokhuchakhan' kul'tury chaokhu v predgor'yakh Tyan'-Shanya (Sin'tszyan, Kitai) (Xinjiang Mohuchahan cemetery (Chawuhu culture) in the Tien Shan foothills).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Yablonskii, L. T. 2010. *Prohorovka. U istokov sarmatskoi arkheologii (Prokhorovka. At the Origins of Sarmatian Archaeology).* Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

Guo, Wu. 2012. *Xinjiang shiqian wanqi shehui de kaoguxue yanjiu (Archaeological Research on Late Prehistoric Societies in Xinjiang).* Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House (in Chineese).

About the Author:

Shulga Petr I., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; shulgapi55@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0003-4684-8456

Статья поступила в журнал 16.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.2.342.349

КАМЕННАЯ ПОДВЕСКА С СЕРИЕЙ ТАМГ С ГОРОДИЩА ЗУЕВЫ КЛЮЧИ I

© 2026 г. С.А. Яценко

В статье анализируется полуовальная подвеска из мелового известняка, найденная в 1971 г. в разрушенном слое пьяноборской культуры. На ней изображено на менее 9 тамг сарматских типов. Определимые знаки связаны с ранними аланами Нижнего Дона и Северного Приазовья рубежа I–II вв. н.э. Аналогия этому артефакту – подвеска из жилища I в. н.э. на Сырском городище у Липецка. Еще один объект этой группы – подвеска из гагата на запястье лидера сарматской дружины в Чертовицком I, где почти все тамги принадлежат сарматам Верхнего Дона. Крупный, главный знак известен на восточных окраинах Боспора на подвесках из мягкого известняка. Речь идет о феномене культуры пограничья номадов среднесарматской культуры и оседлых племен Лесостепи и Лесной зоны середины I – середины II вв. н.э., о своеобразном маркере соглашений, отражающих союзы местных сарматских групп или (Зуевы Ключи I) связанных с прибыльной меховой торговлей. Автор приходит к выводу, что это были амулеты или мемориальные объекты, демонстрирующие роль 1-2 кланов в некоем групповом соглашении.

Ключевые слова: археология, тамги, каменные подвески с серией тамг, среднесарматская культура, торговые партнеры или союзники в лесной и лесостепной зонах, пьяноборская культура, контактные зоны кочевников и земледельцев, роль 1-2 влиятельных кланов, I-II вв. н.э.

STONE PENDANT WITH THE SERIES OF TAMGAS FROM ZUEVY KLYUCHI I HILLFORT

S.A. Yatsenko

The paper analyzes a semi-oval pendant made of cretaceous limestone which was discovered in 1971 in the destroyed layer attributed to the Piany Bor culture. The artifact bears at least nine tamgas of Sarmatian types. Identifiable signs are associated with early Alanic groups of the Lower Don and Northern Azov regions dating to the turn of the I–II centuries AD. An analogy to this artifact is a pendant from a I century dwelling near Syrskoe hillfort near Lipetsk. Another object of this group is a jet pendant on the wrist of the leader of the Sarmatian military group in Chertovitskoe I necropolis, where almost all tamgas belong to the Sarmatians of the Upper Don. A large, main tamga is known on the eastern periphery of the Bosporus on the pendants made of soft limestone. They were the phenomenon of the culture of the borderland of the Middle Sarmatian culture nomads and the sedentary tribes of the forest–steppe and the forest zones of the middle I – middle II centiries, distinctive marker of agreements reflecting alliances of the local Sarmatian groups or (Zuevy Klyuchi I) those related to the lucrative fur trade. The author comes to the conclusion that these were amulets or memorial items demonstrating the role of one or two clans within a broader collective agreement.

Keywords: archaeology, tamgas, stone pendants with tamga series, Middle Sarmatian culture, trading partners or allies in the forest and forest-steppe zones, Pyany Bor culture, contact zones of nomads and farmers, the role of 1-2 influential clans, I–II centuries.

Речь пойдет об одной давней и любопытной находке на Зуевоключевском I городище на р. Каме в Удмуртии (ср. Черных, 2018, рис. 1) (рис. 1). Она была сделана в 1971 г. в разведочной траншее В.Ф. Генинга, проведенной по линии север – юг, у ее северного окончания, в квадрате С/35, где присутствовали наиболее мощные слои ананьинской и пьяноборской культур, сильно поврежденные пахотой, на глубине около 30 см от поверхности (рис. 2). К сожалению, в полевой документации за этот сезон (в том числе в полевой описи) эта находка отражена весьма скупо. Здесь было обнаружено почти целиком сохранившееся изделие из мягкого камня (мелового известняка – опоки), длиной у ровного основания 7 см (рис. 3–4). Данные об обстоятельствах находки, ее детальные фотографии (сделанные в Национальном музее Удмуртской Республики) и вариант прорисовки, послужившие основой

Рис. 1. Зуевоключевское I городище (фото Е.М. Черных): 1 – вид с запада; 2 – вид с севера.
Fig. 1. Zuevy Klyuchi I hillfort (photo by E.M. Chernykh): 1 – view from the west; 2 – view from the north.

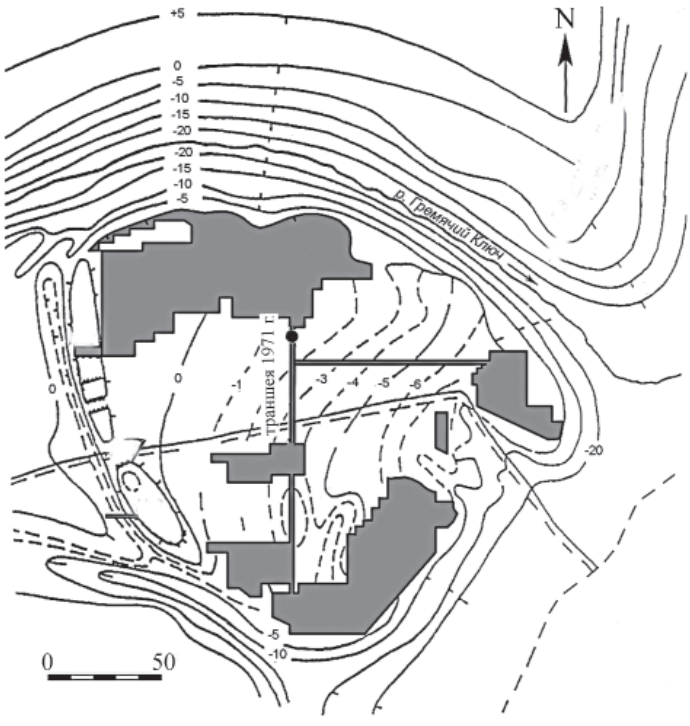


Рис. 2. Место находки каменной подвески (основа: Черных, 2018, рис. 1).
Fig. 2. Site of the stone pendant discovery (based on Chernykh, 2018, fig. 1).

Рис. 3. Подвеска из Зуевоключевского I городища, лицевая сторона (фото Е.М. Черных).
Fig. 3. Pendant from Zuevy Klyuchi I hillfort, front side (photo by E.M. Chernykh).

Рис. 4. Подвеска из Зуевоключевского I городища, оборотная сторона (фото Е.М. Черных).
Fig. 4. Pendant from Zuevy Klyuchi I hillfort, reverse side (photo by E.M. Chernykh).

для иллюстраций, были любезно предоставлены мне в конце 2024 – начале 2025 г. Елизаветой Михайловной Черных (УдГУ, Ижевск).

Артефакт имеет в основных своих плоскостях форму полуовала. Он мог стоять в вертикальном положении, т. к. имеется явно выраженное нижнее плоское основание; однако при этом в нем есть одно отверстие по нижнему краю, и он мог также, в силу небольшого размера, в других ситуациях (думаю – чаще) использоваться как подвеска (рис. 5). Поверхность изделия заглажена. Пострадали от времени прежде всего нижний и верхний края (это не удивительно, т. к. на них падала бóльшая нагрузка при непрочном материале). Вдоль правого края лицевой стороны подвески имеется нечто вроде полосы-рамки с двумя завитками на концах. Основными изображениями лицевой стороны была серия знаков типа тамг. К сожалению, из-за мягкости опоки часть тамг по ее левому краю видна плохо, а одна-две верхних сохранились из-за повреждений фрагментарно. Большую часть лицевой поверхности занимают два крупных и близких по форме знака родственных групп № 1–2. В целом изделие со скоплением клановых эмблем можно считать *своеобразным амулетом и/или мемориальным объектом*.

Аналогии почти всем тамгам на подвеске имеются у сарматов, в достоверно определя-

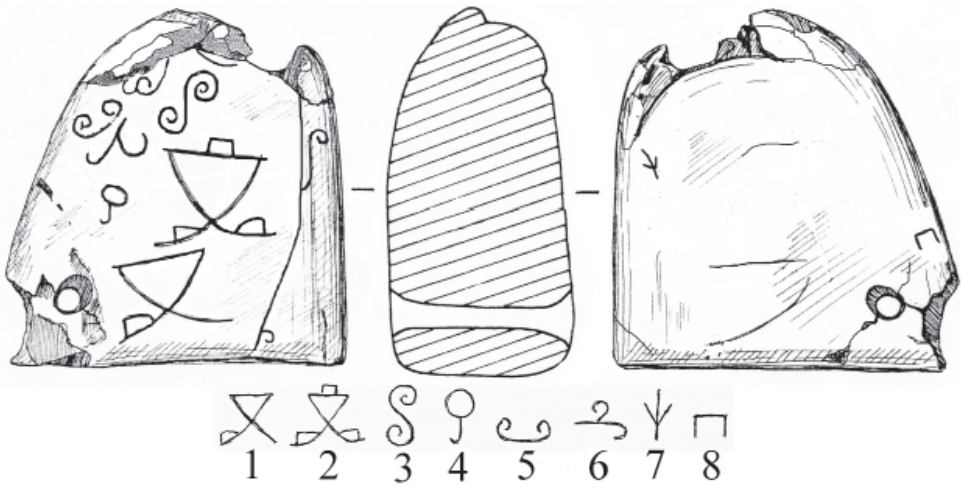


Рис. 5. Подвеска из Зуевоключевского I городища (основа – рис. Е.М. Черных) и типы тамг на ней.
Fig. 5. Pendant from Zuevy Klyuchi I hillfort, (based on the drawing by E.M. Chernykh) and the types of tamgas.

емых случаях – в памятниках *среднесарматской культуры* середины I – середины II вв. н. э. Близкую аналогию по конструкции знаку № 1 имеет тамга на той же плите из Танаиса, а позже – во II–III вв. – в Семеновке (Европейский Боспор) (Драчук, 1975, табл. IX, № 613). Знак № 3 бытовал у знатного сарматского клана к началу I в. до н. э. и известен на закладной плите из боспорской крепости Артезиан, а в 46 г. н. э. – уже на золотом статере боспорского царя Митридата III/VIII; к рубежу I–II вв. н. э. он документирован у аланской аристократии низовьев Дона (тавро из Кирсановского III). Эта эмблема имеет богатую историю и у синхронных иранских элит в разных областях Средней Азии (Яценко, 2026a, рис. 1–5; 10–11). Тамга № 4 гравирована в скоплении на плите из Танаиса (№ II-205 в Новочеркасском музее истории донского казачества), на которой определимые знаки относятся к среднесарматскому времени (Яценко, 2026a, с. 74, рис. 23, b), и в сарматской серии на стенах уже полуразрушенного храма Байте III (Яценко и др., 2019, с. 82, рис. 6, № 5–6). Знак № 5 использовался в Северном Приазовье того же среднесарматского периода (Яценко, 2001, рис. 1, 1; 5, № 62).

Две маленьких тамги на противоположных концах оборотной стороны также бытовали у сарматов I–III вв. н. э., но районы проживания кланов-владельцев неясны, т. к. они встречены лишь в крупных скоплениях на ритуальных объектах. Знак № 7 известен на знаменитой «писаной плите», найденной в 1871 г. в Керчи (Драчук, 1975, табл. XXXVIII, № 288–289) и на наконечнике стрелы пьяноборской культуры (в погребении 18 в Чиатавском). В последней эмблемы типа тамг появились именно в среднесарматское время под влиянием кочевого импульса (Саттаров, Красноперов, Камалеев, 2024, с. 166, рис. 3, 1). Знак № 8 гравирован на стенах храма Байте III (Яценко и др., 2019, с. 82, рис. 6). Интересно, что *пара равновеликих тамг* фигурирует как самые крупные на лицевой стороне и единственные – на оборотной. Такая пара связана с особыми отношениями представителей двух кланов (знаки № 1 и 2, к тому же, близки по форме) (Яценко, 2001, с. 81-83).

В целом определимые на сегодня сарматские тамги на подвеске можно связать *с низовьями Дона и Северным Приазовьем середины I – середины II вв.*, где, судя по данным Флавия, Гегесиппа и Птолемея, в это время обитала самая активная из кочевых группировок Степи – ранние аланы. Ее можно считать *амулетом и/или мемориальным объектом* (в связи с неким важным событием).

Описанная подвеска из мягкого камня с серией тамг не уникальна для Лесостепи и лесной зоны Восточной Европы I–III вв. Близкой аналогией ей можно считать подвеску, найденную в жилище I в. н. э. *на Сырском городище* под Липецком, в контактной зоне оседлых племен и сарматов; вначале ее приняли за глиняную (Бирюков, 1998; 2009; Яценко, 2001, рис. 24, III–IV) (рис. 6). Интересно, что этот предмет, при наличии четырех тамг, остался недоделанным (оба отверстия в торце не завершены; после их завершения предмет мог быть подвешен на двух параллельных ремешках). Это изделие имело две основные плоские поверхности и могло лежать тамгами

Рис. 6. Предмет из Сырского городища:
1 – рис. автора; 2 – (Бирюков, 2009, с. 4).
Fig. 6. Artifact from Syrskoe hillfort: 1 – drawing by the auhtor; 2 – (Biryukov, 2009, p. 4).

вверх, но главным образом предназначалось для подвешивания.

Основным знаком, занимающим большую часть лицевой стороны, является здесь тамга № 1, имеющая близкую аналогию на Азиатском Боспоре (Анапская Батарейка) в то же, среднесарматское время (Сапрыкин, Масленников, 2007, № 972; Яценко, 2009, рис. 1, I, 24).

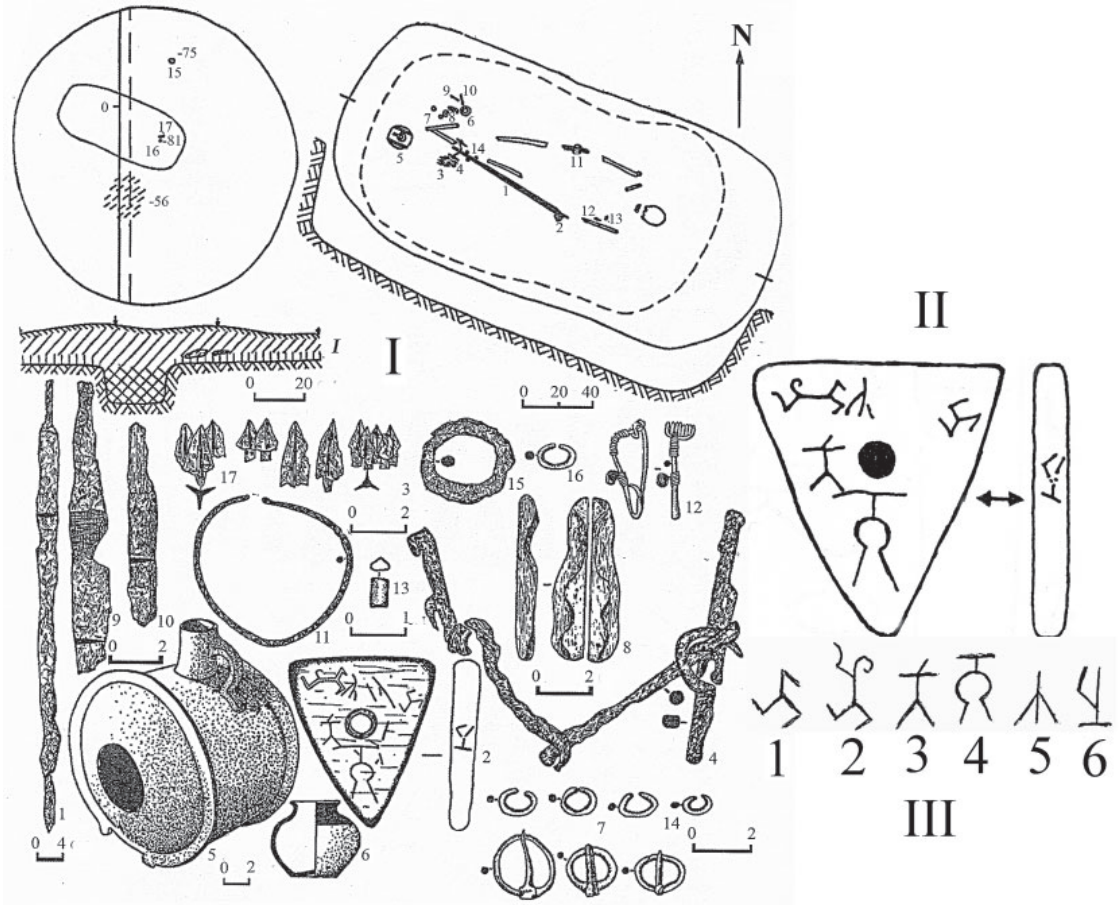


Рис. 7. Курган 6/11 Чертовицкого I могильника (Медведев, 2008, рис. 24), гагатовая подвеска с тамгами и их типы (II–III – рис. автора).
Fig. 7. Barrow 6/11 at the Chertovitskoe I necropolis (Medvedev, 2008, fig. 24), a jet pendant with tamgas and their types (II–III – drawing by the author).

Знак № 2 уникален. Что касается двух самых малых, «периферийных» знаков, то тамга № 4 известна в скоплении, датированном 1-й половиной II в. н. э., в Беюк-Дегне (Яценко, 2001, с. 76, рис. 26, а), № 3 документирована позже для «варварских» районов Юго-Восточного Крыма (Курское) (Яценко, 2001, рис. 6, № 6а). В целом определимые знаки здесь связаны с окраинами Боспора.

Еще одним миниатюрным предметом из мягкого камня с серией тамг является гагатовая подвеска, обнаруженная также в верховьях Дона. Она найдена в сарматском *кургане 6/11 среднесарматского некрополя Чертовицкое I* в Воронежской области, в могиле мужчины-воина I в. н. э. (Медведев, 1990, с. 41, рис. 12; 2008, рис. 24; Яценко, 2001, с. 24, 3) (рис. 7). А.П. Медведев уверен, что это подвеска к рукояти меча, т. к. она найдена у его рукояти. У меня иное мнение, т. к. среди деталей сарматских мечей такой элемент достоверно не известен; при этом он найден у левого запястья и, видимо, был амулетом на шнурке. Сарматский некрополь здесь вплотную подходит городищу местного оседлого населения. Мужчина из кургана 6, как и его сосед из кургана 4 (оба размещены рядом и в центре некрополя), по ряду признаков являлся местным лидером. В целом Чертовицкий I входит в число всего трех сарматских могильников с поголовным вооружением умерших мужчин, оставленных небольшой кочевнической *дружиной*, контролировавшей местных, – видимо, значимых данников (Яценко, Вдовченков, 2015, с. 173).

Обе основные стороны предмета плоские, а форма треугольная. Почти все типы тамг здесь пока уникальны, отражая специфику верхнедонских сарматов-гиппофагов. Лишь один из них представлен в скоплении знаков на сарматском «брачном» зеркальце-подвеске из могилы 47 некрополя Бельбек IV, датируемой 100–125 гг. н. э. (Яценко, 2018, рис. 1). Замечу, что на этом же зеркальце-амулете находим изображения и тамги № 8 Зуевоклю-

чевского I, и близкого аналога тамге № 3 на чертовицкой подвеске. Центральным и самым крупным знаком здесь является местная тамга № 4. Эта подвеска имеет отверстие в центре; она тонка, но тем не менее на одном из торцов посчитали нужным изобразить одну из шести тамг. Небольших гагатовых изделий с сериями тамг у кочевников Великой степи античного времени известно все два (!). Второе обнаружено примерно в 3000 км к юго-востоку от Чертовицкого по современным дорогам – на северной окраине древнего Чача, у нынешней границы Южного Казахстана и Узбекистана, в степи Чардара, в кургане 21 некрополя Жаман Тогай, датированном II–I вв. до н. э. (Яценко и др., 2019, с. 201, рис. 1, 1) (рис. 8: 1). Речь там идет о новых мигрантах с востока, принесших с собой, среди прочего, ряд элементов культуры хунну.

Стоит обратить внимание на еще один миниатюрный предмет с серией разнотипных тамг, в котором также имелись отверстия для подвешивания. Читатель уже догадался, что он тоже встречен в контактной зоне сарматов с оседлыми культурами, в данном случае – с даками. Это костяной амулет I – начала II вв. с поселения Пояна в восточной Румынии. Здесь Сирет и его притоки выходят на Нижнедунайскую низменность; на поселении в целом обнаружено необычно большое количество сарматских знаков на разных изделиях (Beldiman, 1990; Воронятов, 2014, с. 69–72, рис. 5, 2; Яценко, 2020, с. 414–415, рис. 5) (рис. 8: 2). На подвеске изображены в три яруса семь тамг (священное число), но при этом все они – одного размера.

В целом перед нами феномен культуры *сарматских контактных зон с земледельческими обществами среднесарматского времени* (2-я половина I – 1-я половина II в. н. э.) (см. также: Яценко, 2026б, рис. 1). В собственно сарматской степи таких изделий не известно. Это предметы с 4–7/8 тамгами на лицевой стороне (из которых *выделяются размером лишь одна или же – две близкородственных родственных*, как в Зуевых Ключах), а иногда и на оборотной или на торце. Эти небольшие артефакты, сделанные из очень мягких пород камня, которые можно было подвешивать на одном-двух шнурках. На собственно земледельческих городищах эти подвески найдены в жилой зоне (на Сырском – в жилище), в примыкавших к ним сарматских некрополях – у запястья предводителя небольшой дружины. Думаю, они во всех случаях связаны *с мужской субкультурой*. Важно и то, что *главная тамга на обеих подвесках из мелового известняка связана с сарматами, отметившимися в восточных районах Боспора* (Танаис, округа Горгиппии) – на расстоянии не менее 1900 км по современным дорогам от Удмуртии (у предводителя сарматской дружины в Чертовицком – знак местных, верхнедонских сарматов). Небольшие известняковые подвески говорят нам в одних случаях *о партнерских отношениях части сарматских групп с некоторыми племенами Лесостепи и лесной зоны*, направленных на обеспечение меховой торговли (Зуевоключевское)[1], или (в более южных регионах у границы со Степью) *о соглашениях представителей живших недалеко друг от друга сарматских групп* и являются одним из маркеров двух таких процессов. Эти изделия могли *демонстрировать решающую роль одного-двух кланов* (тамги бóльшего размера и с центральным размещением) *в организации некоего совместно-*

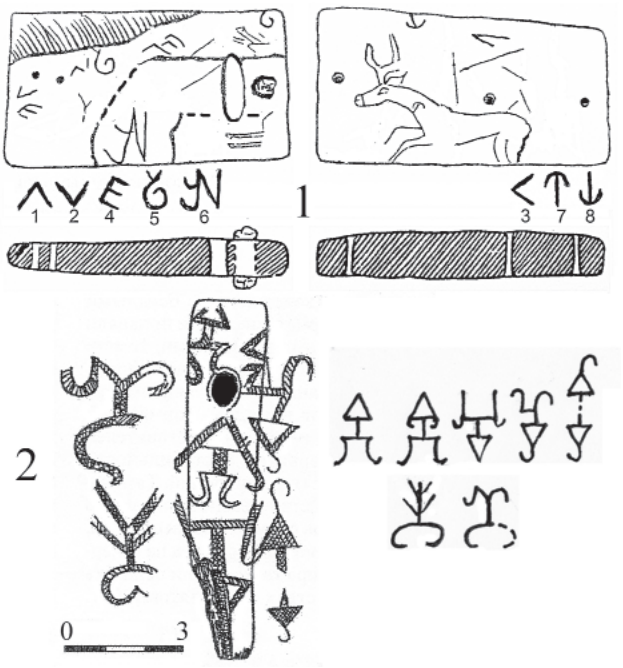


Рис. 8. Аналоги рассматриваемым изделиям: 1 – гагатовая пряжка из кургана 21 могильника Жаман Тогай (Яценко и др., 2019, рис. 1, 1); 2 – костяной предмет с поселения Пояна (Воронятов, 2014, рис. 5, 2).
Fig. 8. Analogues to the items under study: 1 – a jet buckle from barrow 21 at the Zhaman Togai necropolis (Yatsenko et al., 2019, fig. 1, 1); 2 – a bone item from the Poiana settlement (Voronyatov, 2014, fig. 5, 2).

го соглашения, скреплявшегося клятвой и пирушкой (ср. Яценко, 2001, с. 80–81).

Вместе с тем на территории пьяноборской культуры известны и такие специфические сарматские женские амулеты, как зеркала-подвески, обычно считающиеся брачным атрибутом, данным девушкам, выходившим замуж за чужаков (Яценко, 2018, с. 218–220). Контакты сарматов с поздней дьяковской и мощинской лесными культурами верховьев Оки проявились и в попадании серии сарматских тамг на местные предметы женского костюма (детали поясов, подвески, браслеты). Интересно, что все аналогии таким тамгам *тоже связаны с сарматами, жившими на Боспоре* и такие знаки попали туда, похоже, уже со 2-й половины II в. н. э., после экспансии племен позднесарматской культуры (Яценко, 2020, с. 413–414, рис. 4).

Итак, небольшой предмет, найденный в разведочной траншее и связанный с пьяноборской культурой, дает повод поразмыслить над некоторыми сторонами взаимоотношений кочевых и оседлых культур Восточной Европы в I–II вв. н. э.

Примечание:

[1] Меховая торговля в Танаисе и Пантикапее, судя по Страбону (Geogr. II. 4. 15), была важной статьей доходов сарматов уже к концу I в. до н. э. Римская знать охотно покупала в регионе бобровые шкурки (Plin. HN. XXXII. 110). Кочевые сарматские страны Янь (Южный Урал) и Лю, граничащая с владениями Рима/Дацинь (Волго-Дон), в качестве вассалов южноказахстанской «кочевой империи» Кангюй, «весьма сильно зависевших от него», в конце I – начале III вв. н. э. платили большую дань северными мехами, прежде всего «соболем, который славился» (в Китае – Я.С.) (пер. Ю.А. Зуева) (См. Хоуханьшу, 88; Вэйши, III, 6а).

ЛИТЕРАТУРА

Бирюков И.Е. Материалы сарматского времени с Сырского городища в Верхнем Подонье // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6 / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: ВолГУ, 1998. С. 94–100.

Бирюков И.Е. Государственной дирекции по охране культурного наследия Липецкой области 20 лет // Археологические открытия 2009 г. в Липецкой области / Отв. ред. А.А. Найденов. Липецк: Кватро, 2009. С. 4.

Воронятов С.В. Формы взаимоотношений кочевников с внешним миром в отражении ареалов сарматских знаков-тамг // Уфимский археологический вестник. Вып. 14 / Отв. ред. С.Н. Савельев. Уфа: УФИЦ РАН, 2014. С. 66–76.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья (Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры). Киев: Наукова думка, 1975. 176 с.

Медведев А.П. Сарматы и Лесостепь. Воронеж: ВГУ, 1990. 220 с.

Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.

Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти с хоры античного Боспора. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Україна, 2007. 320 с.

Саттаров Р.Р., Красноперов А.А., Камалеев Э.В. Знаки на наконечниках стрел из памятников пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2024. № 1 (47). С. 155–172.

Черных Е.М. На перекрестке речных путей: об особенностях функционирования ананьинского городища у д. Зуевы Ключи в Нижнем Прикамье // Stratum plus. 2018. № 3. С. 267–290.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.

Яценко С.А. Знаки собственности сарматского облика (gakk/nishan) в сельских районах Боспорского царства I-III вв. н.э. // Древности Боспора. Т. 13 / Гл. ред. А.А. Масленников. М.: ИА РАН, 2009. С. 539–552.

Яценко С.А. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии // Stratum plus. 2018. № 6. С. 217–242.

Яценко С.А. Использование сарматских тамг западными и северными соседями сарматов в I-IV вв. н.э. // Археологическое наследие. 2020. № 1. С. 409–420.

Яценко С.А. Царские тамги / нишан Боспора // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 19 / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Ставрополь: Печатный двор, 2026а (в печати).

Яценко С.А. Тамги сарматского облика из поселений Северного Причерноморья: историко-культурный контекст // Проблемы культурогенеза сарвоматской и сарматских культур. Материалы XII международной конференции / Отв. ред. В.Ю. Малашев. Владикавказ: Ир, 2026б (в печати).

Яценко С.А., Вдовченков Е.В. О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской Степи // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 172–176.

Яценко С.А., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Табалдыев К.Ш., Баратов С.Р., Ильясов Дж.Я., Бабаяров Г.Б. Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019.452 с.

Beldiman C. Semne de tip tamga din Dacia preromană // Thraco-Dacia. 1990. T. XI. Nr. 1–2. P. 139–151.

Информация об авторе:

Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва, Россия); sergey_yatsenko@mail.ru

REFERENCES

Biryukov, I. E. 1998. In Mamontov, V. I. (ed.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 6. Volgograd: Volgograd State University, 94–100 (in Russian).

Biryukov, I. E. 2009. In Naidenov, A. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2009 g. v Lipetskoi oblasti (Archaeological Discoveries of 2009 y. in Lipetsk Region*). Lipetsk: "Kvatro" Publ., 4 (in Russian).

Voronyatov, S. V. 2014. In Savel'ev, S. N. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 14. Ufa: UFIC RAS, 66–76 (in Russian).

Drachuk, V. S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ia (Tamgoobraznye znaki severopontiiskoi periferii antichnogo mira pervykh vekov nashei ery). (Sign Systems of the Northern Black Sea Region (Tamga Signs of the Northern Pontic Periphery of the Ancient World of in First Centuries of the Common Era).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Medvedev, A. P., 1990. *Sarmaty i Lesostep' (The Sarmatians and the forest-steppe zone)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Medvedev, A. P. 2008. *Sarmaty v verkhov'yakh Tanaisa (The Sarmatians in the Upper Reaches of the Tanais*). Moscow: "Taus" Publ., 2008. 252 s.

Saprykin, S. Yu., Maslennikov, A. A. 2007. *Graffiti i dipinti s khory antichnogo Bospora (Graffiti and dipinti from the chora of the ancient Bosporus).* Simferopol; Kerch: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

Sattarov, R. R, Krasnopeorov, A. A., Kamaleev, E. V. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 47 (1), 155–172 (in Russian).

Chernykh, E. M., 2018. In *Stratum plus* (3), 267–290 (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Tamga-Signs of the Iranian-speaking peoples of Antiquity and the Early Middle Ages*). Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2009. In Maslennikov, A. A. (ed.). *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 13. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 539–552 (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2018. In *Stratum plus* (6), 217–242 (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2020. In *Arkheologicheskoe nasledie (Archaeological Heritage)* (1), 409–420 (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2026a. In Prokopenko Yu. A. (ed.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of culture of the North Caucasus peoples)* 19. Stavropol: "Pechatnyy Dvor" Publ. (in press) (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2026b. In Malashev, V. Yu. (ed.). *Problemy kulturogeneza sarvomatskoi i sarmatskikh kultur (Issues of cultural genesis of the Sauromatian and Sarmatian cultures).* Vladikavkaz: "Ir" Publ. (in press) (in Russian).

Yatsenko, S. A., Vdovchenkov, E. V., 2015. In *Znanie. Umenie. Ponimanie (Knowledge. Understanding. Skill)* (1), 172–176 (in Russian).

Yatsenko, S. A., Rogozhinskii, A. E., Smagulov, E. A., Tabaldyev, K. Sh., Baratov, S. R., Ilyasov, J. Ya., Babayarov, G. B. 2019. *Tamgi doislamskoi Tsentralnoi Azii (Tamgas of Pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: IICAS (in Russian).

Beldiman, C. 1990. In *Thraco-Dacia*. T. XI. Nr. 1–2, 139–151.

About the Author:

Yatsenko Sergey A. Doctor of Historical Sciences, Russian State University for the Humanities, Miusskaya pl., 6, Moscow, 125993, Russian Federation; sergey_yatsenko@mail.ru

Статья поступила в журнал 24.02.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКИО – Ананьинская культурно-историческая область
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
БРЭ – Большая российская энциклопедия. М.
ВА – Вопросы антропологии
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИК – главная инвентарная книга
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИС – геоинформационная система
ГРМ – Государственный Русский музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЕСВ – европейский Северо-Восток
ИА РАН – Институт археологии РАН.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИИ АН РТ – Институт истории АН РТ
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИОКМ – Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьев-Амурского
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ
КНИЭ – комплексная научно-исследовательская экспедиция
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН/ СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры АН СССР/ Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В.М. Васильева
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
МАЭ ИАЭ УНЦ РАН – Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН.
МИА – Материалы и исследования по археологии
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
МИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
МК РФ – Министерство культуры Российской Федерации
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан
НМ РБ. ДФ. НВ – Национальный музей Республики Башкортостан. Документальный фонд. Научно-вспомогательный фонд.
НМ РБ. ДФ. ОФ – Национальный музей Республики Башкортостан. Документальный фонд. Основной фонд.
НМ РБ НА – Национальный музей Республики Башкортостан. Научный архив.
НМ РБ ФА ОФ – Национальный музей Республики Башкортостан. Фонд археологии. Основной фонд.
НПЦ по ОИПИКРО – Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области
ОАК – Отчеты Археологической комиссии. СПб.; Пг.
ОАН – объект археологического наследия
ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
ПК – поздняковская культура
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
РГО – Российское географическое общество
РЖВ – ранний железный век
РНФ – Российский научный фонд
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СыктГУ – Сыктывкарский государственный университет
Труды КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
УАВ – Уфимский археологический вестник
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря
№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года
№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года
№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года
№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года
№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year
Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year
Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year
Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year
Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year
Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
Технический редактор *И.А. Першагина*
420111 г. Казань, ул. Баумана, 20
Дата подписи в печать 29.04.2026
Дата выхода в свет 30.04.2026
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 40,92
Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографи "Orange Key"
420015, г. Казань, ул. Галактионова, 14

16+